АКАДЕМИЯ НАУК СССР

И. М. ДЬЯКОНОВ

ИСТОРИЯ МИДИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ
АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

И. М. ДЬЯКОНОВ

ИСТОРИЯ МИДИИ

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА IV ВЕКА ДО Н. Э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1956

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
К. В. ТРЕВЕР

ОТ АВТОРА

Мидийское государство и предшествовавшее ему государство Манна представляли собой в древности значительные державы. Особенно значительной и важной была историческая роль Мидийской державы, несмотря на относительную кратковременность ее существования. Мидия свергла многовековое иго Ассирии, которой была подчинена почти вся западная Азия, отразила скифское нашествие и вовлекла в государственную жизнь целый ряд народов, ранее живших первобытным строем. В пределах Мидийской державы, повидимому, впервые получила официальное распространение разновидность тех учений, которые впоследствии легли в основу догматической религии зороастризма и которые сыграли немаловажную роль в идеологическом развитии древнего мира.

Мидия была в значительной своей части расположена на территории, впоследствии получившей имя Азербайджана, — в той области, которая лежит к югу от реки Аракса; власть Мидии распространялась, как кажется, временами и на территорию к северу от него (Азербайджанская ССР). Само наименование Азербайджана восходит к названию Атропатенской Мидии, и нет сомнения, что в сложном, многостороннем и длительном процессе сложения азербайджанской нации мидийский этнический элемент сыграл очень важную, в известные исторические периоды — ведущую роль. Понятен поэтому тот живой интерес, который привлекают к себе проблемы истории Мидии в среде азербайджанской общественности. Настоящая книга, написанная для Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР, должна в какой-то мере дать ответ на некоторые из этих проблем.

Книга эта не ставит себе целью непосредственное освещение чрезвычайно сложных и важных вопросов происхождения и формирования азербайджанского народа, для разрешения которых автор, по характеру своей квалификации как историка и филолога в области только Древнего Востока, ни в малейшей мере не считает себя подготовленным. Она посвящена исключительно истории собственно мидийской государственности, причем не на всем протяжении ее истории, а лишь от древнейших времен до момента создания государства Мидии Атропатены и отделения его от так называемой Нижней, или Большой, Мидии, которая в дальнейшем уже не имела отношения к истории Азербайджана. История самой Атро-

патены, требующая привлечения источников, лежащих за пределами компетенции автора, не входит в круг исследуемых здесь проблем.

Предлагаемая вниманию читателя книга не представляет собой курса истории Мидии, а является прежде всего исследованием по истории этой страны. Поэтому в ней не всегда возможно было выдержать равномерное изложение исторического процесса. Некоторым вопросам, требовавшим специального разбора и рассмотрения, уделено больше места и внимания, что иной раз приводило к известному отвлечению внимания от основной линии изложения; другие разделы, в которых не было возможности или необходимости производить специальные изыскания, изложены более сжато, и, быть может, изложение в них более последовательно с точки зрения этой основной линии. Хотя, возможно, такая структура книги отчасти может затруднить более широкого читателя, все же, как кажется автору, книга представит интерес не только для специалиста; поэтому автор стремился сделать изложение в основном тексте по возможности ясным и доходчивым, а построение этого основного текста — таким, что читатель сможет найти в книге не только специальные экскурсы, но и в первую очередь изложение самой истории Мидии.

В то же время перед автором стояла еще и другая, отдельная задача. Книга должна была явиться как бы первичным сводом имеющегося материала, хотя и не претендующим на исчерпывающую полноту, но все же могущим оказать помощь при дальнейшем исследовании затронутых проблем, а также при работе над вопросами происхождения и формирования этнических элементов, вошедших в состав азербайджанского народа. Поэтому автор уделил, в частности, много места данным для суждения о вопросах языка и племенной структуры, хотя сам отнюдь не ставил себе собственно историко-лингвистических и этногенетических задач.

Для того чтобы этот свод материала не мешал историческому изложению, максимальное количество данных, представляющих более специальный интерес, отнесено в примечания. Хотя эти примечания и являются подстрочными, однако чтение их параллельно с основным текстом, ввиду их объема, излишне затруднит восприятие изложения, поэтому к примечаниям рекомендуется обращаться преимущественно при повторном или более углубленном чтении, при пользовании книгой в справочном порядке и т. п. Примечания эти рассчитаны на читателя-специалиста.

Несмотря на то, что справочный материал отделен, таким образом, от самого повествования, стремление охватить данные источников возможно более полно не могло, разумеется, не сказаться в какой-то степени и на перегрузке конкретным материалом также и основного текста. Это в особенности касается, быть может, главы II, в которой излагается трудная для восприятия (ввиду крайней политической раздробленности территории, о которой идет речь) военная история ассирийской агрессии против Мидии. Этот недостаток мог бы быть устранен в курсе истории, но в книге, носящей исследовательский и в то же время свод-

ный по материалу характер, трудно было избегнуть изложения целого ряда деталей. Полагаю все же, что эти детали не затемняют основной линии развития исторического процесса.

Автор отдает себе полный отчет в том, что на многие обстоятельства истории Мидии можно взглянуть и иначе, чем это сделал он. Исключительная скудость и односторонность источников, а для ряда периодов — и исключительная их противоречивость, вынуждает каждого исследователя давать широкий простор гипотетическим построениям. Ни в одной области древней истории не создано столько разнообразных, противоречивых и часто фантастических концепций, касающихся хронологии, политической истории и других сторон историографии, как именно в области истории Мидии. Разумеется, что гипотезы и предположения не отсутствуют и в настоящей книге, хотя автор и стремился наложить узду на фантазию и строить свои предположения строго на основании объективных данных. При этом всегда оговаривается предположительность тех или иных заключений, во избежание навязывания читателю недостаточно твердо установленных выводов. Естественно, что тот внешний ход событий, который реконструируется автором, нельзя рассматривать как во всех своих частях непоколебимо установленный. Ничто не может быть дальше от замысла автора, как попытка построить окончательную схему истории Мидии. Предлагаемую книгу хочется рассматривать не как конец, а как начало работы над созданием истории Мидии в советской науке.

Наибольшие трудности стояли перед автором при реконструкции хода развития социально-экономической истории Мидии. Здесь пришлось столкнуться с очень большой скудостью данных в источниках. Однако марксистско-ленинская теория исторического процесса дает здесь прочную опору для исследователя. Обстоятельства, сопровождающие образование рабовладельческого общества и его первые шаги по пути развития, сейчас настолько разработаны в теоретическом плане советской наукой, что по отдельным разрозненным фактам, косвенным признакам и т. п. можно с большой долей уверенности восстановить ход процесса в целом и наличный для каждого данного периода этап его развития.

Есть и другая тяжело преодолимая трудность, с которой пришлось столкнуться автору: имеющиеся источники, настолько скудные, что из всякого наличного материала буквально приходится по капле выжимать все возможные сведения, в то же время являются по своему характеру разнородными (археологические, письменные, языковые), а наиболее важные — письменные источники, кроме того, и разноязычными. В самом деле, необходимые для реконструирования истории Мидии письменные источники написаны на языках шумерском, аккадском (вавилонском и ассирийском диалектах), эламском, урартском, древнеперсидском, авестском, древнееврейском, греческом, латинском, древнеармянском, и при этом почти столь же многочисленными видами письменности. Для изучения

имен (являющихся также важным историческим источником) и вообще лингвистических материалов необходимо привлекать также языки хурритский, различные языки Ирана, арамейский и т. д. Разумеется, ни один историк не может в полной и равной мере владеть филологией столь разнообразных языков. В работе над настоящей книгой автору чрезвычайно помогало то обстоятельство, что он является не только историком, но и лингвистом, и общелингвистическая подготовка облегчала для него привлечение материалов даже тех языков, в которых он не является специалистом. Однако, хотя, где это было возможно, автор обращался к источникам в оригинале, тем не менее для Авесты и части других иранских источников, а также армянских ему приходилось прибегать к переводам.

Что касается источников на остальных языках, то автор, естественно, владеет ими в различной степени; вполне самостоятельным исследователем он может себя считать лишь в области клинописных языков. Поэтому он счел долгом консультироваться по ряду вопросов у филологов-специалистов. В связи с этим хочется с большой благодарностью отметить советы и помощь, полученные от В. А. Лившица в области иранской филологии, от С. В. Поляковой в области античной филологии и от К. Б. Старковой в области древнееврейской филологии. Разумеется, что указанные лица, оказавшие автору содействие своими советами, ни в коей мере не несут ответственности за текст книги, как он вылился из-под пера автора, и за возможные погрешности или ошибки, которые он мог допустить.

Но если в отношении письменных и языковых источников можно сказать, что они привлечены со всей доступной автору полнотой и тщательностью и подвергнуты им специальному исследованию, то иначе обстоит дело с археологическими, антропологическими и тому подобными материалами. Автор, не являясь археологом, пользовался здесь готовыми выводами археологической науки, ни в коей мере не пытаясь дать материал полностью и самостоятельно анализировать его. Читатель не найдет в предлагаемой книге очерка археологии Мидии, хотя археологические данные, разумеется, в общем виде использованы в числе других исторических источников для восстановления исторической картины. Но в основном работа построена по письменным источникам и отчасти на анализе языкового материала. Такое построение вполне оправдано тем обстоятельством, что только предистория Мидийского государства до известной степени освещена пока археологическими памятниками, наиболее же важный для нас период существования великой Мидийской державы этими памятниками не освещен совершенно.

Автор надеется, что археологические и другие проблемы истории Мидии, как затронутые, так и не затронутые в его работе, найдут себе в дальнейшем более тщательных исследователей, для работы которых предлагаемая книга, быть может, принесет известную пользу.

В заключение хочется принести благодарность азербайджанской общественности, сочувственно следившей за ходом работы над этим исследо-

ванием и стремившейся всемерно облегчить труд автора, Академии наук Азербайджанской ССР и в особенности дирекции и коллективу ее Института истории и философии, создавшим исключительно благоприятные условия для написания этой монографии.

Несколько слов касательно применяемых в книге транскрипций. В основном они соответствуют нормам, общепринятым для каждого данного древнего языка. Исключение составляет транскрипция греческих слов.

В тех случаях, когда целью привлечения языкового материала (и, в частности, материала имен) было дать читателю возможность судить о вопросах языковой принадлежности, языкового родства и т. п., традиционная передача греческих слов казалась автору затрудняющей тех из читателей, которые не являются специалистами в области античных языков. Обычно, как известно, греческие слова передаются либо греческими же буквами, либо в традиционной латинской транскрипции, выработанной еще в древнем Риме. Однако, при таком способе передачи греческих слов, читатель, не знакомый с историей античных языков, получает неправильное представление о степени точности передачи мидийских и других слов и имен древними греками. Откуда читателю, не владеющему латинским и греческим языками, — а таковых среди читателей этой книги большинство, — знать, что «ипсилон» («игрек»), обычно условно читаемый нами в латинской транскрипции как «и», в греческом языке времен Геродота означал звук «у», что «зета» (в латинской транскрипции z) произносилась как «зд», что буква «хи» (латинское ch) читалась не «х», а «к» с придыханием, и так далее? Между тем эти факты имеют часто немаловажное значение для оценки приводимого языкового материала. Поэтому мы решились порвать с традицией и дать следующую транскрипцию греческих букв (табл. 1).

Таблица 1

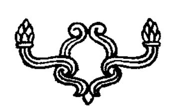
Греческие буквы	Транскрипция		Греческие буквы	Транскрипция		Греческие буквы	Транскрипция	
	традиционная	принятая в книге		традиционная	принятая в книге		традиционная	принятая в книге
Α α	a	a	Κ κ	k	k	Τ τ	t	t
Β β	b	b	Λ λ	l	l	Υ υ	y	u
Γ γ	g	g	Μ μ	m	m	Φ φ	ph	ph
Δ δ	d	d	Ν ν	n	n	Χ χ	ch	kh
Ε ε	e	e	Ξ ξ	x	k͜s	Ψ ψ	ps	p͜s
Ζ ζ	z	z͜d, z	Ο ο	o	o	Ω ω	o	ō
Η η	e	ē	Π π	p	p	Ου	u	ou
Θ ϑ	th	th	Ρ ρ	rh, r	rh, r			
Ι ι	i	i	Σ σ ς	s	s			

В целях простоты и более легкой отождествимости слов авестского языка со словами других языков мы отбросили в транскрипции некоторые тонкости авестской орфографии, в частности эпентетические гласные, и писали Harvatāt вместо Haurvatāt, -pati вместо -paiti и т. д. Дифтонги мы писали этимологически — ai, au вместо aē, ao. Авестское графическое š (этимологически rt) передается как r͜t. В ряде случаев в авестских и древнеперсидских словах мы давали форму основы (с дефисом на конце) вместо формы именительного падежа.

При транскрипции слов других языков мы применяли сочетания ph, kh, th и т. п. для передачи придыхательных согласных;[1] греческие буквы β, γ, δ, χ, ϑ применялись в тексте латинской транскрипции исключительно для передачи щелевых согласных: δ — как звонкое, ϑ — как глухое английское междузубное th; γ — как «г» в слове «богатый» в южнорусском произношении или как азербайджанское «ғ»; χ (x, в семитских языках ḫ) передает «х», более резкое, чем в русском; β — звук, средний между «б» и английским w.

Точка под буквой означает так называемые эмфатические согласные (произносимые резко, с напряжением; ṣ произносилось, может быть, как «ц»); š передает русское «ш», ž — «ж», ǰ — «дж» (азербайджанское «Ч»), c — «ц», č — «ч». Знак ç передает мягкое «шь» — звук, может быть, похожий на русское «щ» в среднерусском произношении.[2]

Черта над гласным[3] означает долготу. Дужка над или под гласным означает крайнюю степень краткости или неслоговое произношение.

[1] В древнееврейских и арамейских словах придыхание не обозначено, так как различие придыхательных и непридыхательных согласных носит в них чисто комбинаторный характер.

[2] Более редкие транскрипционные знаки (главным образом в семитских языках): ʼ — гортанный взрыв, вроде легкого покашливания; ʻ — согласный, образуемый сжиманием гортани при проходе воздушной струи; ḥ — то же, но без участия голосовых связок (род «х»); иное значение имеет ḥ — видоизменение конечного -š — в немногочисленных приводимых индийских словах; ś — звук типа «с» или «ш»; ə означает сильно редуцированный гласный, ä — открытое «э», близкое к «а» («сегол»). Кружок под l̥ означает глухое произношение, под r̥ — произношение «р» как гласного; ŋ — носовое «г» (как в англ. king). В иранских языках y, а в семитских j означают «й».

[3] В аккадском — циркумфлекс («шапочка»).

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ МИДИИ

1. Источники документальные и повествовательные

Задача написания истории Мидии чрезвычайно осложняется состоянием источников. Если до середины прошлого века Мидия была примерно в равном положении с другими странами Древнего Востока в том смысле, что о ней, как и о ее соседях, имелись лишь скудные, полулегендарные и отрывочные сообщения греческих авторов, то за последние сто лет наука приобрела громадное количество материалов по истории Вавилонии, Ассирии и других стран Древнего Востока в виде многих тысяч письменных документов и материала раскопок десятков городищ; изучение же Мидии осталось в стороне от общего направления развития исторической науки. Достаточно сказать, что на территории Мидии не раскопан еще ни один город и что мы не обладаем ни единым письменным памятником, происходящим из Мидии времен ее государственного существования. Как и сто лет назад, об истории Мидии мы должны судить на основании чужеземных известий, с той лишь разницей, что к греческим источникам, начиная с середины прошлого века, еще прибавились и клинописные.

Что касается археологических источников, то систематические научные раскопки велись и ведутся на территории советского Азербайджана. Результаты этих раскопок, производимых И. Джафарзаде, С. М. Казиевым и другими, могут и должны привлекаться для изучения истории Мидии, однако не непосредственно, а лишь косвенно. Несмотря на известную близость культур древних Мидии и Албании, заселенных в значительной мере, вероятно, однородным населением, все же следует помнить, что отдельные области в то время не имели общей экономической базы, и поэтому ставить знак равенства между культурой населения Албании и культурой Мидии, разумеется, нельзя.

На зарубежной стороне Аракса производились раскопки или зондаж отдельных тепе, но эти раскопки (Тепе-Хисар около Дамгана, Тепе-Сиялк около Кашана, Тепе-Гиян около Нихавенда, Гёй-тепе около Урмии и некоторые другие) производились французскими и американскими археологами почти исключительно по окраинам исторической области Мидии и дали памятники, в основном относящиеся к первобытно-общинной

эпохе. На данных этих раскопок мы остановимся ниже,[1] однако, поскольку настоящее исследование строится главным образом на материале письменных источников, мы не будем подвергать специальному детальному анализу даваемый этими раскопками еще недостаточно обильный археологический материал.

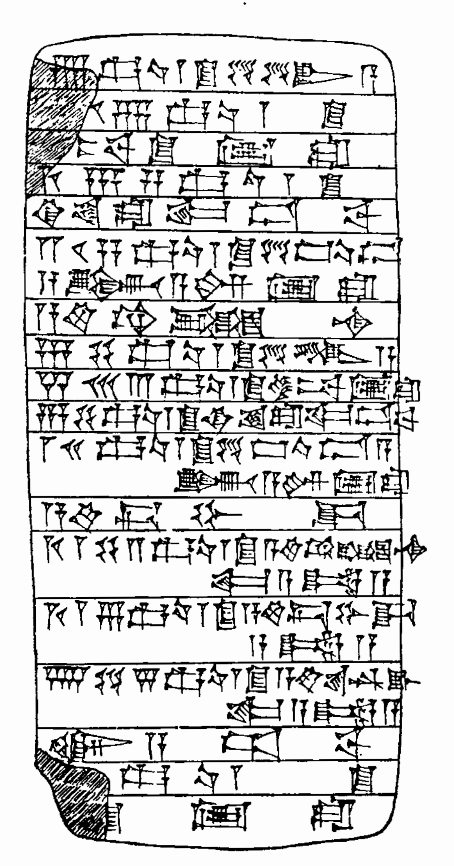

Рис. 1. Образец шумерского клинописного текста конца III тысячелетия до н. э.

Важнейшие периоды истории древней Мидии от начала классообразования в этом обществе до создания сперва великой Мидийской державы, а затем, после персидского владычества, царства Мидии Атропатены, освещены для нас преимущественно материалом письменных памятников. Известия, доставляемые ими, нельзя назвать обильными; лишь военная история освещена для некоторых периодов подробно; остальное — крохи, которые приходится собирать из многочисленных разноязычных источников различного времени и различной степени достоверности.

Больше всего данных о территории Мидии дают нам клинописные памятники. Крайняя западная периферия будущей Мидии — склоны гор Загроса — находилась в поле зрения еще шумерийцев, а также хурритов и эламитов, затем вавилонян и ассирийцев, на протяжении всей их истории — от III тысячелетия и вплоть до последних веков до нашей эры. В отдельных случаях клинописные источники дают сведения и о глубинных районах Мидии. В особенности ценны ассирийские источники IX—VII вв. до н. э., довольно полно освещающие историю военных столкновений Ассирии с мидянами в период, непосредственно предшествовавший образованию и укреплению Мидийской державы.

Остановимся несколько подробнее на характеристике отдельных групп клинописных памятников.

Наиболее древние сведения о территории будущей Мидии дают шумерские и староаккадские источники — отчасти в связи с завоеванием Южного Двуречья племенами кутиев, происходивших с этой территории, от-

---

[1] Глава I; там же важнейшая библиография.

части в связи с походами шумерских и аккадских царей в нагорья Загроса. Сюда относятся: перечень кутийских правителей, восходящий, повидимому, к официальным данным и вошедший в так называемый «Шумерский царский список»;[1] поэтическое описание войны царя шумерского города Урука, Утухегаля, с кутийским царем Тириканом;[2] записи событий, по поводу которых жрецами-гадателями совершались гадания,[3] в том числе и связанных с территорией жителей мидийских гор — кутиев и их соседей луллубеев; названия годов (в древнем Двуречье не существовало эры, от которой можно было бы отсчитывать годы, а летосчисление велось по выдающимся событиям, дававшим название каждому году, в том числе по событиям, связанным с походами шумеро-аккадских царей в Загросские горы),[4] и т. п. Все эти данные относятся к III или самому началу II тысячелетия до н. э. Для II тысячелетия до н. э. нашим источником являются эламские и ассирийские клинописные памятники.

Эламские памятники — это надписи царей Элама (Сузианы, совр. Хузистан на юго-западе Ирана), составленные на местном эламском, а также на аккадском и шумерском языках. К сожалению, кроме надписей царя Шильхак-Иншушинака (XII в. до н. э.), все остальные посвящены почти исключительно храмовому и дворцовому строительству, а также прославлению имен царя и его родичей, и содержат крайне мало исторических данных. Имеется и некоторое количество государственных документов хозяйственной отчетности на эламском языке времени первых ахеменидских царей Персии (VI в. до н. э. — Сузы; VI—V в. до н. э. — Персеполь в Персиде); содержащиеся в них собственные имена дают некоторые данные для установления этнического состава населения в областях, соседних с Мидией.[5]

Ассирийские клинописные источники II тысячелетия до н. э. весьма скудны.[6] Это почти исключительно надписи царей, связанные с культовым строительством, и лишь попутно, суммарно подводящие итоги основных побед данного царя. Здесь иной раз попадаются названия стран и племен, живших к востоку от Ассирии, но никаких сведений о конкрет-

---

[1] Th. Jacobsen. The Sumerian King List. The Oriental Institute of Chicago. Assyriological Studies, № 11, Chicago, 1939, стр. 147 и сл. Анализу источников этого списка мы предполагаем уделить особую работу.

[2] F. Thureau-Dangin. La fin de la domination gutienne. RA, XXII, стр. 111 и сл.

[3] A. Goetze. Historical allusions in Old Babylonian Omen Texts. JCS, I, 3, 1947, стр. 253 и сл.

[4] См. сводку в: RLA, s. v. Datenlisten.

[5] Большинство эламских источников опубликовано в различных томах «Mémoires, Délégation en Perse». См. также: F. W. König. Corpus Inscriptionum Elamicarum, Hannover, без года, и др. Документы из Персеполя, см.: G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets, Chicago, 1948.

[6] E. Ebeling, B. Meissner, E. F. Weidner. Die Inschriften der altassyrischen Könige, I. Leipzig, 1926. — KAH, I; KAH, II и др.

ном ходе исторических событий, о быте или культуре этих племен почерпнуть из этих надписей невозможно.

Иное дело ассирийские надписи IX—VII вв. до н. э.[1] Некоторые из них весьма подробно, художественно изложены и дают немало детальных сведений о странах, где побывали ассирийские военные отряды (к сожалению, о странах, лежавших за пределами досягательства войск каждого данного царя, надписи ничего не сообщают).

Ассирийские надписи этого времени делятся на несколько типов или категорий: 1) «письма к богу» — подробнейшие реляции об одном каком-либо походе, адресованные в храм верховного ассирийского бога Ашшура. Эти реляции составлялись искуснейшими писцами-литераторами и основывались на подлинных записях царских секретарей и на описях добычи. Одно из таких «писем к богу» — описание похода Саргона II против Урарту в 714 г. — имеет прямое отношение к истории Мидии; 2) «анналы» — погодные описания военных походов какого-либо царя, составленные на основании сокращения первичных реляций; в них допускаются известные упрощения и искажения; 2) «обзорные надписи» — общая сводка военных походов данного царя, в географическом, а не в хронологическом порядке и 4) «торжественные надписи», содержащие только краткие итоги побед, изложенные в произвольном порядке.

За исключением текстов первой категории, которые писались, как и обычные клинописные документы, на глиняных плитках («таблетках»), остальные надписи делались на глиняных цилиндрах, конусах или призмах, а также на каменных плитах, приурочивались к постройке какого-либо здания и закладывались в их фундамент; предполагалось, что когда здание (сложенное, по месопотамскому обыкновению, из кирпича-сырца) обветшает и начнет осыпаться, какой-нибудь будущий царь, решив обновить это здание, снесет его стены и обнаружит надпись; таким образом должна была сохраняться память о деяниях царей. «Торжественные надписи» наносились также на каменной облицовке комнат дворцов, в видных местах.[2]

Нет необходимости говорить, что сообщения надписей являются крайне тенденциозными; составленные для прославления ассирийских царей,

[1] Почти все они найдены и опубликованы еще в XIX в.; см. издание важнейших из них: KB, I и II. В XX столетии прибавилось лишь небольшое количество новых текстов, главным образом — дубликатов уже известных, иногда лучше сохранившихся и позволяющих поэтому сделать некоторые уточнения.

[2] Сводку ассирийских исторических надписей в переводе см.: D. D. Luckenbill. Ancient Records of Assyria and Babylonia, I—II. Chicago, 1926—1927; многие тексты, касающиеся Мидии, опубликованы в переводе И. М. Дьяконовым: Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, №№ 2—4; в этих изданиях см. также библиографию изданий оригинальных текстов. Наиболее важны: E. A. W. Budge and L. W. King. Annals of the Kings of Assyria, I. London, 1902; P. Rost. Die Keilschrifttexte Tiglatpilesers III, I—II. Leipzig, 1893; H. Winckler. Die Keilschrifttexte Sargons, I—II. Leipzig, 1889; M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige. Leipzig, 1913; F. Thureau-Dangin. Une rélation de l'huitième campagne de Sargon II. Paris, 1912, и мн. др.

они замалчивают их поражения и неудачи и преувеличивают их победы. Однако с помощью исторической критики из них чаще всего без особого труда можно выделить историческое зерно — по крайней мере, в тех случаях, когда речь идет о походах, сколько-нибудь успешных для ассирийцев; в этих случаях удается извлечь также и некоторые сведения относительно внутренней жизни народов и племен, с которыми сталкивались ассирийцы. Хуже обстоит дело, если ассирийцы потерпели полное поражение и поэтому (или по другой причине) не считали нужным фиксировать в надписи данное событие. Мы тогда ничего не узнаем о нем. Лишь в некоторых случаях на помощь приходят источники другого рода — письменные памятники, не предназначавшиеся для идеологического воздействия на подданных и потомство. Сюда относятся: 1) письма государственного архива ассирийских царей — донесения и сводки донесений шпионов, деловые и военные сообщения всякого рода, копии царских распоряжений, дипломатическая переписка и т. д.; у нас имеется довольно значительное количество этого драгоценного своей достоверностью материала, восходящего ко второй половине VIII и к VII в. до н. э.; к сожалению, лишь небольшая часть этих писем касается мидийских дел; написаны они на ассирийском разговорном диалекте аккадского языка, еще слабо изученном, и во многом трудны для понимания;[1] 2) обращения ассирийских царей к оракулам богов с просьбой ответить им на различные запросы политического характера, в особенности по поводу разного рода угрожающих для Ассирии событий.[2] Здесь без стеснения излагаются политические опасения ассирийских царей. До нас дошли запросы относительно событий в Мидии времени царей Асархаддона и Ашшурбанапала (70—50-е годы

Рис. 2. Образец ассирийского клинописного исторического текста (часть глиняной призмы с анналами царя Синаххериба, VII в. до н. э.).

[1] Изданы: R. F. H a r p e r. Assyrian and Babylonian Letters, I—XII. London, 1892 и сл.; в переводе: L. W a t e r m a n. Royal Correspondence of the Assyrian Empire, I—IV. Ann Arbor, 1930 и сл.; см. также: И. М. Д ь я к о н о в. Ассиро-вавилонские источники. . .

[2] Переводы у И. М. Дьяконова (Ассиро-вавилонские источники. . .) нуждаются в дополнении; см.: J. A. K n u d t z o n. Assyrische Gebete an den Sonnengott. Leipzig, 1893; E. G. K l a u b e r. Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit. Leipzig, 1913.

VII в. до н. э.), к сожалению, в крайне разрушенном состоянии; их восстановление и хронологическое распределение представляет труднейшую задачу. Ассирийские источники иссякают к началу 30-х годов VII в. Помимо своего значения для фиксации самих фактов истории, они чрезвычайно важны для установления исторической хронологии.[1]

Урартские источники аналогичны по своему содержанию ассирийским; это надписи урартских царей на скалах, стелах и частях зданий, в ознаменование какого-либо строительства или какой-либо победы, а также надписи типа «анналов», отличающиеся, однако, от ассирийских гораздо большей сухостью и сжатостью изложения. Они бросают известный свет на события, происходившие на окраинах Мидии в VIII в. до н. э. Урартский язык представляет пока большие трудности для понимания.[2]

Некоторые данные по интересующему нас вопросу дают также вавилонские хроники (летописи). Первые хроники восходят еще ко II тысячелетию, но погодно они начали вестись, повидимому, начиная с правления Набунасира (Набонассара) в середине VIII в.; серия хроник продолжала вестись вплоть до начала III в. до н. э., но до нас дошли не все ее части. Исключительное значение для истории Мидии имеет хроника за 616—610 гг. до н. э. («Хроника Гэдда») и за середину VI в. («Набонидова хроника»). Хроники изложены чрезвычайно сухо и лапидарно, сообщаются лишь важнейшие события без всяких подробностей.[3]

Помимо хроник, важные для нас данные содержат также надписи вавилонских царей, изложенные очень выспренно, преднамеренно архаизированным языком (сюда же примыкает и надпись персидского царя Кира на вавилонском языке, так называемый «Вавилонский манифест Кира»).[4]

---

[1] Здесь решающее значение имеют так называемые «списки эпонимов» — ассирийских чиновников, поочередно в течение одного года занимавших обрядовую должность «лимму». По ним велась датировка в Ассирии. В одном из этих списков есть указание на происшедшее в эпонимат одного из этих чиновников солнечное затмение, дата которого может быть установлена астрономически; тем самым получают даты и все остальные события исторического периода, охватываемого списком (с 911 по 648 г. до н. э.; см.: RLA, s. v. Eponymen). Более сложным способом, путем привлечения не всегда однозначных астрономических данных в старовавилонских и египетских текстах, а также собственных хронологических выкладок древних, определяется хронология III и II тысячелетий до н. э. См.: акад. В. В. Струве. Датировка I Вавилонской династии. ВДИ, 1947, № 1, стр. 9 и сл.

[2] Полное издание текста в транслитерации и перевода надписей урартских царей опубликовано Г. А. Меликишвили в «Вестнике древней истории», начиная с 1-го номера 1953 г. по 1-й номер 1954 г. («Урартские клинообразные надписи»). См. также: F. W. König. Handbuch der chaldischen Inschriften, I. Graz, 1955.

[3] L. W. King. Chronicles concerning Early Babylonian Kings, I—II, London, 1907. — C. J. Gadd. The Fall of Nineveh. London, 1923. — S. Smith. Babylonian Historical Texts relating to the Capture and Downfall of Babylon. London, 1924. — B. Landsberger und Th. Bauer. Zu neuveröffentlichten Geschichtsquellen der Zeit von Asarhaddon bis Nabonid. ZA, N.F., III, 1926, стр. 1 и сл.

[4] F. H. Weissbach. Die Keilinschriften der Achämeniden. Vorderasiatische Bibliothek, 3, Leipzig, 1911, стр. 4 и сл.

Но в отличие от ассирийских надписей они содержат очень мало внешнеполитического материала; лишь те или иные политические намеки случайно встречаются в массе текстов, посвященных вопросам культа и строительства.

К источникам, современным событиям в Мидии, относятся также некоторые данные, содержащиеся в Библии. Наиболее важными являются указания, которые можно почерпнуть из традиционной записи речей иудейских и израильских религиозно-политических проповедников (так называемых пророков: Наума — конец VII в., Иеремии — начало VI в., и других). Кое-какие данные содержатся и в религиозно-исторических хрониках Библии — так называемых «Книгах Царств» (дошедших, повидимому, в редакции VI в. до н. э.) и в их более поздней переработке — «Книгах Паралипоменон» (или «Хроник»).

Судьбы Мидии под властью персидской державы Ахеменидов отражены в трехъязычных[1] монументальных надписях персидских царей, в особенности в большой надписи Дария I на Бехистунской скале, где повествуется о низвержении им власти мага Гауматы и о последовавших за этим событиях 522—521 гг. до н. э.[2]

Все эти источники ценны тем, что они составлены современниками описываемых событий. Они дополняются второй группой источников — составленных позже событий, на основании, главным образом, устной традиции. Эти источники, разумеется, нередко гораздо менее ценны. Их ценность зависит, с одной стороны, от доброкачественности традиции, с другой — от добросовестности ее передачи. В составе этой группы первую подгруппу составляют древнегреческие авторы.

Интерес к восточной истории возник в Греции в период греко-персидских войн V в. до н. э. (в которых участвовали и мидийские войска). Греки, задумываясь над тем, откуда взялось громадное и, казалось, могучее государство их противников — персов, невольно должны были обращаться к предистории ахеменидской Персии — к Мидийской и Ассирийской державам. Об Ассирии у греков всегда были лишь самые смутные и фантастические сведения; ассирийская историческая традиция была безвозвратно потеряна, грамотная часть населения ассирийских городов истреблена вместе с ассирийской знатью еще в VII в. Иное дело Мидия. Еще были живы потомки многих мидийских родов, активно участвовавших в политической жизни Мидийского царства; они часто занимали видное место и в Ахеменидской державе, и их представители нередко по тем или иным поводам вступали в контакт с греками. К этому надо прибавить, что в архивах персидских царей в то время еще хранились, вероятно, и мидий-

[1] На древнеперсидском, эламском и вавилонском языках.

[2] L. W. King and R. C. Thompson. The Rock Sculptures and Inscriptions of Darius the Great on the Rock of Behistun, L., 1907. — R. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950. — Второе издание книги Кента мне еще не было доступно.

ские официальные документы. К сожалению, греки, как правило, не имели доступа к царским архивам Ахеменидов, а впоследствии эти архивы были уничтожены при завоевании Ахеменидской державы Александром в последней трети IV в. до н. э.

Отдельные данные о мидянах и Мидийском царстве рассеяны в сочинениях греческих авторов V в. до н. э.; о них говорилось, повидимому, у Гекатея Милетского, у Харона из Лампсака, у Дионисия Милетского, написавшего книгу о персидском царе Дарии и о Персии, и у Ксанфа Лидянина, автора «Истории Лидии» (государства в Малой Азии), жившего в середине V в.;[1] у логографа Гелланика происхождение мидян и персов ставилось в связь с именами героев греческих мифов — Медеи и Персея.[2] Но от их сочинений сохранились лишь небольшие отрывки в изложении более поздних авторов. Затем данные о мидянах имеются у Эсхила в трагедии «Персы» и т. д.

Однако развернутую историю Мидии впервые попытался дать во второй половине V в. до н. э. величайший греческий историк, основатель исторической науки — Геродот из города Галикарнаса в Малой Азии.

Геродот, вынужденный, повидимому, бежать с родины по политическим причинам, много путешествовал в молодости, посетив Северное Причерноморье, Малую Азию, Финикию, Египет, Вавилонию, быть может, также Мидию и Персию, а позже Македонию. В результате этих странствий им были составлены очерки истории и нравов посещенных им стран. Согласно наиболее распространенному мнению, он прибыл в Афины около 447 г., где выступал с публичными чтениями. Он примкнул к кружку ученых и литераторов, группировавшихся вокруг тогдашнего вождя афинской демократии Перикла (хотя сам, повидимому, был лишь умеренным демократом) и под влиянием этого кружка переработал свои записки в грандиозно задуманную историю Азии и Европы, причем центральным моментом изложения должна была быть история греко-персидских войн. Он продолжал работу над своим трудом в южной Италии, в Фурии — колонии, в основании которой он принял активное участие, — и умер, повидимому, там же, около 425 г. до н. э., не вполне успев закончить свой труд.

В результате длительной работы в области античного источниковедения в настоящее время установлено, что Геродот, хотя и пользовался трудами своих предшественников — и, в частности, знал работы Гекатея, Гелланика и Дионисия, — но в основном базировал свое изложение

---

[1] Возможно, однако, что Ксанф писал уже после Геродота и пользовался его трудом; некоторые исследователи считали даже сочинения Ксанфа более поздней подделкой. Часть сохранившихся фрагментов, приписываемых Ксанфу, безусловно принадлежит не ему, а восходит к подделке II в. до н. э. некоего Дионисия Скитобрахиона из Митилены; см.: L. Pearson. Early Ionian Historians. Oxford, 1939, стр. 190 и сл.

[2] К сожалению, метод, применявшийся Геллаником, — сопоставление сходно звучащих слов и имен из разных языков без учета их происхождения, значения и конкретной истории в каждом языке, на основе одного лишь случайного созвучия, — приходится и по сей день встречать в некоторых работах.

на устных расспросах. В частности, для истории Мидии (как и Персии), по почти всеобщему мнению исследователей, Геродот использовал устные рассказы знатных персов, в том числе, быть может, Зопира, беженца в Афины, представителя одного из знатнейших персидских родов; а также вероятно, одного из потомков Гарпага, мидянского[1] вельможи, сыгравшего за сто лет до этого роковую роль в падении Мидийского царства.[2] Род Гарпага, как полагают, обосновался впоследствии в малоазийской области Ликии, недалеко от родины Геродота, и имел здесь поместья.[3] Подобные осведомители могли дать Геродоту довольно достоверные, хотя и односторонние данные из своих семейных преданий.

Что касается передачи этих преданий у Геродота, то необходимо отметить чрезвычайную добросовестность «отца истории». Правда, случается, и даже нередко, что данные его труда не выдерживают проверки; но в таких случаях неизменно оказывается, что речь идет о недобросовестности осведомителя, а не самого Геродота. Там же, где Геродот имел надежного осведомителя (а так оно было почти во всех персидских делах), его показания обычно подтверждаются новейшими данными археологии и востоковедения не только в общих чертах, но и в малейших деталях. Поразительным подтверждением достоверности Геродота была в свое время дешифровка Бехистунской надписи ахеменидского царя Дария I: оказалось, что, излагая по изустным преданиям почти через 100 лет после событий историю убийства мага Гауматы, Геродот правильно назвал имена шести заговорщиков, участвовавших в убийстве: он ошибся в одном только имени, но и в этом случае назвал действительно существовавшего ближайшего приближенного Дария, только лично не участвовавшего в убийстве.[4] Точность исключительная, если иметь в виду, что изложение основано не на письменных источниках, а лишь на предании. В дальнейшем изложении мы увидим немало примеров подтверждения данных Геродота другими памятниками.

К сожалению, Геродот, нередко будучи знаком с несколькими версиями разных источников, излагает большей частью только одну; и хотя он выбирает ту, которая казалась ему наиболее вероятной, на его историческое чутье не всегда можно положиться.

---

[1] Термин «мидянский» мы относим к народности мидян, «мидийский» — к государству или территории.

[2] См. ниже, стр. 416—424.

[3] До нас дошли памятные и надгробные надписи потомков Гарпага (?) на греческом и ликийском языках: J. Friedrich. Kleinasiatische Sprachdenkmäler. Berlin, 1932, стр. 62, № 44a, строки 1—2; стр. 63, строка 30; № 44c, стр. 66, строка 24; стр. 76, № 77, строка 26.

[4] Геродот называет убийц мага (кроме Дария) именами Интафрена, Отана, Гобрия, Гидарна, Мегабиза и Аспатина; Бехистунская надпись называет их: Виндафарна, Утана, Гаубрува, Видарна, Багабухша и Ардуманиш; отдельно назван Аспачана. Различия в передаче имен основаны главным образом на особенностях греческой фонетики.

Краткое повествование Геродота — единственная настоящая связная история Мидии, дошедшая до нас из древности. Оно дает нам и хронологическую нить для определения событий мидийской истории, в особенности для периода, уже не освещаемого ассирийскими источниками. К сожалению, как всякая хронология, основанная на устном предании, она не может претендовать на абсолютную достоверность.

Согласно Геродоту, Мидия вначале была покорена ассирийцами, а затем освободилась; некоторое время мидяне жили без государственной власти. Первый мидийский царь, основатель города Экбатан и самого царства — Дейок (Dēiokēs), правил 53 года, сын его, Фраорт (Phraortēs), покоривший персов и другие азиатские народы, — 22 года; он пытался воевать с ассирийцами, от которых «отпали» к этому времени все «союзники», хотя ассирийцы тем не менее еще «находились в хорошем положении». В войне с ассирийцами Фраорт пал; войско мидян было реорганизовано его сыном Киаксаром (Kuēk̮sarēs), правившим 40 лет; но и его попытка завоевать ассирийскую столицу Ниневию была неудачной, так как появившееся войско скифов под начальством Мадия, сына Прототия, выручило ассирийцев; скифы установили свое господство над Азией на 28 лет, но затем были подчинены Киаксаром, который, наконец, совместно с Вавилонией покорил Ассирию. Затем Киаксар попытался вовсе истребить главарей скифов; остатки их бежали в Малую Азию (в Лидию), что вызвало шестилетнюю войну между Киаксаром и лидийским царем Алиаттом. Во время последней битвы произошло солнечное затмение, которое было воспринято воюющими как знамение; между Лидией и Мидией был заключен мир при посредничестве Сиеннесия, царя Киликии, и Лабинета, царя Вавилона; граница была проведена по реке Галису (ныне Кызыл-Ырмак), и сын Киаксара, Астиаг, женился на дочери Алиатта. Когда Киаксар умер, на престол взошел его сын Астиаг (Astuagēs), правивший 35 лет и низложенный, —по проискам обиженного им лидийского вельможи Гарпага, —Киром, сыном дочери Астиага Манданы и перса Камбиса.

Такова в общих чертах хронологическая схема Геродота. Она и по сей день остается тем костяком, который лежит в основе всех хронологических и исторических построений в области истории Мидии. Геродотова схема может быть прикреплена и к абсолютной хронологии: упоминаемое им затмение астрономически определено: оно падает на 28 мая 585 г. до н. э.[1] Кроме того, по независимым вавилонским данным известно, что низложение Астиага («Иштувега») произошло в 550/549 г. до н. э., а разрушение Ниневии Киаксаром («Увакиштаром») — в 612 г. до н. э.

---

[1] Другое возможное отождествление этого затмения — с затмением 30 сентября 610 г. — значительно менее вероятно не только по историческим основаниям, но и потому, что в Малой Азии последнее затмение не было полным, на что указал Т. Нельдеке на основании уточненных в конце XIX в. астрономических данных. Дату 585 г. до н. э. (в переводе на современное летосчисление) приводит уже Плиний [Nat. Hist., II, 9 (12), по изд. Littré, Paris, 1865].

Помимо изложенного выше, Геродот говорит в одном месте (I, 130), что мидяне владычествовали над Азией 128 лет, но кроме (или с вычетом ?)[1] владычества скифов (которые, как указано выше, по сообщению Геродота, владычествовали 28 лет).

Повидимому, в этой цифре — ошибка, если только Геродот не имеет в виду — с округлением — время правлений Фраорта, Киаксара и Астиага, т. е., по его собственным данным, 97 лет.[2]

Уже из этого видна неточность хронологических данных, имевшихся у Геродота. Есть тому и другие доказательства. Так, имя «Лабинета», который, якобы, посредничал в заключении мира 585 г., — это имя вавилонского царя Набуна'ида («Набонида» по Птолемееву астрономическому канону), вступившего на престол только в 556 г.[3] Ассирийские надписи упоминают о высылке некоего Дайаукку из Мидии в Сирию под 715 г. до н. э.; это лицо, вероятно, тождественно с «Дейоком» Геродота; но эти ассирийские данные, хотя и подтверждают до известной степени предание, сообщенное Геродотом, в то же время недостаточно хорошо согласуются с его хронологическими данными. Имеются и другие хронологические неувязки такого же рода.

Рис. 3. Образец греческой рукописной книги. Лист из рукописи V в. н. э.

Следует далее отметить искусственный характер цифр Геродота, что и следовало ожидать, имея в виду устный характер передачи, при которой

[1] Pareks; это место вызывает различные толкования.

[2] Есть и другие объяснения этой цифры. Так, Нельдеке полагает, что Геродот по ошибке сложил годы правления Дейока (вместо Фраорта), Киаксара и Астиага (53+40+35=128); но так как ему было сообщено, что мидяне владычествовали над Азией около 100 лет, то он вычел разницу (28 лет) и приписал ее скифам, действительная продолжительность правления которых ему не была известна. Другое объяснение принадлежит Дж. Раулинсону. Согласно этому объяснению, Геродот допустил двойную ошибку, приписав годы правления Дейока Фраорту, а годы Фраорта — Дейоку; в цифре 128 отразились правильные данные геродотова осведомителя. Что касается 28 лет скифского владычества, то, по этому толкованию, их нужно прибавить к цифре 128. Имеются и различные другие объяснения. Ср. ниже, стр. 177.

[3] Впрочем, и сам Геродот отличал Лабинета—Набонида (I, 188) от Лабинета — современника Киаксара. Вавилонским царем в это время был на самом деле Навуходоносор II.

цифры обычно сообщаются округленно, для лучшей их запоминаемости. Действительно, 53+22=75 и 40+35=75, вместе это равно 150 годам.[1]

Далее, 22 года Фраорта + 28 лет скифского владычества составляют 50 лет; вместе с царствованием Дейока это составляет 103 года, но возможно, что в старых рукописях труда Геродота стояло «пятьдесят», а не «пятьдесят три»;[2] тогда цифра будет равна 100. Правления Киаксара и Астиага вместе с правлением Кира составляют 104 года (40+35+29); но Геродот — хотя он и не отметил этого в своем труде, — возможно, знал, что война Кира с Астиагом длилась три-четыре года и что поэтому начальные годы правления Кира совпадали с последними годами правления Астиага. Тогда и здесь получается цифра ровно 100 (40+35+25), а всего 200.[3]

Конечно, подобного рода соображения относительно расчетов, которые могли лежать в основе хронологии Геродота или его осведомителя, — не более как предположения; но во всяком случае ощущается какая-то искусственная основа этих расчетов. Как все подобного рода хронологии, она, по всей вероятности, основана на счете поколений или на традиции такого, например, содержания: «От начала царствования Дейока до Фраорта прошло полстолетия или немного более; Фраорт и скифы вместе правили полстолетия; Киаксар правил несколько дольше, Астиаг — несколько меньше; Кир правил почти тридцать лет, а воевал с Астиагом четыре года». При таком характере устной хронологической традиции данные ее не будут очень сильно расходиться с истиной, но в то же время не следует ожидать, что она подтвердится совершенно точно, год в год. Понимая дело таким образом, мы можем, в общем, с указанными оговорками, положиться на хронологию Геродота. В дальнейшем изложении мы увидим, что Геродот, повидимому, был не очень далек от истины и что получаемые из изложения Геродота даты:

Дейок	— 727—675 (или, считая одно имя пропущенным, несколько раньше, например, 767—715)[4]
Фраорт	— 674—653
Мадий и скифы	— 652—625
Киаксар	— 624—585
Астиаг	— 584—549 гг. до н. э. —

можно считать приблизительно верными.

Геродот еще в древности подвергался ожесточенным нападкам; ему давали презрительные клички «мифолога» и «сочинителя», а историк I в.

[1] Это, по обычному в древности условному расчету, соответствует пяти поколениям по 30 лет; высказывалось и по другим основаниям предположение, что между Дейоком и Фраортом пропущен еще один царь.

[2] См. ниже о хронологии Ктесия, стр. 27.

[3] Или шесть поколений по $33^1/_3$ года? (тоже довольно обычный условный расчет).

[4] Если считать конец правления Дейока падающим на 715 г., согласно ассирийским данным (см. выше, стр. 19). Если считать, что 40 лет Киаксара включают и владычество скифов, то начало правления Дейока по Геродоту падает на 699 г.

н. э. Плутарх написал специальное сочинение «О злонамеренности Геродота». Как уже указывалось, новейшая наука, в общем, всецело стоит на точке зрения добросовестности «отца истории»; нападки древних на него объясняются отчасти излишней, с точки зрения его античных критиков, снисходительностью и беспристрастностью при изображении азиатов и вообще не-греков, «варваров» (с позднейшей греческой точки зрения, исконных врагов или природных рабов греков); так, Плутарх называет Геродота «фило-варваром». Отчасти в результате той же беспристрастности, Геродот задел мелкий местный патриотизм, нарисовав некоторых деятелей различных греческих городов-государств не столь единодушно патриотичными в борьбе с захватчиками, как их хотели бы видеть их потомки (не забудем, что в V в. до н. э. еще не было единой греческой народности, чего не понимали позднейшие критики). Наконец, отчасти Геродот навлек на себя нарекания тем, что иногда изменял объективности, излагая дело так, как этого хотелось сторонникам вождя афинского государства Перикла. Все это, однако, не имеет большого значения для оценки сообщений Геродота по истории Мидии. В новейшее время неоднократно делались попытки опять очернить Геродота, так, например, английским ученым Сэйсом в конце XIX в. Позиция Сэйса была блестяще опровергнута русским ученым Ф. Г. Мищенко.[1] В применении специально к мидийской истории достоверность Геродота особенно подчеркивалась бельгийцем Делаттром.[2] В XX в. вновь пытался опровергать геродотову историю Мидии, например, Хюзинг.[3]

Следующий греческий автор, с которым приходится считаться, — это Ктесий из Книда. Сочинение его, называвшееся «Persiká» — «Персидская история», до нас не дошло, но дошли довольно пространные пересказы больших отрывков из него.[4]

---

[1] Ф. Г. Мищенко. Не в меру строгий суд над Геродотом. В кн.: Геродот. История в девяти книгах. Перев. Ф. Г. Мищенко, т. II, М., 1888, стр. I и сл.

[2] A. Delattre. Le Peuple et l'Empire des Mèdes jusqu'à la fin du règne de Cyaxare. Mémoires couronnés et mémoires des savants étrangers publiés par l'Académie Royale des Sciences, des Lettres et des Beaux-Arts de Belgique, XLV, Bruxelles, 1883.

[3] В серии статей по истории Мидии, опубликованных в журнале «Orientalistische Literaturzeitung» за 1915 г.

[4] Наиболее важные — у древнегреческого историка Диодора, компилировавшего данные более старых авторов, и у ранневизантийского писателя Фотия. Большие и важные выписки имелись у историка I в. Николая из Дамаска (историографа известного Ирода Великого). Николай добавлял, однако, к известиям Ктесия, повидимому, и некоторые другие. Сочинение Николая Дамасского также не дошло до нас полностью, а известно только в выдержках. Отдельные цитаты и сведения из сочинения Ктесия встречаются у многих античных авторов. См. фрагменты Ктесия, изданные Мюллером (C. Müller) вместе с сочинением Геродота в серии «Firmin-Didot»; фрагменты Николая Дамасского см.: FGH, IIA, Berlin, 1926; см. также различные издания Диодора (главным образом книги I и II). Наилучшая работа о Ктесии: Pauly — Wissowa, s. v. Ktesias (статья Ф. Якоби). — Недавно найден фрагмент сочинения Ктесия среди греко-египетских папирусов.

Ктесий, видный врач, родич основателя научной медицины Гиппократа, попал около 414 г. до н. э. в качестве пленного[1] ко двору персидского царя Дария II и жил при дворе сначала этого царя, а затем Артаксеркса II Мнемона 17 лет. Персидский царь иногда пользовался его услугами при различных переговорах с греками;[2] посланный в 398 г. с одним из царских поручений в Спарту, он вернулся затем на родину. Здесь он занялся писательской деятельностью; наиболее известны его сочинения «Persiká» и короткий очерк об Индии — «Indiká». По утверждению самого Ктесия, он пользовался при составлении «Persiká» официальными персидскими летописями, а в других случаях — в частности, и для «Indiká» — собственными наблюдениями и сообщениями очевидцев. Это утверждение, а также занимательный новеллистический характер изложения привлекли к Ктесию внимание позднейших античных авторов, которые доверяли ему часто больше, чем Геродоту; дело в том, что почти во всех случаях, когда Геродот и Ктесий пишут об одном и том же, они резко расходятся в своих сообщениях, и это немало способствовало нареканиям на Геродота как на недостоверного писателя. Но на самом деле утверждение Ктесия о его источниках совершенно не соответствует истине, и в наше время это довольно легко можно доказать.

Начать с того, что Ктесий, очевидно, плохо знал восточные языки и во всяком случае не знал восточных письменностей, а следовательно, не мог читать никаких царских летописей. Из ряда данных видно, что в конце V в. в Сузах и Персеполе, при дворе персидских царей, была уже значительная греческая колония, и поэтому врач-грек мог прожить здесь много лет, зная персидский ровно настолько, чтобы объясняться со слугами и с пациентами. А что он не знал восточных письменностей, видно из следующего. Ктесий сообщает: «Гора Багистан — свя-

[1] Диодор (D i o d., II, 32, 4) говорит, что Ктесий служил во время войны Кира Младшего с Артаксерксом II и, кроме того, что будучи взят в плен, он был приближен к персидскому царю за свое врачебное искусство; но дело обстоит не так, что Ктесий участвовал на стороне Кира в его походе против Артаксеркса II; прекрасно осведомленный об этом походе и сам его участник — Ксенофонт упоминает, что Ктесий уже находился в то время при дворе Артаксеркса (X e n. Anab., I, 8, 26). Скорее всего, Ктесий мог быть захвачен в плен ахеменидским сатрапом Тиссаферном во время его войны в соседней с Книдом Карии против персидского повстанца Аморга, сына Писсутна, который опирался на греческих наемников (T h u c., VIII, 5, 5; 28, 4). Ктесий придерживался спартанской ориентации (см. об этом у Плутарха в биографии Артаксеркса), и вполне естественно, что он мог быть вынужден покинуть Книд, контролировавшийся до 413 г. афинянами, и поэтому поступил на службу к Аморгу. Последний был захвачен спартанцами и выдан Тиссаферну в 412 г., но война с ним велась уже значительно раньше, — по всей вероятности, с 414 г., после того как Тиссаферном был захвачен отец Аморга, Писсутн. По мнению К. Мюллера, Ктесий был взят в плен лишь в 405 г. и пробыл в Персии всего семь лет, так как в 415 г. Артаксеркс II еще не правил; но нет необходимости полагать, что Ктесий попал сразу ко двору именно Артаксеркса.

[2] Судя по Плутарху, Ктесий сыграл известную роль в переговорах Артаксеркса с афинским флотоводцем Кононом в кампанию, приведшую к позорному для греков — и, в частности, для Спарты — Анталкидову миру.

тыня Зевса; со стороны сада она имеет обрывистые скалы, возвышающиеся на семнадцать стадий.[1] Стесав ее нижнюю часть, она (ассирийская царица Семирамида! — *И. Д.*) высекла собственное изображение, поместив рядом сто копьеносцев, и написала на скале сирийскими буквами (имеется в виду клинопись, — *И. Д*): „Семирамида по поклаже следовавших за ней вьючных животных, свалив ее от равнины до горной кручи, забралась на вершину“». Нечего и говорить, что надписи на скалах древневосточных царей носили совсем иной характер. Но дело даже не в этом. Описанная Ктесием скала существует на самом деле: это знаменитая Бехистунская скала, древняя Багистана, «место богов», действительно посвященная верховному богу Ахурамазде, которого греки называли Зевсом.[2] Но имеющаяся на ней громадная надпись принадлежала, как известно, вовсе не легендарной Семирамиде (жившей, по Ктесию, чуть ли не за полторы тысячи лет до его времени), а знаменитому ахеменидскому царю Дарию I (прадеду того Дария II, при котором, очевидно, Ктесий попал в Персию). На скале в действительности изображены царь в сопровождении двух воинов, парящий сверху бог и стоящие перед царем девять связанных пленников.[3] Надпись составлена на трех языках — персидском, эламском и вавилонском. Очевидно, что Ктесий не читал этой надписи. Вероятно, он проезжал когда-то по царской дороге мимо этой скалы и видел на ней какие-то фигуры, которые снизу трудно рассмотреть; остальное — плод позднейшего воображения. Но Ктесий не мог бы не знать содержания надписи, если бы знакомился с царскими архивами, ибо точно известно,[4] что копии с текста надписи на арамейском и персидском языке (а также, очевидно, и на других официальных языках державы) хранились во всех государственных архивах. Если бы Ктесий пользовался этими архивами, он знал бы и обстоятельства восстаний против Дария, которым посвящена эта надпись, в частности обстоятельства восстания мага Гауматы. Но он их не знает. Ему известен, правда, самый факт этого восстания, а также то обстоятельство, что заговорщиков было семеро и что от них происходят знатнейшие персидские роды;

---

[1] Свыше 3000 м. Цифра преувеличена.

[2] В литературе можно встретить указания, что скала была посвящена богу Митре, — на том основании, что в Авесте словом baga обозначается только этот бог. Но в древнеперсидском baga означало «бог» вообще, а не именно Митру (и это же слово означало, повидимому, «бога» и в Мидии), и на скале высечено изображение Ахурамазды, а не Митры.

[3] Возможно, что Ктесий смешал Бехистунский рельеф с Курангунским рельефом в Персиде (эламского времени); на нем действительно изображено несколько десятков воинов (?) и, между прочим, женская фигура, но не царицы, а богини.

[4] Об этом сообщает сама Бехистунская надпись (Beh., L.), и, кроме того, остатки арамейского списка с этой надписи найдены, например, в архиве персидского гарнизона на Элефантине в Египте, см.: E. Sachau. Aramäische Papyrus und Ostraka aus Elephantine. Leipzig, 1911, стр. 187—209, табл. 52, 57; A. Ungnad. Aramäische Papyrus aus Elephantine. Kleine Ausgabe, Leipzig, 1911, №№ 65—70A, стр. 83 и сл.

но называет он мага не Гауматой, а Сфендадатом,[1] а заговорщикам, кроме Дария, дает имена Онофа, Идерна, Норондабата, Мардония, Барисса и Атаферна. Одно только имя (Видарна) случайно правильно; кроме того, Мардоний — имя, по крайней мере распространенное в одном из родов семи заговорщиков, хотя ни один из самих заговорщиков не носил его. Вся история опять-таки похожа на восстановление по памяти: приблизительная канва самих событий была Ктесию известна, остальное расцвечено впоследствии. И таких случаев в изложении Ктесия немало.

Вот еще один из характернейших фактов: Ктесий знал, что Ассирийское государство было разрушено в результате союза между царями Мидии и Вавилонии, но для его рассказа были нужны собственные имена, а он их, очевидно, не помнил. Зато он помнил имена современных ему персидских сатрапов Мидии и Месопотамии: их звали Арбаком и Белесисом. Он и взял эти два имени, и с легкой руки Ктесия по книгам античных историков в качестве разрушителей Ассирии пошли гулять «Белесис, царь Вавилона», и «Арбак, царь Мидии»[2] (а современный нам австрийский ученый Кениг даже пытался найти одно из этих имен в лакуне поврежденного вавилонского клинописного текста!).

Если, с одной стороны, Ктесий не знает того, чего он не мог бы не знать, если бы пользовался царскими летописями, зато он «знает» то, чего там никак не могло быть: например, он рассказывает, что в «варварских» летописях сообщается о переписке какого-то «ассирийского» царя Тевтама с. . . подчиненным ему мифическим Приамом, царем Трои, который просил будто бы прислать ему помощь по случаю войны с греками, предводительствуемыми Агамемноном, и будто бы Тевтам прислал под Трою Мемнона с 10 000 эфиопов (!) и 10 000 сузианцев. Мемнон, как известно, выведен в греческом эпосе о троянской войне как сын богини зари Эос и Тифона и союзник Приама, Ктесию же понадобилось связать сочиненную им ассирийскую историю с легендарной историей его собственного народа.

Но если дело обстоит плохо с тем, что Ктесий якобы читал в персидских летописях, то не лучше обстоит дело с тем, что он якобы видел собственными глазами. Вот, например, что сообщает римский писатель Элиан, цитируя ктесиевы «Indiká»: «В Индии водится свирепый зверь, величиной с большого льва, цветом красный, как будто киноварь, мохнатый, как собака, на индийском же языке называется „мартихорас"; лицо же имеет такое, что кажется не звериным, а человеческим; зубов имеет по три ряда

---

[1] В этом ошибается и Геродот: он обозначает его по названию занимавшейся им должности, приняв ее за имя собственное. Появление имени Сфендадата у Ктесия не случайно, а представляет собой очень любопытную черту, на которой мы остановимся в своем месте.

[2] Ср.: Xen. Anab., I, 7, 11; VII, 8, 25; I, 4, 10. Таково же происхождение многих имен лиц, которые действуют у Ктесия в мидийской истории (например, Артасира, Пармиса): это имена его современников. Ср. ниже, стр. 80, прим. 2.

сверху и снизу, острейшие и больше собачьих; уши же с виду человечьи, только больше и волосатее; глаза серые, тоже похожие на человечьи; а лапы, по моему мнению, и когти, — такие, как у льва; из кончика хвоста торчит скорпионье жало длиной более локтя (полуметра, — *И. Д.*)... Ктесий говорит, что видел у персов это животное, доставленное от индийцев как дар царю персов».[1] Эта выдержка еще раз показывает, что Ктесий не только сочинял то, что он будто бы сам видел, но, кроме того, еще и не знал как следует персидского языка: он правильно переводит слово «мартихорас» как «людоед», но Элиан дважды называет (судя по контексту, со слов Ктесия) это слово индийским, между тем, это слово персидское — *martiyaxvāra-.

Ошибок Ктесия не перечесть. Ниневия, по его мнению, стояла не на Тигре, а на Евфрате; мидяне завоевали Ассирию (в переводе на наше летосчисление) в... IX в. до н. э., т. е. даже до начала действительного периода ассирийских завоеваний в IX—VII вв.; а Вавилония была сатрапией Мидии будто бы за три правления до Астиага (когда на самом деле Вавилон был покорен только Киром в 538 г. до н. э.); Ктесий изобретает имена многочисленных царей Вавилонии и Египта, неизвестных ни местным источникам, ни таким серьезным древним знатокам вавилонской и египетской хронологии, как Беросс, Птолемей и Манефон, и т. д. и т. п.

В тех случаях, когда расхождение между Геродотом и Ктесием можно документально проверить на современных событиям памятниках, памятники подтверждают Геродота и опровергают Ктесия; и хотя сходные с ктесиевыми данные часто встречаются и у других античных авторов, как правило, удается доказать, что сообщение данного автора восходит к самому же Ктесию. Нельзя не присоединиться к философу Лукиану, этому, по выражению Энгельса, «Вольтеру древности», когда он говорит о Ктесии: «Ктесий, сын Ктесиоха, книдянин, о земле индийцев и о том, что там есть, написал то, чего ни сам не видел, ни от кого-либо другого не слыхал».[2]

И все же мы не можем совершенно отбросить Ктесия. Он действительно долго жил в Персии, был знаком со многими персами и мидянами, слышал разные предания, сплетни и легенды, — и иной раз, среди лишенного цены материала, попадается имя, факт или предание, которых он сам придумать не мог.[3] Но он, повидимому, совсем не собирался (да вряд ли бы

[1] Ael. De nat. anim., IV, 21.

[2] Ver. hist., 3. Разумеется, это касается не только его «Indiká», единодушно осуждаемых всеми античными авторами, но и других исторических сочинений. Столь же нелестно отзывается о Ктесии и Плутарх, несмотря на свою нелюбовь к его сопернику Геродоту.

[3] Так, например, почти все первые три «книги» его сочинения (из 23 «книг») занимала новелла о легендарных и по большей части просто измышленных похождениях ассирийской царицы Семирамиды; но самое имя это — историческое, оно до сих пор живет также и в преданиях ряда народов Востока.

и мог) писать какие-либо записки при персидском дворе. Идея написать историю Ассирии, Мидии и Персии пришла ему в голову, очевидно, уже после возвращения на родину, по всей видимости, под влиянием славы ранее не известной ему «Истории» Геродота, против которого собственно и было направлено его сочинение. Суть дела была, повидимому, в том, что книга Геродота прославляла Афины, а Ктесий был сторонником Спарты. Геродота легко было поймать на незнании различных бытовых деталей или внутренних событий персидского двора; и Ктесий, пользовавшийся репутацией знатока этого дела, решил «опровергнуть» и превзойти Геродота; и поскольку книга его была написана в опровержение геродотовой истории, постольку Ктесий стремился разойтись с галикарнасским историком во всем: если Геродот говорил «черное» — Ктесий говорил «белое», и наоборот. Там же, где память ему изменяла или где он вообще не знал никаких фактов (так как не собирал их), он без стеснения прибегал к вымыслам; особенно часто Ктесий подставлял вместо неизвестных или позабытых им собственных имен другие имена из близкого круга. В результате античный мир получил две ни в чем не схожие истории Азии; оставалось признать одного из историков за лжеца. Современная наука со всей бесспорностью доказала, что не Геродот был лжецом.[1]

Остановимся вкратце на данных Ктесия по истории Мидии. Согласно его данным, Мидия была завоевана Ассирией в незапамятной древности — еще при мифических Нине и Семирамиде, которые воевали будто бы уже даже не в Мидии, а в Бактрии.[2] После многовекового владычества Ассирии, не ознаменованного никакими событиями, произошло восстание Арбака, ассирийского сатрапа Мидии, и его союзника Белесиса.

Ассирийский царь Сарданапал вначале удачно оборонялся, но дело решил неожиданный переход бактрийцев (которые на самом деле, конечно, никогда не подчинялись Ассирии!) на сторону Арбака, и ассирийское государство уже тогда было уничтожено.

Затем Ктесий дает такой список царей Мидии и лет их правления:

Арбак (Arbakēs)	— 28 лет
Мандаук (или Маудаук — Maudaukēs)	— 50 »
Сосарм (Sosarmos)	— 30 »
Артик (Artukas)	— 50 »
Арбиан (Arbianēs)	— 22 года
Артей (Artaios)	— 40 лет
Артин (Artunēs)	— 22 года

[1] Тем не менее и сейчас нередко встречаются попытки опорочить добросовестность Геродота. К таким гиперкритическим оценкам его работы нужно относиться с большой осторожностью.

[2] Ни с чем не сообразная история Ассирии, как она изложена у Ктесия, широко была распространена у древних авторов, так как последние не имели по этому вопросу другого источника. История Ассирии, составленная или задуманная Геродотом (см.: Her., I, 106), не сохранилась уже в древности или вовсе не была написана.

Астибар (Astibaras) — 40 лет
Аспанд (Aspandas), «которого
греки называют Астиигом»
(Astuigas), — 35 лет (?)

По этим данным выходит, что Ниневия была разрушена не в 612 г. до н. э., как в действительности, а в 832 г. (если считать, что «Аспанд», или «Астииг», правил 35 лет, как геродотов Астиаг). Нелепость этой хронологии очевидна, и еще Вольней в начале XIX в.[1] обнаружил ее происхождение: она является результатом удвоения соответствующих цифр Геродота.

У Геродота мидийские цари правили 53, 22, 40 и 35 лет, а скифское владычество длилось 28 лет. У Ктесия первый и третий цари царствуют по 28 (или 30 лет, но возможна здесь ошибка при эксцерпировании),[2] второй и четвертый правят по 50 лет,[3] пятый и седьмой — по 22 года, шестой и восьмой — по 40 лет. Так как Ктесий признает тождество своего Аспанда с геродотовым Астиагом, то он, вероятно, дал ему и геродотову цифру лет — 35.[4]

Казалось бы, этого достаточно, чтобы убедиться в полной несостоятельности сообщений Ктесия об истории Мидии. Но некоторые исследователи (Опперт, Рост, Масперо и др.) пытаются спасти их, то полагая, что они будто бы содержат индоевропейские переводы якобы не индоевропейских имен мидийских царей у Геродота,[5] то полагая, что Ктесий искусственно собрал в одну династию имена различных мидийских царьков и вождей додейоковского периода.[6] Действительно, некоторые из ктесиевых имен имеют известное сходство с именами мидийских правителей, упоминаемых ассирийскими анналами [Хартукка, Машдайукку (?), Арбаку и т. п.], но, насколько мы знаем нашего автора, вряд ли Ктесий затруднился бы тем, чтобы выискивать подлинные имена мидийских вождей VIII—IX вв.; более вероятно, что он привлек имена известных ему мидян его собственного времени, а эти имена, надо думать, и тогда еще часто бывали вполне

---

[1] C. F. de Volney. Recherches nouvelles sur l'histoire ancienne. Paris, 1814.

[2] А именно, triakonta — «тридцать», вместо dusi leiponta tōn triakonta — «на два меньше, чем тридцать», как сказано в первом случае (D i o d., II, 32, 6).

[3] Это округление геродотовой цифры 53; или, может быть, у Геродота в старых рукописях тоже была цифра 50?

[4] Число лет Аспанда—Астиага не дошло в сохранившихся до нас фрагментах сочинения Ктесия.

[5] Во всяком случае имена Киаксар и Фраорт — совершенно бесспорно индоевропейские! Скорее можно было бы представить обратное положение; но и некоторые из приводимых Ктесием имен тоже явно индоевропейские (Astibaras=Arštibāra=«копьеносец», Artaios=Artāya=«праведный», и т. д.).

[6] Мы видели, однако, что первый в списке ктесиевых царей Мидии — Арбак, как и его «союзник» Белесис, царь Вавилонии, — оказываются подозрительным образом тезками современных Ктесию сатрапов Мидии и Месопотамии. Этого совпадения, совершенно невероятного в естественных условиях, достаточно для того, чтобы сделать мертворожденными любые попытки воскресить ктесиеву схему истории Мидии.

аналогичными тем, которые были распространены в той же области на несколько столетий раньше.[1]

Но для VIII в. мы и без Ктесия имеем вполне достаточный источник в ассирийских анналах. Гораздо важнее его сообщения о событиях VI в., почти не освещенных клинописными источниками и Геродотом. По счастью, здесь — во всяком случае в важном описании последней войны Астиага с Киром — Ктесий, повидимому, довольно близок к истине,[2] и некоторые его сообщения подтверждаются вавилонскими источниками. Как кажется, события начала Ахеменидской династии, в отличие от более ранних, оживленно дискутировались в Персидской державе еще в V в., и Ктесий действительно мог слышать о них и случайно сохранил нам одну из мидийских версий истории этих событий.

Следующий греческий автор, писавший о Мидийском государстве, Ксенофонт, представляет собой фигуру совсем иного характера. Философ-идеалист и политический деятель аристократического направления, ученик Сократа и товарищ Платона, он являлся в то же время одним из крупнейших греческих мастеров слова. Из его сочинений исторического или полуисторического характера важнее всего «Греческая история» («Hellēniká», продолжение работы великого историка Фукидида), и «Поход 10 000 греков» («Anabasis»), описание похода греческих наемников с Киром Младшим против Артаксеркса II до Вавилонии и их отступления после гибели Кира из Вавилонии до Черного моря. Ближе всего к нашей теме сочинение Ксенофонта «Воспитание Кира» Старшего — («Kurou paideia», «Киропедия»), нравоучительный роман в форме истории персидского царя Кира, в особенности его молодых лет, когда он был приближенным мидийского царя.

Конечно, «Киропедия», написанная блестящим, безусловно умным и образованным, хотя и реакционным автором, могла бы быть незаменимым источником по истории позднего периода Мидийского царства, если бы мы могли быть уверены в достоверности рассказываемого им, как мы уверены в большой точности описанных им собственных наблюдений в «Анабасисе». К сожалению, «Киропедия» — не история, а роман. Вопрос о наличии в нем подлинных исторических данных и о возможности выявления их принадлежит к наиболее трудным в античном источниковедении.

Для понимания проблемы необходимо вкратце обратиться к облику Ксенофонта как мыслителя, писателя и политического деятеля.

Афинянин Ксенофонт родился около 430 г. до н. э. в богатой и довольно знатной семье. В юности он, вместе с Платоном, был учеником знаменитого философа-идеалиста Сократа. В политическом отношении он был

---

[1] Это действительно имена мидян: среди персов таких имен не встречается.

[2] Геродот излагает эту войну настолько коротко, что Ктесию не было соблазна «опровергать» его по этому поводу.

сторонником спартанского аристократического строя, и в демократических Афинах, ведших в эти годы войну со Спартой, чувствовал себя «не ко двору». Повидимому, политические мотивы заставили его покинуть Афины в 401 г., вскоре после решающего поражения, нанесенного афинянам Спартой к 404 г. По совету одного из своих друзей он прибыл ко двору персидского царевича Кира, брата царя Артаксеркса II Мнемона. Кир был в это время сатрапом в Малой Азии и исподволь набирал войска для войны с царем. Он принадлежал к тем персидским аристократам, которые видели гнилость ахеменидского режима, и стремился, повидимому, реформировать его, опираясь на крупных рабовладельцев античного типа; можно сказать, что он был неудавшимся предшественником Александра Македонского.

Ксенофонт принял участие в походе, начатом Киром Младшим в 401 г. до н. э., против Артаксеркса; когда же Кир погиб в битве при Кунаксе в Вавилонии и его войско распалось, а командиры греков были вероломно захвачены персами и казнены и греческие наемники остались за тысячи километров от родины, в незнакомой им и враждебной стране, то Ксенофонт принял деятельное участие в руководстве обратным походом. Грекам удалось, как бы ощупью пробираясь по Передней Азии, через Ассирию и Армению выйти на побережье Черного моря; около половины их состава влилось позже в войска спартанского царя Агесилая, воевавшего в это время с персами в западной Малой Азии. Перешел под командование Агесилая и Ксенофонт. В Афинах на это посмотрели как на измену, и Ксенофонт был лишен права гражданства и изгнан из Афин. После этого Ксенофонт остался на спартанской службе и даже воевал против своей бывшей родины. В 80-х годах IV в. он получил от спартанского правительства имение, где и жил на покое, занимаясь литературной деятельностью.[1] Помимо «Анабасиса» и «Греческой истории», остальные его сочинения носили философский или нравоучительный характер[2] и были посвящены пропаганде философии Сократа и нравственных идеалов, близких спартанскому аристократическому строю. К философским же сочинениям примыкает и «Киропедия».

И. М. Тронский пишет о «Киропедии» следующее: «Резонерство на политические и нравственные темы получает здесь псевдоисторическое обрамление в форме повести о жизни и деяниях Кира, основателя персидской монархии. Античное понимание „истории“ было настолько широко, что могло включить в себя и это произведение, которое мы в настоящее время скорее бы причислили к жанру историко-нравоучительного романа. С историческим материалом Ксенофонт обращается здесь чрезвычайно свободно. Так, например, вопреки исторической действительности Кир

[1] Лишь в конце жизни, когда Афины вступили в союз со Спартой, Ксенофонт получил амнистию.

[2] Таковы его «Воспоминания о Сократе», «Пир» и «Домострой».

оказывается покорителем Египта; умирает он естественной смертью[1] среди детей и друзей, с которыми он ведет, на манер Сократа, прощальную нравоучительную беседу. В образе Кира совмещены черты Сократа и Агесилая.[2] Положительные качества, которые Ксенофонт приписывает своему герою, изображены как результат правильного воспитания, в котором спартанская дисциплина объединена с нравственным учением Сократа. „Киропедия" очень показательна как для пристрастия Ксенофонта к поучительным рассуждениям, так и для его монархических взглядов, о которых достаточно ярко свидетельствует самый выбор восточного деспота в качестве идеальной фигуры. Многочисленные второстепенные персонажи „Киропедии" также представляют собой олицетворение различных добродетелей и пороков».[3]

Это очень точная характеристика «Киропедии» как литературного произведения. К ней следует лишь добавить, что идеализированный образ повелителя-рабовладельца, которому будто бы охотно повинуются подданные, рабы и близкие, вообще является любимым образом Ксенофонта: таков и Кир Младший в «Анабасисе», и Исхомах в «Домострое» («Экономике»), и Агесилай в похвальной речи Агесилаю и в «Греческой истории». По Ксенофонту, главная добродетель — уметь повелевать и уметь повиноваться.

Уже из этого видно, что особой точности и добросовестности в передаче исторических событий от «Киропедии» ожидать не следует. Но этот вывод придется значительно усилить, если от анализа «Киропедии» как литературного произведения перейти к ее анализу как произведения исторического.

Как историческое произведение «Киропедия» лишена главного достоинства, которым отличается другое сочинение Ксенофонта — «Анабасис», а именно той основы, которую составляют личные наблюдения автора. «Анабасис» написан хотя и много лет спустя после событий, но не с чужих слов, а по собственным наблюдениям и, повидимому, также по собственным записям. «Киропедия» же написана о временах давно прошедших, о которых автор мог судить только по литературным источникам. Ему едва ли были доступны восточные предания: условия жизни в походе до гибели Кира, когда Ксенофонт пребывал в составе греческих войск, находившихся на марше (при том, что он не знал другого языка, кроме греческого), не позволили ему близко общаться с персами и мидянами и получать от них подробные сведения о давних временах их истории. Тем менее это было возможно во вторую половину похода, когда греки, пробавляясь грабежом местного населения, преследуемые войсками персидского царя (в том числе, быть может, и мидийскими контингентами сатрапа

---

[1] На самом деле, как известно, Кир Старший был убит в сражении во время попытки покорить среднеазиатские племена массагетов, — *И. Д.*

[2] И Кира Младшего, добавим мы, — *И. Д.*

[3] И. М. Тронский. История античной литературы. Л., 1946, стр. 175.

Арбака, принимавшего участие в битве при Кунаксе на стороне Артаксеркса II),[1] мечами пробивались к спасению. Правда, мы плохо осведомлены о времени пребывания Ксенофонта в Малой Азии в войсках Агесилая, но у нас нет основания полагать, что в это время, в условиях войны против персов, ему представилась бо́льшая возможность изучать персидскую или мидийскую историческую традицию.

Для подробного и многостороннего изложения сюжета в романе Ксенофонта ранние греческие логографы вроде Гелланика, Дионисия или Гекатея, с их сухим и недостоверным повествованием, были мало пригодным источником. Из греческих авторов Ксенофонт в основном пользовался Геродотом и Ктесием. На это, в частности, указывают неоднократные косвенные ссылки и цитаты, полемические замечания, а также характер собственных имен в «Киропедии». В книге выведено множество действующих лиц, и Ксенофонт, как и Ктесий, стоял перед трудной задачей — обеспечить их всех именами. В большинстве случаев имена его персонажей в «Киропедии» — это различные персидские имена, взятые без разбора у Геродота[2] (и изредка у Ктесия).[3] Во всяком случае, из настоящих иранских имен, упомянутых в «Киропедии», нельзя назвать почти ни одного, которое бы не встречалось как имя какого-либо деятеля, упомянутого Геродотом или Ктесием, или как имя кого-либо из персидских деятелей, бывших современниками самого Ксенофонта.[4] Когда же ему не хватало персидских имен, Ксенофонт, не смущаясь, давал выводимым им мидийским и персидским персонажам малоазийские имена или греческие имена из числа более редких, или просто вымышленные, но звучавшие экзотически.[5]

Всего этого не могло бы быть, если бы Ксенофонт обладал какими-либо другими серьезными источниками, помимо известных уже нам Геродота и Ктесия.[6]

---

[1] Xen. Anab., I, 7, 11.

[2] Таковы имена Камбиса (отца Кира; из Геродота же идет его родословная от греческого героя Персея), Астиага, Манданы (матери Кира), а также Киаксара, Гистаспа, Гобрия, Артабаза, Артабата, Артабана, Мегабиза, Арсама и др.; но эти имена присвоены у Ксенофонта не тем лицам, которые носят их у Геродота.

[3] Таково имя Танаоксара (сына Кира; у Ктесия — Таниоксарк), а также, вероятно, имя Абрадат.

[4] Таковы имена Артагерса, Артабата (Артапата), Артуха, Мегабиза, Митридата и Тиграна (см.: Hell., IV, 8, 21), а также Гадата (имя сатрапа Малой Азии, одного из предшественников Кира Младшего!).

[5] Таковы имена Марагда (якобы арабское!), Аглаитада, Хрисанта, Самбавла, Феравла (якобы персидские!), Пантеи (царицы Сузианы!), Андрамия (якобы мидийское!), Алкеона; «иранообразные» имена — Арасп, Даиферн и особенно такие весьма подозрительные по этимологии имена, как Тамбрад, Рамбак, Эмб, Адусий и др. Следует отметить, что ряд настоящих имен применен Ксенофонтом к неподходящим лицам: например, «ассириец» (или вавилонянин) не мог носить персидского имени «Гобрий».

[6] Есть, впрочем, предположение о том, что Ксенофонт пользовался и более ранними логографами (Дионисием Милетским?), например для сведений о внутреннем

То же самое можно показать на материале физической и политической географии «Киропедии». Ксенофонт, как вообще его современники-греки, имел более чем смутное представление о географии западной Азии; наглядно это видно из «Анабасиса»: греки не имели понятия о расположении окружавших их во время похода стран и пробирались наугад.[1] Если бы для написания «Киропедии» Ксенофонт пользовался какими-либо дополнительными источниками, кроме Геродота и Ктесия и, в особенности, если бы он черпал сведения у мидян или персов, то он, конечно, не делал бы столь грубых ошибок в географии. Между тем грубейшие географические ошибки встречаются в «Киропедии» на каждом шагу. Так, если верить «Киропедии», то Ассирия во времена Астиага и Кира (когда на самом деле она давно уже перестала существовать),[2] не имея власти над Мидией, владела тем не менее Гирканией и была в союзе с Бактрией;[3] Гиркания (современный район Астрабада—Красноводска), по мнению Ксенофонта, находится ближе к Ассирии,[4] чем Мидия; Ассирия же, по его мнению, находится на дороге между Мидией и странами кадусиев (в горах к югу от Каспийского моря) и саков (в Средней Азии);[5] халдайцы (горцы Армянского нагорья — не смешивать с халдеями Вавилонии) сносятся непосредственно с. . . царем Индии,[6] и т. д. и т. п.

Ксенофонт знал (из того же Геродота), во-первых, что во времена Мидийского царства многие страны и народы, впоследствии покоренные персами, были еще самостоятельными и, во-вторых, что в составе Мидийского царства существовали другие, зависимые царства.[7] Но он, разумеется, не знал, какие это были страны, народы и царства, так как этого не было сказано ни у Геродота, ни у Ктесия. Поэтому независимые царства, фигурирующие на страницах «Киропедии»,—это по большей части перенесенные в прошлое персидские сатрапии (известные Ксенофонту частью по личному опыту, а частью из тех же его обычных источников).

Таковы «царства» Каппадокии, Армении, Гиркании, Сузианы и др. Народ кадусиев случайно[8] занимает видное место в истории

административном устройстве державы Кира. Но данные древнейших логографов об исторических событиях в странах Востока, — в частности, об исторических событиях в Мидийском царстве, — были крайне скудны, и вряд ли оттуда Ксенофонт мог почерпнуть что-либо ценное для собственного повествования; тем более вряд ли данные Ксенофонта восходят к логографам там, где он расходится с Геродотом, который и сам пользовался теми же логографами, в частности и Дионисием.

[1] См.: Xen. Anab., III, 5, 13—17.

[2] Впрочем, возможно, что Ксенофонт (следуя здесь Геродоту) называет Ассирией Нововавилонское царство, ср.: Cyrop., II, 1.

[3] Cyrop., V, 1, 3.

[4] Cyrop., IV, 2, 1.

[5] Cyrop., V, 2, 25 и сл.

[6] Cyrop., III, 2, 25.

[7] См., например: Her., I, 134.

[8] Ввиду того, что во время пребывания Ктесия при персидском дворе происходила неудачная для персов война с кадусиями.

Кира у Ктесия, и оттуда кадусии попали, очевидно, и к Ксенофонту.

Ксенофонт дает новую версию смены Мидийского царства персидским владычеством, в корне отличную от версий как Геродота, так и Ктесия. Но было бы ошибкой на этом основании полагать, что он пользовался каким-то источником, неизвестным первым двум писателям.[1] Дело просто в том, что главной добродетелью для Ксенофонта являлось, как мы уже упоминали, умение повелевать и подчиняться, причем для поклонника спартанской дисциплины, каким был Ксенофонт, второе было не менее важно, чем первое. Именно умение повелевать и подчиняться составляет, по Ксенофонту, основу идеальной педагогической системы, приписанной им персам уже на самых первых страницах «Киропедии». Естественно, что исторический Кир, низложивший своего деда (или во всяком случае благодетеля) Астиага, каким он изображен у Геродота и Ктесия, не годился для роли идеального героя, который был нужен Ксенофонту для его романа.

Поэтому, по Ксенофонту, Астиаг мирно умер в постели царем Мидии, а Кир совершил все свои завоевания не в качестве царя, а в качестве полководца сына Астиага, Киаксара (имя, взятое у Геродота). Кир, который уже прославленным полководцем смиренно кладет к ногам ничтожного, но зато законного царя — Киаксара — свои завоевания, — зрелище, которое должно умилять читателя и воспитывать в нем смирение перед законным начальством. Зато добродетель Кира вознаграждена: не имеющий сыновей Киаксар женит его на своей дочери, и он наследует царство и с ним полмира.

Это, конечно, не история, а дидактика.

Все остальное в «Киропедии» может быть сведено к скудным известиям Геродота и Ктесия, приуроченным у них к правлениям Астиага, самого Кира (покорение кадусиев, Вавилона, Лидии) и Камбиса (покорение Египта).

Наибольший интерес представляют сообщения Ксенофонта в «Киропедии» о событиях в Армении. Здесь несомненно сказались собственные наблюдения автора (например, рассказ о вражде армян с горными племенами халдайцев, о которых Ксенофонт подробно говорит также в «Анабасисе»).

Любопытно имя армянского царевича Тиграна. Как известно, это имя было обычным и в роде позднейших армянских царей. Есть основания думать, что при персах это имя было употребительно в роде наследственных сатрапов Армении, где Ксенофонт его и слышал. Сообщение Ксенофонта является единственным древним сообщением о существовании особого царства Армении (отличного от Урарту) в мидийские времена.

[1] Как думает, например, Сидни Смит (S. Smith. Babylonian Historical Texts. . ., стр. 35).

Насколько оно достоверно, сказать трудно, но если где-либо в «Киропедии» можно ожидать какого-то отражения исторической истины, то это здесь (см. об этом ниже, в главе V).

В целом, однако, «Киропедия» представляет для нас, к сожалению, очень мало цены: исторические события в ней либо совершенно искажены, либо измышлены в нравоучительных целях, а описание мидийских нравов основано частью на известных нам уже литературных источниках, частью на наблюдениях Ксенофонта при дворе персидского царевича Кира, а частью представляют собой домыслы, связанные с педагогическими теориями Ксенофонта. Поэтому можно лишь с оговоркой присоединиться к мнению акад. В. В. Струве, согласно которому «Киропедия» — «первоклассный источник для истории культуры и быта Персии»,[1] и то только в том смысле, что в «Киропедии» отразились наблюдения автора по этому предмету на рубеже V и IV вв. до н. э. Что касается специально истории Мидии, то для нее ценность «Киропедии» весьма невелика.

Некоторые данные по истории Мидии и ранней Персии имелись, по-видимому, у греческих писателей IV—III вв. до н. э., в особенности из числа историков походов Александра Македонского. Но Динон, Харес из Митилены и другие подобные писатели были, как и Ктесий, более сочинителями исторических новелл, чем историками, и хотя некоторые из них бывали в Мидии и в Персии и довольно хорошо знали их быт, тем не менее они имели бы немного значения для историографии, даже если бы их сочинения сохранились. Историки Александра и его преемников имели большое значение лишь там, где излагали собственные наблюдения или современные им события. По большей части до нас дошли от их сочинений только жалкие отголоски в позднейших произведениях, в лучшем случае — отдельные выдержки. Такова, например, очень интересная характеристика Мидии и ее столицы Экбатаны, переданная со слов кого-то из этих писателей Полибием (II в. до н. э.) — одним из добросовестнейших греческих историков (хотя и проримской ориентации), или мидийская легенда о царе Гистаспе (Виштаспе) и его брате Зариадре (Заривари), переданная собирателем исторических анекдотов Атенеем (III в. н. э.) со слов Хареса из Митилены, и т. д.

Некоторые ценные сведения можно извлечь из «Сравнительных жизнеописаний» и других сочинений Плутарха (I—II вв. н. э.), пользовавшегося разнообразными, по большей части не дошедшими до нас источниками, — в частности, из его биографий персидского царя Артаксеркса II и Александра Македонского и из трактата «Об Исиде и Осирисе».

Но для событий времен Александра (которыми завершается наше изложение) основными источниками являются «Поход Александра»

---

[1] Акад. В. В. Струве. Родина зороастризма. СВ, V, 1948, стр. 26, со ссылкой на статью Леманн-Хаупта (Pauly—Wissowa, s. v. Satrap).

(«Anabasis Aleksandrou») Арриана из Никомедии и история Александра Квинта Курция Руфа.

Сочинение Арриана, писавшего (на греческом языке) во II в. н. э., конечно, не может иметь значения свидетельства очевидца, но ценность его заключается в том, что оно основано преимущественно на записках действительных участников похода Александра — Аристобула и Птолемея, сына Лага (впоследствии царя Египта), из всех аналогичных записок считавшихся еще в древности наиболее достоверными. Курций Руф (как полагают, живший в I в. н. э.) стоит значительно ниже Арриана по достоверности; он более Арриана озабочен внешней занимательностью и своеобразной нравоучительностью рассказа, но у него иногда сохранены факты, не упоминавшиеся Аристобулом и Птолемеем, и потому (или по другим причинам) упущенныеАррианом.

Походы Александра и его преемников привлекали с самого начала большое внимание и вызвали еще в древности огромную литературу, причем в ней рано возникло искажение фактов в угоду различным противоречивым политическим интересам, и постепенно преобладающими становились фантастические и новеллистические элементы. В конце концов все повествования об Александре были вытеснены различными версиями романа о деяниях Александра, ошибочно приписывавшегося участнику похода, философу Каллисфену. Этот роман имел широкое распространение в средние века и вдохновил многих писателей и поэтов, в том числе косвенным образом и Низами.

Особняком среди писателей послеалександровского времени стоит эллинистический вавилонский историк Беросс.

В начале III в. до н. э. жрец бога Мардука в Вавилоне, астролог Беросс,[1] получивший греческое образование, решил ознакомить новых владык Вавилонии — греко-македонян — с вавилонской наукой и для этого

[1] Издание фрагментов сочинения Беросса и исследование о нем см.: P. S c h n a b e l. Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur. Leipzig—Berlin, 1923. Шнабель приложил немало остроумия в восстановлении данных о сочинении и жизни Беросса. Ему удалось установить (стр. 3—17), что Беросс родился между 350 и 340 гг. до н. э., написал свою книгу около 290 г. до н. э. и был одно время главой астрологической школы на греческом острове Кос. Но вывод Шнабеля о том, что Беросс переехал на Кос п о с л е написания своей книги, не выдерживает критики: сообщение об этом Витрувия, на котором базируется Шнабель, может восходить только к самой книге Беросса (через посредство Посидония), откуда следует, что Беросс переехал на Кос (в царство египетского царя Птолемея) д о написания «Вавилонской истории», посвященной Антиоху I (соправителю Селевка, своего отца) в 290—280 гг. до н. э. Переезд — или, вернее, бегство — Беросса на Кос связано, как думает и Шнабель, с политическими причинами. Но я не вижу вероятных политических причин, которые могли бы вызвать это бегство в годы старости Беросса, в правление Антиоха I. Более вероятно, что Беросс должен был бежать в царство Птолемея в качестве сторонника Селевка, — например, вместе с этим последним, в связи с его поражением после 316 г. до н. э. В таком случае он написал свою книгу по возвращении на родину, после длительного пребывания в греческой среде.

написал книгу «Вавилонской истории» («Babuloniaká»), для собственно исторической части которой были использованы вавилонские хроники, легенды и в числе прочих материалов — также шумерский царский список. Так как читатели книги Бероса — греки — не могли, конечно, знать древней шумерской и аккадской терминологии, то Берос переводил ее для них в согласии с господствовавшими в I тысячелетии до н. э. понятиями. Так, династия кутиев, состоявшая, согласно поздним версиям шумерского царского списка, из 21 царя, была естественно (и до известной степени правильно) обозначена Бероссом как династия мидян, поскольку кутии жили там, где позже создалось Мидийское царство. В науке существовало предположение, что в числе царей этой династии у Бероса упоминался Зороастр (т. е. Заратуштра, основатель религии Авесты).

Этому предполагаемому обстоятельству придавалось особое значение в то время, когда запутанная хронология бероссовских династий не была разобрана и сопоставлена с вавилонскими хронологическими канонами, да и когда сам шумерский царский список не был известен. Свидетельство Бероса, который рассматривался как наиболее достоверный свидетель, поскольку он базировался на древних восточных источниках, казалось окончательным и убедительнейшим доказательством мидийского происхождения Заратуштры и зороастризма. Отчасти поэтому в прошлом веке преобладало мнение сторонников мидийского происхождения зороастризма. Так, один из лучших знатоков Авесты, иранских преданий и зороастризма в конце прошлого века, Ф. Шпигель,[1] писал, что, несмотря на преобладание доказательств в пользу бактрийского происхождения Заратуштры и зороастризма, он склоняется в пользу мидийской гипотезы, исходя из свидетельства Бероса.

В настоящее время известно, что кутии, которых здесь имеет в виду Берос, не могли иметь никакого отношения к Заратуштре потому хотя бы, что они говорили на языке, не имеющем ничего общего с языком Авесты, не говоря о том, что Заратуштра не мог жить в III тысячелетии до н. э., когда правила кутийская династия.[2] Мало того, можно наглядно показать, что Зороастр вовсе и не упоминался у Бероса.

Как же возникло это ошибочное представление? Стоит на нем остановиться немного подробнее, чтобы на этом примере показать характер некоторых источниковедческих проблем, разрешение которых может оказаться необходимым по мере привлечения к исследованию по истории Мидии тех или иных источников, число которых, к сожалению, столь невелико.

---

[1] Fr. Spiegel. Êrânische Altertumskunde, I. Leipzig, 1873, стр. 682.

[2] Вопрос о месте и времени происхождения зороастризма, до сих пор не разрешенный, стоит сейчас в совершенно иной плоскости, и аргументы с обеих сторон приводятся совершенно иные. См. ниже, стр. 45 и сл.

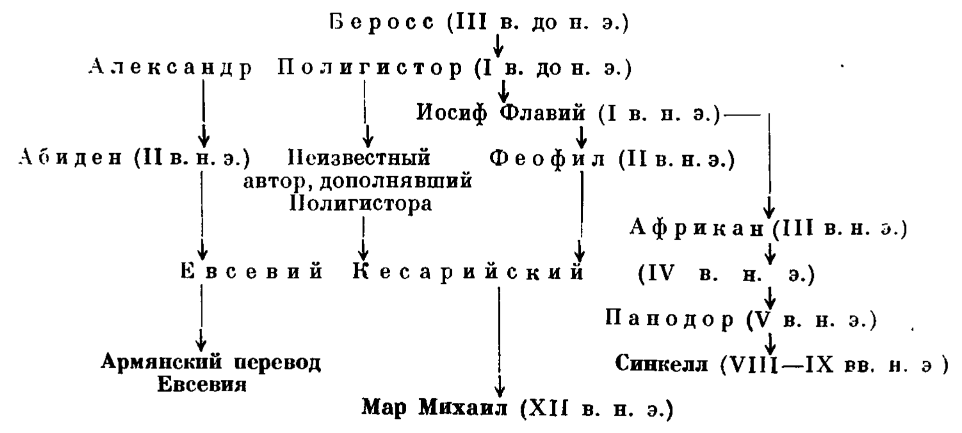
Сочинение Беросса в своем первоначальном виде не дошло до нас, дошли только косвенные ссылки на него чуть ли не из десятых рук.[1]

Обстоятельства таковы. Изложение соответствующей главы Беросса дошло до нас в трех источниках: 1) в армянской средневековой версии хроники автора IV в. н. э. — Евсевия Кесарийского; 2) в сирийском изложении той же хроники Евсевия, принадлежавшей писателю XII в. н. э. Мар Михаилу; 3) в византийской хронике Георгия Синкелла, пользовавшегося опять-таки тем же Евсевием, но лишь косвенно — через посредство некоего Панодора, который добавлял к данным Евсевия материалы других авторов.[2] Таким образом, в основе всех трех источников лежит хроника Евсевия; последний же, полагая, что он привлекает различные, взаимно подтверждающие друг друга источники, на самом деле пользовался данными, различными путями восходящими к автору I в. до н. э., Александру Полигистору, который один только и читал подлинного Беросса.

Первый из трех источников (армянский перевод Евсевия) вкратце излагает Полигистора, указывая, что он вначале поименно перечисляет по Бероссу 86 царей, правивших 33 091 год после потопа (сам Евсевий упоминает «на пробу» только два имени — Эвехойя и Хомасбела). Зная шумерский царский список, мы можем заключить, что в это число (само по себе искаженное) Беросс включал не одну, а несколько туземных династий, в том числе и мифических, которыми начинался шумерский царский список (отсюда и невероятная цифра лет правления). Но Евсевий не упомянул этого, а только — судя по армянской версии — отметил, что «Полигистор. . . называет каждого по имени из книги Беросса»; тем самым для всех последующих авторов эти 86 царей превратились в одну «халдейскую» династию. Далее армянская версия Евсевия пишет:

---

[1] Приводим для образца «родословную» ссылок на Беросса (по Шнабелю):

[2] P. Schnabel, ук. соч., стр. 154 и сл., 185 и сл.

«Затем он (Полигистор, — *И. Д.*) приводит также имена властителей из мидян, 8 числом, а лет их 224», и т. д.

Хроника Мар Михаила сообщает примерно то же, но несколько короче, ссылаясь не только на Полигистора, но также и на Абидена (как видно из прим. 1 на стр. 37, в действительности Абиден пользовался тем же Полигистором). Кроме того, вместо ошибочной цифры «8 царей» для мидийской династии, говорится более правильно (в согласии с использованными, очевидно, Бероссом данными поздних версий шумерского царского списка для кутиев): «После того как окончилось господство халдеев, правили мидяне — 21 царь». Числа лет их правления этот источник не указывает.

Наконец, третий источник — Георгий Синкелл — не столько излагает Беросса или Полигистора, или хотя бы Евсевия, сколько полемизирует с Полигистором как с «языческим» автором за то, что тот приводит невероятно гигантские цифры длительности правления вавилонских династий, не согласующиеся с христианскими воззрениями на время сотворения мира. Одновременно он полемизирует (следуя другому автору, Анниану) и с «некими нашими церковными историками» (имея в виду Панодора), которые пытались согласовать цифры вавилонских правлений с Библией, полагая, что в некоторых случаях названные цифры нужно понимать аллегорически. Между прочим, Георгий Синкелл пишет здесь: «Тот же Полигистор после этого времени (а именно, времени) 86 (царей), — двух халдейских царей, Эвехойя и Хомасбела, и 84 мидийских, — вводит Зороастра и тех, что вслед за ним — 7 халдейских царей».[1] Это и есть то место, на основании которого полагали, что Беросс упоминал Зороастра. Но мы знаем из армянской версии Евсевия, что Полигистор вводил не двух только халдейских царей по именам, а перечислял всех восемьдесят шесть поименно; отсюда видно, что Синкелл не читал ни Полигистора, ни даже Евсевия, а черпал свои сведения из промежуточного источника (Панодора), который, вслед за Евсевием, упоминал только этих двух царей, поскольку Евсевий не счел нужным перечислить все неудобопроизносимые вавилонские имена. Несколько ниже Синкелл говорит про Полигистора и других: «. . . древнейших (царей), которых они считают богами и полубогами, и тех, что были после них, вводя их (в перечень) действительно по заблуждению, они записали царствующими бесконечное время, полагая вселенную извечной, противно боговдохновенным писаниям; а рожденных позже и всем известных — по солнечным годам, в качестве смертных, а не так, как кажется Панодору и некоторым другим — исключительно из-за измерения Зороастром годов царей солнечными годами. . .».

---

[1] Синкелл или Анниан здесь спутал, переменив местами евсевиевых «8 мидян» с «86 халдеями» (включая двоих, названных Евсевием поименно). Также и другие данные и цифры у него перепутаны.

Это, кажущееся на первый взгляд загадочным, замечание, раскрывает все дело. Оказывается, что Панодор имел свое объяснение, почему первая династия из 86 царей имеет «астрономическую» цифру годов правления, а со следующей, «мидийской», династии начинаются нормальные цифры. Правда, сама проблема основана на недоразумении, так как соединение 86 царей в одну династию, как мы знаем из сравнения с шумерским царским списком, — результат позднейшего сокращения текста Беросса; на самом деле в этой династии соединено несколько как мифических династий с фантастическими годами правления, так и исторических, так что грань между фантастическими и реальными цифрами проходила вовсе не там, где думал Панодор. Поэтому и его концепция была совершенно ошибочна. Она заключалась в том, что «мидянин» Зороастр, которого он знал как зачинателя новой космической эры (такова была роль, приписывавшаяся Зороастру в значительной части античной литературы), ввел впервые счет по «солнечным» годам вместо аллегорического «космического» счета. Так как мы знаем, что уже и Евсевий не упоминал поименно царей бероссовского перечня, то очевидно, что Панодор домыслил в составе «мидийской» династии имя Зороастра в угоду своей теории, объяснявшей переход к нормальному летосчислению; а Синкелл, не читавший в подлиннике ни Евсевия, ни, тем более, Полигистора, встретив у Панодора имя Зороастра, решил, что оно было введено уже самим Бероссом.

Если бы Зороастр действительно упоминался не только Панодором, но и его предшественниками вплоть до Берosса, то это имя несомненно нашлось бы в армянской версии Евсевия, так как в Армении это имя было хорошо известно. Армянской версией были сохранены такие трудно произносимые и никому не известные имена, как Эвехой и т. п., тем более она должна была бы сохранить и имя Зороастра.

Из всего этого видно, что данные Берosса соответствовали вавилонской традиции, и в списке «мидийских» — т. е. кутийских — царей он мог упоминать только те имена, которые были в различных вариантах шумерского царского списка. «Зороастр» же внесен уже после Евсевия, — Панодором или кем-либо иным из поздних авторов, в порядке демонстрации своей образованности в области восточной истории.

Таким-то чрезвычайно обходным путем удается установить часть из того, что содержалось в книге Берosса, отдельные известия которого (например, о разрушении Ассирии) имеют значение для восстановления мидийской истории.

Мы пришли, таким образом, к довольно безрадостным выводам в отношении греческих источников по истории Мидии. Одно лишь краткое повествование Геродота представляется в достаточной мере полным и достоверным; из Ктесия и Ксенофонта лишь путем кропотливейшей критики можно извлечь какие-то крупицы истины, да и то без полной гарантии в том, что это действительно истина. Все остальные писатели, вплоть до III в. до н. э., дают нам в целом чрезвычайно мало сведений.

Позднейшие греческие писатели воспроизводили лишь сведения Геродота и Ктесия, отчасти Ксенофонта, очень редко — Беросса. Однако в их сочинениях по истории древневосточных царств есть слабые следы еще одной исторической традиции, которая не может быть возведена ни к одному из этих авторов. По мнению некоторых исследователей, она восходит к логографам, например к Харону из Лампсака; но более вероятным кажется, что сведения, о которых идет речь, восходят к одному из писателей IV в. до н. э. — например к Динону.[1] Речь идет в первую очередь о некоторых деталях изложения истории древнего Востока у римского автора начала н. э. Трога Помпея, уточняющих данные Геродота и Ктесия. К сожалению, сочинение Трога Помпея дошло до нас только в очень плохом сокращении («эпитоме») некоего Юстина (II в. н. э.). Затем, Полиэн, собиравший во II в. н. э. анекдоты из военной истории, рассказывает эпизоды мидийской истории частично из Геродота и Ктесия, а частично — из какого-то повествования, дублировавшего Ктесия, а отчасти и Геродота. Это также, вероятно, данные Динона. Судить о степени их достоверности, к сожалению, очень трудно, но кое-что подтверждается восточными источниками.

Следует отметить, что у ряда греческих и латинских авторов (вплоть до историка IV в. н. э. Аммиана Марцеллина) разбросаны отдельные независимые сведения о Мидии более позднего времени, которые иногда имеют значение и для понимания мидийской истории интересующего нас периода. Особенно важны авторы географических сочинений, в особенности Страбон (I в. н. э.). Не будучи сам сколько-нибудь выдающимся исследователем, Страбон был широко образован в античной исторической и географической литературе, и через него до нас дошли многие важные известия авторов, сочинения которых не сохранились. Имеют значение также знаменитый астроном, математик и географ Клавдий Птолемей (II в. н. э.), особенно его «Географическое руководство» и хронологический «Канон царей», составленный по восточным источникам, и естествоиспытатель I в. н. э. Плиний Старший («Естественная история»).

Однако в отношении собственно истории Мидийской державы, как сказано, вся античная историческая традиция может быть сведена к сообщениям трех-пяти авторов. Так или иначе, пользуясь этой исторической традицией, мы ни в коем случае не можем ограничиться указанием на то или иное сообщение, но каждый раз должны выяснить, почему данный автор делает такое сообщение, откуда он черпает свои известия и какова степень их достоверности. Таков же должен быть подход и ко всем иным нашим повествовательным источникам, число которых, впрочем, помимо античных, совсем невелико.

---

[1] Таково мнение Гутшмида, к которому присоединился крупнейший западноевропейский ориенталист прошлого века Теодор Нельдеке (см.: Th. Nöldeke. Aufsätze zur persischen Geschichte. Leipzig, 1887, стр. 13, прим. 2). Интересные отрывки из «Persiká» Динона есть также у Атенея.

Самостоятельный от греческой традиции характер носят некоторые имеющие отношение к истории Мидии сочинения, сложившиеся в Передней Азии периода эллинизма (III—I вв. до н. э.). Сюда относится книга Даниила, написанная частично по-еврейски, частично по-арамейски,[1] и дошедшие до нас в греческом облике «Книга Юдифи» и «Книга Товита», возможно, также написанные первоначально по-арамейски.[2]

Все три книги — не история. Книга Даниила — сборник мистических предсказаний и нравоучительных легенд политического характера, связанных с событиями II в. до н. э. и отнесенных к мифическому пророку Даниилу, жившему якобы в VI в. до н. э.; частично книга содержит отголоски и отрывки более старых легенд, однако ее материал, вероятно, ни в одной части не старше, самое большее, середины V в. до н. э. Исторической ценности книга Даниила для нашей темы, в общем, не имеет, хотя в ней и упомянуто «мидийское» царство.

«Книга Юдифи» и «Книга Товита» — новеллы. В первой из них рассказывается о героическом подвиге иудейки Юдифи, освободившей свою родину от угнетателя Олоферна, полководца Навуходоносора, выступающего здесь в качестве царя не Вавилона, а «Ниневии», т. е. Ассирии. Книга начинается с описания войны Навуходоносора с «Арфаксадом, царем Мидии». Имя «Арфаксад» взято из «Генеалогической таблицы народов», содержащейся в «Книге Бытия» в Библии[3] и составленной в начале VI в. до н. э. (?). В «Таблице народов» «Арпаксад» — это термин географический. Война Навуходоносора с «Арфаксадом» не имеет никакого значения для развития событий повести в «Книге Юдифи» и служит, повидимому, для того лишь, чтобы вызвать у читателя аналогию с событиями его собственного времени, а именно — с восточной войной селевкидского царя Антиоха IV, протекавшей также большей частью в Мидии. Поход Олоферна на Иудею должен был для читателя ассоциироваться с походом военачальника Антиоха IV, Лисия, на Палестину в 167 г. до н. э., вызвавшим, очевидно, создание этой патриотической новеллы.

«Книга Товита» — религиозно-фантастическая повесть, действие которой увязано с известной всему Ближнему Востоку арамейской «Повестью об Ахикаре» и отнесено поэтому, как и в «Повести об Ахикаре», к VIII—VII вв. до н. э., а локализовано в Ассирии и Мидии. Герои повести — израильтяне, переселенные ассирийцами в Мидию, как о том рассказывалось еще в «Книгах Царств». Однако иудейское (а не израильское) происхождение повести видно на каждом шагу. Точно установить источники, которыми пользовался автор, в настоящее время невозможно; во всяком случае, кроме «Книг Царств», он пользовался

[1] Некоторые ее части до нас дошли только в греческом переводе.

[2] В настоящее время найдены фрагменты рукописи древнееврейского варианта «Книги Товита», относящиеся к I в. до н. э. Все три книги сохранились в греческом тексте Библии.

[3] Gen., X, 22—24.

одной из не дошедших до нас ранних версий «Повести об Ахикаре» — повести, написанной, безусловно, не позже конца VII в. и довольно правильно рисовавшей обстановку того времени.[1] Кроме того, автором «Книги Товита» использованы, быть может, и еще какие-то восточные литературные памятники. Он имеет некоторое представление о географии и хронологии истории Мидии;[2] к сожалению, занятый своим религиозно-назидательным повествованием, он собственно Мидии касается очень мало. Заметим, что автор был знаком с зороастрийскими религиозными учениями.[3]

Датировать «Книгу Товита» очень трудно. Несомненно, однако, что она написана отнюдь не израильтянином, выселенным в Ассирию[4] или Мидию, как она пытается это изобразить, а иудеем, жившим в «диаспоре» (т. е. за пределами Палестины), скорее всего — в Парфии, не ранее III в. до н. э.,[5] вернее всего — не ранее царствования Митридата II (123—90 гг. до н. э.).[6] О Мидии упоминается также в «Иудейских древностях» еврейского историка I в. н. э. Иосифа Флавия, писавшего по-гречески; данные его не самостоятельны, а восходят отчасти к Библии, отчасти (через посредствующие звенья) к Бероссу и другим грекоязычным авторам.

Последний оригинальный повествовательный источник, содержащий данные о Мидии, который следует упомянуть, принадлежит армянской литературе раннего средневековья. Это «История» замечательного армянского писателя Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци).

Для своей «Истории» Моисей Хоренский привлек большое количество разнообразных источников, в том числе Библию, греческих и сирийских писателей, а также армянский народный эпос. К сожалению, во времена Моисея Хоренского (по наиболее распространенной датировке — в V — начале VI в. н. э.) не было возможности критически проверять данные гре-

---

[1] См.: B. Meissner. Das Märchen vom weisen Achiqar. Der A. O., XVI, 2; И. Ю. Крачковский. Предисловие к книге: Мудрость Хикара и басни Лукмана. II. Изд. «Всемирн. литература», 1920.

[2] Впрочем, представления его в этой области имеют весьма относительную ценность: так, он называет ассирийского царя Синаххериба сыном «Энемассара» (=Салманасара V), видимо, потому лишь, что в «Книге Царств» Синаххериб был назван вскоре после Салманасара V, а царствовавший между ними Саргон II в данном контексте не был упомянут. Время разрушения Ассирии он высчитал довольно правильно, видимо, также по библейским данным. Автор приписывает это деяние Навуходоносору и «Асуэру» (Asuēros, т. е. др.-еврейск. 'Ăḫašwērōš): оба царя упомянуты в Библии, причем Ахашверош — «Асуэр» это, собственно, Ксеркс (др.-перс. Xšāyarša); но автор новеллы отождествляет его, видимо, с Астиагом (Astuagēs).

[3] В повести упоминается под именем Асмодея (Asmodaios) один из злых духов зороастрийской религии — дэв Aišma-, дух гнева, неповиновения и раздора.

[4] Под ненавистной автору Ассирией, повидимому, нужно понимать царство Селевкидов.

[5] Так как в повести есть ссылки на «Книгу Ионы», написанную, по мнению библейских критиков, в конце IV в.; «Книга Товита» вообще, несомненно, близка к «Книге Ионы», также носящей новеллистический характер и относящей действие к Ниневии.

[6] После завоевания им Месопотамии.

ческих авторов. Первоисточниками — Геродотом, Ктесием, Ксенофонтом — Моисей Хоренский не имел возможности пользоваться, а пользовался лишь очень поздними компиляциями, в результате чего в изложении частей его труда, посвященных древним периодам, у него господствует величайшая путаница. Она в особенности усиливается от того, что Моисей Хоренский излишне доверчиво отнесся к книге якобы некоего сирийца Мар Абас Катины, которая является почти единственным его источником для раннего периода. Мар Абас Катина (или лицо, принявшее это имя) выдает себя за современника первых аршакидских царей еще II в. до н. э., но на самом деле его сочинение представляет собой довольно грубую компиляцию, самое раннее III в. н. э., если не еще более позднюю.

Внимание Моисея Хоренского естественно привлекают в особенности данные предшествующих историков, освещающих древнейшую историю Армении. Поэтому видное место у него занимает древнейший армянский царь Тигран I, современник Астиага и Кира — образ, восходящий в конечном счете к «Киропедии» Ксенофонта, хотя, возможно, в повествование Моисея вплетены здесь и данные армянского героического эпоса. В этой связи фигурирует у Моисея Хоренского и Астиаг — под названием Аждахака. Здесь мы имеем один из довольно распространенных у Моисея Хоренского случаев, когда армянский историк пытается увязать греческие известия с восточными преданиями — в данном случае иранскими. Аждахак, авест. aži(š) Dahāka «змей Дахака» — мифический угнетатель, человек-змей из Bawri- (Вавилона),[1] убитый героем Θraitauna- (Феридуном), — не имеет к Астиагу никакого отношения, несмотря на сходство имен; абсурдность подобной этимологии имени «Астиаг» давно доказана,[2] и все же она ввела в заблуждение ряд крупных западноевропейских специалистов XIX в.[3] и породила ряд ошибочных концепций. Однако очевидно, что Моисей Хоренский в V в. н. э. имел значительно менее, чем европейские ученые нового времени, возможностей для проверки греческих известий и для подлинного отождествления приводимых греками имен с мидийскими, древнеперсидскими или авестскими формами, уже отжившими в его время. Он естественно руководился при этом внешним сходством имен.

Повидимому, Моисей Хоренский пользовался здесь не только иранскими преданиями, но и армянским эпосом, и возможно, что в последнем

---

[1] Родина Ажи-Дахаки приурочена к Вавилонии, вероятно, в позднее время — не ранее парфянского, на что, кажется, указывает форма названия: Bawri-, засвидетельствованная в Младшей Авесте (Яшт V, 29—31).

[2] Имя Астиага передается по-аккадски, как Ištumegu. Эта форма, как и греческое Astuagēs, к aži(š) Dahāka восходить не может, как на это указал еще Делаттр: aži(š) Dahāka закономерно дало бы по-аккадски *a-ṣi-iš-da-'a-a-ka, *a-ṣi-da-a-ku или что-либо сходное.

[3] Нибур, Дж. Раулинсон и другие считали Dahāka равным Dēiokēs Геродота, а Дж. Раулинсон считал, кроме того, и Астиага равным Ажи-Дахаке: G. R a w l i n s o n. The History of Herodotus. 4-th ed., London, 1880, стр. 395, прим. 7.

герой Тигран, отождествленный историком с Тиграном греческих повествований, восходящих к Ксенофонту, выступал вместо иранского Феридуна в роли борца с драконом Аждахаком. Это еще больше должно было укрепить Моисея Хоренского в отождествлении Аждахака с современником ксенофонтова Тиграна — Астиагом.

Мидяне — как в восходящей к греческому языку форме medaci-, так и в восходящей к парфянскому языку форме mar-[1] — неоднократно упоминаются в разных контекстах у армянских писателей, в частности и у Моисея Хоренского. Однако анализ источников армянского историка принадлежит к числу труднейших задач для исследования; при этом, хотя вполне возможно, что Моисей Хоренский использовал некоторые, особенно восточные источники, ныне уже недоступные нам, однако сомнительно, чтобы до V в. н. э. могла сохраниться хорошая независимая восточная традиция о Мидийском царстве: достаточно сказать, что в Персии времен династии Сасанидов (III—VII вв. н. э.) почти полностью изгладилась даже память об ахеменидской Персии и, в частности, о таких именах, как Кир и Дарий I. Вместо этого древнейшими царями Ирана представлялись герои, упоминаемые в Авесте, — Кави Ķавата (Кейкобад), Кави Хусрава (Кейхосров), Кави Виштаспа (Гуштасп) и др. В средневековой восточной традиции Ахеменидская держава была почти полностью забыта, и даже о Парфянском государстве существовали самые смутные и превратные сведения.

Другие армянские авторы (а также армяно-албанский автор Моисей Каланкатуйский) представляют интерес главным образом для более поздних периодов истории Атропатены и Албании.

Мы подробно остановились на имеющихся повествовательных источниках по истории Мидии и для большинства из них пришли к довольно отрицательным результатам в смысле оценки их значения и достоверности. Однако подробное изложение этих результатов явилось необходимым: в дальнейшем нашем изложении, а также в оценке предшествующих работ по истории Мидии и различных выдвигавшихся концепций далеко не безразлично знать, основаны ли они на хороших или, как это, к сожалению, слишком часто бывает, на сомнительных источниках. Важно представлять себе не только сам по себе тот факт, что то или иное сведение сообщает этот или другой автор, но также и ясно представлять себе подлинный облик данного автора в историческом, литературном и полити-

[1] Следует отметить, что «маров» (mar-k') армянских авторов следует отождествлять только с мидянами, но отнюдь не с племенем мардов, несмотря на сходство названия: древнеармянское mar- есть закономерная передача парфянского māδ, которое в свою очередь закономерно соответствует древнему māda; с другой стороны, med-aci- есть армянская передача греческого термина mēdoi, являющегося закономерным соответствием в литературном ионийском диалекте форме *mādoi, передающей тот же термин māda. Русское «мидяне» восходит к позднегреческому произношению mēdoi как midi.

ческом отношении; нам необходимо каждый раз давать себе отчет в том, что́ представляет собой сочинение, из которого взяты те или иные сведения, без чего мы не сможем отнестись к ним с надлежащей критикой.

Общий результат произведенного обзора источников сводится к следующему.

Клинописные источники, как в большинстве своем современные описываемым событиям, представляются наиболее достоверными, с учетом, однако, проводимой в большинстве из них официальной тенденции; наиболее достоверны и полны ассирийские и отчасти урартские и вавилонские источники IX—VI вв. до н. э.; в том числе наименее искаженные и тенденциозные данные дают письма и запросы к оракулу VII в. до н. э.

Из повествовательных источников заслуживает доверия труд Геродота, с учетом, однако, устного и, возможно, одностороннего характера сообщений, на которых он базировался. Некоторые ценные данные могут дать речи израильских и иудейских пророков. Что касается прочих источников, то сочинение Ктесия — в целом заведомо малодостоверно, хотя в нем могут попадаться отдельные верные сведения, которые, однако, обнаружить и выделить (путем сопоставления с другими данными) бывает трудно; «Киропедия» Ксенофонта — роман, имеющий мало общего с действительностью, но в нем возможно сохранение отдельных крупиц исторической истины. Почти все прочие письменные источники лишь изредка могут нам дать верные известия об изучаемом периоде истории Мидии, и в каждом случае необходимо кропотливое выяснение происхождения всякого известия.

2. Авеста

Особое место в области источников по истории Мидии занимает Авеста — священная книга зороастрийской догматической религии, написанная на одном из древнейших языков иранской ветви индоевропейской языковой семьи. До сих пор дебатируется вопрос о том, сложился ли этот памятник в Мидии, или где-либо в Средней Азии. Обе точки зрения имеют сторонников как в советской, так и в зарубежной науке.

Столь же невыясненным является и вопрос о времени сложения древнейших частей Авесты. Некоторые исследователи считают Заратуштру (Зороастра), — которому приписывается создание основных сочинений, легших в основу Авесты и зороастризма, — старшим современником персидского царя Дария I (522—485 гг. до н. э.; такова точка зрения Хертеля, Херцфельда, в советской науке — акад. В. В. Струве). Другие исследователи относят сложение древнейших частей Авесты к значительно более ранним временам.

Сохранившаяся до нашего времени часть того книжного канона, который составлял Авесту при династии Сасанидов в Иране, в III—VII вв. н. э., делится на четыре главнейших раздела — Ясна, Вендидад (Видев-

дат), Яшты и Висперед. В состав Ясны входят и стихотворные проповеди, представляющие наиболее древнюю по языку часть Авесты. Это так называемые Гаты, общественно-религиозные речи в ритмической форме, напоминающие по характеру подобные же речи библейских пророков. Те из современных европейских исследователей, которые признают историческое существование Заратуштры, приписывают ему именно Гаты. Эти проповеди написаны на особом диалекте и притом весьма архаичным языком, более архаичным, чем древнеперсидский, и еще близким к языку индийских Вед.

Такой жанр устного творчества засвидетельствован и в других странах Ближнего Востока, где он отражает общественные отношения первой половины I тысячелетия до н. э. Вряд ли Гаты были записаны тотчас же по их сочинении; вернее всего, что они некоторое время передавались устно жрецами и приверженцами данного учения, а записаны были, вместе с древнейшими частями Младшей Авесты, лишь когда, после Дария I, получила распространение иранская письменность на основе арамейского алфавита.[1] Примерно к тому же времени, что и Гаты, относится прозаическая «Ясна семи глав», написанная на том же диалекте.

Остальная часть Ясны состоит из обращений и молитв к божествам и духам зороастрийской религии, формул вероисповедания и тому подобного. Висперед (авест. Vispe-ratavō) представляет дополнение к Ясне, возможно, более позднее, того же содержания. Гимны и воззвания к отдельным божествам составляют содержание также и книги Яштов. Некоторые из этих гимнов написаны на диалекте Гат. Повидимому, составление этой книги (как и некоторых частей остальной Младшей Авесты) относится ко времени, когда религия зороастризма начала принимать общеиранский и, может быть, даже официальный характер, а потому — как это, в иных условиях, сделало со многими древними верованиями и христианство — должна была включить множество распространенных среди населения дозороастрийских и незороастрийских культов. Поэтому Яшты содержат много чрезвычайно древнего материала (даже более древнего, чем Гаты), несмотря на свое, вероятно, сравнительно позднее приспособление к канону.[2]

Ясна, Яшты и Висперед представляют, повидимому, куски не дошедших до нас более обширных книг («насков») Авесты. Зороастрийцы, бежав

---

[1] В противном случае надо было бы предполагать, что Гаты были первоначально записаны клинописью; но, во-первых, нет данных о том, чтобы клинопись была распространена в соответствующих областях достаточно рано; а во-вторых, нет данных для того, чтобы предполагать древнюю ретранскрипцию Авесты или частей ее с клинописи на алфавитное письмо, наряду с установленным фактом ее ретранскрипции с обычного алфавита арамейского происхождения на специальный огласованный, о чем см. ниже.

[2] Впрочем, некоторые части этой книги, как, например, «Фарвардин Яшт», посвященный поминанию духов умерших праведников, возможно, близки Гатам и по времени, и по духу.

из Ирана после арабского завоевания, сохранили из своих священных писаний только те, которые имели наибольшее значение для практического богослужения. Более или менее в цельном виде до нас дошел (хотя, вероятно, с сокращениями и дополнениями) только один «наск» — Видевдат (авест. Vī-daivō-dātō — «закон против дэвов»). Книга составлена в форме диалога между божеством Ахурой Маздой и пророком Заратуштрой и содержит различный мифологический материал, учение о ритуальной чистоте и нечистоте и т. д. Кроме этого, сохранилась еще «Хорд Авеста» — сокращенная Авеста для мирян.

Язык Младшей Авесты по степени своего развития может быть сравниваем с древнеперсидским VI—V вв. до н.э.; он даже архаичнее его. По

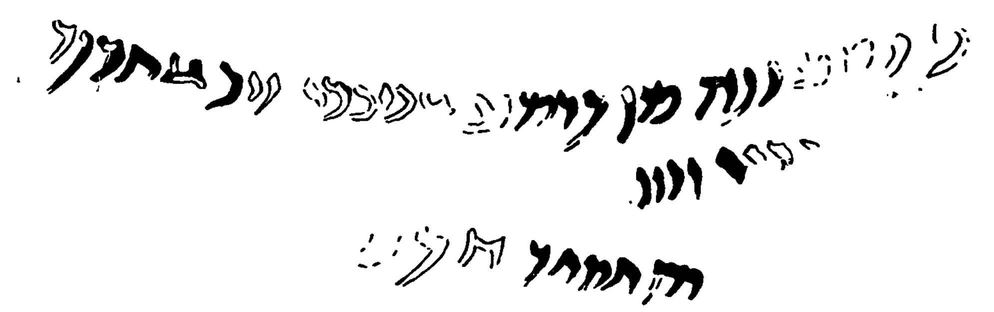

Рис. 4. Документ из Нисы, Парфия, I в. до н. э. Образец парфянского текста, написанного арамейским письмом — письмом, на котором был записан первоначальный текст Авесты.

всей вероятности, это язык района, где складывалась Авеста, в той его форме, которая была характерна для времени первой письменной фиксации зороастрийских книг, т. е., вероятнее всего, именно V—IV вв. до н. э. Видимо, в это время и несколько позже создавалась довольно обширная религиозная литература, трактовавшая о том круге верований, легенд и понятий, который был использован в догматическом зороастризме более позднего времени. Значительная часть этой литературы уже тогда приписывалась Заратуштре. Уже греческий писатель Гермипп Смирнский (III в. до н. э.) знал традицию о том, что Зороастр написал 2 миллиона стихов, в которых изложил свое учение.[1]

Вошедшие в Авесту верования и легенды восходят к более раннему времени, чем ахеменидское. Характерно, что Авеста совершенно не знает Ахеменидской державы и ее царей,[2] не знакома с Западом — Месопота-

---

[1] Ссылка у Плиния: Nat. Hist., XXX, 2, 1.

[2] Вряд ли возможно принять искусственное объяснение, которого придерживается И. Хертель и — в смягченном виде — отчасти и акад. В. В. Струве. Согласно этому объяснению, Ахемениды преднамеренно преданы в Авесте забвению, как противники Заратуштры и его учения (см.: акад. В. В. Струве. Родина зороастризма, стр. 20). Ведь в Авесте отсутствует упоминание не только об одних ахеменидских царях, но и о всем том круге понятий, который должен был быть известен подданным Ахеменидов: налоги, деньги, почтовые дороги, административное устройство (сатрапии и т. д.),

мией,[1] Сирией, Малой Азией, Грецией, Египтом — странами, где часто бывали все разноплеменные подданные Ахеменидов начиная с конца VI в. до н. э.[2] Вероятно, современность сознательно не отражалась составителями Авесты; священным могло считаться только то, что было освящено древностью. Однако какое-то отражение современные составителям условия должны были бы найти помимо их воли. Все это указывает на древность авестской традиции.

Согласно зороастрийской традиции, первоначальная Авеста состояла из 21 «наска», которые, однако, частично погибли при завоевании Ирана Александром Македонским. Эта традиция безусловно содержит зерно истины. Основные части Авесты должны были быть написаны до Александра, так как после IV в. до н. э. вряд ли какой-либо ученый мог реконструировать вымершую грамматическую флексию, фонетические особенности и другие характерные черты столь архаического языка, каким является язык Авесты. Лишь при наличии уже к этому времени установившейся традиции авестского литературного языка можно было и впоследствии писать на этом, уже мертвом языке, как был написан первый «фаргард» (глава) Видевдата[3] и другие, явно поздние части Авесты.

Значительная древность авестской литературной традиции и большое время, необходимое для развития литературного языка и обширной литературы, связанной с именем Заратуштры, требуют отнести создание первых частей Авесты к гораздо более раннему времени, чем конец VI в. до н. э., к которому ее относят многие новейшие теории.[4]

чужеземные народы и их институты. Попытку Херцфельда обнаружить все это в Авесте (см.: E. Herzfeld. Zoroaster and his World, II. Princeton, 1947, гл. VI, XI, XIV, XXXV, XXXVI, XLIII и др.) нельзя признать удачной, и она единодушно отвергнута исследователями. См.: W. B. Henning. Zoroaster, Politician or Witch Doctor? London, 1951.

[1] Возможно, однако, что Bawri-, упоминаемый в легенде об Ажи-Дахаке, — это Вавилон (Яшт V, 28—29), но форма эта — поздняя, как, по всей вероятности, и самый текст этого Яшта, на что указывает переход b>w (Bawri-<Bābiru- ?).

[2] Мы встречаем в V в., например, хорезмийца, живущего в Египте; см.: A. H. Sayce and A. E. Cowley. Aramaic Papyri discovered at Assuan. London, 1906, Pap. B; И. М. Волков. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V века до Р. Х. М., 1915, стр. 20. Все народы Ахеменидской державы побывали в Малой Азии и Греции сначала еще при Кире, в середине VI в., а затем во время греко-персидских войн. Это не могло бы не отразиться в Авесте, если бы она вообще отражала условия ахеменидского времени.

[3] См. ниже, стр. 54. Наиболее вероятной датой I «фаргарда» представляется 160—155 гг. до н. э., после разгрома Греко-Бактрийского царства парфянским царем Митридатом I.

[4] Наилучше мотивированная из них принадлежит акад. В. В. Струве, но и она не убеждает полностью. Теория акад. В. В. Струве (Восстание в Маргиане при Дарии I. ВДИ, 1949, № 2, стр. 21 и сл.) сводится к следующему: а) Виштаспа, сын Арватаспы из рода Наутара, покровитель Заратуштры (по Хертелю и Херцфельду, которым принадлежат сопоставления, приведенные здесь под литерами «а», «б» и «г», nautara- значит «младший»; такое толкование оспаривается другими иранистами) — это не кто иной, как Виштаспа, сын Аршамы из младшей ветви рода Ахеменидов, правитель

Согласно зороастрийской традиции, сохраненной книгой «Денкарт», частично базировавшейся на не дошедших до нас частях самой Авесты, первые попытки восстановления утерянной «доалександровской»

Парфии и Гиркании при Кире и Дарии I, отец последнего; б) его родственница (по зороастрийской традиции — жена) Hutausā- — это Атосса, дочь Кира и, последовательно, жена царей Камбиса, мага Гауматы и Дария [при этом акад. В. В. Струве (там же, стр. 20) полагает, что на Атоссе мог быть женат и Виштаспа, но это не представляется вероятным: три царя женились на Атоссе как на наследнице царского рода, поскольку у Ахеменидов женитьба на наследнице, повидимому, считалась необходимой для законности власти царя; но Виштаспа, не бывший царем и никогда на царскую власть не претендовавший, не имел основания жениться на Атоссе, чего не позволяли к тому же условия места и времени]; в) другие правители, соперничавшие, согласно Авесте, с Виштаспой, — это мятежные правители и повстанцы смутного времени после смерти Кира и до вступления на престол Дария I; г) Заратуштра действовал при сатрапском дворе Виштаспы в Парфии и Гиркании; д) зороастрийским было народное восстание в Маргиане под руководством Фрады в 522 г. до н. э., подавленное войсками Дария I; это движение могло находиться в связи с деятельностью Виштаспы, почему он и был сочтен непригодным для занятия престола ахеменидской Персии, который, таким образом, занял его сын Дарий; е) это и было причиной намеренного забвения имени Дария I в Авесте. — Часть этих доводов представляет чистые предположения, по поводу же других нужно сказать следующее: генеалогия и родня авестского Виштаспы нам хорошо известна; но равным образом известна генеалогия и родня Виштаспы, отца Дария. Если в отношении царствующих лиц можно еще допустить, что по какой-то причине в Авесту попало не тронное имя, известное всему свету, а личное имя, которое данное лицо носило в частной жизни (хотя не доказано, что первые Ахемениды имели особые, отличающиеся от тронных, личные имена), то в отношении остальных родичей Виштаспы и его противников маскировка их какими-то псевдонимами совершенно необъяснима; далее, имя «Хутауса» вряд ли могло передаваться по-гречески как «Атосса», так как иранское hu- никогда не передается по-гречески как a-. Акад. В. В. Струве (там же, стр. 21), следуя за Херцфельдом (E. Herzfeld. Zoroaster and his World, I, стр. 1), ссылается на дату начала деятельности Заратуштры, приводимую аль-Бируни — 258 г. до начала селевкидской эры, или 570 г. до н. э. По мнению акад. В. В. Струве, эта дата, основанная на византийских источниках и восходящая через них к сасанидской традиции, подтверждает отождествление Виштаспы Авесты с Виштаспой — отцом Дария (впрочем, вряд ли здесь нужно прибегать к византийской традиции — та же дата имеется и в дошедшем до нашего времени сасанидском Бундахишне, см.: A. V. W. Jackson. Zoroaster. New York, 1926, стр. 158). Однако в 570 г. еще не существовало Персидской державы, и поэтому Виштаспа — отец Дария не мог быть сатрапом Парфии и иметь свой двор, при котором действовал бы Заратуштра. Не было всех этих условий и в 560 г. (по традиции, Заратуштра начал проповедь у Виштаспы через 10 лет после начала своей проповеднической деятельности). К этому следует добавить, что историческая традиция должна была пройти через столько рук — в том числе рук людей, мало заинтересованных в беспристрастной передаче исторических фактов, — пока она дошла до аль-Бируни в XI в. н. э., что полагаться на эту традицию, в противовес традиции писателей IV—III вв. до н. э., довольно рискованно.

Акад. В. В. Струве (там же, стр. 17) обратил внимание на то, что в I фаргарде Видевдата лишь две страны названы «верующими в Арту» (Арта — «религиозная праведность», по учению зороастризма), а именно — Маргиана (совр. Мары) и Чахра (часть Мидии?). Из этого акад. В. В. Струве делает вывод, что Маргиана первой приняла зороастризм, а что характеристика Чахры внесена позже «западным» редакто-

Авесты были сделаны при парфянском царе Валкаше (вероятно, Вологезе I, I в. н. э.). Затем новая редакция была создана при первом из Сасанидов, Арташире Папакане (226—240 гг. н. э.), и окончательно канон Авесты был установлен при Шапуре II (310—379 гг. н. э.). На самом деле, конечно, речь идет не столько о восстановлении якобы существовавшего уже до Александра канона Авесты, сколько о собирании сохранившихся религиозных книг, связывавшихся по традиции с именем Заратуштры и отборе их, для включения в канон тех из них, которые соответствовали догмам выработавшейся государственной религии этого времени. Как известно, религии догматические, т. е. предписывающие верующим определенные нормы ритуального и этического поведения, обещающие посмертное блаженство за их выполнение и объявляющие смертельным грехом или ересью всякое инакомыслие, — продукт умирающего рабовладельческого и возникающего феодального общества. Ранние учения, связанные с именем Заратуштры, и аналогичные им не могли поэтому носить догматического характера. Вплоть до первых веков нашей эры, наряду с верованиями и понятиями, которые мы привыкли считать чисто зороастрийскими, продолжали существовать верования, резко противоречащие догмам позднейшего зороастризма, и часто несомненно использовавшиеся идеологическими движениями, враждебными идеологии, ставшей официальной при Сасанидах.[1]

ром. В противовес этому следует указать, что если бы I фаргард Видевдата подвергался обработке со стороны «западного» редактора, то в него были бы внесены Мидия и Персия, отсутствие которых в списке не может не броситься в глаза. Возникновение авестской традиции где-либо в Маргиане или в соседних районах не лишено вероятия; но нам представляется, что одного эпитета «верующая в Арту» в сравнительно позднем источнике еще недостаточно для принятия такого вывода; если же аргументация акад. В. В. Струве справедлива, то она в равной степени должна быть отнесена и к Чахре, т. е., вероятно, к восточной Мидии [Херцфельд (ук. соч., стр. 765) видит в слове «Чахра» прототип термина «Загросские горы», но лингвистически такое представление трудно оправдать].

Наконец, нужно указать еще и на то, что обстоятельства жизни Виштаспы, покровителя Заратуштры, как они представляются зороастрийской традиции, ни в какой мере не сходны с обстоятельствами жизни Виштаспы, отца Дария (см. сводку данных в книге: A. V. W. J a c k s o n, ук. соч.). Еще Харес Митиленский в IV в. до н. э. отличал «Гистаспа, царя Мидии и нижней земли», от Гистаспа, отца Дария. Не вполне точно и указание на редкость имени Виштаспы (вообще этот довод имел бы значение только для доказательства того, что Виштаспа, покровитель Заратуштры, не мог жить п о с л е Виштаспы, отца Дария: если он жил р а н ь ш е, то второй мог быть назван в его честь). К сожалению, персидские имена, известные нам от ахеменидского времени, чуть ли не на 50% состоят из имен представителей самого дома Ахеменидов; но в этом доме имя это было довольно частым, а позже оно вообще было довольно распространено у зороастрийцев. См. об этих вопросах также ниже, стр. 377 и сл.

[1] Нечто подобное происходило и с иудейским священным каноном. Вошедшие в Библию книги написаны в различное время, с XIII по III в. до н. э., т. е. в большинстве до сложения догматической религии иудаизма в VI—V вв. до н. э. Библейский канон представляет результат отбора и редакторской переработки всего того из старой литературы Палестины, что подходило для использования в качестве «священного»

Нет сомнения, что при установлении официального зороастрийского догматического канона в этот канон вошли многие поздние книги и отдельные отрывки книг, многое было переиначено и перередактировано, выброшено, прибавлено, присочинено и т. д. Картина еще более усложняется благодаря фрагментарному характеру дошедшей до нас послесасанидской Авесты. К сожалению, критическому анализу, подобному анализу библейской критики, текст Авесты подвергался еще мало, и пока трудно выделить в пределах Младшей Авесты отдельные разновременные элементы.

Все дошедшие до нас рукописи Авесты — поздние; самые старые восходят к XIII—XIV вв. н. э. К текстам Авесты имеются санскритские и среднеперсидские переводы, а также комментарии («Зенд»).[1]

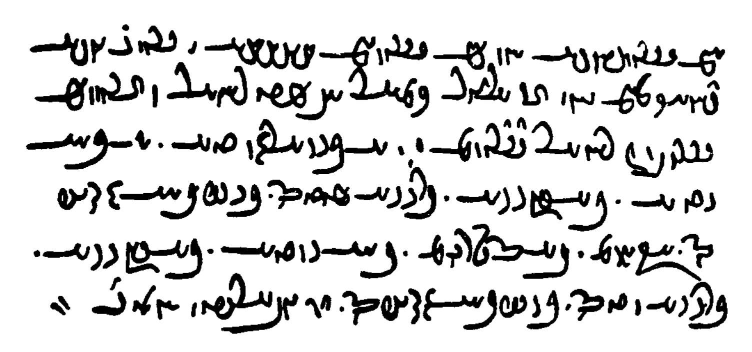

Рис. 5. Образец текста Авесты. Отрывок из рукописи.

В настоящее время установлено, что версия Авесты, собранная и обработанная магами в конце владычества Парфии и в начале владычества персидской династии Сасанидов — в I—IV вв. н. э., была переложена ими в IV в. н. э. с неогласованного письма арамейского происхождения, введенного при Дарии I в VI в. до н. э. и широко употреблявшегося в Парфии, на особый, разработанный ими вид письма, предусматривавший детальную передачу огласовки. Однако, так как язык Авесты к I—IV вв. н. э. давно уже был мертвым,[2] то маги плохо понимали некоторые частности этого языка и, в особенности, именно огласовки; несмотря на наличие устной традиции, они, повидимому, многим словам дали неправильную, псевдоисторическую огласовку, другие слова не поняли и ошибочно транскрибировали новым видом письма и т. д. Некоторые части Авесты были написаны впервые в парфянское время, на мертвом

писания новой догматической религии и могло быть связано с освященными традицией именами легендарных «законоучителей» — Моисея и пророков.

[1] Для истории зороастризма большое значение имеют также книги поздней зороастрийской литературы (сасанидского и послесасанидского времени), написанные на среднеперсидском языке («Бундахишн», «Менок-и храт», «Денкарт» и т. д.).

[2] Язык Авесты относится к древнеиранским; черты, характерные для средне-

«священном» языке, который не мог при этом не испытать искажения. По мнению некоторых исследователей, подобные искажения текста Авесты могли усилить впечатление близости языка известной нам теперь Авесты к языкам «северо-западной» группы. К тому же нам до сих пор плохо известны особенности иранских языков «северо-западной» и «северо-восточной» групп в древнейший период. Поэтому пока анализ языка Авесты не дал однозначного ответа на вопрос о вероятной области ее возникновения.[1]

Следует заметить, что до сих пор нет вполне надежных переводов Авесты, особенно Гат. Старые переводы, хотя и не учитывают многих позднейших достижений иранской филологии, имеют иногда преимущество перед более новыми: первые переводят, не мудрствуя лукаво, согласно зороастрийской традиции, в то время как последние, пользуясь темнотой стиля Авесты, вкладывают в перевод свои философские домыслы, искусственно усложняя и модернизируя миросозерцание авторов авестских книг.[2]

Окончательное оформление канона Авесты происходило под руководством магов Атропатены. Весьма вероятно, что Атропатена находилась под теократическим управлением сторонников религии магов в течение всего эллинистического периода. Хорошо известно, что здесь имелись колоссальные пространства храмовой земли (как равно и в Нижней Мидии). Естественно, что на Атропатену стали смотреть как на родину зороастризма, а отсюда уже — и его основателя, Зороастра (Заратуштры).

Однако в действительности вряд ли первоначальная Авеста могла сложиться в Атропатене. Общественные условия, рисуемые Авестой, в особенности ее наиболее древними частями — Гатами, значительно архаичнее тех, которые господствовали даже в Мидийском царстве VII—VI вв. до

иранских языков, замечаются уже в древнеперсидском языке поздних ахеменидских надписей (IV в. до н. э.); среднеиранским является очень близкий мидийскому парфянский, засвидетельствованный с I в. до н. э.

[1] Один из лучших современных знатоков древне- и среднеиранских языков, В. Б. Хеннинг, в небольшом этюде, посвященном доказательству логической несостоятельности теорий Херцфельда и Нюберга относительно происхождения зороастризма, указывает, что язык Гат является промежуточным между «западноиранскими» и «восточноиранскими», и полагает, что Авеста создалась в области, подчиненной древнехорезмийскому доахеменидскому государству, где-либо в долинах Теджена или Мервруда. Он указывает также на ближайшие связи более позднего хорезмийского языка с языком Авесты. См.: W. B. Henning. Zoroaster. Politician or Witch-Doctor? London, 1951, стр. 43 и сл.

[2] Наиболее доступные переводы Авесты: J. Darmesteter (vv. I—II), L. H. Mills (v. III). The Zend-Avesta. Oxford, 1895, 1883, 1887. (The Sacred Books of the East ed. by F. Max Müller, v. IV$_2$, XXIII, XXXI); F. Wolff. Avesta, die heiligen Schriften der Parsen, übersetzt auf der Grundlage von Chr. Bartholomae's altiranischem Wörterbuch. Strassburg, 1910; Chr. Bartholomae. Die Gatha's des Awesta, Zarathustra's Verspredigten. Strassburg, 1910; Е. Э. Бертельс перевел отрывки из Авесты в журнале «Восток» (IV, Пгр., 1924, стр. 5 и сл.).

н. э.; достаточно сказать, что в Авесте железо еще терминологически не отличается от бронзы;[1] если Авеста написана в Мидии, она не могла быть написана позже IX—VIII вв. до н. э., и это вполне соответствовало бы иранской традиции, уже в IV в. до н. э. относившей «Зороастра» к незапамятной древности.[2]

Но в IX—VIII вв. до н. э. в Атропатене еще совсем не говорили на иранском языке, каким является язык Авесты. Нельзя полагать также, что Авеста была сначала написана на каком-то ином языке, а затем переведена на иранский. Вся религиозная терминология Авесты, весь круг религиозно-философских понятий — таких, как, например, arta (ar͜ta, r̥ta) «(олицетворенная) праведность» и многие другие — общеиранские; они известны равно и скифам, и хорезмийцам, и согдийцам, и бактрийцам, и персам. Но они абсолютно чужды эламитам,[3] хурритам, северокавказским народам, т. е. тем этническим элементам, к кругу которых должно было принадлежать неиранское население Мидии Атропатены. Это не переводная, а чисто иранская терминология и круг понятий.

Средневековая поздняя традиция довольно единогласно считала, что «Зардушт» (Заратуштра) был уроженцем Мидии, но что двор его покровителя Виштаспы, где и протекала его проповедь, находился в Балхе (столице Бактрии — древних Бактрах) или же в Тусе (в Хорасане-Парфии),[4] причем непосредственной родиной пророка называли то Азербайджан, то Рагу (Рей, около совр. Тегерана — в восточной Мидии). В Аве-

---

[1] Речь идет о терминологическом моменте; нет сомнения, что Гаты относятся к железному веку.

[2] Это видно из сообщений греческих авторов — Ксанфа, Евдокса Книдского, Аристотеля, Гермодора, Гермиппа и других (V—III вв. до н. э.), сохраненных в позднейшей передаче. Эти писатели относили деятельность Зороастра за 6000 лет до своего времени (о том, почему выбрана такая цифра, см.: акад. В. В. Струве. Родина зороастризма, стр. 13). Хотя цифра эта явно искусственная и восходит к тому же, как думает Бенвенист (E. Benveniste. The Persian Religion according to the Chief Greek Texts. Paris, 1929) не к ортодоксальной зороастрийской традиции, она указывает все же на то, что в ахеменидское время Заратуштра представлялся уже лицом седой древности.

[3] Характерно, что писцы, переводившие на языки «второй» и «третьей» категорий, т. е. на эламский и вавилонский, «антидэвовскую» надпись Ксеркса (V в. до н. э.), в которой встречается термин arta, не нашли подходящего слова для перевода этого термина и ограничились его транскрибированием.

[4] Сводку материала по этому вопросу см.: A. V. W. Jackson, ук. соч. В Младшей Авесте родина Заратуштры мыслится, повидимому, в Арьянем Вайдже (полумифической, точно не локализуемой местности), за великой рекой Датья, на реке Дареджа. Последняя, но очень пристрастная разработка этого вопроса дана в книге Херцфельда (E. Herzfeld. Zoroaster and his World, I—II) — своеобразном развернутом ответе на критику его позиций в книге Нюберга (H. Nyberg. Die Religionen des Alten Iran. Leipzig, 1938). Книга Херцфельда содержит много ценного материала по частным вопросам, но этот материал подчинен предвзятой точке зрения о связи Заратуштры с Дарием I; филологические построения автора часто недостоверны. См.: W. B. Henning, ук. соч.

сте (Ясна XIX, 18) даже сохранилась традиция, согласно которой в Раге правителем области является сам Заратуштра (или его преемник). Возможно, что из района Раг происходило племя магов, откуда вербовались жрецы, проповедовавшие учение Заратуштры.[1]

С другой стороны, следует признать, что в Авесте нет прямых указаний на то, что покровитель Заратуштры, царь Виштаспа, и сама проповедь Заратуштры должны локализоваться на Востоке, в частности в Бактрии, как считала средневековая традиция. Сам термин «Бактрия» неизвестен Авесте: он упоминается в ней один раз, именно в I «фаргарде» Видевдата, перечисляющем «правоверные» зороастрийские страны.[2] В настоящее время можно считать доказанным, что этот «фаргард» Видевдата написан в начале парфянского владычества, и перечисленные в нем страны — это, очевидно, области тогдашней Парфянской державы и области, на гегемонию в которых парфяне могли претендовать. Бактрия названа в этом списке (поскольку автор не знал действительной формы этого слова на том мертвом архаическом древнеиранском языке, на котором он писал) термином Bāχδī — формой среднеиранской, взятой из живого языка т о г о времени. Bāχδī (из более раннего *Bāχϑrī) соответствует позднейшему *Baχl- и современному «Балх».[3]

[1] Имеет распространение точка зрения, наиболее ревностным поборником которой был И. Хертель, согласно которой магами назывались первоначально жрецы враждебной зороастризму, «неарийской» религии, которые лишь впоследствии «присвоили себе» (в искаженном виде) учение и имя Заратуштры; по мнению Хертеля, из сочетания «чистого», «арийского» зороастризма и «неарийского» «магизма» и создалась позднейшая официальная форма зороастрийской религии времен сасанидской Персии. Эта теория лишена фактического основания. Единственным рациональным зерном в ней является положение о том, что религия сасанидской Персии (зороастризм) далеко не тождественна религии магов времени Ахеменидов. См. об этом также ниже, стр. 377.

[2] Эти страны следующие: Арьянем-Вайджа (локализация спорная), Гава-Сугда (Согдиана, долина Зеравшана и Кашка-Дарьи в Узбекистане и Таджикистане), Мору (Маргиана, ныне оазис Мары в Туркмении), Бахдиш (Бактрия, южный Таджикистан и северный Афганистан), Нисайа (между Мору и Бахдишем?) Харойу (Арея или Харайва, ныне район Герата в Афганистане), Вайкерта, Урва (локализация спорная), Ве(х)ркана (Гиркания, ныне район Астрабада—Красноводска), Харахвати (Арахосия, центральный Афганистан), Хайтумант (долина реки Хильменд в Афганистане), Рага (около совр. Тегерана в восточной Мидии), Чахра, Варена (локализация спорная), Хапта-Хинду (Пенджаб в совр. Пакистане) и Рангха (локализация спорная).

[3] Несмотря на отсутствие термина «Бактрия» в Авесте (при этом не только в сохранившихся частях ее, но, возможно, и в недошедших, насколько они были известны составителю I «фаргарда» Видевдата — иначе бы он знал ее настоящее авестское наименование), представление о связи Заратуштры с Бактрией принадлежит старой традиции. Еще Ктесий делал Зороастра (или Оксиарта?) царем Бактрии и современником легендарной древнейшей царицы Ассирии — Семирамиды, хотя большинство античных авторов называют Зороастра магом, мидянином, «персо-мидянином», изредка даже персом. Как уже указывалось, писатель конца IV в. до н. э. Харес Митиленский, излагающий предание о Виштаспе и его брате Зариадре (Заривари), сохранившееся также в «Шах-Намэ» Фирдоуси и известное, как кажется, уже составителям Авесты, называют Виштаспу (Hustaspēs) царем «Мидии и нижней страны»; между

Мы не можем судить о том, к какой группе иранских языков относится язык Авесты; одно несомненно, что он относится по месту происхождения либо к Средней Азии и востоку Ирана (нынешнему Афганистану и Хорасану), либо, если к Мидии, то только к крайнему ее востоку.

В Мидии Атропатене, а тем более — как предполагали некоторые, в Арране (Албании) — Авеста, как уже упоминалось, возникнуть не могла, так как в этих областях в столь раннее время не говорили на иранских языках. Тем не менее, Авеста не может быть отброшена из числа источников по истории Мидии.

Во-первых, даже если древнейшие ее части сложились не на восточно-мидийской территории, а, скажем, в Бактрии, — все же общественная обстановка и там не могла в то время сильно отличаться от мидийской; во всяком случае данные Авесты весьма сходны с данными, которые дают для Мидии (преимущественно для Нижней Мидии) ассирийские источники. По культуре и уровню развития, по этническому составу населения восточная Мидия и Бактрия несомненно стояли очень близко.

Во-вторых, Авеста является первоклассным источником для изучения древних верований и представлений ираноязычных народов вообще. Нет сомнения, что громадное большинство этих верований и представлений не придуманы зороастризмом, а взяты более или менее готовыми из числа народных верований предшествующих времен. Поэтому и для истории культуры ираноязычных, а в какой-то мере и остальных племен Мидии Авеста является важным источником.

Подобно всем религиозным книгам, Авеста по содержанию крайне реакционна, хотя в Гатах и сохранилось отражение недовольства народных масс и их демократических чаяний; вероятно, эти народные стремления были использованы жречеством в своих демагогических целях. Основой зороастризма является учение о вечной борьбе доброго начала, в виде бога Ахуры Мазды («премудрый дух», Ормазд) и олицетворяющих добродетели божеств, со злым духом Ангхро Маньюш (Ахриман) и его сонмом демонов — «дайва». К доброму началу относятся стихии огня, воды и плодородной земли, люди племен «арья», занимающиеся земледелием и чтущие Ахуру Мазду, и полезные для земледельца животные — корова, собака. Напротив, порождением зла, подлежащим беспощадному истреблению, считаются кочевники и вообще все иноземцы — «туранцы» (в толковании более поздней зороастрийской традиции — жители Средней Азии, особенно тюркоязычные), а также бесполезные и вредные для земледельца животные («храфстра»). Верующим, вся жизнь которых опутана обременительным ритуалом, обещается загробное воздаяние. В Младшей Авесте идеологически обосновывается подчинение всех людей сословной, административной и церковной иерархии.

тем, этот Виштаспа — вероятно Виштаспа Авесты, при котором проходила якобы проповедь Заратуштры. Впервые отождествление обоих Виштасп мы встречаем лишь у Аммиана Марцеллина в IV в. н. э.

Таким образом, зороастризм, в его окончательной, догматической форме, — по своей природе замкнутое, исключительное учение, воспитывающее ненависть к чужим, «неарийским» народам, идеология нарождающегося иранского феодализма.

3. Язык как исторический источник

Приведенными в предыдущих разделах группами памятников еще не исчерпывается список исторических источников, которые возможно привлечь. Самый язык или языки мидян, поскольку они сохранены нам в собственных именах людей и местностей, а также в словах других языков, когда мидийское происхождение этих слов может быть установлено, также могут явиться первоклассным историческим источником.

Данные языка могут помочь осветить многие важные проблемы. Так, названия географических местностей (топонимика) и отчасти названия племен (этнонимика) могут дать возможность установить этнический состав населения Мидии в различные периоды ее истории и установить расселение этнических групп. Еще больше могут дать собственные имена людей (ономастика). Как известно, на древнем Востоке имена давались всегда значащие; обычно они представляют собой целые словосочетания (у индоевропейцев — греков, иранцев — и у ряда других языковых групп) или даже небольшие предложения (у шумерийцев, вавилонян, ассирийцев, хурритов и др.). Анализ имен позволяет установить некоторые элементы словарного запаса и грамматики языка, от которого могло не дойти других памятников; мало того, этот анализ позволяет установить некоторые элементы культуры и в особенности религии (например, имена богов, отраженные в так называемых теофорных именах).

Однако анализ топонимических, этнонимических, ономастических и других языковых данных требует величайшей осторожности и строгой методики в работе.

В сравнительном языкознании при сопоставлении слов различных языков имеет значение не столько сходство, сколько закономерный характер расхождений.

Без учета исторического окружения, а также самой истории слова и тех изменений в течение веков, которые слова претерпевают в каждом языке на основе внутренних фонетических законов данного языка, сопоставление отдельных слов и собственных имен лишено какого бы то ни было научного значения.

Обыкновенно к данным топонимики и ономастики прибегают в тех случаях, когда других памятников языка или тем более литературы от населения данной территории не сохранилось. Поэтому первой частью всякого топонимического и ономастического анализа является установление значения слов. Естественно, что это требует сравнения с другими, родственными языками; но само собой разумеется, что сначала необхо-

димо установить, с какими языками находится в родстве тот язык, с которым мы имеем дело. К сожалению, нередко прибегают к обратной процедуре — подыскивают отдаленно похожие слова в других языках (хорошо еще, если соседних и близких по времени), причем часто для одной половины топонимического термина подыскивают аналогию из одного языка, для другой половины — из другого, не имеющего с первым ничего общего. Историческое изменение звукового состава часто не учитывается. Затем делают вывод о значении термина. Ясно, что в такой процедуре содержится логическая ошибка: за основание рассуждения принимается то, что еще только требуется доказать, а именно родство языка, откуда взят топонимический термин, с языком, откуда взята аналогия. Никакой уверенности в том, что данный термин имеет именно то значение, которое ему приписывается на основании аналогии со сходно звучащим словом в каком-то другом языке, здесь быть не может. Нередкие случаи злоупотребления топонимическими данными в исторических исследованиях заставляют нас, рискуя высказать общеизвестные истины, остановиться на вопросах методики использования данных подобного рода.

Этимологическое сопоставление с терминологией другого языка допустимо только там, где имеются многочисленные и систематические примеры схождений. Таково положение со скифским языком; многие десятки собственных имен, сохранившихся главным образом в греческой передаче, содержат характерные, повторяющиеся элементы: arta-, pharn-, -ksarth или -ksatr, asp и т. д., которые нельзя не сопоставить со столь же характерными и не менее часто повторяющимися элементами мидийских, авестских и персидских собственных имен: arta, farna, xšaϑra, aspa (они же значащие слова);[1] это позволяет выдвинуть гипотезу об иранском характере языка скифских имен, и эта гипотеза подтверждается тем, что и для большинства остальных элементов этих имен удается не только подобрать древнеиранские соответствия, но и показать их систематический, закономерный характер.

Если же речь идет о небольшом количестве терминов, на которых трудно установить массовый и систематический характер соответствий, или о случае, где родство языков слишком отдаленно, чтобы его можно было непосредственно установить, то на таком методе базироваться уже нельзя. Единственный метод, с помощью которого можно установить значение слов неизвестного языка (после чего только их и можно сравнивать со словами других языков, так как это даст гарантию того, что мы сравниваем не просто сходно звучащие фонетические комбинации, а сходные как по звучанию, так и по значению и закономерно расходящиеся между собой слова), — это метод комбинаторный. Он заключается в сравнении употребления слова в различных контекстах и установлении та-

---

[1] Aspa значит «лошадь»; о значении слов arta, farna и xšaϑra см. ниже, стр. 373 и сл.

кого значения, которое удовлетворяет всем имеющимся налицо контекстам. Очевидно, что при отсутствии контекстов и малочисленности известных словосочетаний этот метод неприменим. Но невозможность применения комбинаторного метода не должна толкать на применение метода псевдоэтимологического. История древневосточной филологии знает ряд попыток переводить тексты на древних, неизвестных языках с помощью псевдоэтимологического метода, т. е. путем подбора сходно звучащих слов из уже известных языков. Подобные переводы всегда являются нагромождением бессмыслиц.[1]

Очевидно, что при анализе отдельных слов, каковы собственные имена и названия местностей, абсурдность псевдоэтимологического метода не будет столь явной, так как не будет контроля контекстом; тем не менее нет никакого сомнения в том, что от отсутствия проверки метод не становится лучше; сравнение со случаями применения этого метода к связному тексту показывает, что почти все без исключения толкования, добытые путем применения псевдоэтимологического метода без учета систематичности схождений, явятся ошибочными. Поэтому любые сопоставления подобного рода не имеют никакой научной ценности.

Иное дело, если перед нами два очень близких между собой языка, с множеством примеров схождений, причем фонетические различия в каждом данном случае носят повторяющийся, систематический характер, раскрывающий действие определенного фонетического закона; расхождения могут в таких случаях быть представлены в виде таблицы. Здесь с осторожностью можно применять и этимологический метод; во всяком случае можно с уверенностью говорить о принадлежности данных слов к языку определенной семьи и ветви языков.

При этом, однако, следует соблюдать известные методические положения. Так, не следует непременно во всех названиях местностей искать отражения племенных названий; эту ошибку нередко делают историки, спеша выявить этнический состав населения. Но анализ топонимики там, где языковые и исторические условия полностью ясны (например, по современному этнографическому материалу), показывает, что названия племен крайне редко отражаются в названиях местностей (если не считать, конечно, обозначения целых стран и областей), и притом почти исключительно на стыке разных этнических территорий; так, населенный пункт может быть назван «Русское», «Арменикенд» только там, где это — достаточно определительное обозначение, т. е. где не все населенные пункты русские или армянские, где, следовательно, основная масса населения не принадлежит к тому этносу (племени, народности или нации), который дал имя данному населенному пункту.

---

[1] Ср., например, перевод урартского текста Н. Я. Марром (Н. Я. Марр и И. А. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пгр., 1922, стр. 47—48) с установленным по комбинаторному методу современным переводом того же текста Г. А. Меликишвили: Урартские клинообразные надписи. ВДИ, 1953, № 4, стр. 191.

Следует также среди этнонимов различать самоназвание и названия, которые даются соседями. Последние могут быть нейтральными, бранными или шутливыми; очень часто они будут нерасчлененными, охватывающими разнообразные племена и народности, — по принципу религиозной принадлежности (так, в старом русском употреблении «татарин» часто было обозначением всякого мусульманина, в Авесте arya- часто не столько «человек иранского языка», сколько «зороастриец») или по принципу непонятности языка (*«немец»*=«вообще иностранец»; ср. Włoch — по-польски «итальянец», *«валах»* — на Балканах «румын», Welshman — по-английски «кельт»). Наконец, одинаковость даже самоназвания говорит часто лишь о принадлежности к одной языковой семье, но не о тождестве племени; например, словене ильменские, словаки и словинцы — р а з н ы е славянские племена и народности, а не одно какое-нибудь племя; лужицкие сербы по языку и происхождению ближе к чехам и полякам, чем к балканским сербам.

Этнические названия могут меняться со временем.[1] Все эти обстоятельства необходимо учитывать при определении вообще этнического и осо-

---

[1] Примером изменения значения географических и этнических терминов с течением времени может служить история использования более древней терминологии в клинописной литературе I тысячелетия до н. э. Географические термины III тысячелетия были известны в I тысячелетии до н. э. из ряда специфических источников — эпоса, царских надписей и т. д., и налет старины придавал этим терминам некоторую торжественность; лексика этих текстов в I тысячелетии стала лексикой высокого стиля. Один тип текстов из этой группы продолжал в I тысячелетии сохранять «практическое» значение — это были записи гадателей. Жрецы-гадатели имели обыкновение записывать явления, наблюдавшиеся в природе или во внутренностях жертвенных животных, истолковывавшиеся ими как знамения, стоящие в связи с какими-либо выдающимися событиями. Сохранилось значительное количество записей такого, например, рода: «Если внутренность совсем охвачена желчным пузырем, то это знамение Саргона, который, по этому оракулу, отправился на Элам, покорил эламитов, окружил их и отрезал от пропитания» (Речь идет о Саргоне Древнем, царе Аккада около 2300 г. до н. э.; пример взят из: B. M e i s s n e r. Die babylonisch-assyrische Literatur. Potsdam, 1928, стр. 64).

В записях подобного рода упоминались все страны и племена, с которыми сталкивались цари Шумера и Аккада конца III тысячелетия, в том числе и кутии. Мы знаем из обширной переписки ассирийских царей, что в I тысячелетии до н. э. эти записи усердно изучались; перед к а ж д ы м важным мероприятием царя производилось гадание по внутренностям жертвенных животных, и результаты его сравнивались с древними записями для того, чтобы выяснить предполагаемое значение «предзнаменования». Но для этого было необходимо отождествлять древние географические названия, имевшиеся в старых текстах, с названиями, современными гаданию: ведь в старых текстах нельзя было найти, например, Урарту, Мидии, киммерийцев, скифов и других государственных образований и племен I тысячелетия, т. е. совсем другого времени, чем то, в которое составлялись первоначальные записи. Предзнаменование, которое грозило, по мнению древних гадателей, стране Субарту, считалось новыми гадателями опасным для Ассирии; наоборот, предсказание, направленное, согласно древней записи, против кутиев, могло быть отнесено к врагам Ассирии на востоке или севере (поскольку древние кутии жили к северо-востоку от Двуречья); предсказание,

бенно племенного состава населения. Следует также учитывать, что смена языка не означает, по большей части, изменения физического состава населения, его традиций, культуры и т. д., так как в истории крайне редко встречаются случаи действительного истребления целого народа захватчиками.

Для определения этнического состава на какой-либо территории в каждый данный момент важнее материал собственных имен, чем материал топонимических названий. Топонимика часто сохраняется от прежнего языка населения, особенно если смена языка, как чаще всего и бывает, происходила не путем вытеснения самого населения, а постепенно, через этап двуязычия. Напротив, собственные имена, — если только они, как обычно бывало в древности, сохраняют свою значимость, — свидетель-

---

касавшееся племен Умман-манда, могло быть отнесено к племенам киммерийцев или мидян, и т. д. Таким образом, создался целый репертуар условных географических терминов, параллельный реальным названиям стран и племен — нечто вроде псевдоантичных названий, употреблявшихся в XVIII в. в Европе (Галлия вместо Франции, Сарматия вместо Польши и т. п.), или псевдобиблейских названий, применявшихся со времен средневековья у евреев (Ашкеназ, т. е. Скифия, вместо Германии, Сефарад, т. е. Лидия, вместо Испании, и т. д.). Почти регулярно применялись названия такого рода в царских надписях Вавилонии, где в VII—VI вв. вообще официально насаждался архаизм в языке, письменности и во всей культуре. Но и в Ассирии в высоком стиле довольно часто применялись термины этого репертуара. Так как нам придется еще не раз возвращаться к этой терминологии, то мы приводим таблицу таких условных географических терминов, с их древними и поздними значениями:

Название	Древнее значение (III тыс. до н. э.)	Позднее значение (I тыс. до н. э.)
Шумер.	Крайний юг Двуречья.	Крайний юг Двуречья.
Аккад.	Северная часть Южного Двуречья.	Вавилония, изредка и Ассирия.
Элам.	Бассейн рек Керхи и Каруна.	Бассейн рек Керхи и Каруна.
Аншан (Анзан, эламск. Анчан).	Часть Элама.	Персия(?), может быть, также и часть Элама.
Субарту.	Верхняя Месопотамия и Армянское нагорье.	Ассирия.
Гутиум (собственно Кутиум), Кутии	Племя или группа племен в совр. Иранском Азербайджане.	Урарту, Манна (в ассирийских текстах); Мидия; может быть, Персия (в вавилонских текстах).
Умман-манда.	Какое-то северное племя.	Киммерийцы; скифы; мидяне.
Амурру.	Сирия.	Сирия. Сирия называется иначе «Хатти», что обозначает также восточную Малую Азию.
Маган.	Заморская область, куда плавали по Персидскому заливу.	Египет.
Мелухха.	То же.	Эфиопия.

ствуют часто о том, что население говорило на том языке, к которому принадлежат имена. Однако догматические религии часто несут с собой и имена на языке этой религии; так, в Армении вместе с зороастризмом распространились иранские имена, например, Арташес, Ваграм, Нерсес и т. п., а вместе с христианством — еврейские, латинские и греческие: Согомон, (И)ованес, Петрос, Геворк и т. д.; общеизвестно, что распространение арабских имен в мусульманских странах вовсе не обязательно связано с распространением арабского языка.

С другой стороны, имена, не принесенные вместе с учением какой-либо догматической религии, а возникшие на основе древней общинной религии, как правило, свидетельствуют о сохранении у населения языка, на котором составлено это имя; например, имя «Митрадат», хотя и иранское, свидетельствует лишь о принадлежности его носителя к митраизму или зороастризму; но имя «Кутер-Нанхунте» (эламск. «[бог] Нанхунте—повелитель»), будучи эламским, свидетельствует также и о том, что его носитель говорил по-эламски, а имя «Ари-жэна» (хурр. «[бог] дал брата») — что его носитель был по языку хурритом.

Применяя строго научную методику к языковому материалу, несомненно или возможно происходящему с территории Мидии IX—IV вв. до н. э., мы обнаружим несколько языков, которые могут претендовать на название мидийского.

Во-первых, имеется значительное количество имен и топонимических названий, сохраненных главным образом ассирийскими источниками, которые пока не поддаются ясной этимологии из известных языков и принадлежат, следовательно, каким-то неизвестным местным языкам (или языку) коренного населения. Такие имена были широко распространены по всей территории Мидии в течение IX—VIII вв. до н. э., а также — во всяком случае на территории северной и северо-западной Мидии (ныне Иранского Азербайджана) — еще и в VII в., после чего наши источники иссякают. Но вполне вероятно, что этот тип имен и язык или языки, которые они представляют, были здесь распространены и позже.

Ассиро-вавилонские источники называют поименно несколько языков, которые были распространены на этой территории, — кутийский, луллубейский, маннейский (разновидность кутийского или луллубейского), мехранский, касситский. Характер этих языков (условно называемых «каспийскими») и степень их родства между собой и с другими, лучше известными языками остаются пока не вполне ясными. Но по ряду причин, о которых речь будет идти в своем месте, можно полагать, что все или часть из этих языков были родственны, с одной стороны, языку одной из древних областей цивилизации — Элама, а с другой стороны, — языкам каспиев, албанов и других народов Северного Азербайджана и юго-западного Прикаспия.

Раскрытие характера этих языков и значения имен и отдельных слов, из них происходящих, представляет труднейшую научную задачу. Труд-

ность состоит, во-первых, в том, что у нас нет никаких контекстов, которые позволили бы применить комбинаторный метод, а во-вторых, даже если обратиться за поисками этимологий, другая трудность заключается в том, что один из возможных языков, с которыми древнейшие языки Мидии могут, с известной долей вероятия, быть связаны, а именно язык закавказских албанов,[1] пока еще не изучен; другой же язык, с которым намечаются определенные связи, а именно эламский, изучен еще совершенно недостаточно, как с точки зрения словарного состава, так и с точки зрения грамматики. Для эламского языка характерным приемом образования морфологических формантов сло́ва является агглютинация, т. е. последовательное нанизывание отдельных морфологических элементов, каждый из которых имеет свою особую функцию. Этот принцип характерен также для алтайских (тюрко-монгольских), тунгусо-маньчжурских, финно-угорских языков, для японского и многих других, а также распространен в кавказских языках, в дравидических языках Индии, а из древневосточных — еще в хурритском, урартском и шумерском языках. Поэтому неоднократно делались попытки увязать эламский язык то с той, то с другой из этих языковых семей. Вероятность наличия подобной связи с какой-либо из них значительна, хотя пока еще не найдено этому доказательств. Но хотя эламский язык состоит, возможно, в известном родстве, скажем, с тюрко-монгольскими языками, однако, из одного только родства, если бы оно и было доказано, еще не вытекает прямое происхождение.[2] Во всяком случае эламский язык нам достаточно известен для того, чтобы сказать, что основной словарный фонд и грамматический строй тюрко-монгольских языков не может быть возведен к нему.[3]

Впрочем, в каком бы соотношении ни стоял эламский язык с тюрко-монгольскими, так или иначе, эламский язык — это еще не мидийский. Даже родство некоторых языков древней Мидии с эламским — более или менее вероятное, но еще не доказанное предположение.

---

[1] Язык албанов был, почти несомненно, кавказским языком северо-восточной группы, близким к языкам дагестанских народов; возможно, что остатком его является язык удинов.

[2] Как это конструирует, например, проф. Ширалиев (М. А. Ширәлиев. И. В. Сталинин дилчилийә даир әсәрләри вә азәрбайчан дили тарихинин мәсәләләри. Изв. АН Аз. ССР, 2, 1953, стр. 67), опираясь на работу И. Г. Алиева. В общем виде «финно-татарским» называл эламский язык Вейсбах (F. H. Weissbach. Die Achämenideninschriften Zweiter Art. Leipzig, 1890, стр. 11), а также Рост и Хоммель; Генрих Винклер, Борк, Хюзинг и многие другие искали связи эламского языка с кавказскими и отчасти с дравидическими. Наиболее вероятно родство эламского с дравидическими.

[3] Сходство между эламским языком и тюрко-монгольскими является типологическим. Так, например, множественное число и в том и в другом выражается с помощью самостоятельного суффикса; в этом их принципиальное сходство. Но в эламском соответствующий суффикс звучит «-п», а в азербайджанском «-лар», и т. д. Отдельные похожие слова можно найти в эламском и тюркских языках, как и в любых других языках, но закономерность этого сходства не доказана.

Вопрос этот имеет свою историю. Когда в начале XIX в. западноевропейская наука познакомилась с надписями ахеменидских царей древней Персии, то оказалось, что эти надписи имеют параллельный текст на трех языках. Первая категория была отождествлена как древнеперсидский язык; несколько позже было установлено, что третья категория представляет вавилонский диалект ассиро-вавилонского (или, как теперь точнее принято говорить, аккадского) языка. Но вторая категория долго не поддавалась отождествлению. Исходя из агглютинативного характера данного языка, его называли «туранским», что свидетельствовало о недифференцированном подходе к языкам Азии; термин «туранские языки», как слишком неопределенный, ныне вообще оставлен; далее было предложено обозначение «скифский», крайне неудачное по существу, так как скифы говорили на индоевропейском языке, и невероятное исторически; наконец, известный французский востоковед Ж. Опперт предложил понимать вторую категорию ахеменидских текстов как представляющую мидийский язык.[1]

Основой для такого определения явилось априорное предположение, что персидские цари должны были составлять надписи на языках политически важнейших составных частей своей державы. Об Эламе в то время почти ничего не было известно, но о Мидии, как о центре большого царства, предшествовавшего образованию Ахеменидской державы, наука того времени имела представление. Конкретные доказательства выдвинутого Оппертом положения крайне слабы и были полностью опровергнуты Делаттром[2] и Вейсбахом.[3] В силе остается только один его аргумент — указание на то, что термин māda «мидянин» не этимологизируется из индоевропейских языков.[4]

Смертельный удар по теории Опперта нанесли раскопки в Сузах — столице Элама (область на юго-западе Ирана, в бассейне рек Керхи и Каруна). Найденные здесь многочисленные надписи и документы, начиная с III тысячелетия до н. э. и кончая VI в. до н. э., показали, что развитие как языка Элама, так и его письменности от форм III тысячелетия до н. э. до форм, засвидетельствованных во второй категории ахеменидских надписей, может быть наглядно прослежено. Дальнейшие исследования показали, что эламский язык был распространен и в самой Персиде (Фарсе)

---

[1] J. Oppert. Le Peuple et la Langue des Mèdes. Paris, 1879.

[2] A. Delattre. Le Peuple et l'Empire des Mèdes jusqu'à la fin du règne de Cyaxare. Mémoires couronnés et mémoires des savants étrangers publiés par l'Académie Royale des Sciences, des Lettres et des Beaux-Arts de Belgique, XLV, Bruxelles, 1883, стр. 28.

[3] F. H. Weissbach. Die Achämenideninschriften zweiter Art... стр. 12 и сл.

[4] Однако сопоставление Оппертом этого термина с шум. ma-da — «страна» не выдерживает критики: во-первых, шумерский язык, повидимому, не родствен эламскому или в лучшем случае родствен чрезвычайно отдаленно, а во-вторых, шум. ma-da — заимствование из аккадского (семитского) mâtu(m). Впрочем отсутствие этимологии у этнонимических названий — явление распространенное.

до персидского, и был еще и при Ахеменидах языком государственных канцелярий в Персиде.

Теорию Опперта пытался впоследствии возродить Н. Я. Марр. Занимаясь эламским языком в порядке поисков всесветных «яфетических» аналогий, Н. Я. Марр отказался называть его эламским, главным образом потому, что так его называли враждебные Н. Я. Марру сторонники сравнительного языкознания; не приводя каких-либо аргументов, сначала осторожно, с оговоркой,[1] а потом уже без всяких оговорок Н. Я. Марр стал называть этот язык «мидским». К сожалению, за ним вплоть до самого недавнего времени следовал в этом и ряд азербайджанских ученых, тем самым сильно упрощая проблему.

Таким образом, несмотря на большой интерес, который вызывают у исследователя Мидии материалы местных, древнейших языков этой страны, и важность разрешения проблемы, мы до сих пор не можем почти ничего сказать о них. Как исторический источник материал топонимики, этнонимики и ономастики этих языков может быть использован пока только негативно — как свидетельство того, что в данный период и до данного места не распространился какой-либо иной, более ясный нам язык.

С другой стороны, начиная с VIII в. до н. э. (или даже с конца IX в.), ассиро-вавилонские источники дают, особенно для Восточной Мидии, значительное количество имен, имеющих довольно явную индоевропейскую, точнее, иранскую этимологию.[2]

Греческие авторы сообщают для мидян, как на западе, так и на востоке Мидии, почти исключительно имена этого рода. Имеется и довольно значительное количество топонимических названий того же происхождения. Греческие авторы приводят в своих сочинениях также несколько мидийских слов; эти слова — индоевропейские, точнее — иранские. Таковы приводимое Геродотом мидийское слово spaka — «собака» и приводимое Страбоном мидийское слово tigris — «стрела».[3] В языке Авесты, словарь которого хорошо изучен и словарный запас которого — чисто иранский, spaka- означает «собачий», а tiγriš — «острие», «наконечник стрелы»,

[1] Н. Я. Марр. Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания. ЗВО, 1913, XXII, стр. 31 и сл. (Избранные работы, I, стр. 50 и сл. и особенно стр. 57 и сл.); ср.: Н. Я. Марр. Новый поворот в работе по яфетической теории. Избранные работы, I, стр. 343.

[2] Для той ветви индоевропейских языков, куда входят языки осетинский, афганский, таджикский, персидский, курдский, татский, талышский и др., а из древних также язык Авесты, согдийский, хорезмийский, скифский и мн. др., укоренилось название «иранские языки». Термин этот в настоящее время не может быть заменен, хотя является весьма неудобным: применение прилагательного «иранский» создает ложное впечатление, что речь идет о языке государства Иран, т. е. персидском (фарси). Как известно и как подробно будет освещено ниже, подавляющее большинство так называемых «иранских» языков — это языки Средней Азии и других частей территории Советского Союза. Самый термин «Иран» в его древней форме — «Ариана» — первоначально не охватывал Фарса, см.: Strabo, XV, 2, 1 и 8.

[3] Her., I, 110. — Strabo, XI, 14, 8.

«стрела». Соответствующие корни имеются и в других иранских языках. Есть и ряд других слов, случайно сохраненных из мидийского античными авторами. Все они, как правило, иранские.

Географ I в. до н. э. Страбон указывает на сходство языков мидян, персов и бактрийцев.[1] Далее, есть указание на близость языков скифов и мидян. Все это подтверждает то положение, что язык, который древние называли мидийским, принадлежал к числу иранских языков, подобно тем языкам, на которых в древности (вплоть до первых веков нашей эры) говорили все без исключения оседлые и по крайней мере большинство кочевых народов Средней Азии, потомки которых сейчас в подавляющем большинстве случаев говорят на языках тюркской семьи. Поскольку в древности «мидийским» назывался именно этот язык из группы иранских, мы будем, как это и принято в современной специальной литературе, придерживаться того же употребления, памятуя, однако, что в рассматриваемую нами эпоху не все мидяне и не изначально говорили на этом языке. Неиранские языки Мидии мы будем для различения условно называть «каспийскими».

Обстановка исторически сложилась так, что почти непосредственно за периодом существования мидийского племенного союза, после всего лишь 50—70-летнего промежутка, образовалась Мидийская держава, как слабо экономически связанное военно-административное объединение, внутри которого отдельные, слабо тяготевшие друг к другу области и племена должны были в значительной мере сохранять и свои старые племенные языки. Поэтому здесь не было условий для создания языка мидийской народности, а продолжали существовать разные языки; лишь в III в. до н. э., когда Мидия распалась на Нижнюю Мидию и Мидию Атропатену и когда Мидия Атропатена получила независимость, создались условия для начала сложения мидийско-атропатенской народности.

Если верна теория мидийского происхождения Авесты, то, очевидно, и язык Авесты следовало бы рассматривать как мидийский. Язык Авесты, прекрасно изученный, представленный богатым словарным запасом, — как уже указывалось, индоевропейский, иранский. Но у нас есть основания предполагать, что язык Авесты, хотя, возможно, и был близок к тому иранскому языку, который источники называют мидийским, все же отличался от него.

Помимо тех сведений, которые мы можем почерпнуть о мидийском языке из собственных имен, мы имеем о нем сведения также из слов, заимствованных из мидийского в другие языки, в частности в древнеперсидский. Такие слова легко обнаруживаются вследствие того, что они, будучи явно индоевропейскими и даже иранскими, тем не менее не подчиняются внутренним фонетическим законам самого персидского языка. Значение этого факта особенно велико, если учесть, что слово обычно заимствуется

[1] Strabo, X, 2, 8 и 14.

вместе с соответствующим предметом или понятием; это позволяет получить некоторое представление о роли более высокой культуры мидян в историческом развитии персов.

Достигнутые иранистикой результаты позволяют представить определенную таблицу соотношений между фонетическими системами отдельных иранских языков, и в том числе мидийского, а также отношение этих фонетических систем к системам других индоевропейских языков, например русского (табл. 2).

Таблица 2

Восстанавливаемая индоевропейская фонема или группа	Русская фонема или группа	Мидийская фонема или группа	Авестская фонема или группа	Парфянская	Согдийская	Хорезмийская	Скифская фонема или группа	Персидская фонема или группа
				(более поздние формы)				
Перед гласным k_1	с	s	s	s	s	s	s	ϑ > h [1]
Перед гласным g_1, g_1h	з	z	z	z	z	z	z	d [2]
Перед гласным k_1u̯	св	sp	sp	sp	sp	sp	sp > fs	s [3]
Перед гласным tr (не после спирантов)	тр	ϑr, tr	ϑr	ϑr > hr	dr, š	š	tr, ϑr > rϑ, rt	ç > s [4]
ti̯	ть	ϑy	ϑy	š	š	* ti > t͡s	ti > t͡s	š(i)y[5]
su̯	св	f	hv, χ^{v}	χv > vχ	γw	χw	χw, χo	(h)u̯ > hv,[6] χv

[1] Мидийское заимствование в персидском asā-daruv — «каменное дерево», «черное дерево» (?); авест. asənga- — «камень», saŋh- — «сказать»; др.-перс. aϑa^{n}ga- — «камень», a-ϑah-am — «я сказал» и др.

[2] Мидийские заимствования в персидском vazr̥ka- — «большой», «великий», zūra- — «обида», «насилие»; авест. vazra- — «палица», zūra- — «обида», zān- — «знать», zaranya- — «золото»; парф. и хорезм. zird — «сердце»; скифск. zarina — «золотая»; др.-перс. dān- — «знать», daraniya- — «золото», новоперс. dil < *dird- — «сердце»; ср. русск. «золото» и т. п.

[3] Мидийское в греческой передаче spaka (ср. талышск. s̥pa) — «собака», в греческой и ассирийской передаче aspa- — «лошадь»; авест. spaka- — «собачий», aspa- — «лошадь»; парф., скифск. asp, позднее скифск. afs — «лошадь»; др.-перс. asa-bāra- — «конник», *saka, ново-перс. sag — «собака».

[4] Мид. Miϑra, Xšaϑrita, Čiϑra^{n}taχma в различных передачах; авест. Miϑra- — «Митра», χšaϑra- — «власть», čiϑra- — «потомство»; парф. Mihr, (χ)šahr; скифское в греческой передаче -ksarth =-χšarϑ < *χšaϑra; др.-перс. *Miça-, χšaça-, *čiça-. Ср. русск. «три» с авест. ϑraya-, осет. ærtæ из скифск. *ϑray- и новоперс. se «три», и т. п.

[5] Мидийское заимствование в персидском χšāyaϑiya- «царь», др.-перс. hašiya- — «правда» из *hatyam, ср. авест. haϑiya-, др.-инд. satyá-; др.-перс. (h)uvā-mr̥šiyu- — «самоубийца» при авест. mr̥ϑyu-, др.-инд. mr̥tyu-, ср. русск. «мертвый», и т. п.

[6] Мидийское в греческой передаче -pharn-, -phern- (у Ктесия -bern-) в ассирийской передаче — -parna и др., в персидских заимствованиях -farna; в авест. hvarəna- — «сияние славы»; авест. hvata- — «свой», парф. vχaδ, согд. γwδ, скифск.

Мы приводим здесь эту таблицу не полностью, а только те ее части, которые дают наиболее характерные расхождения между отдельными иранскими языками.[1]

Итак, один из важнейших языков, распространенных в древней Мидии, — именно, тот язык, который известен нам из греческих и клинописных передач, главным образом, собственных имен и названий местностей, а также отдельных слов, и который древние источники и называют «мидийским», — принадлежал к иранской ветви индоевропейских языков, и к той же ветви принадлежал и язык Авесты. Но эти языки ни в коем случае не следует смешивать с наиболее известным из иранских языков — персидским.

Из табл. 3 явствует, что в фонетическом отношении древнеперсидский язык стоит особняком среди иранских. Что касается мидийского языка, то он в области фонетики резко отличается от древнеперсидского,[2] примыкая к таким языкам, как авестский, затем согдийский, хорезмийский — древние языки народов Средней Азии — и скифский — древний язык народов, живших на территории Украины и Северного Ка́вказа. При этом из шести контрольных случаев мидийский расходится с авестским в одном случае, с парфянским и раннескифским — не более чем в двух, с согдийским и хорезмийским, даже учитывая большое временно́е различие между сравниваемыми в данном случае языками, — в трех, а с древнеперсидским — в шести случаях, несмотря на одновременность памятников древнеперсидского и мидийского языков.

Разумеется, историческая фонетика является не единственным показательным фактором для сравнения языков. Большое значение имеет также словарный состав и грамматическая структура. К сожалению, наши сведения о словарном составе мидийского языка более чем скудны, а о грамматической структуре мы ничего не знаем. Возможно, что его словарные расхождения со скифским, хорезмийским, согдийским и т. д. были и более значительными, чем фонетические. Однако несомненно, что в целом близость этих языков была довольно велика.

---

xōd-, осет. χvæd, др.-перс. (h)uva- — «само-»; ср. русск. «свой» и имя солнечного божества «Сварог». По мнению Херцфельда, греч. -pharn-,-bern- передает мид.-парф. *vharna-.

[1] Следует заметить, что наряду с приводимыми выше фонетическими особенностями иранского мидийского языка в нем, повидимому, имелись и другие, в частности такие фонетические особенности, которые не имеют аналогий в других иранских языках и поэтому, вероятно, восходят к «каспийскому» субстрату. Здесь мы имеем в виду переход начального b>m, засвидетельствованного как греческими передачами (перс. Bagabuχša — греч. Megabuzdos), так и вавилонскими (перс. Bagabuχša — акк. Magabudišu: Beh., строка 111). Последнее особенно важно, так как вавилонская версия надписи систематически передает персидские имена в мидийском звучании, например, Barzija при перс. B(a)rdiya, Artamarzî при перс. Artavardiya и др.

[2] Так, Б. В. Миллер говорит о «северо-западной группе иранских языков в ее противопоставлении юго-западной, представителями которой являются новоперсидский и таджикский языки» (Б. В. Миллер. Талышский язык. М., 1953, стр. 227).

Общий итог сравнительного анализа иранских языков приводит к следующему выводу. Иранские языки делятся на три подгруппы: 1) скифско-среднеазиатскую, или так называемую «восточноиранскую», 2) мидийско-парфянскую, или так называемую «северо-западную», и 3) «юго-западную», единственным пока известным древним представителем которой является древнеперсидский.

Обычно две последние подгруппы объединяют вместе под названием «западноиранской»; основанием для этого является значительная лексическая и грамматическая близость главным образом более поздних языков «северо-западной» и «юго-западной» подгрупп (парфянского и персидского), а также общность в более поздний период некоторых фонетических сдвигов в этих языках. Но, вероятно, эта близость является вторичной и объясняется громадным взаимовлиянием мидийского, парфянского и персидского языков в условиях военно-административных объединений конца рабовладельческой эпохи и начала средневековья. Как известно, сейчас на всем протяжении государства Ирана (Персии) господствует один общий литературный язык — фарси, или новоперсидский (хотя остатки прежних языков продолжают еще существовать, либо влившись в персидский в виде территориальных диалектов, либо самостоятельно). Но этот новоперсидский язык не является только потомком древнеперсидского языка. Он складывался как литературный язык в IX—X вв. н. э. в восточных областях, в значительной мере на основе говоров, вошедших в таджикский язык и, кроме того, в течение различных периодов еще своей доистории воспринял громадные пласты мидийской, а позже — особенно парфянской лексики (по подсчетам В. И. Абаева — до двух третей).[1]

Громадное культурное влияние, в частности, мидийского языка, как языка народа, стоявшего в то время выше по своему развитию, на древнеперсидский видно из приведенных в примечаниях к табл. 3 и многих других материалов: в результате лингвистического анализа мидийскими оказываются такие термины государственного управления, как «царь» (χšāyaϑiya), «сатрап» [*χšaϑrapāvā(n)], термины культурного обихода, как «черное дерево» (?—asā-daruv), и идеологии, как «магическая сила и слава царя», «счастье» (farna), имя бога Митры, застывший оборот с религиозным значением «aniyāha bagāha»; мидийскими или бактрийскими являются такие термины, как «священный» (brazman-), «обида», «притеснение» (zūra), «камень лазурит» (kasāka) и т. д.[2]

---

[1] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 142. Скептическое отношение, которое В. И. Абаев выражает к выделению мидийских форм в древнеперсидском языке, не кажется оправданным; само выдвигаемое автором положение о сложении новоперсидского языка не на основе дальнейшего развития одного лишь древнеперсидского, но на основе различных племенных языков требует признать и попытаться выделить лексический вклад мидийского языка в персидский, в том числе и в древнеперсидский.

[2] См.: A. Meillet et E. Benveniste. Grammaire du Vieux-perse. Paris, 1931, стр. 6—14; P. Tedesco. Dialektologie der westiranischen Turfantexte.

Особенно любопытно, что мидийскими оказываются названия некоторых персидских племен: таковы во всяком случае имена двух из этих племен, а именно маспиев и сагартиев (в одном случае мы встречаем неперсидское сочетание -sp-, в другом — мидийскую форму «asagartiya» — «камнероец», «пещерный житель» вместо ожидаемой персидской формы «*aϑagartiya»).

Но самое интересное, что само название «Персия» (Фарс, древнее «Pārsa-») является мидийским;[1] мы ожидали бы в древнеперсидском форму «*Pārϑa-». Наоборот, Парфия, которая по-парфянски и по-мидийски должна была бы называться «*Parsava»,[2] называлась «Parϑava», а «Парсава» (или в ассирийской закономерной передаче «Парсуа»)[3] называлась другая область — на западной окраине Мидии, хорошо известная нам по ассирийским и урартским данным. Это совершенно не случайно: термины эти восходят к иранск. *pars-, *parsav- — «ребро», отсюда «бок», «край»;[4] и Персида, и Парсуа, и Парфия находились на окраинах Мидии: на южной находилась Персида, на западной — Парсуа, на восточной — Парфия (а к северу от Мидии в числе прочих племен отмечаются «парсии»). Все три названия означают «край», «окраина», «украйна», причем для Парсуа и Персиды как центр мыслится Мидия, а Парфия была, повидимому, «краем» для племен, говоривших на юго-западных диалектах.

На основании приведенных в таблице и других данных видно также отношение между мидийским языком и языком Авесты. Близость между ними очевидна и весьма значительна, однако она не доходит до тождества. Имеются существенные отличия — фонетические (мид. farna-, авест. hvarәna-) и словарные (мид. baga, авест. yazata- — «бог»). Авестский язык — видимо, не мидийский, а другой язык. Целый ряд фактов, на которые здесь пока нет возможности указать, связывают авестский язык со скифо-среднеазиатской подгруппой. Как известно, большинство советских и зарубежных исследователей относит возникновение Авесты к Сред-

---

MO, XV, 1921, стр. 184 и сл.; E. Herzfeld. Medisch und Parthisch. AMI, VII, 1934; R. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, стр. 8 (§§ 7—11).

[1] R. Kent, ук. соч., §§ 9, III и 87.

[2] Эламская версия (Dar. NR; 17; Beh., II, 69 и др. сохранила форму Parsuma, Parsumaš (эламское -m- передает -v-). В эламском ϑ обычно передается как t; встречающиеся передачи ϑ как s, может быть, соответствуют мидийским формам.

[3] В ассирийском не было звука [v]. Объяснение ассир. Parsua- из индо-иранск. *parçva- (откуда мид. *parspa- и др.-перс. *parsa- с прилагательным pārsa), принадлежащее Херцфельду, не выдерживает критики по хронологическим соображениям: переход -çv->-sp- должен был произойти гораздо раньше, чем IX—VII вв. до н. э., от которых до нас дошел этот термин. На связь терминов Parϑava и Parsua указал уже Рост [MVAG, 1897, 2, стр. 75 (177)], однако он в корне неправильно считал обитателей Парсуа парфянами, так как действительная причина связи терминов ему не была ясна.

[4] Др.-инд. parçu-ḥ — «ребро», pārçvá-ḥ — «бок»; авест. parәsu- — «ребро», pәrәsu- «бок»; осет. fars — «сторона», «край». См.: A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der idg. Sprachen, herausg. v. J. Pokorny, II. Berlin—Leipzig, 1926, стр. 44 (и.-е. *perk̑ₗ-).

ней Азии — к Бактрии (Гафуров, Джексон, Гейгер, Альтхейм), Согду (Тревер), Маргиане (Струве), Хорезму (Толстов, Хеннинг) и т. п. Однако имеются и сторонники мидийского происхождения Авесты (Маковельский, Херцфельд); число сторонников мидийского происхождения Авесты было значительно бо́льшим в XIX в. (Юсти, отчасти Шпигель и др.).

Учитывая все приведенные выше обстоятельства, не следует отнюдь упускать из виду тот важнейший факт, что до ее разделения Мидия в древности не представляла собой прочного единства. Являясь вначале племенным союзом, потом военно-административным объединением разных племен и стран, затем временно поглощенная ахеменидским военно-административным объединением, она в конце IV в. до н. э. распалась на две части: Мидию Атропатену и Нижнюю Мидию. Больше они уже не соединялись в единое целое в пределах эпохи рабства, и внутри каждой из этих частей шел самостоятельно процесс образования народностей. В то время как народ Мидии Атропатены является одним из предков народа Азербайджана, население Нижней Мидии, имевшее совершенно другую судьбу, не вошло в его состав. Между тем, до начала процесса образования народностей в Мидии Атропатене и смежных областях, в пределах мидийского объединения должны были продолжать господствовать племенные языки, которые предшествуют языкам народностей; таким образом, в период, предшествующий образованию Мидии Атропатены, о д н о г о какого-либо языка (либо иранского, либо «каспийского») в Мидии, строго говоря, не было. «Мидийский язык» источников (иранский) оставался еще племенным языком и, несмотря на свое значение и распространение, все же, как можно предполагать по ряду данных, был лишь одним из племенных языков Мидии (в особенности восточной). В пределах Мидии Атропатены в рассматриваемый нами период, во всяком случае, имелись и другие племенные языки, иного, не иранского происхождения.

Общеизвестно, что почти ни один из народов Ближнего Востока, да и других областей, не говорит сейчас на том языке, на котором говорили его прямые предки несколько тысяч лет тому назад. В Египте древнеегипетский сменился коптским и греческим, потом арабским, хотя население отнюдь не изгонялось и не истреблялось, а осталось неизменным; также в Ираке шумерский и хурритский сменились последовательно ассиро-вавилонским (аккадским), арамейским и арабским; в Средней Азии иранские языки хорезмийцев, согдийцев, бактрийцев и парфян сменились тюркскими языками узбеков, кара-калпаков и туркмен; аналогичная смена языков имела место и в Мидии. Но смена языка вовсе не означает обыкновенно вытеснения коренного населения, и поэтому современные народы — в своей массе прямые потомки древних жителей страны, хотя и говоривших на других языках, чем в настоящее время, но создавших сохраняющуюся по сие время культурную, историческую и антропологическую преемственность, доходящую до современных народов.

4. Изучение истории Мидии в современной науке[1]

Историю изучения Мидии в новое время можно разделить на два периода — до появления подлинных восточных источников, особенно клинописных, и после их появления.

В первый период — до последней четверти XIX в. — изучение истории Мидии ограничивалось пересказом античных авторов и попытками, поразному переворачивая их скудные данные, домыслить то, чего непосредственно в них не содержалось. Особенно важным считалось по возможности согласовать данные Ктесия, которые обычно брались за основу, с данными Геродота и Библии.

Начальный период изучения древневосточных стран был периодом установления критического текста античных авторов по рукописям. Это была громадная и кропотливая работа, начатая еще гуманистами эпохи Возрождения и в основном завершенная в XIX в.

Позже, с развитием иранистики, делались попытки увязать переданную античными авторами историю Мидии с зороастрийской легендарной традицией.[2] В самом понимании задач истории европейские историки древнего мира XVIII и начала XIX в. недалеко ушли от греческих и римских историков, которым они нередко сознательно подражали; история для них была историей династий и войн. Из того, что было написано о Мидии до последней четверти XIX в., почти ничто не сохранило значения до настоящего времени, за исключением отдельных положений, как, например, объяснение хронологической системы Ктесия Вольнеем в 1814 г. или определение даты заключения мира между Мидией и Лидией (окончательно лишь у Нельдеке в 1887 г.) по упоминаемому в связи с этим событием затмению.

Первые данные древневосточных источников, появившиеся с середины XIX в., были еще сравнительно скудны и не всегда правильно поняты; их рассматривали как дополнение и пояснение к данным Библии и античных авторов, поэтому первые работы, привлекающие этот круг источников для истории Мидии, еще в принципе мало отличаются от работ предшествующего периода.

Впервые указал на необходимость привлечения клинописного материала к истории Мидии и дал кое-какие наметки в этом направлении Франсуа Ленорман в 1871 г.[3] Начиная с этого времени появляется еще несколько исследований, посвященных Мидии. Накопление материалов, происходившее в истории других стран Древнего Востока, было еще не

---

[1] Мы не касаемся здесь общих вопросов историографии Древнего Востока, истории иранистики и изучения зороастрийской религии.

[2] Сводку см. в книге: F. Spiegel. Êrânische Altertumskunde, I—II. Leipzig, 1871, 1873.

[3] F. Lenormant. Lettres assyriologiques sur l'histoire et les antiquités de l'Asie antérieure, t. I. Paris, 1871, Première lettre: Sur la monarchie des Mèdes.

столь значительным, чтобы оставить позади Мидию и отвлечь от нее внимание исследователей.[1] В числе появившихся в последней четверти XIX в. сочинений нужно упомянуть работу Опперта, основанную на предположении о тождестве языка «2-й категории ахеменидских надписей» с мидийским и построенную на мысли о борьбе между «туранским» и «арийским» элементом в истории Мидии; главное место Опперт отводит «туранскому» элементу. Несмотря на отдельные интересные мысли, работа эта безнадежно устарела и мало основательна по материалу и аргументации; к тому же сам Опперт занимал в вопросах истории Мидии очень шаткую и неустойчивую позицию. Доводы Опперта были строго логически разрушены Делаттром; но достижения Делаттра носили преимущественно негативный характер, поскольку разбивали необоснованные построения, содержавшиеся в работах Опперта, а также Генри и Джорджа Раулинсона и других. Положительного Делаттр внес в историю Мидии мало, но заслуга его в том, что он отделил достоверное и вероятное от недостоверного и невероятного. Однако он внес в историографию Мидии то пренебрежение к роли неиндоевропейских этнических элементов, которое стало столь характерным для работ конца XIX и начала XX в.

Ряд наблюдений по истории Мидии был сделан Гуго Винклером[2] и Ростом. В этот период, как и в последующие, специальных работ по истории Мидии было немного. Значительно чаще ей посвящали несколько страниц в начале работ по истории ахеменидской Персии, вступлением в которую представлялась ученым конца прошлого века история Мидийского царства.[3] История Мидии затрагивалась также и общими работами, посвященными Древнему Востоку.[4]

Достижений в области изучения истории Мидии к началу нашего столетия по сравнению со временем Ленормана и Делаттра было сделано

---

[1] G. Rawlinson. 1) The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World. London, 1862—1867; 2) The History of Herodotus. London, 1880, 4-th. ed. (статьи Дж. и Г. Раулинсонов). — J. Oppert. Le Peuple et la Langue des Mèdes... Paris, 1879. — A. Delattre. Le Peuple et l'Empire des Mèdes... Bruxelles, 1883. — J. v. Prášek. Medien und das Haus des Kyaxares. Berlin, 1890. — P. Rost. Das sogenannte Mederreich und das Emporkommen der Perser (Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte). MVAG, 1897, 2, стр. 272 и сл., и др.

[2] H. Winckler. 1) Altorientalische Forschungen. Folge I—III. Leipzig, 1893 и сл. (ряд статей); 2) Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte. Leipzig, 1889; 3) Geschichte Babyloniens und Assyriens. Leipzig, 1892. Интересные и меткие наблюдения чередуются у Винклера с фантастическими построениями в духе «панвавилонизма» и многочисленными поспешными умозаключениями.

[3] Таковы работы: F. Justi. Geschichte des alten Persiens (Onckens Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen). Berlin, 1879; Th. Nöldeke. Aufsätze zur persischen Geschichte. Leipzig, 1887; см. также исторический очерк Ф. Юсти: Grundriss der iranischen Philologie, II, Strassburg, 1896—1904, стр. 395 и сл., и др.

[4] В научном отношении наиболее важные из них: G. Maspero. Histoire ancienne des peuples d'Orient classique. [Том III], Les Empires. Paris, 1908; E. Meyer. Geschichte des Altertums (переиздавалась неоднократно).

все еще сравнительно немного. Важная предварительная работа была проделана по исторической географии Мидии IX—VII вв. до н. э.[1] Некоторый прогресс был достигнут в области выяснения источников греческих авторов благодаря работам Маркварта,[2] Прашека,[3] Якоби[4] и других. Большое значение имело опубликование Кнудтцоном в 1893 г. и Клаубером в 1913 г. фрагментов ассирийских запросов к оракулу, делавшихся в связи с восстанием Каштарити в Мидии; но истинный характер событий, отраженных в этих запросах, — именно, образование Мидийского царства — остался нераскрытым.[5]

В целом история Мидии все еще строилась преимущественно на различных более или менее хитроумных домыслах и комбинациях на материале данных Геродота и Ктесия.

Трудность заключалась, во-первых, в том, что, казалось, не было никакой связи между сообщениями ассирийских источников и сообщениями греческих авторов. Первые рисовали картину полной политической разрозненности территории Мидии, вторые рисовали нам целостную Мидийскую державу. Никак не удавалось обнаружить в ассирийских памятниках упоминания Мидийского царства.[6] Далее, сбивали некоторые терминологические моменты, например термин «умман-манда», применявшийся то к киммерийцам, то явно к мидянам; отсюда разнообразные теории, превращавшие мидийских царей в киммерийских и скифских, и наоборот.[7] Смущало также отсутствие ясных клинописных известий о разрушении Ассирии мидянами. Пока таких известий не было, можно было колебаться между версиями Геродота, Ктесия и различными более или ме-

---

[1] Наиболее важны здесь работы: S t r e c k, ZA, XV, для более позднего периода: J. M a r q u a r t. 1) Untersuchungen zur Geschichte von Eran, 1—2, Göttingen, 1896—1905; 2) Erānšahr nach der Geographie des Moses Xorenac'i. Abh. der Ges. der Wiss. zu Göttingen, Ph.-h. Kl., N. F., 3, 1899—1901, Berlin, 1901; J. M a r k w a r t. Wehrot und Arang. Leiden, 1938 (посмертное изд. под ред. Шедера).

[2] J. M a r q u a r t. Die Assyriaka des Ktesias. Philologus, Zeitschrift für das classische Alterthum, Göttingen, 1893, стр. 503 и сл.

[3] J. v. P r á š e k. Hekataios als Herodots Quelle zur Geschichte Vorderasiens. «Klio», IV, 1904, стр. 193 и сл.

[4] F. J a c o b y. Über die Entwicklung der griechischen Historiographie. «Klio», IX, 1909, стр. 80 и сл. — P a u l y—W i s s o w a, Suppl., s. v. Herodotos, и др.

[5] См. у Прашека: «Возникновение Мидийского царства скрыто завесой, непроницаемой для наших средств, так как о нем не дошло до нас никаких прямых известий» (J. v. P r á š e k. Geschichte der Meder und Perser, I. Gotha, 1906. стр. 103).

[6] Это удалось впервые Форреру, см. комментарий к переизданному им в 1921 г. ассирийскому списку провинций и царств: E. F o r r e r. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921. Его наблюдение осталось незамеченным. См.: АВИУ, № 71, прим. 39, стр. 235.

[7] Так, у Винклера Астиаг — не мидянин, а скиф (H. W i n c k l e r. Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte. Leipzig, 1889, стр. 124). Значение термина «умман-манда» было выяснено Ландсбергером и Бауэром в 1926 г. (ZA, N. F., III, стр. 1 и сл.).

нее вероятными домыслами.[1] Неясно было (и остается неясным), каково соотношение Мидии и той страны, где создалась Авеста.

Наконец, что особенно важно, всем исследованиям по истории Мидии придавало односторонний характер то обстоятельство, что история этой страны интересовала буржуазных ученых почти исключительно с точки зрения проникновения туда «арийцев». Под влиянием предвзятой реакционной идеи о неспособности народов Востока, кроме некоторых «избранных», к самостоятельному историческому развитию и об исключительности исторической роли народов, говоривших на индоевропейских языках (что приобретало у наиболее реакционных представителей буржуазной науки форму восхваления мифической «арийской расы»), буржуазные ученые всячески раздували признаки раннего присутствия в древней Мидии индоевропейского языка и преуменьшали значение того, что на ее территории уже существовала высокая культура и развитая государственность до прихода кочевников-индоевропейцев (например, в государстве Манна), что не могло не оказать влияния на историческую эволюцию самих пришельцев, стоявших на более низком уровне развития.

Индоевропейцы индоиранской («арийской») ветви играли в Мидии очень большую роль, и в Нижней Мидии население индоевропеизировалось уже в довольно раннее время. Индоевропейские племена вложили свой вклад в культуру страны, ни в чем не уступая другим племенам и народам, побывавшим на этой территории. Начиная с середины I тысячелетия до н. э. на большей части просторов Ирана возобладали индоевропейские, иранские языки, и народами — носителями этих языков была создана в дальнейшем вся великая культура Ирана. Даже там, где языки индоевропейских племен были впоследствии вытеснены, эти племена оставили немаловажный след в истории. Их проникновение в Мидию и постепенное продвижение с востока на запад было правильно замечено западной наукой этого времени.[2] Но дело в том, что буржуазная наука абсолютизировала значение этих племен в истории, замалчивала древность и высоту местной культуры, которую они должны были воспринять, и декларировала обреченность всех остальных народов на «внеисторическое существование». Такая постановка вопроса являлась по существу апологией угнетения колониальных народов империалистами.

В этот период более других работал в области истории Мидии чешский исследователь Прашек.[3] Его история Мидии представляет наиболее пол-

---

[1] Сводку имевшихся данных см.: Assurbanipal, I, стр. CDV и сл.; см. об этом также ниже, стр. 303, прим. 2. Долгожданная вавилонская хроника была найдена в Британском музее и издана Гэддом в 1923 г., но сам Гэдд в своих комментариях еще оставался до некоторой степени под впечатлением старых домыслов (C. J. Gadd. The Fall of Nineveh. London, 1923).

[2] Наиболее важна работа: E. Meyer. Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache. Kuhn's Z. f. vgl. Spr., XLII, 1908, стр. 14.

[3] Обобщающая работа: J. v. Prášek. Geschichte der Meder und Perser, I.

ную для своего времени сводку материала и сыграла в историографии Мидии важную роль. Однако она ни в коей мере не может удовлетворить читателя — и не потому только, что материал ее частично устарел, но и потому, что Прашек оказался под влиянием распространявшихся в то время реакционных теорий.

Подход к истории Мидии Прашека определяется его основными установками: «Как только. . . арийцы прочно утвердились на мидийской почве, местные жители были оттеснены ими на задний план, и политическое руководство досталось крепкому, свежему арийскому началу. Туземцы были мало пригодны для самостоятельной исторической жизни».[1]

Это утверждение не соответствует действительности, так как «туземцы» обладали «исторической жизнью» тогда, когда никаких индоевропейцев и в помине не было; Прашек не объясняет также, чем же «туземцы» Мидии так печально отличались от своих соседей к югу и западу, создавших великие цивилизации, не будучи арийцами. Не случайно Прашек, вслед за Марквартом,[2] не считает Атропатену областью Мидии [3] — иначе пришлось бы признать концепцию несостоятельной.

Хотя еще Ленорман отметил наличие двух элементов в составе населения Мидии, однако, по Прашеку, местный элемент был оттеснен в горы и недоступные долины и имел значение один только индоевропейский элемент. Точке зрения Прашека противоречит материал собственных имен из Мидии, приводимых ассирийскими источниками, который показывает полное преобладание местного языкового элемента на западных, центральных и северных территориях Мидии. Не имея возможности объяснить соответствующие имена из иранских языков, Прашек ограничивается указанием на то, что названия «Бит-Затти», «Бит-Таззакки» и т. п. — индоевропейские потому лишь, что вообще в индоевропейских именах встречаются звукосочетания «зат» и «тас», совершенно не входя в рассмотрение вопроса о том, что́ эти звукосочетания значат. В других случаях он просто объявляет то или иное имя иранским без дальнейших объяснений (например, имя «Митаки»). Стремясь продвинуть индоевропейских мидян на всю территорию Мидии, вплоть до крайнего ее запада, он обращает внимание на распространенную в области гор Загроса группу топонимических названий, начинающихся с «кинги-»,«кин-», «кинди-» и т. д., и связывает этот элемент с авестским словом Kaŋha- — «название мифического города», несмотря на весьма отдаленное сходство и явно не индоевропейский характер следующей за этим элементом части соответствующих названий. Плохое издание и неправильное чтение некоторых источников, которыми

Gotha, 1906. Она сохраняет значение главным образом для библиографии более старых работ. Кроме того, Прашеком написан ряд отдельных исследований.

[1] Там же, стр. 3.

[2] J. Marquart. Untersuchungen zur Geschichte von Eran, II. 1905, стр. 20.

[3] J. v. Prášek. Geschichte der Meder und Perser, I, стр. 9.

он пользовался,[1] еще более умножают число псевдоиндоевропейских имен у Прашека. Все это затемняет действительную картину и мешает здравой и беспристрастной оценке как действительно индоевропейских, так и неиндоевропейских элементов в составе населения Мидии.

И в остальном, несмотря на полноту привлеченного литературного и источниковедческого материала, работа Прашека страдает рядом недостатков. Ассирийский материал приведен у него суммарно, географически не дифференцирован, историческое значение ассирийских походов не показано. Что же касается истории собственно Мидийского царства, то она построена на чистейших домыслах, основанных на переиначивании данных Геродота, а иногда на явных недоразумениях.[2] Список царей у Прашека не имеет ничего общего ни с Геродотом, ни с Ктесием. Он имеет примерно такой вид: Дейок I (?), Киаксар I, Мамитиаршу=Дейок II (?), Тукдамми, Астиаг I,[3] Киаксар II, Астиаг II (ср. выше, о списках царей у Геродота и Ктесия, стр. 18 и сл. и стр. 26).

Другие авторы заходили еще дальше в своих домыслах на материале мидийской истории. Вполне понятно, что более серьезные ученые, как, например, Масперо (который в своей «Древней истории народов классического Востока» дает много интересного общего материала по Мидии), отказались от построения подобных концепций и, не мудрствуя лукаво, излагали известия Геродота и Ктесия, как они дошли до нас.[4]

---

[1] Например «смитовского» списка областей, завоеванных Саргоном II (J. v. Prášek. Geschichte der Meder und Perser, I, стр. 101 и сл.).

[2] Так, например, киммериец Тугдамми превращается у него в мидийского царя.

[3] Откуда взялся этот загадочный Астиаг I? В известном армянском переводе Евсевия, восходящем к Бероссу, говорится о брачном союзе между домами «Буссолосора» (вавилонского царя Набопаласара) и Астиага (?) и о нашествии из приморья на Ассирию. Речь идет, очевидно, об известной войне мидян и халдеев с Ассирией, приведшей к ее разрушению (для вавилонского автора «Приморье» — māt tāmti — это Халдея, юг Вавилонии), причем Астиаг здесь помещен либо по ошибке, либо как фактически действовавший сын престарелого, правившего в то время царя мидян Киаксара (см. ниже, стр. 306, прим 1.). Нельзя конструировать на основании этого позднего и искаженного известия особого Астиага I и какое-то особое нашествие из приморских стран (у Кенига оно превращается даже в нашествие. . . греков — они же «умман-манда» — и покорение ими всей Передней Азии!).

[4] Масперо пишет при этом (G. Maspero, ук. соч., стр. 454, прим. 5): «История Мидии остается наиболее темной в пределах истории народов Азии. . . К тому же это период, в отношении которого современные археологи и филологи самым беспорядочным образом дали волю критике, — а по преимуществу фантазии — в течение последних тридцати лет. Изучив бо́льшую часть систем, предложенных одна вслед за другой, я остановился на решениях, которые, более всего приближаясь к античной традиции (la légende classique), лучше всего согласуются с хронологическими рамками. . . которые надписи нам дают для последних лет Ниневии; не то, чтобы все эти решения казались мне равно вероятными, но. . . они по крайней мере имеют то достоинство, что воспроизводят во многих случаях представления, распространенные

После Прашека история Мидии длительное время не являлась в западной науке предметом специального монографического изложения. В то же время делались отдельные частные наблюдения, уточнялись отдельные факты, делающие возможным пересмотр фактической стороны мидийской истории. Открытие Форрером в 1921 г. ассирийского упоминания Мидии как независимого царства сделало возможным отождествление восстания Каштарити в начале VII в. до н. э. с моментом образования Мидийского царства, а самого Каштарити — с «Фраортом» Геродота. В 1923 г. была опубликована вавилонская хроника о падении Ассирии и вскоре после этого разъяснен термин «умман-манда». Таким образом, целый ряд созданных историками мифов в области истории Мидии умер естественной смертью.

Некоторое накопление знаний происходило и в области изучения неиндоевропейских языков Мидии и Элама. К сожалению, скудость материала и трудность применения к нему строгой методики отпугивала от этой области древневосточной филологии наиболее серьезных ученых, а те исследователи, которые, как Борк, Хюзинг, Кениг, занимались данным кругом вопросов,[1] слишком часто допускали малообоснованные и поспешные заключения. Наиболее существенны работы Хюзинга,[2] нередко содержащие интересные наблюдения, хотя методологически они не выдерживают критики и отличаются произвольностью обращения с источниками. Для более ранних периодов истории народов Загроса важны работы одного из основателей хурритологии, Шпейзера.[3]

Ни один исследователь истории Мидии не сможет обойтись без многочисленных и разнообразных иранистических, археологических, историко-географических и иных работ Э. Херцфельда.[4] Широко образованный и разносторонний автор, Херцфельд оставил множество различных исследований по частным вопросам, содержащих большое количество ценных наблюдений и замечаний, сопоставлений и маленьких открытий. К сожалению, все это обесценивается не только общими его неприемлемыми установками

в древности среди народов, находившихся в прямых сношениях с мидянами и с последними из их государей».

[1] Мы не касаемся в данном случае ученых, занимавшихся только собственно эламским языком. Здесь нужно было бы назвать, помимо указанных лиц, также Норриса, Опперта и других, и в первую очередь Шейля, Вейсбаха и Камерона. Всеми ими проделана ценная работа.

[2] Обобщающая работа: G. Hüsing. Der Zagros und seine Völker, eine archäologisch-ethnographische Skizze. Der A. O., IX, 3/4. Ср. также серию статей по истории Мидии в «Orientalistische Literaturzeitung» за 1915 г.

[3] См. особенно его раннюю работу: E. A. Speiser. Mesopotamian Origins. Philadelphia, 1930.

[4] Наиболее важные из них в серии «Archaeologische Mitteilungen aus Iran», а также: E. Herzfeld. 1) Iranische Denkmäler. Berlin, 1932 и сл.; 2) Archaeological History of Iran. The Schweich Lectures of the British Academy, 1934, London, 1935; 3) Iran in the Ancient East. London, 1941; 4) Zoroaster and his World, I—II. Princeton, 1947.

(к чему мы вернемся), но и неуместной решительностью и докторальностью самого изложения. Не дрогнувшим голосом говорит он как о твердо установленной вещи равно и о том, что действительно установлено и доказано (им или его предшественниками), и о том, что отнюдь не доказано, совершенно недостоверно или в лучшем случае является гипотезой. С повествовательными источниками он обращается с удивительной легкостью, «исправляя» и изменяя дошедший до нас текст в угоду своим догадкам и теориям (хотя иногда эти догадки и теории бывают остроумными).[1] Поэтому весьма опасно полагаться на положения, выдвигаемые им как факты. Иранисты считают Херцфельда слабым филологом, но отличным историком и археологом, археологи признают в нем блестящего филолога и историка, но считают посредственным археологом. В самом деле, хотя его этимологии часто не выдерживают строгой филологической критики, однако иногда они интересны и действительно бросают свет на положение вещей; а его археологические конструкции, хотя нередко фантастичны, однако иной раз содержат ценные сопоставления и наблюдения. Работы Херцфельда важны также и тем, что в них впервые опубликованы многочисленные ранее неизвестные археологические и письменные памятники.

Но, как сказано, пользоваться работами Херцфельда можно лишь с величайшей осторожностью и осмотрительностью, прежде всего учитывая глубокую реакционность пронизывающей их исторической «теории».

Если западные ученые предимпериалистического периода и начала XX в. ограничивались тем, что писали историю «по старинке» — как череду военных походов и царских имен, — то буржуазная наука эпохи империализма пытается выдвинуть различные собственные «теории» истории, в противовес научной теории исторического материализма, разработанной классиками марксизма.

«Теории» истории, созданные буржуазной наукой, многообразны. В применении к истории Мидии наибольшим распространением пользовалась концепция, восходящая к теории циклизма Эдуарда Мейера. Согласно этой теории, в то время как история Европы вращается в кругу поочередной смены феодальных и капиталистических эпох (к последним

[1] Характерный пример его метода работы — статья «Smerdis und Pseudo-Smerdis» (AMI, V, 3, 1933, стр. 125 и сл.). Разбирая вначале с большим остроумием дошедшие до нас известия греческих авторов о восстании мага Гауматы и показывая их детальную историческую подоплеку, он затем неожиданно делает логически абсолютно неоправданный вывод, что имя Сфендадат, которое, по Ктесию, носил восставший маг, есть, на самом деле, имя. . . его убийцы Дария I! Каков механизм такого перенесения имени, Херцфельд, конечно, не объясняет. Декларируя неизменность и абсолютную правильность только тех собственных имен, которые сохранены Авестой, он позволяет себе как угодно переиначивать и перетолковывать имена, сохраненные надписями и греческими авторами, объявляя их как бы псевдонимами авестских персонажей. Все это подводит к выводу о «безнравственности» «незороастрийского» и «неарийского» восстания Гауматы против господствующего «арийского» слоя иранских «феодальных баронов».

относится и античное общество Греции и Рима), Азия находится в состоянии вечного феодализма, выше которого его народы якобы никогда не смогут подняться. История здесь сводится к поочередной смене «народов-господ», поставляющих слой «феодальных баронов», среди каковых ведущее место, разумеется, принадлежит «арийцам» или вообще индоевропейцам. Эта «теория» прочно укоренилась в сознании буржуазных ученых всех направлений; тот же Херцфельд, вынужденный покинуть в 1934 г. «арийскую» Германию, был, однако, рьяным проповедником этой именно «теории».[1]

В течение XX в. работ, специально посвященных истории Мидии, становится все меньше. Методом домыслов и растягивания скудных известий античных авторов более ничего нельзя достигнуть: эта линия явно зашла в тупик. Создать подлинно научную историю Мидии западная наука не может ввиду полной несостоятельности ее теоретических основ. Число новых фактов по истории Мидии очень медленно увеличивается. Да и само накопление материалов отвлекает исследование в другие области.

За последние двадцать пять лет можно назвать лишь две-три работы, хотя не целиком, но во всяком случае в значительной мере посвященные специально истории Мидии. Это брошюра Кенига «Древнейшая история мидян и персов»,[2] книга Камерона «История раннего Ирана» и книга Гиршмана «Иран от древнейших времен до ислама».[3]

Кениг посвятил свои многочисленные исследования главным образом ахеменидской Персии и Эламу. Для его работ наиболее характерным является безудержный полет фантазии. В этом отношении его упомянутая брошюра оставляет особенно тяжелое впечатление. Подобно Херцфельду, Кениг обо всем говорит с величайшей уверенностью; но если у Херцфельда попадаются интересные мысли и остроумные, основательные наблюдения, то этого нельзя сказать о высказываниях Кенига. Наихудшие стороны буржуазных работ предшествующего периода живо восприняты Кенигом, их безосновательные домыслы доведены до грандиозных размеров, концепция громоздится на концепцию — и все это на самых шатких основаниях. Например, несмотря на то, что термин «умман-манда» давно уже правильно разъяснен, Кениг продолжает фантазировать вокруг этого слова. Из условного поздневавилонского обозначения мидян и других северных (по отношению к Вавилонии) народов «умман-манда» превращаются в таинственных выходцев из моря — сиречь культуртрегеров-греков, а то и германцев, созидающих великое индогерманское[4] царство; мидийские

---

[1] Так, для Херцфельда, как и для большинства современных западных иранистов, др.-перс. (и мид.) kāra — «народ-войско» означает только «арийскую» феодальную верхушку!

[2] F. W. König. Älteste Geschichte der Meder und Perser. Der A. O., XXXIII, 3/4.

[3] G. G. Cameron. History of Early Iran. Chicago, 1936. — R. Ghirshman. L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951.

[4] Термин «индогерманцы» употребляется обычно в немецкой науке как синоним

собственные имена, не поддающиеся иранской этимологии, объясняются из. . . германских языков.[1] Попутно дается попытка реабилитировать Ктесия.[2]

Гораздо более серьезной является книга Камерона «История раннего Ирана». Собственно говоря, это история Элама, — в этой области Камерон, базирующийся на полной картотеке контекстов всех эламских надписей, составленной в Чикагском Восточном институте, и на написанной им самим (но не опубликованной) эламской грамматике, является наиболее крупным специалистом. Но в его книге имеются и главы, специально посвященные Мидии. Книга содержит краткую, но трезвую и фактически обоснованную сводку клинописного, археологического и отчасти античного материала по внешнеисторическим событиям от древнейших времен до падения Мидийского царства около 550 г. до н. э. — сводку, тем более полезную, что она частично базируется на неопубликованных материалах, предоставленных автору рядом американских ассириологов. Автор не претендует на глубокое историческое осмысление событий и, помимо истории походов и смены царей, у него трудно найти что-либо. В общеисторических вопросах он зависит от своего учителя, американского историка древнего Востока А. Т. Э. Олмстеда.[3]

Некоторые факты истории Мидии впервые получили правильное освещение в книге Камерона.[4] Как первичная сводка материала, эта книга,

---

термина «индоевропейцы», и в него не вкладывается никакого одиозного смысла. Но в работах, подобных этой работе Кенига, вместо понятия «индогерманцев» подставляется уже понятие «германцев».

[1] Например, мидянин Išteliku — это якобы тезка. . . германского полководца времен переселения народов IV—V вв. н. э. Стилихона (F. W. König. Älteste Geschichte der Perser und Meder, стр. 31). Вообще этимологии и объяснения имен у Кенига самые невероятные — например, имя «Мамитиаршу» делится на имя «Мамити» и титул «арша»; имя Теушпа почему-то объявляется «халдским» (урартским) и т. д. Есть даже этимологии, заимствованные у Н. Я. Марра (например, упоминаемый урартскими надписями в Закавказье Диуцини объясняется как грек Диоген!).

[2] Метод работы таков: в «Хронике Гэдда» в одном месте перед титулом «царь Умман-манды» (т. е. царь Мидии) — разрушенное место, и сохранился остаток знака. К этому остатку можно по форме его подобрать не менее полудесятка разных восстановлений (наиболее логически вероятное — -[ta]r, конец имени [mǓ-ma-kiš-ta]r — «Киаксар»). Кениг останавливается на восстановлении -[g]u(?). Допустим, что так. Дальше оказывается, что это не что иное, как имя, сохраненное Ктесием в форме Arbakēs (мы уже говорили, откуда в действительности это имя у Ктесия). Однако греч. Arbakēs предполагает мид. *Arbaka — какое это имеет отношение к окончанию -[g]u? Конечно, Кениг не снисходит до объяснения таких «мелочей». А далее строится сложная концепция о вторжении «умман-манда», греков, скифов, переменяются места и имена царей и т. д. и т. п.

[3] Книга самого Олмстеда (A. T. E. Olmstead. History of the Persian Empire. Chicago, 1948) также содержит сводный материал по Мидии. Ср.: A. T. E. Olmstead. History of Assyria. New York—London, 1923.

[4] Например, Камероном окончательно установлено тождество Каштарити с геродотовым Фраортом, хотя речь об этом шла еще и у Прашека и Кенига.

принадлежащая одному из наиболее серьезных западных ученых, имеет несомненное значение, хотя история мидян изложена в ней слишком сжато и, по существу, только с точки зрения военных событий.

Автор третьей книги — Р. Гиршман — ведущий французский специалист по археологии Ирана. Его книга носит популярный характер, но содержит полезную сводку материала в области непосредственной специальности автора — археологии; в области собственно истории Мидии Гиршман следует за Камероном.

В дореволюционной русской науке истории Мидии не уделялось серьезного внимания, и значительных работ, связанных с мидийскими проблемами, не появлялось, если не считать слабой компиляции З. А. Рагозиной.[1] В «Истории Древнего Востока» Б. А. Тураева истории Мидии уделено несколько страниц, в которых излагаются основные известные нам факты.

В советской литературе история Мидии также в основном упоминалась вкратце в общих курсах по истории древнего Востока,[2] как часть древней истории Ирана. Ряд ценных для истории Мидии положений выдвинут в работах акад. В. В. Струве, посвященных ахеменидской Персии.[3]

Впервые историей Мидии как самостоятельной темой, тесно связанной с историей азербайджанского народа,[4] в советской науке занялся азербайджанский историк Играр Алиев. Ему же принадлежит первая попытка построить цельную социально-экономическую историю мидийского общества.[5] К сожалению, работы И. Алиева были не свободны от вредного влияния ошибочных языковых теорий Н. Я. Марра,[6] содержали некоторые фактические неточности и несколько небрежны в филологическом отношении. И. Алиев продолжает разработку насущных проблем

---

[1] З. А. Рагозина. История Мидии, второго Вавилонского царства и возвышения Персидской державы. СПб. (без года).

[2] См. также макет «История СССР» (изд. АН СССР, 1941), раздел «Средняя Азия и Кавказ под властью древневосточных государств».

[3] В. В. Струве. 1) Родина зороастризма, стр. 5; 2) Восстание в Маргиане. . ., стр. 10 и сл.; 3) Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота. ВДИ, 1952, № 2, стр. 60, и др.

[4] В общем виде история Мидии рассматривается в связи с историей Азербайджана уже в книге «История Азербайджана. Краткий очерк» (Баку, 1941, стр. 21 и сл.).

[5] Пока опубликованы статьи: 1) Играр Алиев. О мидийском обществе. Изв. АН Аз. ССР, окт. 1948, № 10, стр. 85 и сл.; 2) Играр Әлиев. Мидия тарихи. Труды Инст. истории и философии АН Аз. ССР, I, Баку, 1951, стр. 33 и сл.; 3) И. Алиев. О некоторых вопросах древнейшей истории мидийских племен. Там же, V, Баку, 1954, стр. 156 и сл. Некоторые работы указанного автора не опубликованы. Работа И. Алиева «Мидия — древнейшее государство на территории Азербайджана» (в кн.: Очерки по древней истории Азербайджана. Баку, 1956, стр. 57—169) уже не могла быть учтена в нашей монографии, с которой И. Алиев ознакомился в рукописи.

[6] Н. Я. Марр, как мы упоминали, отождествлял эламский язык с мидийским и делал на этом основании различные ошибочные этнолингвистические выводы относительно населения Мидии.

мидийской истории, преодолевая существовавшие в его первых работах недостатки, и можно надеяться, что в его трудах найдут освещение важнейшие проблемы истории Мидии в увязке с историей древних народов советского Азербайджана.

Важным вкладом в историю древней Мидии в широком смысле является работа Г. А. Меликишвили, посвященная истории государства Манна, процветавшего в VIII—VII вв. до н. э. на будущей северномидийской территории.[1] Завоеваниям Мидийской державы на западе и северо-западе посвящена статья автора настоящей книги.[2] Косвенный свет на проблемы мидийской истории бросает ряд работ советских археологов. Таким образом, в советской науке положено начало изучению истории Мидии на основе марксистско-ленинской теории, и надо полагать, что исследование проблем, связанных с мидийским обществом, будет развиваться.

5. Географические условия

Мидия как историческая область в широком понимании этого термина охватывала в древности территорию, ограниченную на севере рекой Араксом и хребтом Эльбурс к югу от Каспийского моря, на востоке соляной пустыней Дешт-и Кевир, на западе и на юге горными цепями Загроса.

Географически — как, впрочем, и исторически — эта территория разделяется на три четкие части. Первая часть, которую мы будем называть Западной, или Атропатенской Мидией, простиралась от реки Аракс на севере до горы Эльвенд на юге, включая бассейн озера Урмия (ныне Резайе) и впадающих в него с юга реки Джегету и параллельных ей речек, а также бассейн реки Кызыл-узен (Сефид-руд), прорезающей горы Эльбурс и впадающей в Каспийское море у современного Решта.

Эта область (ныне Иранский Азербайджан и Иранский Курдистан) занята продольными, тянущимися с севера на юг или с северо-запада на юго-восток горными цепями.

Западная часть Атропатенской Мидии занята широкой (до 200 км) полосой параллельных горных цепей, носящих в совокупности название гор Загроса. Эти горы отличаются исключительно правильной складчатостью; между тянущимися с северо-запада на юго-восток хребтами расположены параллельные, замкнутые долины; кое-где течение непересыхающих рек прорывает узким ущельем стену гор и дает сообщение между

---

[1] Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы истории манейского царства. ВДИ, 1949, № 1, стр. 57 и сл. Большое значение для истории территорий западной Мидии до VIII в. до н. э. имеет труд: Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. (Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, I). Тбилиси, 1954. К сожалению, выводы, делаемые автором в этой книге, вышедшей в момент, когда настоящая работа была уже подготовлена к печати, не в полной мере могли быть нами учтены.

[2] И. М. Дьяконов. Последние годы урартского государства. ВДИ, 1951, № 2, стр. 29. См. также отдельные замечания в комментариях к ряду текстов «АВИУ».

отдельными долинами; но эти ущелья чрезвычайно узки и часто неудобны для движения, и караванные пути пролегают по большей части не через них, а через самый хребет — там, где имеется более или менее подходящая седловина. Таким образом, горная страна Загроса разбита на мелкие отдельные долины, сообщение между которыми затруднительно и еще более осложняется густыми зарослями леса и кустарника, в древности сплошь покрывавшими на известной высоте поверхность западных горных склонов. Зимой оно затрудняется также снежным покровом.

К востоку от Загроса параллельные гряды гор и группы древних вулканов располагаются уже на большем расстоянии друг от друга. Они в среднем выше хребтов Загроса.

Наиболее широкая равнина в этой области примыкает с юга к озеру Урмии и прорезывается рекой Джегету и параллельными потоками.

Высота горных цепей — около 2000—2500 м над уровнем моря и около 1000 м над уровнем долин; наивысшие вершины — гора Камки в хребте Кара-даг на южном берегу реки Аракса (3358 м); гора Херем-даг (Сахенд) к востоку от озера Урмии (3722 м); гора Савалан-даг, замыкающая с юга долину реки Кара-су, притока Аракса (4822 м), Ак-даг — северо-западное продолжение цепи Эльбурс (ок. 4000 м), и др.

Наверху горных гряд, ниже линии вечных снегов, расположены горные пастбища, под ними, на западной стороне Загроса, — дубовые и кленовые леса, орешники, миндаль и т. д. или густые, непроходимые заросли кустарников. В долинах, там, где имеется достаточное орошение, климат благоприятен для садовых культур — винограда, гранатового дерева, смоковницы. Значительная часть населения издревле живет здесь, однако, скотоводством — кочевым или полукочевым. Скотоводы-кочевники современного Курдистана откочевывают на зиму в центральные и южные районы Ирана, полукочевники ограничиваются летним выходом на горные пастбища. Земледельческое население загросских провинций нынешнего Ирана никогда не чувствовало себя в безопасности от нападений горцев-кочевников; поля и сады располагаются под защитой укрепленных поселений.

Значительным земледельческим районом с давних пор являлся приурмийский. Само озеро Урмия — соленое, безжизненное, бесполезное для орошения; бесплодны и его берега. Гипсовые отложения, содержащиеся в земле многих районов Иранского Азербайджана, делают даже многие реки горько-солеными и непригодными для орошения, кроме весенних месяцев (такова, например, река Аджи-чай). Необходимую влагу стране доставляют главным образом ручьи, сбегающие с гор и образующиеся от таяния обильных зимних снегов и вечных снеговых шапок наиболее высоких горных конусов — Сахенда, Савалана, Эльвенда. Климат здесь резко континентальный, сухой. Там, где есть вода, страна необычайно плодородна и уже в древности давала большие урожаи пшеницы, ячменя, винограда и т. д.; тополя и платаны как в древности, так и теперь укра-

шают эти зеленые оазисы. Но остальные части страны покрыты сухой степной растительностью, все более скудной и сухой, чем дальше двигаться на юго-восток.

В областях, где возможно использование горных вод, очень рано — еще в период неолита — возникало земледелие на основе орошения полей водой горных ручьев путем устройства запруд и т. д. (ручьевое орошение). Позже развиваются и более сложные оросительные сооружения (подземные «кяризы» и т. п.). По нигде не требовалось создания крупных объединенных оросительных систем, как те, которые возникали в Вавилонии и Египте и влекли за собой необходимость в раннем создании организационного единства сооружающих и эксплуатирующих эти системы общин. Это имело существенное влияние на конкретные пути развития исторических судеб Мидии в рамках рабовладельческой, а позже феодальной формации.

Вторая часть Мидии, которую мы будем называть Нижней Мидией, — это холмистая страна, замкнутая между двумя горными хребтами: на севере — идущим в широтном направлении вдоль Каспийского моря Эльбурсом (наиболее высокая точка — гора Демавенд к северу от Тегерана, 5604 м), а на юге — хребтом Кух-и Руд, идущим параллельно цепям Загроса, т. е. с северо-запада на юго-восток. С юго-востока эту область замыкает район соляных пустынь Дешт-и Кевир.

Эта область, орошаемая мелкими речками, стекающими к соленым озерам Хауз-и Султан и Дарья-и Немек между современными Тегераном и Кашаном, а также ручьями, сбегающими в южном направлении с Эльбурсского хребта далее к востоку, соответствует северной части исторического округа Ирак-Аджами.

Над всей областью доминирует снежная громада горы Демавенд. Отрезанная крутой стеной Эльбурса от влажной и лесистой полосы Прикаспия, а горами Фарса — от Персидского залива, Нижняя Мидия представляет собой безрадостное серо-желтое пространство сухих степей, замерзших зимой, знойных летом, переходящих на востоке в солончаки и пустыни. Лишь на склонах гор имеется достаточно влаги и осадков, чтобы возникали цепочки земледельческих районов.

Третья часть, древняя Паретакена, замкнута между параллельными хребтами, идущими в направлении с северо-востока на юго-запад, — Кух-и Рудом на севере и продолжающими Загросские хребты южноиранскими горными цепями на юге. Паретакена орошается речкой Заенде-руд, на которой в настоящее время стоит город Исфахан в южной части округа Ирак-Аджами.

Природа Паретакены сходна с природой Нижней Мидии, но еще скуднее ее.

Древняя Мидия граничила на северо-западе с Урарту (позже с Арменией), на севере с Албанией; затем, вдоль Каспийского побережья с се-

вера Мидию окаймляла расположенная по ту сторону Эльбурса полоса влажных субтропиков — лесные области каспиев, кадусиев, гелов и других мелких племен — ныне Талыш, Гилян и Мазандеран. На востоке от Средней Азии Мидию отделяет горная область Хорасана с хребтом Копет-даг—древняя Парфия; приморская ее часть и долины рек Гургена и Атрека назывались Гирканией. Южнее Парфии восточную границу Мидии составляют пустынные пространства центральной части Иранского нагорья.

С юга к Паретакене примыкает тянущаяся до Персидского залива горная страна — древняя Персида, ныне Фарс, а с юго-востока — долины рек Каруна и Керхи, расположенные среди продолжения загросских хребтов. Это — древний Элам, или Сузиана, один из районов древнейших цивилизаций. Наконец, на западе Мидия граничит с Ассирией.

Территория Мидии богата разнообразными ископаемыми, но трудно сказать, что́ именно добывалось здесь уже в древности. Несомненно во всяком случае, что в горах Загроса и восточнее очень рано добывали медь, а позже и другие металлы.

На западных склонах Загроса и в других местах в Мидии издревле была известна нефть,[1] которую в античное время в Европе даже называли «мидийским маслом». Однако, разумеется, в древности она не имела промышленного значения и употреблялась лишь в светильниках и т. д., и только «кир» (асфальт) — в строительном деле.

Через территорию Мидии проходили пути, связывавшие цивилизации Передней Азии с Закавказьем, со Средней Азией и, быть может, с Индией.

В частности, через Мидию в Переднюю Азию из Средней поступало бактрийское золото и лазурит (лапис-лазули). Ассирийцы считали гору Демавенд местом добычи лазурита — синего камня, очень ценившегося на всем древнем Востоке для художественных поделок, амулетов от «сглаза» и т. п.; но мнение ассирийцев было ошибочным: весь известный на Древнем Востоке лазурит — бадахшанского происхождения, т. е. вывозился (через Мидию) из древней Бактрии.

Такова территория Мидии в том объеме, как она понималась во времена владычества персидской династии Ахеменидов и при Александре Македонском и как это понятие вошло в круг географических воззрений древних греков и римлян. Но за время своей истории термину «Мидия» придавалось то более широкое, то более узкое значение, то охватывавшее значительно меньше указанной территории, то больше. В конечном счете историческая область Мидии разделилась надвое: северо-западная ее часть получила название Атропатены; она имела долгий самостоятельный путь раз-

---

[1] Она была также известна в Месопотамии, в Эламе (Her., I, 119) и, несомненно, в Албании. По-аккадски она называлась napṭu (см. ниже, стр. 133). Персы, по словам Геродота, называли эламскую нефть «радинака».

вития, тесно связанный с историей развития лежавшей за рекой Араксом Албании, близкой Атропатене этнически и культурно. Южная же и восточная части Мидии прочно вошли в состав сначала Парфии, а затем Персии, и население ее слилось в этническом и культурном отношении с персами. Ныне обе части Мидии входят в состав Иранского государства.

Для понимания истории Мидии, в особенности более ранних ее периодов, когда страна еще была политически расчленена, совершенно необходимо иметь ясное понятие о ее исторической географии, принадлежащей к наиболее сложным проблемам древневосточной историографии. Ряд западных ученых (Биллербек, Рост, Штрек, Тюро-Данжэн, Фэррер, Райт и др.) специально занимался проблемой исторической географии Мидии IX—VII вв. до н. э., но далеко не во все вопросы внесена здесь достаточная ясность. Также и более поздняя историческая география Мидии, как она освещена античными, иранскими и армянскими географами и историками исследовалась многими учеными, из которых в особенности следует назвать Маркварта и Херцфельда. Но состав географических названий очень сильно изменялся от одного исторического периода к другому, и данные античной и средневековой иранской топонимики мало дают для освещения географии более ранних периодов.

Трудности установления древнейшей исторической географии Мидии двояки: с одной стороны, положение каждой области или города, упоминаемых в источниках (главным образом в описаниях походов ассирийских царей), определяется по местоположению упоминаемых рядом с ней или с ним областей или населенных пунктов, ранее отождествленных; крайние к западу, находящиеся уже в пределах собственно Ассирии и Вавилонии, определяются наиболее точно — на основании данных раскопанных городищ и т. д.; но чем дальше на восток, тем больше возрастает возможная ошибка в определении данной местности, так как это определение зависит от правильности предшествующих, и, таким образом, происходит накопление ошибок. Поэтому вполне твердо установленными можно считать локализацию только западных областей Мидии — не далее 48° в. д.

С другой стороны, многие исследователи исходили только из текста источников, когда пытались увязать вероятные маршруты походов ассирийских царей с картой; но так как в источниках лишь редко упоминаются отождествимые названия рек, а отождествление гор всегда особо затруднительно, то такой метод является мало надежным, тем более что топонимика Мидии в корне изменилась, и лишь в очень редких случаях имеется возможность предположить сохранение в измененной форме древнего названия на современной карте. Исследователи в достаточной мере не учитывали до сих пор того обстоятельства, что в горной местности расселение племен и размещение первичных государственных образований часто зависит от природного распределения гор и долин, что ассирийские названия областей и «стран» необходимо должны в основном соответ-

ствовать долинам и что невозможно размещать историко-географические названия поперек горных хребтов, как делается на исторических картах даже такого солидного западного ученого, как Масперо. Поэтому ключом к исторической географии Мидии является изучение ее рельефа и орографии.[1]

Так как совершенно невозможно разобраться в экономическом, стратегическом и политическом значении внешних событий истории любой древней страны (событий по преимуществу военных), не понимая расположения ее отдельных частей и направления военных походов, то мы ниже должны будем подробнее остановиться на естественном делении рельефа Мидии. При этом мы будем указывать расположение древних областей, упоминаемых ассирийскими анналами, по отношению к этому естественному делению страны. Преимущественно речь будет идти о политико-географической терминологии IX—VII вв. до н. э., как наиболее сложной и более всего требующей разъяснения. Таким образом, исходя из деления мидийской территории на естественные районы, названия которых в течение столетий менялись, мы сочли необходимым дать этим районам постоянную нумерацию, которая будет в дальнейшем использоваться для ориентировочной локализации сменяющих друг друга политико-географических и этногеографических терминов.

Территория исторической области Мидии делится водоразделами долин на 12 основных географических районов.

А. Атропатенская Мидия

I. От реки Аракс до горных массивов Авриндаг и Кара-даг — район современных городов Котур—Хой—Маранд. Этот район назывался у ассирийцев Сангибуту и начиная с IX по конец VIII в. прочно входил в состав Урарту. Дальнейшая судьба его, вплоть до периода падения Ассирии и Урарту, не ясна.

Равнина Сангибуту была плодородным земледельческим районом. Горы, отделявшие ее от долины Аракса, а также долготный горный хребет (с Котурским перевалом), отделявший этот район от Армянского нагорья, были в древности покрыты сплошным густым лесом.

II. Долина реки Кара-су (южного притока Аракса). Об этом районе мы ничего не знаем из ранних источников. Позднее он был населен кадусиями.

III. Бассейн озера Урмия и впадающих в него рек. Этот район делится на три подрайона:

[1] Следует также отметить, что исследователи в недостаточной мере учитывали возможность охвата одним термином, обозначающим более крупную территориальную единицу, единиц более мелких, а также изменения политико-географической номенклатуры от века к веку.

а) западное побережье озера Урмия — древний Гильзан (?). В IX в. это — самостоятельный район; позже, повидимому, он вошел в состав Урарту или Манны или же был разделен между ними;

б) южное побережье озера Урмия и бассейн реки Джегету и параллельных речек. Этот район в IX в. назывался Внутренней Замуа и делился на ряд самостоятельных политических единиц (Харрана, Манна, Месси и др.); позже составил ядро государства Манна; начиная с VII в. этот район можно рассматривать как экономический центр Мидии — сначала в целом, а потом Атропатенской Мидии;

в) восточное побережье Урмии делится массивом горы Сахенд на две части: южная — Уишдиш — относилась к Манне, северная — долина р. Аджи, район современного Тебриза, — была, повидимому, независимой; здесь жило племя далийцев.

Район III с его тремя подрайонами был экономически самым развитым. Здесь во многих местах и сейчас может широко развиваться полеводство и садоводство. В Гильзане, повидимому, добывалась медная руда.

IV. Долины реки Кызыл-узен (Сефид-руд) и ее притоков. Река Кызыл-узен отличается исключительно извилистым течением. В ее долине следует различать несколько отдельных подрайонов.

а) Если подыматься навстречу течению от устья реки в лагуне у современного города Решта, то мы направимся вначале прямо на юг. Пересекая область Гиляна, река прорывается через высокогорный хребет Эльбурс по узкому ущелью. Это область субтропических лесов. Выше этого места Кызыл-узен течет с северо-запада на юго-восток между хребтами Ак-даг (продолжение Эльбурса) и Ак-гедук. Образуемая здесь Кызыл-узеном долина в древности называлась Андиа.

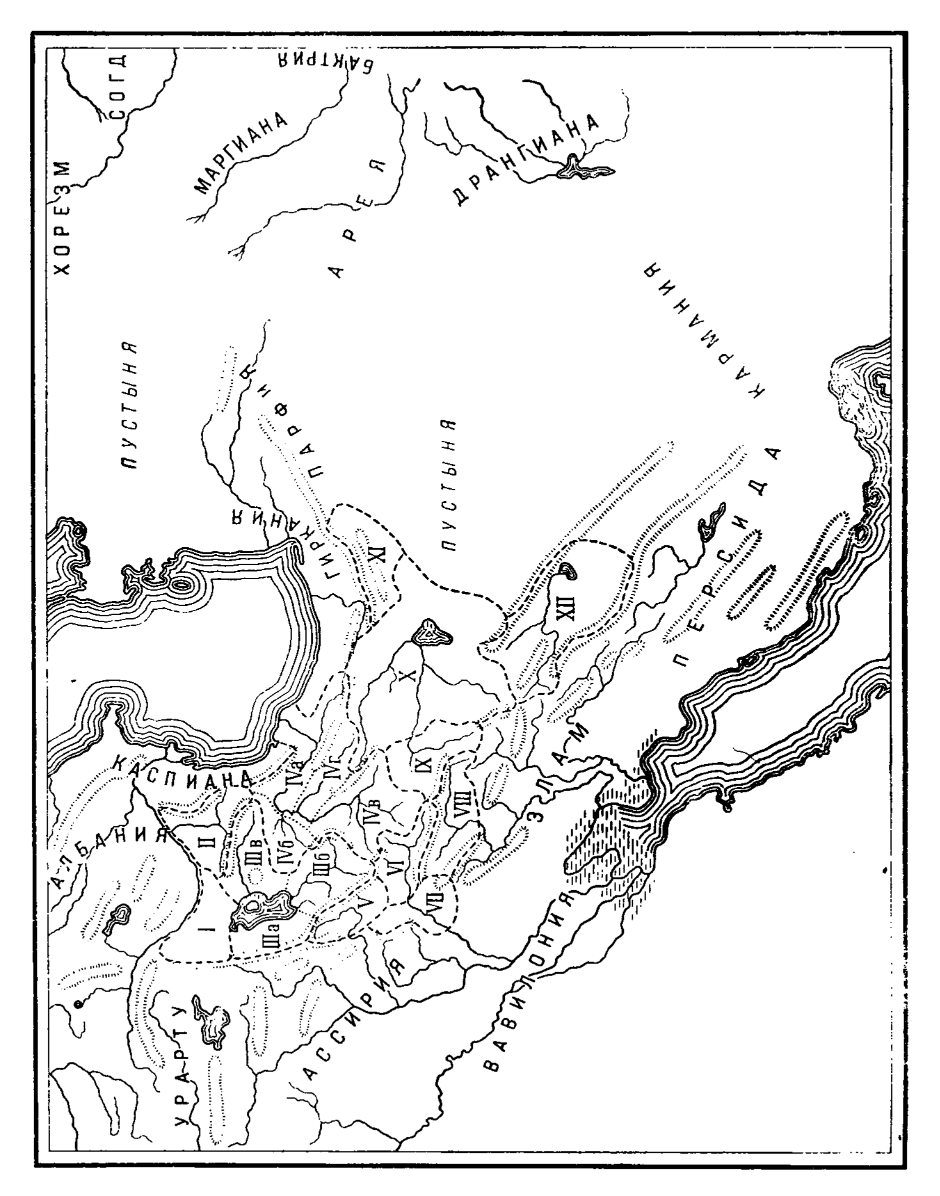
б) В северо-восточной части этой долины река Кызыл-узен принимает слева приток: речку, сбегающую с горы Сахенд, на которой стоит современный город Мианэ. Долина этой речки и впадающих в нее ручьев составляла в древности область Зикерту.

в) Выше впадения этой речки Кызыл-узен течет с юга на север. Верховья его отделены от района III (Манны) горными массивами Кафелан-Кух (древней Гизильбундой). Эту часть долины Кызыл-узена ассирийцы чаще всего и называли собственно Мидией («Мадаї»).

г) Отдельную долину образует здесь правый приток Кызыл-узена — Зенджан-руд (ныне область Хамсэ вокруг города Зенджан).

V. Верховья реки Малый Заб. Области, расположенные юго-западнее районов III и IV, по ту сторону поперечных горных хребтов, тяготели уже более к Ассирии и Вавилонии. Тесно связана была географически с Ассирией область Замуа, или Луллу. В широком смысле так называлась вся территория от озера Урмии до верховьев реки Диялы

(район современных городов Миандуаб—Банэ—Сулеймание—Зохаб—Сенендедж), но в узком смысле З а м у а—это верхняя часть долины Малого Заба, одного из притоков Тигра, пересекавших в нижнем течении коренную ассирийскую территорию.

Схематическая карта районов Мидии.

VI. В е р х о в ь я р е к и Д и я л ы. Что касается района верховьев реки Диялы и ее разветвленных мелких притоков (в треугольнике современных городов Сулеймание—Зохаб—Сенендедж), то он начиная с середины IX в. до н. э. носил название П а р с у а. Наиболее плодородной и населенной здесь является долина Шехризор около Сулеймание.

Оба района—V и VI (Замуа и Парсуа) — имели исключительное значение, так как долины Малого Заба и Диялы врезаются глубоко внутрь Загросских гор, позволяя сравнительно легко пересечь несколько параллельных горных цепей. Ведущие отсюда на восток перевалы открывали доступ в Мидию с запада (нынешние караванные пути Банэ—Саненедж—Хамадан и Сулеймание—Зохаб—Керманшах—Хамадан). В особенности долина Диялы всегда была основным путем для сношения Вавилонии с глубинными районами Ирана и расположенными далее к востоку странами. Этот путь шел через «Мидийские ворота» (ныне перевал, ведущий в долину Махидешт) на древнюю Экбатану (ныне Хамадан).

VII. Среднее течение реки Диялы (около современного города Ханекин) занимала область Намар, еще с середины II тысячелетия до н. э. полностью подчиненная политическому влиянию Вавилонии. Южнее долины Диялы, на ее притоках, была расположена область Бит-Хамбан (Камбадена античных географов; впрочем, к Камбадене относили и следующий, VIII район).

VIII. Долины верховьев реки Керхи. Этот район, расположенный восточнее водораздела между Диялой и Керхой, в верховьях Керхи — долинах Гамаз-аб, Сеинмерре и Махидешт — географически тяготеет уже к Эламу, но исторически он был связан с Мидией. Через него проходили важные торговые пути на восток, в сторону Экбатаны—Хамадана.

Долина довольно многоводна, а следовательно, плодородна. Повидимому, ее надо отождествить с древней страной Эллипи и позднейшей Элимаидой. Здесь, недалеко от современного города Керманшаха, находится знаменитая скала Бехистун с высеченной на ней гигантской трехъязычной надписью персидского царя Дария I.

Южнее Бит-Хамбана и вокруг Эллипи, в горах современного Луристана, жили родственные, вероятно, жителям Элама горцы-касситы, сыгравшие большую роль в истории Вавилонии.

Б. Нижняя Мидия

IX. Район Хамадана расположен на стыке Атропатенской и Нижней Мидии. Это район вокруг горы Эльвенд (3270 м), питаемый ручьями, берущими воду из ее снегов. Большинство ручьев составляют верховья речки Кара-су, принадлежащей уже к бассейну озера Хауз-и Султан, т. е. собственно к району X, но гряда гор Кух-и Руд, отграничивающая Нижнюю Мидию, начинается юго-восточнее, поэтому этот район можно считать промежуточным между Атропатенской и Нижней Мидией. С Атропатенской Мидией его связывают удобные караванные пути; другие пути ведут отсюда на запад — на Керманшах (Эллипи) и далее в Вавилонию, на восток — в район около Тегерана (древнюю Рагу), и на юг — в Элам и Паретакену.

Не случайно центр этого района — современный Хамадан, Экбатана древних греков, назывался по-мидийски «Хангматана» — «место собрания».[1] Здесь находилась столица Мидийской державы.

X. Бассейн озер Хауз-и Султан и Дарья-и Немек и рек Абхар-чай, Кара-су и Кум-руд. Этот район был центральным для Нижней Мидии. Три речки текут в сторону озер Хауз-и Султан и Дарья-и Немек — с северо-запада (Абхар-чай, в долине которого стоит город Казвин), с запада (Кара-су, текущая от Хамадана-Экбатаны) и с юго-запада (Кум-руд, на котором сейчас стоит город Кум). Этот район назывался у ассирийцев «Областью речки (или речек)». Наиболее благоприятны здесь для обитания и для земледелия склоны гор — Эльбурса, ограничивающего этот район с севера, и Кух-и Руда, довольно близко подходящего к озерам с юга. На южных склонах Эльбурса сейчас стоит город Тегеран, а в древности недалеко отсюда стоял один из главных городов Мидии — Рага; на северных склонах Кух-и Руда расположен ныне город Кашан.

Восточнее Раги, недалеко от снежной вершины Демавенда, имеется перевал, ведущий в Мазандеран (древнюю страну каспиев, гелов и амардов) — так называемые Каспийские ворота.

XI. Район к северу от пустыни Дешт-и Кевир расположен также на южных склонах Эльбурса, но восточнее Каспийских ворот, а с юга ограничен соляной пустыней. В древности этот район назывался Хвар, или Хоарена; через него (а ныне через города Семнан и Дамган) проходит караванный путь в Среднюю Азию. В восточной части Хоарена сливается с нагорьем современного Хорасана — южной частью древней Парфии.

В. Паретакена

XII. Район Паретакены. К югу от района XI вытянута в направлении с северо-запада на юго-восток широкая сухая долина, сообщающаяся на северо-западе с районом IX (Экбатана), на юго-западе отделенная горами от Элама, а на юго-востоке — пустыней от нагорья Персиды (Фарса).

В северо-западной части по долине течет речка Заенде-руд, на которой стоит город Исфахан (древняя Аспадана). Речка впадает в соленое озеро; параллельно, восточнее, за главным хребтом Кух-и Руда, проходит еще одна долина (район современного города Иезд). Этот район в древности часто относили уже к Персиде.

Помимо указанных 12 районов, к Мидии тяготели и другие области, за пределами собственно Мидии. Таковы области Каспийского побе-

---

[1] Другое объяснение этого названия — из эламск. *Hal.mata.na — «страна мидян».

режья, сообщавшиеся с внешним миром только через Мидию или Албанию. Здесь, в густых субтропических лесах, жили племена главным образом охотничьи, обычно более отсталые, чем мидийские и албанские. Здесь в то время и позже обычно сохранялись остатки языков, исчезнувших в собственно Мидии и в Албании, и это создавало видимость этнического различия между населением этих последних областей и населением Каспийского побережья. Еще и в настоящее время таты, талыши, гилаки и мазандеранцы говорят на диалектах, представляющих остатки индоевропейского языка, первоначально бывшего языком восточной Мидии.[1] Эти диалекты отличаются архаичностью звукового состава,[2] причем в ряде случаев они расходятся с персидским и сходятся с мидийским и парфянским, а также с авестским;[3] поэтому в корне неправильно рассматривать татов и талышей как албанцев или мидян, подвергшихся насильственной персизации.[4] Хотя пласт персидского по происхождению словарного запаса в этих диалектах чрезвычайно велик (что и понятно, ввиду политического и литературного преобладания персидского языка), однако они полностью сохранили свою мидийскую основу.

Но проникновение в каспийские области мидийского индоевропейского языка было явлением вторичным. В период Мидийского царства каспии и другие прикаспийские племена сохраняли, повидимому, более древние неиндоевропейские говоры, которые были распространены также и в Западной Мидии.

Тесно связанной в древности с Мидией мы должны представить себе и Албанию, отделенную от Мидии Араксом. Находясь в стороне от основных направлений завоевательных походов и племенных передвижений начала I тысячелетия, она дольше сохранила условия, характерные для Мидии еще предшествующего периода. К сожалению, состояние

---

[1] К остаткам мидийского языка относятся также некоторые другие диалекты, например говор сивенди, а также семнанский говор на территории древней Хоарены, на котором в конце прошлого века говорило до 5000 человек. Этот говор отличался от персидского настолько, что взаимопонимание было затруднено.

[2] Например, талышск. vak, мазандер. vark, семнанск. verk — «волк» отражают др.-иранск. və(h)rka- — ср. др.-перс. (и мид.?) varka- — лучше, чем новоперс. gurg; ср. также талышск. žen — «женщина» с др.-иранск. ǰanay- при новоперс. zan, и др. См.: Grundriss der iranischen Philologie, Bd. I, 2, Strassburg, 1898—1901, стр. 351 и и сл. (статья В. Гейгера), и, в особенности: Б. В. М и л л е р. Талышский язык. М., 1953, стр. 17, 65 и др.

[3] Например, сохраняется s (<и. е. k_1), где в персидском возникло ϑ>h: татск. pas, pez — «мелкий скот» при авестск. pasu- и новоперс. pah; сохраняется z (и.-е. g_1 или g_1h); талышск. az — «я» при авестск. azəm и др.-перс. adam; гилакск. zīl — «сердце» при др.-иранск. zird- и новоперс. dil. Ср. мид. zana- — «люди», «племя» при перс. *dan(a)-; парф. zird — «сердце» при перс. dil; парф. das — «десять» (также в семнанском) при перс. dah, и т. д. Сохраняются также многие грамматические и, повидимому, также лексические особенности северо-западной группы иранских языков.

[4] См., например: История Азербайджана. Краткий очерк. Баку, 1941, стр. 44.

археологических и письменных источников не позволяет точнее установить характер связей между Мидией и Албанией.[1]

Несомненно весьма тесными были также связи Мидии с более южными районами, особенно в древнейшее время, когда ее население, по всей видимости, было близко этнически и по языку к касситам и жителям Элама. Через Паретакену Мидия была связана также с Персидой, в древнейшее время тоже населенной эламитами; но, в то же время, расстояния и пустынные пространства разобщали Мидию с югом и юго-востоком Ирана.

Через территорию Мидии, как уже указывалось, шел караванный путь, связывавший Среднюю Азию с Передней Азией. Этот путь, шедший через район Экбатаны (IX) и далее по южным склонам Эльбурса через районы X и XI, имел в истории Мидии совершенно исключительное значение. Если учесть к тому же, что скотоводческое население по восточному берегу Каспийского моря и по его западному берегу, исторически тесно связанному с Мидией, было всегда в культурном и большей частью в этническом отношении однородным, то станет понятным, что исторические судьбы Мидии всегда были связаны с судьбами Средней Азии.

Восточные и южные связи Нижней Мидии, а также разница в природных условиях, в силу чего Нижняя Мидия обычно несколько задерживалась в развитии по сравнению с Атропатенской Мидией, обусловили непрочную связь этих двух частей страны, благодаря чему начиная с IV в. до н. э. они имели различную историческую судьбу, причем, в частности, по-разному сложился в них и процесс образования народностей.

[1] З. И. Ямпольский (К вопросу об одноименности древнейшего населения Атропатены и Албании. Тр. Инст. истории и философии АН Аз.ССР, IV, Баку, 1954, стр. 104 и сл.) указал на идентичность этнонима гелов (кадусиев, ныне гилаков) с гелами, жившими на севере от Албании, в горах Кавказа, а также этнонима уитиев, живших в том же районе (Strabo, XI, 7, 1), с уитиями—утиями—удами—удинами, жившими на берегу Каспийского моря севернее каспиев (Strabo, XI, 8, 8; у Плиния, вероятно, неправильно — «севернее албанов»: Nat. Hist., VI, 15, 4, по изд. Littré, Paris, 1865), и с отенами, жившими в долине Куры (Asin. Quadr. Παρθικά FGH, IIA, fr. 8). Как известно, более поздние авторы прямо отождествляют утиев с албанами. Последние, по всей видимости, говорили на языке или языках северо-восточной кавказской группы; остатком их языка является, возможно, говор удин в Варташене, Нидже и др.

Глава I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННАЯ ЭПОХА НА ТЕРРИТОРИИ МИДИИ

1. Каменный век и энеолит

Мы не знаем, к какому времени относится первое заселение Мидии человеком, однако уже во времена палеолита человек обитал в этой области. В настоящее время имеется уже целый ряд археологических находок предметов, восходящих к ашельскому, мустьерскому и ориньякскому периодам (стоянка и пещеры около Сулеймание, пещеры у Бехистуна, в Тамтаме на юго-востоке Иранского Азербайджана и целый ряд других памятников).[1] Палеолитические памятники засвидетельствованы также для соседних стран — Ассирии и Средней Азии. Однако сведения о населении Мидии в течение каменного века до сих пор скудны и дают недостаточно материалов для историка. Можно лишь сказать, что общие пути развития человека каменного века в Мидии были в основном теми же, как и повсюду в странах, не затронутых непосредственно продвижением ледника. Мы можем поэтому отослать читателя к общим работам по истории человека древнекаменного века.

Новокаменный век (неолит) на территории собственно Мидии пока с уверенностью не засвидетельствован памятниками; также в соседних странах (кроме Ассирии, Месопотамии и т. д.) неолит до сих пор слабо представлен.[2] Более определенные археологические данные имеются для периода медно-каменного века (энеолита).

В Мидии еще недостаточно обследованы энеолитические поселения такой древности, как в лучше изученной соседней Персиде (Фарсе); однако можно полагать, что характер поселения, найденного там (в Персеполе) и относящегося к нижней грани энеолита,[3] дает довольно хорошее

---

[1] Carleton S. Coon. Cave Explorations in Iran. Philadelphia, 1951. — Ralf S. Solecki. A paleolithic site in the Zagros Mountains of Northern Iraq. «Sumer», XI, 1, 1953, стр. 63 и сл. — R. T. Braidwood. A preliminary note on prehistoric excavations in Iraqi Kurdistan, 1950—1951. «Iraq», VII, 2, 1951, стр. 99 и сл.

[2] В советском Азербайджане известны пока немногочисленные неолитические памятники; см. сводку у Б. Б. Пиотровского: Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 30. Ср.: JNES, XII, 1, 1954, стр. 65.

[3] E. Herzfeld. Steinzeitlicher Hügel in Persepolis. Iranische Denkmäler, Lief. 1—2. Berlin, 1932; SPA, I, стр. 48 (статья Э. Херцфельда и А. Киса).

представление об уровне развития общества этого времени также и в соседних странах, в том числе и в Мидии.

Поселение, о котором идет речь, найденное Херцфельдом, состояло из коллективных родовых глинобитных жилищ, по своей структуре свидетельствующих о наличии группового брака и материнского рода.[1] Изображения свиней, коз и овец на расписной посуде (изготовленной на примитивном гончарном круге) и фигурки быков и коров, имевших, вероятно, религиозное назначение, свидетельствуют о наличии скотоводства, вероятно, оседлого.

Об обществе Мидии энеолитического периода мы можем судить по раскопкам на Тепе-Хисаре около Дамгана (на крайнем востоке XI района нашей классификации, на границе с Парфией),[2] на Тепе-Гияне около Нихавенда (наш VIII район),[3] на Тепе-Сиялке около Кашана (наш X район)[4] и на Гёй-тепе около Резайе, на западном побережье оз. Урмия (наш район III а).[5] Все это — окраинные районы Мидии; наиболее интересующие нас районы северной и центральной Мидии систематическими раскопками до сих пор не освещены.[6]

Наиболее ранние слои этих тепе — Хисар Iа, Гиян V и особенно Гёй-тепе «М» и «К» — могут быть (учитывая новейшую передатировку месопотамских слоев, составляющих ключ к датировке всех остальных археологических культур западной Азии) отнесены ко времени конца IV — начала III тысячелетия. В этот период Мидия принадлежала к полосе так называемых культур крашеной керамики, распространявшихся от Сирии и Палестины до Средней Азии и Китая. Первое крупное общественное разделение труда между пастушескими и земледельческими племенами — уже наметилось. На горных склонах уже использовались для орошения ручьи; высевались впервые одомашненные злаки, вероятно, ячмень, эммер и пшеница.[7] Многочисленные изображения круп-

[1] Ср.: Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 89 и сл.

[2] F. G. Schmidt. Tepe Hissar Excavations. The Museum Journal, XXIII. 1933, стр. 323 и сл.; SPA, I, стр. 151 и сл. (статья Роджерса Уоррена).

[3] G. Contenau et R. Ghirshman. Fouilles du Tépé-Giyan près de Néhavend, 1931, et, 1932, etc. Paris, 1935 (Musée du Louvre, Série archéologique, vol. III).

[4] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937, vv. I—II. Paris, 1938 (Musée du Louvre, Série archéologique, t. IV—V).

[5] T. Burton Brown. Excavations in Azarbaijan, 1948. London, 1951.

[6] Отдельные находки, указывающие на распространение культуры крашеной керамики в Мидии, сделаны также в Динавере, в долине Кум-руд, у Рея, в районе озера Урмия и др. См., например: E. Herzfeld. Deutsche Forschung, Heft 5, стр. 33 и сл.

[7] См. соображения, приводимые в книге Камерона (G. G. Cameron, History of Early Iran. Chicago, 1936, стр. 8). Он же указывает на то, что дикий эммер по сей день растет на юге Мидии. Пшеница (Triticum vulgare) найдена в слое «К» на Гёй-тепе.

ного рогатого скота и овец на сосудах указывают на большое значение скотоводства. В земледельческих районах создавались постоянные, пока еще, как правило, не укрепленные поселения. Появляются отдельные медные изделия, а потом и орудия. Все это позволяло поднять на значительную высоту ремесло — ткацкое, гончарное; постепенно создаются условия для перехода, несколько позже, ко второму крупному общественному разделению труда — между ремеслом и земледелием. Замысловатый геометрический орнамент расписных сосудов (и, вероятно, также тканей) характерен для этого периода, когда гончарное и ткацкое ремесло были основными областями художественного творчества.

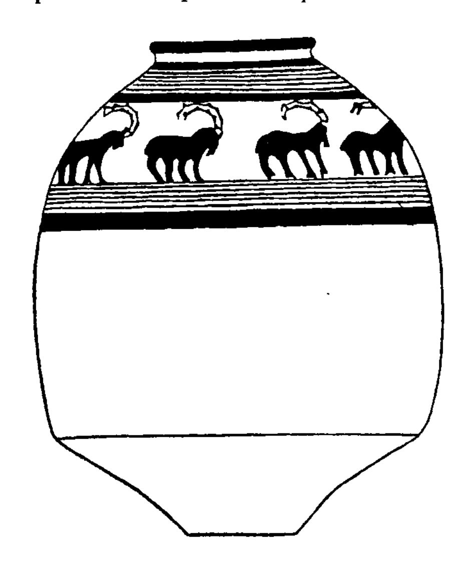

Рис. 6. Расписной сосуд из Тепе-Сиялка III тысячелетия до н. э.

Следует заметить, что, несмотря на ряд общих черт, культура каждого из исследовавшихся городищ все же несводима к культуре другого; все они имеют черты большой самобытности, что и понятно при территориальной разобщенности и экономической несвязанности отдельных земледельческих родов и племен.

Несмотря на это, керамика Тепе-Гияна и Тепе-Хисара находит общие аналогии в керамике городищ Сирии, Ассирии и Месопотамии культур «Самарра», «Телль-Халаф» и «Убайд», с одной стороны, и Средней Азии культуры «Анау I» — с другой, а также с эламской керамикой культуры «Сузы Iб» и «Сузы I», и позже (в слое Гиян IV)—«Сузы II». Все соответствующие культуры датируются IV и началом III тысячелетия. Имеются также связи с Кавказом и Закавказьем; так, слой «К» на Гёй-тепе дает определенные и близкие связи с энеолитическими поселениями центрального и восточного Закавказья и Кавказа — таким, как Шреш-блур (около Эчмиадзина, Арм. ССР) и Каякент (Дагестан; например, очковидный спиральный рельефный узор на керамике), а также другими. Указанные поселения датируются, по Б. Б. Пиотровскому, III тысячелетием до н. э. Исходя из этих связей, культуру энеолита Мидии и можно предположительно датировать 3000—2500 гг. до н. э. Пока трудно сказать, связана ли близость культур также и с этнической близостью их носителей или же обусловлена только общностью причин, вызвавших эти культуры к жизни.[1]

---

[1] Как известно, в Закавказье вполне аналогичная культура энеолита и раннего бронзового века обычно датируется не IV—III, а III—началом II тысячелетия до

В Средней Азии создатели крашеной керамики в антропологическом отношении принадлежали к средиземноморской расе [1] (как и нынешние обитатели Туркмении, Ирана и значительной части Азербайджана); в предгорьях Загроса, в Ассирии и Месопотамии — повидимому, к «ассироидам» («арменоидам»), подобно нынешнему населению этих же мест, а также Армении, Сирии, Палестины и т. д.[2] Что касается Мидии и нагорья Ирана, то здесь древнейшим антропологическим типом также являлся тип смуглого, длинноголового европеоида-средиземноморца,[3] распространенный в Хорасане и в Азербайджане и ныне.[4]

Рис. 7. Расписной сосуд из Тепе-Гиянa (Мидия). II тысячелетие до н. э.

Единая линия развития погребальных и других обычаев, засвидетельствованных на Тепе-Хисаре, не позволяет искать здесь следов значительных миграций; однако возможно, что антропологически население было неоднородным. В слоях, относящихся к середине II тысячелетия, на Тепе-Хисаре обнаружены короткоголовые черепа, отнесенные некоторыми антропологами еще до окончательной публикации к монголоидному типу, а также черепа якобы «нордического» типа.[5] И то и другое определение более чем сомнительно.

На юге Ирана, вплоть до долины рек Каруна и Керхи в его юго-западном углу (древний Элам с его высокой земледельческой культурой), был,

---

н. э. и, следовательно, не обязательно свидетельствует об этнической близости ее создателей к создателям крашеной керамики IV—III тысячелетий. См.: Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 32 и 49.

[1] См.: Л. В. Ошанин. 1) Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. Изв. АН Туркм. ССР, № 4, 1952, стр. 30 и сл.; 2) Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен. Изв. Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926; G. Sergi. Gli Arii in Europa e in Asia. Torino, 1913 (цит. по: G. Contenau. Manuel d'archéologie orientale, I. Paris, 1927, стр. 417).

[2] «Ассироиды» (или «арменоиды», а по языку, вероятно, хурриты) проникают за предгорья Загроса довольно поздно. См. обстоятельный разбор древнего антропологического материала Мидии: H. V. Vallois. Les ossements humains de Sialk, в кн.: R. Ghirshman, Fouilles de Sialk... II, стр. 113 и сл. и особенно стр. 180.

[3] Таков антропологический тип древнейших жителей Тепе-Хисара и Тепе-Сиялка (см. предыдущее примечание), а также ср. тип жителей Гёй-тепе III—II тысячелетий до н. э.: T. Burton Brown, ук. соч., стр. 206 и сл. (Статья А. Дж. Э. Кейва).

[4] См.: Л. В. Ошанин и В. М. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953, стр. 12, 21—22, 46—47.

[5] Мнение голландского антрополога Капперса, цитированное в «SPA» (I, стр. 52).

повидимому, распространен связанный, вероятно, с дравидическим этносом негроидный тип, но он не проникал в Мидию и другие северные районы.

2. Древнее население западной Мидии в III тысячелетии до н. э. Хурриты, эламиты

В сферу, освещаемую письменными источниками, часть территории Мидии попадает в третьей четверти III тысячелетия до н. э. Из памятников на шумерском, аккадском и хурритском языках мы узнаем, что на западных предгорьях Загроса и в будущей западной Мидии жили племена хурритов, луллубеев и кутиев, а также, повидимому, племена, близко родственные эламитам.

Племена, говорившие на хурритском языке (хурр. ḫurroḫe), были во II тысячелетии до н. э. распространены в Северной Месопотамии и отчасти в Сирии, а по ряду данных топонимики и ономастики — также на всем Армянском нагорье. Здесь они сохранялись вплоть до середины I тысячелетия до н. э. наряду с племенами другого происхождения.[1] Язык хурритов был в ближайшем родстве с урартским.[2] От третьей четверти III тысячелетия до н. э. до нас дошла надпись аккадским письмом на хурритском языке некоего Тишари, царя Уркиша и Навара. Местоположение Уркиша спорно,[3] но Навар — это бесспорно позднейший Намар или Намру, т. е. долина реки Диялы, наш VII район. К востоку от Тигра хурритское население засвидетельствовано (на основании собственных имен) в III тысячелетии до н. э. в Ассирии, а во II тысячелетии — в районе современного Керкука (древняя Аррапха).[4] Мы не имеем твердых данных о проникновении хурритов далее на восток, хотя высказывались предположения о хурритском характере населения наших III и IV районов[5] вплоть до I тысячелетия до н. э.

Основной территорией обитания эламитов была долина рек Каруна и Керхи — древний Элам, ныне Хузистан на юго-западе Ирана. Но в древнейшее время расселение эламитов и распространение элам-

---

[1] Повидимому, хурритами были матиены Геродота и других античных авторов; см. об этом ниже, стр. 226 и 338.

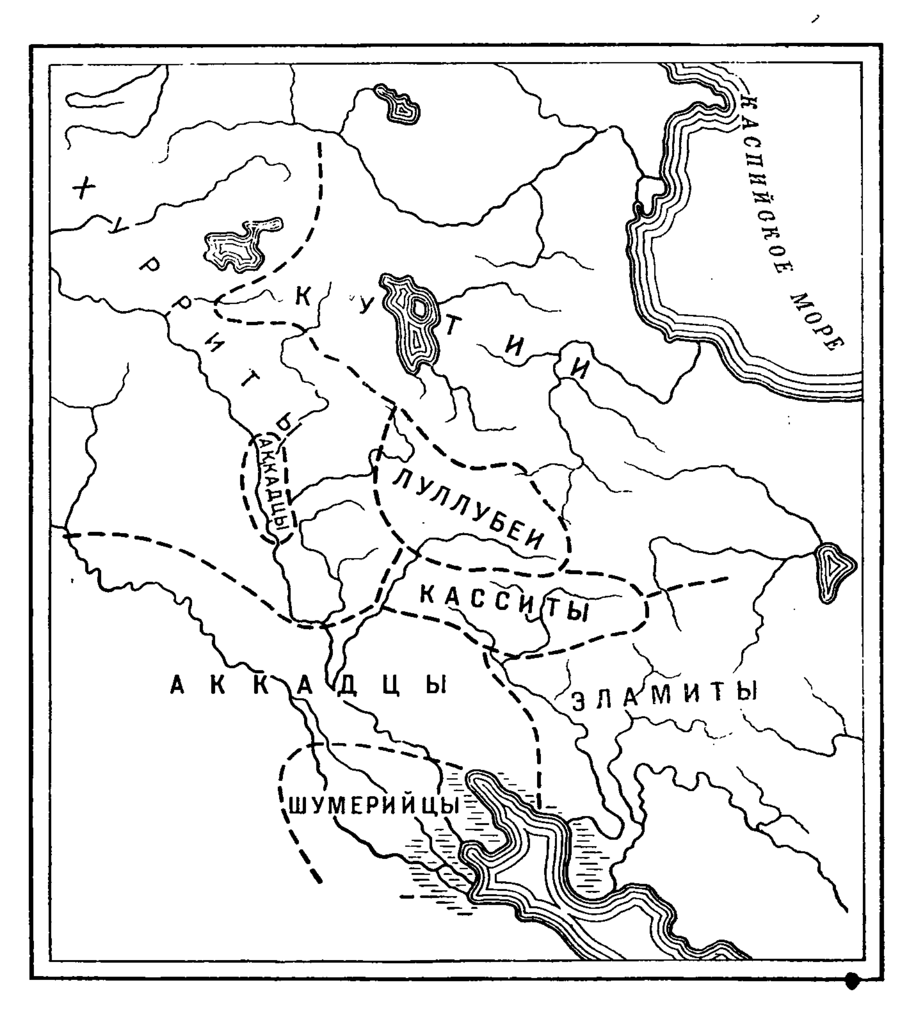
[2] См., например: И. М. Дьяконов. Заметки по урартской эпиграфике, II. ЭВ, VI, 1952, стр. 110; Г. А. Меликишвили, УКН, стр. 292 и сл.

[3] Первоначальная локализация Уркиша к востоку от Тигра оспаривается О'Каллаганом, который помещает его в Месопотамии [см. рецензию Р. Дюссо в журнале «Syria» (XXVIII, 1951, стр. 281) на книгу R. T. O'Callaghan «Aram Naharaim».

[4] C. H. Gordon. The Dialect of the Nuzu Tablets. Orientalia, VII, 1938.

[5] На основании имен: Эрисинни в Манне (ср. хурр. Ari-z̄ena — «[бог] дал брата») и Телусина в Андии. Однако их явно недостаточно для решительных выводов, так как это сопоставление может быть основано на случайном сходстве. Хурритский характер многочисленных имен на -ukku сомнителен. Что касается поисков хурритов в Средней Азии (С. П. Толстов) и в Индии (Б. Грозный), то нам аргументы указанных ученых не кажутся ни в коей мере убедительными.

ского языка было значительно более широким. Так, в Бушире на Персидском заливе (древний Лиян) найдена эламская надпись, датируемая серединой III тысячелетия до н. э.;[1] также и в других местах

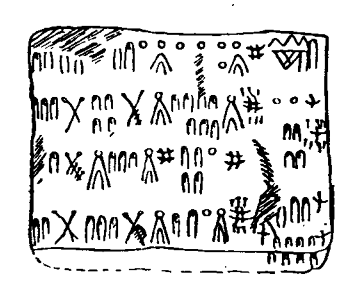

Приблизительное расселение этнических групп на территории Мидии в III тысячелетии до н. э.

Фарса обнаружены эламские клинописные надписи и рельефы; что касается эламской иероглифической письменности, употребление которой предшествовало употреблению клинописи и продержалось до конца III — начала II тысячелетия до н. э., то семь документов, написанных этим

[1] F. Lenormant. Choix de textes cunéiformes. Paris, 1873, стр. 127, № 41. — G. Hüsing. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams, I. Leipzig, 1916, № 31 (последняя работа мне была недоступна).

видом письма, были обнаружены на Тепе-Сиялке в Мидии в слое IV (конца III тысячелетия до н. э. ?).[1] Отдельные топонимические названия еще I тысячелетия, может быть, свидетельствуют о наличии в глубокой древности эламоязычного населения в восточной и центральной Мидии. К этому следует добавить, что касситы и другие горные племена, жившие во всяком случае со II тысячелетия до н. э. на рубеже Мидии и Элама, возможно, были близки к эламитам по языку. К сожалению, конкретные лингвистические связи эламского языка пока не установлены (были попытки увязать его с языками хурритов, горного Кавказа, дравидов Индии, с урало-алтайскими и т. д.); к тому же и сам словарный запас эламского языка изучен еще очень слабо, поэтому мы до

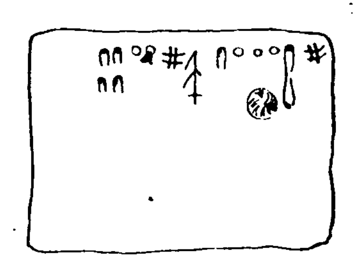

Рис. 8. Протоэламский хозяйственный документ (счетная запись) из Тепе-Сиялка (Паретакена — южная Мидия). Конец III тысячелетия до н. э. (?).

сих пор не можем с полной уверенностью говорить ни об эламских связях касситского языка, ни об эламском характере старомидийской топонимики.

Мелкие государства эламитов образуются почти одновременно с первыми государствами Шумера — в III тысячелетии до н. э. Мы знаем многие из них по названиям: Аван, Адамшуль, или Адамдун (может быть, то же, что собственно Элам — эламск. Haltamti, Halamti), Симаш, Барахсе и мн. др.; но только Сузы (эламск. Šušen) хорошо известны нам по раскопкам, и возможно, что другое важное эламское государство — Аншан — может быть локализовано у тепе Дерре-и Шахр в долине Сеинмерре. Элам находился издавна в тесных, то дружественных, то враждебных, отношениях с Шумером; он подчинился в XXIII в. до н. э. царям династии Аккада; к сожалению, об его отношениях с областями более северными мы почти совершенно не осведомлены.[2]

[1] R. Ghirshman, ук. соч., I. Херцфельд датирует их значительно раньше — серединой IV тысячелетия до н. э., но вряд ли основательно. См.: E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, 1941, стр. 180.

[2] Подробно внешняя история Элама изложена в кн.: G. G. Cameron. History of Early Iran. Chicago, 1936; RLA, s. v. Elam.

3. Луллубеи

Племена луллубеев занимали, повидимому, обширную полосу гор и предгорий от верховьев Диялы до озера Урмии (или даже дальше к северо-западу). В хурритской Аррапхе nullu, lullu означало горцев, из числа которых захватывались рабы.[1] В урартском lulu означает «чужестранец», «враг». Аккадский термин Lullubum или Lullupum (позже в Ассирии — Lullumê) состоит из основы lullu и эламского показателя множественного числа -b или -p плюс аккадское падежное окончание -um или из той же основы и эламского показателя имени собирательного -me.[2] Термин lullu известен в аккадском и без этих окончаний.[3] Все это указывает на то, что луллубеи не принадлежали этнически к хуррито-урартским племенам, а скорее были родственны эламитам.[4]

Луллубеев впервые упоминает надпись Нарам-Суэна, внука Саргона Древнего из династии Аккада (XXIII в. до н. э.), на его знаменитой победной стеле. Полустертая надпись на ней гласит: «Сидур[ру (?), который] собрал горцев Луллубума. . .»[5] (это относится, вероятно, к изображению повергаемого Нарам-Суэном врага). Поход на Луллубум был логическим завершением целой группы походов этого царя в предгорья Загроса — на Навар в долине реки Диялы, Симуррум на реке Малом Забе, Мархаши в Эламе и др.[6]

Когда власть Нарам-Суэна и его сына Шаркалишарри ослабела и эламит Пузур-Иншушинак попытался создать свое собственное «царство четырех стран света», эламские войска совершили поход или ряд походов на Му-Турран (около Багдада), Шильван, Гуту (страну кутиев), Кашшен (страну касситов), Ху(му)ртум, Хухунури, Кимаш (около совр. Керкука) — все по большей части хурритские и луллубейские области и поселения.[7]

---

[1] E. A. Speiser. Mesopotamian Origins. Philadelphia, 1930, гл. IV. — E. R. Lacheman. Nuzi Geographical Names. BASOR, № 78, 1940, стр. 23 и сл. (здесь из 15 случаев упоминания lullu по крайней мере в 10 имеются в виду рабы).

[2] Streck, ZA, XV, стр. 290, со ссылкой на Ф. Хоммеля.

[3] Например, в надписях Ашшурнасирапала: AKA, стр. 306, 332, стлб. II, строки 34 и 77.

[4] Ср.: G. Hüsing. Der Zagros und seine Völker. Der A. O., IX, 3/4, стр. 19 и сл.; E. A. Speiser, ук. соч., стр. 88.

[5] Si-dur-[ru (?) šu] sa-dù-ì Lu-lu-bi-im^{ki} ip-ḫu-ru-[ma.]. Место битвы — перевал Дербенд-и Гяур через горы Кара-даг на дороге Сулеймание—Рубат, где также имеется рельеф Нарам-Суэна, см.: E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 184, рис. 298; ср.: S. Smith. Early History of Assyria. London, 1928, стр. 97.

[6] См.: A. Boissier. Inscription de Narâm-Sin. RA, XVI, 1919, стр. 157. О местоположении Навара см.: F. Thureau-Dangin. Tablette de Samarra. RA, IX, 1912, стр. 1 и сл.; Симурру (ныне Алтын-Кёпрю): A. H. Sayce. The New Babylonian Chronological Tablet. PSBA, XXI, 1899, стр. 20, прим. 2; Мархаши: JAOS, XLV, 1925, стр. 232 (статья Олбрайта).

[7] G. G. Cameron, ук. соч., стр. 36.

Приблизительно к тому же времени (XXII в. до н. э. ?) относится, вероятно, надпись луллубейского правителя Анубанини на скале Сарипуль около города Зохаба (район VI). Имя этого царя — аккадское,[1] и на староаккадском же языке составлена эта его краткая надпись, сопровождающая рельефную сцену приведения пленников к царю богиней Иштар. Эта надпись должна, казалось бы, указывать на то, что луллубеи уже во второй половине III тысячелетия до н. э. имели государство, а следовательно, и классовое общество. Но этому противоречит тот факт, что процесс складывания государства у этих племен прослеживается, как видно из ассирийских источников, только в начале I тысячелетия до н. э. Надо полагать, что либо в надписи Анубанини речь идет о государстве, созданном в долине Диялы хурритами или аккадцами[2] с помощью вооруженных сил луллубейских племен, оказавшихся по той или иной причине в распоряжении его основателя, либо Анубанини просто лишь претендовал на власть над луллубеями.[3] Надо отметить, что скала Сарипуль, на которой высечены изображения и надпись, по-видимому, находилась уже за пределами владений Анубанини или определяла их границу. В надписи указано, что «Анубанини, царь Луллубума, сделал свое изображение и изображение Иштар на горе Падир».[4] Подчеркивание названия местоположения надписи указывает, как кажется, на особое значение этого названия, может быть, как места победы или как границы владений Анубанини.[5] Если бы надпись находилась в центре

[1] V. Scheil, Mém. Dél. en Perse, XIV, стр. 9 и сл. — E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 183. Написание AN-nu-ba-ni-ni вместо AN-ba-ni-ni или A-nu-um-ba-ni-ni заставляло подвергать это сомнению. Но отсутствие «мимации» (окончания) в староаккадских собственных теофорных именах — явление обычное: что же касается удвоенного написания An-nu, то его, конечно, нужно читать AN^{nu}, т. е. идеограмма AN для имени божества Ану плюс фонетическое дополнение -nu. Имя значит «бог Ану — создавший нас». Ср.: G. G. Cameron, ук. соч., стр. 36 и сл.

[2] Судя по имени, Анубанини происходил из города Дера на нижнем Тигре.

[3] Отчасти аккадскими и шумерскими, отчасти хурритскими были и другие государства предгорий Загроса этого времени: таковы Кимаш (откуда мы знаем правителя Хуннини — надпись на печати в Государственном Эрмитаже, изд. в SAKI, стр. 176, XVIII), Ганхар (откуда нам известен правитель с хурритским именем Кишари), Навар (ср. хурритскую надпись царя Арисена, или Арижэна), Тугриш и др.; хурритский литературный текст, посвященный царям династии Аккада, называет Аута-луммаша царем Элама, Иммашкуша царем луллубеев и Киклипаталлиша царем Тугриша; имена эти — неясной этимологии (хурритские или кутийско-луллубейско-эламитские?), но сам текст лишен исторической достоверности. См.: BOTU, II, 2 (WVDOG, XLII, 2), Leipzig, 1926, стр. 25 = KUB, XXVIII, Berlin, 1934, № 38, IV.

[4] Pá-di-ir — так, вероятно, надо читать по нормам староаккадской орфографии BA.TI.IR текста. См.: J. de Morgan. Mission scientifique en Perse, IV. Angers, 1896, pl. XI; SAKI, стр. 172, XIII. Формант -ir здесь эламский, основа Pad-.

[5] Анубанини, повидимому, сохранился в памяти вавилонян как царь кутиев и враг Двуречья (F. Hommel. Assyriological Notes. PSBA, XXI, 1899, стр. 115; G. G. Cameron, ук. соч., стр. 41).

его владений, вряд ли имело бы смысл сообщать читателю надписи, как называется гора, — она была бы всем известна.

Два упомянутых изобразительных памятника — стела Нарам-Суэна и рельеф Анубанини — дают нам некоторое представление о внешнем облике и одежде древнейших жителей территории Мидии. На стеле Нарам-Суэна[1] луллубеи изображены в легких туниках или препоясаниях, с наброшенной на одно плечо косматой шкурой — еще в I тысячелетии до н. э. характерное одеяние маннеев, западных мидян[2] и каспиев (по Геродоту).[3] Луллубеи стелы Нарам-Суэна носят также короткую бородку и волосы, заплетенные в длинную косу (менее вероятно, что это плотно прилегающая шапка с длинной кистью). На рельефе Анубанини царь изображен в аккадской одежде [войлочная (?) шапка с круглым кантом, бахромчатое препоясание с вышитым поясом, сандалии], а его пленники — нагими, в одних головных уборах. Из девяти фигур пленных восемь имеют шумеро-аккадские шапки, девятая же (передняя в нижнем ряду изображений) — головной убор («тиару»), характерный для восточных мидян[4] еще в I тысячелетии до н. э. и позже перенятый также и персами. Все это

Рис. 9. Скальный рельеф Анубанини, царя луллубеев. Вторая половина III тысячелетия до н. э. Схематическая зарисовка.

[1] V. S c h e i l. Mém., Dél. en Perse, I, стр. 144 и сл.; II стр. 53 и сл., pl. 11.

[2] Множество изображений на рельефах времени Саргона II из Хорсабада: E. B o t t a et E. F l a n d i n. Monument de Ninive. Paris, 1849; см. также рис. 22, 35, 38, и 64 в этой книге.

[3] «Каспии же были одеты в овчины (sisurnas) и вооружены туземными тростниковыми луками и акинаками» (H e r., VII, 67). Каспии (из *kaš.p, *kaš.b, ср. lullu-p-, lullu-b-), подобно своим тезкам касситам, говорили (как и луллубеи), по всей вероятности, на языке эламской группы. Однако, по мнению ряда исследователей, у Геродота здесь имеются в виду не прикаспийские, а припамирские каспии (каспиры).

[4] См. изображения персидских и мидийских воинов ахеменидской гвардии под изображением царя, а также сцену прихода данников в Персеполе (издавались неоднократно, см., например: E. H e r z f e l d. Iran in the Ancient East, pl. LXXV—LXXVI; SPA, IV, pl. 90 и сл., и др.). Название «тиары» принадлежит Геродоту (VII, 61), он же указывает, что одежда персидских воинов заимствована у мидян (I, 135; VII, 62).

указывает, что между III и I тысячелетиями до н. э. обычаи и самый этно-антропологический состав населения[1] будущей Мидии изменились мало.

4. Кутии

Четвертая племенная группа данной области — кутии — жила, по всей вероятности, восточнее луллубеев.[2]

О термине «кутии» следует сказать несколько слов особо.

Анализ текстов показывает, что только в III и во II тысячелетиях до н. э. термин «кутии» имеет конкретное значение определенной этнической группы, жившей где-то к востоку, северу и северо-западу от луллубеев, возможно, в современном Иранском Азербайджане и в Курдистане. Впоследствии этот термин мог означать разные народы, жившие к северу и к востоку от Вавилонии, и обыкновенно не означал какой-либо конкретной территориальной единицы.[3] В I тысячелетии кутиями безразлично назывались и урарты, и маннеи, и мидяне. Лишь в надписях Саргона II ираноязычные мидяне иногда отличаются от «кутиев».

На исторической арене кутии появляются в конце XXIII в. до н. э., в правление аккадского царя Нарам-Суэна, державшего тогда в своих руках всю Месопотамию вплоть до предгорий Загроса, Армянского и Малоазийского Тавра; в зависимости от него находились также Элам[4] и частично, вероятно, Сирия.

---

[1] Антропологический тип луллубеев стелы Нарам-Суэна неясен ввиду плохой сохранности фигур. Что касается изображений на стеле Анубанини, то, насколько можно судить по воспроизведениям де-Моргана и Херцфельда, антропологический их тип скорее чисто «средиземноморский», чем «ассироидный» («арменоидный»).

[2] Крепость Хархар (в шумерское время она называлась Бад-Тирикан) находилась, с точки зрения жителей Двуречья, «перед страной кутиев», см.: V R, 12, № 6, строка 7. Как далеко на восток простиралось расселение кутиев,—как и других упоминавшихся этнических групп,—сказать трудно.

[3] Весьма распространенное, особенно в старой литературе, отождествление племени «гутиев» с горами Джуди-даг к северу от Ассирии [S t r e c k, ZA, XV, стр. 272 и сл.; «Klio», VI, стр. 212, прим. 2; Enzyklopedie des Islam, I, стр. 1106 и сл.; V. S c h e i l. 1) Une nouvelle dynastie suméro-accadienne. Le rois «guti». CRAI, 1911, стр. 318 и сл.; 2) Anciennes dynasties de Sumer-Accad. CRAI, 1911, стр. 606 и сл.] основано на ошибочном звуковом сопоставлении (g>ğ) и географически невозможно. Как показывают ассирийские тексты II тысячелетия, правильное название племени — не «гутии», а «кутии» (ḳutî); написание через знак gu объясняется отсутствием знаков для эмфатических согласных в староаккадской орфографии (GU.TI.UM^{ki} читай Ḳù-ti-um^{ki}). Те же ассирийские тексты показывают, что кутии не могли жить так близко к северу от Ассирии. Отожествление термина «Гутиум» д л я I т ы с я ч е л е т и я с «четырехугольником между Нижним Забом, Тигром, горами у Сулеймание и Диялой» у Делича (F. D e l i t z s c h. Wo lag das Paradies. Leipzig, 1881, стр. 27 и сл.), Хоммеля (F. H o m m e l. Grundriss der Geographie und Geschichte des Alten Orients. München, 1904, стр. 252 и сл.), Кэмбелл-Томсона (CAH, III, 1925, стр. 218, 224) и т. п., как явно противоречащее достаточно полным данным ассирийских источников об этом районе, должно безусловно быть также отброшено. Ср. выше, стр. 60, таблица.

[4] См. «союзный» договор эламских царьков с Нарам-Суэном на эламском языке: V. S c h e i l. Mém., Dél. en Perse, XI, 1 и сл.

Судя по позднему аккадскому преданию, Нарам-Суэну,—повидимому, в конце его правления — пришлось воевать с кутиями, в битве с которыми он, очевидно, и пал.[1]

Как полагает датский шумеролог Якобсен, вождь кутиев Энридавазир, опрокинув войска Нарам-Суэна, сумел проникнуть далеко вглубь Южного Двуречья и овладеть священным городом шумерийцев Ниппуром, где им была водружена надпись, составленная для него аккадскими писцами.[2]

Каким образом кутии, несомненно стоявшие еще на относительно низком уровне развития производительных сил, — очевидно, представители раннеземледельческой, вероятно, еще матриархальной, культуры «крашеной керамики» — могли тем не менее подвергнуть разгрому войско едва ли не сильнейшего государства своего времени? В этом нет ничего особенно удивительного, так как хотя Двуречье, благодаря исключительному плодородию почвы, и продвинулось гораздо дальше по пути развития классового общества, однако переживало еще только период ранней бронзы, а аккадское войско, бывшее в своей массе войском ополченцев, вооружено было очень примитивно (медные шлемы, луки, секиры — и только). Это вооружение не могло сильно отличаться от вооружения кутиев. Сила аккадского войска была в его численности,[3] значительно уменьшившейся, вероятно, ко времени последних царей этой династии. Если вторгающиеся горцы были достаточно многочисленными, то успех им был обеспечен. Повидимому, вождям кутиев удалось сплотить для нашествия на Аккад целый значительный племенной союз. К тому же они были, вероятно, поддержаны и изнутри государства династии Аккада.

Тем не менее, сын Нарам-Суэна, Шаркалишарри, сумел выправить положение в свою пользу, во всяком случае на территории собственно Двуречья, и взять в плен кутийского вождя Сарлагаба.[4] Однако по смерти Шаркалишарри начинается ожесточенная борьба между претендентами на аккадский престол. «Кто был царем, кто не был царем?», — пишет в этом месте составитель шумерского царского списка. В этой борьбе принял

---

[1] H. G. G ü t e r b o c k. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei den Babyloniern und Hethitern bis 1200. ZA, XLII, 1934, стр. 47 и сл.

[2] Энридавазир не включен в официальный список кутийских царей Двуречья, а в своей надписи он подражает Нарам-Суэну, принимая титул «царя четырех стран света» (наряду с титулом «царя кутиев»). Это и заставляет Якобсена (SKL, стр. 117, прим.) относить его ко времени Нарам-Суэна, так как Шаркалишарри, несмотря на то, что его имя означает дословно «царь всех царей», такого титула уже не решался принимать. Надпись Энридавазира (Эрридупизира) известна по более позднему списку с нее, см.: H. V. H i l p r e c h t. Earliest Version of the Deluge Story. BE, Ser. D, V, 1, стр. 20 и сл.

[3] В отличие от малочисленных войск-дружин правителей Шумера до династии Аккада, состоявших из тяжеловооруженных профессиональных воинов.

[4] Датировочная формула Шаркалишарри (SAKI, стр. 225, с; RLA, II, стр. 133) называет его Сарлагом. О тождестве Сарлага и Сарлагаба см.: SKL, стр. 207.

участие и кутийский вождь Элулумеш.[1] В результате в Аккаде восстанавливается государство, но несомненно уже только местного значения, а кутии приобретают верховное господство над Двуречьем.

Несмотря на относительную скудость материалов, у нас есть некоторые данные, позволяющие предположительно установить характер кутийского завоевания и затем — кутийского владычества в Двуречье.

Список царей Шумера, скомпилированный вскоре после падения кутийской власти[2] из различных источников и имевший целью возвеличить идею извечности деспотической государственной власти, включает, ради создания видимости непрерывной линии царей в Двуречье, также и кутиев. Но перечень кутийских царей обладает двумя отличительными особенностями: исключительной кратковременностью почти всех правлений и особой припиской в начале их перечня. Эта приписка гласит: «Племя кутиев не имело царя»[3] (хотя сейчас же вслед за этим идет перечень «царей» кутийской «династии»).

Эта приписка вызывала в древности недоумение писцов, а в настоящее время вызывает недоумение западных ученых, однако в ней нет ничего

---

[1] В царском списке он упомянут дважды — как «Элулу» в списке династии Аккада и как «Элулумеш» в списке кутийских царей. На вероятное тождество этих двух лиц указал тот же Якобсен: SKL, стр. 207.

[2] По Якобсену — при царе Утухегале (о котором см. ниже), но во всяком случае не позже правления царя Шульги (2103 -2056 гг. до н. э.).

[3] Ugnim ku̇-ti-um^{ki} lugal nu-tuku — это место в царском списке вызвало недоумение писцов, которые предполагали, повидимому, здесь ошибку в тексте, и почти в каждой из известных нам версий списка имеются в этом месте разночтения. Так, группа рукописей «A» (по классификации Якобсена) дает: текст WB — ugnim ku̇-ti-um^{ki} lugal mu nu-tuku — «(у) племени кутиев царь имени не имел» (или: «царь, не имеющий имени», т. е. бесславный). Группа рукописей «B» дает: текст L_1: ugnim ku̇-ti-um^{ki} lugal nu-ub-tuku — «племя кутиев царя не имели»; текст Su_{3+4} (писец его пользовался испорченным оригиналом) дает: [ma-d]a ku̇-tu-um^{ki} [ú-g]u-<ba>-an-dé — «(в) стране Кутум — кто-то пропал», так как писец, очевидно, понял разбираемое место в том смысле, что его предшественник просто не знал или не мог прочесть на поврежденном оригинале имени царя в соответствующем месте, что и вызвало данную его приписку; текст P_4 опускает это место совсем, не поняв его. Якобсен ошибочно полагает, что правильный, первоначальный вариант дает текст WB (SKL, стр. 117), ссылаясь на то, что аналогично понимает это место и текст Su_{3+4}, восходящий к другой клинописной рукописи — прототипу. Как думает Якобсен, данное выражение означает, что имя какого-то царя в списке выпало, и предполагает, что это — имя Эпридавазира. Но такое предположение неосновательно, так как заставляло бы считать, что имя исчезло уже в самóм древнем оригинале, явившемся прототипом рукописей как группы «A», так и группы «B», что трудно было бы объяснить. Далее, формула «стал царем», которая в списке прибавляется всегда только к именам основателей династии, применена во всех версиях (кроме L_1) не к предполагаемому царю, имя которого исчезло, а к первому из царей, имя которого дается списком (Имта). Это показывает, что он с самого начала рассматривался как первый царь перечня. Мы полагаем поэтому, что правильна версия L_1; Эпридавазир — не единственный из царей Двуречья, опущенный в шумерском царском списке; вероятно, по той или иной причине он не признавался официально.

удивительного: удивительно было бы, напротив, если бы племя или племенной союз кутиев, живших еще, без малейшего сомнения, первобытнообщинным строем, имело царей. Конечно, странно то, что, сделав это замечание, автор списка сейчас же начинает перечислять «царей» кутиев; но это вполне в духе его, вообще довольно неуклюжей, методы.[1] Однако самый список этих «царей» лишь подтверждает наш вывод.[2]

В самом деле, чем объяснить кратковременность правлений кутийских царей? Западноевропейские ученые обычно объясняют это тем, что кутии находились в состоянии непрерывной междоусобицы и цари их свергались, не успев процарствовать. Но каким же образом в таком случае они смогли бы владычествовать над таким хозяйственно высокоразвитым по тем временам государством, как Шумер и Аккад, в течение 91 года,

[1] Так, он разрывает одну династию на две части и вставляет между ними другую, если только какой-либо царь этой второй династии воевал с каким-либо царем первой; ставит последовательно династии, существовавшие одновременно, и т. д. — все это способы выразить синхронизм,—конечно, более чем неуклюжие и вводящие читателя в заблуждение. Этот образ действия автора шумерского царского списка настолько запутал шумерскую и вавилонскую хронологию, что до сих пор исследователи не могут до конца в ней разобраться.

[2] Вот этот список:

«Племя кутиум не имело царя.

(1) Имта стал царем, правил 3 года (вариант: 5 лет),

(2) Ингешуш правил 6 лет,

(3) Сарлагаб правил 6 лет,

(4) Шульме (вариант: «Иарлагаш») правил 6 лет,

(5) Элулумеш правил 6 лет,

(6) Инимабагеш правил 5 лет,

(7) Ингешуш (текст здесь дает «Игешауш») правил 6 лет,

(8) Иарлагаб правил 15 лет,

(9) Ибате правил 3 года,

(10) Иарлагаб (вариант: «Иарлангаб») правил 3 года.

(11) Курум (вариант: [. . .]би) правил 1 год.

(12) Хабилькин правил 3 года,

(13) [Лаэ]рабум правил 2 года,

(14) Ирарум правил 2 года,

(15) Ибранум правил 1 год,

(16) Хаблум правил 2 года,

(17) Пузур-Суэн правил 7 лет,

(18) [Иа]рлаганд(а) правил 7 лет,

(19) [Си]ум правил 7 лет,

(20) Тирика(н) правил 40 дней.

21 царь правил [91 год] и 40 дней.»

Некоторые варианты дают другую сумму лет, так как повторяющийся несколько раз в конце имен знак «eš» был принят за цифру «30» и присчитан к сумме лет соответствующего правления. Цифра «21» основана на том, что в начале перечня считается пропавшим имя неизвестного царя. Однако сумма лет правлений всюду исходит из числа 20 правлений. В L_1 итоги искажены. Упоминаемый обычно в литературе кутийский царь «Саратигубисин» не существует: речь идет о царе с аккадским именем «Муатикуббиссин» (SKL, стр. 120).

причем были изгнаны только с величайшим напряжением сил всей этой страны? [1]

Мало того, В. К. Шилейко доказал,[2] что владычество кутиев было прочным: правители шумерских городов посылали им обременительную дань, и в то же время во всей стране господствовал полный мир. Значит, объяснить кратковременность правлений кутийских царей междоусобицами нельзя. Заметим также, что эти короткие правления имеют вполне регулярные сроки своей продолжительности: «цари» со второго по седьмой правили по 6 лет (кроме Инимабагеша, который мог умереть до истечения своего срока). Затем следует Иарлагаб, правивший 15 лет. Затем, «цари» правят: с девятого по двенадцатый не свыше 3 лет, с тринадцатого по шестнадцатый — не свыше 2 лет, с семнадцатого по девятнадцатый — по 7 лет (за исключением отдельных, правивших меньше, чем обычно для данного отрезка перечня и, возможно, умерших или павших в битвах раньше своего срока).

Похоже, что эти сроки не случайны. Все недоумения могут быть легко разрешимы, если мы предположим, что «цари» или, вернее, военные вожди кутиев, как это обычно и бывало в первобытном обществе, выбирались на определенный срок. Поэтому-то, хотя «племя кутиев не имело царей», можно было все-таки привести поименно его «царей», т. е. выборных вождей племени или племенного союза. Возможно даже, что колебания в сроках правлений отражают борьбу среди самих кутиев. Первоначальным сроком было 6 лет (если Имта, первый «царь», правил только 3 года, то, очевидно, потому, что стал считаться правителем Двуречья не с первого года своего срока).[3] Затем восьмой «царь», Иарлагаб, попытался править бессменно и «процарствовал» 15 лет. В дальнейшем мы видим не только возвращение к порядку выбора вождя на срок, но еще и сокращение самого этого срока сначала до 3, а потом и до 2 лет. Нельзя ли это объяснить реакцией среди массы рядовых членов племени на нарушение обычая Иарлагабом?

Правители кутиев третьего поколения аккадизовались: [4] верхушка кутийской племенной знати стала к этому времени срастаться с шумеро-

---

[1] См. надпись Утухегаля: F. Thureau-Dangin. La fin de la domination gutienne. RA, IX, 1912, стр. 111 и сл.

[2] ВНШП, стр. XXIX и сл.

[3] Впрочем, если вместо ỊM-ta читать ní-ta, что тоже возможно, то получаем перевод для первых двух строк перечня: «племя кутиев царя не имели, само стало царем, правило 3 года» (ugnim ḳù-ti-um^{ki} lugal nu-ub-tuku, ní-ta lugal-àm, mu 3 ì-ag). В варианте L_1 слова́ lugal-àm — «стало царем» отсутствуют.

[4] Четыре «царя» носят аккадские имена (Хабилькин — № 12, Ибранум — № 15, Хаблум — № 16, Пузур-Суэн — № 17) и четыре — аккадизованные (Курум — № 11, Лаэрабум — № 13, Ирарум — № 14, Сиум — № 19). От четырех дошли аккадские и шумерские надписи или датированные по их имени документы (Энридавазир — № 0, Лаэраб — № 13, Иарлаган — № 18, Сиум — № 19). Как мы видим, эти данные указывают на явную шумеро-аккадизацию кутийских вождей к концу времени кутий-

аккадскими рабовладельцами; власть вождя кутиев все более становилась фактически царской властью, — не с этим ли связано удлинение сроков правления последних «царей»?

Есть еще один довод в пользу нашего предположения. На древнем Востоке, особенно в это раннее время, когда каждое имя представляло обычно целое предложение с благопожеланием его носителю или его отцу, чрезвычайно редко встречается повторение одних и тех же имен, особенно в пределах разных родов (а наши кутийские «цари» не обозначены, в отличие от других царей шумерского царского списка, как состоящие друг с другом в родстве). Поэтому повторение одних и тех же имен в перечне может указывать на то, что одно и то же лицо было избираемо вождем вторично. Таковы: Ингешуш[1] (№ 2 и — через 23 года — № 7), Иарлагаб[2] (№№ 8 и 10), Хабилькин [3] (№№ 12 и 16).

Конечно, все это не более как предположения, но вряд ли можно отстаивать точку зрения, что кутийские «цари» правили такие короткие (и регулярные) сроки потому, что они находились в состоянии непрерывной междоусобицы. Это во всяком случае противоречит логике фактов.

Кто были кутии по своей этнической принадлежности? Имена их не поддаются истолкованию из известных нам древневосточных языков. Ранее такие имена относились к числу хурритских; но теперь, когда мы довольно хорошо уже знаем грамматический строй хурритского языка, до некоторой степени знаем его лексику и прекрасно знаем ономастику, мы можем с уверенностью сказать, что и из хурритского языка (как и из шумерского, эламского, семитских, индоевропейских) кутийские имена не получают удовлетворительного объяснения. Следует обратить внимание на характерное i- в начале этих имен, и на окончания -ab/p и -š. Последнее окончание было широко распространено еще во II и в начале I тысячелетия в топонимических названиях области Загросских гор (районов III—VII по нашей классификации), т. е. в коренной области обитания кутиев.[4] На своеобразие фонетической системы кутиев, трудно воспринимавшейся

ского господства. По имени последнего «царя» кутиев, Тирикана, были названы три укрепленных поселения, возможно, созданные им или приписывавшиеся ему позднейшей традицией (для которой Тирикан был очень популярной фигурой — вроде «Аждахака» или «Искандера» средневековых легенд).

[1] «Игешауш» — лишь вариант того же имени, и различные версии списка дают здесь разную степень их близости; правильное чтение обоих имен, вероятно, Инге шауш или Ингешош (SKL, стр. 119, прим. 301).

[2] С вариантом «Иарлангаб» во втором случае.

[3] Имена №№ 12 и 16 (оба аккадские): Ḫabil-kîn(um) значит «жалко настоящего (сына)» — имя, дававшееся сыну, родившемуся после смерти первенца. Имя Ḫablum, дословно «жалкий»,—сокращение того же имени.

[4] Эти окончания нельзя возводить к хурритскому. В хурритском окончание -š — это показатель эргативного падежа, т. е. одного из косвенных, -še — показатель имен абстрактных. В топонимические названия эти элементы вряд ли могут входить.

шумерийцами и аккадцами, указывает разнообразие вариантов в передаче кутийских имен.

По всей видимости, кутийский язык был самобытным и, быть может, в какой-то мере был близок языкам эламской группы, распространенной, как мы указывали, повидимому, во всей Загросской области (эламиты, касситы, луллубеи, может быть каспии). С другой стороны, вероятная сложность фонетического состава кутийского языка в противоположность исключительной простоте эламской фонетической системы указывает, быть может, на родство кутийского с другими языками, обладавшими столь же сложной фонетикой. Такими языками были, с одной стороны, хурритский, с другой стороны, засвидетельствованный, правда, гораздо позже, но безусловно древний, автохтонный язык албанов.[1]

З. И. Ямпольский высказал автору вполне вероятное предположение, что в имени кутиев мы имеем то же этническое название, которое гораздо более поздние источники сохраняют нам в форме «утии», «уйтии»[2], «уды», «удины», «отены», что, повидимому, как замечает он же, было самоназванием албанов. Если бы это предположение подтвердилось, то данный факт указывал бы по крайней мере на вероятность родства кутиев с албанами.

История кутийского завоевания Двуречья может быть восстановлена в следующем виде.

Как уже указывалось, первое крупное поражение Аккаду кутии нанесли еще при Нарам-Суэне, когда их вождь Энридавазир, повидимому, временно сумел завладеть основными центрами Южного Двуречья, причем Нарам-Суэн, как кажется, погиб в бою (2202/2201 г. до н. э.).[3] Борьба продолжалась затем в течение правления Шаркалишарри (2201—2177 гг. до н. э.) и кутийских вождей Имты (?), Ингешауша, Сарлагаба, Иарлагаша и Элулумеша. Если Сарлагаб был взят в плен, то зато Элулумешу (2178—2173 гг. до н. э.) и его преемникам Инимабагешу и Ингешаушу (второму или выбранному вторично?) удалось, повидимому, установить окончательно кутийскую гегемонию в Двуречье.

Ожесточенный враг кутиев, царь города Урука Утухегаль в своей надписи[4] называл впоследствии кутиев «жалящей змеей[5] гор, насиль-

[1] Сложность фонетики языка албанов засвидетельствована средневековыми источниками; большинство исследователей считает албанский язык принадлежавшим к северо-восточной группе кавказских языков. Заслуживали бы внимания приводимые иногда в аккадских словарных текстах глоссы из языка gu (возможно — гутийского || кутийского?). К сожалению, работа по их собиранию не проделана.

[2] Звук ḳ легко отпадает, чему свидетельством является история, например, живых арабских диалектов.

[3] Датировки для III тысячелетия до н. э. основаны на неопубликованном исследовании автора.

[4] E. Thureau-Dangin. La fin de la domination gutienne, RA, IX, стр. 112.

[5] muš-gír — «змея острия», т. е. жала, ср. gír-tab — «двойное острие (жало)» = «скорпион».

ником (против) богов, унесшим царственность Шумера в горы, наполнившим Шумер враждой,[1] отнимавшим супругу у супруга, отнимавшим дитя у родителей, возбудившим вражду и насилие в Стране».[2] Слова о том, что кутии возбудили «вражду и насилие» в Двуречье, нельзя понимать иначе, как таким образом, что они восстанавливали одну часть населения против другой (т. е., надо полагать, класс против класса). Такое предположение вполне вероятно, так как известно, что именно во второй половине аккадской династии происходит значительное усиление рабовладельческой эксплуатации, а широкие массы свободных политически угнетаются усиливающейся деспотической властью царей. Весь период владычества аккадской династии был занят кровопролитными войнами аккадских царей с городами Шумера и Аккада, причем если в начале эти войны носили характер подавления сопротивления местной знати бывших «городов-государств», то впоследствии они вылились в почти поголовное истребление населения непокорных городов вообще.[3] В этих условиях вполне вероятно, что угнетенные массы Аккадского государства могли воспользоваться кутийским вторжением для того, чтобы сделать попытку к своему освобождению. Как известно, рабы, не имея собственной классовой идеологии и своей революционной программы, ориентируются обычно в своей борьбе на «варварскую» периферию рабовладельческих обществ и ставят в таком случае себе идеалом возвращение к бесклассовому обществу первобытно-общинной формации.

Таким образом, роль кутиев на первом этапе могла быть освободительной. Но то была эпоха, когда в Двуречье рабовладельческое общество было на подъеме, когда рабовладельческие производственные отношения были новыми, способствующими развитию производительных сил, а первобытно общинные производственные отношения отживали, не обеспечивая дальнейшего роста производительных сил.

Объединение всего бассейна Двуречья, осуществлявшееся деспотическим рабовладельческим государством династии Аккада, было объективно прогрессивным, так как позволяло создать в стране рациональную единую оросительную систему и обеспечить значительный рост производительных сил.[4] Разрушение этого государства могло только затормозить дальнейшее развитие. Поэтому, если имело место освободительное движение, возглавленное кутиями, то оно не могло иметь длительных результа-

---

[1] Šumer-rá níg-a-erém bí-in-si-a.

[2] Níg-a-erém níg-a-zi(g) Kalam-ma mi-ni-in-gar-ra. «Страной» (Kalam) по-шумерски называлось Южное Двуречье в целом.

[3] Так, например, во время одного только похода дяди Нарам-Суэна, царя Римуша, была произведена расправа над пятью крупными центрами Шумера — Лагашем, Уммой, Дером, Адабом и Халлабом. Из них только в Умме и Дере было убито 9000 человек и казнено 3600 человек.

[4] Вот почему народные массы поддерживали основателя аккадской династии Саргона Древнего, и о нем сложились легенды как о «человеке из народа».

тов и неминуемо должно было в тех условиях переродиться: разумеется, условий для разрушения рабовладельческих производственных отношений в то время не было никаких.

Мы видим, действительно, что вторжение кутиев быстро превратилось в опустошение Двуречья, сопровождавшееся грабежами и разорением населения. Были разрушены города Аккад, Акшак, Хурсагкалама, Дер, Ниппур, Адаб, Урук, Лараг, а также их храмы и храмовые хозяйства.[1] Кутийская племенная верхушка вовсе не стремилась к освобождению широких слоев населения Двуречья, а лишь желала перехода власти в стране от верхних слоев шумеро-аккадских рабовладельцев в собственные руки, желала заменить аккадских царей-деспотов кутийскими. Как мы видели, уже Энридавазир пытался подражать Нарам-Суэну, принял его титулатуру и сооружал надписи в шумерских храмах по примеру своих предшественников — шумерских и аккадских царей. Царскую надпись оставил также кутийский вождь Лаэраб.[2] Восьмой вождь кутиев, Иарлагаб, возможно, пытался присвоить себе пожизненную царскую власть. Уже со второго поколения кутийская знать начинает давать своим детям аккадские имена. Население Двуречья облагается поборами, более тяжкими, чем поборы аккадских царей.[3] Поэтому власть кутийских царей стала ощущаться не только знатью, но и всем населением Двуречья как тяжелое иго.[4]

Этому немало содействовала система управления страной, введенная кутийскими царями. Кутии не имели людей, которые могли бы взять на себя административные функции в довольно развитом государственном аппарате, существовавшем в государстве Шумера и Аккада. Поэтому за богатую дань кутийские цари перепоручили управление страной крупнейшим представителям местной рабовладельческой знати. Под общей гегемонией кутиев возникают различные местные династии. В самом Аккаде продолжают править собственные цари Дуду и Шу-Дуруль (около 2172—2137 гг. до н.э.); повидимому, позже, создается династия и на юге, в Уруке (2142—2108 гг. до н. э.). На первое место в Шумере выдвигается в это время город Лагаш. Памятники из Лагаша для этого периода весьма многочисленны и являются путеводной нитью для историка. Начало нового подъема политического значения Лагаша относится ко времени его пра-

[1] К сожалению, текст «плача», упоминающий разрушение этих городов и храмов, мне остался неизвестен, и я пользуюсь лишь его изложением у Лэнгдона: CAH, I, стр. 424.

[2] SAKI, стр. 170, XI; с поправками в: SKL, стр. 119.

[3] Дело в том, что доходы аккадских царей основывались на их собственных громадных хозяйствах и земельных владениях, а кутии оставили земли в управлении местных шумерских и аккадских правителей и храмов и своего хозяйства не вели; поэтому их поборы с населения в виде продуктов, ремесленных изделий, драгоценных и других металлов, были больше. См. о характере кутийских поборов: ВИШП, стр. XXX.

[4] Упомянутый выше «плач» называет страну кутиев «обиталищем чумы».

вителя «энси» (PA·TE-si) Ур-Бау (или Ур-Бабы) — вероятно, современника окончательного падения Аккада после Шу-Дуруля. Ур-Бау вел в Лагаше обширное храмовое строительство и был, надо думать, богатым и могущественным правителем. Можно полагать, что под верховным владычеством кутиев он осуществлял гегемонию в Шумере. По смерти Ур-Бау власть в Лагаше переходит, повидимому, к его зятю Гудее, который правил длительное время и, уже несомненно,[1] властвовал над весьма значительной частью Двуречья. Он титуловал себя не только «энси Лагаша», но и «благим пастырем (хотя и не царем) Страны» в целом. В то же время, как блестяще доказал В. К. Шилейко,[2] он не был независимым государем, а платил дань кутиям. Это не мешало ему[3] вести исключительно крупное и дорогостоящее строительство не только в Лагаше, но и в Уре, привлекать для строительства работников из Элама и ввозить строительные материалы с берегов Персидского залива, со Среднего Евфрата и из северной Сирии. Это указывает на большое территориальное распространение и силу его власти, а также на мирные в основном условия в стране.

Все это можно объяснить лишь в том случае, если признать, что Гудеа не только зависел от кутиев, но и был — формально или фактически — их наместником в Двуречье. То же верно и в отношении Ур-Бау и преемника Гудеи (также зятя Ур-Бау) — Наммахани.

В конце этого периода гегемония над Двуречьем уходит, повидимому, из рук лагашских правителей. Однако систему управления страной через представителей местной знати кутии, как мы увидим, не изменили. Кутии сохраняют до конца контроль над югом Двуречья; до нас дошла надпись из соседней с Лагашем Уммы, датированная еще правлением 19-го кутийского «царя» Сиума.[4]

Власть кутиев была свергнута царем города Урука[5] Утухегалем. О его войне с кутиями сообщают два дубликата копии с его стихотворной надписи.[6]

Выступление Утухегаля было приурочено к моменту смены правителей у кутиев (согласно данным традиции, отраженной в шумерском царском списке, последний кутийский правитель, Тирикан, успел процарствовать всего 40 дней). Политика кутийских царей до крайности ожесточила шумерское население, и Утухегаль получил широкую общенародную поддержку. Войско, выступавшее против Утухегаля, было уже не тем демократическим племенным ополчением, которое когда-то нанесло

[1] См.: ВДИ, 1950, № 2, стр. 81—82.

[2] ВНШИ, стр. XXX.

[3] См. многочисленные надписи Гудеи в «SAKI».

[4] V. Scheil. 1) Une nouvelle dynastie suméro-accadienne. Les rois «guti». CRAI, 1911, стр. 318; 2) Anciennes dynasties de Sumer-Accad. Там же, стр. 619.

[5] Урук был, возможно, незадолго до этого разгромлен кутиями, что должно было усилить ожесточение урукитов.

[6] F. Thureau-Dangin. La fin de la domination gutienne, RA, IX, стр. 111 и сл.

поражение непобедимому Нарам-Суэну. Во главе кутийского войска стояли теперь представители шумеро-аккадской рабовладельческой знати: аккадец Наби-Энлиль и шумериец Ур-Ниназу — вероятно, подчиненные кутиям правители каких-либо ведущих центров севера и юга Двуречья, осуществлявшие под их контролем гегемонию над страной вместо правителей Лагаша. Вряд ли в составе этого войска были сколько-нибудь многочисленные собственно кутийские отряды. Сплотить значительные массы племен для захвата богатого Двуречья, как это сделали первые кутийские вожди, было несомненно гораздо легче, чем совершить то же самое в целях удержания захваченной чужой территории, доходы с которой к тому же вряд ли доставались массе членов кутийских родов. Поэтому борьба Утухегаля и Тирикана должна была свестись к борьбе двух однотипных по культуре и вооружению войск, но теперь уже не сторонники кутиев, а сторонники Утухегаля были воодушевлены борьбой против своих местных и иноземных угнетателей. В происшедшей битве (2109 г. до н. э.) Утухегаль одержал легкую победу. Тирикан бежал с поля боя, пытался укрыться в селении Дубрум, но был выдан жителями Утухегалю и казнен.

Таким образом, Утухегаль восстановил «царство Шумера и Аккада», но воспользоваться плодами победы поддержавшим его народным массам не удалось. Вскоре после победы над Тириканом (в 2108 г. до н. э.) Утухегаль утонул, и власть в Двуречье перешла к наместнику Ура, Ур-Намму, основателю III династии Ура, для которой характерны установление режима самого жестокого и неприкрытого деспотизма и резкое усиление рабовладельческой эксплуатации.

Разумеется, что из всего кутийского предприятия по завоеванию Двуречья ничего прочного не могло получиться. Кутийские вожди и племенная знать вовлекли племенную массу в авантюру. Если вначале кутийское завоевание могло быть поддержано народными массами Двуречья, то далее, как кажется, кутийская знать превратила все предприятие в погоню за захватом богатств. Этим объясняется разграбление городов Двуречья, этим же объясняется и передача управления Двуречья в руки шумеро-аккадской знати, которая могла оплатить предоставленную им власть наиболее богатой данью. Племенная знать кутиев стала быстро срастаться с верхушкой шумеро-аккадских рабовладельцев, угнетая народные массы Двуречья и предавая интересы самих кутийских племенных масс, на которые она лишь навлекла ненависть покоренных. В результате кутии были отброшены обратно в горы современного Иранского Азербайджана, понеся потери, и весь почти столетний эпизод кутийского владычества в Двуречье остался лишь эпизодом, не имевшим особо сильного влияния на развитие общества на родине кутийских племен. Он даже, как кажется, не ускорил процесса классообразования у кутиев. Обогатившаяся, превратившаяся в рабовладельцев кутийская знать была, очевидно, истреблена победителями. Рядовые же кутии ничего не выиграли в имущественном отношении от завоевания, а поэтому имущественное расслоение

в среде кутиев после падения их власти в Двуречье оказалось, по всей вероятности, все еще относительно незначительным.

До нас дошло некоторое количество памятников искусства, которые можно отнести ко времени кутийского владычества в Двуречье. В числе их безусловно первое место занимает скульптура из Лагаша времени Гудеи, продолжающая традиции искусства аккадского времени и представляющая собой вершину достижений шумеро-аккадского изобразительного искусства. Но рассмотрение чисто шумерских и аккадских памятников не может, конечно, входить сейчас в нашу задачу. Остановимся вкратце лишь на тех памятниках, которые происходят с собственно кутийской территории.

Если правильна предложенная нами датировка,[1] то безусловно первое место среди этих памятников принадлежит бронзовой портретной голове, случайно найденной около Хамадана, в Мидии, и поступившей впоследствии в американский музей Брэммер Гэллери в Нью-Йорке. По всей видимости, эта скульптура, изображающая, как мы предположили, одного из царей кутиев, принадлежит аккадскому или эламскому мастеру или, по крайней мере, мастеру аккадской выучки, так как обнаруживает наличие длительной и развитой художественной традиции. Этот памятник, с нашей точки зрения, явно занимает определенное место среди скульптуры Двуречья второй половины III тысячелетия до н. э. Вместе с бронзовой портретной головой аккадского царя из Ниневии (так называемой «головой Саргона Древнего») и скульптурой времени Гудеи скульптурная голова Брэммерской галереи принадлежит к небольшой группе памятников портретного искусства древней западной Азии; как известно, это искусство, с укреплением деспотического строя, приведшего к подавлению личности в странах Древнего Востока, не получило дальнейшего развития.

Скульптура изображает бородатого человека, принадлежащего к антропологическому типу, и сейчас распространенному в Загросских горах.[2] На голове — плотно лежащий тюрбан, немного похожий на тюрбан эламитов,[3] из-под которого видна прядь волос. Миндалевидные глаза (в древности инкрустированные из другого материала) видны из-под тяжелых нависших век. Нос толстый, округлый по форме, сильно выраженная переносица. В лице переданы явно индивидуальные черты, что делает скульптуру одним из наиболее ярких памятников древневосточного искусства.

---

[1] И. М. Дьяконов. Об одной древне-восточной скульптуре. ТОВЭ, IV, Л., 1946, стр. 107 и сл. Ряд исследователей датирует данный памятник значительно более поздним временем.

[2] Кэссон сравнивает с типом, передаваемым этой скульптурой, антропологический тип курдов Загроса; ср.: SPA, стр. 356 и сл.

[3] Ср. золотую и серебряную статуэтки Луврского музея из Суз: Mém., Dél. en Perse, VII, табл. XXIV. Тюрбаны (mitrē) носили эламиты («киссии») еще и во времена Геродота (VII, 62).

Тот же антропологический тип передан, повидимому, на скальном рельефе из Шейх-Хана в районе верховьев Диялы. Французский антрополог Э. Т. Ами[1] сравнивает с ним антропологический тип, засвидетельствованный в настоящее время среди азербайджанцев района Шуши. Этот же тип был распространен и среди касситов и других горцев Загроса.[2]

Рельеф изображает человека, одетого в одно препоясание и тюрбан (или шапку вавилонского типа); на шее его — ожерелье с большой круглой подвеской, за поясом — топорик; в левой руке он держит лук, а правой вынимает стрелу из колчана (?). Ногами он попирает павшего врага; еще один враг перед ним молит о пощаде. Рельеф сопровождается надписью на староаккадском языке, упоминающей поход на страну Забан (?), и имя изображенного — Лишир-пир'ини. Страна Забан находилась на реке Нижний Заб около современного Алтын-Кепрю; имя изображенного, если оно правильно прочтено нами, — аккадское.[3]

Рис. 12. Скальный рельеф Лишир-пир'ини. Конец III тысячелетия до н. э. Схематическая зарисовка.

Стела из Шейх-Хана выдает руку мастера, не имеющего за собой большой художественной традиции: фигуры непропорциональны, рисунок нечеток и неправилен. Однако изображение достаточно ясно, чтобы адэкватно передать антропологические черты. Надпись, по палеографическим и филологическим данным, не моложе 2000 г. до н. э., скорее значительно старше. Изображенный на рельефе человек не носит царского титула и был, вероятно, подобно Гудее, каким-либо фактически независимым наместником или полководцем. Вполне возможно, что этот памятник надо отнести к кутиям, тем более что самое имя изображенного — скорее всего

[1] E. T. H a m y. La figure humaine dans les monuments chaldéens. Bull. et Mém. de la Société Anthropologique de Paris 21 III 1907, стр. 125 и сл.

[2] G. C o n t e n a u. Manuel d'archéologie orientale, I. Paris, 1927, стр. 101.

[3] E. H e r z f e l d. Iran in the Ancient East, стр. 186 и сл. Имя царя, которое Камерон вслед за Шейлем читает «Тардунни, сын Икки», повидимому, аккадское: Лишир-пир'ини — «да процветет наш отпрыск», но имя его отца — хурритское(?) — Иккиб-шахмат. Надпись, прочтенная до сих пор не полностью, читается нами так: (I, 1) Li(!)-ší-ir-(2)pí-ri-ni (3) mâr Ik-ki-(4)-ib-ša-aḫ(?)-ma-at (II, 1)ṣalmam uš-zi-iz (2)i-nu ma-at Za(!)-ba-an (3) ú-te-ru (4) ša ṣalmam i-ru(?)-ḳù(!) (III, 1) pí-ri-šu (2) ú šu-um-šu(3) ^{d}Šamaš ^{d}Adad (4) i-ḫal(??)-lí-ḳú — «Лишир-пир'ини, сын Иккиб-шахмата (?), установил изображение, когда вернул (под свою власть) страну Забан (?). Кто удалит (?) изображение, того отпрысков и имя истребят (?) (боги) Шамаш и Адад».

перевод на аккадский язык какого-то иноязычного имени: хотя оно понятно по-аккадски, но несвойственно аккадской ономастике.

К кутийскому искусству, быть может, следует отнести вторую бронзовую голову Брэммерской галереи.[1]

Перечисленные памятники, если они действительно относятся к числу кутийских изделий, указывают и на существование у них попыток создания своего искусства, и на привлечение традиций шумеро-аккадских мастеров; это должно было бы привести к созданию искусства, соответствующего значению государства и уровню развития производительных сил в классовом уже обществе. Но настоящего классового общества — общества, основанного на антагонизме классов — у кутиев III тысячелетия до н. э. не создалось; они не втянулись в орбиту классового общества Двуречья, а в горах Загроса для его создания не было еще предпосылок.

В дальнейшем наши сведения о кутиях и вообще о племенах Загросских гор становятся чрезвычайно отрывочными. Цари III династии Ура вели непрерывные войны в предгорьях Загроса. Мы знаем о внешних событиях истории этой и нескольких последующих династий по так называемым датировочным формулам: так как определенной эры для отсчета лет в Шумере и Аккаде не было, то датировка велась по выдающимся событиям; по каждому такому событию давалось название либо году, в котором оно произошло, либо следующему. В датировочных формулах III династии Ура нередко встречаются упоминания походов на Урбиллум (Арбела, ныне Эрбиль), Симуррум (иначе Забан, ныне Алтын-Кёпрю на р. Нижний Заб), Шашрум или Ша-Ашшурум (? — позднее Ашшур, ныне Кала'ат-Шеркат ?); затем говорится также о походах на Луллубу, Харши, Кимаш, Хумурти и Ганхар[2] — преимущественно хурритские города дальних предгорий Загроса; местоположение области Луллубу нам уже известно; Кимаш находился, повидимому, недалеко от современного Керкука, а Хумурти — где-то между Кимашем и Харши. Эта последняя область, может быть — ассирийская «гора Харси» на границе VI района по нашей историко-географической классификации, урартская 'Арсита, повидимому, близ современного Туз-Хурматлы. В этом же районе или ближе к Ассирии надо искать Забшали, Хухунури и другие «города», покоренные различными царями этой династии.[3]

---

[1] SPA, I, стр. 356 и IV, табл. 107, *A*, *B* (статья С. Кэссона). Относительно места ее находки существуют противоречивые данные, но, повидимому, она происходит из района между озерами Урмия и Ван. Датировка ее также неясна.

[2] Штрек (Streck, ZA, XV, стр. 344 и сл.) отождествляет Ганхар (Штрек читает «Кархар?») с позднейшим Хархаром в западной Мидии; однако, судя по хурритскому имени его царя Кишари и по тому, что Ганхар при III династии Ура включался в провинцию Лагаш, видно, что он должен был находиться недалеко от реки Тигра.

[3] Вот перечень соответствующих датировочных формул: «Ганхар разорен» — 25-й год Шульги; «Луллубу и Симуррум разорены» — 26-й год Шульги; «Симуррум вторично разорен» — 27-й год Шульги; «Харши разорен» — 28-й год Шульги; «Ганхар

В конце периода господства III династии Ура большинство территории по Тигру и за Тигром были подчинены «энси» (наместнику)[1] города Лагаша на нижнем течении этой реки. Так, Арад-Наннар, наместник Лагаша при царе Шу-Суэне (2046—2038 гг. до н. э.), носил в числе прочих титулы «энси» Сабума [2] и страны Кутиум,[3] правителя Димат-Энлиля, Аль-Шу-Сина, Урбиллума, «энси» Хамази и Ганхара, правителя Ишара, народа Су (субарейцев=хурритов?), страны Гардака и т. д.[4]

У нас нет никаких данных о том, чтобы жители этих областей представляли какую-либо угрозу для Двуречья, которую цари III династии Ура пытались бы устранить своими походами. Особых богатств, манивших бы завоевателя, в этих областях в то время также не было. Не исключена возможность, что в долине Диялы еще тогда проходил путь, соединявший Двуречье с областями индийской культуры Мохенджо-Даро и Хараппы.[5] Но главной причиной походов шумеро-аккадских царей в горы было, очевидно, стремление захватить пленников для обращения в рабство. Уже в то время, как и во II тысячелетии до н. э., вероятно, славились в Двуречье рабы-луллубеи и кутии.[6]

вторично разорен» — 32-й год Шульги; «Симуррум в третий раз разорен» — 33-й год Шульги; «Шашрум разорен» — 43-й год Шульги; «Симуррум и Луллубу разорены в 9-й раз» — 45-й год Шульги; «Урбиллум, Симуррум, Луллубу и Ганхар разорены» — 46-й год Шульги; «Кимаш, Хумуртум и страна разорены в 1 день» — 47-й год Шульги; «Харши, Кимаш, Хумурти и страна разорены в 1 день» — 49-й год Шульги; «Бур-Суэн разорил Урбиллум» — 2-й год Бур-Суэна; «Шашрум разорен» — 6-й год Бур-Суэна; «Хухнури разорен» — 7-й год Бур-Суэна; «Шиманум разорен» — 3-й год Шу-Суэна; «Шу-Суэн, царь Ура, разорил страну Забшали» — 7-й год Шу-Суэна; «Симуррум разорен» — 3-й (?) год Ибби-Суэна; «Сузы, Адамдун (?) и страну Аван он затопил (?), как непогода, согнул в 1 день и взял в плен Энбилуа [эламск. Энпилуххан(?), имя царя Элама]» — ?год Ибби-Суэна; «На Хухнури. . . страны Аншан он двинулся с тяжкой силой. . .» — ? год Ибби-Суэна. См. RLA, s. v. Datenlisten. Вероятные абсолютные даты царей III династии Ура: Ур-Намму — 2121—2104 гг. до н. э., Шульги — 2103—2056, Бур-Суэн — 2055—2047, Шу-Суэн — 2046—2038, Ибби-Суэн — 2037—2012 гг. до н. э. Весь Элам был в большей или меньшей степени подчинен III династии Ура, за исключением области Симаш.

[1] «Энси» (PA·TE-si) — этот термин при III династии Ура обозначает назначаемого царем областного наместника.

[2] Область в Эламе (?).

[3] В тексте GU·TE·BU·UM^{ki}, что, вероятно, передает произношение *ḳutiwum, или же, может быть, эламо-каспийское множественное число — *ḳuti·p/b-, с аккадским падежным окончанием -um.

[4] SAKI, стр. 148 и сл. 22a. См. о значении этой титулатуры: CAH, I, стр. 458 и сл. (статья С. Лэнгдона).

[5] Индийские вещи типа культуры Мохенджо-Даро были найдены в Эшнунне (Телль-Асмаре) на нижней Дияле и в Лагаше на нижнем Тигре.

[6] В числе рабов упоминаются и «светлые (namrûti) кутии», что вызвало у некоторых буржуазных ученых легенду об «арийском» их происхождении. Но этот термин не имеет никакого отношения к окраске кожи или волос, что правильно было объяснено Шпейзером: E. A. Speiser. Mesopotamian Origins, гл. IV.

Акад. В. В. Струве издал[1] интереснейшие документы, посвященные учету довольствия, выдававшегося в лагере пленных женщин, обращенных в рабство при одном из царей III династии Ура (документы датированы 5-м годом царя Бур-Суэна, т. е., вероятно, 2051 г. до н. э.). Учетные списки, разделенные друг от друга временем всего в четыре месяца, показывают ужасные условия, в которых находились пленные женщины, в том числе беременные и с маленькими детьми — голод и чудовищную смертность в лагере.

Акад. В. В. Струве полагает, что женщины, упомянутые в этих документах, по крайней мере частично — хурритки. Но хотя среди перечисляемых имен есть даже шумерские[2] и аккадские,[3] наряду с некоторыми хурритскими,[4] однако, большинство имен не может, с нашей точки зрения, быть объяснено из хурритской ономастики. Акад. В. В. Струве указал на вероятность того, что большинство пленных было захвачено во время похода на Урбиллум (Арбелу);[5] это был район стыка аккадского (ассирийского), хурритского и кутийского этносов, и возможно, что многие имена женщин в данных документах — кутийские.[6] Эти документы дают яркое представление о характере взаимоотношений между рабовладельческим государством Двуречья и племенами Загросских гор. Каким бы значительным достижением во всемирной истории ни была культура тогдашнего Двуречья, но для кутийских и луллубейских племен шумерийцы и аккадцы выступали в роли поработителей, глядевших на их горную родину как на свой питомник рабской силы.

---

[1] Акад. В. В. С т р у в е. Лагерь военнопленных женщин в Шумере. ВДИ, 1952, № 3, стр. 12 и сл.

[2] К шумерским именам акад. В. В. Струве относит имена Мама, Пуш (вариант Пушушу) и Урбабилуру, однако это сомнительно, особенно в отношении последнего имени: элемент «Ур-» никогда не входил и не мог входить в шумерские женские имена. С другой стороны, можно указать еще на имя Лалла и некоторые другие, вероятно или даже несомненно, шумерские. Шумерским является имя «Бур-Суэн-хегаль», которое носят два младенца, повидимому, родившиеся в лагере; очевидно, это имя, носящее в данной обстановке издевательский характер («Бур-Суэн богат» или «Бур-Суэн — это изобилие»), было дано им не родителями, а надзирателями лагеря, где они родились. Безусловно шумерское имя — Гим-Нинурра («Рабыня богини Нинурры») — также, вероятно, дано надзирателями (Нинурра — местное шумерское божество в районе лагеря).

[3] Таковы имена Аннитум (кличка?), Ахати, Бузатум, Или-Иштар, Арбитум, Иллассу, Закнитум, Белум-Иштар, Эшме-Аштар (так!) и, возможно, некоторые другие. Теофорные имена с «Иштар» подтверждают гипотезу акад. В. В. Струве о происхождении пленных из района Арбелы — одного из центров культа Иштар.

[4] Акад. В. В. Струве относит сюда имя «Баланиа». Особо характерных хурритских имен в списке не заметно (может быть, Эбаниа и еще некоторые с окончанием «-иа»?).

[5] Акад. В. В. С т р у в е. Лагерь военнопленных женщин в Шумере, стр. 13.

[6] Характерные имена на -ša, -na и -bi, возможно, соответствующие именам на -š, -eš, -an и -ab перечня кутийских царей. Из эламского имена в этих документах непосредственно тоже вряд ли могут быть истолкованы.

5. Население западной Мидии во II тысячелетии до н. э. Касситы[1]

Положение несколько изменилось в начале II тысячелетия до н. э. Это тысячелетие было свидетелем существенных сдвигов в производстве и общественной жизни населения будущей Мидии и окружавших ее областей Закавказья и Ирана. К этому времени полностью было освоено производство бронзы, все большее применение получал гончарный круг; меняются типы посуды и ее орнаментация; вообще, в материальной культуре наблюдаются довольно значительные изменения, что заставляет западных ученых видеть здесь очередную этническую миграцию.[2]

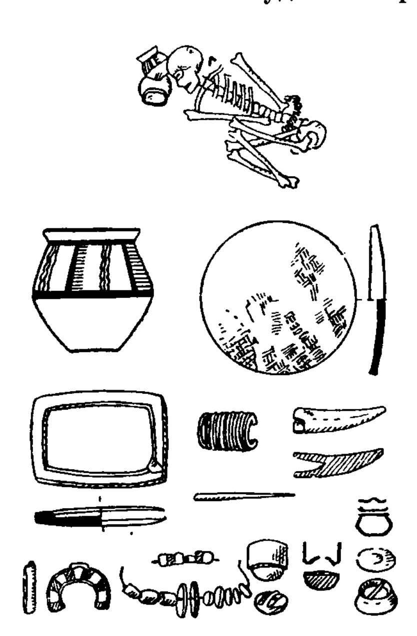

Рис. 13. Инвентарь погребения из Тепе-Сиялка. Конец III тысячелетия до н. э.

В недрах еще первобытно-общинного строя все чаще начинают иметь место случаи эксплуатации рабов. Захват иноплеменников был частым явлением еще начиная со времени кутийских завоеваний. В могильнике на Гёй-тепе из 12 раскопанных могил (4 каменных ящика и 8 грунтовых) во всех четырех каменных ящиках и по крайней мере в трех грунтовых могилах было обнаружено по два и более скелетов. Можно было бы думать о коллективных местах захоронения отдельных родов; но некоторые могилы (в особенности в раскопанном Брауном погребении «А», где один скелет лежал в вытянутом положении, с чашей под головой, а четыре были погребены в скорченном положении и два — в сидячем положении по углам могилы) почти несомненно являются погребениями хозяина и рабов.[3] Возможно также, что в некоторых случаях жена должна была следовать в могилу за мужем; если так, то это свидетельствует о смене матриархального строя патриархальным.

О росте богатств говорит появление оборонительных стен вокруг поселений (Гёй-тепе, Туренг-тепе близ совр. Астрабада на территории древ-

[1] К сожалению, мне еще не могла быть доступна фундаментальная работа о касситах: Kemal B a l k a n. Die Sprache der Kassiten (Kassitenstudien, 1, American Oriental Series, vol. 37). New Haven, 1954. См. рецензию: L. M a t o u š, Ar. Or., XXIV, 1956, стр. 145.

[2] T. Burton B r o w n, ук. соч., стр. 69. - SPA, I, стр. 154 и сл. (о слое Хисар II, статья Роджерс Уоррена).

[3] Аналогичные явления в Закавказье эпохи бронзы см.: Б. Б. П и о т р о в с к и й. Археология Закавказья, стр. 52 и сл. Луллубеи, повидимому, иногда захватывали в рабство хурритов (один такой факт приведен у Э. Р. Лейчмэна: BASOR, № 78, стр. 23 и сл.), хотя чаще бывало наоборот.

ней Гиркании). Главным богатством — при сохранении земледельческого производства — является в это время скот; и, что особенно важно, мелкий скот — свиньи, козы и особенно овцы — начинает явно преобладать над крупным скотом; в связи с увеличением поголовья скота встает вопрос об обеспечении его пастбищами, и население начинает, вероятно, переходить на полуоседлое скотоводство, с выгоном скота на лето в горы.

В этот период окончательно оформляется первое крупное общественное разделение труда — между пастушескими и земледельческими племенами. Происходит также специализация отдельных племен, в зависимости от района их обитания, на добыче различного вида сырья (например, металлов) и на различных видах ремесла. Исключительно высокого мастерства в области металлургии бронзы достигли, например, горные племена в районе между Мидией и Эламом (в совр. Луристане).

Письменные источники свидетельствуют о сохранении во II тысячелетии до н. э. прежней пестроты населения будущей Мидии. Население это остается, повидимому, неоднородным и в культурном отношении. Так, археологическая культура Тепе-Гияна (слои IV—II) тяготеет к Эламу; культура Гёй-тепе (слои «D» и «C»), вероятно, принадлежащая кутиям, стоит особняком, но дает некоторые черты сходства с Закавказьем; культура Тепе-Хисара (слой II) и Тепе-Сиялка, а также Туренг-тепе, как кажется, имеет связи со Средней Азией.[1]

Письменные источники дают нам более всего данных о касситах, как о наиболее важных в это время племенах гор Загроса, — района, соприкасавшегося с областью распространения вавилонской культуры.

Местом обитания касситов (аккадск. kaššî) от древнейших времен и вплоть до завоевания Ирана греко-македонцами была горная страна, расположенная в VIII районе по нашей классификации, т. е. в верховьях рек, долины которых образовывали в древности страну Элам, — в современном Луристане. Об этнической принадлежности касситов свидетельствуют полсотни слов и собственных имен, сохраненных, с переводом на аккадский язык, в ассиро-вавилонских лексикологических текстах, а также еще некоторое количество собственных имен, сохранившихся в вавилонских хозяйственных и деловых документах, в царских надписях и списках, восходящих ко II тысячелетию до н. э. В настоящее время можно считать вероятным, что касситы составляли племя горцев-скотоводов, говоривших на родственном эламскому языке.[2]

---

[1] Старая культура Тепе-Сиялка обрывается в середине II тысячелетия до н. э. и вслед за тем идут слои уже начала I тысячелетия. Литературу о раскопках указанных городищ см. на стр. 95.

[2] См.: G. H ü s i n g. Die Sprache Elams. Breslau, 1908. Этот вывод, однако, оспаривается. Многие слова совершенно различны в эламском и касситском, например: «бог» — эламск. nap, касс. mašḫu [так, не bašḫu, как у Делича, ср.: Mém., Dél. en Perse, XI, 1911, стр. 37 — имя Burna-mašḫu(m)]; «царь» — эламск. sunki-, касс. janzi, и др. Но следующие сопоставления указывают на возможную связь между эламским и

В свое время выдвигалось мнение, что касситы были индоевропейцами или, по крайней мере, что они находились в столь тесном соприкосновении с индоевропейскими этническими элементами, что оно заметно сказывалось на их языке и культуре.[1]

Однако данные в пользу индоевропейских связей касситов настолько слабы, что надо признать касситов либо вовсе не имеющими отношения к индоевропейцам, либо имеющими лишь самое косвенное отношение.

Касситы жили в указанном районе, надо полагать, с незапамятных времен, подобно тому, как и их соседи и вероятные родичи — эламиты — жили на своей территории во всяком случае с начала III тысячелетия до н. э. Касситы жили в том же месте и позже, занимаясь горным полукочевым скотоводством; по всей вероятности, их иранизованными по языку потомками являются современные племена горных скотоводов-луров, обитающие ныне на этой же территории, которая соответственно носит теперь название Луристана. Однако во второй четверти II тысячелетия до н. э. часть касситов была вовлечена в племенные передвижения и проникла из гор в долину Диялы, откуда начала предпринимать набеги на Вавилонию. Такая активизация касситов ставится большинством исследователей в связь с появлением лошади как транспортного животного.

Лошадь была хорошо известна в западной Азии с давних времен; так, она была уже известна шумерийцам, которые называли ее «горным (восточным) ослом» — anšu-kur-ra.[2] Но она не была еще тогда одомашнена.

касситским; в области лексики: касс. miri- в miri-jaš — «земля» и miri-zi.r — имя богини-матери (богини земли) = эламск. muru — «земля»; касс. Gidar — бог войны = эламск. kute.r — «владыка»; касс. da-gigi или da-gilgi — «небо» (ср. da-kaš — «звезда») = эламск. kik(i) — «небо». Касс. burna — «привилегированное лицо» встречается, возможно, и в эламском. Ср. также эламский суффикс инфинитива -ma.na с касс. kadaš.man — «помощь». С эламским касситский язык связывается также отсутствием склонения (падежных окончаний): в эламском их заменяет система послелогов, к ахеменидскому времени превращающихся во вторичную систему падежей.

[1] Этого мнения придерживался, например, Шефтеловиц: Kuhn's Z. f. Vgl. Spr., XXVIII, 1902, стр. 272 и сл. Оно основано на сопоставлении касс. Šurijaš — бог солнца, с санскр. suryaḥ — «солнце»; касс. Ubrijaš, вариант Burijaš — переведено как «владыка стран», или «бог дождя и грома» — с греч. Borēas — «северный ветер», русск. «буря»; касс. Šîmalija, Šûmalija — «богиня горных вершин» с санкр. himālaya; касс. Bugaš — имя одного из богов, с др.-перс. baga, др.-слав. bogŭ — «бог». Но сходство здесь сомнительно: himālaya должно было бы звучать *imâlaja, *zimâlaya или даже *gimâlaya, но только не šîmalija; наряду с Šurijaš мы встречаем чисто касситское наименование «солнца» — saḫ; наряду с Burijaš встречаем слова buri — «владыка» и jaš — «земля» и т. д.; вполне вероятно, что buri-jaš есть прозвище божества грома — «владыка земли», и что šuri-jaš означает что-нибудь вроде «озаритель земли».

[2] Изображения лошади имеются еще в пиктографической иероглифике времени Джемдет-Насра (не позже 3000 г. до н. э.), см: S. Langdon. The Herbert Weld Collection in the Ashmolean Museum. Pictographic Inscriptions from Jemdet Nasr. OECT, VII, Oxford Univ.Press, 1928, список знаков, № 129 и сл. Название ANŠU. KUR.RA — «восточный осел» употребляется впервые как идеограмма в начале II тысячелетия до н. э., но самое применение шумерской идеограммы в период, когда

В Шумере повозки и боевые колесницы запрягались ослами. Впрочем, имеются изображения запряженных животных, слишком больших, чтобы быть ослами;[1] повидимому, это мулы: быть может, небольшое количество лошадей содержалось в неволе для скрещивания с ослами.[2] В вавилонских документах домашние лошади упоминаются вскоре после времени Хаммураби (XVIII в. до н. э.).[3] Б. Б. Пиотровский [4] ставит развитие коневодства в связь с развитием полукочевого скотоводства, так как «верховой конь служил целям постоянных связей летних пастбищ, кочевок, с основными поселениями». В этой связи становится понятным развитие коневодства именно во II тысячелетии до н. э. В дальнейшем оно сделало возможным бóльшую подвижность для пастушеских племен, а впоследствии — и переход их общества в некоторых областях к чисто кочевому скотоводству с миграциями отдельных племенных групп кочевников.

Во второй четверти II тысячелетия до н. э. лошадь как домашнее животное включается в обиход многих государств Передней Азии. В Малой Азии мы встречаем изображение колесницы, запряженной лошадьми, уже в ассирийской колонии Канес в XX в. до н. э.[5] В третьей четверти II тысячелетия в Хеттском государстве лошадь применялась широко не только как упряжное животное для боевых колесниц (жеребцы), но и для пахоты (кобылы).[6] В Египте лошадь и колесница появились с гиксосами в XVIII—XVII вв. до н. э.

господствовал уже аккадский язык, указывает на то, что эта идеограмма является наследием более раннего периода и возникла еще до 2000 г. — скорее всего не позже периода окончательной выработки репертуара идеограмм, т. е. середины III тысячелетия до н. э. См. также лошадь в эламской иероглифике и т. п.: E. H e r z f e l d. Iran in the Ancient East, стр. 65.

[1] Колесницы с ослами, например: V. C h r i s t i a n. Die Altertumskunde des Zweistromlandes, Bd. I. Tafeln. Leipzig, 1940, Taf. 224—226 (медные и глиняные фигурки из Телль-Акраба и Киша); с мулами: там же, Taf. 201 («штандарт» из Ура) и, может быть, 273 (жертвенные плакетки из Хафаджи и Ура).

[2] Так, в аккадском эпосе о Гильгамеше, восходящем к последней четверти III тысячелетия до н. э., богиня Иштар, соблазняя героя, сулит ему славу, богатство и почести, равные божественным; в числе прочего она обещает, что в его колесницу будут впрягаться kudâni rabûti — «большие мулы» (R. Campbell T h o m p s o n. The Epic of Gilgamish. Oxford, 1930, VI, 12). Позже мулы обозначаются в аккадском языке как parû, а слово kudânu не употребляется. Повидимому, аккадск. kudânu можно возвести к эламск. kutu — «лошадь» (?), см. ниже, стр. 125, прим. 3.

[3] OLZ, X, стр. 638 и сл. (статья А. Унгнада). — B. M e i s s n e r. Assyriologische Studien, IV. MVAG, 1913, 2, стр. 1 и сл.

[4] Б. Б. П и о т р о в с к и й. Археология Закавказья, стр. 50—51.

[5] Th. P i n c h e s. The Cappadocian Tablets of Liverpool. LAAA, I, стр. 49 и сл., pl. 17, *8*.

[6] Хеттские законы, табл. 1, § 68: F. H r o z n ý. Keilschrifttexte aus Boghazköi, VI. WVDOG, № 36, Leipzig, 1921; ВДИ, 1953, № 4 (перевод И. М. Дунаевской), стр. 268 и прим. 7. Еще и в I тысячелетии до н. э. кобылы не применялись для колесничной и верховой езды; ездить на кобыле считалось для воина зазорным (см.: АВИУ, № 43, прим. 2 и № 49, стр. 125 и сл.).

Широко распространена была лошадь, запрягавшаяся в колесницу, в хурритском государстве Митанни, охватывавшем в середине II тысячелетия до н. э. Северную Месопотамию, а также южную часть Армянского нагорья, часть Сирии и области к востоку от реки Тигра. Возможно, что Митанни было даже центром коневодства, так как с хурритского языка трактаты о коневодстве переводились как в Хеттском царстве, так и в Ассирии.[1]

При этом чрезвычайно любопытно, что терминология конских ристаний, сохраненная трактатом митаннийца Киккули, — индоевропейская, точнее индо-иранская (еще точнее, может быть, индийская).[2] Этот факт наряду с фактом наличия значительного количества индо-иранских имен среди хурритской знати этого времени[3] заставил исследователей предположить, что колесница, запряженная лошадьми, была введена в Передней Азии вторгшимися племенами индо-иранского происхождения; эта гипотеза подтверждалась и тем фактом, что в течение II тысячелетия до н. э.[4] индийская ветвь индо-иранских племен появляется и в Индии, причем также с конями и колесницами, и около того же времени гибнет старая дравидическая (?) цивилизация Мохенджо-Даро.

Повидимому, в начале II тысячелетия до н. э. в связи с одомашнением лошади и применением ее для колесницы индо-иранские народы начинают довольно быстро распространяться из мест своего первоначального обитания. Этими местами следует признать уже для того времени Среднюю Азию.[5] Надо предположить, что первыми сдвинулись индийские племена.

---

[1] Известный трактат митаннийца Киккули. См. статьи Грозного, Зоммера и Эелольфа в Boghazköi-Studien, III, стр. XII, и X, стр. 38 и сл. См. также: E. Ebeling. Bruchstücke einer mittelassyrischen Vorschriftensammlung für die Akklimatisierung und Trainierung von Wagenpferden. B., 1951.

[2] Эти термины: «айкавартанна» — «один поворот», ср. санскр. ēka, др.-перс., авест. aiva (aēva-) — «один», санскр. vartani, vartana — «поворот»; «т(е)равартана» — «три поворота», ср. санскр. tri — «три»; «панцавартана», ср. санскр. pañca — «пять»; «саттавартана» — «семь поворотов», ср. санскр. sapta, позднее satta, авест., др.-перс. hapta — «семь»; «наввартана» — «девять поворотов», ср. санскр. nava — «девять». Вопрос о том, имеем ли мы здесь чисто индийские термины, или индо-иранские (периода до разделения этих двух групп) спорен, но первое, повидимому, вероятнее.

[3] Они встречаются не только в Митанни (в частности, в царском роде), но и в Сирии и особенно в Палестине; весьма характерен элемент Arta-, который заставлял исследователей связывать эти имена скорее с иранской группой языков, чем с индийской; однако и индийское ṛta вряд ли может быть иначе передано клинописью, чем как ar-ta-; ср. также чисто индийские имена некоторых митаннийских божеств: Ind(a)ra, Waruna, Nasatja(-nna); напротив, термин marjanna — «воин», «знатный», в противоположность старым указаниям, не индоевропейский, а хурритский, так как встречается, например, в Угарите, где индоевропейский языковой элемент не наблюдается. См., например: М. Л. Гельцер. Материалы к изучению социальной структуры Угарита. ВДИ, 1952, № 4, стр. 37.

[4] Дата эта спорна; однако речь идет скорее всего о периоде 2000—1500 гг. до н. э.

[5] В советской археологии распространена гипотеза, связывающая первоначальных носителей индо-иранских языков с андроновской культурой Казахстана и Южной Сибири.

отдельные ответвления которых попали затем в Иран и оттуда в Переднюю Азию, основная же масса — в северо-западную Индию. Но это означает, что носители индийского языка должны были на своих колесницах спуститься на равнины Месопотамии по долинам Малого Заба и Диялы.[1]

Однако, как мы уже видели, знакомство с лошадью отнюдь не было монополией индоевропейцев и, в частности, индо-иранцев. Ее знали в какой-то мере уже шумерийцы. На равнинах и низинах лошади в древневосточные времена, правда, не разводились;[2] но в нагорьях переход к использованию лошади мог произойти одновременно у различных этнических групп,[3] и возникшее у одного племени изобретение быстро передавалось другим; придти в движение должны были не только индо-иранские, но и другие племена — одним из таких племен и были касситы. Что одомашнение лошади связано было именно с касситами, видно из того, что лошади начинают упоминаться часто в вавилонских документах касситского времени, и в камнерезном искусстве изображения мифических чудовищ, образ которых навеян образом коня, появляются тогда же, наряду с типично касситскими изобразительно-орнаментальными мотивами.

Основатель касситской династии Гандаш был, как сейчас принято считать, современником Самсуилуны, сына вавилонского царя Хаммураби. В 9-м году Самсуилуны (1741 г. до н. э.) вавилонские источники отмечают войну с касситами; судя по находке копии с надписи Гандаша, стоявшей в главном вавилонском святилище бога Энлиля в Ниппуре, Гандашу удалось не только проникнуть в центральную Вавилонию, но и продержаться там некоторое время. С этого момента считается начало касситской династии. Однако Самсуилуне удалось вернуть себе власть над большей частью территории Двуречья; касситское царство охватывало в это время, вероятно, в основном долину Диялы, нижняя

[1] Пути проникновения этих племен в Переднюю Азию — одна из очень трудных исторических проблем. У нас нет никаких документальных данных о их передвижениях, и они не оставили следов в топонимике ни Армянского нагорья и Закавказья, ни гор Загроса и Ирана. Но гипотеза происхождения их из-за Кавказа, из Северного Причерноморья, в период общего продвижения индо-иранцев из этих областей в Среднюю Азию (что ранее казалось мне вероятным), кажется, должна быть оставлена, так как у нас нет, повидимому, данных о коневодстве в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе ранее конца II тысячелетия до н. э.

[2] Еще ассирийцы получали своих лошадей преимущественно из Малой Азии, Армянского нагорья и Мидии.

[3] Указанием на это являются термины, употреблявшиеся для «лошади» у различных народов. Если большинство индоевропейских народов обозначает ее общим индоевропейским термином (лат. equus, греч. ḫippos < *ḫik^{w}os, др.-инд. açva, мид. и авест. aspa-, др.-перс. *asa-), то семиты и египтяне называли «лошадь» несемитским, но во всяком случае вряд ли индоевропейским термином (аккадск. sîsû, ханаан. и др.-евр. sûs, арам. sūsyā, егип. śšm). Хурритский термин, к сожалению, не известен. Что касается эламского, то в нем «лощадь», повидимому, называлась kutu, что Шейль (V. S c h e i l, Mém., Del. en Perse, V, стр. 74) сопоставляет, с одной стороны, с ассирийским kudânu — «мул», с другой — с андийским kotu (?) — «лошадь». Эламский термин почти наверное следует считать заимствованным из языков горцев.

часть которой (древнее царство Эшнунна, или Ашнуннак) получает теперь касситское название «Туплияш».

Мы знаем поименно первых касситских царей и примерные годы их правления (Гандаш — около 1741—1726 гг., Агум Большой — около 1725—1704 гг., Каштилиаш I — около 1704—1683 гг., Ушши — около 1682—1674 гг., Абиратташ — около середины XVII в. до н. э., Уршигурумаш — конец XVII в. до н. э.), но ничего не знаем об их делах и событиях их правлений. Некоторые сведения дает впервые лишь надпись Агума II по прозвищу kak rême, что, вероятно, означает «меч милости» или нечто в этом роде,[1] бывшего, вероятно, современником хеттского разгрома Вавилона, который привел около 1595 г. к падению династии Хаммурапи.

В своей надписи Агум II называет себя «светлым потомком бога Шукамуны..,[2] царем касситов и аккадцев, царем обширной страны Вавилона, заселившим Ашнуннак многочисленными людьми, царем Падана и Альмана, царем кутиев — неразумных людей» и т. д. Он сообщает также, что он возвратил в Вавилон статуи богов из Ханы на Среднем Евфрате, где они, вероятно, были оставлены хеттами при их отходе после разрушения Вавилона. Таким образом, Агум II выступает в роли наследника и продолжателя царей Вавилона. Он не мог занять этот город, пока там правили цари династии Хаммураби, т. е. до 1595 г. по хронологии Струве—Смита,[3] но поскольку он был сыном Уршигурумаша, мы не можем отнести его царствование и к более позднему времени, чем самое начало XVI в. до н. э., если согласиться с датой 1741—1726 для Гандаша. Очевидно, он занял Вавилон по следам отступающих хеттов[4] и был, таким образом, действительным основателем новой, касситской династии вавилонских царей.

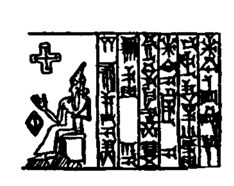

Рис. 14. Образец оттиска с вавилонской цилиндрической печати касситского времени. Третья четверть II тысячелетия до н. э.

Однако Агум II был не только вавилонским царем. Мы видим, что он называет себя «царем Падана и Альмана, царем кутиев». Альман (позже обычно — «Хальман») — это Хольван, предгорье Загроса на дороге вверх по реке Дияле;[5] Падан[6] же, вероятно, надо отождествить с Падиром царя

[1] Ср. kak dâme — «меч крови», «кровавый меч» (ARU, № 16; ср: РЗОА, стр. 130).

[2] О касситском божестве Шукамуне см. ниже, стр. 133.

[3] См.: акад. В. В. Струве. Датировка I Вавилонской династии. ВДИ, 1947, № 1, стр. 9 и сл.

[4] Это решает в отрицательном смысле спорный вопрос о том, правила ли когда-либо династия Приморья в Вавилоне (до занятия этого города касситами и после падения династии Хаммураби).

[5] См.: RLA, s. v. Alman.

[6] Уже Делич (F. Delitzsch. Die Sprache der Kossäer. Leipzig, 1884, стр. 32, прим. 1) указал на тождество этого Падана с территорией Padin, которую текст V R (12, № 6) связывает с городом Арман; в свою очередь Арман, возможно, то же, что Хальман—Альман. Арман находился в касситской области Ясубу (= касс. jaš(u)·p — «стра́ны» с аккадским падежным окончанием -u?).

Анубанини и с Питану, засвидетельствованным, как мы увидим ниже, в VII в. до н. э. на северных горных окраинах Элама. Что касается кутиев, которых Агум с высоты своего новоприобретенного рабовладельческого величия называет «неразумными людьми», то они являются в его титулатуре представителями обширной территории будущей северо-западной Мидии, заселенной племенами, живущими еще первобытно-общинным строем. Таким образом, касситский царь претендовал на власть или по крайней мере на гегемонию над значительной частью будущей мидийской территории.

Имел ли он для этого основание? Несомненно, что реальной власти над племенами «кутиев», живших в условиях доклассового общества, он не мог иметь; дело, вероятно, ограничивалось набегами на их селения, сопровождавшиеся захватом рабов и скота в виде «дани». Но в некоторых районах будущей Мидии касситы осели, и эти районы должны были довольно прочно входить в состав нового касситского государства, получившего название «Кар-Дуньяш».[1] Это в первую очередь территория по долине Диялы. Мы уже видели, что низовья Диялы, древний Ашнуннак, был в это время заселен касситами (?) и получил касситское название Туплияша. Такое же положение сложилось и на среднем течении Диялы — в Намаре (Намру, древний Навар). В III тысячелетии Навар был хурритской территорией (как уже упоминалось, самая древняя хурритская надпись принадлежит Тишари, царю Уркиша и Навара), позже население его аккадизовалось; в касситское время этот район был захвачен касситской племенной знатью.[2]

Память о касситских поселениях в глубине Мидии сохранялась еще в I тысячелетии до н. э. (см. об этом ниже). Таким образом, касситский этнический элемент, восходящий ко временам касситского владычества и свидетельствующий о нем, был довольно широко распространен на юго-западных окраинах Мидии.

Следует особо обратить внимание на широкое распространение применявшегося касситами царского титута janzi. Он засвидетельствован не только для самих касситов (в сохранившемся касситско-аккадском сло-

---

[1] Аккадская орфография этого названия (Kar-^{d}Dun-já-àš) показывает, что оно состоит из двух слов; первое, может быть, аккадск. kâru — «колония», второе — имя божества Дуньяш, которое в свою очередь также, повидимому, состоит из двух элементов — dun (ср. эламск. t/dun- — «давать», «вручать») и характерного касситского слова jaš — «земля» (ср. имена божеств Šuri-jaš, Ubrijaš, т. е. «колония божества, вручившего землю?»).

[2] В конце II тысячелетия и в I тысячелетии мы видим, что территория Намара и управление им обычно принадлежало несемитским (и нехурритским) родам Бит-Карзиябку и Бит-Хамбан; в I тысячелетии, в период независимости Намара, мы встречаем в нем царя из рода Бит-Хамбан с касситским титулом «янзи» (с аккадским падежным окончанием -u этот термин передан в ассирийских надписях закономерно как janzû). Богиней Намара считалась касситская богиня гор Шималия. Подробнее см.: F. Delitzsch. Die Sprache der Kossäer, стр. 29—36. С мнением Делича о семитском характере имени Хамбан трудно согласиться.

варике и в собственных именах),[1] а также для территории Намара и соседнего с ним Бит-Хамбана,[2] но и для области Аллабриа к юго-западу от озера Урмии[3] и для области Хубушкиа в долине реки Бохтан к югу от озера Ван.[4] Обе последние области трудно поставить в связь с касситами, зато обе они могут быть связаны с кутиями;[5] таким образом, выясняется, что этот термин для вождя или царя — «янзи» — был, очевидно, распространен не только среди касситов, но и среди кутиев. Говорит ли это об их языковом родстве? Конечно, возможно, что подобный термин мог быть просто заимствован, либо касситами у кутиев, либо кутиями у касситов, но не исключена возможность, что эти две этнические группы могли быть относительно близкими по языку; ср. характерные для касситского окончания на -š, -aš и характерные для кутийского окончания на -uš, -eš.[6]

[1] F. Delitzsch. Die Sprache der Kossäer, стр. 29 и сл.

[2] Черный обелиск Салманасара III под 16-м и 24-м годами (KB, I, стр. 140—142 = ARAB, I, §§ 573 и 584). — KAH, I, 30 = ARAB, I, § 682.

[3] Аллабриа находилась в верховьях Малого Заба, у перевалов, ведущих на равнину к югу от озера Урмии, как это видно из описания в реляции о войне Саргона II, царя Ассирии, против Урарту, см.: 8 CS, стр. 8, строка 31—38; АВИУ, № 49. Янзи, «царь» Аллабрии, упоминается в надписи Салманасара III: KAH, II, об. IV, под 16-м годом (= ARAB, I, § 639).

[4] См., например: 8 CS, стр. 46—48, строки 306—307.

[5] Область к югу и юго-западу от озера Урмии была, как мы уже видели, кутийской или кутийско-луллубейской. Что касается Хубушкии, то эта область относится собственно к территории распространения хурритов и урартов (данный термин, однако, не хурритский или урартский: по-хурритски «царь» — ewri, по-урартски — eu̯ri и ereli); но у нас есть данные о распространении на этой территории и кутиев, по крайней мере во II тысячелетии до н. э.: так, согласно надписи Салманасара I (KAH, I, № 13; АВИУ, № 2, стр. 266), кутии обитали, между прочим, на территории от Уруатри (племенной союз на Армянском нагорье, к западу от озера Ван и у этого озера) до Кутмухи (верхней части долины реки Тигра); таким образом, долина реки Бохтан входила тогда в их территорию. Позже, уже в I тысячелетии до н. э., ассирийцы называют «кутиями» без разбора все племена к северу и востоку от своей территории, в том числе и урартов: но в надписях царей XIV—XIII вв. кутии еще достаточно четко отличаются от «уруатри» (урартов), «шубарийцев» (хурритов), луллубеев, касситов и т. д.

[6] Если исключить часто встречающееся в касситском слово jaš — «страна», «земля», то в большинстве случаев это конечное -(a)š является, видимо, глагольным окончанием, как и в эламском, например: в прошедшем времени эламск. hutta.š — «сделал», tiri.š — «сказал», talla.ša — «написал»; в повелительной форме: alpi.š — «убей!» и т. д. (также в собственных именах, где первый элемент — имя божества: эламск. Šimut-warta.š, Lila-irta.š, Huⁿpan-nuka.š, Temti-rapta.š, Kuk-kirwa.š, — вспомним, что большинство древневосточных имен собственных представляют собой целые предложения); значение окончаний -uš, -eš в кутийских личных и топонимических именах нам неясно. Уже из чисто хронологических соображений их нельзя связывать с индоевропейским окончанием именительного падежа -š, столь распространенным впоследствии в языках Авесты, персов и др. Не следует также привлекать для сравнения хурритские окончания -š̄ и -še; первое из них является окончанием эргативного падежа, который, хотя и выражает подлежащее переходного глагола, все же ощущается в языке как косвенный, а потому, как правило, опускается при иноязычной передаче имен; второе — окончание имен абстрактных и частица, указывающая на придаточное предложение, чего здесь трудно ожидать.

Касситские цари после Агума II быстро превратились в настоящих вавилонских царей, хотя касситские имена в царском роде и среди частных лиц встречаются в Вавилонии еще очень долго — вплоть до XI в. до н. э.[1] До тех пор, пока долина Диялы была в их руках, касситские цари Вавилонии могли продолжать поддерживать связь со своей горной родиной, и касситский этнический элемент мог еще сохраняться, не растворяясь в массе местного вавилонского населения. Начиная с XV в. ассирийцы стремятся проникнуть в область Аррапху (ныне Керкук), прикрывавшую подступы к Намару. В XIV в., после поражения, нанесенного касситскому царю Назимаратташу ассирийским завоевателем Ададнерари I, между Ассирией и Вавилонией была проведена граница «от места напротив Пиласки (?) на том берегу Тигра (через) гору Арман (в) Угар-салли [2] до лулумеев».[3] Это уже непосредственно угрожало долине Диялы; однако, несмотря на попытки ассирийцев проникнуть южнее, даже после падения касситской династии в XII в. этот район оставался за Вавилонией.[4] С другой стороны, у нас нет данных о владычестве касситских царей этого времени над широкой территорией в восточных горах, как это было во времена Агума II.

Касситские воины оставались в течение всего времени существования династии ее опорой; они образовывали даже своего рода военное сословие, которое, повидимому, продолжало называться «касситами» и тогда, когда в этническом отношении совершенно слилось с аккадцами-вавилонянами; по крайней мере мы слышим о вавилонских воинах-«касситах» еще в IX в. до н. э.[5] Касситские боги Шукамуна, Шималия и Кашшу́ (аккадск. kaššû—«кассит») пользовались почитанием также еще долгое время после падения касситской династии (около 1171 г. до н. э.).

Все перипетии внешней истории касситско-вавилонского государства Кар-Дуньяш — его сношения с Египтом и хеттами, его переменные успехи в борьбе с Ассирией и т. п. — относятся, собственно, к истории Вавилонии, и мы не будем на всем этом останавливаться. Нам остается сказать несколько слов о культуре касситов.

---

[1] Последний вавилонский царь с касситским именем — Симмаш-Шиху, во второй половине XI в.; собственные имена частных лиц—касситов (Кашактиянзи, Улам-Хала и др.) упоминаются, например, в дарственной царя Мардукнадинаххе в начале XI в. (L. W. King. Babylonian Boundary Stones and Memorial-Tablets in the British Museum. London, 1912, № VIII, стр. 45 и сл.). Аккадские имена начинают встречаться в касситской царской династии с XIII в. до н. э.

[2] ^{al}Ar-ma-an A.GÁR-sa-li — дословно «г. Арман (местности) Угар-салли». Этим дополнительным обозначением данный Арман отмечается как отличный от одноименного Армана (=Хольвана?) в горах, на одном из притоков Диялы. «Угар-салли» — дословно «нива» или «общинная территория» Саллу — так назывался район у впадения реки Адема в Тигр, находившийся на непосредственных подступах к устью Диялы.

[3] См. «Синхроническую историю» (KB, I, 1889, стр. 196, строка I, 23—31).

[4] См., например: L. W. King. Babylonian Boundary Stones. . ., № VII, стр. 37 и сл.

[5] Например: Анналы Ашшурнасирапала, III, 17 и сл.: AKA, стр. 351 —ARAB, I, § 470.

По всей вероятности, культуре горных племен касситов мы обязаны так называемой «луристанской бронзой».[1] Это бронзовые изделия, попавшие в Европу почти исключительно из хищнических раскопок 20-х и начала 30-х годов нашего столетия в области Луристан в современном Иране, главным образом из района южнее города Харсин, на дороге из Керманшаха в Хурремабад. Когда луристанские находки привлекли внимание европейских археологов, оказалось, что почти все могильники уже были со-

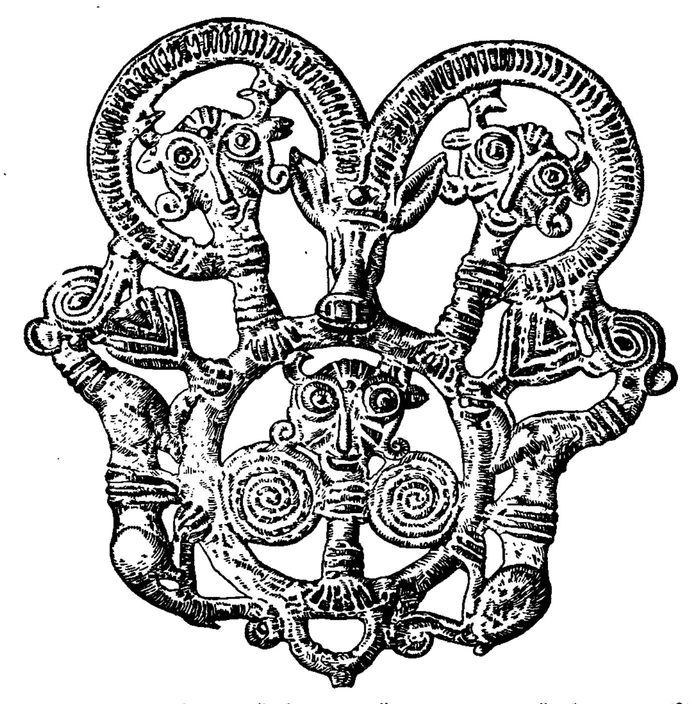

Рис. 15. Часть большой бронзовой декоративной булавки (?) из Луристана. Середина II тысячелетия до н. э.

вершенно опустошены.[2] После длительных споров наукой было признано, что большинство памятников «луристанской бронзы» относится ко времени от середины II до начала I тысячелетия до н. э.

Бо́льшая часть вещей — это части конской упряжи: кольца для вожжей, удила со псалиями и т. п., затем также оружие, украшения и культовые предметы (магические жезлы и т. п.). Уже то обстоятельство, что луристанская упряжь — колесничная упряжь, указывает в основном на II тысячелетие до н. э. как на дату находок: в I тысячелетии до н. э. колес-

[1] A. G o d a r d. Les bronzes du Luristan. Paris, 1931. — SPA, I, стр. 254 и сл. (статья Р. Дюссо). — Ph. A c k e r m a n n. The Luristan Bronzes. New York, 1940, и др. Впрочем, например, Аккерман колеблется признать луристанскую бронзу касситской.

[2] См., например: E. S c h m i d t. The Second Holmes Expedition to Luristan. Bull. of the American Institute for Iranian Art and Archaeology, V, 3, June 1938, стр. 205 и сл.

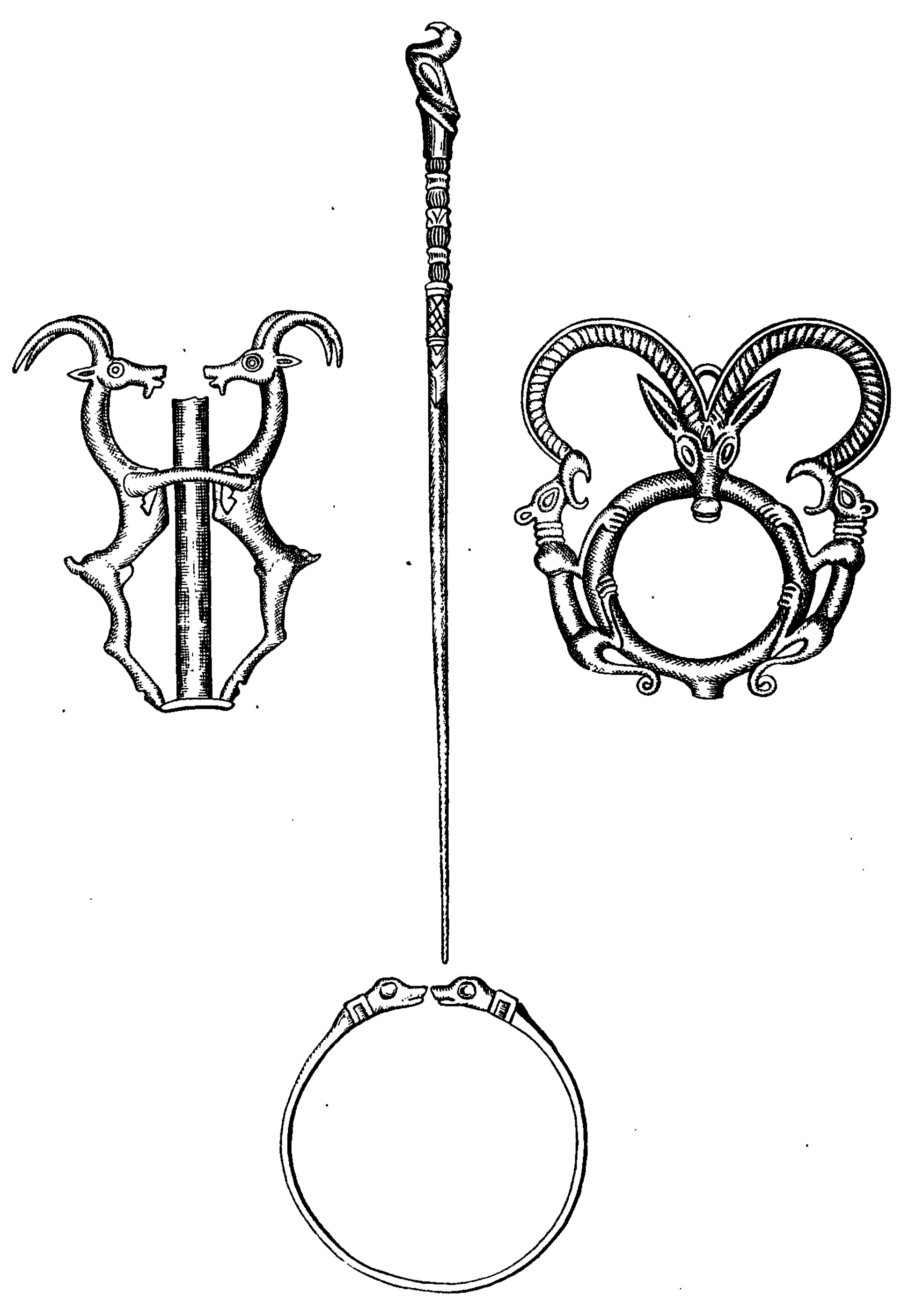

Рис. 16. Бронзовые изделия из Луристана. Середина II тысячелетия до н. э.
Государственный Эрмитаж.

ница в значительной мере выходит из боевого употребления. Повидимому, луристанская колесничная упряжь была однотипна по своему устройству с древней колесничной упряжью Передней Азии вообще и в частности — Шумера.

Наиболее интересная характерная черта луристанских изделий — сложная система украшений магического и мифологического содержания в виде стилизованных человеческих и звериных фигур (горные козлы, пантеры, львы, быки, кони, крылатые грифоны и сфинксы и мн. др.), причудливо переплетающихся и сделанных с большим чувством формы. «Луристанская» бронза свидетельствует о большом мастерстве древних

Рис. 17. Оттиск цилиндрической печати касситского времени.

металлургов. Исключительный интерес представляет анализ отраженных в памятниках мифологических сюжетов. В то время как ряд из них имеет много аналогий в древнем Двуречье (например, сцены единоборства героя со зверьми), недавно было указано на то, что ряд сюжетов может быть связан со среднеазиатско-иранской мифологией, нашедшей отражение, в частности, в Авесте.

Некоторые черты касситской мифологии получили отражение также в камнерезном искусстве Вавилонии времен господства касситской династии. В это время на печатях вавилонян появляются излюбленные касситские мифологические символы и изображения: крест (символ солнца, встречающийся также на луристанской керамике и иногда — на бронзе), ромбовидный символ женского начала, крылатые грифоны и др.

Что касается религии касситов в том виде, как она представляется нам по письменным памятникам, то здесь мы знаем немного — главным образом собственные имена божеств. Это бог Кашшý (так это имя звучало по-аккадски, касситская форма нам не известна),[1] повидимому, племен-

---

[1] Быть может, с Кашшý надо отождествить бога Дуньяш?

ной бог-предок касситов,[1] затем Шималия, богиня горных вершин,[2] иначе называемая Шибарру; бог Шукамуна, или Шуму,[3] — божество подземного огня [4] и покровитель царской династии. Высоко чтимыми божествами были Харбе и Шиху, отождествленные с вавилонскими Энлилем, царем богов и божеством земли, и Мардуком, богом Вавилонского государства.[5] Оба имени, может быть, принадлежали одному и тому же божеству. Божество солнца называлось Сах, или Шурияш: последнее имя — либо эпитет, либо, как полагают некоторые, индоевропейское имя солнечного божества, проникшее к касситам. Таково же соотношение между именами «Хутха»[6] и «Убрияш» (Бурияш) — двумя названиями

---

[1] Возможно, что в Вавилонии богу Кашшу́ («Касситу») придавалась супруга с именем Кашшӣту («касситка»), см.: F. D e l i t z s c h. Die Sprache der Kossäer, стр. 51, прим. 1. Эта богиня пользовалась культом в Уруке и, по мнению Даймеля, тождественна с богиней опьяняющего напитка Гештинной: A. D e i m e l. Pantheon Babyloniacum. Roma, 1914, №№ 478 и 1687.

[2] L. W. K i n g. Babylonian Boundary Stones. . ., № VI, II, стк. 46 и сл.; Шималия (Шумалия) была, повидимому, супругой Шукамуны; странным образом в известном лексикологическом тексте, посвященном истолкованию неаккадских имен царей, II R, 44 (ср.: F. D e l i t z s c h. Die Sprache der Kossäer, стр. 19 и сл.), «Шималия» трактуется как а к к а д с к и й эквивалент касситского «Шибарру», и также «Шукамуна» — как а к к а д с к и й эквивалент касситского «Шуму» (вместо «Шуга́б»?); может быть, речь идет о двух касситских диалектах — равнинном и горном. Неаккадский и вообще несемитский характер имен «Шималия» и «Шукамуна», с точки зрения ассириологии, очевиден. В иммунитетной грамоте Навуходоносора I (L. W. K i n g, там же) богиня Шималия, покровительница Намара, названа «владычицей светлых гор, обитающей на высотах, попирающей вершины».

[3] Форма Šugab, приводимая касситско-аккадским словариком (F. D e l i t z s c h. Die Sprache der Kossäer, стр. 25, строка 12) наряду с Šugamuna (в текстах чаще Šuḳamuna) — вероятно, диалектная разновидность этого последнего. Об имени Šumu см. предыдущее примечание.

[4] В касситско-аккадском словарике Šugab объяснен как «бог Нергал», а Šugamuna — как «бог Нергал-Нуску». Нергал — в шумеро-аккадской мифологии царь подземного мира мертвых, бог смерти и войны; его тотемическое животное — лев. Нуску — бог огня, «везирь» верховного бога Эллиля, его символ — светильник (см.: A. J e r e m i a s. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 378, 383 и сл.). Отсюда наше толкование Шукамуны как бога подземного огня. Но что под этим имеется в виду? Быть может, горячие пары нефти, которая хотя и не известна в настоящее время в Луристане, но добывается в окрестных областях — в Керкуке, древней Аррапхе и в Хузистане — древнем Эламе. Нефть была хорошо известна в Вавилонии; самый термин через арабск. naft и арамейск. *naphṭā — восходит к аккадск. napṭu — «нефть» (от napâṭu — «светиться», «возгораться»), дословно «горючее (масло)». Шукамуна отождествлялся также с одной из ипостасей бога Мардука (A. D e i m e l. Pantheon Babyloniacum, № 3176).

[5] Отождествление Ḫarbe = Enlil и Šiḫu = Marduk основано на толковании имен V R, 44, но в касситско-аккадском словарике с Мардуком (или Ададом — в ипостаси ᵈŠuš-diri(g)-ja) сопоставлено божество Шугурра, а Ši[ḫu(?)] сопоставлен с богом луны.

[6] Ḫu-UD-ḫa; точное чтение не известно, так как знак UD многозначен; он имеет значения ud, uṭ, ut, tú, tam, par, pir, laḫ, liḫ, ḫis, hiš, hiz и др.; однако в данной комби-

божества дождя и грома, а также между именами «Гидар» и «Маратташ» (Маруташ) — двумя названиями божества войны.[1] Как божеств плодородия надо рассматривать бога Камулла и богиню Миризир,[2] а также бога Дур.[3] Божеством-покровителем царского рода был Иммирия.[4]

Рис. 18. Расписной сосуд из Луристана. Конец II—начало I тысячелетия до н. э.

Касситский пантеон совершенно отличен от эламского,[5] и точно так же в кутийских именах, часть которых несомненно должна была быть теофорными (т. е. содержащими наименование божества), не заметно элементов, которые можно было бы отождествить с именами касситских божеств. В этом, впрочем, нет ничего удивительного: в условиях племенного строя общие религиозные представления (мифология) и культовые обряды характерны, как известно, именно для племени,[6] а у соседних племен могли быть часто совершенно другие божества, хотя мифы, связанные с ними, могли быть очень сходными, почти тождественными, так как вызывались одинаковыми природными, социальными и культурными условиями, в которых жили эти племена.

6. Походы ассирийцев и эламитов во II тысячелетии до н. э.

За то время, как создалось, возвысилось и пало касситское царство, дальше к северу, в глубину луллубейско-кутийской территории, не раз проникали ассирийские цари. Данные об их походах очень скудны; мы

нации можно скорее всего ожидать лишь значений ud (uṭ, ut) или laḫ (liḫ). Чтение Ubrijaš принадлежит касситско-аккадскому словарику; равенство Burijaš=^{d}Adad (бог дождя и грома) следует из текста II R, 65, № 2 и других источников.

[1] См. касситско-аккадский словарик: F. Delitzsch, ук. соч., стр. 25. При «индоевропейской» теории для объяснения имен Šurijaš, Burijaš и Bugaš можно было бы и имя Marattaš (Marutaš) отождествить с индийскими марутами — божествами ветра, воинами Индры.

[2] Камулла отождествлялся с вавилонским Эа, богом земных вод и мудрости, Миризир — с богиней-матерью Нинлиль, супругой Энлиля; подробнее о ней см.: F. Delitzsch, ук. соч., стр. 53.

[3] Дур подобно Шугабу переводится касситско-аккадским словариком как «Нергал»; возможно, его также нужно отождествлять с Шугабом и Шукамуной.

[4] Mém., Dél. en Perse, X, стр. 85.

[5] Ср., однако, эламское божество Тиру, быть может соответствующее касситскому богу Дур (Mém., Dél. en Perse, V, стр. 37, № 75, строка 15; XI, стр. 21 и сл., № 92, лиц. I, 9); эламск. божество Хурби=касс. Харбе (Договор Нарам-Суэна с эламскими царями: Mém., Dél. en Perse, XI, № LXXXVIII, I, 15) и др.

[6] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ—Госполитиздат, 1949, стр. 94.

можем судить о них по тому только, что некоторые из ассирийских царей называют себя «победителями кутиев».[1] Этих данных достаточно лишь для того, чтобы определить, что термин «кутии» в течение II тысячелетия до н. э. оставался еще реальным этническим термином, обозначавшим племена, жившие к северо-востоку и востоку от Ассирии. Так или иначе, ассирийцы во II тысячелетии совершали лишь отдельные набеги на горы, населенные кутиями, луллубеями и т. д., и не пытались закрепить там свою власть.

В конце II тысячелетия начинаются завоевательные походы царей еще одного рабовладельческого государства — Элама, и мы получаем еще одну серию источников по истории будущей территории Мидии — эламские надписи. К сожалению, мы до сих пор еще не особенно хорошо понимаем одноязычные эламские тексты; все же в общих чертах ход событий ясен.

Создание государства в Эламе, одном из древнейших обществ, основанных технически на ирригационно-речном земледелии, восходит, как уже упоминалось, еще к первой половине или к середине III тысячелетия до н. э.; эламиты неоднократно оказывались для Шумера и Аккада опасными и беспокойными соседями. Так, эламиты приняли активное участие в разрушении государства III династии Ура около 2000 г. до н. э., а позже, в XIX в. до н. э., правитель одной из окраинных областей Элама, Кутурмапук, сумел посадить своих сыновей (сначала Варад-Сина, а затем

---

[1] Так, упоминавшийся уже выше (стр. 129) Ададнерари I называет себя «истребителем мощных племен (или «воинов») касситов (=Вавилонии), кутиев, луллумеев и шубарейцев (=Митанни)» и говорит о своем отце Арикденилу (начало XIV в. до н. э.), что он покорил «(страну) Турукки и Нигимхи до пределов ее, всех правителей гор и холмов обширных пределов кутиев», а также «(страну) Кутмухи и всех ее союзников» и т. д.; Кутмухи — это верхняя часть долины Тигра; Нигимхи (название хурритское) и Турукки следует искать к востоку от Ассирии; далее, Салманасар I (XIII в. до н. э.) также упоминает о своей победе над кутиями (см. об этом выше, стр. 128, прим. 5). Наконец, Тукульти-Нинурта I в середине XIII в. (последний ассирийский царь, надписи которого упоминают о кутиях как о реальных племенах) называет себя «царем вселенной, царем Ассирии, царем четырех стран света. . . царем Кар-Дуньяша (он временно овладел было касситской Вавилонией, — *И. Д.*), царем Шумера и Аккада, царем моря Верхнего и Нижнего, царем шубарейцев (=Митанни) и к у т и е в и всех стран Наири». Он сообщает также, что в первый (неполный) год его правления его «рука покорила кутиев, укуманиев, стра́ны Элхуниа, Шарнида и Мехри» и что он ежегодно получал дань с этих стран в своей столице — Ашшуре. Об укуманиях, упомянутых здесь, мы знаем, что они жили в долине реки Большой Заб; локализация остальных терминов неясна, но, несомненно, «страны» Элхуниа, Шарнида и Мехри — имея в виду, какие маленькие территории ассирийцы в это время именовали «странами» (насчитывая, например, на одном Армянском нагорье около 80) — составляли лишь небольшую часть территории кутиев. Кроме того, Тукульти-Нинурта перечисляет в одной из надписей еще целый ряд «стран», не поддающихся локализации, часть из которых, возможно, относится к территории кутиев. См.: АВИУ, стр. 269 и прим. 11. После Тукульти-Нинурты I Ассирия испытала временный упадок и надолго потеряла всякое влияние в горах Загроса. Цитируемые документы, изданные в KAH, I—II, собраны в АВИУ, стр. 265 и сл.

Рим-Сина) на престол сильнейшего из царств Двуречья — царства Ларсы, завоеванного впоследствии Хаммураби. Приблизительно одновременно с консолидацией касситского царства в Вавилонии аналогичный процесс происходит и в Эламе; к середине II тысячелетия до н. э. Элам представлял могущественную державу. Уже в XIV в. до н. э. эламские цари делали попытки захватить Вавилонию, в то время как касситские пытались захватить Элам; но основные завоевания эламитов падают на XII в. до н. э. — правление царей Шутрук-Наххунте I и Шильхак-Иншушинака.

Шутрук-Наххунте I нанес решающее поражение касситской Вавилонии (около 1175 г. до н. э.), за которым там последовала смена династии. Но о его военных деяниях мы знаем не столько из его собственных надписей, сколько по похищенным им и свезенным в Сузы различным памятникам вавилонской письменности и культуры.[1] Нам известно, что он нанес поражение городу Ашнуннаку («Ишнунуку») у устья Диялы, который имел теперь уже отдельного царя;[2] кроме того, он побывал со своими войсками в горном Падане, ранее находившемся в касситских руках.[3] Повидимому, он парализовал продвижение ассирийского царя Ашшурдана I в этот же район. Надписи Шутрук-Наххунте I [4] упоминают также горы Хашмар, находившиеся за пределами касситской территории,[5] и Каринташ — возможно, современный город Каринд.[6]

Шильхак-Иншушинак (около 1165—1151 гг. до н. э.) — второй сын Шутрук-Наххунте I — совершил ряд походов в сторону Загроса и Ассирии, что означало овладение долинами Диялы и Адема;[7] однако эламитам не удалось закрепиться в этих местах надолго. Новому вавилонскому

[1] В том числе стела Нарам-Суэна, стела с законами Хаммураби и мн. др.

[2] Упомянуто Шейлем: Mém., Dél. en Perse, V, стр. XV.

[3] Отсюда происходит дарственная на землю одного из касситских царей (Каштилиаша III) митаннийскому беженцу Агабтахе (Mém., Dél. en Perse, II, стр. 95). Ср. область Бит-Милшиху (по имени касситского царя Мелишиху) в перечне покоренных областей у Шильхак-Иншушинака.

[4] Mém., Dél. en Perse, V, стр. 16, № LXX, II, 13.

[5] «Перевал Хашмар» ограничивал страну Замуа на востоке, как «перевал Бабите» — на западе (см. ниже, стр. 156), и находился недалеко от дороги от Нижнего Заба к Намару, а впоследствии, в VIII в. до н. э., был одной из границ обитания мидян. Отсюда следует, как мы увидим ниже, что Хашмар нужно искать где-либо на водоразделе между Диялой и Кызыл-узеном или между Диялой и Керхой. Слово ḫašmar упоминается в касситско-аккадском словарике, как касситское в значении «сокол» (аккадск. kasûsu, см.: A. D e i m e l. Akkadisch-Šumerisches Glossar. Rom, 1937, s. v.).

[6] Mém., Dél. en Perse, IV, 163 и сл. — G. G. C a m e r o n, ук. соч., стр. 109.

[7] В числе захваченных им населенных пунктов надпись Шильхак-Иншушинака (Mém., Dél. en Perse, XI, стр. 35—40) упоминает Угар-салли (►— ú-kà-ar-si-il-la-am) у устья Адема, Ялман, горы Эбех, Мадгу (Туз Хурматлы), Аррапху (Керкук), Нузу, «мост через Заб (?)» (ti-tú-[ur-ru ša nârZa-ba-an(?)]), поселение с кутийским (?) названием «Муратташ», завоеванное позднее Тиглатпаласаром I, а также множество мельчайших поселений, названных по именам владельцев или их родоначальников, с характерными для этой местности названиями, начинающимися на Bît- — «дом», например, упоминаемые и в I тысячелетии до н. э. Бит-Иштар и Бит-Таззакки (в эламском тексте

царю Навуходоносору I удалось разбить следующего эламского царя на берегах реки Керхи и, повидимому, снова завладеть долиной Диялы вплоть до Хашмара, так как до нас дошел документ, в котором Навуходоносор освобождает расположенные в Намаре земли своего полководца Ритти-Мардука из касситского (?) рода Карзиябку от всех повинностей,[1] а несколько позже мы видим на престоле Вавилонии некоего Эамукинзери, происходящего из Хашмара.[2]

Навуходоносор I сообщает также о своей победе над луллубеями и касситами.

XI век был веком наибольшего до тех пор возвышения Ассирии: царь Тиглатпаласар I овладевает в это время Вавилонией, которая надолго после этого выходит из строя в качестве великой державы; но и в Эламе нам в течение долгого времени неизвестны цари-завоеватели. А так как к концу XI в. и сама Ассирия в результате борьбы с наступающими из Сирийской степи кочевниками-арамеями и еще в большей мере в результате тяжелого внутреннего социального положения испытывает значительное ослабление, то на несколько столетий завоевательные походы и набеги, с разных сторон направлявшиеся до сих пор в горы будущей Мидии, прекращаются. Внутренние процессы развития общества в этой области идут тем временем своим чередом, и к началу I тысячелетия общество вступает в новую эпоху — начинается период классообразования и создания рабовладельческого общества — процесс, уже и ранее, как мы видели, затронувший наши V, VI и VII районы.

Начальные этапы этого периода — по той самой причине, что походы царей рабовладельческих государств в горы Загроса в это время прекратились — к сожалению, не освещены никакими письменными источниками, так как единственные наши источники — это описания походов. Мы вынуждены начать следующую главу истории Мидии почти тремя столетиями позже — с IX в. до н. э. Поэтому правомерно будет подвести некоторые итоги и посмотреть, в каком положении, в смысле этнического состава населения, развития производительных сил и уровня производственных отношений, застает будущую Мидию конец II тысячелетия до н. э.

7. Этнический состав населения Мидии около 1000 г. до н. э.

Этнический состав населения Мидии, по крайней мере западной, для этого времени нам достаточно ясен. Хотя отдельные этнические термины могли изменяться, но у нас нет данных о значительных перемещениях

pi-it-), Dunnu- и Dimtu- — «башня», «усадьба» (в эламском тексте tu-un-ni-, ti-in-tu-). В другой надписи упоминается постройка храма в ассирийском городе Экаллате (Mém., Dél. en Perse, V, стр. 20 и сл., № 71).

[1] L. W. K i n g. Babylonian Boundary Stones. . ., № VI, ср. № VII. — F. T h u r e a u - D a n g i n. Notes assyriologiques. RA, X, 1913, стр. 97.

[2] L. W. K i n g. Chronicles concerning Early Babylonian Kings, II. London, 1907, стр. 52 и 145. Имя — аккадское.

этнических масс и мы имеем право считать состав населения в целом неизменным с III по начало I тысячелетия. Это население на всем протяжении от района озера Урмии (включая, вероятно, отдельные этнические островки по направлению к озеру Ван [1]) до верховьев Диялы было кутийско-луллубейским, причем, вероятно, луллубеи располагались полосой в более западных, а кутии — в более восточных районах.[2] В качестве третьего этнического элемента можно предполагать, на той же приблизительно территории, мехранцев.[3] Юго-западные районы — верховья Диялы и верховья Керхи — были заняты касситским этническим элементом.[4] К касситско-эламской группе принадлежали, вероятно, и обитатели приморской полосы, которых античные авторы позже именовали каспиями, и др.

Наконец, возможно, что в некоторых из районов, прилегавших к Урмийскому озеру (особенно с запада и с севера), а также кое-где в западных долинах Загроса имелся и хурритский этнический элемент.[5]

---

[1] См. выше, стр. 128, прим. 5.

[2] По крайней мере III, V и VI районы нашей классификации (см. выше, стр. 87 и сл.), т. е. наиболее западные, по ясным указаниям ассирийских текстов I тысячелетия, были заняты именно луллубеями.

[3] Надписи Тукульти-Нинурты I упоминают страну Мехри (тексты KAH II, №№ 58, 60, 61; CT, XXXVI, №№ 8—12=АВИУ, №№ 3, 6В, стр. 267 и сл.; позже, уже в VII в. до н. э., упоминается, что какая-то часть населения западной Мидии говорила по-«мехрански» (см. об этом ниже). Пожалуй, было бы рискованно связывать термин meḫri, meḫrâni с самоназванием аварцев Дагестана — ma'ar, ma'arulal, хотя передача в аккадском звука ' с помощью ḫ является вполне закономерной, равно как и переход a>e перед ḫ.

[4] К луллубейскому, кутийскому или мехранскому языку следует отнести извлеченные из топонимических названий термины -lar — «гора» (почти несомненно луллубейский) и kin-, gin-, kingi- — «крепость», «поселение (?)», а также эламское (заимствованное?) kutu — «лошадь (?)».

[5] Для III и II тысячелетий до н. э., о которых собственно и шла речь до сих пор, у нас нет никаких данных о хурритах на рассматриваемой нами территории; наиболее восточные точки, где они в это время зарегистрированы, — это район Керкука (Аррапха, Нузу) и средняя часть долины Диялы (Навар-Намар). Совершенно неубедительной следует признать попытку С. П. Толстова (По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 80) связать хурритов с термином «Хорезм», что якобы означает «земля хурритов»: термин Hvārizem (так в Авесте, Яшт X, 14; в позднем I фаргарде Видевдата иначе; др.-перс. (H)uvārazmī-) имеет очень отдаленное внешнее сходство с наименованием хурритов; большее, но тоже случайное — с названием латышской Курляндии — Kurzeme; наилучшая этимология дана Гейгером (W. Geiger. Ostīrānische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 29): он производит Hvārizem от hvāra- — «пища» и переводит этот термин как «плодородная земля». Возможна также этимология от hvar- — «солнце». Во всяком случае, для того, чтобы противопоставить существующим этимологиям названия «Хорезм» действительно более убедительную, нужно эту этимологию обосновать вескими аргументами.

Хотя нет прямых указаний, восходящих к III и II тысячелетиям до н. э., о хурритском этническом элементе на будущей территории Мидии, делались попытки этимологизировать некоторые собственные имена I тысячелетия в приурмийском районе из

Сколько-нибудь достоверные данные о языках этих народов мы имеем только для эламитов и хурритов.

В начале I тысячелетия, как мы увидим ниже, на востоке Мидии наблюдается еще один, совершенно новый языковой и этнический элемент — и р а н с к и й, происходящий, видимо, из Средней Азии.

Приблизительное расселение этнических групп в начале I тысячелетия до н. э.

Данные о степени развития производительных сил у всех этих племен имеются у нас довольно скудные. Однако мы можем с уверенностью ска-

хурритского (см. выше, стр. 98, прим. 5). Кроме того, матиены — народность, по имени которой озеро Урмия обозначалось античными писателями как озеро Матиена или Мантиана, — были, вероятно, хурритами. Термин matiēnoi давно уже сопоставляют с Mitanni (варианты: Mitâni, Maitêni), — название государства хурритов в Месопотамии II тысячелетия до н. э. Само сходство этих имен не является доказательством, но ряд соображений заставляет нас и независимо от сходства названий отождествлять матие-

зать, что у них было весьма развито скотоводство (особенно коневодство) и на склонах гор — земледелие,[1] что они хорошо освоили металлургию бронзы, но что железо начало проникать сюда только в начале I тысячелетия (как, впрочем, и в большинстве других районов Передней Азии); кремневые орудия еще не вышли из употребления (кремневые наконечники стрел на Тепе-Хисаре).

О социальном строе этих племен можно строить более или менее вероятные предположения. Степень экономического развития их была несомненно неравной. Наибольшего развития достигли луллубеи, издавна соприкасавшиеся с районами, где уже сложились классовые отношения. Уже в IX в. ассирийские источники сообщают о наличии у них высокоразвитого ремесла (металлургии), предполагающего достаточно старую традицию его развития. Эти же источники указывают на наличие земледелия у луллубеев. Среди западных луллубеев было сильно влияние вавилоно-ассирийской культуры и языка; многие лица носили здесь издавна аккадские собственные имена.[2]

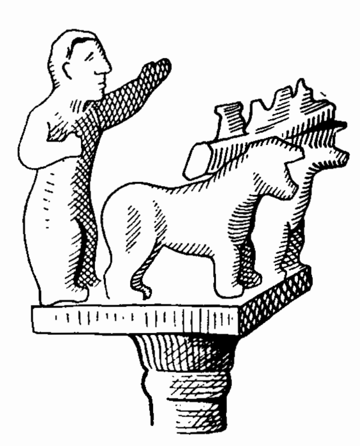

Рис. 19. Пахота на быках. Неоконченное скульптурное навершие магического жезла. Медь или бронза. Тепе-Хисар, ок. 2000 г. до н. э.

В силу своей тесной связи с Вавилонией на относительно высоком уровне развития стояли и более передовые из касситских племен: и у них, вероятно, началось сложение классов. Следует, впрочем, отметить, что если так называемая «луристанская бронза» действительно принадлежит касситам, то влияние вавилонской культуры на них не следует преувеличивать, так как памятники «луристанского» искусства удивительно самобытны.

Что касается кутиев, то их самостоятельное существование более не засвидетельствовано памятниками I тысячелетия до н. э. Однако следует отметить, что ассирийские источники этого времени обычно дают указание на дробные политико-географические единицы, но, как правило, опускают указание на более широкую племенную принадлежность населения упоминаемых ими местностей, за исключением тех случаев, когда они имели дело с кочевниками или когда племенная структура уж слишком ясно бро-

---

нов с хурритами. При всем том, имея в виду ясные указания ассирийских источников, что южная приурмийская равнина входила в состав л у л л у б е й с к о й страны Замуа, и тот факт, что луллубеи этнически в корне отличались от хуррито-урартских племен, следует полагать, что матиены—хурриты населяли только западные и северные побережья озера Урмии.

[1] См. статуэтку быков, впряженных в плуг на «жезле начальника», найденном в III слое Тепе-Хисара.

[2] Анубанини — в третьем тысячелетии, Нур-Адад — в первом, и др.

салась в глаза и имела важное политическое значение. Все же характерно, что ассирийские источники упоминают, например, лишь в целом мидийский союз — madâi, но не отдельные племена мидян, названия которых известны нам уже только от Геродота. Сам мидийский племенной союз появляется в источниках лишь во второй половине IX в. и локализуется в это время, как мы увидим, на востоке будущей Мидии и отчасти в центральной Мидии. В более западных областях упоминаются отдельные мелкие округа или даже только населенные пункты, а именно — там, где для населения, повидимому, ведущее значение начинало приобретать террито-

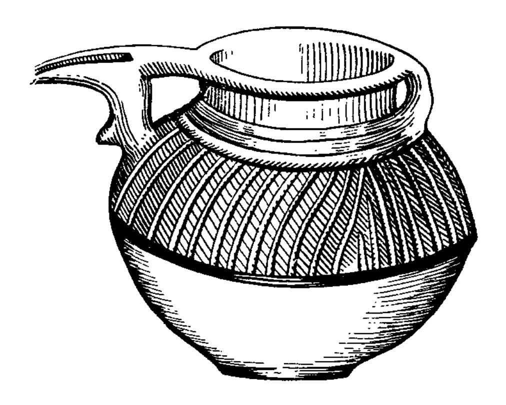

Рис. 20. Фигурный сосуд из Ровандуза (у западных рубежей Мидии). Ок. 1000 г. до н. э.

Рис. 21. Фигурный сосуд из Зивие (Манна). Начало I тысячелетия до н. э.

риальное (а не племенное) деление, что, как известно, свидетельствует о сложении классового общества.

В северо-западных — кутийско-хурритских — районах первые признаки классового расслоения наблюдались, как мы помним, уже раньше (судя по данным могильника из Гёй-тепе); к описываемому сейчас времени развитие рабовладения зашло уже далеко: так, в погребении типа каменного ящика из слоя «В» на Гёй-тепе, относящемуся, вероятно, уже к началу I тысячелетия до н. э., найдено целых 12 скелетов, по всей вероятности, в большинстве — рабов.[1]

Распространение некоторых типов изделий (например, появляющихся в это время на широкой территории «чайниковидных» сосудов, сердоликовых бус и т. п.) говорит о все большем развитии межплеменных сношений; однако признаков завершившегося уже разделения труда между ремесленниками и земледельцами внутри отдельных племен — необходимой предпосылки возникновения элементов товарности и резкого имуще-

---

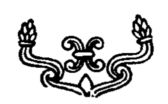
[1] См.: Т. Burton B r o w n, ук. соч. Ср. аналогичные погребения приблизительно того же времени из Карабаха и Армении: Б. Б. П и о т р о в с к и й. Археология Закавказья, стр. 58. Браун находит также связь между слоями «С» и «В» Гёй-тепе и культурой Кизилванка в Закавказье, близ Нахичевани.

ственного расслоения — пока не замечается; имущественное расслоение происходит пока только по первичным линиям использования неравномерностей земледельческого и скотоводческого производства.

Повидимому, второе общественное разделение труда (отделение ремесла от земледелия), обычно предшествующее возникновению классового общества, в большинстве районов еще только намечалось. Если металлургия Луристана (которой пока нет соответствующих аналогий из других частей Мидии) свидетельствует о профессионализации в этой области ремесла, то, с другой стороны, например, гончарный круг — необходимая принадлежность самостоятельно существующего гончарного ремесла — еще не получил всеобщего применения.

Мы не очень ошибемся, если скажем, что к концу II—началу I тысячелетия до н. э. в западной Мидии общество было на пороге создания классовых отношений; в наиболее развитых районах они уже сложились или слагались; в горных и других более отсталых районах они только намечались или вообще еще господствовал первобытно-общинный строй. Что касается восточной Мидии, то о ней до конца IX в. до н. э. у нас почти совершенно нет данных (если не считать раскопок Тепе-Хисара за пределами Мидии в узком смысле этого термина), но по аналогии с позднейшим временем мы можем предположить, что эта область была значительно более отсталой по сравнению с западной, и в ней, следовательно, должны были еще полностью господствовать первобытно-общинные социальные отношения.

Тем не менее и здесь в отдельных районах развивалось земледелие, причем не только примитивное мотыжное, но, еще с III тысячелетия до н. э., и плужное, с упряжным скотом; археологические находки свидетельствуют об усовершенствовании оборонительного и наступательного оружия (медные кинжалы, наконечники копий, шлемы) и о расширении межплеменного обмена (находки янтаря, сердолика, бирюзы, лазурита, серпентина, халцедона). В могильниках выделяются крупные погребения вождей среди мелких рядовых могил, что свидетельствует о начавшемся имущественном расслоении.

Глава II

ПЕРИОД СЛОЖЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ НА ТЕРРИТОРИИ МИДИИ

1. Манна и мидийский племенной союз

После пробела в триста лет мы получаем вновь известия о будущей территории Мидии начиная с IX в. до н. э. Вопреки распространенному мнению об исключительной скудости источников по истории Мидии, ассирийских источников IX—VII вв. до н. э. вполне достаточно, чтобы реконструировать историю Мидии этого времени не только в общих чертах, но и в главнейших частностях.[1]

Среди государственных образований, впервые слагающихся на будущей территории Мидии в тот период, к рассмотрению которого мы приступаем, ведущая роль принадлежала вначале мелким государствам луллубейско-кутийской области Замуа. Позже, как мы увидим, среди них на первое место выдвинулось государство Манна, центр которого находился в нынешнем Иранском Азербайджане, на равнине к югу от озера Урмия. Государство Манна, начиная с VIII в. до н. э., нередко вступало в борьбу с Ассирией и Урарту и не было по-настоящему побеждено ни одной из этих держав; однако оно известно значительно менее, чем другие крупные государства того же времени — Урарту, Элам, Фригия. Это объясняется главным образом тем, что до нас не дошло пока наскальных или иных надписей маннейских царей, подобных надписям царей урартских; ни один

[1] Трудность заключается в том, что при чтении этих источников читателя запутывают многие десятки, если не сотни, мелких и мельчайших топонимических названий. Совершенно ясно, что, не разобравшись в географии ассирийских походов, невозможно ни понять их смысл и значение, ни понять характер этнической, политической, а в конечном счете и социально-экономической ситуации в Мидии этого времени. Между тем, при некоторой затрате сил и времени в данных ассирийских источников разобраться вполне возможно. Эти источники почти всегда приводят маршруты походов, а это дает возможность установить взаимное соотношение отдельных упоминаемых текстом областей; в сочетании же со знанием физической географии — положения долин, горных хребтов и перевалов — это дает полную возможность локализовать ассирийские походы, а тем самым раскрыть их значение. Поэтому все последующее следует рассматривать, держа в памяти деление территории Мидии на естественные районы, приведенные выше, в последнем разделе введения.

из маннейских городов не раскопан; все сведения об этом государстве мы вынуждены черпать из ассирийских и урартских анналов, которые рисуют нам государство Манна в периоды ассирийских или урартских побед (часто сильно преувеличенных), т. е. в периоды маннейских неудач и поражений.[1]

Все же и имеющиеся источники позволяют реконструировать до известной степени историю Манны — весьма интересного государственного образования, сыгравшего, как мы увидим, далеко не последнюю роль

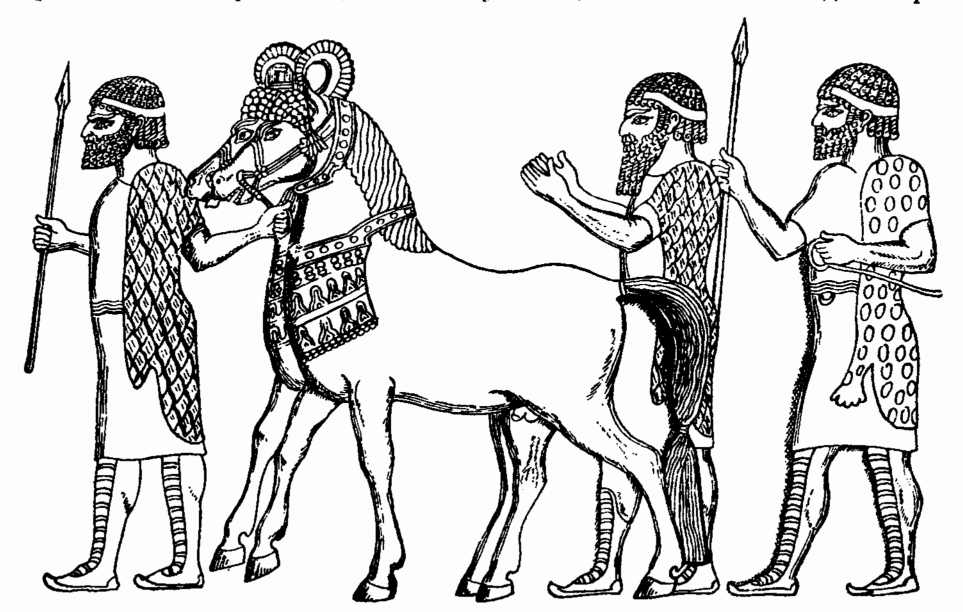

Рис. 22. Типы мидян или маннеев. С ассирийского рельефа в Дур-Шаррукине. Конец VIII в. до н. э.

в истории Востока I тысячелетия до н. э. Страна Манна явилась впоследствии культурным и экономическим ядром Мидийской державы VI в. до н. э.

Но в самом начале I тысячелетия до н. э. Манна, тогда еще бывшая одним из мельчайших луллубейско-кутийских государственных образований, существовала отдельно от племенного союза, уже сложившегося к IX в. до н. э. в более южных и юго-восточных районах и носившего название мидийского.

О том, какие племена входили в состав этого племенного союза, мы не узнаем из ассирийских источников, которые часто игнорируют племен-

[1] Так и об Урарту, его силе, значении и протяжении его границ мы почти совершенно не имели бы представления, если бы урартские цари не оставляли на скалах надписей с сообщением о своих победах и строительстве. Другой характерный пример — Хеттское царство в Малой Азии, одна из крупнейших держав древнего Востока. До находки ее государственного архива господствовало мнение, на основании египетских известий, что это было небольшое царство. . . в Сирии.

ное деление в районах, где проходили описываемые ими походы. Они упоминают только «мидян» как целое,[1] хотя их территория и была разбита на мелкие независимые и подробно перечисляемые ассирийскими источниками области. Такой характер упоминания мидян, а также постоянно применяемый к ним эпитет «сильные» показывает, что мидийский племенной союз в своей совокупности представлял собой фактор, который ассирийцы вынуждены были учитывать. Именно это обстоятельство и застав-

Рис. 23. Маннейский стрелок. Изображение на бронзовой ситуле. VIII в. до н. э. (?).

Рис. 24. Маннейский музыкант в вавилонской одежде. Изображение на бронзовой ситуле. VIII в. до н. э. (?).

Рис. 25. Маннейский царь в ассирийском наряде. Изображение на бронзовой ситуле. VIII в. до н. э. (?).

ляет нас считать несомненным существование племенного с о ю з а мидян. «Сила» их была именно в существовании племенного союза, так как экономически они не были особо могущественны.

Не все племена Мидии входили в состав мидийского племенного союза и соответственно этому не все носят у ассирийцев название «мидян» («Ма-

[1] Восходящее к Прашеку (J. v. P r á š e k. Geschichte der Meder u. Perser, I. Gotha, 1906, стр. 17) разделение мидян на отдельные группы «сильных мидян» (madâi dannûti), «далеких мидян» (madâi rûḳûti) и тому подобные, на основе применения к ним в ассирийских текстах разных эпитетов, не оправдывается анализом текстов. Например, нет такого случая, когда указывалось бы в анналах, что ассирийские войска прошли бы, скажем, из страны «сильных мидян» в страну «далеких мидян». Между тем, только контексты такого рода способны доказать, что это — разные вещи.

дай»). Объем этого термина вообще колеблется в довольно значительных пределах, что, видимо, соответствует колебаниям в реальном племенном составе союза. При этом факт включения или невключения территории того или иного племени в состав понятия «Мадай» не имеет определяющего значения для суждения об этнической принадлежности племени.

Для того чтобы определить названия племен, входивших в состав мидийского племенного союза, мы должны прибегнуть к авторитету Геродота, который сообщает (I, 101), что мидяне делились на шесть племен — бусов, паретакенов, струхатов, аризантов, будиев и магов (bousai, parētakēnoi, stroukhates, arizantoi, boudioi, magoi). Из них одно племя,

Рис. 26. Мидийские конники-аризанты или паретакены. Оттиск цилиндрической печати из Тепе-Сиялка (Паретакена). Начало I тысячелетия до н. э.

а именно паретакены, обитавшие в районе современного Исфахана и далее на восток,[1] имеет название с хорошей иранской этимологией,[2] встречающееся также и в Средней Азии.[3] Паретакены стояли, видимо, особняком от остальных мидян и не всегда к ним причислялись.[4] Что касается на-

---

[1] На границе Мидии и Персии; центром Паретакены был город Габы (Gabai, ошибочно Tabai у Полибия: XXXI, 11; у парфян G'B, Gay сасанидского времени, в 3—5 км к востоку от Исфахана; см.: W. B. Henning. Gabae. Asia Major, N. S., II, pt. 1, 1951, стр. 144). Кроме как у Геродота, Паретакена (Paraitakēnē) упоминается и у других античных авторов, например: Strabo, XI, 13, 6 и др.; Arr. Arab. III, 19, 2; Curt., V, 13, 2.

[2] Наилучшую этимологию дал Маркварт (J. Marquart. Ērānšahr nach der Geographie des Moses Xorenac'ī. Berlin, 1901, стр. 28): para-ita-ka — «омываемая (рекой область)», как совр. перс. rūdbār. Другие возможные этимологии: para-taka- «бегущие впереди»+окончание -ān- или окончание прилагательного местности -kān- (ср. аккадск. Partakka); или pariy-taka- с подобным же значением. Термин сохранился в долине реки Заенде-руд до сих пор (в формеФерейдан). Вероятно, иранскую этимологию имеет и название племени stroukhates, так как сочетание str- для других языковых семей, кроме индоевропейской, мало характерно. Такой этимологией могло бы быть stra-uχta- — «крепкие словом».

[3] Arr. Anab., IV, 21, 1; IV, 22, 1; Curt., VIII, 14, 17.

[4] Arr. Anab., III, 19, 2.

званий прочих мидийских племен, то из них ясную иранскую этимологию имеет только одно — аризанты. В самом деле, это, очевидно, иранское arya-zantu — «племя ариев».[1]

В этой связи необходимо подробнее остановиться на термине arya — термине, которым злоупотребляли реакционные ученые, как ни одним другим.

В свое время, когда санскритский язык считался прародителем всех индоевропейских языков,[2] а Индия — прародиной индоевропейских народов,[3] самоназвание древних индийцев arya было перенесено на все народы-носители индоевропейских языков. Позже было установлено,[4] что Индия — не прародина индоевропейцев, что они, напротив, попали туда сравнительно поздно и что санскрит никоим образом не может считаться праязыком всей индоевропейской языковой семьи. В связи с этим термин «арийские языки» и тем более «арийские народы» в применении ко всем носителям индоевропейских языков был оставлен как ненаучный; впоследствии он был подхвачен германским фашизмом, придавшим ему расовый смысл, которого он в науке никогда не имел.

Единственное допустимое употребление термина «арийский», но и то нежелательное, поскольку термин дискредитирован его ненаучным использованием, — это применительно к тем народам, для которых arya было самоназванием.

Arya как самоназвание засвидетельствовано для индийцев,[5] персов, мидян,[7] скифов,[8] аланов,[9] а также для иранских по языку народов Средней

---

[1] Кениг (F. W. König. Die älteste Geschichte der Meder und Perser. Der A. O., XXXIII, 3/4, стр. 6) предлагает исправить arizantoi на thrizantoi, имея в виду, что в I фаргарде Видевдата область Раги названа ϑrizantu — «трехплеменной»; но в таком исправлении текста Геродота нет никакой необходимости: можно назвать область «трехплеменной», но так трудно назвать племя!

[2] В немецкой науке был принят термин «индогерманские языки».

[3] А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 448.

[4] После открытия во второй половине XIX в. вторичного характера санскритского вокализма (там же, стр. 461—462).

[5] Обычно в Ведах и т. п.

[6] Царь Дарий I говорит в Накши-рустемской надписи «а», что он «Ахеменид, перс, сын перса, арий, от семени ариев».

[7] Her., VII, 62: «В древности все называли их ариями»; следует обычная греческая этиологическая легенда, производящая мидян (mēdoi, форма ионийского диалекта вместо *mādoi) от героини греческого мифа Медеи (Medeiē).

[8] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 156: arya- — «скифское племя»; в именах собственных: Ariantas<*Arya-vanta, Ariapeithes<*Arya-paiϑa, Ariaramnēs<Arya-rāmna (имя, известное также у персов в роде Ахеменидов), Ariphames<*Arya-farna и в более позднем имени собственном Aleksarthos<*Alyeχšarϑ<*Arya-χšaϑra.

[9] al(l)ān<*alyān<aryāna- (A. A. Freiman. Ossetica. Rocznyk Orientalistyczny, III, стр. 159 (3); В. И. Абаев, ук. соч., стр. 246).

Азии,[1] но не известно ни у одного народа других языковых групп и семей. Весьма вероятно предположение, которого придерживается, в частности, И. Алиев,[2] согласно которому тот же термин скрывается в обозначении «арабы (aribi) востока», один раз примененном к какой-то части населения Мидии в ассирийском тексте. Aribi может быть объяснено как ari+эламское окончание множественного числа -pe. Но если это так, то, разумеется, отсюда следует лишь, что ассирийцы познакомились с этим термином через эламоязычное посредство, но не следует, что сами «арии» были эламоязычными.[3] Итак, arya — «арии» — это самоназвание всех племен и народов, принадлежавших к обеим подгруппам индо-иранской группы языков — индийской и иранской. Это бесспорное доказательство того, что аризанты («племя ариев») принадлежали по языку к этой группе, в данном случае к иранской подгруппе.

Но отсюда со всей очевидностью следует также, что если аризанты выделялись среди прочих племен как «племя ариев» и это являлось достаточно определяющей их характеристикой, то остальные племена мидян не могли быть изначально «племенами ариев», т. е. не были иранцами! Другими словами, как и следовало ожидать, основная масса мидян состояла из кутийских, эламоязычных, — вообще «каспийских» племен, перенявших лишь язык индоевропейских пришельцев, а полной смены населения не было. Этому вполне соответствует то обстоятельство, что для племенных названий «бусов», «будиев» и «магов» до сих пор не найдено вполне убедительных индоевропейских этимологий, а также и то, что более половины собственных имен мидян, дошедших от IX—VIII вв. до н. э., очень плохо этимологизируется из иранских языков.[4] Постепенно, однако, иранский языковой элемент возобладал и у ряда других мидийских племен; маги, из которых сложилось сословие жрецов во всем

---

[1] На это указывают многочисленные у этих народов собственные имена с элементом arya- — «арийский»; см., например, у парфян (в документах из Нисы около Ашхабада) — Aryabarzān, Aryaniyāstak (И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Парфянский архив из Нисы. ВДИ, 1953, № 4, стр. 116) и мн. др.

[2] И. Алиев. О Мидийском обществе. ИАН Аз. ССР, 1948, № 10, стр. 86, 90. Ср. ниже, стр. 220.

[3] Ср., например, русское «осетины», «Осетия» из грузинск. Os-eti с грузинским суффиксом -eti, откуда, однако, не следует, что осетины говорят по-грузински!

[4] Индейские союзы племен, которые можно привлечь для сравнения, всегда образовывались в пределах родственных диалектов, и лишь очень редко неродственное по языку племя могло быть принято в племенной союз. См.: Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 73. Итак, если нельзя, по приведенным в тексте основаниям, предполагать, что мидийский племенной союз сложился как союз иранских по языку племен «ариев», то трудно предполагать и что этот союз мог изначала сложиться как союз различных по языку племен: «племя ариев», arya-zantu, поэтому, вероятно, было первоначально чужеродным в союзе.

Иране, проповедовали свои религиозные учения на иранском языке;[1] начиная с VII в. до н. э. почти все мидийские имена, дошедшие до нас, имеют ясную иранскую этимологию,[2] и такую же этимологию имеют, помимо названия племени аризантов, также, повидимому, и племенные названия паретакенов и струхатов. Этих данных достаточно, чтобы сказать, что мидийский язык иранской группы стал общим межплеменным языком мидийского племенного союза.[3]

Сам термин «мидяне» (ассир. madâi, âmadâi, matâi, новоэламск. mata.pe, др.-евр. mādaj, др.-перс. māda, др.-греч. mēdoi<*mādoi, др.-арм. mar-k'<парф.*māδ) — один из тех этнонимических и топонимических терминов, которые не поддаются ясной иранской этимологии. Однако он бытовал среди населения, говорившего на иранском языке уже в IX в. до н. э., что видно из варианта âmadâi, сохраненного ассирийскими источниками наряду с madâi; это типичный для иранских языков случай вариантного словообразования с префиксом ā- и без него, известный, между прочим, также и для названий племен (греч. mardoi и amardoi, ср. авест. marəδa- — «разбойник», «убийца»; может быть pasianoi и apasiakoi[4] и т. д.).[5]

По всем приведенным данным, вполне возможно, что мидийский племенной союз существовал еще как союз неиранских племен и что иран-

---

[1] Об этом свидетельствует религиозная терминология, связываемая с учением магов; например, у Плутарха (De Iside . . , 46—47) и Страбона (XV, 3, 13 и сл.) священный напиток omōmi из иранского словосложения с термином hauma-; божества Hōromazdēs, Ōromasdēs и т. п., Ōmanos, Mithra(s) — иранск. Ahuramazda-, Vahumanah-, Miϑra-; и т. д. Ср. также ниже, стр. 373 и сл., 379, прим. 1 и 397 (о религиозных терминах dauça-, arta-) и т. д.

[2] Однако и здесь есть исключения: таковы, например, у Геродота имена мидян Harpagos (I, 108 и сл.), Tithaios (VII, 88); сомнительна этимология имен Astuagēs, Mandanē (I, 107 и сл.), Mazarēs (I, 156), Paktuēs (I, 153). Бесспорно иранские этимологии имеют имена Artembarēs (I, 114 и 1сл.; IX,122), Datis (VI, 94 и сл.), Dēiokēs (I, 96 и др.), Harmamithrēs (VII, 88), Kuēksarēs (I, 46 и др.), Mitradatēs (I, 110 и сл.), Patizeithēs (III, 61), Phraortēs (I, 96, 103 и др.), Spakō (I, 110). К этому следует добавить значительное число имен персов явно мидийского происхождения.

[3] Трог Помпей (Just., XLI, 2) указывает, что язык парфян был средним между мидянским и скифским; это указывает также на близость двух последних языков. О том, что языки мидян и парфян были исключительно близки друг другу, см.: E. Herzfeld. Medisch und Parthisch. AMI, VII, 1934. В одной из надписей персидского царя Дария I говорится: «Персия, Мидия, а также страны другого языка» (Dar. Pers. g, § 1: Parsa, Madâ û mâtâte šanîtimā lišânu).

[4] Из pasi-ānam и ā-pasi-ak со среднеиранским характернейшим суффиксом -ak. Распространенная этимология, производящая апасиаков от *āpa-saka — «водные саки», не представляется нам убедительной, так как не может объяснить гласного -i- в основе и формы pasianoi.

[5] Обратное, но аналогичное явление — параллельное существование форм asagartiya- (др.-перс.) и sagartioi (греч.) — «камнеройцы(?)», название персидского кочевого племени.

ская часть мидийского населения была лишь позже конституирована в отдельное «племя ариев».[1] Высказывалось мнение, что древнейшее название мидян мы встречаем в новоэламском этническом термине makta.p,[2] сравниваемом с новоэламским же mata.p — «мидяне», «Мидия».[3]

Эламо-каспийская этимология термина «мидяне» далеко не исключена. Наряду с формами madâi, âmadâi мы встречаем как название мидийского племенного союза в ассирийских источниках и форму matâi — по-видимому, эламского происхождения. Это также, быть может, указывает на то, что термин «мидяне» уже давно бытовал на данной территории.

Во всяком случае иранский этнический элемент, который постепенно играл все бо́льшую роль в мидийском племенном союзе, не принадлежал к автохтонным элементам. Об этом говорит нам мидийская топонимика, в течение длительного времени на в с е й территории Мидии сохранявшая в основном неиранский характер (в отдельных случаях — видимо, эламоязычный). Это обстоятельство само по себе не указывает на то, что на данной территории в то время жило неиранское по языку население, так как вполне обычно, что при смене языка населения топонимика сохраняет прежний характер. Но, с другой стороны, это обстоятельство определенно указывает не только на то, что иранскому по языку населению на этой территории предшествовало иное, но и на то, что проникновение иранского языка происходило здесь постепенно, без истребления или изгнания местного населения, путем слияния носителей обоих языковых элементов, и при численном преобладании коренного населения, ибо в противном случае топонимическая традиция не могла бы быть передана от одних к другим и автохтонная топонимика сразу сменилась бы иранской.

Как по топонимическим терминам, так и по именам собственным в Мидии IX—VII вв. до н. э. явственно можно видеть продвижение иранского языкового элемента с востока на запад. Имея в виду связи мидийского языка с языками Средней Азии, трудно сомневаться в среднеазиатском происхождении этноса «ариев».

---

[1] Вероятность вторичного происхождения этого племени видна из его названия: arya — самоназвание не отдельного племени, а целого этноса. Вливаясь в племенной союз, чуждый по этносу, племя сохранило бы свое собственное имя, а не называлось бы arya: о т д е л ь н о е племя так не могло называться; но это могло быть с б о р н ы м названием для вторично образованного племени, куда вошли лица разной племенной принадлежности, по признаку чужеродности; иначе говоря — все те, кто этнически относился к группе arya.

[2] См. ниже, стр. 371, прим. 1. Речь идет о мидийской одежде «сарапис» (sabarpi makta.ppe.na; см.: V. S c h e i l, Mém., Dél. en Perse, IX, стр. 21, 100, 157, 176, №№ 14, 111, 176, 227).

[3] Следует также еще раз подчеркнуть, что термин māda — «мидянин» нельзя связывать ни с термином matiēnoi, которым обозначаются у античных авторов соседи мидян — хурриты (?) западного Азербайджана и Армянского нагорья, ни с термином Manda, о котором см.: АВИУ, стр. 35.

В пределах периода, охватываемого ассирийскими источниками, иранский языковой элемент почти не переходит за грань между районами IV и III; в районах VII, VI, V, IV, а—б и III нашей классификации иранский элемент почти совершенно не ощущается. Зато в районах X, XI и XII (данные о которых у нас есть, правда, лишь со второй половины VIII в. до н. э.) иранский языковой элемент является единственно преобладающим. Другими словами, районы нынешнего Иранского Азербайджана и Иранского Курдистана в течение IX—VII вв. до н. э. оставались по языку

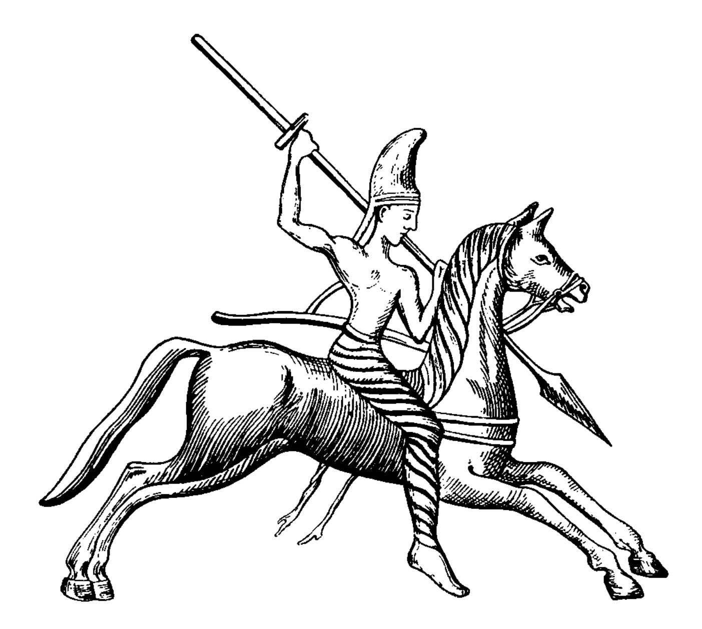

Рис. 27. Мидийский конник-аризант. Изображение с эламской печати VII—VI вв. до н. э.

не иранскими, а луллубейско-кутийскими и тому подобными; лишь восток Мидии, район нынешних Тегерана и Исфахана, был уже полностью охвачен иранским языковым элементом, занесенным коневодческими племенами из Средней Азии.

Что это были действительно коневодческие племена, видно из ряда обстоятельств, прежде всего из того, что связанная с коневодством терминология у окружающих народов — иранская мидийская, подобно тому, как во II тысячелетии до н. э. она была индо-иранской (может быть, индийской).[1] Так, перс.*asa — «лошадь» уже, видимо, в древнеперсидском начало вытесняться мид.-парф. aspa; в Вавилонии новая для Двуречья луговая культура люцерны носила мидийское название aspastu [*asp(a)-asta — «лошадиная еда»: засвидетельствовано впервые еще в VIII в.

[1] См. выше, стр. 124.

до н. э.].[1] Особо славились в древнем мире кони, разводившиеся на Нисейской равнине в Мидии,[2] и ассирийцы получали с мидян дань почти исключительно конями. Быть может, именно будучи конниками или, скорее, колесничими, аризанты смогли приобрести в мидийском племенном союзе такое значение, что их язык стал межплеменным языком союза.

Места расселения отдельных племен этого союза остаются неясными; можно лишь предположить, что аризанты жили на крайнем востоке Мидии и там же, вероятно, жили маги (около Раги, средневекового Рея, под нынешним Тегераном). Если бусы названы Геродотом первыми в перечне по той же причине, почему при перечислении персидских племен (I, 125) он на первое место ставит пасаргадов, — а именно потому, что к последним принадлежал царский род Ахеменидов, — то их следует, очевидно, помещать в районе современного Хамадана, где впоследствии находилась столица Мидии. Паретакены, как мы знаем, жили около современного Исфахана. Будии, быть может, были самым западным из мидийских племен.[3]

Какова могла быть причина создания этого племенного союза? О возникновении подобных образований Ф. Энгельс пишет: «Союзы между родственными племенами заключались местами в случае временной нужды и с ее устранением распадались. Однако в отдельных местностях первоначально родственные, но разобщенные племена вновь сплачивались в длительные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию наций».[4] Об ирокезах он говорит: «Так как область эта была ими недавно завоевана, то естественным являлось вошедшее в обычай сплочение этих племен против племен, вытесненных ими». Эта племенная федерация «в сознании приобретенной ею силы немедленно приняла наступательный характер и. . . завоевала окружавшие ее значительные пространства, частью прогнав, частью обложив данью их население».[5] Но такой характер мидийский племенной союз мог иметь лишь в самом начале своего существования, — безразлично, был ли это союз местных племен, направленный против шедших из Средней Азии коневодов, или, наоборот, союз этих по-

---

[1] Именно, в описи растений из садов Мардукапалиддина (Меродахбаладана), царя Вавилона конца VIII в. до н. э., см.: B. Meissner. Babylonische Pflanzennamen. ZA, VI, 1891, стр. 291—296. Родина люцерны, как известно, в Средней Азии, причем эта культура искони связана с коневодством. Из Средней Азии ее заимствовали, например, китайцы: семена люцерны были специально вывезены из Ферганы китайским путешественником Чжан Цянем в 126 г. до н. э. вместе с особой породой «небесных» лошадей, для которой люцерна служила кормом. См.: Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 150 и сл. Греки называли люцерну «мидийской» травой, mēdikē (современное название — Medicago sativa L.).

[2] См. об этом: Her., III, 106; IV, 40; IX, 20; Diod., XVII, 10; Strabo, XI, 13, 7; 14, 9; Arr. Anab. VII, 13, 1.

[3] См. ниже, стр. 199 и 258, прим. 5.

[4] Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 96.

[5] Ф. Энгельс, там же.

следних, направленный против местных племен. По уровню своего развития мидяне уже в IX в. до н. э. стояли значительно выше ирокезов, поскольку, как будет видно из дальнейшего, у них уже начиналось территориальное деление общества и первые начатки государственности. В связи с этим и самый характер племенного союза мидян был, повидимому, несколько иным, чем у ирокезов. Энгельс подчеркивает, что ирокезский союз был союзом кровнородственных племен и имел общий язык, как единство близких диалектов. Таковы были и все остальные племенные союзы североамериканских индейцев, за исключением криков, в федера-

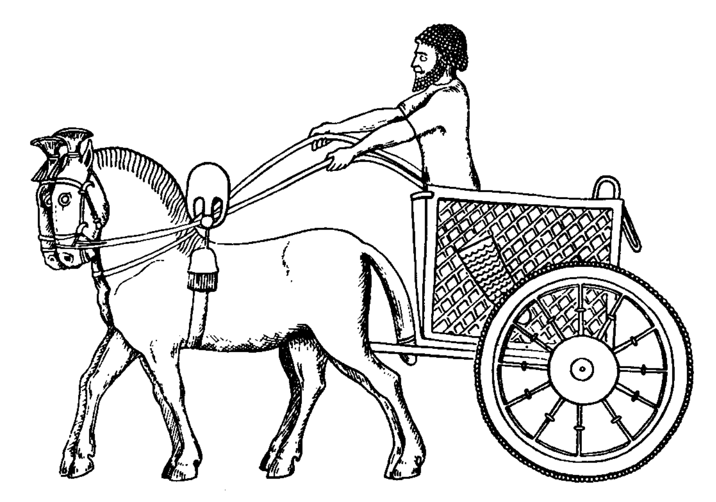

Рис. 28. Мидийская колесница, запряженная нисейскими конями. По рельефу V в. до н. э. из Персеполя.

цию которых входило одно неродственное племя.[1] Ближе к мидийскому союзу по уровню развития стоял союз ацтеков. Этот союз носил вначале оборонительный, а затем наступательный характер,[2] причем в него входили и неродственные по языку племена, однако не в качестве органических членов союза, так как разница в языке мешала им принимать участие в общих советах, обрядах и т. п.[3] Единственное, что могло бы преодолеть это препятствие, — это введение одного из племенных языков в качестве межплеменного, что, повидимому, и имело место у мидян: в то время как имена собственные еще VIII в. показывают, что иранский мидийский был не единственным языком в Мидии, мы можем наглядно видеть, как с распространением пределов Мидии в VII—VI вв. распространяется и иранский мидийский язык, засвидетельствованный, в частности, и расширением ареала распространения иранских мидийских имен.

---

[1] Л. Г. Морган. Древнее общество, стр. 34.

[2] Статья акад. В. В. Струве в кн.: Дж. Вайян. История ацтеков. М., 1949, стр. 9.

[3] Л. Г. Морган, ук. соч., стр. 111—112.

Ф. Энгельс подчеркивает, что племенные союзы строились на основе равенства входивших в них племен.[1] С созданием государства племенные союзы обычно распадаются: государство, как показывают исторические аналогии, редко возникает на базе племенного союза — гораздо чаще как его отрицание. Наиболее древние государства обыкновенно представляют собой единицы гораздо меньшего масштаба, чем племенной союз.[2] Однако в Мидии племенной союз, повидимому, сохранялся в какой-то форме и в начальный период складывания государств, как один из пережитков институтов позднего первобытного общества.

Хотя нам сейчас трудно указать первоначальные причины создания мидийского союза и, в частности, решить вопрос, носил ли он

Рис. 29. Фигурный расписной сосуд. Тепе-Сиялк (Паретакена, юго-восточная Мидия). Начало I тысячелетия до н. э.

вначале оборонительный или же наступательный характер, — в целом, однако, вряд ли подлежит сомнению, что его длительное сохранение уже в период начавшегося образования государств объясняется необходимостью солидарности мидийских племен какого бы то ни было происхождения в борьбе с ассирийской агрессией 834—788 гг. до н. э.

Наряду с Манной и мидийским племенным союзом в будущей западной Мидии имелось множество независимых мелких общин и мельчайших царств — обычное явление в период, когда племенное единство распадается, а крупное государственное объединение еще не создано. Итак, западная Мидия в IX—VII вв. находилась на самой начальной ступени развития классового общества и государства.

2. Первый период ассирийской агрессии

Возобновившиеся в IX в. до н. э. ассирийские походы в эти места первоначально носили, как и раньше, характер набегов, имевших целью главным образом захват скота и рабов. При приближении ассирийского

[1] Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 96.

[2] А именно, они выступают в виде «городовых» или «номовых» государств-общин.

войска (о чем население соседних долин, по всей вероятности, оповещалось, как и в Урарту, кострами, зажигавшимися на горных вершинах), жители по большей части покидали свои поселения и угоняли скот на труднодоступные горные вершины, и враг обычно не смел следовать за ними. Отсиживаться в своих поселениях-крепостях жители, как правило, не решались, так как эти крепости, хотя и обнесенные стенами, достаточными для обороны в войне с соседним поселением или мелким царством, не были настолько мощны, чтобы выдержать регулярную осаду оснащенной блестящей по тому времени техникой [1] ассирийской армии. Укрытие в горах

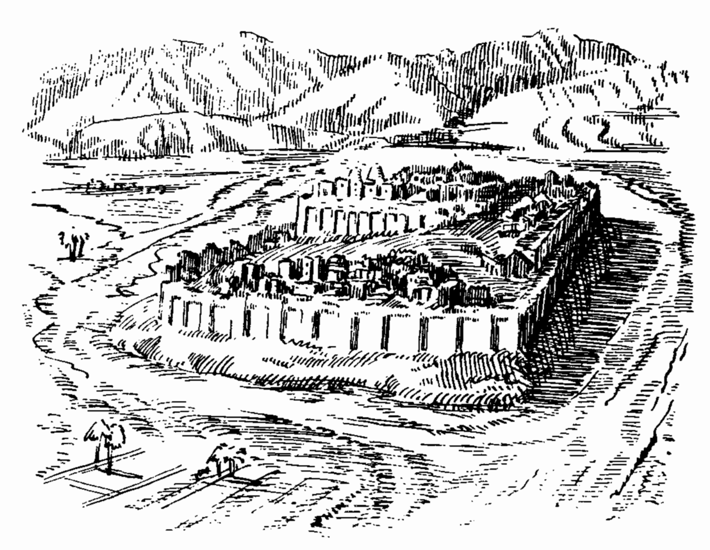

Рис. 30. Мидийская крепость на месте современного городища Сиялк. Реконструкция.

давало надежду на сохранение людей и скота; но с ростом производительных сил создавались такие богатства, которые унести с собой было нельзя, и уж во всяком случае такая тактика не могла предотвратить дальнейшую агрессиию, особенно когда ассирийцы впоследствии перешли к завоеванию горных территорий с целью их постоянной эксплуатации.

Первым объектом ассирийских нашествий стала Замуа (страна «луллумеев», как теперь обычно стали называться луллубеи) — термин, под которым в то время понимали всю территорию от озера Урмии до верховий реки Диялы включительно (наши III, V и VI районы). Уже ассирийский царь Ададнерари II (911—890 г. до н. э.) в самом конце X в. прошел

[1] Ассирийцы обладали стенобитными таранами, сооружали осадные насыпи, сапы, подкопы, защищали стрелков специальными осадными щитами, поджигали крепости с помощью стрел с горящей паклей, пропитанной нефтью, и метательных зажигательных снарядов и т. п. Тактика осады была у них блестяще разработана. См.: И. Лурье, К. Лапунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер. Очерки по истории техники Древнего Востока. М.—Л., 1940, стр. 116; B. Meissner. Babylonien und Assyrien, II. Heidelberg, 1920, стр. 97 и сл.

«от той стороны Нижнего Заба на границе страны лулумеев, по Хабхи [1] и Замуа до перевалов страны Намар»,[2] а еще раньше, поднимаясь вверх по Большому (Верхнему) Забу, добрался до «страны Мехри», где-то около западных берегов озера Урмии.[3] Походы на эту территорию продолжались и при следующих ассирийских царях — Тукульти-Нинурте II (поход 885 г. до н. э.) [4] и Ашшурнасирапале II (походы 883, 881, 880 гг. до н. э.).[5]

Наиболее серьезными были походы Ашшурнасирапала II. Поход 883 г. мало затронул территорию Замуа: пройдя через Киррури в бассейне Верхнего Заба, ассирийский царь быстро ушел на северо-запад; однако окрестные горные окру́ги Киррури, Симеси, Симера, Ульманиа, Адауш, Харга и Хармаса не только принесли ассирийскому царю дань, состоявшую из лошадей, мулов, рогатого скота, вина и бронзовых сосудов, но и были обложены повинностями в пользу Ассирии. Умилостивительные дары в виде коней, серебра, золота, олова, меди и бронзовых изделий прислали, в числе прочих, жители области Гильзан (повидимому, на западном берегу Урмии).[6]

Этот поход был совершенно правильно расценен луллубеями как начало планомерного порабощения их страны, и они решились в 881 г. на ожесточенное сопротивление, во главе которого встал племенной вождь (nasîku) округа Дагара, носивший аккадское имя Нур-Адад.[7] Ему удалось объединить вокруг себя всю Замуа, и войска его воздвигли стену, преграждавшую перевал Бабите (совр. Дербенд-и Базиан на дороге от Алтын-Кёпрю на Нижнем Забе к Сулеймание).[8] Однако, повидимому, Ашшурнасирапал не дал Нур-Ададу закончить работы, превосходящими силами прорвал дефиле и проник в центр Замуа. Нур-Адад прибегнул к старой тактике укрытия в горы. Ашшурнасирапал дошел до горы Нисир (по-луллубейски — Кинипа), на которой, по ассиро-вавилонской легенде, остановился ковчег после потопа (эту гору специально связывали с кутиями),[9] разгромив по дороге три маленьких замуанских царства — Дагару, царство Нур-Адада, затем царство Мусасины[10] с центром в кре-

---

[1] Хабхи в это время назывались горные области к северо-западу от Замуа.

[2] КАН, II, № 84.— ARAB, I, § 360. — АВИУ, № 21.

[3] КАН, II, № 83. — W. Andrae. Festungswerke von Assur. WVDOG, 23, Leipzig, 1913, Taf. XCVI. — ARAB, I, § 382. — АВИУ, № 20.

[4] V. Scheil. Les annales de Tukulti Ninip II, roi d'Assyrie. Bibiothèque de l'École des Hautes Études, sc. phil. et hist., CLXXVIII, Paris, 1909, заключение.

[5] E. A. W. Budge and L. W. King. Annals of the Kings of Assyria, I. London, 1902, стр. 269 и сл. (Анналы, I, 43 — II, 85)—ARAB, I, §§ 440—458.

[6] Анналы, год 1-й, столб. I, строка 43 и сл. AKA, I, стр. 268.— ARAB, I, §§ 440—441.

[7] Анналы, год 3-й, столб. II, строки 23—49. — AKA, I, стр. 302 и сл. — ARAB, I, §§ 448—451.

[8] E. Forrer. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921, стр. 43. — Streck, ZA, XV, стр. 276—277.

[9] Streck, ZA, XV, стр. 272.

[10] Царство Мусасины (Muṣaṣina) и царство Киртиары были самыми северными из замуанских (если не считать «Внутренней Замуа» у озера Урмии); здесь находи-

пости Бунаси, или Бунаис, и царство Киртиары с центром в крепости Ларбуса.[1] Было угнано некоторое количество скота (бо́льшая его часть была, видимо, укрыта в горах). Царьки Замуа прекратили затем сопротивление. Ашшурнасирапал оставил их на царствах, но включил эти завоеванные царства в созданную им ассирийскую провинцию, обложив население тяжелой данью лошадьми, золотом и серебром. Помимо этого, он ввел здесь обычные ассирийские натуральные налоги и строительные повинности.[2] Именно только эта, завоеванная в 881 г. Ашшурнасирапалом провинция и фигурирует обычно впоследствии (со второй половины IX в.) под названием Замуа или Мазамуа; северная же часть страны впоследствии получила название Манны, а южная (в верховьях реки Диялы) — Парсуа.

Два южнозамуанских царька, Амека и Араштуа, не уплатили в следующем году обещанной ассирийцам дани, что вызвало ассирийскую карательную экспедицию.[3] Ашшурнасирапал, желая предупредить военные приготовления замуанцев, двинулся в поход с одной конницей и колесничими, не ожидая подхода пехоты и саперов, взял штурмом Аммали, крепость Араштуа на восточном берегу Диялы, и начал погром не только царства Араштуа, но и соседних царств Киртиары (на этот раз с центром в Баре), Сабини (с центром в Худуне) и Мусасины (с центром в Бунаси) — «до перевалов Хашмара». Лишь Дагара отделалась принесением дани; в остальных округах поселения стирались с лица земли, взрослое население уводилось в рабство, дети сжигались на кострах. Затем ассирийцы продолжали поход на царство Амеки.[4] Амека и его люди укрылись в горах,

---

лась крепость Бара (Тиль-Бари, Бит-Бари), в конце IX в. — крайняя северо-восточная точка ассирийско-вавилонской границы «выше страны Забан» (по Нижнему Забу); см. «Синхроническую историю» (KB, I, стр. 220, III, 20 и сл.; ср.: S t r e c k, ZA, XV, 278—279).

[1] Из других населенных пунктов в Замуа анналы Ашшурнасирапала упоминают Узé, Бируту, Лагалага (в Дагаре), Бара, Дур-Лулуме. Дур-Лулуме, однако, ассирийцам, повидимому, не удалось взять, так как анналы говорят лишь о захвате и уничтожении неукрепленных поселений, принадлежавших к округам (взятых ранее) Ларбусы, Бары и Бунисы (=Бунаси), а также Дур-Лулуме, о взятии которого специально не упоминается (AKA, стр. 30 и сл., строка II, 39 и сл. — ARAB, I, § 450).

[2] Именно, дань в виде лошадей, серебра и золота, затем натуральные поземельные налоги: «зерно (исторжения)» и «солома», а также строительную повинность «кудурру» (AKA, стр. 316, II, 61 и сл.—ARAB, I, § 454). См. об этих налогах и повинностях: РЗОА, стр. 130—133.

[3] AKA, стр. 311—325. — ARAB, I, §§ 452—458.

[4] При этом ассирийцы пересекли две реки — Лаллу и Эдир, очевидно, притоки Диялы. Повидимому, ассирийцы попали во время этого похода на границы современного Луристана, может быть, в более позднее «Эллипи» в районе Керманшаха? Эллипи упоминается подробно ассирийскими источниками впервые под 16-м годом Салманасара III, но на полуразрушенной бронзовой обшивке ворот Ашшурнасирапала II из Имгур-Энлиля (Балавата; не смешивать с лучше сохранившимися воротами Салманасара III оттуда же) также уже упомянут «город Элипи», см.: ARAB, I, § 542= =L. W. K i n g. Bronze Reliefs from the Gates of Shalmaneser, Pl. LXXIX (эта работа мне была недоступна).

но ассирийцам удалось захватить в его крепости Замру и в других брошенных поселениях [1] большое количество разного имущества, в том числе многочисленные бронзовые (хозяйственные и художественные) изделия. Несколько десятков бойцов Амеки было захвачено ассирийцами и подвергнуто различным варварским казням. Поход был затем продолжен в царство некоего Аты, не имевшего к сопротивлению замуанцев никакого отношения. Это царство лежало на северных склонах гор Нишпу, на южных склонах которых лежала Дагара, т. е., вероятно, где-нибудь в районе Сехнэ (Сенендеджа). Оно было подвергнуто такому же разгрому, как и остальные. Здесь Ашшурнасирапал получил умилостивительные дары в виде бронзовых изделий из страны «Сипирмена, (жители) которой лепечут как женщины» (т. е., вероятно, на непонятном, фонетически чуждом языке). К сожалению, местоположение этого округа, который нигде более в источниках под этим названием не упоминается, неизвестно.

На обратном пути из Замру Ашшурнасирапал остановился в крепости Аракди, куда к нему снова прибыли с данью замуанские царьки. Ежегодная дань, наложенная на Замуа, была теперь увеличена: к прежним видам дани были прибавлены крашеные шерстяные ткани, бронзовые сосуды, вино, крупный и мелкий рогатый скот. Замуанцы (очевидно, ремесленники) были привлечены в порядке повинности к царскому строительству в городе Кальху в Ассирии. Помимо замуанских царьков, дань прислали также царьки Гильзана, Хубушкии (к югу от озера Ван) и касситской крепости Хартиш.[2]

Ашшурнасирапал не удовлетворился этими результатами, но попытался еще захватить замуанское население, укрывшееся в горах.[3] Затем он восстановил принадлежавшую когда-то касситским царям крепость Атлила, сделав ее центром сбора натурального налога с новообразованной провинции и складом фуража и продовольствия для дальнейших походов на восток. В дальнейшем часть замуанцев (опять-таки, вероятно, в первую очередь ремесленники) была уведена и поселена в новой столице Ашшурнасирапала — Кальху.[4]

Первоначально, как мы видели, Ашшурнасирапал оставил в Замуа мелких царьков, поставив над ними лишь своего чиновника с гарнизоном для взимания податей и повинностей. Но вскоре Замуа была сделана обычной провинцией Ассирии; впервые мы встречаем «наместника Мазамуа» в 828 г. до н. э.[5] Впрочем, провинция Замуа (Мазамуа) не охваты

---

[1] Анналы называют крепости Замру, Аммару, Парсинду, Ириту и Суриту.

[2] Хартиш, вероятно, тождествен крепости Хардишпи, упоминаемой анналами Синаххериба на северных границах Элама (Цилиндр Рассама, AL_5, стр. 64, I, 70). Четвертый царек, упомянутый здесь же анналами Ашшурнасирапала, — замуанец

[3] Горная крепость Месу (Месси), в которой оно укрылось, находилась, вероятно, на водоразделе между V и III районами и впоследствии относилась к Манне.

[4] Анналы: АКА, стр. 386 и сл., III, 133—135=ARAB, I, § 484 и др.

[5] См.: АВИУ, № 39.

вала южных частей страны, которые, очевидно, вскоре после похода 880 г. вернули себе независимость. Так, на эту территорию [1] совершил поход Салманасар III в 859 г. до н. э.

Мы подробно остановились на походах Ашшурнасирапала, так как, детально описанные в анналах, они дают яркое представление, с одной стороны, о характере военных действий, предпринимавшихся ассирийскими завоевателями, а с другой стороны — о характере общества в крайних западных областях будущей Мидии в начале I тысячелетия до н. э. Общество Замуа, как оно рисуется нам анналами Ашшурнасирапала, —

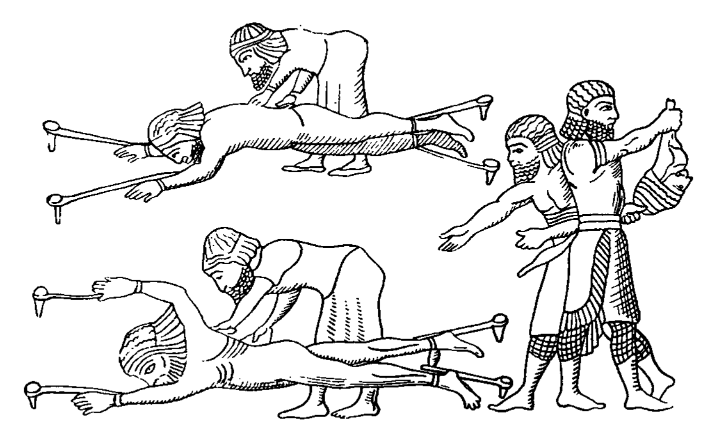

Рис. 31. Казнь пленных вождей, оказавших сопротивление ассирийцам. Рельеф из Ниневии. VII в. до н.э.

это уже классовое общество (хотя Нур-Адад и назван не царем, а лишь nasîku — «племенным вождем»), с высокоразвитым, ценимым в Ассирии профессиональным ремеслом, следовательно, с отделением ремесла от земледелия,[2] а потому, вероятно, и с известным развитием товарного производства. Но это общество раннеклассовое, со слабо развитой еще государственностью, с мельчайшими государственными образованиями, не способными противостоять ассирийской агрессии. Образование классового общества здесь следует отнести еще ко второй половине II тысячелетия до н. э.; вероятно, процесс классообразования был форсирован временным господством здесь касситской Вавилонии.

До правления Ашшурнасирапала II включительно ассирийцы не ходили через периферийные хребты Загроса в глубинные районы. Но, создав себе плацдарм в Замуа, ассирийцы в дальнейшем стали совершать глубо-

[1] Царство Нинни с центром в крепости Ариду у перевала Симеси (KB, I, стр. 150, I, 14 и сл.); местоположение, повидимому, на южной периферии Манны, см.: S t r e c k, ZA, XV, стр. 302 и сл.

[2] Особые поселки ремесленников (кузнецов, плотников) существовали в областях, примыкавших с запада и северо-запада к Эламу еще при Шильхак-Иншушинаке (поселения Bît-nappâḫi, Bît-nangâri. Ša. . .nangâri в его большой надписи).

кие рейды в направлении мидийских областей и Каспийского моря. Если обитатели различных районов Мидии хотели сохранить свою свободу и независимость, необходимо было противопоставить агрессорам более мощные объединения, чем имевшиеся на территории Замуа в конце X—начале IX в. до н. э. Это могли быть государственные образования, как слагавшиеся в это время во Внутренней Замуа, у берегов озера Урмия, или сильные племенные объединения, каков был мидийский племенной союз.

После разгрома мелких царств Внешней Замуа наиболее значительным замуанским царством было одно время государственное образование, во главе которого стоял Никдиара (или Мектиара) во Внутренней Замуа; однако Никдиара имел многочисленных соперников. В 855 г. до н. э. ассирийские войска Салманасара III (Šulmân-ašarêd) совершили рейд через перевал Бунаис на территорию Никдиары,[1] и когда последний пытался уйти от ассирийцев через озеро на лодках, плетеных из ивовых прутьев, то Салманасар последовал за ним и дал ему бой на озере.[2] Большого успеха он, однако, не добился, и в целом в течение первых трех четвертей IX в. процесс образования государств в бассейне Урмии и реки Джегету происходил без больших помех, хотя царство Никдиары должно было уступить ведущее место другим. Что касается мидийского племенного союза, то он до середины 30-х годов IX в. также не имел столкновений с Ассирией.

В 842 г. Салманасар III подавил волнения в Намаре, который, как мы помним, был расположен по среднему течению реки Диялы, и поставил там царем «янзи»[3] из соседнего Бит-Хамбана В 834 г. этот «янзи» отказался от повиновения Ассирии, что и послужило поводом для первого похода Салманасара в Мидию.

Ассирийские войска спустились в Намар с северо-востока, через перевалы гор Хашмар (Хашимур). После разгрома намарских крепостей [4] и захвата укрытого в горах имущества, что было осуществлено быстро и оставило время для дальнейших военных действий в ту же кампанию, ассирийцы двинулись грабить вглубь Мидии. Возможно, в Мидию бежал

---

[1] В тексте она названа «Мазамуа»; см. надпись на монолите из Карха: KB, I, стр. 170, II, 75. — ARAB, I, § 609.

[2] Совершенно невозможно высказывавшееся Биллербеком и поддержанное Форрером предположение, что эта битва на воде происходила на крошечном озере Зерибор в верховьях Диялы: вряд ли такая битва была бы возможна, да и целесообразна. Несомненно, что имеется в виду озеро Урмия; из данного сообщения можно заключить о наличии мелкого судоходства на этом озере (не в целях рыболовства, так как рыба в Урмии не водится).

[3] См. об этом титуле выше, стр. 127, прим. 2.

[4] Анналы называют Сихишалах, Бит-Тамуль, Бит-Сакки (=Бит-Санги, повидимому, около Ханекина) и Бит-Шеди. Последние три крепости названы, повидимому, по намарским родам, которым они принадлежали. См. надпись «Черного обелиска»: Layard, Inscriptions, pl. 87 и сл., строка 110 и сл. — ARAB, I, § 581.

намарский «янзи», что и послужило поводом для ассирийского набега на нее. На первом этапе похода ассирийское войско вступило в страну Парсуа, где получило дары от 27 «царей» этой маленькой страны.

Мы уже указывали выше, что аккадск. Parsua передает *Parsava [1] — «край», «окраина». Местоположение страны Парсуа соответствует южным частям страны Замуа в текстах времени Ашшурнасирапала.[2] Это изменение названия означает, что хотя население данной территории оставалось «каспийским» по языку, за истекшие 40—45 лет носители иранского мидийского языка продвинулись на запад, вплотную подойдя к VI району нашей классификации, и оказывали уже влияние на местную географическую терминологию. Следует подчеркнуть, что, в противоположность довольно распространенному мнению, Парсуа имеет с Персидой лишь то общее, что оба термина означают «окраину»; никакого основания полагать, что Парсуа была родиной персов, будто бы выселившихся отсюда в промежутке между концом VIII и серединой VII в. до н. э., не имеется. Необходимо иметь в виду, что Парсуа являлась земледельческим районом с оседлым населением, и очень трудно допустить, чтобы это население могло уйти и переселиться за 600 км отсюда, в Персиду. Топонимические и личные имена с территории Парсуа — отнюдь не иранские.

Перевалив через горы, ассирийцы спустились в область Месси (в верховьях реки Джегету),[3] а затем, по другую сторону хребта, в округа

---

[1] Напомним, что звука «v» в аккадском этого времени не было и он обычно передавался либо через «m», либо через «u».

[2] Парсуа была расположена южнее Малого Заба и на верхней Дияле, гранича с вавилонскими областями Намаром и Туплиашем на средней и нижней Дияле, с одной стороны, с Манной и различными тяготевшими к Манне районами (Месси, Шурдирой, Аллабрией, Никсаммой: KB, I, стр. 142, строки 110—126, стр. 190, строка 8. —ARAB, I, §§ 581, 739 и др.; KS, стр. 108, строка 58.— ARAB, II, § 56; 8 CS, строки 35—51.—ARAB, II, §§ 146—148; HABL, 165 и др.) — с другой, и, наконец, с различными мидийскими областями — с третьей (KS, Анналы Саргона II, строки 9 и 90. —ARAB, II, § 118; KTP, стр. 44, строки 17—18.— ARAB, I, § 784). Также и из урартских надписей (Г. А. Меликишвили, УКН, № 24, стр. 313, лиц. 6, 20, 36, также на обороте; Н. В. Арутюнян. Хорхорская летопись Аршити I. ЭВ, VII, 1953, стр. 98, III, 12) видно, что Парсуа (в закономерном для урартского написания ^{māt}Páršú-a, где š, как обычно в урартском, соответствует s) находилась между Манной и вавилонской территорией (Babilu), т. е. Намаром. Из всего этого ясно вытекает, что Парсуа следует искать в нашем VI районе, т. е. около современного Сулеймание, см. также: E. Forrer, ук. соч., стр. 90 и др. (ряд исследователей помещает Парсуа слишком далеко к северу, не учитывая ее близости к Намару; см., например: Streck, ZA, XV, стр. 311). Но это означает, что Парсуа совпадала территориально с царствами Араштуа, Амеки, Аты и т. д., которые анналы Ашшурнасирапала относят к Замуа.

[3] Область Месу (Мессу, Месси) обычно упоминается в связи с Замуа, областью Мадай и особенно Гизильбундой (надпись Шамши-Адада V; KB, I, стр. 178 и сл.— ARAB, I, § 718; Ашшурнасирапал, анналы под 880 г.; надпись Ададнерари III, KB, I, стр. 190.—ARAB, I, § 739); она граничила также с областью маннейского племени таурлийцев и позже была пограничным районом Манны на границе с Парсуа (8 CS, строка 51 и сл.).

Аразиаш и Хархар, принадлежавшие уже к стране мидийского племенного союза, который здесь впервые упоминается в ассирийских источниках под названием «Амадай». На местоположении этих округов мы остановимся подробнее ниже; пока достаточно сказать, что ассирийцы прошли через IV район нашей классификации (верховья долины реки Кызыл-узен около Биджара) и, может быть, проникали и в долину нынешнего Хамадана.

Анналы Салманасара III называют четыре крепости, занятые им в стране мидян; названия их не принадлежат к иранскому языку и сходны с топонимикой Замуа и Парсуа.[1] Ассирийцам удалось угнать некоторое количество людей в рабство.[2] Бóльшая часть населения и скот по обыкновению были укрыты в горах, так что в долине ассирийцы некоторое время чувствовали себя хозяевами и даже успели высечь на камне изображение Салманасара в Хархаре. Затем, однако, ассирийцы ушли, уведя с собой пленного намарского «янзи», и не попытались удержаться в Мидии прочнее.[3]

Во время следующего похода, в 828 г.,[4] Салманасар был уже очень стар и лично в походе не участвовал; ассирийскими войсками командовал «туртан» (полководец) Дайан-Ашшур. Поход был на этот раз направлен против мелких «царств» приурмийской равнины (Внутренней Замуа). Вначале Дайан-Ашшур двинулся из долины Верхнего (Большого) Заба в расположенную южнее озера Ван Хубушкию, затем, через территорию некоего «Магдубу малхисского», повернул на юго-восток и вторгся на территорию Уалки, царя Манны.[5]

Уалки укрылся в горы, но ассирийцам удалось угнать много скота и захватить пустые поселения, в том числе Изирту (или Зирту), его крепость-резиденцию.[6] Далее поход шел через царство Харруна, где правил

[1] Куакинда, Тарзанаби (?), Эсамуль, Кинаблила. Следует заметить, что в древних иранских языках не было «l»; поэтому ясно, что указанные и другие подобные топонимические названия не только были созданы не иранским по языку населением, но и были слышаны ассирийцами не из уст иранцев.

[2] Употребленный здесь термин šallatu («полон») означает именно такого рода добычу.

[3] «Черный обелиск»: KB, I, стр. 142, строка 125 и сл.—ARAB, I, § 581.

[4] Там же, стр. 146, строка 159 и сл. — ARAB, I, § 587.

[5] Здесь, единственный раз в ассирийских источниках, Манна названа не «Страной маннеев» (Māt Mannâi), а «Манаш». Окончание -aš не следует здесь этимологизировать из иранских языков, где оно существует как окончание именительного падежа (однако не в основах на -a); мы уже указывали, что это окончание было распространено в кутийском и других языках Загроса; менее вероятно, что это хурритско-урартское окончание эргативного падежа -s̄, -s̄e: хуррито-урартские собственные имена, как правило, передаются по-аккадски не в форме эргативного, а в форме абсолютного падежа. Заметим, что для эламского характерна передача иноязычных (конкретно, иранских) имен с окончанием -š, в том числе и при основах на -a.

[6] Годар локализует Изирту в тепе Капланту, южнее Саккыза; однако маршрут похода Дайан-Ашшура 828 г.,казалось бы, заставляет искать Изирту в северо-западной части Манны. Скорее совр. Капланту — это Бушту. A. G o d a r d. Le Trésor de Ziwiyè (Kourdistan). Haarlem, 1950, стр. 6.

Шулусуну;[1] последний изъявил покорность Ассирии, и царство его было обложено постоянной данью в виде упряжных лошадей. Единовременную дань ассирийцам принес Артасару,[2] царь Шурдиры;[3] затем ассирийцы ушли в Парсуа, где с части царьков получили дань, а часть «царств» разграбили.

С небольшими отклонениями тот же поход был повторен Дайан-Ашшуром и в следующем, 837 г. до н. э. Ассирийцы поднялись вверх по Большому Забу, затем перевалили на территорию Гильзана на западном побережье Урмии;[4] получив здесь дань рогатым скотом и лошадьми, как с самого Гильзана, так и с окрестных «царств» и племен, вплоть до Андии на нижнем течении реки Кызыл-узен,[5] Дайан-Ашшур прошел через Внутреннюю Замуа и Парсуа и спустился в Намар. По дороге он захватил горную крепость Бушту на границе Манны и Парсуа[6] и другие маннейские (?)[7] и парсуанские крепости,[8] а Намар подверг разгрому огнем и мечом. В конце похода войско вышло на территорию ассирийской провинции Замуа.[9]

Походы 834—827 гг. рисуют нам приурмийские и парсуанские земли управляемыми множеством мелких царьков; это царства Упу (Гильзан), Уалки (Манна), Шулусупу (Харруна), Артасару (Шурдира), Никдиары (Ида?), Никдимы (?), Пинни (Ариду) и др.; однако начинает выкристаллизовываться гегемония определенных царств, прежде всего, повидимому, царств Уалки и Никдиары, и в просторечии вся приурмийская территория, Внутренняя Замуа, начинала уже называться «Страной маннеев» по племени, населявшему одно из этих государств.[10]

---

[1] В тексте упоминается взятие крепости Масашуру.

[2] Имя «Артасару» поддается этимологизации из древнеиранского, например: ṛta-sar- — «объединенный с праведностью» (ср.: AIrWB, стр. 1564) плюс аккадское падежное окончание -u; менее вероятно, но мыслимо случайное созвучие.

[3] По мнению Штрека — то же, что Шурда других текстов (возможно также чтение Паддира); быть может, Шимерихадири урартских текстов? (см.: S t r e c k, ZA, XV, стр. 315). Шурда, согласно надписи «Анналов XIV зала» Саргона II (KS, стр. 80, строка 7), лежала на пути из Караллы (в верховьях Малого Заба, выше Сердешта?) в Кишессу, т. е., очевидно, в верховьях Джегету и его притоков.

[4] Эта страна, которой правил в середине IX в. Асау (он же Суа), а потом Упу, подвергалась ассирийским нападениям неоднократно — в 885, 856 гг. и др. Она платила от случая к случаю дань Ассирии еще со времен Тукульти-Нинурты II и Ашшурнасирапала (см. выше).

[5] В том числе с Манны, Харруны, Шашганы и др. («Черный обелиск», строка 174 и сл. — ARAB, I, § 588. О местоположении Андии см. ниже, стр. 168).

[6] Бушту неоднократно упоминается как важный центр в связи с Манной и Парсуа в урартских надписях.

[7] Перри и Шитиуариа. Текст поврежден, неясно, к какой стране эти крепости относились. Шитиуариа, может быть, соответствует крепости «Шатирарага» (читать «Шатирарайа»?) урартских надписей.

[8] Кинихаману и Шалахаману.

[9] Через перевал Симеси «на границе Хальмана» — дословно «в начале Хальмана».

[10] Так (для краткости) в списке эпонимов обозначена территория, подвергшаяся нашествию в 828 г. до н. э.

С другой стороны, ассирийские походы, сохраняя характер походов грабительских, погони за добычей и рабами, в то же время ставят себе в какой-то мере целью более прочное подчинение данной территории и создание возможности для взимания постоянной дани. Пока, однако, это плохо давалось ассирийцам; лишь в редких случаях (например, Шулусуну, царем Харруны) им удавалось облагать «царства» постоянной данью; в остальных случаях местные вожди и царьки присылали дань лишь в виду приближения ассирийских войск или даже предпочитали укрывать скот и население в горах, оставляя ассирийским грабителям пустые крепостные стены.

В 827 г. в Ассирии началась серьезнейшая гражданская война; лишь в 823 г. новому ассирийскому царю Шамши-Ададу V удалось вновь установить единую власть на всей территории царства; его надпись сообщает в этой связи, что восточная граница Ассирии проходила при нем через Шурдиру и Ариду, т. е., повидимому, по восточным склонам гор, окаймлявших с запада Манну и Парсуа. За время гражданской войны в Ассирии урартский царь Ишпуини вышел на побережье Урмийского озера и включил царство Гильзан в Урарту.[1] Он нанес также, повидимому, тяжелое поражение царю Манны, так как в 20-х годах IX в. в качестве гегемона приурмийских царств и племен выступает не маннейский царь, а Шарсина,[2] сын Мектиары (Никдиары).

Немедленно по упрочении положения в Ассирии, Шамши-Адад V возобновляет походы на восток — отчасти для того, чтобы противодействовать урартам. Поход 821 г.,[3] направленный, согласно ассирийскому списку эпонимов,[4] «[против Сиг]риса»,[5] возглавлял полководец Мутаррис-Ашшур.

Главными противниками ассирийцев явились на этот раз Шарсина и урартский царь Ишпуини. Надпись Шамши-Адада V сообщает, что Мутаррис-Ашшур дошел до «Моря захода солнца»: не вполне ясно, имеется ли

---

[1] Страна эта в его надписях не упомянута, но с этих пор Гильзан исчезает из ассирийских источников. Включение этой области в Урарту видно также из того, что одновременно урарты овладели соседним Мусасиром (ср. Келяшинскую билингву Ишпуини и Минуи: Г. А. Меликишвили, УКН, № 19, стр. 302) и начиная с правления Минуи, сына Ишпуини, приступили к походам на юг от Урмии. Если понимать «Море захода солнца» в надписи Шамши-Адада V как Урмию, то, поскольку рядом с ним упоминаются поселения «Ушпины», это может быть еще одним подтверждением занятия Ишпуини территории на западном берегу Урмии.

[2] Šarṣina; асс. ṣ может передавать «ц», «ч» и «дж»; асс. š обычно равно русскому «с».

[3] Надпись Шамши-Адада V: KB, I, стр. 178, II, 16 и сл. —ARAB, I, § 717; АВИУ, № 34, стр. 301.

[4] АВИУ, № 39, стр. 305.

[5] Это, может быть, и было названием царства Шарсины и Никдиары; главная их крепость называлась Идой. При Саргоне Сигрис находился, однако, южнее, где-то в современной провинции Ардилян. В эллинистическое время область Сигриана находилась, повидимому, на западном берегу Урмии (устное сообщение С. Т. Еремяна).

в виду Урмийское озеро или Каспийское море, но последнее кажется вероятнее.[1]

Решив, что их положение в приурмийском районе является уже достаточно прочным, ассирийцы предприняли в следующем, 820 г. крупный поход против мидян. Перевалив через гору Куллар[2] и приняв дань, присланную царем Хубушкии (к югу от Ванского озера) и Шарсиной, а также племенами маннеев, сунбийцев, теурлийцев (позже влившихся в Манну) и жителей Парсуа, Шамши-Адад V прошел через землю мессийцев в верховьях Джегету. Здесь ему удалось захватить в свои руки большое количество скота, принадлежавшего мессийцам, в том числе не только крупный и мелкий рогатый скот, ослов и лошадей, но и множество двугорбых бактрийских верблюдов, появившихся в Мидии лишь незадолго до того[3] (вероятно, с иранскими племенами, пришедшими из Средней Азии). Было сожжено большое количество деревень и поселений; мессийцы понесли большие потери. Затем ассирийцы вступили в горы Гизильбунды, отделявшие приурмийский район от собственно мидийской территории.

После взятия первой горной крепости в этом округе[4] два гизильбундских вождя[5] прислали умилостивительную дань в виде упряжных лошадей. Третий, Пиришати, которому ассирийская надпись приписывает титул «царя гизильбундцев», решил оказать сопротивление. Все жители Гизильбунды сошлись в его крепость Ураш, однако архаическая крепость не могла устоять против высокой осадной техники ассирийцев. Ураш и окружающие мелкие крепости были взяты, причем, по ассирийским данным, 6000 воинов пало в битве, а 1200 воинов вместе с самим Пиришати захвачены в плен. Еще один гизильбундский вождь, Энгур, выразил

---

[1] При последнем понимании термина «Море захода солнца» в этом контексте приходится признать, что ассирийцы считали Каспийское море сообщающимся с Черным и Средиземным и отличным от Персидского залива. Подобные воззрения о природе Каспийского моря господствовали, как известно, еще в эллинистическое время, хотя уже Геродот знал об их ошибочности.

[2] Гора Куллар — это, повидимому, основной хребет Загроса, как следует из надписи Салманасара III на «Черном обелиске», строка 50 и сл.; ср. также текст: КАН, II, №№ 112—114, IV, 5 и сл., и др.; она отделяла Внешнюю Замуа от Внутренней. Верховья долины Хубушкии примыкали к этому хребту. В Хорхорской летописи Аргишти I (III, 5) также, вероятно, надо читать (šadû) Ku-la-ar!-ni. Речь идет, как заметил Н. В. Арутюнян (Хорхорская летопись Аргишти I, стр. 97, прим. 20), и в этом контексте о Хубушкии. Элемент -lar на местном языке означал, повидимому, «гора»; ср., кроме Kullar, еще гору Ṣilar и др. Название Kullar сохраняется, повидимому, в названии одной из вершин Загроса — Коллара-даг.

[3] См. ниже, стр. 192, прим. 1.

[4] Кинаки, перед перевалом через «гору камня bišbizida» — вероятно, гору Тахт-и Балкис.

[5] Титамашка из крепости Сассиашу на юго-западе области (см. ниже о походах Тиглатпаласара III) и Киара из крепости Кар-Сибуту.

покорность Шамши-Ададу, и в его крепости Сибаре[1] ассирийский царь воздвиг стелу со своей надписью и изображением. Повидимому, к этому моменту ассирийцы находились уже к востоку от реки Кызыл-узена. Путь на земли мидян оказался открытым.

В среде западных соседей мидян, не вошедших еще в состав союза, как мы видели, господствовали разногласия и корыстная, недальновидная политика отдельных царьков. несмотря на то, что народные массы были объединены стремлением к отпору. Напротив, собственно мидяне находились, повидимому, под единым руководством военного вождя всего племенного союза. Это был Ханасирука,[2] имевший резиденцию в крепости Сагбиту.[3] Он пытался укрыться в снежных горах Эльбурса, но Шамши-Адад вынудил мидян к сражению. По словам ассирийской надписи, захватчикам удалось нанести мидянам большие потери людьми (2300 убитых) и разорить 1200 поселений, в том числе и крепость Сагбиту. 140 конников было взято в плен. Однако сопротивление мидян не было сломлено. На обратном пути, когда ассирийцы перевалили через горы между Казвином и Хамаданом,[4] им преградил дорогу Мунсуарта,[5] правитель Аразиаша — округа, лежавшего, повидимому, недалеко от Хамадана. Однако и этому отряду мидян был нанесен тяжелый удар (согласно надписи, они потеряли 1070 убитых); было захвачено много людей в рабство, а также скота под видом «дани».

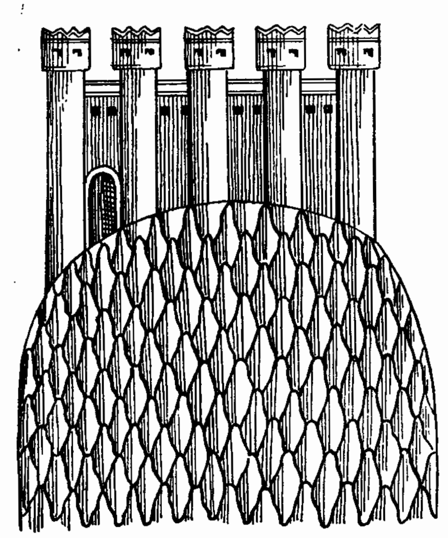

Рис. 32. Мидийская горная крепость. По ассирийскому рельефу из Дур-Шаррукина. Конец VIII в. до н. э.

Никогда еще племенам Мидии не наносилось такого поражения. Сказались результаты раздробленности и внутренних войн. Отчаяние и растерянность царили, повидимому, некоторое время среди правителей на всей территории от Урмии до Соляной пустыни. 27 или 28 правителей самых различных округов Мидии и Парсуа принесли дары ассирийскому царю перед его возвращением в Ассирию через перевалы горы Куллар.

---

[1] Асс. Ṣibaru, позже, у Саргона II — Ṣibar (неправильно Ṣimašpatti) и Ṣiburâ. Эту крепость надо искать в районе восточного берега верхнего Кызыл-узена или около Зенджана, так как далее ассирийцы оказались у подножия Эльбурса.

[2] Ḫanaṣiruka: KB, I, стр. 180 и сл., строка III, 26 и сл. — ARAB, I, § 720 и сл.

[3] Возможно, то же, что Бит-Сагбат, вероятно, в долине Абхар-чая или южнее, в горной области Карагана (к югу и юго-западу от Казвина).

[4] «Гора камня musi»: KB, I, стр. 180 и сл., строка III, 37.

[5] Munṣuarta, KB, I, стр. 180 и сл., строка III 38; ARAB, I, § 721.

Надпись перечисляет их поименно, как и названия их округов: все округа носят древние местные имена, и то же верно относительно большинства правителей; однако некоторые из них носят, быть может, и иранские имена; это по преимуществу правители наиболее восточных областей.[1]

Этот поход имел для Ассирии тройное значение: предотвращение возможных союзов между маннеями и мидянами, с одной стороны, и усилившимся Урарту — с другой; захват рабов и грабеж; подготовка к походу против Вавилонии, которая тем временем успела подчинить своему господству Намар. Следующая кампания (819 г.) была направлена против Вавилонии и в значительной мере протекала на территории Намара. Последующие годы были для ассирийцев заняты внутренними месопотамскими делами, однако о Мидии они не забывали.

В 810 г. Шамши-Адад V умер, оставив ассирийский престол малолетнему Ададнерари III. Фактически царством правила вдовствующая царица Саммурамат, вошедшая в историю под именем Семирамиды. Правление женщины произвело сильнейшее впечатление на все окрестные, привыкшие к патриархальным порядкам народы, и легенды о «Семирамиде» или «Шамирам» долго пользовались широкой известностью и сохраняются кое-где даже до нашего времени.[2]

На правления Семирамиды и ее сына Ададнерари III (который начал править самостоятельно с 805 г., хотя и позже Саммурамат продолжала

---

[1] Список их таков (звездочкой отмечены имена с возможной — но во всех случаях ненадежной — иранской этимологией):

1. Сирашме бабарурец
2. Амахар хармешандец
3. Заришу парсанец
4. Заришу хундурец
5. Санашу кипабарутакец
6. Ардарай уиташшаец
7. Шума́ кинукец
8. Татай гингибирец
9. Бисираин арамец
10. *Парушта кибарушец
11. *Ашпаштатаук уилец
12. Амамаш кингиштилензахец
13. Тарсиху (?) масираушец
14. Маманши луксец
15. Занзар димамец
16. Сирашу симгурец
17. Гишта абданец
18. *Ададану асатец
19. Урси гинхухтец
20. *Бара гинзинец
21. Аруа киндутаушец
22. Кирнакуш кибриец
23. Забану зузарурец
24. *Иртисати гингирдец
25. *Барзута таурлаец
26. Шуа напи[. . .]ец
27. Сатириай
28. *Артасирару

(27–28) Быть может, вместо «Сатириай (и) Артасирару» надо читать «сатириец Артасирару».

См. также: АВИУ, № 34, стр. 301 и сл.

[2] Подробный анализ легенды о Семирамиде, передаваемой Ктесием, см.: Hildegard L e w y. Nitokris-Naqî'a. JNES, XI, 4, 1952, стр. 264—265. Ср. также древнеармянские легенды о Шамирам в первой книге «Истории Армении» Моисея Хоренского, а также современные легенды: Н. Я. М а р р и И. А. О р б е л и. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пгр., 1921, стр. 7.

играть большую роль[1]) падает много походов против мидян и Манны — в 809, 807 (против Манны), 806 (против Манны), 800, 799, 797 (против Намру), 793, 792, 788 гг. Повидимому, ассирийцы задались целью прочно покорить Мидию. К сожалению, об этих походах мы знаем лишь из их краткого перечня в «Списке эпонимов» и из одной немногим более пространной торжественной надписи:[2] анналы Семирамиды и Ададнерари III до нас не дошли. Из надписи мы знаем, что к 802 г.[3] ассирийцы претендо-

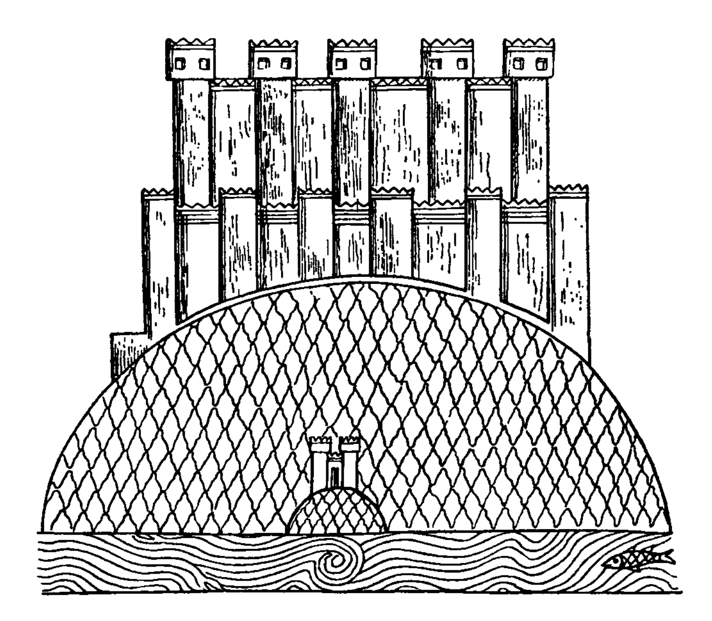

Рис. 33. Мидийская крепость. По ассирийскому рельефу из Дур-Шаррукина. Конец VIII в. до н. э.

вали на господство в Эллипи (около Керманшаха), Хархаре, Аразиаше (к северу от Хамадана), в Мессу, стране мидян, во «всей» Гизильбунде, Манне,[4] Парсуа, Аллабрии (в верховьях Малого Заба), Абдадане и вплоть до Андии и Каспийского моря.[5] Отдельное перечисление Хархара и Аразиаша показывает, что, когда надпись 802 г. говорит о стране мидян (Madâi) как таковой, то речь идет о более отдаленных районах, не ближе области Казвина и предгорий Эльбурса. События после 802 г. нам не

[1] Она названа вместе с царем в надписях Белтарсиилимы, наместника Кальху, на статуях бога Набу, воздвигнутых, вероятно, в связи с введением в Ассирии культа этого бога, которому Ададнерари III оказывал особое почитание. Это не могло произойти много ранее 788 г. до н. э., когда началось строительство храма Набу в Ниневии.

[2] Речь идет об одной фрагментированной надписи из Нимруда, оригинал которой утерян. См.: I R, 35, № 1; KB, I, стр. 190. — ARAB, I, § 739.

[3] Это, повидимому, год составления упомянутой Нимрудской надписи Ададнерари. Последнее упоминаемое в ней событие — поход 802 г. до н. э. на Дамаск.

[4] В тексте — «Мунна».

[5] Все эти страны объединяются в этой надписи, как и в надписи Шамши-Адада V, термином «Наири».

известны. После этого года Семирамида и Ададнерари провели еще пять походов в Мидии. По данным Ктесия, Семирамида воевала далеко на востоке, вплоть до Бактрии; хотя на его данные очень трудно полагаться, но нельзя признать совершенно невероятным сохранение им здесь в какой-то мере обоснованной традиции, так как между 802 и 788 гг. ассирийцы могли значительно продвинуться на восток, хотя вряд ли до собственно бактрийской территории.

Во всяком случае народная традиция о завоевании Мидии Семирамидой и ее мужем, сохраненная Ктесием, в основе своей верна, хотя Ктесий по своему обыкновению сочинил на этой основе целый роман.[1]

3. Урартское наступление

Правление Ададнерари совпадает с началом наступления урартского царя Минуа на юго-восток. С этим именно царем, по всей вероятности, Семирамида и Ададнерари дважды воевали в Манне (в 807 и 806 гг.), пять раз — южнее озера Ван, в Хубушкии (в 801, 798, 791, 785 и 784 гг. до н. э.), и раз — в долине Верхнего Евфрата (в 786 г.). Также и преемник Ададнерари III, Салманасар IV, воевал с Урарту с 781 по 778 г., —повидимому, неудачно.[2] Урарту к этому времени представляло весьма серьезную опасность для Ассирии: еще в конце IX в.[3] урарты заняли Мусасир в верховьях Большого Заба, непосредственно угрожая центру Ассирии, а в начале VIII в. вышли на Верхний Евфрат.[4] Вероятно, к концу IX в. относятся походы Минуа в Манну, которых было не менее двух; [5] урарт-

---

[1] Содержание его сводится к следующему: чудесно рожденная и брошенная сирийской (аскалонской) богиней Деркето, Семирамида была вскормлена голубями и найдена пастухами, которые отдали ее ассирийскому военачальнику Симме. Затем она вышла замуж за сатрапа Онна и вместе с ним участвовала в походе царя Нина на Бактрию, причем дала совет, как взять Бактру. После этого царь Нин взял Семирамиду в жены, и она родила ему сына Ниния. После смерти Нина Семирамида отстранила Ниния от власти, построила Вавилон, высекла свое изображение на Багистанской (Бехистунской) скале, покорила Ливию, Эфиопию и Египет, воевала снова в Бактрии и Индии, на старости лет домогалась любви своего сына. Все это разукрашено у Ктесия различными баснословными подробностями (D i o d., II, 3—19; J u s t., I, 1; М о и с е й Х о р е н с к и й, I, 15 и др.).

[2] См.: A. U n g n a d. Eponymenlisten. RLA, II, стр. 428 и сл.; АВИУ, № 39.

[3] См. двуязычную надпись из Келяшина, времени совместного правления Минуа и его отца Ишпуини: Г. А. М е л и к и ш в и л и, УКН, № 19, стр. 302 и сл.

[4] См.: С. М. Б а ц и е в а. Борьба Ассирии и Урарту за Сирию. ВДИ, 1953, № 2, стр. 31.

[5] Г. А. М е л и к и ш в и л и, УКН, №№ 24 и 29, стр. 313 и сл.; № 2, стр. 253. Первый из этих походов был совершен еще во времена совместного правления Ишпуини и Минуа и относится ко времени между 820 и 810 гг.; второй следует отнести ко времени после 806 г. (последний поход Семирамиды на Манну) и даже, вероятно, после 802 г. (время составления надписи Ададнерари с упоминанием ассирийского господства над Манной). В то же время ассирийские походы на Хубушкию, начавшиеся с 801 г., следует, вероятно, рассматривать как контрмеру против наступления урартов на восточном фланге. Поэтому установление урартского господства в Манне следует, вероятнее всего, датировать 802—801 гг. до н. э.

ский царь воздвиг или восстановил даже крепость на маннейской территории (Мешта, совр. Таш-тепе, недалеко от Миандуаба), как о том свидетельствует находившаяся там его надпись.

Постройка крепостй в древневосточных условиях обыкновенно свидетельствовала о превращении данной территории в наместничество; однако в IX—VIII вв. до н. э. в Ассирии и в Урарту еще иногда существовала практика назначения наместника при сохранении местных правителей. Повидимому, именно такое положение сложилось при Минуа и в Манне, ибо из дальнейших данных видно, что Маннейское государство не перестало существовать.

В начале правления урартского царя Аргишти I (с 779/80 г. до н. э.) Манна еще продолжала находиться в зависимости от Урарту. Согласно так называемой «Хорхорской летописи» Аргишти I,[1] он вел войны южнее Манны и именно на этой территории (область 'Арсита, города Бушту и Баруата)[2] трижды (в 5-м, 6-м и 8-м годах своего правления, 775, 774 и 772 гг. до н. э.) имел столкновение с ассирийскими войсками, причем проникал даже в долину реки Диялы — в Намар, который урартские источники называют «Бабилу» (т. е. «Вавилонией»). Война «против Урарту и Намара» упомянута также в ассирийском списке эпонимов под 774 г.[3] Следовательно, в этот период Манна еще удерживалась урартами,

---

[1] Переиздана Н. В. Арутюняном (Хорхорская летопись Аргишти I. ЭВ, VII, 1953, стр. 81 и сл.; ср.: Г. А. Меликишвили, УКН, №№ 127—128.

[2] 'Arsita — это Ḫaršu, Ḫarši, Ḫarsu еще шумерских (SAKI, стр. 230, № 25; стр. 232, № 46; L. Delaporte. Tablettes de Dréhem. RA, VIII, 1911, стр. 188, № 7, об. 5; OBI, № 125, сроки 24, 45), а потом ассирийских источников; так обозначена гора на границе области племени кумурдийцев на окраине Манны (Assurbanipal, II, стр. 102, III, 59.—ARAB, II, § 853) и поселение в Парсуа (KTP, стр. 3, строка 32.—ARAB, I, § 766); Buštu, Bustus — важная крепость, соперничавшая по значению со столицей Манны Изиртой, была также расположена на границе Манны и Парсуа, а в VIII—VII вв. до н. э. входила в состав Манны («Черный обелиск» Салманасара I: KB, I, стр. 148, строки 185—186=ARAB, I, § 588, Sammlung, III, стр. 38 и сл., стлб. IV — ARAB, II, § 851 и др.); Baruata—это Bît-Barrua ассирийских источников, находилась по соседству с Бит-Хамбаном и Эллипи, т. е., вероятно, где-то в верховьях реки Диялы (см., например: KTP, стр. 44, строка 13; стр. 50, строка 18; стр. 62, строка 29; стр. 64, строка 34.—ARAB, 1, §§ 784, 811, 795 и др.). К топонимическому суффиксу -ta ср. еще др.-перс. Kampa^{u}da и ассир. Bît-Ḫamban.

[3] См.: A. Ungnad. Eponymenlisten, RLA, II, стр. 428 и сл.; АВИУ, № 39. Ср. также: F. Thureau-Dangin et M. Dunand. Til-Barsib. Paris, 1936, стр. 141 и сл.—АВИУ, № 38. Столкновение Аргишти с ассирийцами дважды упоминается «Хорхорской летописью»: под 5-м годом, в связи с походом на «Вавилонию» (Намру), и под 6-м годом, в связи с походом на крепость Бушту в Парсуа. В ассирийских же списках эпонимов под 776 г. отмечается поход «против Урарту», под 774 г. — «против Урарту и Намру» (и до этого под 781, 780, 779 и 778 гг. — «против Урарту»). Поход 5-го года Аргишти был, возможно, ответом на вторжение ассирийцев в предшествующем году. Нам уже приходилось указывать, что ^{m}'A-ar-si-ta-ni, упоминаемый в летописи Аргишти под этим годом, — не ассирийский царь Ашшурдан, как думал Сэйс, а местность Харси, или Харшу, в горах Парсуа. Ассирийский царь здесь не упоминается, а говорится лишь, что «в поселениях Ассирии, как (?) в своей стране, я собирал воинов»

потому что, ведя войну в Парсуа и Намаре, они должны были базироваться на маннейскую территорию, а между тем о покорении Манны царем Аргишти до тех пор в его анналах не говорится ни слова.

Однако несколько позднее Манна отложилась от Урарту. Именно в борьбе с Урарту Манна и консолидировалась, повидимому, в качестве единого государства, охватывавшего весь приурмийский бассейн, кроме западного и северного побережий. Маннейское государство оказывало ожесточенное сопротивление урартским царям.[1] Несмотря на разрушительные походы Аргишти I в 773, 772, 771, 769, 768 (?) гг. до н. э. и два похода его преемника Сардури II (в начале 50-х годов VIII в. до н. э.),[2] урарты более не смогли прочно покорить Манну.

Все же частичных успехов урартам удавалось добиваться. Так, в 775 г. Аргишти удалось захватить Бушту, в 771 г. — ряд районов к востоку от озера Урмии,[3] а в 768 (?) г. — «царский город»[4] Шимерихадири (может быть, Шурдиру ассирийских источников?); но эти захваты Аргишти были

Речь идет, повидимому, о вторжении в Намру (Бабилу), а также, может быть, в ассирийскую провинцию Замуа. Так как инициатива принадлежала Аргишти, то естественно, что список эпонимов не упоминает в этот год ассирийского похода. Зато этот поход Аргишти вызвал ответную ассирийскую экспедицию в Намар в следующем, 774 г. Возглавлявший ассирийские войска туртан Шамшиилу называет себя победителем кутиев и Намара (см.: АВИУ, № 38) и рассказывает в своей надписи о столкновении с Аргишти. Летопись Аргишти со своей стороны сообщает, повидимому, что урартский царь «изгнал Ассирию из своей страны и разгромил (ее)» — mâtuAšurini su-ú-i-[du-lu]-bi za-[áš-gu]-bi mâtue-ba-ni-u-ka-n[i] (III, 31). Кроме того, под 8-м годом Аргишти «Хорхорская летопись» сообщает, что урартский царь во время похода на Манну «дошел до ассирийской границы (?)» – ku-ṭè-a-di pa-ri mâtuAšuri-ni-ni mâtual-ga-ni. Поскольку он эту границу не переступал, постольку и под этим годом в ассирийском списке эпонимов нет упоминания о столкновении с Урарту. Из всего этого вытекает, что 774 г. соответствует 6-му году правления Аргишти, который, таким образом, вступил на престол в 779 г. до н. э. Возможно, однако, что 1-й год Аргишти по сохранившемуся тексту «Хорхорской летописи» — это не 1-й, а 2-й год правления Аргишти (см. серьезные доводы Г. А. Меликишвили, УКН, № 127, стр. 232—233). В таком случае правление Аргишти нужно считать с 780 г. до н. э. (и по 759/58?), а нумерацию всех упоминаемых нами лет правления этого царя увеличить на единицу. Абсолютные даты не меняются. Г. А. Меликишвили датирует все события правления Аргишти I на 6 лет раньше, отождествляя ассирийский поход на Урарту 781 г. с первым упоминанием ассирийского войска в «Хорхорской летописи». Но в таком случае трудно согласовать остальные упоминания походов на Урарту, содержащиеся в ассирийском «Списке эпонимов», с данными «Хорхорской летописи».

[1] Так, в 10-м (11-м?) году правления Аргишти Манна, повидимому, даже попыталась перейти в наступление против Урарту, см.: Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 220 и 241.

[2] Летопись Сардури: Г. А. Меликишвили, УКН, № 155, тексты А, 1 и В, 12.

[3] Хорхорская летопись: Г. А. Меликишвили, УКН, 128, стр. 231 и сл., IV, 54 и сл. (упоминаются области Угишти = Уишдиш; Долина Ашкайи = Ушкайа; гора Уши=Уауш, т. е. Сахенд; гора Алате).

[4] «Царскими городами» в ассирийской терминологии назывались всякие, в том числе и местные центры администрации; повидимому, таково же было и урартское словоупотребление.

только временными и не вели к постоянной оккупации территории. Однако к концу правления Аргишти Манна, повидимому, попала в полную зависимость от Урарту, так как сын Аргишти, Сардури II, снова мог совершить поход на Намар («Бабилу» — повидимому, в 750 г.).[1] Новое усиление Манны следует, быть может, поставить в связь с ослаблением позиций Урарту и усилением Ассирии с приходом к власти ассирийского царя Тиглатпаласара III. Как мы увидим, совершая свой первый поход на Мидию в 744 г., этот царь, повидимому, действовал в контакте с Манной. Повидимому, в том же году Сардури был вынужден воевать с Манной на ее территории и, по словам своей летописи,[2] заняв крепость Дарбу (на восточном побережье Урмии?), «присоединил землю к своей земле».[3] В дальнейшем походы урартов на Манну прерываются в связи с поражением, нанесенным им Тиглатпаласаром III в 743 г. до н. э.

События начала VIII в. имели исключительно важное значение для истории Мидии. В тот самый период, когда Мидия, не успевшая еще сплотиться для борьбы против столь грозного врага, как Ассирия, начала было становиться объектом планомерного разграбления и территориальных захватов со стороны ассирийской военной державы, наступление урартов привело к образованию буфера между Ассирией и Мидией от Урмийского озера до самого бассейна Диялы, почти на границе Элама, и тем самым спасло Мидию от подчинения Ассирии. Когда же урарты сами стали крупнейшей опасностью для народов Мидии, освободительная борьба Манны, сплотившая все приурмийские племена, устранила эту новую опасность для расположенных далее к югу и к востоку племен.

Наконец, когда Урарту, как казалось, вторично покорило Манну и Сардури II опять уже отважился совершить набег на «Вавилонию», т. е. на Намар, в долине реки Диялы, — на помощь маннеям и мидянам пришло самое соперничество между великими державами-завоевательницами — Ассирией и Урарту. Тяжелое поражение, нанесенное Урарту реформированными ассирийскими войсками Тиглатпаласара III в 743 г., положило конец претензиям урартов на господство в Манне, и для этого государства начинается период расцвета, когда оно по силе и значению лишь немногим уступало Урарту и Ассирии.

Дальнейшие наши сведения о Манне относятся уже к 719 г., но ряд приводимых ассирийскими источниками данных позволяет восстановить также и картину этого государства в предшествующий, счастливый для него период 743—720 гг. до н. э. По тому, что Манна потеряла в последующий период, можно судить, чем она обладала в период предыдущий.

[1] Летопись Сардури, текст А, 1 и сл. О хронологии походов Сардури II см.: Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту, стр. 211 и сл.

[2] Летопись Сардури, текст В, 12—18.

[3] Из дальнейшего мы увидим, что влияние Манны во всяком случае распространялось далеко на юг, вероятно за пределы бассейна реки Джегету; тот факт, что поход на Намар официально назывался, по надписи Сардури II, походом на Манну, указывает на то же самое.

Разгром Сардури II войсками Тиглатпаласара III сразу поставил Манну во главе всей территории нынешнего Иранского Азербайджана. Царь, правивший в это время в Манне (мы не знаем, был ли это уже Иранзу, умерший около 718 г.), оказался достаточно энергичным, чтобы использовать сложившуюся ситуацию. В результате в 30—20-х годах VIII в. до н. э. Манна, включая зависимые от нее области, во всяком случае охватывала весь южный бассейн озера Урмии, значительную часть бассейна реки Кызыл-узен с расположенными на юг от него районами, а также восточное побережье Урмии, по крайней мере до водораздела между Урмией и Араксом,[1] а может быть, и другие районы: северо-восточные и особенно северные и северо-западные границы Манны нам не ясны.

Другими словами, территория Манны и подчиненных ей областей почти совпадала тогда с будущей Мидией Атропатеной и с территорией нынешнего Иранского Азербайджана.

4. Государство Манна и его устройство

У нас имеются некоторые данные об общественном и государственном устройстве Маннейского государства.[2]

Население Манны, как и других областей, было преимущественно скотоводческим (разводились овцы, крупный рогатый скот, лошади, ослы, некоторое количество двугорбых верблюдов),[3] однако ни в одной из других частей будущей территории Мидии земледельческое производство не играло, наряду со скотоводством, столь большой роли. Так, во время похода Саргона II на Урарту в 714 г. маннеи снабжали ассирийское войско мукой и вином; [4] земледельческое производство отмечается реляцией Саргона II неоднократно и в районах, спорных между Урарту и Манной.[5] Библия упоминает сорт пшеницы, называемый «миннит», что можно было бы перевести как «маннейская»[6] (хотя возможно, что это обозначение является производным от названия общины Миннит в Трансиордании).[7] Этим сортом пшеницы торговал финикийский город Тир, покупая ее в Иудее и Израиле; товар этот упоминается рядом с конями из Тогармы (Малой Армении), слоновой костью и эбеновым деревом, перепродаваемым в Малой Азии и на островах Средиземного моря (?), изделиями сирийского ремесла, дамасским вином и т. п.[8]

---

[1] См. ниже о Суби, стр. 216.

[2] Прекрасную сводку материала и характеристику истории и общества Манны дал Г. А. Меликишвили: Некоторые вопросы истории манейского царства. ВДИ, 1949, № 1, стр. 57 и сл.

[3] Таков состав дани, собиравшейся с Манны различными ассирийскими царями.

[4] 8 CS, стр. 10, строка 53.

[5] Там же, стр. 28, строки 163—166; стр. 30, строка 186; стр. 32, строка 197; стр. 42, строка 262 и сл., и др.

[6] minnīt — ж. р. от Minnī — «Манна», «манней», «маннейский».

[7] Jud., XI, 33.

[8] Речь Иезекиила о Тире (VI в. до н. э.): Hez., XXVII, 17. Ср.: АВИУ, № 84.

Ремесло в Манне, — как и вообще в Замуа, о чем говорилось выше (стр. 156—159), — было развито высоко; недавняя находка клада в Зивие, около Саккыза, познакомила нас с художественной обработкой металла маннейскими мастерами IX—VII вв. до н. э. (см. об этом ниже, в главе VI).

Маннейское общество в значительной мере сохраняло племенную структуру. Характерно, что если урартские тексты называют данное государство «Страной Мана» (Mana-ni ebani), то ассирийские источники почти всегда называют его «Страной (племени) маннеев» (Mât Mannâi).[1] Наряду с собственно маннеями ассирийские памятники называют ряд других племен, вошедших в состав государства Манны: теурлийцы, мес(с)ийцы, далийцы, сунбийцы, кумурдийцы. Соответственно сильным первобытно-общинным пережиткам, существовавшим в Манне, народ еще принимал здесь, в отличие от других государств Древнего Востока, активное участие в общественной жизни; мы услышим в дальнейшем о восстании народа Манны против одного из маннейских царей — исключительное явление в истории Востока этого времени, где мы чаще слышим о дворцовых переворотах, гаремных заговорах или же о восстаниях вельмож и войска; мы знаем там также о народных восстаниях против иноземных угнетателей; но восстание против своих собственных эксплуататоров означает такую степень общественной активности и внутренней солидарности народных масс, какой другие народы, в силу ряда исторических условий восточного рабовладельческого общества, в то время не обладали.

Отсутствие придавленности свободных сказывается и в характере государственного строя Манны. Повидимому, маннейский царь правил своим государством не самодержавно, а был ограничен властью совета старейшин. Согласно тексту ассирийского царя Саргона II,[2] маннейский царь встречал его на границе Манны «сам со своими великими, старейшинами, советниками, родичами, наместниками и предводителями, ведающими его страной». Затем, перед выступлением Саргона в поход маннейский царь ходатайствовал об отмщении за его обиды, опять-таки не сам, а «со своими великими, советниками страны его».[3] Речь идет здесь об обычном государственном органе раннеклассового общества — совете старейшин, формально являющемся пережитком органа еще первобытнообщинного строя, но фактически используемым как оружие классового насилия — прообраз греческого «булэ» и римского «сената». Текст Саргона II дает достаточно ясное представление и о составе этого органа, ибо «советники страны его» во втором контексте — это, очевидно, то же, что «старейшины, советники, родичи, наместники и предводители» первого контекста: «великие», т. е. знать в стране Манна, заседавшая в совете старейшин, состояла из родовой знати и местных вождей, из родичей царя

[1] Так же по древнееврейски (Minnî). В ранних ассирийских текстах Манна в узком смысле слова называется также Munna или Manaš.

[2] 8 CS, стр. 8, строка 33.

[3] Там же, стр. 12, строка 58. Ср.: АВИУ, № 49(6), (51) и прим. 11.

и из наместников, которые, конечно, также вербовались из местной родовой знати и царских родичей.[1]

Таким образом, государство Манну можно характеризовать как раннеклассовую олигархию, управляемую царем совместно с советом старейшин из родовой знати, при значительной еще активности свободных демократических слоев населения, находящихся в борьбе с олигархией.

Государство Манна делилось на области (ассир. nagê): Сурикаш — район современного Саккыза (?), Месси — верховья реки Джегету, Уишдиш — восточное побережье озера Урмия, Арсиянши, Эрештейана и др.; повидимому, во главе этих областей и стояли упоминаемые ассирийскими источниками «наместники» (šaknu); по всей вероятности, области эти в значительной мере воспроизводили деление племенных территорий.

Характерной фигурой маннейской администрации были «владыки поселений» (ассир. bêl âli — возможно также чтение идеограммы как ḫazânu — «общинный староста»), еще более типичные, впрочем, для мидийского племенного союза, в связи с которым этот термин будет разобран подробнее. Пока скажем лишь, что речь идет о племенном вожде или вожде родовой или территориальной общины.

Рабство было несомненно распространено в Манне. Об этом мы можем судить на основании общего уровня развития общества. Материальная культура Маннейского царства, как видно из вещей саккызского клада, стояла на том же уровне, что и культура Урарту; отсюда можно заключить и о сходстве общественных условий. Общество Манны можно определить как раннее рабовладельческое; мы можем предполагать, что рабство не получило еще здесь большого развития, вряд ли часто выходя за пределы патриархального и домашнего рабства. Таков был строй общества Манны в VIII—VII вв. до н. э.

5. Начало государственности на территории мидийского союза

Манна была не настолько сильна, чтобы объединить под своей властью расположенные к юго-востоку племена и воспрепятствовать не только урартским, но и ассирийским походам в Мидию; период наиболее благополучного развития мидийского союза был тяжелым для Манны периодом ожесточенной освободительной борьбы последней против Урарту, начиная с 788 (последний поход войск Семирамиды и Ададнерари III в Мидию) по 745 г., т. е. до начала новой ассирийской агрессии. Возвышение Ассирии в ущерб Урарту дало Манне возможность оправиться, но зато создало серьез-

[1] Совет старейшин в Манне был, таким образом, по типу и составу очень близок к совету (pankus) Хеттского царства, о котором подробно см.: Н. М. Никольский. Реформа хеттского царя Телепина. Изв. АН БССР, 1948, № 2, стр. 52 и сл.; И. М. Дьяконов. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. ВДИ, 1952, № 4, стр. 291. См. также: Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы истории манейского царства, стр. 57 и сл.

нейшую опасность для мидийского племенного союза, которую Манна в то время не способна была устранить. Начиная со вступления в 745 г. на ассирийский престол Тиглатпаласара III, приведшего к поражению Урарту и содействовавшего временному расцвету Маннейского государства, для мидийского племенного союза начались тяжелые времена новых ассирийских вторжений.

Ассирийские источники сообщают нам о многих десятках отдельных правителей на территории Мидии, ни один из которых не выделялся сколько-нибудь заметно среди остальных.

В позднейшей устной народной традиции мидян два периода ассирийских нашествий, первый — с 834 по 788 г. и второй — с 744 по 678 г., слились, повидимому, воедино и связались с именем и образом женщины-воительницы, царицы Семирамиды. Мидянская традиция ясно помнила, что вслед за периодом ассирийских захватов последовал период независимости, предшествовавшей, однако, созданию собственной общемидийской государственности. Эта традиция сохранена для нас Геродотом и в искаженном виде также Ктесием. Геродот пишет (I, 96—97): «Ассирийцы господствовали[1] над верхней Азией[2] в течение пятисот двадцати лет; первые положили начало неповиновению мидяне и, сражаясь с ассирийцами за свободу, они, повидимому, оказались доблестными мужами и освободились, сбросив с себя рабство. После этого и другие народы сделали так же, как мидяне. . . был среди мидян муж мудрый, именем Дейок, сын Фраорта; этот Дейок, страстно желая единовластия, совершил следующее: мидяне жили (тогда) деревнями;[3] будучи в своей и раньше уважаемым, он — хотя знал, что несправедливый находится во вражде со справедливым — стал соблюдать справедливость лучше и усерднее, между тем как во всей Мидии делалось беззаконие. Мидяне из его деревни, видя его поведение, избирали его судьей. . . Поскольку грабеж и беззаконие по деревням стали еще больше, чем прежде, мидяне сошлись в (одном и) том же месте, обменивались речами, говоря о происходящем,[4]. . . уговаривали друг друга подчиниться царской власти (basileuesthai)».

---

[1] Господствовали еще в момент описываемых событий; таким образом, 520 лет надо считать не от момента отложения мидян, а от падения Ассирии или от начала создания Мидийского царства. Первое появление ассирийских войск в глубине территории будущей Мидии, как мы видели, относится ко второй половине II тысячелетия, что согласуется с мидийской традицией. Это подтверждается и тем, что Геродот говорит в другом месте (I, 102), что «ассирийцы находились в хорошем положении» (heōutōn eu hēkontes и т. д.).

[2] tēs anō Asiēs — имеется в виду Азия к востоку от реки Галис (Кызыл-Ырмак в Турции), Asia Magna (ср.: tēs anō Haluos potamou Asiēs; Her., I, 130).

[3] kata kōmas; следует иметь в виду, что kōmē не обязательно означает открытое поселение, а может означать вообще поселение, не имеющее гражданского самоуправления (polis); оно могло в данном случае быть и обнесенным стенами.

[4] Здесь Геродот от себя (hōs d'egō dokeō) вставляет в изложение слышанного им традиционного рассказа предполагаемую речь друзей Дейока.

Уже не раз указывалось, что здесь в наивной форме, со сведе́нием сложного и длительного процесса к деятельности и времени жизни одного лица, все же весьма правдиво воспроизведена картина общества накануне создания государства: независимые «деревни» (kōme), имущественное расслоение, борьба «всех против всех», грабеж имущества, выборные еще должностные лица, уже стремящиеся, однако, к царской власти, народное собрание и т. п.[1] Однако, как кажется, не было замечено то обстоятельство, что описанная Геродотом картина как нельзя лучше подходит к определенному хронологически отрезку истории Мидии — именно к периоду после того, как господство ассирийцев прекратилось (в 788 г. до н. э.), и до того, как создалось Мидийское государство, что, как мы увидим ниже, произошло в 70-х годах VII в. до н. э. Точнее говоря, описанный Геродотом период — это, вероятно, период до начала новых ассирийских завоеваний в 744 г. до н. э., забытых традицией и слившихся в памяти мидян со временем ассирийской агрессии при Семирамиде.[2]

Мы уже видели, что если принять буквально хронологию Геродота, то начало правления Дейока может быть отнесено к 727 г. до н. э. (по другому расчету[3] — 699 г. до н. э.). Но картина царствования Дейока в описании Геродота настолько плохо согласуется с тем состоянием мидийского общества, которое рисуют для периода 745—675 гг. до н. э. ассирийские источники, что некоторые историки считали себя вынужденными совершенно отбросить свидетельство Геродота. Однако нет оснований для подобного гиперкритицизма: вернее считать, как и считает большинство исследователей, что традиция, переданная Геродотом, сосредо-

---

[1] Ср. блестящую характеристику подобного общества у Ф. Энгельса: Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ — Госполитиздат, 1949, стр. 168 и сл.

[2] Семирамида, согласно Геродоту (I, 185), жила за пять поколений (около 150—165 лет) до Нитокриды, матери Лабинета (I, 188). Лабинет — это последний вавилонский царь Набунаид (555—518 гг. до н. э.); его мать, хотя и не была на самом деле царицей, однако, действительно была выдающейся деятельницей; умерла она в 50-х годах VI в. до н. э.; см. ее надпись (не отца Набонида, как указано в издании Лэнгдона): NBKI, стр. 288 и сл. Традиция, переданная Геродотом, приписывает Нитокриде деяния, совершенные Навуходоносором II (604—563 гг. до н. э.). Таким образом, Семирамида, по Геродоту, жила где-то в период между 770 и 700 гг. Если учесть, что Дейок, по Геродоту, как мы видели (см. выше, стр. 20), начал царствовать около 727 г. или около 700 г. до н. э., то можно предполагать, что Геродоту была известна традиция о том, что Семирамида осуществляла господство над Мидией до освобождения мидян от ассирийской власти. К сожалению, до нас не дошла (или, может быть, не была записана) обещанная Геродотом история Ассирии (I, 106), где он несомненно должен был рассказать и о Семирамиде.

[3] Именно, если включить время владычества скифов в правление Киаксара. Геродот говорит (I, 106), что Киаксар правил «сорок лет с теми, когда владычествовали скифы» (sun toisi Skuthai ērksan), а с другой стороны (I, 130), что мидяне были покорены персами, «провластвовав над Азией выше реки Галиса сто тридцать лет без двух, кроме того (? — pareks), сколько властвовали скифы». Но, исходя из указанной Геродотом продолжительности лет правлений Дейока (53), Фраорта (22), Киаксара (40)

точила на основателе династии события, относящиеся ко времени всей династии в целом. Как мы уже указывали, тяжелый для Мидии период 745—675 гг. не нашел отражения в традиции; в связи с этим возможно, что в списках царей-Дейокидов выпало еще одно имя (см. об этом ниже). Во всяком случае мы вправе, учитывая явное искажение традиции, перенести воцарение Дейока на несколько более раннее время — на период между 788 и 745 гг.

Такой перенос оправдан еще и тем, что он подтверждается ассирийскими источниками. По их данным, в 715 г. некто Дайаукку был взят в плен ассирийцами и сослан в Сирию (см. ниже). Обычно полагают, что этот Дайаукку — то же лицо, что и Дейок Геродота.[1]

Если вспомнить, что Геродот дает Дейоку 53-летнее (или, правильнее, пятидесятилетнее?) правление, то начало этого правления можно, таким образом, отнести приблизительно к 767 г. до н. э., что прекрасно согласуется с высказанными выше соображениями. Однако надо учитывать и возможность того, что 53 года правления Дейока у Геродота (цифра вообще приблизительная; см. выше, стр. 20) включают и время правления

и Астиага (35), легко подсчитать, что ни при предположении, что владычество скифов включено в правление Киаксара, ни при предположении, что оно в него не включено, цифра 128 лет получиться не может, как бы мы ни понимали pareks — т. е. включим ли мы владычество скифов в эти 128 лет, или нет. При этом безразлично, считаем ли мы владычество мидян над Азией с Дейока или с Фраорта. Между тем, как мы видели выше (стр. 27), те же цифры отдельных правлений (может быть, с исправлением цифры 53 для Дейока на 50) и тот же порядок этих цифр были известны уже Ктесию. К тому же, для того, чтобы порядок цифр был неправильным, нужно предположить, что писец сделал двойную ошибку: например, в начале главки I,102 вписал tria kai pentēkonta «пятьдесят три» вместо duo kai eikosi «двадцать два», а в конце той же главки — наоборот, duo kai eikosi вместо tria kai pentēkonta. Поэтому отдельные цифры и их порядок надо считать правильными, а искать ошибку в суммировании, произведенном самим Геродотом. Есть предположение, что Геродот ошибочно сложил, вместо цифр лет Фраорта, Киаксара и Астиага, цифры лет Дейока, Киаксара и Астиага. Тогда 53+40+35 действительно=128 («кроме» того, сколько властвовали скифы, т. е. + еще 28). Но и при этом предположении нужно допустить либо, что sun toisi Skuthai ērksan в главе I, 106 — глосса писца, пытавшегося найти выход из путаницы, и что Киаксар правил не (40—28)=12 лет, а действительно 40, либо что pareks в главе I, 130 значит не «кроме», а «с вычетом» того, сколько властвовали скифы, т. е. что цифра 128 складывается из [53+(12+ +28)+35=128]—28=100. Поэтому суммарную цифру в I, 130 не нужно принимать во внимание.

[1] Оба имени — греч. (ионийск.) Dēiokēs < *Dāiokās и ассир. Dâjaukku — закономерно, сообразно с фонетическими законами соответствующего языка, передают иранское *Dahyāuka — имя, образованное от основы dahyu- — «страна», «племенной союз» с обычным иранским именным суффиксом -ka; [-u в ассирийском, -ās || -ēs в греческом — окончание именительного падежа, h в конце слога не может быть передано ни в том, ни в другом языке иначе, чем удлинением гласного; -au- в иранских именах регулярно дает в греческом не только -ō-, но и -o-: (Darei(v)os—Dārayava^{h}uš — «Дарий»); удвоенное -kk- в ассирийском закономерно для этого языка вызвано ударением, падавшим в мидийском на дифтонг -au-]. Об имени якобы отца Дейока — «Фраорт» — см. ниже, стр. 276, прим. 2.

пропущенного последним царя, которого следует поместить между Дейоком и Фраортом. Так как последний начал править, как мы увидим, вероятно, около 673 г. до н. э., то нельзя исключить возможности, что правление Дейока началось действительно несколько позже, уже после похода Тиглатпаласара III, и что сплочение мидян вокруг Дейока объяснялось не только необходимостью (разумеется, для нарождающегося господствующего класса) в сильной власти во внутренних делах общества, но и стремлением к большей внешней безопасности.

Одно ясно — Дейок не был и не мог быть, как это рисует Геродот, царем всей Мидии. Он был лишь одним из весьма многочисленных мелких мидийских правителей. На него отраженно лег блеск истории его потомков. Он не был даже вполне самостоятельным правителем сколько-нибудь крупной области; в 715 г. ассирийский источник называет Дейока «наместником Манны» (šakin Mât Mannâi),[1] хотя ассирийские тексты вообще необыкновенно щедры на царские титулы.

Действительно, весьма вероятно, что вначале Дейок разумно поставил свое новое, еще совсем небольшое и слабое государство под покровительство могущественной в то время Манны; но затем он попытался добиться полной самостоятельности, вступив для этого в союз с Урарту, что и было, как мы увидим, причиной его падения.

Местонахождение царства Дейока нам не известно. Судя по тому, что он был наместником Манны, следует предположить, что оно примыкало к маннейской территории, соответствуя тому, что ассирийские источники называли «Мадай» в узком смысле (в долине Кызыл-узена). Неясно, была ли Экбатана, как об этом говорит Геродот, центром царства уже при Дейоке. В Экбатане, как мы уже указывали (см. стр. 90), скрещиваются важнейшие караванные пути; это — сердце древней Мидии, и естественно, что это место могло быть избрано в качестве политического центра страны. Обычно полагают, что термин «Экбатана» — «место собраний»[2] — означает «ярмарку» или что-либо в этом роде. Но нам кажется столь же вероятным, особенно в свете рассказа Геродота, что здесь действительно происходили народные собрания племенного союза, на одном из которых Дейок и был избран его предводителем, оставаясь в то же время «судьей» своей общины в долине Кызыл-узена.[3]

Так можно объяснить, каким образом — хотя традиция возводила единство Мидии уже к этому времени — могли одновременно существовать и засвидетельствованные источниками мелкие независимые «области» Мидии. Естественно, что ассирийцы могли не признавать Дейока, правителя маленькой области и наместника Манны, вождем всех мидян.

---

[1] Анналы, строка 76—77: KS, стр. 16.

[2] Ha^{n}gmatāna, от ham- — «вместе», «с» и gam- — «ходить». Другую этимологию см. на стр. 91, прим. 1.

[3] Экбатана, по крайней мере под этим названием, ассирийским источникам не известна.

Данные мидянской традиции об общественном устройстве Мидии до Дейока и при нем, передаваемые Геродотом, дополняются данными, извлекаемыми из ассирийских источников, а также данными Авесты. Как мы уже указывали, возникновение Авесты может быть отнесено только к крайнему востоку Мидии, если она не была составлена вообще целиком в Средней Азии. Но древнейшие части Авесты — песнопения Гат и прозаическая «Ясна семи глав», а также Яшты рисуют условия, несомненно характерные в целом для оседлых иранских племен начала I тысячелетия до н. э., а следовательно, может дать нам представление по крайней мере об аризантах; впрочем, из сопоставления с ассирийскими источниками видно, что трудно провести грань между условиями общественной жизни племен, иранских по языку и местных, кутийско-луллубейских («каспийских») по языку. Для традиций Авесты характерно определенное иерархическое членение общества, восходящее еще к первобытно-общинному строю, но консервировавшееся религиозным законом еще и значительно позже. Это — деление dəmāna-, vīs, šōiϑra-, dahyu (в Гатах)[1] или nmāna-, vīs, zantu, daŋ̊hu (в Младшей Авесте).[2] Как мы увидим, то же деление характерно для Мидии, согласно свидетельству ассирийских источников и Геродота, а также для Персии. Разбор этих терминов позволяет придти к известным выводам о состоянии общества.

1) nmāna-. Это дом в смысле жилища, но также в смысле «фамилии», т. е. патриархальной семьи, включая и рабов. Во главе него стоит патриарх, «владыка дома» (nmānōpati-, nmānya-). У Геродота термину nmāna- соответствует oikia,[3] весьма точно его передающее. От того же корня образовано и древнеперсидское māniya-, к которому нам впоследствии придется еще вернуться. В Бехистунской надписи персидского царя Дария I говорится, что он вернул народу-войску отнятые было магом Гауматой abičariš gaiϑāmča māniyamča viϑbišča.[4] Это выражение долго являлось камнем преткновения для толкователей, хотя почти все были согласны, что abičariš означает «пастбища», а gaiϑā- — «имущество», «скот».[5]

В самое последнее время появилось два толкования слова māniya-. Одно принадлежит В. О. Тюрину,[6] другое — И. Гершевичу.[7] Оба они

---

[1] Ясна XXXI, 16 и 18. *Māna-, nmāna- — ассимиляция формы dəmāna-, от одного корня с русским «дом».

[2] Яшт X, 17—18; Яшт X, 83—84; Видевдат, VII, 41—42; Ясна IX, 27 и др.

[3] Her., I, 99, 107, 109, 122. Гарпаг — родич, aner oikeios царя Астиага (I, 108).

[4] Beh., I, 64 (эламск. I, 49). Может быть, лучше других перевод Кента (R. G. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, § 252, I): «abičariš, и māniya, и вместе с viϑ».

[5] Впрочем, в Авесте значение gaiϑā- шире, см.: W. Geiger. Ostīrānische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 346, прим. 4, стр. 400, прим.

[6] В. О. Тюрин. Социальное положение kur-taš по документам из «сокровищницы» Персеполя. ВДИ, 1951, № 3, стр. 35 и сл.

[7] I. Gerschevitch. G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948 (рец.). Asia Major, N. S., v. II, стр. 139—142.

связаны с тем, что в персепольских хозяйственных документах V в. до н. э. чрезвычайно часто упоминается слово kurtaš, которым в эламском переводе Бехистунской надписи передается древнеперсидское māniya-. Согласно В. О. Тюрину,[1] «kur-taš вне Персеполя с характерными для них условиями труда. . . представляют, очевидно, рабочую силу из тех обедневших семей земледельцев и пастухов, которые еще не потеряли всех средств производства, еще имеют в своей общине (viϑāpatiy) надел. . . если не сам глава семьи. . . то его māniyam — „домашние", члены его семьи, часто экономически становятся kur-taš, „добывающими плату. . ."» и т. д.

Здесь мы не будем касаться вопроса, в какой мере правильна в целом концепция социальной структуры древнеперсидского общества, предлагаемая В. О. Тюриным; на этом вопросе мы остановимся ниже. Здесь для нас важно, что, по В. О. Тюрину, др.-перс. māniya- означает «домашних», принадлежащих к «дому-фамилии», *māna- (авест. nmāna-, dəmāna-).

Иную точку зрения высказывает И. Гершевич. Он отвергает предложенную издателем персепольских таблеток Камероном этимологию kurtaš (из др.-перс. *kr̥ta- «сделанный» или *kr̥tar-, *kr̥tā- «делатель») и весьма убедительно доказывает, что это слово восходит к др.-перс. *gr̥da-,[2] авест. gərəda-, — «дом», что является полной параллелью к māniya- из *māna- — «дом». Ссылаясь на Бэйли, Гершевич указывает на иранское заимствование mānye (род. п. мн. ч.) — «рабов» в тохарском и сопоставляет термин māniya-=kurtaš с греческим oiketēs — «домашний раб».

Оба значения могут, однако, быть согласованы. Подобно тому, как латинск. familia равно включала не только жену, детей и жен детей, но также и рабов, так и иранск. dəmana-, nmāna-, *māna- должна была, по крайней мере первоначально, включать и тех и других. Привлечение kurtaš к работам на царя основано, как думает В. О. Тюрин, на общинных повинностях; но этим повинностям, как показывают аналогии из других древневосточных обществ, подлежали все вообще, а не бедные только общинники; но богатые посылали своих рабов, а бедные своих домашних; в том и другом случае этих работников можно было объединить под общим термином māniya- — «домашние», «члены фамилии». Что же касается мага Гауматы, то едва ли подлежит сомнению, что он отнимал у граждан-общинников не их членов семейств, как думает В. О. Тюрин, а именно рабов и, может быть, фамильное имущество.

Таким образом, приведенное выше выражение abičariš gaiϑāmča māniyamča viϑbišča скорее всего должно быть переведено — в зависи-

---

[1] В. О. Тюрин, ук. соч., стр. 37.

[2] Сохранено в вавилонск. [lú]gardu, арам. GRD; ср. вавил. [lú]gardupat(a), эламск. kurtapattiš, из др.-перс. *gardapati- — «начальник garda-», см. I. Gershevitch, ук. рец., стр. 142.

мости от того, как понимать грамматическую форму viϑbiš[1] — либо как «пастбища, движимое имущество (скот), домашнюю (челядь, домочадцев)[2] и (с) поселениями», либо как «пастбища, движимое имущество (скот), домашнюю (челядь, домочадцев) и (притом по) поселениям».[3]

Пока для нас важно лишь то, что, судя по этому контексту, у персов в конце VI в. имущество состояло главным образом из пастбищ, скота и, возможно, известного количества рабов. Поля, сады и сельскохозяйственные сооружения не составляли наиболее типичной части имущества перса, по крайней мере к моменту возникновения терминологии.[4] Не было особенно распространено в Персии и специализированное ремесло.[5]

Примерно таково же было положение и у народа Авесты. Здесь также основным видом производства было оседлое скотоводство, особенно разведение крупного скота.[6] Однако было широко известно и земледелие с оросительными сооружениями.[7] Рядовые общинники называются в Младшей Авесте vāstrya-fšuyant — «скотоводы-хлеборобы».[8] С другой стороны, второе общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия — еще только начиналось. Авеста лишь один раз упоминает ремесленников (hūti-) рядом со жрецами, знатью и «скотоводами-хлеборобами»,[9] и есть основание предполагать, что ремесло было занятием несвободных.[10]

---

[1] Эта форма — творительный падеж. Он может быть употреблен здесь либо с сопроводительным значением, либо с обобщающим значением после перечисления.

[2] В арамейском переводе Бехистунской надписи (A. Ungnad. Aramäische Papyrus aus Elephantine. Kleile Ausgabe, Leipzig, 1911, стр. 91, фрагм. 68 A, 2) интересующий нас контекст сохранился не полностью; сохранились лишь слова «. . .] NKSYHWM WBTYHWM [. . .»— «. . .] их движимое имущество и их дома [. . .». Возможно, что в арамейском переводе порядок слов был несколько иной, чем в персидском тексте. В письмах сатрапа Аршама (G. R. Driver. Aramaic Documents of the Fifth Century B. C., Oxford, 1954, VII, 2, 3; XII, 9). GRD' WNKSY' соответствует, видимо, māniya- и gaiϑā-.

[3] В зависимости от того, какой перевод мы выберем, за термином viϑ- — «поселение» придется, специально для древнеперсидского языка, признать либо значение «(родовой) двор», что совпадало бы не столько с авестским vīs, сколько с авестским nmāna, либо значение «(родовое) селение». Второе вероятнее, см. стр. 184.

[4] Однако сельскохозяйственное производство все же существовало в Персии и пользовалось большим почетом; см.: Xen., Oec., IV, 4 и сл.; Polyb. X, 28, и др. Может быть, gaiϑā- имело более широкое значение, включая и недвижимое имущество?

[5] Это отчасти видно и из данного контекста, но гораздо более — из надписи о построении Сузского дворца, где видно, что персов не было среди работавших над его постройкой ремесленников; см.: R. G. Kent, ук. соч., стр. 142 и сл.

[6] W. Geiger, ук. соч., стр. 344.

[7] Там же, стр. 382 и сл.

[8] Ясна XI, 6; XIII, 3; Видевдат, V, 28; XIII, 44; Яшт XIX, 7; Виспеjson, III, 2 и др. В Ясне XXIX, 6 эти термины еще существуют отдельно: fšuyantaičā vāstryāiča.

[9] Ясна XIX, 17.

[10] W. Geiger, ук. соч., стр. 480.

Авеста знает также рабов, vaisu. Это — домашний раб, входивший в состав фамилии или даже рода, vīs[1]; особенно распространены были домашние рабыни.[2]

Будучи расположена между страной Авесты и Персией и разделяя, как мы увидим ниже, организационную структуру общества с этими своими соседями, Мидия, конечно, также знала патриархальную фамилию. Имущественное расслоение, грабительские войны и захват имущества в Мидии этого времени прекрасно иллюстрируются существованием крепостей, изображения которых до нас дошли и которые, как мы уже указывали выше, обязаны своим первоначальным происхождением отнюдь не возникшей позже необходимости обороны от ассирийцев, против действий которых они никогда не могли устоять, а постоянным войнам между отдельными мидийскими вождями и т. п. В Мидии рассматриваемого времени мы находим многие из приводимых Энгельсом[3] характерных черт такого общества, стоящего на пороге создания рабовладельческого строя: города-крепости с каменными или кирпичными стенами и башнями; возникающее выделение ремесла; постоянные должностные лица; войны как «регулярная функция народной жизни». Тем самым мы имеем право восстанавливать и наличие остальных черт: патриархальная семья с переходом к моногамии, рабовладение, превращение родо-племенных органов управления в свою противоположность — самостоятельные органы в руках родовой знати для угнетения собственного народа. Конечно, конкретные особенности исторического развития остаются нам в этом отношении неизвестными.

Но в то же время свобода народных масс не была еще полностью уничтожена; еще функционировали, как мы можем реконструировать, народные собрания,[4] и общественная активность массы свободных общинников должна была еще быть достаточно велика.

2) vīs. Это слово имеет двоякое значение: а) род[5] и б) поселение (как русское «весь»; ср. «грады и веси»). Исходным значением является первое. Vīs — это патриархальный род, объединенный происхождением от общего, по большей части реального, а не мифического предка. В качестве такового рода он называется также tauxman- (авест.), tau^{h}ma- (др.-перс.). Он носит определенное название, обычно по имени или прозвищу этого предка; так, например, мифический Феридун (Θraitauna-) принадлежит, по Авесте, к роду Āϑwya; покровитель Заратуштры, кави Виштаспа, — к роду Nautara; Кир, Дарий и другие древнеперсидские

---

[1] Видевдат, IX, 38.

[2] W. Geiger, ук. соч., стр. 340.

[3] Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 168—170.

[4] Ср. Her. I, 97 (избрание народом судей и правителей).

[5] О неправильном переводе «феодальный, господский род» см. ниже, стр. 333 и прим. 3.

цари — к роду Ахемена (Haχāmaniš); потомок мидийских царей относил себя к роду Киаксара (Huvaχštrahya tau^{h}māyā: Beh., II, 5). Геродот называет такой род phrētrē.[1]

Старейший в роде является обычно его главой; интересно, что еще в сасанидском Иране в царском роде главой рода являлся не обязательно сам царь.

Судя по приведенной выше выдержке из Бехистунской надписи, именно viϑ (=vīs) был экономической единицей общества. Nmāna, узкая семья, была не более как составной частью vīs'а.

Но vīs — это не только род; это также обычное название поселения, откуда видно, что поселения были вначале родовыми. Тем самым и «владыка vīs'а» (в Авесте — vīspati)[2] — это не только патриарх, глава рода, но и глава поселения. Поэтому мы не удивимся, обнаружив, что ассирийские надписи упоминают в Мидии множество независимых bêl âli «владык поселений» — это, очевидно, перевод мидийского vīspati — «владыка vīs'а».[3] Такой «владыка поселения» представлял собой должностное лицо, восходящее к первобытно-общинному строю, родового вождя; однако в условиях слагающегося классового общества такие должностные лица имели тенденцию превратиться в аристократическую олигархию, в верхушку нарождающегося господствующего класса. Вероятно, ее представители в первую очередь и владеют, по Бехистунской надписи, всякого рода имуществом «по поселениям (родам)» или «вместе с поселениями (родами)». Впрочем, вероятно, что «владыка поселения» мог избираться на свою должность.[4] а не наследовать ее автоматически.

Общество Авесты и аналогичное ему общество Мидии IX—VII вв. до н. э. не было бы, однако, складывающимся классовым обществом, если структура общественной организации была бы целиком построена на принципе родства. Как известно, территориальное деление общества вместо родового есть один из признаков возникающего государства.[5] Практически поэтому поселения — vīs'ы — не всегда были чисто родовыми поселениями, а если vīs'ы и оставались родовыми, то во всяком случае входили уже в состав территориального общинного объединения,

---

[1] Her., I, 125; ср.: I, 101.

[2] Яшт X, 17—18, 83—84; Ясна IX, 27; Видевдат, VII, 41—42 и мн. др.

[3] Отсюда следует и то, что vīs — «селение», также «род» (поэтому в арамейском BYT', ср. BR-BYT''=др.-перс. *višpuça), а не «двор» (см. выше, стр. 182, прим. 3). В старых изданиях идеограмма bêl âli читается как ḫazânu — «сельский староста».

[4] Так, Ф. Энгельс, отмечая у гомеровских греков «первый зародыш будущего наследственного предводительства или монархии», на основе теоретических соображений говорит: «. . .следует предположить, что у греков базилевс или избирался народом или же должен был утверждаться его признанными органами — советом или агорой». Энгельс (ук. соч., стр. 109) указывает при этом на аналогичное положение римских «царей» (rex); в нашем случае можно было бы указать, что еще в Парфии на рубеже нашей эры царь избирался или утверждался советом знати. Ср. выше, стр. 183, прим. 5.

[5] Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 176.

которое Гаты называют šōiϑra- (обычно переводится либо «окру́га», Bezirk, либо «нива», «обработанная земля»). Šōiϑra- — это именно поземельная единица: к šōiϑra- принадлежат «во́ды, земли и растения».[1] Общинной округе (šōiϑra-), повидимому, соответствует vərəzāna-, по-древнеперсидски — vardana- — «поселение».[2] Термину vərəzāna- противопоставляется, с одной стороны, hvaitu- — «родня», с другой — aryaman- «(культовое) содружество», «союз»; он связан также с глагольным корнем varəz- — «работать». Надо полагать, что это поселение соседской общины; оно может совпадать с поселением — vīs'ом, а может охватывать их и несколько слившихся вместе; соответственно этому и šōiϑra- то стоит выше vīs'а в перечне, то заменяет его.

Из ассирийских надписей мы знаем, что в Мидии существовали укрепленные поселения-крепости (âlâni dannûti) и мелкие, тяготевшие к ним поселения (âlâni ṣeḫrûti), жители которых при случае могли укрываться за крепостными стенами. Этому соответствует различение и в древнеперсидской терминологии поселений (viϑ и vardana-, в аккадском переводе âlu) и крепостей (didā, собственно «стена», в аккадск. âlu или bīrtu).[3] Такая крепость могла быть постоянным поселением или же только временным убежищем, только стеной, внутри которой было пустое пространство для людей и скота.[4] Имеются ассирийские изображения мидийских крепостей, дающие о них хорошее представление.

Эти крепости представляли солидные сооружения, возводившиеся на естественных возвышениях и скалах, а иногда — на искусственных насыпях-платформах. Они бывали обведены по меньшей мере одной стеной (Хархар), а иногда — несколькими концентрическими кругами стен (Кишессу). Линия стены разбивалась уступами башен, по верху стен и башен шли зубцы для обстрела из лука. В некоторых случаях к склону естественного холма пристраивалась кирпичная кладка с целью сделать

---

[1] šōiϑrya apasča zemasča urvarāusča; Висперед, XVI, 3. Среднеперсидский перевод передает šōiϑra- (не вполне точно) как «рустак». Ср. аккадский термин ugâru.

[2] Beh., I, 92 и мн. др. Херцфельд, с обычной для него модернизацией, считает vardana- «административным центром округа какой-либо провинции» и отождествляет его с «шахристаном» сасанидской Персии: но для такого заключения нет достаточных данных в источниках; см.: E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938, стр. 123. В. О. Тюрин в своей диссертации справедливо пишет, что vardana- «это деревни, большие viϑ-, с оседлым населением, занимающимся земледелием и скотоводством. Это в известной степени те же κῶμαι, в которых жили мидяне до того, как у них появилась Агбатана» (стр. 67). По-вавилонски vardana- обычно передается как âlu.

[3] В одном случае (Dar. Sus. f, 42 и 54) didā переведено на аккадский uṣirtu ša êkalli, что Херцфельд (Altpersische Inschriften. Berlin, 1938, стр. 123) правильно толкует как «стена, окружающая дворец»; bīrtu (откуда арамейск. bīrtā и арм. berd) означает обычно крепость с царским гарнизоном. Укрепленное поселение называлось по-аккадски, как и неукрепленное, âlu, но лишь с определением dannu — «крепкое».

[4] По всей вероятности, такой крепостью была и vāra- Младшей Авесты (Видевдат, II, 21—43), что, возможно, и является авестским эквивалентом др.-перс. didā-. По свидетельству документов I в. до н. э. из Нисы, в парфянском применялся термин diz, поэтому в мидийском ожидалось бы *dizā-.

склон отвесным. Как и в Урарту, основания стен и, может быть, зубцы, складывались из камня, а сами стены — из сырцового кирпича. Часто крепость строилась так, чтобы ров или естественное течение реки служили для нее дополнительным рубежом обороны.

Внутри крепости нередко устраивалось укрепленное жилище правителя, также с уступами и башнями. Но, несмотря на мощность сырцовой кладки и различные применявшиеся строителями этих крепостей фортификационные приемы, история войн мидян с ассирийцами показывает, что мидяне лишь редко полагались на силу своих крепостей.

Поселение-крепость[1] могло быть резиденцией мелкого правителя ассирийских источников,[2] «састара» (sāstar-) Авесты (в древнеперсидских источниках эти мелкие правители уже больше не встречаются). Подчиненная такому правителю и тяготевшая к его крепости окру́га называлась xšaϑra — «власть», «удел».[3] Она могла, быть может, совпадать всего-навсего с общинной территорией, šōiϑra-, но могла совпадать и со «страной» (daŋ̊hu-, dahyu- — термин, о котором речь будет ниже). В аккадской терминологии, применительно к условиям Мидии, в этом же смысле употребляется слово nagû — «область».[4] Соответственно этому sāstar- мог отождествляться с daŋ̊hupati- — «владыкой страны».[5] К сожалению, ввиду многозначности термина xšaϑra многие важные контексты Гат еще ждут окончательного толкования, и во всех этих вопросах пока нет ясности.

Хотя власть того или иного правителя и могла, быть может, в некоторых случаях распространяться всего лишь на одно укрепленное поселение (с тяготеющими к нему мелкими родовыми населенными пунктами), однако, в общем, «правителя» — sāstar- — следует, повидимому, отличать от «главы (владыки) родового поселения» — vīspati-. В теории, по крайней мере, vīspati- — это должностное лицо р о д о-п л е м е н н о й организации и, как мы уже указывали, возможно, выборное; поэтому в ряде случаев vīspati- мог быть представителем интересов широких масс общинников. Этот «владыка» (старейшина) поселения был также выборным судьей

---

[1] Древнеперсидские источники дважды (Beh., I, § 26, 33: Dar, Sus. ., 46) упоминают еще один термин для населенного пункта — āvahana- «поселение» (ср. арм. avan). По мнению В. О. Тюрина — это ремесленно-торговый город, по мнению Херцфельда — почтовая станция (термин применен к неиранским населенным пунктам).

[2] Они изредка называют таких правителей царями (šarru), чаще же не дают им вообще никакого титула.

[3] Отсюда новоперс. (через парфянский или мидянский язык) šahr — «город» и «государство». В древнеперсидском этот термин имеет закономерную форму xšaça. Переход значения здесь аналогичен переходу арам. mədīntā — «область» в арабск. madīnatun.

[4] Например: КТР, Анналы, строки 42, 172; KS, Анналы, строки 66, 110, 158, 160 и мн. др.

[5] Так, в Яште XIV, 37 и в очень древнем «Фарвардин Яште» (Яшт XIII, 18), который, по нашему мнению, по времени немного отстоит от «Ясны семи глав». Учение, излагаемое в нем, вероятно, очень близко к учению магов времени Киаксара и Астиага. Так же в «Гате Уштавати» (Ясна XLVI, 1).

или главой общинного суда; таким «судьей» (dikastēs) рисует Геродот Дейока во главе его поселения (kōmē); но позже Дейок стал уже «судьей» и правителем целой округи Мидии, так же как в Авесте и правитель «страны» (daŋhu-) был, видимо, судьей, а не только военачальником.[1]

3) Zantu-. Если род в виде патриархальной общины, как это обычно и бывает, еще долго сохранял реальное значение, то племя с возникновением классового общества и переходом к территориальному делению бы-

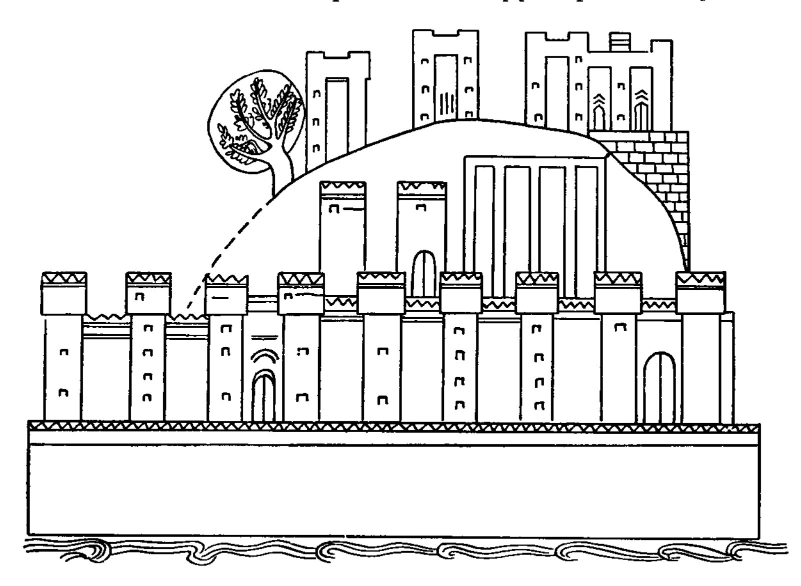

Рис. 34. Мидийская крепость Хархар. По ассирийскому рельефу из Дур-Шаррукина. Конец VIII в. до н. э.

стро превратилось в туманно-неопределенную, чисто формальную общность. Геродот (I, 101) еще знал, что мидяне делились на шесть племен, genos (не считая некоторых кочевых, а также не входивших в первоначальный мидийский племенной союз),[2] и что персы делились на шесть оседлых и четыре кочевых племени (I, 125). Но реального значения уже в его время племена не имели. Древнеперсидские надписи и Гаты племен не упоминают: отдельно не упоминаются они и в Младшей Авесте, а только в стандартном перечислении: «дом, род, племя, страна».[3] Ассирийские источники упоминают племена как самостоятельные единицы лишь в западных (маннейских и т. п.) областях,[4] а на востоке Мидии упоминают лишь «мидян»

[1] Ср.: Her., I, 96—98; Ясна XVI, 5. Аналогичным было развитие института племенного вождя-«судьи» в Палестине, см. «Книгу Судей».

[2] Как, например, сагартии, племена Манны и др.

[3] Зороастрийская традиция, отраженная в толковании к санскритскому переводу Ясны XIII, 1, считала, что в zantu входило 30 семейных пар, а в vīs — 15.

[4] Так, надписи Шамши-Адада V упоминают мессийцев, сунбийцев, теурлийцев KB, I, стр. 178; II, 39—42=ARAB I, § 718); в надписях Саргона II упомянуты даллийцы 8 CS, строка 189) и т. п.

в общей форме, т. е. весь племенной союз; однако в VIII—VII вв. племенная структура, как видно из ряда косвенных данных, играла еще в Мидии большую роль.

Во главе племени теоретически стоял «владыка (вождь) племени» — zantupati- или zantuma-.

4) daŋ̊hu, dahyu. Содержание этого термина выяснить нелегко. В Авесте это неопределенное «страна», в Гатах — более крупное объединение, чем šōiϑra; царь, састар — это правитель «страны»,[1] глава ее вооруженных сил[2] и, повидимому, судья.[3] Однако daŋ̊hu (dahyu) не есть термин для «государства»: отдельным племенным вождям или правителям удавалось объединять под своей властью и более одного daŋ̊hu; например, Кави Хусрава, один из предков (?) Виштаспы,[4] якобы объединил в глубокой древности все dahyu ариев в одну xšaϑra.[5] Daŋ̊hu || dahyu может либо соответствовать nagû (или mâtu) ассирийских источников, т. е. маленькой территориальной единице, либо более крупной географической области или этнической общности, т. е. тому, что впоследствии может сложиться в народность, как, например, Мидия, Бактрия и т. п. Оба случая засвидетельствованы для древнеперсидских надписей; dahyu здесь более или менее соответствует сатрапии как определенной политической и обычно также отчасти и этнической единице,[6] или же политически и этнически целостной части сатрапии,[7] но также и отдельной небольшой области внутри сатрапии.[8] Более широкое значение dahyu безусловно следует принять и для более поздних (парфянского времени) частей Авесты.[9] Но в древнейших частях Авесты daŋ̊hu, dahyu — это, скорее, нечто вроде тех карликовых «стран», которые мы встречаем в Мидии по ассирийским источникам и которые меньше территории племени. Поэтому Гаты и ставят dahyu сразу вслед за šōiϑra. Одним из таких dahyu правил и кави Виштаспа, покровитель Заратуштры.[10]

---

[1] Яшт XIII, 69, XV, 31; Видевдат, XIX, 6, и др.

[2] Яшт V, 85; X, 8, 13 и сл.; XIII, 69 и сл., и др.

[3] В парсийской традиции dahyuma- прямо и понимается как «судья».

[4] Яшт V, 49; IX, 21; XV, 32.

[5] Ср. также: Яшт V, 22, 26, 46.

[6] Beh., I, § 6 и др., Dar. NRa, 3; Dar. Pers. e, 2, и др.

[7] Например, такова Маргиана, часть бактрийской сатрапии (Beh., III, § 38).

[8] Например, Рага или Нисайя (Нишша, Нишай), или Кампанда (Бит-Хамбан) в Мидии: Beh., I, § 13; II, § 25, 32.

[9] Например, ср. отрывок из «Михр Яшта» (Яшт X, 87) и I фаргард Видевдата. «Михр Яшт» знает также объединение стран, daŋ̊husasti-. Все вообще области, населенные близкими в культурном отношении (или имеющими общие верования) племенами, часто называются объединяющим термином «все страны», «арийские страны» (vīspānām dahyūnām, aryānām dahyūnām). Подобным же образом обозначают свою державу в надписях и ахеменидские цари. Их титулами были «царь царей» и «царь стран»; оба титула, вероятно, восходят ко времени Мидии, а последний — даже еще к Урарту.

[10] Такое, более узкое, понимание термина dahyu сохранялось в живой речи несомненно и позже; ср. новоперс. deh - «деревня».

Это совершенно совпадает и с положением, которое мы застаем, согласно ассирийским источникам, в Мидии, которая была разбита на множество самоуправляющихся и независимых «стран», во главе которых часто (больше в северо-западных, чем в восточных областях)[1] стояли царьки. Но ассирийские источники по большей части называют правителя такой страны не царем, а bêl ali, т. е. тем же термином, который соответствует и vīspati-. В этих случаях перед нами, возможно, не царек типа авестского састара, а такой dahyuma- (daŋ̊hupati-), который является, подобно vīspati, еще фактически первобытно-общинным вождем; за территориальным объединением, которое он возглавляет, иногда скрывается, быть может, еще племенное или даже родовое единство.

Но во всяком случае мы не должны себе представлять этих мидийских царьков единоличными властителями, типа деспотов маленького масштаба. Для создания деспотической власти не было еще тогда достаточных предпосылок.[2] От Геродота мы знаем, что у мидян существовали народные собрания (I, 97); существовали несомненно и советы старейшин из «лучших людей». Такие советы и собрания известны Авесте под названием «ханджамана» (hanǰamana-)[3] и «вьяха» (vyāχa-, vyaχman-).[4]

Таковы наши данные о складывавшемся территориальном делении общества в Мидии и сопредельных с ней странах, свидетельствующем о начавшемся образовании классового общества и государства. Мы видим из этих данных также, что условия были очень сходными (хотя, может быть, и не вполне одновременно) в Мидии IX—VII вв. до н. э. и в стране сложения Гат и всей Авесты, а также в Персиде VI в. до н. э.

Прежде чем перейти к обобщению сведений, получаемых нами из прямых и косвенных данных и на основании ближайших аналогий, мы должны

---

[1] Титулы упоминающихся источниками правителей областей в Мидии выяснить довольно трудно, так как ассирийские тексты по большей части говорят просто «гизильбундец», «хармешандец» и т. д. Правители в пределах мидийского племенного союза всегда называются bêl âli, и нередко так называются и их более западные собратья (например: KTP, Анналы, строка 52; KS, Анналы, строки 66, 70, 74, 102, 166, Торжественная надпись, строка 61, и мн. др.). Царем обычно называют лишь правителя Манны и изредка — правителей Эллипи (KS, Анналы, строка 402; Торжественная надпись, строка 117 и др.), Гильзана (например: KB, I, стр. 166, строка 61), Гизильбунды (KB, I, стр. 180, строка III, 7—14) и т. д. Только в западных областях Мидии встречаются обозначения областей по династиям (с элементом Bīt-).

[2] Деспотическая царская власть на Востоке, по Марксу (Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат, 1949, стр. 6), является верховным единством общин; но в Мидии такого единства еще не создалось; мы имеем перед собой либо разрозненные мелкие сельские или даже родовые общины, либо более крупные общины-«области», охватывающие группы отдельных сельских общин, но все же это очень далеко от единства общин в масштабе целой страны; поэтому должны были преобладать еще общинные органы управления. Характерно, что очень трудно даже провести грань между собственно общиной и «областью».

[3] Видевдат, II, 21, и сл. и др.

[4] Ср.: Яшт XIII, 16, 52; Ясна VII, 12; XII, 5.

коснуться вопроса о том, существовало ли в Мидии и соседних с ней странах сословное (и тем более кастовое) деление общества.

Младшая Авеста знает деление на сословно-профессиональные группы «пиштра»).[1] Обычно их различается три: āϑravan- — «жрец огня», raϑaištar- «колесничий» и vāstrya-fšuyant — «скотовод-хлебороб». В одном случае,[2] кроме того, упоминается hūiti- — «ремесленник». Рабы известны, но они стоят за пределами сословий.

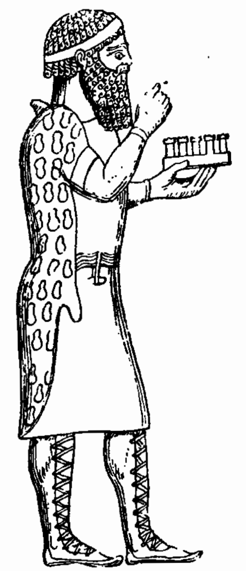

Рис. 35. Мидийский царек с моделью своей крепости, приносимой им в знак покорности ассирийскому царю. С ассирийского рельефа в Дур-Шаррукине. Конец VIII в. до н. э.

Несомненно, что это деление является поздним; от сасанидского времени оно известно нам, почти в таком же виде, по независимым данным и восходит, возможно, ко времени Парфянского царства. Положение, рисуемое Младшей Авестой, весьма напоминает положение, сложившееся в Индии согласно Законам Ману, которые знают четыре «варны» (касты-сословия): брахманов (жрецов), кшатриев (воинов), вайшьев (ремесленников и торговцев) и шудр.[3] Несмотря на различия в частностях и разную оценку официальной религией степени значения различных сословных групп в Иране и в Индии, это деление общества несомненно в обеих странах порождено более или менее одинаковыми социальными условиями. Дата Законов Ману точно не известна, но окончательную редакцию они несомненно получили значительно позже начала нашей эры. Поэтому маловероятно, чтобы мы были вправе переносить деление по сословным группам, которое засвидетельствовано Младшей Авестой, на рассматриваемые нами гораздо более ранние периоды. Сведения античных авторов позволяют выделить магов как особую корпоративную группу населения; хотя остальная масса членов общин и делилась фактически на более знатных и менее знатных, на более богатых и менее богатых, на рабовладельцев и лишенных рабов мелких производителей, но это деление вряд ли получило уже сословное оформление. Однако наименование знати именно «колесничими» указывает на большую древность самой терминологии (хотя она могла вначале еще и не выражать именно сословного деления), так как колесницы, вообще говоря, не особенно характерны для военного дела в период, засвидетель-

---

[1] Ясна XIX, 17; Висперед, III, 2; Видевдат, V, 28; ср. также: Ясна XI, 6; XIII, 2, и др.

[2] Ясна XIX, 17.

[3] О характере и значении «варн» и, в частности, о содержании понятия «шудра» см.: Г. Ф. Ильин. Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 94 и сл.

ствованный письменными источниками. В IX—VIII вв. часть мидян сражалась на конях,[1] но мы ничего не слышим о колесницах; сообщая об организации мидийского войска при Киаксаре, Геродот (I, 107) упоминает только всадников, но не колесничих; также Бехистунская надпись Дария I (II, §§ 20, 33; III, § 46), а равно и источник Геродота для его описания войск Ксеркса знают только пехоту и конницу.[2] Только индийцы и другие окраинные народы пользовались боевыми колесницами. Лишь к концу ахеменидского периода вновь появляются особые колесницы с ножами, прикрепленными к колесам, имевшие целью рассеивать ряды пехоты.[3] В парфянское время ядром войска также была конница, а не колесницы.

Еще в конце VI в. до н. э. мидийское войско не было совершенно отделенным от народа войском; термин kāra, применяемый Бехистунской надписью, означает одновременно и «войско» и «народ».[4] Очевидно, это племенное ополчение. Судя по Геродоту (I, 103), еще в VII в. мидийское войско делилось не по родам оружия, а, видимо, по племенному признаку. Конечно, в рабовладельческом обществе ополчение свободных само по себе является орудием классового господства над рабами, однако в таком рабовладельческом обществе, которое развито в полной мере, появляется уже профессиональная армия, на которую опирается класс и государство рабовладельцев и которая противостоит не только рабам, но и массе свободного населения. Такого положения в Мидии не было еще и в VI в., тем более его не было в VIII. Каждый свободный, способный носить оружие, был воином. Не случайно ассирийские тексты дают ми-

---

[1] См.: KB, I, стр. 180; III, 33. Колесницы, однако, были известны и мидянам, как во II тысячелетии они были известны касситам. Обычай персидского царя ездить на колеснице является несомненно пережитком боевой роли колесниц; ср. также изображения нисейских коней с колесницами в качестве дани Мидии на персепольских рельефах (SPA, IV, pl. 92A). Возможность продвижения индоевропейских племен из Средней Азии была создана, вероятно, именно колесницами: именно к этим первоначальным индоевропейским племенам следует, как кажется, отнести «до-сакские» скальные изображения колесниц в горах Киргизии; см: А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы Таш. Сов. этногр., 1952, № 2, стр. 50 и сл. и рис. 4.

[2] Her., VII, 84—88; на колеснице ездил только царь (VII, 40, VIII, 115; Xen. Anab., I, 8, 3).

[3] Их упоминает Ксенофонт (Xen. Anab., I, 8, 10), говоря о войне Артаксеркса II с Киром Младшим. Были они также и в войске Дария III.

[4] В западной буржуазной науке стало общим местом определение общественного строя древней Мидии и Персии как феодализма (при этом греко-македонцы оказываются носителями более высокого общественного строя, сравниваемого с . . . капитализмом). Таково мнение Херцфельда, Кёнига, Тарна и т. д. В связи с этим viϑ- толкуется как «феодальный род» (так уже AIrWB, стр. 1455), а kāra как «военнообязанные свободные», имеющие якобы еще своих «дружинников» (Gefolgsleute; см., например: E. Herzfeld. Altpersische Inschriften, стр. 51—54). Для историка-марксиста ясна полная ненаучность этих построений с их смешением разных эпох закономерного исторического развития.

дянам, наряду с постоянным эпитетом «далекие», также другой постоянный эпитет — «сильные». Это, повидимому, указывает на единство мидян, несмотря на видимую их раздробленность на мелкие «страны», которые никак не могли бы быть названы «сильными». Другими словами, сохранение наряду с названиями мелких владений обобщающего термина madâi и определения мидян как «сильных» означает сохранение существования самого мидийского племенного союза в целом.

Сопоставляя все эти и другие, прямые и косвенные, данные об обществе Мидии и соседних с ней народов VIII—VII вв. до н. э., мы можем сделать следующие выводы.

Общество на территории мидийского племенного союза было в основном скотоводческим, хотя и знало земледелие на основе искусственного орошения. Особо важное значение имело коневодство (ассирийцы брали с мидян дань почти исключительно лошадьми); разводился также крупный рогатый скот и овцы; были известны двугорбые (бактрийские) верблюды.[1] Ремесло было мало развито, в отличие от областей, расположенных далее к западу и северо-западу, на территории нынешнего Курдистана и Азербайджана.[2]

Общественный строй на территории мидийского союза в VIII в. до н. э. можно охарактеризовать как переходный от первобытно-общинного к рабовладельческому. Намечается уже территориальное деление общества, создаются мелкие «страны» во главе с правителями, однако и родо-племенное деление было еще вполне живым. Единство племен и племенного союза в целом, вероятно, еще отчетливо ощущалось. Набор войска происходил по племенному признаку; многие «правители» были фактически племенными вождями; существовали и другие органы первобытно-общинного строя: народное собрание, а вероятно и советы старейшин. Выделялась родовая знать («колесничие», как в Младшей Авесте?) в виде племенных вождей, глав общин с их родичами и зависимыми людьми и

[1] Чрезвычайно любопытно, что для ассирийцев в IX в. до н. э. двугорбый верблюд (Camelus bactrianus) был еще новинкой: его называли «дромадером с двумя спинами» (gammâlê ša šunnâ ṣêrišîna, надпись под верхним рельефом «Обелиска Салманасара III»: KB, I, стр. 150, I.— ARAB I, § 589). Он попадался в составе ассирийской дани (не западнее Гильзана, на побережье Урмии) лишь в виде единичных особей. В VIII в. он был введен в Урарту (8 CS, строки 209—210 — АВИУ № 49, стр. 327) и был уже хорошо известен ассирийцам, которые называли его особым термином udru (ранее, вероятно, бывшим одним из названий дромадера, но теперь употреблявшимся в отличие от gammâlu). Родиной двугорбого верблюда в древности считалась Средняя Азия (Бактрия), откуда он, по всей вероятности, попал в Переднюю Азию с иранскими племенами.

[2] Полудрагоценный и особо ценившийся в Передней Азии камень лазурит, иногда упоминающийся в составе ассирийской дани с Мидии, в противоположность тому, что полагали вначале сами ассирийцы (см. ниже), не добывался в самой Мидии: весь лазурит, находимый в Передней Азии, как показывает минералогический анализ, происходит из Средней Азии (точнее, из Бактрии, современного Бадахшана). Мидяне, повидимому, служили торговыми посредниками между Бактрией и Передней Азией.

в особенности в виде правителей территориальных объединений. При этом наименьшей общественной ячейкой была патриархальная семья, и власть вождей различных степеней формально понималась как власть патриархальная (отсюда ассирийское обозначение bêlu и иранск. -pati — «владыка»). Таким образом, надо полагать, что территориальное и родо-племенное деление, институты первобытно-общинного и институты классового общества еще причудливо переплетались, сосуществуя и находясь в постоянной борьбе. Геродот (I, 96—98; ср. выше) для своего времени прекрасно охарактеризовал мидийское общество VIII в. до н. э.

Поселения носили частично родовой характер; но средоточием жителей в каждой местности, а по большей части также, вероятно, и резиденциями местных правителей, были крепости, самое существование которых свидетельствует об имущественном расслоении и грабительских войнах между царьками возникающих мельчайших государств. Мы уже не раз упоминали, что эти крепости строились для войн между собой, а не для обороны от ассирийцев.

Несомненно, как мы можем судить по тому, что знаем об обществах такого рода, захватывались рабы и начиналось разделение общества на богатых и бедных, с имевшей еще патриархальную оболочку, но становившейся со временем все более безудержной, эксплуатацией бедняков богачами.[1] Однако свободные народные массы не были еще бесправными: каждый глава семьи был воином и членом народного собрания.

Все эти условия делали мидян племенного союза VIII—VII вв. до н. э. отважными воинами, конниками и пехотинцами. Строй их был еще достаточно свободным, чтобы они могли выступать заодно и чтобы к ним с надеждой обращались взоры рабов и эксплуатируемых земледельцев ассирийских провинций, но в то же время создание государства продвинулось уже достаточно далеко, чтобы мидийский господствующий класс с течением времени мог возглавить сильную в политическом и военном отношении державу. Через несколько поколений Ассирия могла убедиться, насколько серьезную политическую силу могла собой явить Мидия; но хотя в VIII в. мидяне прозывались «сильными», они еще не были действительно крупной политической силой. Длительное отсутствие общей опасности ослабило племенные связи, общество все более дробилось на мелкие и мельчайшие единицы во главе с жадными, вечно ссорящимися между собой царьками; ядро будущего Мидийского царства — государство Дейока — было лишь одной из множества «стран»; не было и достаточного опыта борьбы с таким врагом, как Ассирия. Все это делало на первых порах неизбежным успех новой ассирийской агрессии.

---

[1] О такого рода патриархальной эксплуатации в Мидии еще VI в. слыхал Ктесий; см. известие, сохранившееся у Николая Дамасского: FGH, IIA, Berlin, 1926, № 90, fragm. 66, 2; см. также ниже, стр. 333.

6. Второй период ассирийской агрессии. Тиглатпаласар III

Ассирийское наступление началось в 744 г. до н. э. походом на Намар. Следует отметить, что в отношении завоеванной территории Тиглатпаласар III и его преемники на ассирийском престоле поступали иначе, чем прежние цари Ассирии. Если раньше значительная часть населения вырезалась и лишь некоторая часть работоспособных жителей уводилась, голыми и в шейных колодках, в рабство, то начиная с Тиглатпаласара III это было признано нецелесообразным и менее выгодным для доходов ассирийского господствующего класса и государства. Теперь население, поскольку территорию удавалось включить в состав Ассирии, либо оставлялось на месте и облагалось тяжелыми налогами, либо, чаще, выселялось в организованном порядке, с частью скарба, детьми и т. д., в ранее разоренные ассирийскими походами районы и заменялось жителями областей, завоеванных ассирийцами на другом краю их державы. Этим обеспечивалась более рациональная эксплуатация территорий державы и более регулярное поступление доходов с них, а также перемешивание населения, имевшее целью затруднить для трудящихся масс возможность сговориться о сопротивлении насильникам.

В 744 г. ассирийские войска, повидимому, уже с предыдущего года готовившиеся к походу,[1] поднявшись вверх по долине реки Диялы, вступили па территорию Парсуа (бывшей южной Замуа), где, как и в конце IX в. до н. э., сидело коренное неиранское население, организованное в несколько мельчайших государств, которые анналы называют, повидимому, по именам основателей династий (Бит-Затти, Бит-Капси, Бит-Санги или Бит-Сакки и Бит-Таззакки [2]). Ход военных действий имел знакомый нам уже характер: жители укрывались в горы, изредка пытались отсидеться в крепостях, а ассирийцы жгли доставшиеся им поселения и захватывали, что и кого могли захватить.[3] Некоторых правителей ассирийцам удалось захватить в плен (например, Каки, царя Бит-Затти, Митаки, царя Бит-Санги); другим удалось укрыться со своими людьми в горах. Те пленные, которых ассирийцы считали принадлежавшими к особенно враждебным им группам, были посажены на кол. Часть тер-

---

[1] Об этом, повидимому, говорит сообщение о постройке крепости как стратегической базы и заселении вавилонскими переселенцами области Замуа (Анналы, строка 21; Надпись на глиняной таблице, строка 40: КТР, стр. 7).

[2] Возможно также чтение Bît-Taṣṣakki (ṣ = русск. «ц», «ч»).

[3] Перечисляются поселения Никур (или Никкур), Сассиашу, Тутащди, Кушианаш, Харшу (может быть, урартское «'Арсита»), Шанаштику, Кишкитара, Харшай, Айубак и др., принадлежавшие, повидимому, Тунаку, царю Парсуа (?); им же была захвачена у соседней династии Бит-Абдадана крепость Китпатия в горах Кафелан Кух (Гизильбунде; она упоминается также, под именем «Китпат», надписями Саргона II). В числе захваченного анналы Тиглатпаласара называют лошадей, мулов, крупный и мелкий рогатый скот, двугорбых верблюдов и ремесленников.

ритории была включена в состав Ассирии под названием наместничества Парсуа,[1] с центром в крепости Никур.

Все это мало отличало поход Тиглатпаласара III от походов ассирийских царей IX в. Однако мы замечаем и новые черты. В Бит-Затти, области, вошедшей в новое наместничество, Тиглатпаласар отпустил часть пленных на свободу, предварительно отрубив им пальцы, с тем, чтобы сделать их неспособными к военному делу, но годными как работников и как объект эксплуатации в новой ассирийской провинции. Даже там, где территория не была непосредственно включена в состав ассирийских владений, Тиглатпаласар пытался наладить регулярную эксплуатацию населения в виде назначения ежегодной дани. Так было в Бит-Капси, царь которого, Баттану, добровольно принял несение налогов и повинностей в пользу Ассирии, за что Тиглатпаласар оставил ему нетронутой крепость Каркарихундир.

К сожалению, анналы Тиглатпаласара III дошли до нас в виде отрыв-

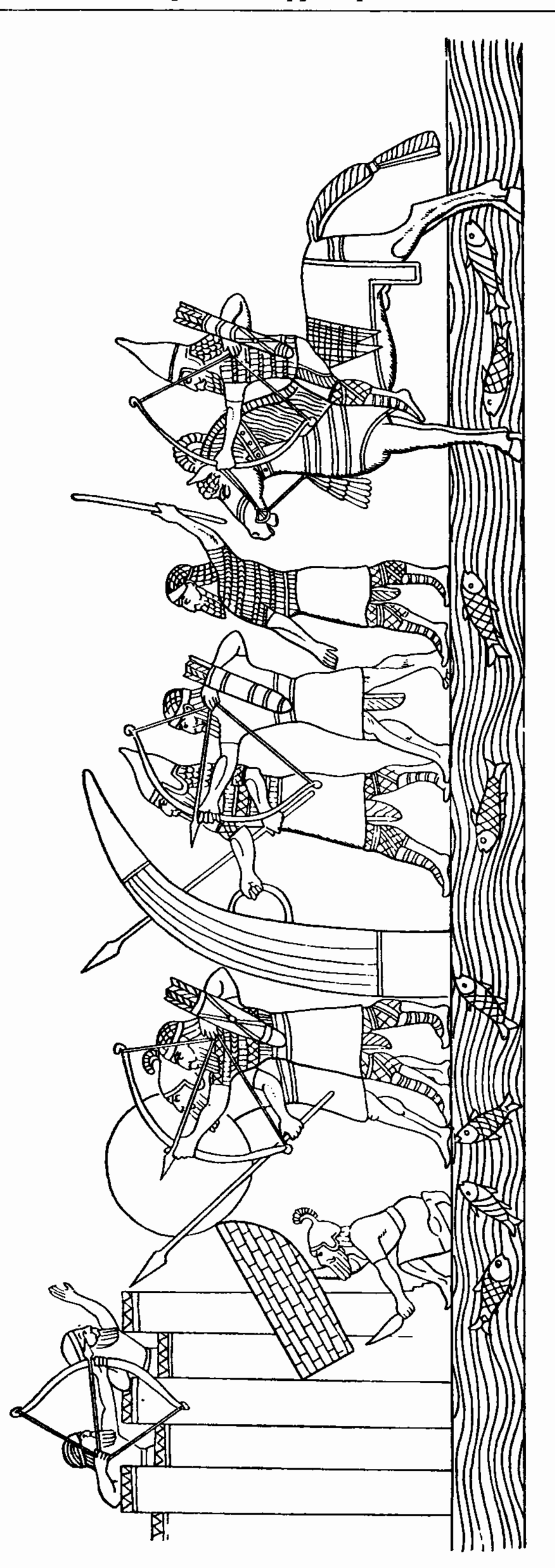

Рис. 36. Осада крепости ассирийскими войсками. С ассирийского рельефа из Ниневии. VII в. до н. э.

[1] E. Forrer. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921, стр. 90.

ков надписей на полустесанных плитах, которые предполагалось вторично использовать во дворце царя Асархаддона в VII в. до н. э.; стыки между этими отрывками не сохранились, и последовательность их не всегда ясна. Если принять здесь последовательность, предполагаемую Шрадером и Ростом,[1] то Тиглатпаласар III не ограничился территорией Парсуа, а углубился далее, в Мидию. В очень фрагментированном контексте упоминается взятие поселения Эрензиаш,[2] которое восстало против Бисихадира, правителя Кишессу,[3] затем бегство Раматеи, правителя Аразиаша,[4] причем в его поселениях, наряду с лошадьми и рогатым скотом, были захвачены и запасы бактрийского лазурита. Конечной точкой похода была, повидимому, крепость Закрути, как подчеркивает текст, мидянская. Таким образом, Аразиаш, как и при Ададнерари, не входил в состав мидийского племенного союза. Затем ассирийцы двинулись обратно: описывается покорение Туни, правителя Сумурзу (в долине одного из юго-восточных притоков Диялы?), казнь его воинов и соединение Сумурзу и Бит-Хамбана (также в бассейне Диялы) в одну ассирийскую провинцию.[5]

После этого похода, более разрушительного, чем все, что испытала Мидия за полстолетия, Тиглатпаласар потребовал, чтобы горные «владыки поселений», т. е. общинные вожди всей «страны могучих мидян», вплоть до горы Бикни (Демавенда), приносили ему регулярную дань, которую он установил в 300 талантов (9 т) лазурита и 500 талантов (15 т)[6] бронзовых изделий, что более свидетельствовало о его жадности, чем о понимании экономики, несмотря на то, что Тиглатпаласар был несомненно одним из наиболее способных ассирийских царей. В анналах приводился перечень правителей,[7] на которых эта дань была возложена.[8]

---

[1] КТР, стр. V—VIII. Указанная работа содержит издание всех текстов Тиглатпаласара III, упоминаемых ниже.

[2] Может быть, то же, что Аразиаш, или то же, что Элензаш в Бит-Барруа? См. ниже, стр. 224, прим. 2.

[3] В тексте — Kišisa, у Роста ошибочно — Kišir. О местоположении см. ниже. Этот случай, как и указание на захват крепости Китпаттия в войне между Бит-Абдаданой и Парсуа, демонстрирует столь характерное для этого времени явление, как войны между царьками.

[4] Эта область лежала, как уже указывалось, вероятно, около Хамадана (см. стр. 166 и стр. 208).

[5] E. Forrer, ук. соч., стр. 90. Сюда же, повидимому, вошла и Бит-Барруа (Баруата урартских надписей).

[6] Указание И. Алиева (О мидийском обществе, стр. 92), будто один только «владетель местности Bit-Abdadanu Tunaki платил ассирийскому царю триста талантов ляпис лазури и пятьсот талантов меди», со ссылкой на полную фантастических построений книгу Кенига «Die älteste Geschichte der Meder und Perser» основано на явном недоразумении.

[7] В том числе назван абдаданский правитель с ассирийским или вавилонским именем «Маннукимасабэ». Это не единственное свидетельство основательного проникновения некоторых элементов вавилонской культуры в западную Мидию.

[8] К этому перечню, однако, в противоположность мнению Роста (КТР, стр. VII)

Какова была цель мидийского похода Тиглатпаласара III? Издатель его анналов, Рост, считает, что целью его было обезопасить мирные пределы Ассирии от набегов горцев и навести порядок. Рассуждение чисто империалистическое. Весьма вероятно, что горцы действительно совершали набеги на пограничные ассирийские территории; но по своим масштабам и по жестокости они, конечно, не могли идти ни в какое сравнение с тем, что совершали сами ассирийские «культуртрегеры».

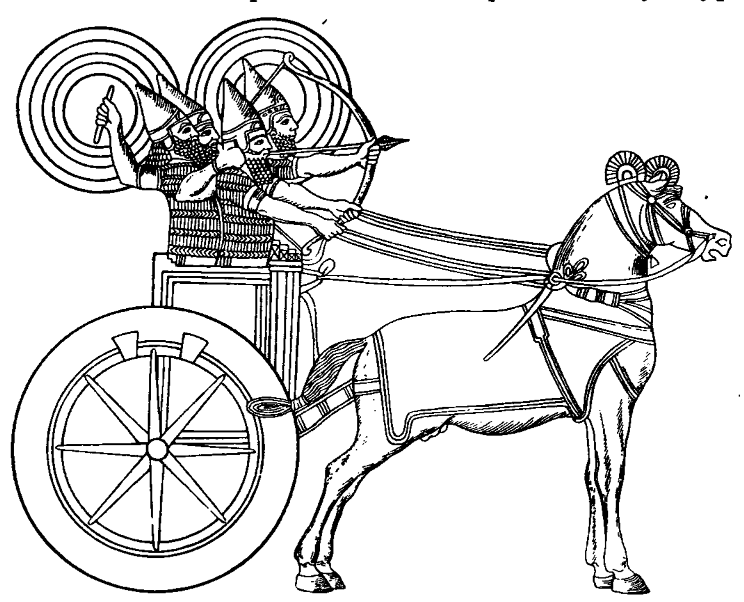

Рис. 37. Ассирийская боевая колесница. С ассирийского рельефа из Ниневии. VII в. до н. э.

Действительные причины нападения Тиглатпаласара на окраины Мидии были различны. Прежде всего проведенная им реформа[1] была основана на том, что армия будет постоянно находиться в действии и обогащаться грабежами; поэтому расширение ассирийских пределов с помощью военных походов стало необходимостью. Далее, реформа Тиглатпаласара предполагала постоянное заселение опустошенных районов жителями

вряд ли относятся строки 56—57 по его нумерации; их следует отнести к походу 737 г. до н. э.

[1] В основном она сводилась к следующему: 1) социальная реформа армии — в основу ее был положен «царский полк» и «полки» областеначальников, находящиеся на полном казенном снабжении и довольствии и пополняемые путем рекрутского набора; 2) техническая реформа армии — усовершенствование структуры и оснащения войск; 3) реформа военной политики: система поголовного переселения покоренных и помещения их на царскую землю, где они самостоятельно вели хозяйство; 4) реформа администрации — разукрупнение областей, замена прежних наместников (šaknu) областеначальниками (bêl peḫâte) с уменьшенными правами (например, они были лишены права освобождать от налогов, основывать города и т. п.). См. подробно: РЗОА, стр. 85—90.

покоренных областей, а этих последних — жителями других покоренных областей и т. д.; поэтому было необходимо постоянное наличие контингента возможных переселенцев.

Важной, и едва ли даже не важнейшей, причиной похода был расчет поживиться богатством мидян, прежде всего захватить коней, так как реформированная ассирийская армия очень нуждалась в конском поголовье для колесниц и особенно для конницы. Дело в том, что в этот период коневодство успешно развивалось только в горных местностях — в Мидии, Урарту, в Малой Азии.

И, наконец, поход против мидийских племен мог иметь целью обеспечение фланга для предстоящей серьезной борьбы с Урарту. Действительно, поход 744 г. предшествовал походу 743 г. против Сардури II и длительной войне Ассирии с сирийскими союзниками Урарту, так же как второй поход против Мидии, имевший место в 737 г., предшествовал походам 736—735 гг. в горы Урарту.

Результатом первого похода Тиглатпаласара III на Мидию было создание двух новых областей Ассирийского царства — Парсуа и Бит-Хамбана. Обе эти области сохранились в составе Ассирии вплоть до ее падения.[1]

Мы уже указывали на невероятность распространенного мнения, будто бы Парсуа была первоначальной родиной персов, которые выселились отсюда в Персиду уже после завоевания области ассирийцами.[2] Это мнение может быть опровергнуто и другим путем: во-первых, анализ имен, относимых источниками к Парсуа, показывает, что население его никогда не было иранским, а следовательно, не может иметь никакого отношения к персам; во-вторых, Кир I, царь Персиды, упоминается ассирийским источником начала 30-х годов VII в. до н. э., когда Парсуа, безусловно, была еще в составе Ассирии, а ассирийская власть была еще слишком крепка, чтобы она могла допустить выселение жителей из своих владений.[3]

---

[1] Областеначальник Парсуа (Парсуаша) существовал в Ассирии при Саргоне II (Анналы, строки 66—67; Торжественная надпись; строка 58, KS, стр. 90, 108). Из письма (HABL, 165), на которое указал Форрер, следует, что Парсуа входила в состав Ассирии также и позже (при Ашшурбанапале?). Ср. также ADD, № 952, строка 3. Даже расположенная восточнее Парсуа провинция Кишессу (Кар-Уригалли) еще входила в состав Ассирии при Ашшурбанапале; см.: E. Forrer, ук. соч., стр. 52.—АВИУ, № 71, стр. 234. Возможно, что и Парсуа фигурирует в этом списке под названием «(области) города Ни[кур (?)]», двумя строками ниже.

[2] Эта теория разработана Хюзингом (G. Hüsing. Vorgeschichte und Wanderungen der Parsawa. Mitteilungen der Anthrop. Gesellschaft in Wien, LX, стр. 246 и сл.).

[3] Вейднер (E. F. Weidner, Die älteste Nachricht über das persische Königshaus. Afo, VII, 1/2, стр. 6), а за ним Камерон и многие другие полагают, что Кир I был царем не позднейшей Персиды, а Парсуа в горах Загроса или какой-либо промежуточной территории; но Вейднер не учел, что область Худимери, упоминаемая тем же текстом как принесшая дань Ассирии одновременно с Киром I и несомненно соседняя с областью последнего, находилась на востоке Элама, на берегу Персидского за-

Наряду с созданием провинций Парсуа[1] и Бит-Хамбана, другим результатом похода 744 г. был захват ассирийцами лошадей и другого скота, а также угон некоторого количества парсуанских ремесленников. Часть оставшихся на новой ассирийской территории жителей была впоследствии также выселена отсюда. Под 738 г. анналы Тиглатпаласара сообщают о поселении в северной Сирии и северной Финикии пленных кутиев и жителей Бит-Сангибути (здесь = Бит-Санги). Переселенцы названы также по племенам или местностям их происхождения: иллилийцы, наккабийцы, будийцы, дунийцы, билийцы, банитийцы, сангиллы и жители (вавилонского?) поселения Нергал-илу-ина-мати. Из них будийцы могут быть мидийским племенем будиев или жителями поселения Буду на границе Вавилонии и Элама, завоеванного Тиглатпаласаром в 745 г. до н. э. Если верно первое, то это дает нам некоторое указание на расселение племени будиев — одного из шести племен мидийского союза, упоминаемых Геродотом (а именно — на крайнем западе Мидии). Однако вероятнее, что название в данном случае произведено от имени поселения. Другие перечисленные названия ближе не известны.

Население провинции Парсуа было с течением времени сильно ассиризовано. Еще много позже, согласно Птолемею (VI, 2, 6), эта территория называлась Сиромидией (греки часто называли ассирийцев «сирийцами»).

В 737 г. Тиглатпаласар III повторил поход на Мидию. Если он в самом деле рассчитывал на получение наложенной им на мидян грандиозной дани, то он, надо думать, ошибся в своих расчетах, и без нового грабежа ему было не обойтись. Даже области, казавшиеся вполне покоренными в 744 г., должны были теперь завоевываться снова, так, например, область Бит-Капси.

Ассирийские войска прошли завоеванные еще в 744 г. Бит-Санги и Бит-Таззакки. Был захвачен ряд поселений,[2] имевших центром Бит-Иштар (ассир. «храм богини Иштар»), где правил некто Ба' (?). Здесь ассирийцами был теперь установлен культ священного копья ассиро-вавилонского бога Нинурты. Вожди расположенных далее к востоку областей применили обычную тактику укрытия в горах: так поступили правители Упаш из Бит-Капси, Ушуру из Тадирруты (?) и Бурдада из

лива, т. е. рядом с Персидой (см.: HABL, 521, об. 24: āl Hu-di(!)-mi-ri); вместе с тем отпадает аргументация Вейднера; само собой разумеется, что тем самым нельзя принимать и его выводы.

[1] Как предположено Форрером — на основании отождествления Набуриманни, областеначальника Парсуа по HABL, 165, с «начальником глав» Набуриманни — областеначальником Парсуа был ex officio «начальник глав», второй после «туртана» воинский чин в ассирийской армии. В списках эпонимов областеначальники Парсуа не упоминаются, хотя их существование доказывается другими источниками. Зато «начальники глав» упоминаются неоднократно (E. Forrer, ук. соч., стр. 89—95). Но см. об этом ниже, стр. 270, прим. 8.

[2] Анналы перечисляют Бит-Иштар, Кингиканги, Киндигиасу, Кингиалкасиш, Кубушхатидиш, Упушу, Ахсипуна, Гиргира, Кихбахзати.

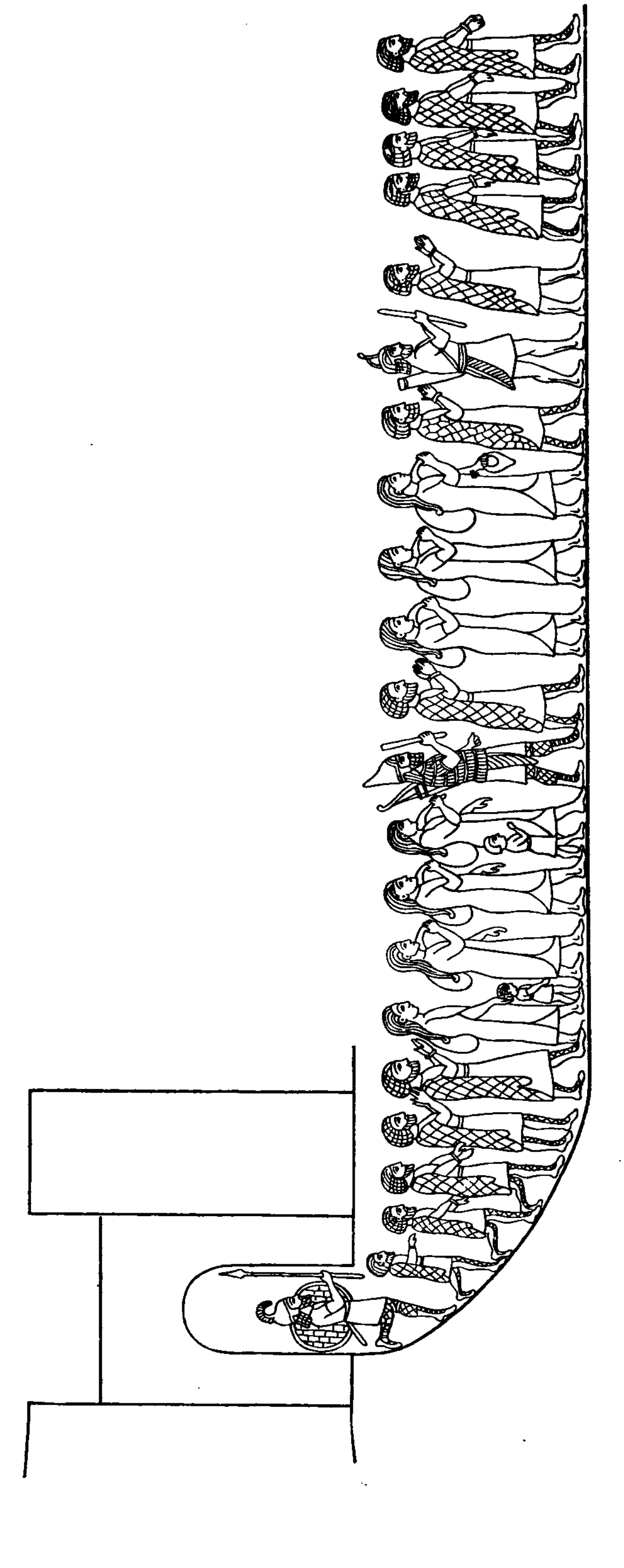

Рис. 38. Насильственное переселение мидян. С ассирийского рельефа из Ниневии. VII в. до н. э.

Нирутакты; последнего ассирийцам удалось все же захватить в плен. Таким образом, ассирийское войско дошло до крепости Сибур (Сибар) и взяло ее. Эту крепость (около совр. Зенджана ?), ⌊как указывалось выше, брал еще в 820 г. Шамши-Адад V, что дает нам возможность уточнить и маршрут похода Тиглатпаласара. Он проходил через область, которая при Шамши-Ададе V относилась к восточной части горной области Гизильбунды, хотя в анналах Тиглатпаласара III эта территория включена в понятие «Мидии» (Madâi). Возможно, что к Сибуру ассирийцы подошли, обойдя с юга основную часть долины Кызыл-узена и перейдя лишь ее верховья.

Дальнейшее описание похода сохранилось фрагментированно; одно ясно, что ассирийцы прошли через область Бушту,[1] которую не следует, повидимому,

[1] Так следует восстановить ^{mat}P/Bu[. . . . .] в строке 168 Анналов на основании текста Нимрудской таблицы и 2-й Нимрудской плиты.

смешивать с одноименной крепостью в районе стыка Манны, Парсуа и Гизильбунды, и вступили на коренную территорию мидийского союза.[1] К этому же месту, вероятно, относится упоминание области Нишша, или Нишай (Нисейских полей античных авторов, совр. равнина Казвина ?), и отрывок анналов, перечисляющий мидийские области Ариарма (иранская Арья-Урва ?),[2] Петушиную страну (mât tarlugallê) и Саксукну. Другие надписи Тиглатпаласара подробнее перечисляют области, являвшиеся объектами этого похода, но, к сожалению, расположение их по этим последним надписям, имеющим обобщающий характер, установить невозможно. Из указанных надписей следует, что ассирийцы прошли насквозь почти всю Мидию, достигли какой-то «страны золота» (она же, возможно, Шикракки) и достигли гор Руа (повидимому, восточнее совр. Тегерана ?) и соляной пустыни (Дешт-и Кевир). Отсюда они повернули обратно, повидимому через область Ушкаккан, которую, возможно, следует локализовать в долине Кара-су; по дороге взяли в плен и угнали жителей поселения Кар-Зибра, затем вступили в область Бит-Сагбит,[3] жители которой укрылись в Сильхази, называемой также «Крепостью вавилонян». По всем данным, эта крепость должна была находиться где-либо в районе будущей Экбатаны (совр. Хамадан). Ассирийцам удалось взять эту крепость и соседнюю[4] крепость Тилашури. Здесь был центр культа вавилонского бога Мардука, которому Тиглатпаласар принес жертвы. Он приказал также воздвигнуть здесь стелу со своей надписью. Отсюда ассирийцы вернулись на свою территорию, повидимому через области Бит-Зуальзаш и Бит-Матти и долину реки Диялы.[5] По дороге

[1] Упоминаются правители Танус[. . .] и Ялутарши, гора Дану[. . .] и области Бу[шту] и Амате «в начале гор Руа».

[2] В аккадском языке этого времени, как уже указывалось, не было звука «v», и он вполне обычно передавался через «m»; отсюда предложенная этимология: Ariarmâ =иранск. Aryā-Urvā; Урва как топонимическое название известна также из I фаргарда Видевдата.

[3] Так, не «Бит-Сангибуту», как у Лукенбилля (ARAB, I, § 774).

[4] Быть может, Сильхази и Тилашури были двойной крепостью или двумя названиями одной и той же. Написание Tîl-aš-šu-ri показывает, что этот термин этимологизировался ассирийцами как «ассирийский холм», но это, вероятно, не более как народная этимология.

[5] Мидийские походы Тиглатпаласара III представляют большую трудность для локализации. У нас имеется четыре основных перечня пройденных им областей. Анналы говорят, что первый поход (744 г.) был посвящен [Намру (или Парсуа)], Бит-Затти, Бит-Абдадани, Бит-Капси и Бит-Таззакки. Они перечисляют при этом отдельные боевые события в странах: [Парсуа (?)] со столицей Никкур (повидимому, Парсуа в узком смысле слова), Бит-Затти (и частично Бит-Абдадани), [Бит-Санги], Бит-Капси, далее Эрензиаш и Кишессу, Арази[аш], Сумурзу, Бит-Хамбан и затем дают общий перечень покорившихся правителей, который плохо сохранился. К этому же походу относится, повидимому, перечень 1-й Нимрудской каменной плиты: Бит-Хамбан, Сумурзу, Бит-Барруа, Бит-Зуальзаш, Бит-Матти, Туплиаш (в долине Диялы), Тиль-Таранзай, Парсуа, Бит-Кипси до г. Закрути могучих мидян. Второй поход (737 г.) был, согласно Анналам, посвящен Бит-Санги, Бит-Таззакки, мидянам, Бит-Зуальзашу и Бит-Матти. Отдельно перечисляются: поселения с центром в Бит-Иштар,

ассирийцы получили умилостивительные подарки от царства Эллипи (около совр. Керманшаха).

Несмотря на противоположное утверждение одного, впрочем, наименее достоверного, текста,[1] представляется несомненным, что области, пройденные ассирийскими войсками в 737 г., не были включены в состав провинций Ассирии.[2] Вероятно, они были лишь подчинены общему наблюдению областеначальника Парсуа на случай возможного вмешательства ассирийцев в мидийские дела в будущем.

Анализируя маршруты походов Тиглатпаласара, насколько они нам ясны, мы можем сделать несколько существенных выводов. Во-первых, ассирийцы, хотя, быть может, и проходили по горной южной периферии Манны (если Гизинкисси то же самое, что Гизильбунда,[3] и если здесь находился Бушту-Бустус и т. д.), однако строго избегали спускаться на самую равнину Джегету, во владения Манны и даже, может быть, в долину Кызыл-узена. Повидимому, это объясняется, с одной стороны, тем, что Манна была сильна и Ассирия не хотела в данное время связываться с еще одним опасным врагом, имея уже их достаточно в лице Урарту, Дамаска и т. д.; с другой же стороны, возможно, это объясняется и тем, что между Ассирией и Манной существовали в это время договорные отношения, основанные на временной общности интересов в борьбе с Урарту.[4]

Бит-Капси, гг. Тадиррута (?) и Нирутакта, Сибур. . . Ариарма, Петушиная, Саксукну, Кар-Зибра, Бит-Са[гбат], Сильхази и Тилашури. 2-я Нимрудская каменная плита перечисляет вместе: Бит-Хамбан, Бит-Сумурзу, Бит-Барруа, Бит-Зуальзаш, Бит-Матти, Туплиаш, Бит-Таранзай, Парсуа, Бит-Капси и поселение Закрути, относящиеся, повидимому, к первому походу, и Бит-Иштар, Нишай, Гизинкисси, поселения Сибур, Уренна, Нипариа, страны Бустус, Ариарми, Петушиная, Руа (до Соляной пустыни), Ушкакан, Шикраки, Тилашури или «Крепость вавилонян», причем надпись уверяет, что все эти области были причислены к Ассирии и получили наместника. Более точные, но также обобщенные данные дает датированная 728 г. до н. э. надпись на глиняной таблице из Нимруда. Ее список таков: Намру, Бит-Сангибути, Бит-Хамбан, Сумурзу, Барруа, Бит-Зуальзаш, Бит-Матти, Туплиаш, Бит-Таранзай, Парсуа, Бит-Затти, Бит-Абдадани, Бит-Капси, Бит-Санги, Бит-Таззаки, Бит-Иштар, Закрути (причем надпись особо указывает, что перечисленные области, почти все относящиеся к первому походу, были включены в состав ассирийских провинций), далее, без перерыва, указаны Гизиникисси, Нишша, Сибур, Уримзан, Ра'усан, Нипариа, Бустус, Ариарми, Петушиная, Саксукну, Аракутту, Кар-Зибра, Гукиннана, Бит-Сагбат, Сильхази или «Крепость вавилонян», Руа (до Соляной пустыни), Ушкаккана, Шикракки и страна золота.

[1] 2-я Нимрудская плита.

[2] Исключение составляет, быть может, область Бит-Иштар, присоединенная, вероятно, к провинции Парсуа.

[3] Вряд ли можно согласиться со Штреком (Streck, ZA, XV, стр. 332), отождествляющим Гизин(и)кисси с Ганзакой позднерабовладельческого и раннесредневекового времени. По общему мнению советских и большинства зарубежных источников, Ганзака находилась близ озера Урмии, на бывшей территории Манны, в ее северной части, т. е. в стороне от маршрута Тиглатпаласара на Сибур и т. д.

[4] На личную встречу царя Манны Иранзу (ум. ок. 717 г.) с царем Ассирии (с Саргоном или, может быть, Тиглатпаласаром) есть намек в тексте Саргона: 8 CS, стр. 12, строка 62.

Далее, можно отметить, что в западных частях страны ассирийские тексты преимущественно называют области по династическим обозначениям (с приставкой «Бит-» — «дом»), а не по их собственным названиям (ввиду чего бывает трудно их отождествить); в восточных же частях Мидии этого не наблюдается, потому, вероятно, что здесь еще господствовала выборная родо-племенная власть и правящих династий не было. Это подтверждается и тем, что текст Тиглатпаласара III [1] называет правителей именно восточных частей Мидии bêl âli, и лишний раз доказывает бóльшую социально-экономическую развитость западной Мидии по сравнению с восточной.

Затем следует отметить, что некоторые из восточных топонимических названий, приводимых текстами Тиглатпаласара, имеют достаточно вероятную иранскую этимологию (Ариарма, Нишша, Уримзан, Уренна, Аракутту, может быть, также и некоторые другие).[2] Однако имена этого рода в 744—737 гг. до н. э. не заходят еще на запад от линии Казвин—Хамадан. Два-три собственных имени правителей, расположенных также не восточнее этой линии, тоже могут быть разъяснены из иранского.[3] С другой стороны, ряд названий даже в наиболее восточной зоне — безусловно, не иранские, а некоторые из них имеют, как кажется, эламскую этимологию.[4] Таким образом, не только на территориях Манны, Парсуа и смежных с ними, но и на территории собственно Madâi — мидийского племенного союза, еще в середине VIII в. иранский язык не безраздельно господствовал, и во всяком случае он не имел распространения в I—VII районах по нашей классификации.

Выше говорилось о том, что маленькое государство Дейока — ядро будущего Мидийского царства — в это время, возможно, уже существовало. Почему же оно не упомянуто текстами Тиглатпаласара? К сожале-

---

[1] Анналы, строка 52: КТР, стр. 10.

[2] Ариарма = Arya-Urvā?); Нишша(й) = Nisāya, очень частый иранский топонимический термин; Уримзан = Urvāzana или Varəmazana- (ср. zana- — «племя»), Уренна = Varəna-; Аракутту = Harahvatī-(?); ср. Hvarənahvatī = греч. Pharnakotis; последнее отождествление спорно. Кениг (F. W. K ö n i g. Die älteste Geschichte der Meder und Perser, стр. 6), восстанавливая в тексте Геродота (I, 101) aroukhatēs вместо stroukhatēs, видит в «Аракутту» название одного из мидийских племен.

[3] Так, Jautarši, Ramatêa, может быть иранск. *Yavaitarša, *Rāmatavya-(?).

[4] К сожалению, эламская филология находится до сих пор в слабо разработанном состоянии, и здесь трудно пока предлагать какие-либо толкования. Однако Gukinnana — это, вероятно, эламск. kuk·kanna·na (ср. Kukkannakan, др.-перс. Kuganakā: Beh., II, § 22); также и ряд других названий имеет эламский облик. Следует заметить, что иранская этимология имен царей Коммагены в Малой Азии примерно этого же времени — Kuštašpi(li) и Kundašpi из Vištāspa и Vindāspa, хотя и принята рядом крупных западных исследователей, однако не может быть правильной, несмотря на внешнее сходство; подобный звуковой переход засвидетельствован впервые более чем тысячу лет спустя в иранских языках. Если, несмотря на это, данная этимология имеет хождение, то это объясняется обычным стремлением к преувеличению распространения и древности индоевропейцев и, в частности, иранцев в Передней Азии.

нию, мы имеем слишком мало данных для того, чтобы дать на это вполне определенный ответ. Как уже упоминалось, Дейок считался наместником Манны, а маннейскую территорию Тиглатпаласар и его войска старательно обходили. Поэтому возможно, что они вовсе не вступали в область, управлявшуюся Дейоком. Во-вторых, мы не знаем собственного названия дейоковой области, и, быть может, нам не удается ее отождествить по этой причине. Наконец, не следует забывать и того, что правление Дейока вообще, быть может, началось только после смерти Тиглатпаласара III в 727 г. до н. э.

Если бы область Дейока находилась к северу от гор Гизильбунды, в южной части равнины Манны, то именно здесь бы и в дальнейшем развивалась мидийская государственность и правила бы династия Дейокидов. Однако мы знаем, что государство Мидия развилось не здесь. С другой стороны, несомненно, что в период походов Тиглатпаласара III власть Манны не заходила на юг далее Гизильбунды. Но ведь ни из чего не видно, что Дейок стал «маннейским наместником» еще при Тиглатпаласаре: так его называет текст Саргона II. А позже, между 737 и 719 гг., власть Манны могла распространиться и дальше на юг, и именно в этот период Дейок мог поставить себя под ее покровительство. Так как впоследствии столицей Мидийского царства была Экбатана (совр. Хамадан), то возможно, что область Дейока следует искать где-то по течению Кызыл-узена, между Мианэ и районом к северу от Хамадана; отсюда власть Дейока могла в благоприятные времена (после Тиглатпаласара) простираться вплоть до самого Хамадана (или, наоборот, распространиться сюда из района Хамадана; но это значило бы, конечно, что Тиглатпаласар проходил через дейокову область или через то, что позже относилось к таковой, во всяком случае, во время похода 737 г.).[1] Возможно, этот поход Тиглатпаласара миновал основную часть долины Кызыл-узена, и ассирийцы прошли на Сибур (около Зенджана) обходом с юга, через верховья этой реки.

Одно несомненно, что в условиях ассирийского наступления ростки мидийской государственности естественно могли создаваться под покровительством Манны. Лишь крайний восток Мидии был в безопасности от ассирийцев; но там уровень развития общества стоял еще слишком низко. Остальная же мидийская территория страдала от разрушительных ассирийских набегов. Под защитой же наиболее могущественной в этих краях

---

[1] Можно сделать предположение, что область Дейока имелась в виду под названием «(крепость) Закрути сильных мидян», у которой закончился ассирийский поход 744 г. Zakrûti выглядит как аккадское слово, но это, вероятно, в результате народного этимологизирования. Может быть, следует этот термин связать с Zikertu времени Саргона II — область Зикерту, повидимому, соседила в то время с областью Дейока. Что касается района Хамадана, то там Тиглатпаласар побывал, повидимому, на обратном пути (см. выше).

и наиболее развитой Манны могло начать создаваться ядро нового политического единства.

После 737 г. в течение жизни Тиглатпаласара в Мидию из Ассирии был совершен еще один поход — полководцем Ашшурданнинанни, но ассирийские тексты не сообщают никаких подробностей, кроме того, что он захватил «5000 лошадей, а людей и крупного рогатого скота — без счета».[1]

7. Усиление Манны и войны Саргона II ассирийского

В течение 20-х годов VIII в. ассирийские походы на восток временно прекратились. К 720 г. политическое положение в стране было таково. Крайний север (за озером Урмией) был, повидимому, занят Урарту. Почти вся остальная территория нынешнего Иранского Азербайджана находилась прямо или косвенно под властью Иранзу, царя Манны, но на периферии этого царства находились владения полунезависимых правителей,[2] представлявших опасность для существования Маннейского царства. Это были подчиненные Манне царства: Уишдиш (приблизительно в районе совр. Мерагэ), Зикерту (приблизительно в районе совр. Мианэ — Ардебиля), Андиа (в нижней части долины реки Кызыл-узен — Сефид-руд, по нашей классификации район IVa) и область Дейока (вероятнее всего, в верхней части той же долины); затем, на границе с Ассирией и наполовину в ассирийской зависимости находились царства Аллабриа и Каралла в верховьях Малого Заба и его верхних притоков. Южнее и восточнее попрежнему находились мельчайшие самостоятельные области, зависевшие от Манны или от Ассирии или совсем независимые и по большей части включавшиеся в понятие Madâi, т. е. мидийского племенного союза, который, однако, в данное время ничем не обнаруживал своего существования. Из них лишь одно царство — Эллипи (около совр. Керманшаха) — ввиду близости границ такого крупного государства, как Элам, могло чувствовать себя до известной степени в безопасности от ассирийцев и поэтому было сравнительно сильным и значительным.

Значительное усиление Манны при Иранзу, превратившее ее в перворазрядную державу, тяготило полунезависимые окраинные царства, правители которых стремились стать совсем самостоятельными. Нет сомнения, что власть Манны, как власть всякого рабовладельческого государства этого периода, ложилась тяжелым бременем на население. Однако сепаратизм царьков был в большинстве случаев реакционным,

---

[1] 2-я Нимрудская плита, строки 27—29; Глиняная таблица, лиц. сторона, строка 42 и сл.: КТР, стр. 50 и 66.

[2] Официально все они считались «наместниками» (šaknu) Манны, но фактически были довольно самостоятельными, хотя и зависевшими от Манны царьками.

так как основывался на стремлении знати к бесконтрольному владычеству на крохотных территориях, препятствовал созданию сильного деспотического государства, задерживал процесс образования народности и отдавал страну во власть чужеземных завоевателей, что во всяком случае было хуже, чем власть маннейских царей. Впрочем, как мы уже отмечали, и само Маннейское государство было государством олигархическим, а следовательно, отстаивало интересы родовой знати Манны в ущерб интересам рядовых свободных и, вероятно, даже незнатных рабовладельцев. Поэтому внутри него нарастало также и недовольство народных масс. Тот из правителей, кто смог бы опереться на движение широких слоев свободного населения, мог бы создать действительно сильное государство. Но в VIII в. такого правителя не было (и само движение, видимо, еще не созрело), и дело сводилось к отдельным сепаратистским восстаниям царьков. А так как внешнеполитически определяющим фактором было соперничество между большими державами — Ассирией, Урарту, Манной и Эламом, — то внешнеполитические события и выражались главным образом в виде отдельных измен и переходов мелких правителей и наместников на сторону то одной, то другой державы, в виде карательных экспедиций, урартских и ассирийских интриг и контринтриг и т. п. Самой Манне, наименее сильной из четырех больших держав, как, впрочем, и другим, приходилось постоянно лавировать, играя на противоречиях остальных держав и время от времени признавая их верховенство. По большей части Манна придерживалась в это время ассирийской ориентации. Ассирийские тексты Саргона II неоднократно утверждают даже, что Манна была подчинена Ассирийской державе, мотивируя этим неоднократное ассирийское вмешательство в маннейские дела. Однако такое утверждение не соответствует действительности. Мы видим, что, за исключением отдельных, неудачных для Манны моментов, ассирийцы обращаются с ней не как с покоренной страной, а как с союзником и партнером, хотя и младшим.

Впервые, — повидимому, по просьбе Иранзу — ассирийцы вмешались во внутренние дела Манны в 719 г. Две маннейские крепости, Шуандахуль и Дурдукка,[1] отложились от Иранзу, поддержанные пехотой и конницей Метатти зикертского. Кроме того, три крепости, Сукка, Бала и Абитикна, вступили в соглашение с Русой I, царем Урарту (впрочем, местоположение последних трех неизвестно и неясно даже, находились ли они в Манне). Новый ассирийский царь Саргон II послал Иранзу осадные отряды; крепости были взяты, и с ними поступлено согласно давнему древневосточному обычаю, применявшемуся в военных союзах: население и движимое имущество было забрано в Ассирию, а стены и территория переданы Иранзу.

[1] Она же в других текстах — Зурзукка, Сирдакка, Зирдиакка (колебание написания указывает на фонетические трудности в произношении названия для аккадцев).

Эти события, совершившиеся еще при жизни Иранзу, который, вероятно, был уже стар, были предвестниками более серьезных событий, разыгравшихся после его смерти в условиях начавшейся между его сыновьями борьбы за престол.

Иранзу умер до 716 г.; в этом году на престоле Манны был уже его сын Аза.[1] Против Азы восстали Метатти, правитель Зикерту,[2] Телусина, правитель Андии,[3] и Багдатту,[4] правитель Уишдиша, считавшиеся, подобно Дейоку, маннейскими наместниками.[5] Повидимому, Азе специально ставился в вину союз с Саргоном. Аза был схвачен и убит, и тело его выброшено на горе Уауш (совр. Сахенд). Саргон немедленно вмешался; ему удалось схватить Багдатту. Он приказал содрать с него кожу и выставить его труп на обозрение маннеям. На престол Манны был посажен Уллусуну, другой сын Иранзу. Однако, окруженный сторонниками антиассирийской партии, Уллусуну немедленно отложился от Ассирии и пытался заключить союз с Урарту. Он уступил Русе, царю Урарту, 22 крепости,[6] повидимому в пограничной с Ассирией полосе, и втянул в антиассирийское выступление правителей пограничных с Ассирией долин в верховьях Малого Заба (Итти́, правителя Аллабрии, и Ашшурле́',[7] правителя Караллы). Саргон, не возвращаясь в Ассирию, захватил столицу Манны Изирту и две важнейшие центральные крепости, Зибие [8] и Армаит. Уллусуну сдался на милость победителя и (поскольку он, видимо, принадлежал собственно к ассирийской партии и действовал до

[1] Azâ или Aṣâ. Чтение аккадского â как о, что предлагал покойный С. Н. Джанашиа, весьма маловероятно. По-русски следует читать: «Аза̀», «Аца̀» или «Ача̀».

[2] Зикерту отождествляли с мидийским племенем сагартиев (иранск. asagarta-); но если это так, то к ассирийцам этот термин проник во всяком случае не через иранское посредство. Следует заметить, что ассирийцы разговаривали с посольством Зикерту через переводчика с маннейского (^{m}Gi-ki-i ^{amêl}tar-gu-ma-nu ša ^{mât}man-nu-a-a), а посол носил неиранское имя ^{m}Ṣab(?)-du-šu-pa, см. ADD, II, № 865.

[3] Для имени Telusina предложена хурритская этимология. Андиа, как уже упоминалось, была расположена в нижней части реки Кызыл-узена (Сефид-руда).

[4] Анализ приемов передачи иранских имен в аккадской письменности не оставляет сомнения в том, что Bagdattu (род. пад. Bagdatti) — это иранское *Bagadāta — «богоданный»; это самое западное из засвидетельствованных бесспорно иранских имен VIII—VII вв. до н. э. (Уишдиш находился около совр. Мерагэ).

[5] KS, Анналы, строка 52 и сл.; Анналы XIV зала, строка 47 и сл.; Торжественная надпись, строка 37 и сл., и т. д. —ARAB, II, §§ 10, 56.

[6] KS, Торжественная надпись, строки 39—44. Вероятно, вначале Уллусуну лишь допустил в эти крепости урартские гарнизоны, но затем, когда Уллусуну капитулировал перед Саргоном, Руса присоединил их к Урарту.

[7] Имя это — ассирийское. О сношениях Уллусуну с Ашшурле' см. также письмо HABL, 1058; ср.: HABL, 884.

[8] Местоположение Зибие теперь установлено. Ныне это тепе Зивие в 18 км к востоку от пункта в 24 км южнее Саккыза, на дороге Саккыз—Сенендедж. Недалеко от этого же пункта находится деревня Сахаб, отождествляемая Годаром с Армаитом. Холм Капланту, в 5 км к юго-востоку от Зивие, он отождествляет с Изирту, однако это сомнительно. См.: A. G o d a r d. Le Trésor de Ziwiyè (Kourdistan). Haarlem, 1950, стр. 6, 127, прим. 3.

сих пор по принуждению своих приближенных) был возвращен на царство. Что касается Итти́ и Ашшурле', то первый был сослан со своей семьей в ассирийские владения, а со второго была живьем содрана кожа; его область была причислена к ассирийской провинции Замуа (Луллуме).[1] Два пограничных района — Никсамма и Шургадиа — были захвачены ассирийцами, отделены от Манны и присоединены к ассирийской области Парсуа. Затем Саргон продолжал свой поход далее на юг, в районы, слабо контролировавшиеся Манной или вовсе не контролируемые ею. Прежде всего была занята важная крепость Кишессу [2] на верхнем течении Кызыл-узена и взят в плен ее правитель, носивший ассиро-вавилонское имя Белшаррусур (Валтасар). Крепость была переименована в Кар-Нинурта (или, по другим данным, Кар-Уригалли),[3] в ней была воздвигнута стела с изображением Саргона и поставлен гарнизон во главе с областеначальником. Таким образом, была создана новая ассирийская провинция Кишессу, к которой были присоединены также изъявившие покорность области Бит-Сагбат, Бит-Хирмами, Бит-Умарги и крепости Хархубарра (?),[4] Киламбати и Армангу. Все эти топонимические названия следует искать в полосе между верхним течением Кызыл-узена и горами западнее и юго-западнее Казвина.

Некоторые крепости на южных склонах гор Гизильбунды и на склонах Эльвенда оказались теперь отрезанными от Манны ассирийскими владениями, а связь их с восточной Мидией была также затруднена. Жители крепости Хархар изгнали своего «владыку поселения» по имени Кибаба и обратились к Тальте,[5] царьку Эллипи, с просьбой принять их в подданство. Как уже упоминалось, Эллипи было важнейшим из мелких царств южной Мидии, служившим буфером между Ассирией и Эламом.

Продолжая свой поход на юг, Саргон II занял Хархар и увел его жителей в плен. На место прежних жителей были водворены переселенцы, — по всей видимости, израильтяне, покоренные еще в 722—721 гг.[6]

---

[1] KS, Призма B, отрывок D=ARAB II, § 208.

[2] $^{\hat{a}l}$Ki-še-si-im, повидимому, родительный падеж от Kišes(s)u; в других текстах — Kišêsu, Kišisa, Kišassu. Во времена Тиглатпаласара она фигурирует как Kišisa (см. выше, стр. 196); тогда ею правил Бисихадир.

[3] Так, не «Кар-Нергал», как указывают некоторые исследователи. «Уригаллу» было прозвищем как бога Нергала, так и бога Нинурты.

[4] Так, по исправлению Форрера (E. Forrer, ук. соч., стр. 92). Хюзинг и за ним Штрек читают $^{\hat{a}l}$Ḫar-ḫag-maš-tum (!) и толкуют как «гора (ḫara) божества премудрого» (ḫaga mazdā; ср. богиню Багмашту в Мусисире). Это толкование, по которому это название следовало бы рассматривать как иранское, вызывает трудности с фонетической и морфологической точек зрения.

[5] Оба имени во всяком случае не иранские.

[6] Надпись на стеле (KS, стр. 176, строка 33 и сл.) называет этих пленников жителями «страны Хатти», но этот термин охватывает в ассирийских текстах этого времени и Палестину. Об этом переселении сообщают и древнееврейские источники. По данным Библии (II Reg., XVII, 6), после взятия Самарии, столицы Израиля, в 721 г. жители

Хархар был сильно укреплен и сделан центром ассирийской провинции,[1] включившей также Область Верхней Речки, или Аранзешу (Аразиаш или же Эрензиаш других текстов), Область Нижней Речки, или Бит-Раматуа (точнее было бы Бит-Раматеа, «Династия Раматеи», см. выше, стр. 196 и 203; эта область, повидимому, тоже составляла ранее часть Аразиаша), затем области Урикату, Сигрис, Шапарда (или Сапарда) и Уриакку. Из них Аранзешу-Аранзиаш — область, хорошо нам известная по предыдущим ассирийским походам; она находилась, вероятно, в районе Хамадана. Видимо, Области Верхней и Нижней Речки, часто объединяемые под общим названием Область Речки (ša Nārte), — это долины речек, сбегающих с Эльвенда и сливающихся затем в реку Кара-су. Где-то недалеко от этих мест следует искать также Сигрис и Сапарду.

Хотя в дальнейшем ассирийские войска еще не раз глубоко проникали на мидийскую территорию, однако практически граница собственно ассирийской державы не была впоследствии продвинута далее пределов, установленных Саргоном. Даже в этих пределах удерживать территорию Мидии в составе своего государства было для ассирийцев чрезвычайно трудной задачей. Таким образом, в период наибольшего продвижения Ассирии вглубь мидийской территории границы занятой ассирийцами зоны можно определить следующим образом: верховья Малого Заба и Диялы (районы V—VII) были заняты целиком; граница шла на севере по горам Гизильбунды (Кафелан-Кух) и далее на район Зенджана—Казвина. Отсюда шла восточная граница занятых областей, проходившая по линии западнее Казвина — восточнее Хамадана. Южная граница занятой ассирийцами части Мидии шла от горы Эльвенда по горному хребту севернее долины Керманшаха в направлении с востока на запад до долин притоков Диялы. На этой захваченной Ассирией территории находилось первоначально пять провинций: Замуа, Парсуа, Бит-Хамбан, Кишессу и Хархар. Впоследствии последние две провинции были разбиты на несколько более мелких.

были выселены в Гозан (Гузану) на реке Хабуре в Месопотамии, в Халах(ху) в собственно Ассирии и в «поселения мидян» (ʽārē Mādāj). Это не могло, однако, случиться до 716 г. до н. э., так как до тех пор никаких «поселений мидян» в ассирийских руках фактически не было (имея в виду, что в то время Madâi обозначались не вообще жители Мидии, а лишь члены мидийского союза). На место выселенных были водворены жители Вавилона, Куты, Хамата (в Сирии), а также городов ʽAwwā и Səpharwajim, которые точно не отождествлены (последний — Сиппар?). Поход на северную Вавилонию (где находились Вавилон, Кута и Сиппар) был совершен Саргоном еще в 721 г., против Хамата — в 720 г. Переселения в Хамат начались не позже 716 г. Следовательно, к этому времени и жителей Хамата должны были начать выселять в Израиль, и трудно предположить, что переселение израильтян могло задержаться намного после этого года. 715 год — год организации ассирийских провинций в Мидии — является, таким образом, наиболее вероятной датой поселения израильтянского контингента в Мидии.

[1] При этом он получил название Кар-Шаррукин. До нас дошел целый ряд писем некоего Маннуки-Нинуа, назначенного в Хархар наместником. Эти письма содержат доклады Саргону о положении в провинции (HABL, 126—129, 645, 1645).

Создание этого мощного ассирийского плацдарма в тылу Манны не могло не повлиять серьезнейшим образом на политику этого государства. Это ясно сказалось в следующие годы походов Саргона II на восток (715—713 гг. до н. э.).

Созданные Саргоном II провинции Кишессу и Хархар,[1] по всей вероятности, отрезали значительные территории от области, которой управлял — формально в качестве маннейского наместника — Дейок. Повидимому, насколько вообще можно локализовать его область, — в его руках осталась лишь небольшая часть долины Кызыл-узена выше Мианэ. Стало ясным, что покорный ассирийцам маннейский царь не является опорой и защитой государства Дейока. На это указал Дейоку через своих гонцов и урартский царь Руса I, начавший, между тем, военные действия против Уллусуну маннейского в качестве карательного мероприятия за его переход на сторону ассирийцев. Анналы Саргона II сообщают, что Руса, захватив (еще в 716 г.) 22 маннейские крепости, побудил Дейока к отпадению от Манны, причем Дейок послал к Русе своего сына в качестве «заложника» и представителя. К сожалению, ассирийские тексты не указывают точно, где находились эти 22 крепости, но, повидимому, как мы указывали, они находились где-либо в районах, пограничных между Манной и Ассирией, так как в 715 г. Саргон не только отнял эти крепости у Урарту, но и присоединил их непосредственно к Ассирии,[2] после чего он двинулся против «Дайаукку», захватил его в плен вместе с семьей и сослал его в Сирию, в Хамат.[3]

Продолжая наступление вниз по Кызыл-узену,[4] Саргон вступил в Ан-

---

[1] Они были учреждены на другой год после похода, в 715 г.; см.: Е. Forrer, ук. соч., стр. 92.

[2] В следующем году, однако, он возвратил их Уллусуну: KS, Торжественная надпись, строка 52.—ARAB, II, § 56.

[3] Ассир. Amattu: KS, Торжественная надпись, строка 49; ср.: Анналы, строки 75—77. И в Мидии имелась область Amate — «область в начале горы Руа» (KTP, Анналы, строка 170), но здесь она вряд ли могла иметься в виду, так как лежала гораздо далее к востоку, чем распространялись владения Саргона. Утверждение о том, будто династия Дейока («Дом Дейока») продолжала царствовать в области, находившейся до тех пор под властью Дейока, основано на ошибочном чтении Винклера (в KS) 139—140-й строк Анналов Саргона: a-na ^{mât}El-li-pi ^{mât}Bît-Da-a-a-uk-ki ^{mât}Kar-al-li a-lik — «на Эллипи, Бит-Дайаукки (и) Каралли я пошел». На самом деле, в тексте стоит: a-na ^{mât}El-li pi [^{mât}M]a-da-a-a ù ^{mât}Kar-al-li a-lik — «на Эллипи, Мидию и Караллу я пошел». См.: RA, XXIV, 1927, стр. 75—80 (статья Жана и Тюро-Данжэна).

[4] Текст Анналов дает основание предполагать, что между походами против Дайаукку и походом против Телусины произошел еще поход, во время которого Саргон прибыл в столицу царства Хубушкии (к югу от озера Ван). Но это, очевидно, результат излишне сжатого изложения. По всей вероятности (хотя Анналы, по обыкновению, ведут речь от лица царя), Саргон участвовал либо в походе на Мидию (на Дейока и Телусину), либо на Хубушкию, а второй поход возглавлял кто-либо из ассирийских полководцев.

дию (или Мисианду),[1] владение некоего Телусины, бывшего в союзе с Русой еще по крайней мере с 719 г., когда Андиа выступала против Азы совместно с Багдатту, правителем Уишдиша и Метатти, правителем Зикерту. Отсюда было уведено в плен 4200 человек и много скота.[2] Для того чтобы подчеркнуть свое верховенство над всей восточной территорией, Саргон воздвиг в столице Манны, Изирте, свое изображение.

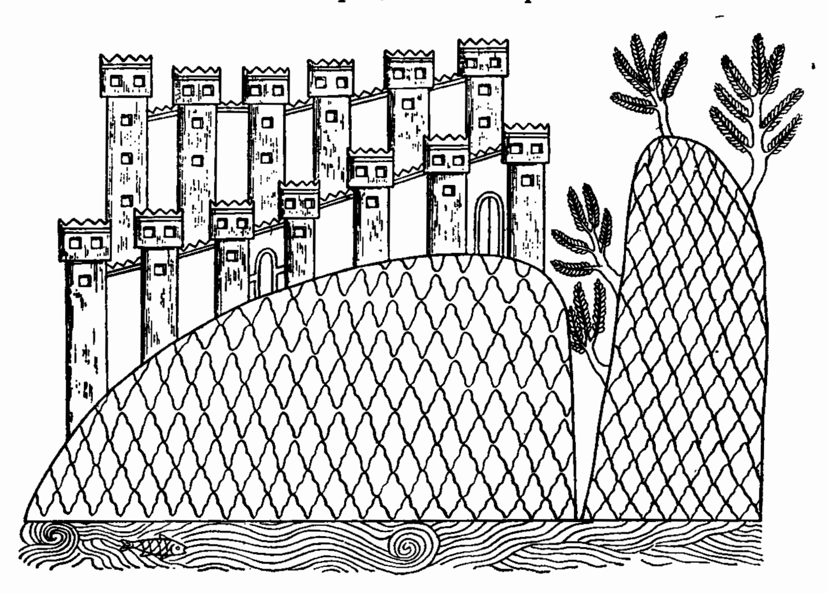

Рис. 39. Крепость в Манне. По ассирийскому рельефу из Дур-Шаррукина. Конец VIII в. до н. э.

Тем временем началось большое восстание в только что покоренной провинции Хархар.[3] Это восстание, повидимому, было делом мидийского племенного союза, и возможно, поддерживалось из Эллипи. Оно перекинулось также на соседние провинции, в том числе на Бит-Хамбан—Намар.[4]

---

[1] Так в Торжественной надписи, строка 37, ср. область Мессу или Месси в Манне(?).

[2] Известно письмо к Саргону II с извещением о прибытии даров (namūrtu) лошадьми и мулами от царевича Андии, доставленных вместе с послом Манны (HABL, 466; дата неясна; к тому же времени, повидимому, относится и письмо HABL, 342, говорящее о военных действиях на границе Манны — 717 или 716 г.? Олмстед относит это письмо ко времени Ашшурбанапала). Ср. также HABL, 310—312 (дата?).

[3] См. для общей ситуации интересное письмо наместника Парсуа (?) к Саргону (HABL, 556). Наместник сообщает, что у него есть 2000 войска; есть войско также в Хамбане; он ожидает помощи из Манны и Мазамуа, оправдывается от обвинения в безделии; взяты пленные. В столице Парсуа — Никуре — эпидемия: из 50 человек, которые прибыли с наместником, уже умерло 15 человек. Мидия враждебна. В числе «прифронтовых» городов названы Никур, Кингухту (=Гинхухту), Кизахаси, Хархар и др.

[4] 8 CS, стр. 8, строки 39—40; ср.: KS, Анналы XIV зала, строки 23—25; Анналы, строка 90.

В числе восставших областей Саргон упоминает Бит-Сангибути, Уриакку (Уриангу), Сигрис, Шапарду и Уппарию.

Ассирийские войска двинулись против восставших, и им удалось занять несколько крепостей в Области Верхней и Нижней Речки, в том числе четыре (Кишешлу, Киндау, Анзариа и Бит-Багайа) [1] были заняты постоянными ассирийскими гарнизонами.[2] Особенно сильно укреплена была крепость Хархар—«для покорения Мидии», как сообщают анналы. В области Бит-Хамбан была взята крепость Кимирра, и свыше 2530 человек было уведено в плен.

Однако Саргону не удалось подчинить захваченную им территорию так, как были подчинены другие провинции. Местные правители остались сидеть в своих владениях в пределах провинции [3] и обязались лишь платить Ассирии дань; повидимому, это была обычная практика, установленная еще при маннейском верховенстве.[4] Воинские контингенты местных жителей были, возможно, включены в состав ассирийских вооруженных сил.[5] На таких условиях правители областей, входивших в мидийский союз [6] (надпись Саргона II различает их как «Мадай», от остальных областей будущей мидийской территории, которых он называет «Гутиум», т. е. кутиями),[7] на всем протяжении территории этого союза, вплоть до Бикни (горы Демавенда), уплатили Саргону дань. Из дальнейшего мы увидим, однако, что не только на столь отдаленных территориях, но и в так называемых ассирийских провинциях Мидии собирание дани с населения было возможно только с помощью вооруженных экспедиций.

Прочно освоенными ассирийцами оказались те лишь районы, которые контролировались ассирийскими крепостями, и где население было выселено и заменено пригнанным из других стран (в частности, из Сирии и Палестины). Кругом же мидийско-кутийское население управлялось

---

[1] Так в «Торжественной надписи», строка 64; в Анналах ошибочно (?) Bît-Gabâia От иранского имени Bagaya-, уменьшительное от *Bagapāta — «хранимый богом»? Ср.: F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, s. v.; Th. Nöldeke. Persische Studien. SBAW, Bd. 126, 1892, стр. 29. Ср., впрочем город, Gabai в Паретакене, см. выше, стр. 146, прим. 1.

[2] Крепости были переименованы в Кар-Набу, Кар-Син, Кар-Адад и Кар-Иштар.

[3] В последующие годы многие из областей, упомянутые под 716—715 гг. как присоединенные к Ассирии, названы в числе самостоятельных, хотя и уплачивающих дань.

[4] Мы видели, что маннейские «наместники» Меттатти, Багдатту, Телусина и Дайаукку были автономными правителями. То же самое мы наблюдаем в Манне и позже, см. ниже, стр. 283.

[5] Это, впрочем, сомнительно. Текст Анналов, испорченный в этом месте (строки 86—87), гласит: 4[000 ^{amēl}]zi-im pa-ni ^{amēl}ḳu-ra-di-šu-nu 4820 [. . . . .] nišê-šu(?)-nu(?) i-na uš-man-ni-ja am-ḫur «4[000] главарей (?) (и) бойцов их, (и) 4820 [. . . .] их (?) людей я принял (или: взял) в мой лагерь (или: в моем лагере)». Для описания пленения эта формула является необычной, хотя и не невозможной.

[6] Число их различно по разным источникам; Анналы (строка 89) говорят о получении дани от 22 «владык поселений».

[7] Различение этих двух терминов вообще характерно для надписей Саргона.

прежними правителями и племенными вождями и уплачивало дань только тогда, когда бывало к этому вынуждено силой или крайней необходимостью.

В начале VII в. до н. э. мы встречаем в Мидии уже не пять, а больше ассирийских провинций. Однако нет никаких данных для предположения о том, чтобы ассирийцам удалось завоевать еще какие-либо дополнительные мидийские территории. Одна из новых провинций, Сапарда, была ранее частью провинции Хархар. Две другие — Мадай и Бит-Кари — были, повидимому, выделены также из провинции Хархар, и, может быть, Кишессу. Мадай — это, по всей вероятности, бывшая область Дейока южнее Мианэ, на Кызыл-узене,[1] а Бит-Кари («Дом колонии» или «колоний») надо искать в районе Хамадана.[2] Из ассирийских текстов ясно, что власть ассирийцев в этих провинциях была совершенно эфемерной; чтобы сохранять ее, эту власть приходилось поддерживать вооруженной рукой. Поэтому-то эти три области и были, вероятно, выделены из провинций Кишессу и Хархар, которые, будучи заселены изгнанным из Сирии населением, имели, очевидно, обычную для ассирийских провинций гражданскую администрацию. Когда именно произошло выделение этих трех новых провинций, неясно; по всей вероятности, оно произошло после 710 г. до н. э.

Год, следующий после подавления восстания в провинции Хархар — 714 г. до н. э., — ознаменовался походом Саргона II против Урарту. До нас дошла подробнейшая реляция об этом походе, представляющая ценнейший источник наших знаний о Манне и соседних странах. Поход этот был неоднократно описан в научной литературе.[3]

Поход был задуман как карательная экспедиция против Зикерту и Андии (все еще не приведенных к покорности, в отличие от Уишдиша, разгромленного уже в 716 г.).[4] В начале похода Саргон вступил в маннейскую область Сурикаш, возможно, ту самую, которую в 716 г. захватил Руса. Сюда была доставлена дань Манны самим маннейским царем Уллусуну с советниками и приближенными. Затем Саргон двинулся с целью демонстрации через владения маленького зависимого царства Аллабрии (в верховьях Малого Заба), где получил дань конями и скотом со своего ставленника Белапалиддина,[5] потом перешел в ассирийскую область Парсуа, возможно, с целью создать ложное представление о своих истинных намерениях. Сюда Саргону была доставлена дань от «владык поселений» с ранее покоренных Ассирией территорий в Ми-

[1] Не потому ли эта область и названа в узком смысле Мидией («Мадай»)?

[2] См. об этом ниже, стр. 276 и сл.

[3] Издание см.: 8 CS, с добавлениями Б. Мейсснера (ZA, XXIV, стр. 105) и Э. Ф. Вайднера (AfO, XII, стр. 144 и сл.); переводы: ARAB, II, §§ 139—178; АВИУ, № 49, стр. 321 и сл.; имеется ряд специальных работ по географии этого похода. (В дальнейшем: Текст реляции).

[4] Возможно, однако, что Руса I в 716 г. захватил маннейскую область Уишдиш.

[5] Имя это — аккадское.

дии[1] и непосредственно примыкавших к ним. Поименно текст называет 26 правителей, причем список возглавляет Тальта́, правитель Эллипи.[2] Они

[1] Текст называет Намар, Сангибуту (т. е. Бит-Сангибути), Бит-Абдадани и Страну Мидян; видимо, в последнее понятие здесь включено и Эллипи.

[2] Вот этот список, с попыткой локализации (звездочками обозначены имена, допускающие при нынешнем состоянии наших знаний иранскую этимологию):

Тальта́.	Эллипи.	Около Керманшаха.
*Уксатар. Дуриси. *Сатарешу.	Область Речки	Около Хамадана, была в провинции Хархар.
Анзи.	Хальхубарра.	В провинции Кишессу, совр. Хурвар?
Пайукку.	Киламбате.	В провинции Кишессу.
Узи.	Мали.	?
*Уакирту.	Наппи.	?
*Макирту	Бит-Сагбат	Между Казвином (юго-западнее последнего) и Хамаданом, в провинции Кишессу.
Китакки.	Уриангу (Уриакку).	В провинции Хархар.
Машдайаукку.	Кингараку.	?
Узитар.	Кантау.	?
Паукку.	Бит-Капси.	В провинции Парсуа (?).
Хумбе.	Бит-Зуальзаш.	В провинции Бит-Хамбан (?).
Узуманда.	Бит-Иштар.	В провинции Парсуа (?).
*Багпарна (?).	Закрути.	Севернее Хамадана (?). (В тексте Ba-ag-par-ar-na — явная описка)
Дари́.	Сапарда.	В провинции Хархар.
*Ушра́.	Канзабакани.	?
Шаррути.	Кар-зину́.	?
*Машдакку.	*Андирпаттиану.	? (это название сопоставляется с названием «Атропатена» — «Азербайджан», но, повидимому, неправильно, см. ниже, стр. 262, прим. 2).
Аккуссу.	Уси[. . . . .].	?
Биртату.	Сибур.	Близ Зенджана (Ṣibur).
*Зардукку.	Харзиану.	? (Читать Хардукку?).
*Машдакку.	Аратпату/и.	?
*Сатарпану.	Барикану.	?
Каракку.	Урика(ту).	В провинции Хархар.

Как видно, почти все перечисленные области, которые поддаются хотя бы приблизительной локализации, были еще в 716—715 гг., а частично даже еще в 744 г., включены в состав ассирийских провинций, что не мешало им иметь собственных «владык поселений». Умилостивительной дани не принесли, разумеется, полностью освоенные ассирийцами районы вроде Кишессу или Хархара, но также и некоторые покоренные более формально. Наряду с областями и поселениями на территории ассирийских провинций упомянуты и некоторые районы за ее пределами, однако — из числа подвергшихся недавно ассирийским нашествиям. Таковы Эллипи и Сибур. Однако «владыки поселений страны мощных мидян до горы Бикни» (Демавенда), якобы обязавшиеся данью в предыдущем, 715 г. (а на самом деле, вероятно, лишь принесшие единовременные

доставили Саргону коней, мулов, рогатый скот и двугорбых верблюдов.[1] Повидимому, создалось впечатление, что Саргон собирается повторить поход на центральную Мидию. Но намерения его были совершенно иными. Из Парсуа ассирийский царь, перевалив через горы, вступил в маннейскую область Миссу (Месу). Здесь, согласно предварительной договоренности, в крепости Зирдиакка (Сирдакка, Дурдукка) его поджидал Уллусуну, подготовивший продовольственные склады и доставивший «дань» — коней и скот — для ассирийского войска. В совещании с Уллусуну Саргон, якобы по просьбе маннейского царя, обещал начать поход против Урарту с целью возвратить Манне утраченную ею на восточном берегу Урмии территорию. Был устроен пир в честь Уллусуну и маннеев, причем царь Манны, хотя и был посажен ниже Саргона, однако выше, чем когда-то его отец Иранзу. Это было равносильно признанию Манны союзной державой. Здесь же были получены запоздавшие умилостивительные дары от правителей двух крепостей Гизильбунды — Зизй из Аппатара и Залая из Китпата на границе Парсуа.

Несмотря на обещание начать войну с Русой (а может быть, опять-таки, чтобы ввести неприятеля в заблуждение), Саргон продолжал отсюда путь по южной и юго-восточной окраине Манны,[2] направляясь против Зикерту. В маннейской крепости Панзиш, пограничной как с Зикерту, так и с Андией (и расположенной, повидимому, южнее Мианэ), была создана продовольственная база похода. Затем Саргон перешел через речку Иштараура [3] и вступил в область Ауканѐ, на территории Метатти зикертского. Метатти применил старую тактику: оставив свою резиденцию, крепость Парду (около Миапэ), он укрылся на горе Уашдирикка (повидимому, совр. Бозгуш-даг, менее вероятно — Савалан-даг); однако он не ограничился этим, а срочно бросил отсюда свои воинские силы на соединение с Русой I, который тем временем, услышав о намерении Саргона углубиться в прикаспийскую область Зикерту, спешил с запада с целью отрезать его с тыла и разгромить.[4]

дары, чтобы откупиться от Саргона), отсутствуют в списке. Большинство имен не имеет пока, а многие скорее всего и вообще не имеют, иранских этимологий; однако примерно для десятка имен иранская этимология может быть предложена, хотя вполне надежными в этом отношении можно считать только имена, Uaksatar=Huχšaϑra или Huvaχštra, Bagparna=Bagafarna, Satarpanu = χšaϑrapāna (начальное χ опущено во избежание недопустимого в аккадском двухсогласного начала), Uakirtu и Makirtu (оба читай Wakirtu) = Vahukṛta и, несмотря на (явно несостоятельные) возражения Кёнига, Mašdakku=Mazdāka. Все эти имена локализуются в восточной части Мидии. О некоторых из упомянутых здесь лиц см. также ниже, стр. 221, прим. 2.

[1] Текст реляции, строки 6—50.

[2] Текст реляции, строка 74 и сл.

[3] Это название реки, как видно из его неаккадской этимологии и характера его клинописной орфографии, к имени богини Иштар не имеет отношения; начальное i здесь простетическое (во избежание двухсогласного начала).

[4] См.: Текст реляции, строки 92—111 и письмо HABL, 515 (ср. перевод в АВИУ, № 50, 17, стр. 345).

Между тем, Саргон, опрокинув заслон, оставленный Метатти на перевале через Уашдирикку, разорил 13 зикертских крепостей,[1] а затем резко повернул на запад, в занятую урартами (еще, быть может, в 715 г.) маннейскую область Уишдиш (район Мерагэ). Этот поворот, повидимому, входил с самого начала в планы Саргона, и он в Уишдише лишь получил от своего агента подтверждавшее эти планы донесение о приближении войск Русы. Этим агентом был, повидимому, царек Аллабрии Белапалиддина.[2]

Так или иначе, планы Русы и Метатти потерпели полный крах. В битве на горе Уауш (Сахенд) ассирийцы наголову разбили их силы и отбросили их на урартскую территорию. Саргон быстрым маршем двинулся вдоль восточного побережья Урмии на север. Предупрежденное зажиганием костров на горных вершинах население всюду покидало перед ассирийской армией свои жилища. Первой была занята Ушкайя (ныне Уски на западном склоне Сахенда), пограничная крепость Урарту, созданная, вероятно, еще при Сардури II, при завоевании лежавшей на восточном берегу Урмии области Суби,[3] ранее маннейской. Эта крепость охраняла как подступы к Суби, так и подступы к области Заранда. Область Суби, по словам реляции Саргона,[4] специально была выделена царем Урарту, чтобы в ней выращивались кони для урартской конницы.

Жители и гарнизоны покинули Ушкайю вслед за беглецами с поля сражения на горе Уауш, и Саргон занял ее без боя. Он приказал снести ее стены, имевшие толщину 4 м, и сжег все жилье как в ней, так и — по словам реляции — в 115 окрестных поселениях. После изгнания отсюда урартов для Манны представлялась возможность расширения в будущем ее владений на север, но ассирийцы не имели намерения обогащать своего союзника неразоренными, людными областями. Ими были также разрушены крепость Аниаштаниа с конюшнями урартского армейского резерва конницы вместе с 17 окрестными поселениями (у северо-восточного угла озера Урмии), а также двойная крепость Таруи—Тармакиса (совр. Тавриз) в стране племени далийцев — также база урартского резерва конницы. Повсюду ассирийские войска захватывали обширные амбары с ячменем и уничтожали хлебные поля и луга.

Дальнейший путь Саргона проходил через урартскую провинцию Сангибуту (не смешивать с Сангибуту или Бит-Сангибути в западной

---

[1] Иштаиппа, Сактатуш, Нанзу, Ауканé, Кáбани, Гуррусупа, Ракси, Гимдакрикка, Барунакка, Убабара, Ситера, Таштами и Тесаммиа. В тексте «12 поселений», но перечислено 13.

[2] См.: АВИУ, № 50, 17, прим.

[3] Реляция Саргона II указывает, что по-урартски Суби называется «Страной маннеев»; поэтому возможно, что некоторые из описываемых урартскими текстами походов на «Манну» имеют в виду Суби.

[4] Текст реляции, строка 167 и сл.

Мидии!) — к северу от озера Урмии.[1] Эта территория, повидимому, была урартской со времени Минуа, т. е. уже около ста лет. Наиболее важным городом здесь был Улху, охраняемый крепостью Сардурихурда. В нем имелся дворец урартского царя. Составитель реляции Саргона подчеркивает огромные работы, произведенные урартами для орошения этой области — проведение каналов, арыков и систем подземного водоснабжения — кяризов, сооружение плотин и т. д.[2] Окрестности Улху представляли сплошные цветущие сады, виноградники и луга. Все это было выжжено, вытоптано и разграблено ассирийцами. Окрестные поселки и крепость Сардурихурда разделили судьбу Улху, но население успело скрыться в горах.

В Улху, как видно из реляции Саргона, имелись царские земли, но наряду с этим здесь, как и в других окрестных поселениях, было много земли во владении или даже собственности отдельных местных жителей или их семейных и сельских общин.[3]

Столь же богатые и культурные районы лежали и к западу от Улху. Многие поселения были здесь сильно укреплены, но деморализованная армия Русы не пыталась их удерживать; как и раньше, ассирийцы вступали в богатые крепости, в спешке брошенные жителями вместе со всем добром.[4] Поэтому тут были, в частности, захвачены огромные запасы продовольствия. Часть бежавшего в горы населения была истреблена ассирийцами. Поселения были по обыкновению сожжены и разграблены, после чего ассирийское войско через Котурский перевал [5] ушло на коренную урартскую территорию. При этом один из текстов Саргона сообщает, что ассирийский царь передал Уллусуну маннейскому 22 крепости, еще в 716 г. занятые Русой, а также 2 крепости, отнятые во время похода этого года у Русы и Метатти. Одна из них, по всей вероятности, — Ушкайа, другая — Парда или Аниаштаниа. Но вполне вероятно, что маннеи не ограничились этим, а воспользовались сложившейся ситуацией, чтобы занять и другие, бывшие урартские, территории в северных приурмийских районах. В неясном контексте Манна упоминается реляцией Саргона в связи

---

[1] Однако Саргон прошел не у самого берега, а скорее в районе Маранд — Хой, так как факт прохода по берегу был бы отмечен в тексте.

[2] Любопытно, что текст указывает на введение впервые Русой в этом районе двугорбых верблюдов, использовавшихся при работах по насыпке плотин.

[3] См. об этом: Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту. ВДИ, 1951, № 4, стр. 22 и сл.; И. М. Дьяконов. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту. ВДИ, 1952, № 1, стр. 96 и сл.; Г. А. Меликишвили. К вопросу о царских хозяйствах и рабах-пленниках в Урарту. ВДИ, 1953, № 1, стр. 22 и сл. и особенно стр. 25 и сл.

[4] Реляция (строка 233 и сл.) перечисляет: Хурнуку, Харданиа, Гизуарзу, Шашзисса, Хундурна Верхняя и Нижняя, Уаднаунза, Аразу, Шадишсиниа, Ситтуарзу, Зирма, Сурзи, Элиядиниа, Сурзиальдиу, Армуна, Кинаштаниа и еще три поселения, названия которых не сохранились.

[5] «Между горами Арсабиа и Эртиа».

со взятием крепостей в западной части Сангибуту (около Хоя), и нет ничего невероятного в том, что Уллусуну мог попытаться провести новую границу с Урарту по хребту, где теперь проходит граница между Ираном и Турцией, поскольку восточнее этого хребта урарты утеряли контроль над территорией, а ассирийцы, не имея общих с ней границ, не могли взять ее под свой контроль.

Одно ясно, что, хотя Саргон в своих текстах всячески подчеркивает покорность Манны, объективно создались условия, способствовавшие укреплению Маннейского государства и приобретению им фактически полной независимости. Если еще в 714 г. Уллусуну даже дважды уплачивал Ассирии дань, то после 713 г. мы надолго не услышим ничего подобного[1] и, наоборот, Манна даже отваживается нападать на окраины захваченной ассирийцами территории.

При подробном рассмотрении текста реляции Саргона бросается в глаза, что Манна и, может быть, еще более северные приурмийские области, бывшие под властью Урарту, т. е. территория нынешнего Иранского Азербайджана, стояли выше по уровню своего экономического развития, чем бо́льшая часть территорий восточной Мидии. Следует отметить, что между ассирийскими и урартскими завоеваниями была одна существенная разница: ассирийцы были гораздо менее заинтересованы в развитии сельскохозяйственного производства в завоеванных районах, так как имели высокоразвитое сельское хозяйство в старых районах своей державы. Напротив, урарты, имевшие дело по большей части с менее развитыми экономически районами, уделяли развитию сельского хозяйства особое внимание. Поэтому, хотя в ходе самого завоевания урарты пользовались столь же варварскими методами, как и ассирийцы, однако после того как та или иная область была уже ими освоена, урартская власть способствовала значительному развитию производительных сил. Известно, что проложенные урартами каналы до сих пор используются в Закавказье. Наглядным примером того, насколько развитие производительных сил делало шаг вперед под властью урартов, является свидетельство их врага о процветании поселений области Сангибуту к северу от озера Урмии. В этих развитых сельскохозяйственных районах, где, как прямо указывает текст Саргона, происходило значительное накопление богатств у части населения и где, повидимому, имелись крупные товарные хозяйства,[2] классовое развитие должно было зайти, конечно, куда дальше, чем на территории мидийского племенного союза. Можно

[1] В 713 г. Уллусуну опять вышел навстречу Саргону с «данью» или, вернее, с подарками; при этом Саргон вновь подчеркнул союзное, а не подчиненное положение Манны, отдарив Уллусуну полотняными и пестротканными шерстяными одеждами, кинжалом и кольцами (Призма B: KS, Taf. 44—46, отрывок F.—ARAB, II §§ 210—211).

[2] См.: И. М. Дьяконов. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, стр. 97.

предполагать, что и в собственно Манне, где условия для земледелия и ремесла были не хуже, если не лучше, чем в Сангибуту, общественное развитие было также значительно более высоким, чем далее к юго-востоку.

Имея все условия для экономического развития, будучи экономическим и политическим средоточием всей горной области к востоку от Ассирии, Манна могла бы вырасти в весьма значительное государство. Но для этого было необходимо преодолеть архаичный олигархический строй этого государства и создать такое государство, которое опиралось бы не на верхушечные группы рабовладельческого класса, а на весь класс целиком или даже на всю массу свободных. Время для создания подобного государства, однако, еще не настало. Все же во внешнеполитическом отношении, как уже указывалось, Манна значительно укрепилась после 714 г. и могла держать себя отныне довольно независимо.

В 713 г. Саргон II предпринял тот поход вглубь Мидии, которого там ожидали и боялись еще в 714 г. Поводом для него было восстание в области Каралла (в одной из долин в верховьях Малого Заба), где жители изгнали ассирийского ставленника. Саргон разгромил жителей Караллы [1] и направился оттуда на Мидию и Эллипи. Вступив в Эллипи, Саргон утвердил царя Дальту (или Тальту) на его престоле, что было необходимо, так как ассирийская ориентация последнего вызвала возмущение его подданных, и в том числе знати.[2] Отсюда ассирийское войско двинулось вглубь Мидии. Текст источника здесь гласит:[3]

«[*Страна* Сигри]су, *страна* Баит'ан (?) [4] — область Мидии, что на границе Эллиби,[5] [*страна* . . . .], *страна* Апсахутти, *страна* Парнуатти, *страна* Утирна, *поселение* Диристāну, [*страна* . . . .], *страна* Уриакки, *страна* Риманути (?) — область *страны* Уппурии, [*страна*] Уйадауэ, *страна* Бустис, *страна* Агази, *страна* Амбанда, *страна* Данану — отдаленные области (у) пределов *страны* Ариби востока,[6] а также области [7] могучих мидян,[8] которые сбросили ярмо бога

---

[1] KS, Анналы, строки 140—144. При этом Анналы сообщают, что Саргон «принял в своем лагере» 2200 их zīm pāni; ср. выше, стр. 212, прим. 5.

[2] KS, Призма B, отрывок F—ARAB, II, § 212; Список эпонимов: АВИУ, № 39, под 713 г.

[3] Курсивом переданы детерминативы.

[4] Или Ба'ит-или (Ba-'i-it-AN). Этимология (из западносемитского) — «дом бога» =Bagistāna, Бехистун — крайне маловероятна, хотя географически отождествление с современным Бехистуном вполне возможно.

[5] Вариант вместо «Эллипи».

[6] Дословно: «Ариби восхода солнца», ^{mât}A-ri-bi šá ni-pi-iḫ ^{d}Šamši^{si}.

[7] ^{mât}na-gi-i (вместо ^{mât}Na-gi-ra в издании!).

[8] В тексте ^{mât}Man-da-a-a dan-nu-ti — намеренно архаизирующее написание, играющее на аналогии с древним термином Ummân-Manda — вместо ^{mât}Ma-da-a-a dan-nu-ti.

Ашшура и скитались в горах и пустынях, как воры — я бросил зажженные головни[1] во все их поселения и все области их превратил в забытые холмы развалин».[2]

Отрывок этот привлекает внимание с различных точек зрения. Маршрут Саргона не вполне ясен, но, повидимому, он начинался в Эллипи (около совр. Керманшаха). Из упомянутых далее областей нам известны Уриакки/у и Уппурия (Уппария, может быть, также Ни(?)пария у Тиглатпаласара). Обе они входили в провинцию Хархар. То же верно и в отношении области Сигрис, имя которой, повидимому, восстанавливается в начале текста. Таким образом, и остальные области, повидимому, не следует искать в особом отдалении от ранее уже «присоединенных» к Ассирии территорий.

Однако другой текст Саргона[3] подтверждает, что области Агази и Амбанда принадлежали к числу областей «мидян (у) пределов Ариби востока»; это указание означает, что и Бустис здесь — область, не тождественная с известным нам Бушту-Бустусом на границе Парсуа и Манны.

Остаются такие названия, как Апсахутти, Парнуатти и т. д., незнакомые нам по другим текстам и, видимо, локализуемые восточнее Эллипи. Большинство этих названий, повидимому, имеет иранские этимологии.

Приведенный текст интересен тем, что он группирует перечисляемые области по двум категориям: это «области (у) пределов Ариби востока», и «области могучих мидян, которые. . . скитались в горах и пустынях».

Термин aribi в обычном употреблении ассирийских текстов — это родительный падеж или множественное число, согласно норме ассирийского диалекта аккадского языка, от именительного падежа единственного числа *arabu, *arubu — «араб». Однако очевидно, что в данном контексте не может итти речь об арабах и что под «Ариби востока» текст Саргона понимает нечто другое. Здесь имеется два объяснения. Согласно первому, имеются в виду «кочевники востока»,[4] т. е. скорее всего иранские кочевые племена. Согласно второму, окончание -bi следует читать -pe (как и в Elli-bi), т. е. как эламское окончание множественного числа ari.pe; ari- значило бы при этом «арии».[5] Мы уже указывали на то, что это толко-

---

[1] akukâti.

[2] KS, Анналы, строки 158—165.

[3] KS, Торжественная надпись, строка 66.

[4] Такова точка зрения Винклера (KS, стр. XXVII), Штрека (Streck, ZA, XV, стр. 354), Масперо (G. Maspero. Histoire Ancienne des peuples d'Orient classique, III. Les Empires, Paris, 1908, стр. 250), который сравнивает «арабов», упоминаемых Аппианом между Бактрией и тапирами, обитавшими в Гиркании (App. Syriaca, 55; ср. перевод С. П. Кондратьева: ВДИ, 1946, № 4, стр. 311).

[5] Эта точка зрения выдвинута Андреасом и Хюзингом (P. Rost. Das sogenannte Mederreich und das Emporkommen der Perser. Untersuchungen zur altorientali-

вание, которое представляется нам правильным, не вынуждает нас считать этих «ариев» эламоязычными. По всей видимости, имеются в виду аризанты, т. е. то мидийское племя, которое, с нашей точки зрения, именно и было исконно иранским по языку. Это согласуется и с тем обстоятельством, что топонимика «у пределов Ариби» (возможен был бы также перевод «в пределах Ариби») является тоже иранской, что составляет довольно большую редкость в Мидии VIII в. до н. э.

Характерно, что текст Саргона отличает здесь «могучих мидян, которые. . . скитались по горам и пустыням» от ариби-ариев. Писцы Саргона были, повидимому, хорошо осведомлены об этническом составе населения Мидии (мы видели, что обычно они различали коренное население западной Мидии как «кутиев» от племен мидийского союза — «мадай»). Поэтому особенно интересно, что они, как кажется, отличали мидян-«мадай» от собственно «ариев» — «ариби». Это не значит, конечно, что среди «мадай» в узком смысле слова не было к этому времени уже очень сильного иранского элемента. Имена представителей «мадай» ясно показывают, что такой сильный элемент был налицо. Господствующим, однако, его назвать нельзя, во всяком случае в западных и центральных областях.

Еще один текст Саргона,[1] к сожалению, сильно фрагментированный, дает другой, повидимому более подробный и точный список областей, разоренных ассирийцами в поход 713 г. с указанием их правителей.[2]

---

schen Geschichte. Mitt. der Vorderasiatisch. Gesellsch. Leipzig, 1897, Heft 2, стр. 84), и ее же придерживается, например, И. Г. Алиев (О мидийском обществе. Изв. АН Аз.ССР, 1948, № 10, стр. 86, 90).

[1] KS, Призма A.—ARAB, II, § 192.

[2] Вот этот список:

*Парнуа	— Сигрис
*Ситирна	— [. . . . .]сāна
Уппамма	— [. . . . .]на
*Машдаку	— Амакки
Иштесуку	— Иштеуббу (или Иштеуппу)
*Уарзан	— Укутти
*Ашпабара	— Каккам (то же, что Ушкаккан?) (так читать вместо Ашпанра в издании!)
*Сатарешу, Сибрасу	— Владыки поселений «больших областей Бит-Бари и Бит-Машбари»
*Сатарпану	— Уппуриа
*Партукку	— *Андирпаттиану (^{m}Pa-ar-ku-ku — вероятно, неправильная ретранскрипция имени ^{m}Maš/par-tuk/ku-ku, т. е. Машдукку)
*Ариа	— Бушту[ш?]
*Ушра(йа)	— Канзабакану
*Машдуку(?)	— *Аратпати (так!)
Хардукка	— *Харзиану
Иштелику, *Ауарисарну	— Владыки поселений страны [. . .]итану [«Ауарисарну» — может быть описка вместо встречающегося в других случаях «Ауар(и)парну»].

Список этот совпадает в одной своей части с концом списка 714 г. Всего, по текстам Саргона, он получил дань с 45 мидийских вождей,[1] по приводимым им спискам нам известно их не менее полусотни.[2]

Таким образом, чем бы ни было государство, основанное Дейоком, — государственным объединением Мидии, как это рисует Геродот, оно еще не было.

Последний поход ассирийцев при Саргоне II в Мидию был совершен, повидимому, в 706 г. до н. э.[3] Преданный ассирийцам царь Эллипи, Тальта́, в это время умер, и против фаворита ассирийцев, Аспабары,[4] выступил его сводный брат Ниб'э, опиравшийся на помощь эламского царя Шутрук-Наххунте II. Саргон выслал против Эллипи войска семи областеначаль-

---

Арбаку — Арнасиа
Шарутти — Кар-зину
*[Сатарп]ану — Барикану
[. . . . .] — Зазакну
[. . . . . .] — Каркасия (или Гаркасиа, не смешивать с «Кар-кашши»).
[. . . . . .] — *[П]артакану. . .

Многие из имен, а в особенности из топонимических названий, принадлежат к коренным языкам Мидии. Местоположение перечисленных областей далеко на востоке Мидии видно из относительного обилия иранских имен: Парнуа (Farnavahu? — «добрый славой»), Машдаку (Mazdāka, от Mazdā — «премудрый» — прозвище божества), Ашпабара (Aspabāra — «всадник»), Сатарешу (Xšaϑra+?), Ариа (Aryāya — «арийский»), Ушра(йа) (Ušϑrāya? — «верблюжий»), Ауарипарну (?) (Ahurafarna — «обладающий славой доброго божества»), Сатарпану (Xšaϑrapāna — «владеющий властью») и др. Сомнения Кёнига по поводу правомерности сопоставления элемента Mašda- с иранск. Mazdā — «премудрый (бог)» неосновательны: ассир. š передает s, озвончаемое перед d, поэтому mašda- — вполне естественная ассирийская передача mazdā. Зато совсем уж невозможно предложение, которое делает сам Кёниг (F. W. König. Die älteste Geschichte der Meder und Perser, стр. 31): объяснять имя Išteliku как древнегерманское (!) имя «Стилихон».

[1] Так по Анналам, строка 166; другие тексты дают меньшие цифры.

[2] В составе этих списков мы находим и Arbaku, и другие имена, близкие к именам мидийских царей, приводимым у Ктесия. Однако нельзя представлять себе дело таким образом, что Ктесий передал нам имена царей какой-то другой династии, параллельных Дейокидам. Мы уже упоминали (стр. 24), откуда в действительности происходит имя «Арбак» у Ктесия. Ктесиева династия мидийских царей составлена искусственно из современных ему мидийских имен; но ономастика мидян IX—VIII вв. могла частично продолжать еще жить и в V в., и этим объясняются совпадения. Ситуация, рисуемая текстами Саргона II, совершенно не похожа на рисуемую Ктесием для времени Арбака. Что касается Геродота, то, как уже указывалось, период 744—674 гг. выпал в передаваемой им традиции. Геродот в своем изложении истории Мидии рисует сначала период между 788 и 744 гг., а затем период после 674 г.

[3] Список эпонимов: АВИУ, № 39, под 706 г.; KS, Анналы, строка 402 и сл. Поход был, повидимому, направлен также против Караллы. См. также ниже, стр. 256, прим. 1.

[4] Мид. *Aspabāra — «всадник»; в ассирийской транскрипции Išpabāra (ассирийское š произносилось как s, а гласный «а» вначале ощущался ассирийцами как простетический, ср. чередование iškuza и asguzâi — «скиф»). Действительно, в письме HABL, 174 он же назван Ašpabāru, а в письме HABL, 645 — Ašpabâra.

ников.[1] Ниб'э с 4500 эламитскими лучниками заперся в крепости Мар'убишту, но крепость была взята и затем занята ассирийским гарнизоном.[2]

Несмотря на то, что Эллипи формально сохранило независимость, как самостоятельный политический фактор и как возможное ядро объединения Мидии оно уже не могло больше рассматриваться. Положение Эллипи было еще более ослаблено, когда в 702 г. последовал новый поход против Эллипи, совершенный сыном Саргона Синахерибом.[3]

Поход 702 г. был частью длительной борьбы этого царя с Эламом и носил характер демонстрации на фланге Элама, имея также целью противодействовать проникновению эламского влияния в Мидию. Первоначальным объектом похода были племена горных кочевников-касситов

---

[1] Это, по всей вероятности, были областеначальники Хархара, Кишессу, Парсуа, Бит-Хамбана и, возможно, Аррапхи, а также тех дополнительных трех ассирийских областей в Мидии, которые мы встречаем позже, при Асархаддоне: Сапарды, Бит-Кари и Мадай. Обстановку в период восстания Ниб'э рисуют нам письма HABL, 174 и 159 — от областеначальников Мардукшаррусура и Иштардури царю Саргону: а) «[По поводу ве]стей об области, о [которой царь] сказал мне: „пошли туда (людей)" — мой гонец сказал Кибабише и Дасукку: „царь отдал мне Эллипи, а Сангибуту дал Мардукшаррусуру. Решено ли это? Ваши поселения у вас отняты (и) если ты хочешь претендовать на них, то — пробуйте или оставьте, (все равно) разве я (уже) не прибыл туда?" — так он сказал перед простым народом (nišê mâti). Теперь Кибабише и Дасукку созвали 100 всадников, и они постоянно служат у них. . ., а остальных всадников Ашпабары, которые служат с ними, они не показывают. . . По поводу вести о о вельможах: я допросил мидянина, который привез их письма: „где вельможи?" Он сказал: „3-го числа месяца ташрита они писали в горы и ушли (туда)"». Уотермэн полагает, что Кибабише и Дасукку — не кто иные, как Кибаба, изгнанный из Хархара в 715 г. населением, и Дейок; однако это маловероятно, имея в виду, что в письме упоминается Ашпабара (если только это не Ашпабара, правитель Каккама; см. выше, стр. 221, прим. 2). Более вероятно, что Кибабише и Дасукку — это мелкие претенденты на раздел наследства после смерти Дальты, царя Эллипи (наряду с Ашпабарой и Ниб'э). Из письма видно, что первоначально Саргон предполагал разделить земли Дальты между своими областеначальниками, и лишь позже согласился уступить их одному из сыновей Дальты — Ашпабаре. б) Другой областеначальник, Иштардури, пишет Саргону, очевидно, на более позднем этапе развития событий: «Относительно конницы Ниб'э, о которой писал царь, господин мой: нас мало, в Мидии мы — во главе принадлежащих (??) царю, моему господину. . .». Повидимому, ситуация была серьезной.

[2] В тексте (KS, Анналы, строка 412): $^{\hat{a}l}$Mar-ú-biš-tu a-na eš-šu-ti aṣ-bat $^{am\hat{e}l}$mârê^{meš} KA.A.DI [. . . . . . .] ú-še-li. Выражение ana eššûti ṣabâtu означает новое заселение, глагол šûlû — введение гарнизона. Кто такие mârê^{meš} KA.A.DI [. . .], введенные в Марубишти Саргоном, неясно; вероятно, что в издании Винклера ошибочно скопирован текст.

[3] Цилиндр Рассама: AL_5, стр. 64 и сл.; II, 8 и сл.; Саргон II погиб в походе 705 г., как обычно полагают, в Малой Азии; однако Штрек видит в «кулуммейцах», вызвавших, повидимому, его гибель, жителей мидийской крепости Кильман или Кулуман (см. об этом ниже, стр. 236, прим. 2).

и родственных им ясубигаллайцев к югу от Эллипи. Ассирийцы захватили здесь коней, ослов, мулов и рогатый скот, а также пленных. Весь пройденный ассирийцами горный район был включен в состав области Аррапха;[1] из числа трех занятых крепостей[2] в одной были поселены пленные переселенцы, —повидимому из Вавилонии, —а в двух других—бежавшие было в горы касситы. Отсюда Синаххериб спустился в Эллипи (где на этот раз Аспабара примкнул было к эламской коалиции) и занял крепости Мар'убишту и Аккудду, захватив большую добычу людьми, конями, мулами, ослами, верблюдами и рогатым скотом. При этом от Эллипи была отделена область Бит-Барруа (Баруата урартских надписей),[3] заселена пригнанными из других мест пленными и присоединена к ассирийской области Хархар. Отсюда мы узнаем, что Бит-Барруа, включенная в состав ассирийского царства еще Тиглатпаласаром III, с тех пор сумела отпасть от Ассирии и соединиться с Эллипи. Это произошло скорее всего в 715 г., во время восстания ряда юго-западных мидийских районов.

После поражения 702 г. Эллипи решилось еще раз выступить против Ассирии: в 689 г. оно приняло участие в большой коалиции, сколоченной против Ассирии эламским царем Хумпанимменой III и вавилонским царем Мушезиб-Мардуком.[4] В нее вошли также различные арамейские и халдейские племена, а также страны Парсуаш, Анзан и Пашери.[5] Союзные войска встретились с ассирийцами при Халуле́ на Тигре; битва была нерешительной, но союзники не смогли продолжать войну против Ассирии ввиду внезапной болезни Хумпаниммены и начавшейся в связи

---

[1] Это сообщение указывает, повидимому, на предшествовавшее слияние области Намар с Аррапхой, так как прежде область Аррапха, имевшая центром, как в настоящее время хорошо известно, современный Керкук, с Эллипи и областью касситов не граничила.

[2] Именно, Бит-Киламзах, Хардишпи и Бит-Кубатти.

[3] С крепостями Ṣiṣṣirtu, Kummaḫlum и Elenzaš. Последняя была сделана местопребыванием ассирийского гарнизона и переименована в Кар-Синаххериба. Быть может, Элензаш — то же, что Эрензиаш(у), упоминаемый анналами Тиглатпаласара III под 744 г. Во всяком случае предполагается, что Элензаш — то же, что Алинза у Птолемея (VI, 2, 13) и современный Керманшах.

[4] Цилиндр Рассама, V, 5—VI, 24: AL[5], стр. 72 и сл.; письмо HABL, 1315.

[5] Парсуаш здесь, по всей вероятности, Персида, упоминаемая в ассирийском тексте под этим или сходным названием (Parsumaš, читай *Parsuvaš) также и 50 годами позже. Та же страна подразумевается, по всей вероятности, и в тексте Шамши-Адада V (KAH, II, 142), когда он говорит о разорении и смуте во всем Эламе, от Парсамаша (т. е. Персиды на крайнем юго-востоке) до Бит-Бунакки (в верховьях реки Керха на крайнем северо-западе). Ср. «Парсумаш» в письме HABL, 1309. Во всяком случае теория Олмстеда—Камерона о трех этапах переселения персов с озера Урмии (?!) — Парсуа, Парсумаш (якобы на северо-востоке Элама) и Персиды — не выдерживает критики в свете общих данных истории и изучения собственных имен с соответствующих территорий. Что имеется в виду в Анналах Синаххериба под Анзаном — в данном случае неясно; быть может, какая-либо автономная часть Элама. О Пашери больше ничего не известно.

с этим внутренней борьбы в Эламе. Ассирийцам удалось захватить и разрушить Вавилон, и попытка к освобождению от ассирийского ига, как и предшествовавшие ей, осталась пока бесплодной.

На начало VII в. до н. э. падает, таким образом, наибольшее усиление позиций Ассирии в Мидии. С этого момента начинается новый период — подготовка к созданию, а затем и само создание собственно Мидийского царства.

8. Население Мидии около 700 г. до н. э.

Прежде чем перейти к рассмотрению этого периода истории Мидии, было бы небесполезно сделать обзор этнического состава мидийской территории, каким он был к 700 г. до н. э.

Районы современного Иранского Азербайджана, включая восточное и южное побережья озера Урмии и расположенные еще далее к югу территории, вплоть до линии Казвин—Хамадан, занимали различные племена, объединяемые ассирийскими источниками под названиями кутиев, или кутиев и луллумеев; на этой территории упоминается также механский язык.[1] При этом районы к северу от гор Гизильбунды входили в состав государства Манны, более южные были в той или иной степени включены в состав Ассирии. Ближе к побережью Каспийского моря, в нижней половине долины Кызыл-узена и далее к северу, существовали мелкие царства, заселенные племенами, которые античные авторы называли впоследствии гелами, кадусиями, каспиями и т. д. — по всей вероятности, родственными кутиям и касситам, — а также полукочевыми мардами (или амардами) и сагартиями античных авторов. Это население Андии, Зикерту, страны далийцев, вероятно Гизильбунды. Если верно не раз предполагавшееся отождествление Зикерту с сагартиями, то среди них были, возможно, и отдельные иранские племена, на что, как кажется, указывает и наличие в VIII в. единичных иранских имен на этой территории.

Начиная от верхней части долины реки Кызыл-узен и далее к востоку, вплоть до пустыни Дешт-и Кевир, простиралась территория, обозначавшаяся ассирийцами как Страна мидян (Мадай) в широком смысле; часть ее находилась под властью Ассирии; судя по именам и топонимике, вплоть до линии Казвин—Хамадан и здесь преобладал кутийско-луллумейский языковой элемент; восточнее же этой линии при наличии того же элемента, особенно в топонимике, преобладающим постепенно становится иранский языковой элемент. Повидимому, это — первоначально племенной язык аризантов, игравший, однако, в мидийском племенном союзе роль языка межплеменного общения; отсюда его большое распространение, особенно в собственных именах. Во всяком случае, судя по

---

[1] См. ниже, стр. 267.

наличному материалу, было бы неправильным решительно утверждать, что мидяне VIII в. до н. э. были целиком иранскими по языку.

На южной окраине Мидии (в Эллипи, входившем в понятие «Мадай» в широком смысле,[1] в области касситов и т. д.) важную роль играл эламско-касситский этнос. Напротив, на самом севере, между Араксом и Урмией, а также на ее западном побережье преобладал, вероятно, хуррито-урартский этнос. Античные авторы помещают здесь матиенов, которые, повидимому, не кто иные, как хурриты; частично, вероятно, в районе Урмии хурриты жили издавна, частично они могли попасть сюда при урартской колонизации края в конце IX—начале VIII в. до н. э., так как население Урартской державы в целом состояло не из одних только урартов, а по крайней мере из четырех этнических элементов: урартов, родственных им хурритов, иберо-грузин и арменов (армян).[2]

Освоенная ассирийцами западная окраина будущей Мидии, как этот термин понимают античные авторы (т. е. в более широком понимании, чем вкладывалось в ассирийский термин «Страна мидян»), к 700 г. в значительной степени лишилась своего коренного населения и была заселена пленными переселенцами — из Сирии, Палестины, Вавилонии и других стран. Языком взаимного понимания был для них, вероятно, как и в других частях Ассирийской державы, арамейский, — язык Сирии и Северной Месопотамии. Впоследствии эта территория называлась Сиромидией. Однако вавилонский культурный, а вероятно и этнический в целом, элемент ощущался в западной Мидии и раньше, независимо от ассирийской политики переселений, восходя еще ко времени касситского царства в Вавилонии.

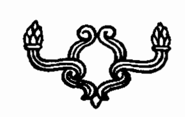
Столь пестрой по этническому составу около 700 г. до н. э. была территория, которой было суждено объединиться под названием Мидии. Культурно преобладающими были области с коренным, кутийско-луллумейским и отчасти хурритско-урартским населением и прежде всего районы у озера Урмии — Манна и соседние с ней земли. Здесь же наблюдалась и наиболее передовая экономика со значительным развитием классовых отношений. Государственный строй здесь, однако, был олигархическим по своему характеру, и поэтому Манна была неспособна возглавить объединение всей страны, для чего необходимо было прежде всего объединение вокруг государственной власти всего свободного населения.

---

[1] Так, Эллипи, повидимому, включено в понятие «Мадай» в реляции о 8-м походе Саргона (см. выше, стр. 214). Однако чаще Эллипи рассматривалась как отдельная страна; также и в эллинистическое время эту область обычно отличали, под названием Элимаиды, и от Мидии, и от Сузианы или Киссии (Элама).

[2] Иначе — алародиев, матиенов, саспейров и армениев. Таково население Армянского нагорья по данным Геродота, восходящим, вероятно, к Гекатею (ок. 500 г. до н. э.). Ср. также: Г. А. Меликишвили. Происхождение грузинского народа. Тбилиси, 1952. Представляется вероятным, что тот же состав населения был здесь и двумя-тремя столетиями раньше.

Изучаемая нами территория в это время представляла весьма пеструю картину также и в отношении степени экономического развития. Наряду с высокоразвитым, уже классовым обществом передовых земледельческих районов имелись районы оседлых и полукочевых скотоводов, еще только переходивших к классовому обществу, и, наконец, горные районы, где первобытно-общинный строй (как, например, у касситов-горцев и их преемников — луров) держался еще много столетий спустя.

Глава III

МАННА И ЦАРСТВО СКИФОВ. ВОССТАНИЕ КАШТАРИТИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИДИЙСКОГО ЦАРСТВА

1. Киммерийцы в Передней Азии

На рубеже VIII и VII вв. до н. э. в Передней Азии возник новый политический фактор, в значительной мере изменивший соотношение сил. Это были кочующие племена конников — киммерийцев, треров и скифов, проникавшие из Причерноморья в западную Азию.

Имеющиеся у нас древневосточные свидетельства об этих племенах хорошо освещают отдельные конкретные ситуации, но не дают возможности ясно представить себе в целом самый ход их передвижения. Недостаточно помогают нам и археологические материалы, ибо скифские комплексы и в самом Причерноморье ясны нам только с середины VII в. до н. э., так что материальная культура, которая была принесена в Переднюю Азию интересующими нас племенами в VIII и начале VII в., не могла быть той культурой, которая в археологии Причерноморья условно называется «скифской» и которая сама уже носит недвусмысленные черты переднеазиатского влияния. Киммерийцы и скифы ассирийских и других азиатских известий VIII—начала VII в. принадлежали археологически к доскифским культурам. Следует отметить, что, несмотря на ряд археологических исследований, и в особенности труды Б. Б. Пиотровского, нельзя еще сказать, чтобы мы умели в пределах Передней Азии безошибочно выделять скифский археологический материал, не говоря уже о киммерийском. Эти так называемые «скифские» материалы становятся нам ясны, когда нам удается связывать их со скифскими археологическими комплексами Причерноморья, иначе говоря, только в комплексах конца VII—VI—V вв. до н. э.; в это время, однако, следует уже считаться с взаимодействием скифской материальной культуры в пределах Передней Азии с культурами родственных по языку народов (мидян, бактрийцев, саков и др.), а также и тех неродственных народов, в тесное соприкосновение с которыми вступали скифы (население периферийных областей Урарту, Малой Азии, маннеи, жители древнейшей Албании и др.). Поэтому и соответствующий материал этого времени в Передней Азии мы не всегда вправе безоговорочно считать скифским. Уже указывалось, на-

пример, на то, что так называемые «скифские» наконечники стрел находят, как оружие осаждавшего войска, у стен также и таких крепостей, где исторически присутствие скифов не засвидетельствовано, но зато засвидетельствовано присутствие мидян и персов.[1] Это находится в полном соответствии с указанием Геродота (I, 73) на то, что стрелковое дело у мидян — скифского происхождения. В этих условиях мы не можем обойтись без помощи свидетельств античных повествовательных источников, которые хотя и значительно отстоят во времени от описываемых событий, тем не менее важны потому, что содержат целостные точки зрения на ход передвижения причерноморских конных племен, восходящие к старой и, вполне вероятно, достоверной традиции.

Наиболее старые греческие источники, именно гомеровские поэмы, скифов не знают. В «Илиаде» упоминается земля «конеборных фракийцев. . . рукопашных мисов[2] и дивных доителей кобылиц — млекоедов, абиев (или: бедняков), справедливейших людей».[3] Отсюда можно заключить лишь то, что для грека X—VIII вв. до н. э. (время, к которому можно отнести данный отрывок) северными соседями Фракии (западного побережья Черного моря) считались коневодческие и, возможно, кочевые племена.

В «Одиссее» герои попадают по дороге с мифического острова Э(э)и[4] в столь же мифическую страну северного мрака, «у пределов глубокотекущего Океана»:[5] «Там народ (dēmos) и полис (polis) мужей киммерийских (? — или «зимних»), окутанные мглою и тучами, и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним лучами».[6] Здесь находился, по поэме, вход в царство мертвых. Это означает лишь, что крайний из известных грекам того времени северных народов назывался киммерийцами, причем о них не было известно ничего реального, ибо «демос» и «полис» киммерийцев — это просто перенос знакомых условий на обстоятельства жизни незнакомого народа. Неясно даже, можно ли в этом контексте вообще читать имя киммерийцев. По всей вероятности, прав Страбон (I, 1, 10; 2, 9), считающий что автор «Одиссеи» знал киммерийцев по их набегам на Малую Азию.

[1] И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства. ВДИ, 1951, № 2, стр. 38 и сл.; ср. также: Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 124 и сл. В числе мест, где найдены «скифские» наконечники стрел, Б. Б. Пиотровский называет Вавилон, Ашшур (Ассирия), Каркемиш, Аль-Мина (Сирия), Алишар, Тарс (Малая Азия), Джерар (Палестина), Хайкаберд, Кармир-блур (Урарту), Мингечаур (Азербайджан) и мн. др.

[2] Возможно, имеется в виду Moesia римлян, фракийская область, часть нынешней Болгарии.

[3] Il., XIII, 4—5; hippopolōn Thrē[i]kōn. . . Musōn t'a(n)gkhemakhōn kai agauōn hippēmolgōn glaktophagōn Abiōn (или: abiōn) te, dikaiotatōn anthrōpōn.

[4] Впоследствии Ээя локализовалась в Колхиде.

[5] Океан у Гомера — река, обтекающая населяемую землю.

[6] Od., XI, 14: entha de Kimmeriōn (или лучше kheimeriōn?) andrōn dēmos te polis te, ēeri kai nephelē[i] kekalummenoi; oude pot'autous Ēelios phaethōn kataderketai aktinessin. . . Столь же неопределенны сведения о кочевниках у Гесиода («скифы» во fr. 55, Rzach, несомненно, глосса).

Уже в конце VI и в V в. в Северном Причерноморье реально не существовало никаких киммерийцев. Геродот (I, 103; IV, 11 и сл.) знает традицию о том, что киммерийцы ранее жили у так называемого Киммерийского Боспора (Керченского пролива), были оттуда будто бы вытеснены скифами и ушли в Переднюю Азию; однако, сообщая эту легенду, Геродот тут же приводит противоречащую ей, но, как мы увидим, совершенно правильную традицию о том, что скифы шли (якобы «преследуя» киммерийцев) другим путем, нежели последние: киммерийцы двигались по Черноморскому побережью,[1] а скифы — по Каспийскому.

Нет никаких реальных данных о том, чтобы киммерийцы когда-либо составляли всю основную массу населения Северного Причерноморья. Нет даже вполне надежных данных о том, что они жили у Керченского пролива. Подтверждением последнего со времени Геродота считаются топонимические названия; Геродот (IV, 12) называет «Киммерийский Боспор» и «Киммерийские переправы» (часть того же Керченского пролива), область «Киммерию» (которую он не локализует точнее) и «Киммерийские укрепления». Более поздние авторы называют еще несколько: город Киммерик,[2] или Киммериду (на Тамани и в Крыму), гору Киммерий[3] и т. п. Однако Киммерийский Боспор был назван так, по всей вероятности, просто как «северный», для отличия от Фракийского Боспора (Босфора): терминологически это вполне совпадает с гомеровским словоупотреблением, восходящим к VIII в., к каковому времени мы и должны отнести первое открытие Крыма и Керченского пролива греками.[4] По крайней мере у местного населения, с которым греки столкнулись к моменту начала колонизации в Крыму, этот пролив назывался не Киммерийским проливом, а «Рыбным путем» (*Pantikapa),[5] что видно из названия построенного здесь города Пантикапеи (ныне Керчь), скифская этимология имени которого ясна, но должна быть отнесена только к проливу, а не к самому городу, по крайней мере первоначально. Остальные названия (Киммерик, Киммерийские укрепления, Киммерийские переправы) могли быть даны уже по имени пролива. Гора Киммерий упоминается в античной литературе лишь один раз, и нет уверенности в том, что в данном случае у Страбона нет ошибки. Следует также отметить, что наиме-

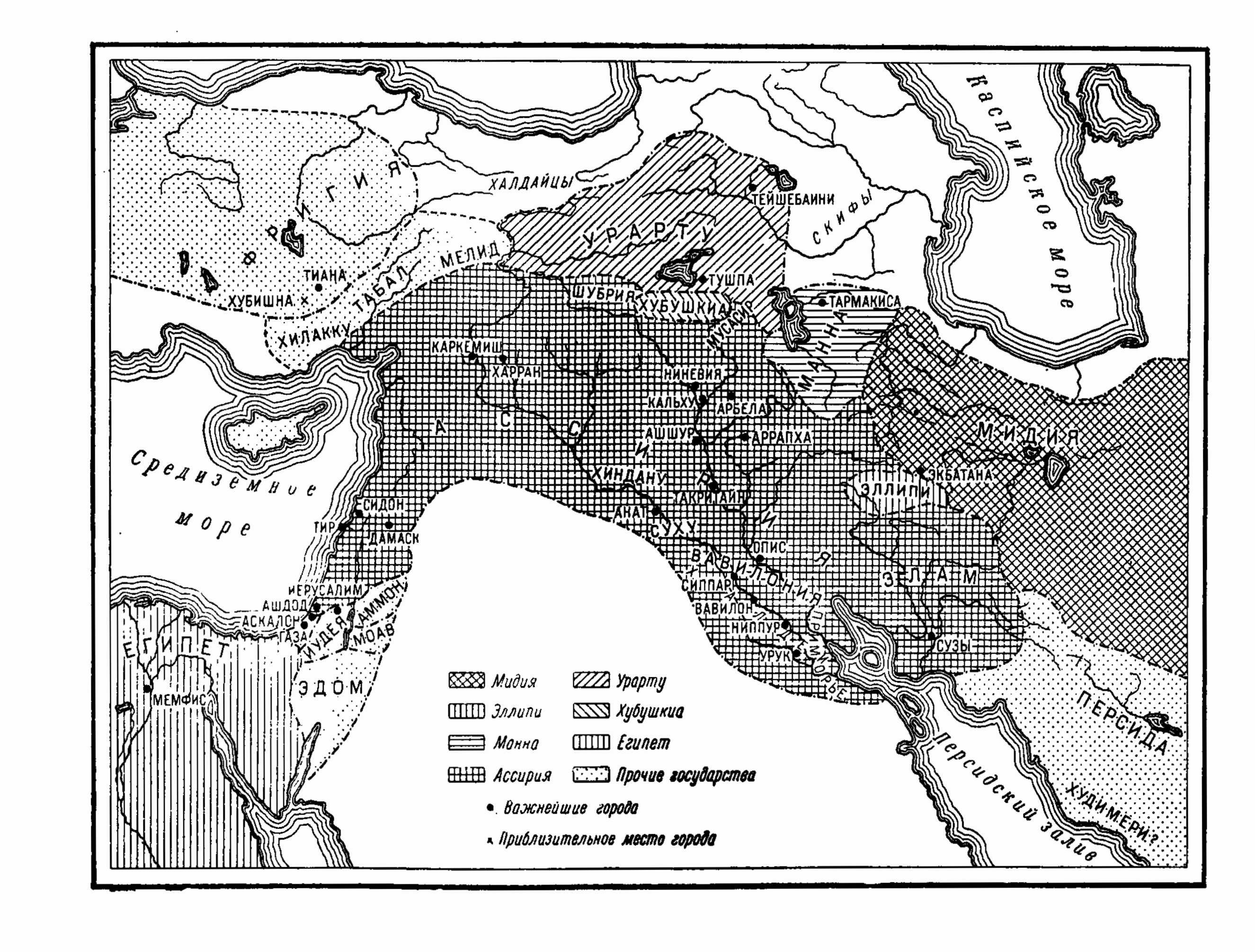
[1] В науке неоднократно высказывался взгляд, что путь вдоль Черноморского побережья невозможен для больших вооруженных масс и что киммерийцы должны были двигаться через Дарьял или Алагир. Они должны были, таким образом, попасть вначале в центральное Закавказье и лишь впоследствии могли опять попасть к Черному морю.

[2] Strabo, XI, 1, 5; «Периегесис» анонима (Скимна Хиосского): ВДИ, 1947, № 3; стр. 313 и прим.

[3] Strabo, VII, 4, 3.

[4] Есть предположение, что древнейшая греческая колония на Черном море — Синопа — была основана впервые в конце IX в. до н. э. Вряд ли первые плавания греков к северным берегам Черного моря могли происходить много раньше этого.

[5] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. Скифский язык. М., 1949, стр. 237; общеиранское panti- — «путь» (ср. русское «путь» из старославянского pontĭ); kapa- в иранских языках скифо-среднеазиатской группы означает «рыба».

Каспийское море
Средиземное море
Персидский залив
ФРИГИЯ
ТИАНА
ХУБИШНА
ХИЛАККУ
ТАБАЛ
МЕЛИД
ХАЛДАЙЦЫ
УРАРТУ
ТЕЙШЕБАИНИ
СКИФЫ
ТУШПА
ШУБРИЯ
ХУБУШКИА
МУСАСИР
ТАРМАКИСА
МАННА
КАРКЕМИШ
ХАРРАН
НИНЕВИЯ
КАЛЬХУ
АРБЕЛА
АШШУР
АРРАПХА
АССИРИЯ
ХИНДАНУ
ТАКРИТАЙН
АНАТ
СУХУ
МИДИЯ
ЭКБАТАНА
ЭЛЛИПИ
ЭЛАМ
СУЗЫ
ОПИС
ВАВИЛОНИЯ
СИППАР
ВАВИЛОН
НИППУР
УРУК
ПРИМОРЬЕ
ПЕРСИДА
ХУДИМЕРИ?
СИДОН
ТИР
ДАМАСК
ИЕРУСАЛИМ
АШДОД
АСКАЛОН
ГАЗА
ИУДЕЯ
АММОН
МОАВ
ЭДОМ
ЕГИПЕТ
МЕМФИС
Мидия
Эллипи
Манна
Ассирия
Урарту
Хубушкиа
Египет
Прочие государства
Важнейшие города
Приблизительное место города

нование какого-либо населенного пункта или местного предмета по этническому названию является доказательством того, что данный этнос не составлял здесь основной массы населения: иначе такое наименование, как уже указывалось (см. выше, стр. 58), не может служить отличительным признаком и обозначением. Поэтому в лучшем случае район Керченского пролива мог быть окраиной мест обитания киммерийцев. Остается еще область Киммерия, но мы не знаем, где она находилась. Однако, судя по маршруту движения киммерийцев в Переднюю Азию, мы можем предположить, что первоначальным местом их обитания была западная часть Северного Кавказа, быть может, включая Тамань. Не исключена, конечно, возможность, что и на Крымском полуострове имелись, наряду с основной частью местного населения — таврами, — также и киммерийцы. Однако греки во время своей колонизаций Крыма их там уже не застали.

Во всяком случае, у нас нет достаточных данных для того, чтобы считать киммерийцев первоначальным населением всего Северного Причерноморья, вплоть до Фракии, и тем более — общим самоназванием племен, обитавших здесь до скифов.

Правда, Страбон — автор хотя и поздний, но чрезвычайно добросовестный и пользовавшийся многочисленными и разнообразными старыми источниками, дает нам, казалось бы, другое представление о маршруте киммерийских вторжений в Азию, а следовательно, и о месте их первоначального обитания.

Вот основные указания, которые дает Страбон (опускаю те данные, которые совпадают с данными Геродота и, очевидно, восходят к нему же): [1]

«. . . во времена Гомера или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение киммерийцев до Эолиды и Ионии» [2] (Strabo, III, 2, 12).

«Что (Гомер) знал их (=киммерийцев), доказывают хронографы, относящие время вторжения киммерийцев незадолго до его или к его времени» (I,2,9).

Киммерийцы делали «набеги на живущих внутри страны по правую сторону Понта (т. е. на южном берегу Черного моря) до Ионии» (XI, 2, 5).

«Каллисфен [3] говорит, что Сарды были взяты сначала киммерийцами, потом трерами и ликийцами, [4] что подтверждает, говорит он, и элегический поэт Каллин» [5] (XIII, 4, 8).

«В древности магнеты [6] были совершенно уничтожены киммерийским народом треров. . . Каллин упоминает о магнетах как о живущих еще

[1] Strabo, VII, 4, 3; XI, 2, 5.

[2] Эолида — северная, Иония — центральная часть малоазийского побережья Эгейского моря.

[3] Очевидно, известный придворный историк Александра Македонского.

[4] Ликийцы — родственный «хеттам»-несийцам народ, живший издревле на юго-западе Малой Азии. Сарды — столица западномалоазийской страны Лидии.

[5] Время жизни Каллина можно вывести только из этого же отрывка. Из ассирийских источников мы знаем, что киммерийцы взяли Сарды около 654 г. до н. э.

[6] Жители города Магнесии на границе Ионии и Лидии.

счастливо и успешно воюющих с эфесцами, а Архилох,[1] очевидно, уже знал постигшее их бедствие. . . Каллин упоминает о каком-то другом, более древнем нашествии киммерийцев, когда говорит: „Теперь наступает войско грозных киммерийцев“, где он разумеет взятие Сард» (XIV, 1, 40).

«. . . переселение же каров,[2] треров, тевкров[3] и галатов,[4] как равно и отдаленные странствования вождей — Мадия скифского, Теарко эфиопского,[5] Коба трерского, Сесостриса и Псамметиха египетских[6] или пер-

Рис. 40. Киммерийцы(?). Рисунок с «понтийской» (этрусской) вазы середины VI в. до н. э. Копия с несколько более раннего рисунка на аттической вазе (на самой вазе изображены также противники кочевников — верховые лидийцы или греки, мечущие дротики).

сов от Кира до Ксеркса — не всем известны. . . Киммерийцы, которых называют и трерами, или какой-нибудь из их народцев, часто делали набеги на правую сторону Понта и смежные с нею (области), вторгаясь то в Пафлагонию,[7] то даже во Фригию. . .[8] Часто и киммерийцы и треры совершали подобные набеги; треры и Коб, в конце концов, говорят, были изгнаны киммерийским[9] вождем Мадием» (I, 3, 21).

---

[1] Жил в середине VII в. до н. э. Ряд исследователей, однако, считает, что Страбон ошибался, считая, что Архилох жил позже Каллина.

[2] Приморский народ в юго-западной Малой Азии.

[3] Троянцы в северо-западной Малой Азии (?). Повидимому, как и в случае каров, имеются в виду миграции так называемых «народов моря» в период падения Хеттского царства в конце II тысячелетия до н. э.

[4] Галаты — кельты или галлы, вторгшиеся в Малую Азию в III в. до н. э.

[5] Фараон Тахарка, долголетний соперник ассирийцев в VII в. до н. э.

[6] Египетские фараоны, с которыми фольклорная традиция связывала времена завоевания азиатских стран Египтом.

[7] Центральная часть южного побережья Черного моря.

[8] Центральная Малая Азия.

[9] Явная описка, надо «киммерийцы и Коб» . . . «скифским вождем Мадием»; см. выше, а также: Н е г., I, 103.

«...Лигдамис, руководя своими воинами (имеются в виду киммерийцы.— *И. Д.*), дошел до Лидии и Ионии и взял Сарды, но погиб в Киликии» (I, 3, 21).

Страбон, как видно из приведенных цитат, полагал, повидимому, что киммерийские вторжения происходили с северо-запада, через Фракийский Боспор (Босфорский пролив), откуда они проникали в Эолиду, Ионию, Пафлагонию и «даже» Фригию; однако ясно и то, что Страбон не очень хорошо представлял себе разницу между отдельными племенами, совершавшими набеги на Малую Азию в VIII—VII вв. до н. э. Именно этим обстоятельством следует объяснить, что он отождествляет киммерийцев то с фракийцами-трерами,[1] то со скифами, чего ранние античные писатели обычно не делают.

Пользуясь ссылками на писателей VII в., приводимыми Страбоном, и другими данными античных авторов, можно определить следующее.

Киммерийцы совершали набеги на Малую Азию (Фригию, Пафлагонию, Вифинию, Мисию,[2] Лидию, Эолиду, Ионию) еще во времена Гомера (не позже VIII в. до н. э.). Они приняли, повидимому, участие в разгроме Фригийского царства, последний царь которого, Мидас, умер около 676—674 гг. до н. э.[3] Они взяли Сарды впервые при Гиге, около 654 г.[4] Тогда же, видимо, был ими взят и Эфес. Позже, при Ардисе, сыне Гига, т. е., вероятно, около 646—645 г.,[5] Сарды, а также Магнесия были взяты ликийцами и трерами, которых Страбон — впрочем, без особой уверенности — отождествляет с теми же киммерийцами. В конечном счете киммерийцы столкнулись со скифами и, вероятно, подобно своим союзникам трерам, были побеждены скифским вождем Мадием, расцвет

---

[1] Фракийское происхождение треров явствует из указания самого Страбона (XIII, 1, 8, ср.: XII, 7, 7); у него же (I, 3, 18) они названы соседями (sunoikoi) фракийцев. Такой исключительно достоверный автор, как Фукидид (Thuc., II, 96, 4), также называет треров среди фракийских племен.

[2] Киммерийцы, согласно Стефану Византийскому (см.: ВДИ, 1948, № 3, стр. 345) около ста лет владели городом Антандром на мисийском берегу Эгейского моря, в северо-западной Малой Азии, и этот город даже назывался Киммеридой. О киммерийской оккупации Вифинии (между Пафлагонией и Мисией) сообщал Арриан [FGH, II, A, 156, fragm., 60 (37)=Eustath. Dion. Per., 322; ср. также: fragm. 76 (47)], причем, по его словам, киммерийцы ушли с проникновением сюда с Балкан фрако-фригийских племен финов и вифинов, что в свою очередь, быть может, стоит в связи с нашествием треров.

[3] См. об этом: Pauly — Wissowa, s. v. Kimmerier, стр. 413 (статья Леманн-Хаупта), и особенно: Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту. ВДИ, 1951, № 4, стр. 39.

[4] Это первое взятие Сард, о котором говорит Страбон (см. выше) и о котором косвенно упоминается в ассирийских анналах Ашшурбанапала: Assurbanipal, II, стр. 22, II, 119 и сл.=АВИУ, № 72, См. также: акад. В. В. Струве. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота. ВДИ, 1952, № 2, стр. 67.

[5] Леманн-Хаупт датирует второе взятие Сард 646/45 г. до н. э.: Pauly — Wissowa, s. v. Kimmerier, стр. 415.

деятельности которого, как мы увидим ниже, падает на 50-е — 40-е годы VII в. до н. э.[1] После этого киммерийцы осели на северном побережье Малой Азии, около Синопы, как на то указывает Геродот (IV, 12). Окончательно они были побеждены лидийским царем Алиаттом в конце VII в. до н. э.

Поскольку Страбон принимает два вторжения в Малую Азию, то вполне допустимо считать, что одно из них, а именно первое, и было собственно киммерийским и что оно шло не с запада на восток, как представляется Страбону, а вдоль Кавказского побережья Черного моря, т. е. в том направлении, которое предполагается Геродотом [и, возможно, на основе самостоятельного источника, также Плутархом,[2] называющим их вождем Лигдамиса, известного, кроме него, Страбону (I, 3, 21), Каллимаху,[3] сообщающему о том, что ему не удалось взять Эфеса, и Гесихию].[4]

Рис. 41. Киммерийцы (?). Изображение с ионийского саркофага из Клазомен. Середина VI в. до н. э. или несколько ранее.

Это косвенным образом подтверждается и древневосточными данными. Если не считать сомнительного упоминания киммерийцев в «хеттской» иероглифической надписи из Каркемиша середины VIII в. до н. э.,[5] древнейшие сведения о киммерийцах дают нам донесения ассирийских шпионов из Урарту, относящиеся к периоду 722—715 гг. до н. э.[6] Они сообщают о тяжелом поражении, нанесенном Русе I урартскому во время его похода в страну Гамирра, которая, согласно разъяснению агентов, отделена от Урарту областью (nagiu) Гуриания (урартск. Куриани), локализуемой на северо-западных границах распространения урартского влия-

[1] Датировка поражения Лигдамиса 630-ми годами у Леманн-Хаупта (там же) не согласуется с данными текста АВИУ, № 77.

[2] Plut., Mar., XI.

[3] Гимн к Артемиде, строка 248 и сл.: ВДИ, 1947, № 3, стр. 262.

[4] Hesych., s. v. Lygdamis.

[5] B. Hrozný. 1) Inscriptions hittites hiéroglyphiques de Carchemish. Ar. Or., VI, 1934, стр. 232 и сл.; 2) Sur l'inscription hittite hiéroglyphique de Carchemish, I. Ar. Or., V, 1933, стр. 114 и сл.

[6] Эта дата окончательно установлена Б. Б. Пиотровским: История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 296. Ср. также: АВИУ, № 50, 10, стр. 341, прим. 13.

ния.[1] Возможно, что в битве с киммерийцами погиб в 705 г. до н. э. ассирийский царь Саргон II.[2] Если это так, то это могло иметь место, по условиям территориальных границ держав того времени, только в восточной Малой Азии.

В 679/78 г. до н. э., по данным вавилонской хроники,[3] киммерийцы вторглись в Ассирию, но их «царь» Теушпа [4] был разбит ассирийским царем Асархаддоном, повидимому, в Малой Азии.[5] Но в том же году мы встречаем киммерийцев в качестве наемных войск в Ассирии.[6] Около 676—674 гг., согласно античным данным,[7] раскрытым с помощью урартских источников,[8] киммерийцы разгромили расположенное в центре Малой Азии государство Фригию (как выясняется, при участии урартов). Союз между Русой II, царем Урарту, еще какими-то правителями и киммерийцами продержался некоторое время и позже этих событий и вызывал беспокойство в Ассирии, где опасались нападения «с того места, где они (т. е. урарты и киммерийцы) находятся»,[9] на приобретенную в 673 г. в Сасунских горах (в западной части Армянского Тавра) область Шубрию. Около 660 г. Лидия на западе Малой Азии и Табал на ее юго-востоке при-

---

[1] С. Т. Еремян, согласно устному сообщению, локализует страну Гамирра для этого времени около совр. Ленинакана. Позже в армянской терминологии Гамир(-к) — это Каппадокия, т. е. восточная Малая Азия.

[2] Ср.: АВИУ, № 50, 36. См. однако: АВИУ, № 39, под 705 г., где указано, что Саргон погиб из-за «кулуммейцев». Штрек отождествляет последних с жителями крепости Кулуман, или Кильман, в Мидии.

[3] AL_5, стр. 135 и сл.; КВ, II, стр. 275 и сл.; АВИУ, № 63, стр. 215.

[4] Встречающееся в существующей литературе сопоставление этого Теушпы с Теиспом, предком Кира, основано на недоразумении: имя киммерийского вождя несколько похоже на имя предка Кира лишь в греческой его передаче; подлинное звучание имени Теиспа было «Чишпиш» и менее вероятно — «Чаишпиш» [Čišpiš, Ča(h)išpiš], что никак не могло бы передаваться по-аккадски как Teušpâ. Данная точка зрения выдвинута впервые Леманн-Хауптом (Pauly — Wissowa, s. v. Kimmerier, стр. 423), Штреком (Assurbanipal, I, стр. CCCLXXII) и другими авторами, сопоставлявшими, впрочем, лишь имена, но не самих лиц. Но аккадск. t не может передавать звука č. В вавилонской версии Бехистунской надписи Теисп назван Šišpiš, в эламской — Ṣišpiš.

[5] Вавилонская «Хроника Асархаддона» называет в качестве места этого события «Кушехну», а Анналы Асархаддона — «Хубушну». Первое место совершенно не известно (если не читать — что, при некоторой натяжке, возможно — «Тушшехну» или, как в поздневавилонской форме должно было бы произноситься, «Thuššeḫan», и отождествлять этот термин с городом «Тушхан» — ныне Карх в верховьях реки Тигра). Второй термин сопоставляется с «Хубишной» в Каппадокии или с «Хубушкией» южнее озера Ван. Первое кажется нам более вероятным.

[6] АВИУ, № 66, стр. 213.

[7] Хронологические данные Африкана, истолкованные Леманн-Хауптом; см. выше, стр. 234, прим. 3.

[8] Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту, стр. 39.

[9] Kn., 48. — АВИУ, № 68, а, стр. 223—224.

бегают к помощи ассирийцев против киммерийской угрозы; около 654 г. Гуггу (Гиг), царь Лидии, пал в битве с киммерийцами.[1]

Как мы видим, движение киммерийцев с востока на запад, а не с запада на восток, как предполагает Страбон, может быть довольно явственно прослежено. Первоначальной базой киммерийцев в Азии являлась, повидимому, восточная Малая Азия, а затем уже они продвинулись в северо-западные ее части; в течение некоторого времени киммерийцы, повидимому, вообще господствовали в Малой Азии. Лишь после их падения, произошедшего, как мы увидим, вскоре после 645 г. до н. э., господство в Малой Азии перешло к Лидии.

Если верно высказывавшееся неоднократно предположение о том, что киммерийцы двигались в Закавказье через Дарьял и Алагир, то весьма вероятно, что их пребыванию в восточной Малой Азии предшествовало их пребывание в центральном Закавказье.

Возникает теперь вопрос: продвигались ли киммерийцы и в более восточные районы и, в частности, на территорию современного Азербайджана?

Для VIII в. у нас имеется одно сомнительное свидетельство о пребывании киммерийцев в Азербайджане. Это письмо некоего Арад-Сина к ассирийскому «государственному глашатаю».[2] Повидимому, оно относится ко времени киммеро-урартской войны между 720 и 714 гг. до н. э. В нем сообщается, что вождь киммерийцев проник на урартскую территорию через землю [Манн]ы (если верно наше восстановление лакуны, которое, однако, нельзя считать вполне надежным). Если полагать, что в это время киммерийцы держались еще в центральном Закавказье, то такой рейд можно считать вполне возможным; однако можно это фрагментированное письмо в части восстановления слова «Манна» понимать и иначе.

Об упоминании киммерийцев на территории Азербайджана в VII в. до н. э. мы скажем ниже; пока же следует поднять вопрос о том, действительно ли во всех случаях, когда древневосточные тексты говорят о «гамир», «гóмер», «гимирри», «гимиррай», они имеют в виду именно киммерийцев.

Уже a priori маловероятно, чтобы ассирийцы имели возможность или желание различать отдельные вторгшиеся кочевые племена. Нам известно, как часто в течение веков и даже в близкие к нам времена XIX в. терминологически смешивались различные племена и народы (например, народы Средней Азии и Кавказа), притом не только близкие по быту и происхождению. Примеры тому многочисленны и общеизвестны. У нас нет основа-

---

[1] См.: акад. В. В. Струве. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, стр. 67.

[2] «Государственным глашатаем» в Ассирии назывался чиновник, возглавлявший призыв на повинности. К его должности вместо жалования была прикреплена область в долине Большого Заба. Расположенная на северной границе, эта область была одним из центров ассирийского шпионажа и «дипломатической» деятельности. И в том и в другом «государственный глашатай» принимал деятельное участие. Письмо Арад-Сина см.: HABL, 112; АВИУ, № 50, 8, стр. 339.

ний предполагать бóльшую строгость в различении этнографических и лингвистических категорий у ассирийцев. И хотя для северных «варваров» в «высоком стиле» на аккадском языке уже имелось общее обозначение — «умман-манда» (племя или войско Манда),[1] однако в обиходе, повидимому, и термин «киммерийцы» также стал таким общим обозначением. Так по крайней мере обстояло дело в вавилонском диалекте. Это засвидетельствовано для нас вавилонскими версиями ахеменидских надписей,[2] в которых термином gimirri обозначены вообще все кочевники, в том числе скифы и среднеазиатские саки. У нас нет поэтому никакой гарантии, что под названием «киммерийцев» в ассиро-вавилонских текстах не скрываются иной раз треры или скифы, обозначенные именем, более знакомым ассирийцам или вавилонянам, подобно тому как персы всех кочевников называли знакомым им термином «саки», а греки — термином «скифы».

Однако нет сомнения, что как бы ассирийцы и вавилоняне ни расширяли содержание этого термина, первоначально «киммерийцы» было конкретным племенным названием и даже самоназванием вторгшегося в Азию племени. Ибо, поскольку племя это было ассирийцам ранее совершенно не известно, они не могли ему дать иного названия, чем то, которое давали они себе сами или какое давали им их ближайшие соседи. Поэтому по происхождению термин «киммерийцы» — это название конкретного племени или небольшой группы племен, а именно — кочевников, вторгшихся в VIII в. в Переднюю Азию, предположительно — с Тамани или из западных областей Северного Кавказа. Этот термин поэтому неправомерно переносить на все доскифское население Причерноморья, тем более что и вторгшиеся в Азию вслед за киммерийцами скифы были, с точки зрения археологической, племенем «доскифским».[3]

---

[1] Термин этот, вопреки Прашеку и ряду других исследователей, по происхождению не имеет ничего общего ни с мидянами (madâi, matâi, один раз встречается форма, возникшая, вероятно, под влиянием термина ummān-manda — mandâi), ни с маннеями [ассир. mannâi, урартск. mana(ni)]. Он встречается еще во II и, быть может, даже в III тысячелетии до н. э.,— повидимому, применительно к какому-то племени Армянского нагорья. О перенесении древних географических и этнических названий на новые в ассиро-вавилонской литературе «высокого стиля» и, в частности, о термине «умман-манда» см.: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 35, а также выше, стр. 59 и сл.

[2] Эти версии написаны не на литературном аккадском, а на разговорном диалекте, как о том свидетельствуют арамеизмы (например, galalâ — «камень» вместо abnu), поздние местоименные образования (например, agâšû вместо annû) и т. д.

[3] Я не имею в виду какой-либо «стадии», которую можно считать скифской лишь с определенного момента, в том смысле, что лишь с этого момента некие «доскифы» скачкообразно превратились в «скифов». Я хочу этим только сказать, что переднеазиатские скифы, появившиеся здесь в начале VII в., не принадлежали еще к той археологической культуре, которую принято обозначать этническим термином «скифская». На самом деле создатели культуры, которая предшествовала в Причерноморье так называемой «скифской», были, вероятно, по своей этнической и языковой принад-

Хотя скифы появились в Азии, как полагают, приблизительно одним или двумя поколениями позже киммерийцев, все же тех и других мы можем рассматривать как современников. Если одни были археологически «доскифским» племенем, то то же верно и в отношении других; если считать скифов, вторгшихся в Азию, и в археологическом смысле «скифами», то надо считать таковыми и киммерийцев. Следует учитывать то, что киммерийцы, имея в виду конкретное кочевое племя, рано исчезнув и рассосавшись среди азиатских народов, оставили своим внезапным появлением и роковыми последствиями его сильное впечатление в народной памяти; древние грузины называли gmiri богатырей сказочной древности;[1] такое же положение, возможно, было и у некоторых скифских племен (поэтому-то скифы показывали Геродоту курганы «киммерийских царей» на Днепре: доверять этому следует не более, чем отнесению тех или иных развалин на Востоке, со слов местного населения, к «мугам» или к «Искандеру», часто в таких местах, где Александр Македонский никогда не бывал).

Очень важным для решения вопроса о том, отличались ли этнически киммерийцы от скифов, был бы вопрос о их языке, так как о языке сако-скифов мы имеем довольно ясное представление. К сожалению, для суждения о языке киммерийцев единственным источником[2] являются три сохранившихся имени: Teušpâ, Tugdammī (греч. Lugdamis) и Sandakšatru (что может, однако, быть прочтено также и Sandakkurru).[3]

Если бы можно было признать вероятной гипотезу, отождествляющую имя Теушпы с именем Теиспа-Чишпиша, предка Кира Персидского (а академик В. В. Струве на этом основании даже вообще считает «киммерийцев»

лежности такими же точно «скифами», как и жители Причерноморья одним-двумя веками позже. Это показывает лишь, как опасно давать археологическим культурам названия по этническим и языковым общностям и к какой путанице это приводит. Археологические культуры иногда меняются значительно скорее, чем язык и этнос. Желательна также максимальная осторожность при наименовании той или иной археологической культуры на протяжении больших пространств Причерноморья «киммерийской», как и вообще при отождествлении археологических культур с теми или иными конкретными этническими названиями.

[1] Обозначение древних сказочных богатырей этническим названием — вещь обыкновенная; так, в ряде стран Ближнего Востока и Средней Азии богатыри сейчас называются «пехлеванами», т. е. «парфянами». Греки приписывали древние, непонятные им постройки «пеласгам», ряд восточных народов — «мугам» (магам, зороастрийцам).

[2] Тот факт, что Страбон смешивает киммерийцев с трерами, ничего не доказывает в отношении их языковой принадлежности: при всей добросовестности Страбона и доброкачественности его источников, ни он сам, ни эти его источники не обладали ни какими-либо данными, ни лингвистической подготовкой для сравнения трерского и киммерийского языков.

[3] Знак šad/ṭ/t в ассирийской клинописи имеет и другие чтения, из которых в данном случае вероятно также чтение kur.

ассирийских источников предками персов),[1] то был бы доказан иранский характер киммерийцев. Однако, как уже указывалось, мы не можем признать этой гипотезы.[2]

Нет достаточно ясной этимологии и для второго киммерийского имени — Tugdammī.[3] Прежде всего пока еще недостаточно разъяснено, почему Tugdammī передается по-гречески как Lugdamis.[4] Наиболее вероятным является предположение, что это — малоазийское имя.

Если быть уверенным в правильности нашего чтения имени Sandakšatru, то его языковая принадлежность не может вызвать сомнений. Элемент -kšatr-[5] настолько специфичен, что определение его может считаться бесспорным: это иранское слово χšaϑra- — «власть», «участь», «удел», «надел», «область», столь часто встречающийся во всех иранских языках и, в частности, в собственных именах и никогда не встречающийся в других ветвях индоевропейской семьи,[6] а тем более — в неиндоевропейских языках. Сложнее обстоит дело с первым элементом — Sanda-. Следует учесть, что данный элемент весьма распространен в малоазийских именах. В частности, примерно в той же местности, где ассирийский царь Ашшурбанапал имел дело с Tugdammī и его сыном Sandakšatru, этот же царь имел дело также с киликийским царем Sandašarmē, а отец Ашшурбанапала, Асархаддон, полонил киликийского царя Sanduarri. В малоазийских именах элемент Sand-, Sanda- вполне ясен: данные имена являются теофорными и включают имя малоазийского бога Сандона, который пользовался поклонением в Киликии и других частях Малой Азии как много

[1] Акад. В. В. Струве. Арийская проблема. Сов. этногр., VI—VII, 1947, стр. 120. Надо заметить, что столь необыкновенное происхождение персов нашло бы несомненно отражение у греческих авторов.

[2] Наиболее вероятным мне кажется объяснение имени Teušpâ (в ассирийской передаче) как Tavāspa от скифского tava- - «мощь» и aspa- — «конь», т. е. «мощноконный», «обладающий мощными лошадьми». Иранская фонетическая группа -va- вполне обычно передается по-аккадски через -u-, а ассирийское š закономерно передает s. Вполне удовлетворительной эта этимология, однако, не является.

[3] В написании ^{m}Tug-dam-mì-i. Из этих знаков только mì может еще читаться me.

[4] Здесь возможны три объяснения: 1) Lugdamis является старой опиской вместо Dugdamis (Λ вместо Δ), однако это означало бы, что все античные упоминания Лигдамиса восходят к одному первоисточнику, что трудно утверждать, в особенности в отношении, например, Страбона и Каллимаха; 2) Lugdamis является эллинизацией незнакомого киммерийского имени; действительно, кроме киммерийца Лигдамиса, известны в сообщениях античных авторов и другие лица этого имени; однако греческой этимологии это имя не имеет и, повидимому, является малоазийским; 3) L в Lugdamis и t в Tugdammī являются различной передачей распространенного, возможно, в некоторых малоазийских языках (как на то указывают и некоторые другие данные), звука $\mathring{l}$ (глухое «л» или латеральное «т»); такова точка зрения акад. В. В. Струве; в таком случае имя это следует рассматривать либо как малоазийское, либо как переданное через посредство малоазийских языков.

[5] -u в данном случае, конечно, окончание ассирийского именительного падежа.

[6] Кроме индийской, которая вместе с иранской является частью общей индоиранской группы.

раньше, так и много позже рассматриваемого времени. Имея в виду, что в древности господствовало воззрение, согласно которому каждый бог покровительствует с в о е й общине и с в о е й местности и что на чужбине необходимо поклоняться и жертвовать местным богам, нет ничего невероятного в том, что киммерийцы, поселившись в Малой Азии, стали поклоняться малоазийским богам. Поэтому имя Sandakšatru или, лучше, *Sandaχšaϑra можно объяснить как «власть бога Сандона» — имя, полностью параллельное таким именам, как Artaχšaça < *Artaχšaϑra — «власть (божества) Арты (обожествленной Праведности)» (Артаксеркс) и скифские Aleksarthos (= *Aliχšarϑ < *Aryaχšaϑra) — «власть ариев», Pharnoksarthos (= *Farnəχšarϑ < *Farnaχšaϑra) — «власть славы (вождя)», и мн. др.[1]

Если полагаться на приведенные соображения, то мы можем определить киммерийцев VII в. до н. э. как племя иранского языка, подвергшееся в значительной мере процессу слияния с малоазийскими народами по культуре, а возможно, также и по языку и т. п. Это также подтверждало бы нашу мысль о том, что киммерийцы — конкретное племенное название одного из большой группы племен, обозначаемой в науке как «скифы», а не обозначение особого, нескифского и предшествовавшего скифам населения Северного Причерноморья.[2] Мы во всяком случае не имеем особого основания связывать переднеазиатских киммерийцев с фракийцами по происхождению, — хотя они, повидимому, и выступали одно время в союзе с фракийскими трерами и поэтому впоследствии смешались с ними в памяти окружавших народов.[3]

К сожалению, следует признать, что наши выводы имеют лишь характер более или менее вероятной гипотезы, поскольку тот скудный языковой материал, которым мы располагаем (всего три имени), может быть истол-

---

[1] Юсти (F. J u s t i. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, стр. 500) этимологизирует Sandakšatru как señda-χšaϑra — «имеющий удовлетворительную власть». Есть и ряд других попыток дать первой половине этого имени объяснение из иранских языков, однако ни одна из них не обладает достаточной убедительностью.

[2] Вполне вероятно, что некоторые «скифские» комплексы Передней Азии и, в частности, в центральном Закавказье (см.: Б. Б. П и о т р о в с к и й. История и культура Урарту, стр. 309—311) связываются не со «скифским» племенем «шкуда», а со столь же «скифским» племенем «гимирра» (киммерийцами) на более поздней (VII и даже VI вв.) ступени их развития в Передней Азии. К «киммерийцам» же надо, вероятно, отнести «скифскую» гривну из восточной Малой Азии, см.: Б. Б. П и о т р о в с к и й. Скифы и Древний Восток. Сов. археолог., XIX, 1953, стр. 132, рис. 3. Если в начале как «шкуда», так и «гимирра», вторгавшиеся в Переднюю Азию, одинаково не обладали, вероятно, полностью выработавшейся «скифской» культурой, то и позже культура обоих этих племен была, вероятно, собственно «скифской» в одинаковой мере. С другой же стороны, то и другое племя были столь немногочисленны и подвижны, что трудно надеяться обнаружить достаточно массовый археологический материал, восходящий к ним.

[3] Это наше мнение не имеет отношения к возможным фракийским связям или фракийскому происхождению различных племен Причерноморья предскифского и скифского времени.

кован и иначе; в частности, допустимое чтение Sandakkurru вместо Sandakšatru в корне меняет дело. Однако весь материал в целом все же заставляет считать наиболее вероятным приведенные выше выводы относительно этноса, первоначального места обитания и маршрута движения киммерийцев.

Для нас особенно важен вывод о том, что под gimirri, gamirra, gimirrâi аккадские тексты не всегда непременно понимают только киммерийцев в узком смысле слова, но иной раз, быть может, и вообще скифские и другие кочевые племена — треров, скифов в узком смысле слова, саков. Это будет иметь значение для оценки событий 70-х годов VII в. до н. э. в Мидии. Пока же для нас достаточно констатировать, что собственно киммерийское вторжение VIII в. до н. э. прошло, повидимому, мимо мидийской территории, если не считать сомнительного факта временного вторжения киммерийцев на территорию Манны по пути в Урарту.

2. Скифы в Передней Азии

Вскоре вслед за киммерийским вторжением, — как о том говорит и Геродот, ошибочно считающий, однако, что речь идет о прямом преследовании киммерийцев (I, 103; IV, 1—4, 11—13), — в Переднюю Азию вторглись скифы, или, как их называют восточные источники, ашгуза(й), асгуза(й) или ишкуза(й).

Прежде всего следует всячески подчеркнуть то обстоятельство, что речь идет не о скифах в том смысле, к которому мы привыкли в античных источниках и в археологии, т. е. не вообще о кочевниках, говоривших на иранском языке, живших в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе и обладавших известными характерными чертами материальной культуры. «Скифы» было общим названием всех указанных племен, которое им давали *греки*. На памяти греков ни одно из *этих* племен *само* себя скифами не называло. Напротив, у вторгшегося в Переднюю Азию племени термин «скиф» (škuδa) должно было быть самоназванием; через это племя имя «скифов» (греч. skuthai) стало впервые известным. Поэтому вероятно, что именно с него оно и было перенесено на все остальные «скифские» (в античном и в археологическом смысле) племена. В начале VII в. племя скифов-ишкуза должно было, с археологической точки зрения, быть таким же точно «доскифским» племенем, как и племя киммерийцев.

Несколько слов о происхождении самого термина «скиф». Действительной его формой было, по всей вероятности, *škuδa-,[1] так как гласный а-

[1] В ассирийском диалекте s читалось как «ш», а š — как «с», в вавилонском — наоборот; поэтому существующие восточные передачи скорее указывают на произношение с «ш» (как в ассир. asguzâi, вавил. iškuzâi, др.-евр. *aškūz, с вторичным удлинением ū), чем на произношение с «с» (как в ассир. ašguzâi — вавилонизм?). Еврейское написание исключает также чтение *ašguṣâi, *iškuṣâi, которое иначе было бы возможно с точки зрения ассиро-вавилонской графики, а тем самым исклю-

или i-, который мы встречаем в восточных передачах этого имени (ассир. aš̌guzâi, asguzâi, вавил. iškuzâi, страна Iškuza, др.-евр. *aškūz — в традиционном, ошибочном написании ’šknz) — это так называемый простетический гласный, требуемый перед двухсогласным началом по правилам семитской фонетики. Северносемитские языки нормально передают междузубный δ через z; глухое ϑ было бы передано через t или š. Напротив, греческая передача skuthai, казалось бы, скорее указывает на произношение с глухим ϑ (*škuϑa-);[1] но следует учесть, что в греческом языке VII—VI вв. не было еще не только междузубного δ, но, повидимому, и придыхательного dh, и поэтому th («тэта») было, пожалуй, наиболее адэкватной передачей не только для глухого междузубного ϑ, но и звонкого междузубного δ.[2]

Ввиду вышесказанного, совершенно ясно, что распространенная теория, связывающая термин skuthēs — «скиф» с термином «сак», не выдерживает критики. Этой теории придерживался Вс. Миллер,[3] объяснявший термин «скиф» как множественное число на -t от термина «сак». Но не менее ошибочно и объяснение Н. Я. Марра, к которому, как ни странно, примкнул такой тонкий знаток иранских языков, как В. И. Абаев. Н. Я. Марр и В. И. Абаев объясняют термин «скиф» как sku(l)-ta, множественное число от этнонимического элемента skul-, skol-, к которому они возводят и самоназвание скифов на Украине — сколотов.[4] Это объяснение, очевидно, невозможно, так как в рассматриваемом термине «скиф» последний согласный — не -t, входящий в хорошо известный скифский показатель множественного числа, а междузубный звук, — повидимому, δ.

Подобно многим этнонимам, племенное название škuδa- — «скиф» остается пока этимологически необъясненным. Одно ясно, что его следует четко отличать от т е р м и н а saka- — «сак», с которым он — какова бы ни была степень родства самих соответствующих племен — лингвистически

чает и реконструкцию самоназвания скифов как skuča, что предлагает Херцфельд (E. H e r z f e l d. Zoroaster and his World, II. Princeton, 1947, стр. 713); аккадск. z не может передавать иранск. č; единственно возможным было бы здесь ṣ, в крайнем случае š.

[1] «Ш» в греческом отсутствовало.

[2] Звонкие согласные скифского языка и в некоторых других случаях передаются греческими глухими, например, Tanais — «Дон» = скифск. *Danu-, *Danav-; краткое «а» закономерно в славянском дает «о», откуда старорусск. «Донъ» (Donŭ).

[3] Вс. Ф. М и л л е р. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, окт., стр. 281.

[4] В. И. А б а е в. Осетинский язык и фольклор, I. Термин «скиф», стр. 243 и сл. Вероятнее, что, наоборот, греч. skolotoi (по Геродоту — самоназвание скифов) есть дальнейшее развитие того же термина *škuδa > *škula-t- с показателем скифского множественного числа -t и переходом δ > l, как в скифск. (в греческой передаче) paralatai, ср. авест. paraδāta-.

не имеет ничего общего.[1] Нужно вообще самым решительным образом отказаться от попыток сопоставлять с термином «скиф» любые звукосочетания, в которых только встречаются согласные «с» или «ш» и «к» или «г», например Ишкигулу (область в урартском Закавказье) и т. п. Сочетания -sk-, -šk- слишком распространены в самых различных, а особенно в индоевропейских языках, чтобы совпадению такого рода можно было бы придавать хоть какое-нибудь значение.

Итак, с нашей точки зрения, «шкуда» было названием одного из иранских по языку, «доскифских» по археологическим признакам племен, которое обитало на Северном Кавказе и в VII в. до н. э. вторглось в Закавказье, и по имени которого греки впоследствии называли северных кочевников вообще. Поскольку скифы в Малой Азии победили и вытеснили хорошо известных грекам кочевников-киммерийцев, имя которых греки ранее переносили на кочевников Причерноморья в целом, постольку создалась легенда об исконной вражде скифов и киммерийцев и о том, что самый приход киммерийцев в Азию был обусловлен преследованием скифов; а отсюда было уже естественно называть скифами тех кочевников, которых греки впоследствии заставали в Северном Причерноморье. Как известно (о чем мы уже упоминали), ни одно из «скифских» племен Причерноморья в действительности не называло себя скифами.[2]

Как кажется, целый ряд противоречий в рассказе Геродота и в других античных данных окажется отпавшим, если мы признáем, что собственно скифы, или «шкуда», были отдельным племенем из числа так называемых скифских племен (лишь позднее ставших «скифскими» и в археологическом смысле) — таким же племенем, как авхаты, трапии, паралаты или савроматы.

Прежде всего получит полное согласование известие Геродота о приходе скифов из Средней Азии[3] с передаваемой им же собственной тра-

---

[1] Подлинное звучание термина «сак» — saka-, что имеет мало общего со škuδa-. Вряд ли также какой-либо из этих терминов имеет отношение к термину Sug(u)da- (др.-перс.), Suγda- (авест.) — «Согдиана».

[2] «Общее название всех скифов. . . — сколоты; скифами назвали их эллины» Her., IV, 6). Отдельные скифские племена (genos) носили, по Геродоту, названия авхатов, катиаров, трапиев, паралатов; несколько особняком стояли савроматы. Другие авторы перечисляют и другие скифские племена, которые Геродот не считал скифскими (сколотскими). Действительно, сколотами называла себя лишь одна группа «скифских» племен, (в частности, предки осетин себя так не называли); общим самоназванием всех племен этой группы, как и вообще всех индо-иранских племен. было, повидимому, arya, на что указывают некоторые косвенные данные, см.: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. Осетинские этнические термины iron, allon, стр. 245. Позднейшей формой этого термина является термин «алан».

[3] Her., IV, 11—12. Это известие, как сообщает сам Геродот, восходит к полулегендарной личности — малоазийскому греческому поэту-путешественнику Аристею из Проконнеса (IV, 13—16), но аналогичные известия рассказывали Геродоту и «варвары» — скорее всего жители Малой Азии, сохранившие традицию о борьбе скифов с киммерийцами.

дицией скифов-сколотов, которые считали себя коренными жителями Северного Причерноморья.[1] Действительно, одни «скифы», вероятно, изначально жили на территории нынешней Украины, а другие «скифы» («шкуда») могли появиться в поле зрения народов рабовладельческого мира таким образом, как это сообщает Геродот: «Скифы — кочевники и жили сначала в Азии, потом были потеснены во время войны с массагетами и, перейдя реку Аракс, удалились в киммерийскую землю. . .».[2] Под Араксом здесь имеется в виду, повидимому, Волга (Raŋ̊hā- Авесты, скифская *Rahā, позднее греч. Rhā).[3] Известие это, быть может, подтверждается тем обстоятельством, что в более позднее время в Албании (северном Азербайджане) действительно существовали массагеты, которые могли продвинуться сюда вслед за скифами, в связи с общим передвижением кочевых племен (захватившим и киммерийцев).

Вслед за этим скифы перекочевали, по вполне вероятному сообщению Геродота (I, 103—106), в Закавказье через Дербентский проход, «имея с правой стороны Кавказскую гору». «В этом месте, — говорит Геродот [т. е., очевидно, по миновании Большого Кавказа, иначе говоря, где-то на территории Советского Азербайджана, — *И. Д.*], — мидяне сразились со скифами, но были разбиты, потеряли господство над Азией, а скифы завладели ею» (I, 104).

Однако Геродот здесь по обыкновению сжимает события. Столкновение скифов с мидянами (по геродотовой хронологии — за 75 лет или за 103 года[4] до победы Кира над Астиагом, т. е. в 625 или 653 г. до н. э.), имело место значительно позже чем их появление в Передней Азии, так как первое упоминание скифов-ашкуза (шкуда) в ассирийских источниках относится к правлению Асархаддона, точнее — к 70-м годам VII в. до. н. э. В это время скифы во главе с Ишпакаем[5] выступили в союзе с Манной

---

[1] Н е г., IV, 5—7; ср. также передаваемую им легенду, бытовавшую среди причерноморских греков (IV, 8—10).

[2] Далее у Геродота (IV, 11) следует рассказ явно фольклорного характера, имеющий этиологический характер и долженствующий объяснить существование «киммерийских» (т. е. доисторических) курганов на реке Тире (Днестре).

[3] «Аракс» у Геродота может, подобно термину Raŋhā, означать и Сыр-Дарью, а также, конечно, (в отличие от термина Raŋhā) и закавказский Аракс.

[4] См. о хронологии выше, стр. 19 и сл., стр. 177, а также ниже.

[5] Имя Išpakâi (Išpakâ'a, Ispakâia?) ассирийской передачи Юсти толкует как Aspaka (скифское имя, засвидетельствованное в Танаисе в форме Aspakos, Apsakos: В. И. А б а е в. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 157) — «конный», от aspa с характерным иранским (в древнейшее время особенно характерным для скифов и мидян) суффиксом -ka; ср. выше ассир. Išpabâra или Ašpabâra, — «всадник» как имя собственное. Возможна, однако, и другая этимология: *Spākāya>(I)spakâi(a) от spaka — «собака», как Artāya — «принадлежащий Праведности», Aryāya — «принадлежащий ариям», Zarināya — «золотая» и мн. др. Собака почиталась священной иранскими народами. Правда, для языков скифо-среднеазиатской группы засвидетельствовано для «собаки» только слово kuti-, известное также в славянских

против Ассирии.[1] Все восточные источники связывают скифов-шкуда с Манной и отчасти с Мидией, но упоминаний скифов в этих источниках вообще немного. Помимо приведенного упоминания скифа Ишпакая в анналах Асархаддона, скифы несколько раз упоминаются в запросах к оракулу бога Шамаша того же ассирийского царя; один раз запрос делается по поводу намерений «скифов, которые пребывают в области страны Маннеев»;[2] в нескольких запросах скифы упоминаются в связи с большим восстанием мидян, в котором приняли участие также маннеи и «киммерийцы».[3] И наконец, один запрос посвящен перспективам союза с «Партатуа, царем (страны) Ишкуза», местоположение которой не уточняется. Характерно, что ассирийцы, таким образом, считали главу скифов именно «царем» и притом царем определенной «страны», причем, конечно, мы не можем предполагать, что под «страной Ишкуза» подразумевается родина скифов по ту сторону Кавказа. Так как в запросе идет речь о том, выдать ли замуж за Партатую ассирийскую царевну, то есть о дипломатическом браке, то несомненно, что дело здесь в заключении союза с определенной страной, находящейся в пределах театра дипломатической деятельности Ассирии, а не где-то далеко за его пределами.

«Царство Ашкуз» (в традиционной, основанной на давней описке в тексте, транскрипции — «царство Ашкеназ»)[4] упоминается и в древнееврейских источниках, а именно, в «Книге Иеремии», в отрывке, датированном 593 г. до н. э.,[5] причем упоминается вместе с Урарту и Манной в качестве зависимого от Мидии царства. Последнее упоминание этого царства в восточных источниках относится к первой половине VI в. Именно так датируется создание так называемой «таблицы народов» — списка мнимых потомков Ноя (родоначальников различных народов, известных евреям того времени), включенного позже в так называемый «Жреческий кодекс» (памятник V в. до н. э.), а затем в его составе в «Книгу Бытия». Здесь Ашкуз (Ашкеназ) назван вместе с «Рифатом» и «Тогармой» (Малой Арменией) в качестве «сыновей» Го́мера, т.е. киммерийцев.

Этим собственно и ограничиваются случаи упоминания скифов-«шкуда» в восточных памятниках, если не полагать, что те же скифы иной раз разумеются и под более общими наименованиями «киммерийцев» и «умман-

---

языках; однако существование и термина spaka вполне вероятно. Ср. русск. «собака», которое не находит себе ясного объяснения на славянской почве. Впрочем, если оно является заимствованным, то заимствование произошло не непосредственно из скифского, так как в этом случае сохранилась бы и в русском форма «спака» (на славянской почве для перехода sp->sob- нет основания).

[1] См.: АВИУ, № 65, стр. 216 и сл. (IR, pl. 45 и сл., стлб. II; ARAB, II, §§ 517 и сл.).

[2] Kn., 35.

[3] Kn., 30, 15, 18.

[4] См.: H. Winckler, Kimmerier, Skythen, Ašguzäer, AOF, I. Reihe, Heft VI, стр. 484 и сл.

[5] И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 32 и сл.

манда». Как мы видим, древнееврейский источник включал «Ашкуз» в понятие «Гóмер», т. е. киммерийцев.[1] Для Востока VII—V вв. скифы-«шкуда» были одним из киммерийских племен.

В качестве исторических свидетельств о пребывании скифов в Передней Азии рассматриваются также некоторые археологические находки — в частности, в Кармир-блуре около Еревана, в Каркемише на излучине Евфрата в северной Сирии, в Палестине, Северном Египте и в особенности клад, найденный в Зивие около Саккыза, южнее озера Урмии, на территории бывшей Манны, и содержавший множество ценных вещей ассирийского или ассиро-урартского и маннейского происхождения, свидетельствующих, по мнению некоторых исследователей, о переднеазиатском истоке многих явлений скифского искусства.[2] Мы в данном случае не касаемся особого вопроса о многочисленных местах находок так называемых скифских наконечников стрел.

Перечисленные данные заставили ряд исследователей полагать, что скифы имели своим центром в Передней Азии еще со времен Асархаддона именно Манну и отсюда совершали набеги на другие страны, вплоть до Египта, как о том сообщает Геродот (I, 105) и как подтверждают археологические находки.[3]

Однако анализ источников не подтверждает предположения о том, что скифы покорили Манну в 70-х годах VII в., так как и в то, и в более позднее время, как увидим, Манна продолжает выступать как самостоятельное значительное царство и даже расширяет свои границы. Находка клада около Саккыза не подтверждает предположения о центре скифского царства в Манне, так как ни из чего не видно, что клад был здесь оставлен скифами, награбившими эти вещи у урартов, ассирийцев и маннеев, а, скажем, не маннеями, похитившими их у ассирийцев, урартов и скифов;[4]

---

[1] Именно это имеется в виду, когда говорится, что Ашкеназ — «сын» Гóмера: ср. другие аналогичные примеры в той же «таблице народов»; так, сыновья Ханаана Сиро-Финикии) — Сидон, Хетт, Аморей, Арвадец (Арвад — город в Финикии) и т. д.; сыновья Явана (Греции и островов Средиземного моря) — Элиша (Кипр или Киликия), Киттим (Кипр), Таршиш (Испания?), Доданим (или Роданим — родосцы?) и т. п. Впрочем, «родство» в «таблице народов» имеет часто не этнографо-географический, а политический смысл.

[2] A. Godard. Le Trésor de Ziwiyè (Kourdistan). Haarlem, 1950.

[3] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 124 и сл.

[4] Пока бездоказательны попытки связать устройство клада с моментом занятия Зивие-Зибиа кем-либо из ассирийских царей. Крепость Зибиа (Иззибиа, Узбиа) упоминается в ассирийских источниках в числе взятых маннейских крепостей дважды: при Саргоне II, в Анналах под 716 г. (а также в «Торжественной надписи»), и при Ашшурбанапале (Цилиндр B) под 659 г. По мнению Б. Б. Пиотровского, вещи из саккызского клада частично моложе середины VII в. до н. э. Однако несомненно, что некоторые вещи, в особенности замечательная золотая пектораль (нагрудник), датируются если не IX в., как полагает их издатель Годар, то во всяком случае первой половиной VIII в. до н. э., т. е. временем до появления здесь не только скифов, но и киммерийцев.

наоборот, поскольку некоторые вещи из этого клада хотя и обнаруживают некоторые мотивы так называемого «скифского звериного стиля», но датируются временем задолго до появления в Передней Азии киммерийцев и скифов, постольку приходится согласиться с издателем клада Годаром, когда он высказывает положение о местном происхождении большинства предметов искусства из Саккызского клада. Годар приводит веские соображения в пользу того, что это — памятники искусства коренного населения Азербайджана и гор Загроса, и прежде всего самой Манны, и что самый «скифский звериный стиль» — маннейско-мидийского происхождения и сложился во время пребывания скифов в Передней Азии. Но даже если клад действительно принадлежал временно находившимся в Манне скифам (что они там временно находились — это факт, документально засвидетельствованный), то и отсюда еще не следует, что Манна была по-настоящему завоевана скифами и что «Царство скифов» территориально совпадало с Манной. Этому противоречит и указание «Книги Иеремии», упоминающей Скифское царство отдельно от Манны. Действительно, скифы могли находиться и находились в Манне временно, — то как союзники, а то и как враги.

Рис. 42. «Острошапочные» саки. С рельефа из Персеполя. V в. до н. э.

Несомненно, однако, что «Царство скифов» следует искать в непосредственной близости от Мидии и особенно от Манны. У нас есть данные, что в конце VI — начале V в. до н. э. территория со скифским населением входила в состав сатрапии Мидии: по Геродоту, в этой сатрапии жили мидяне, парикании и ортокорибантии. Последний термин является переводом др.-перс. tigraχauda — «острошапочные», что обычно является эпитетом одной из групп саков Средней Азии.[1] Однако было бы совершенно неправильным на этом основании утверждать, что список сатрапий, приводимый Геродотом и взятый им, повидимому, у Гекатея Милетского, является произвольным набором этнических названий, размещенных без всякого смысла, как это делает Юнге, отрицающий правомерность отнесения ортокорибантиев к мидийской сатрапии. На этом вопросе нам еще придется остановиться. Юнге утверждает, будто бы только одна группа среднеазиатских саков носила остроконечные шапки, а что европейские скифы таких шапок не носили. Он заходит так далеко, что утверждает,

[1] Это объяснение термина «ортокорибантии» выдвинуто впервые в 1900 г. Кисслингом и затем сделалось в науке общепринятым. См. статью: P a u l y — W i s s o w a, s. v. Orthokorybantier (статья Ю. Юнге).

будто бы изображения конников в остроконечных шапках, имеющиеся на греческой вазе VII в. до н. э.,[1] являются изображениями среднеазиатских саков, хотя очевидно, что в столь раннее время греки не могли быть знакомы с обликом народов Средней Азии и что мы имеем дело с изображениями киммерийцев или скифов-шкуда. Ряд изображений европейских скифов (например, на знаменитой Куль-обской вазе в Эрмитаже) показывает даже сколотов в высоких остроконечных шапках, ничем не отличающихся от головного убора саков на персепольских рельефах,[2] хотя верно, что ни одно из изображений ни тех, ни других не дает столь высокой шапки, как та, в которой изображен сакский вождь Скунха на рельефе Бехистунской скалы.[3]

Рис. 43. Скунха, вождь саков (скифов, массагетов?) конца VI в. до н. э. Схематическая прорисовка с рельефа Бехистунской скалы (по фот.).

Во всяком случае мы в полном праве считать, что скифы-шкуда под названием ортокорибантиев еще в конце VI—V в. жили в пределах тогдашней сатрапии Мидии. Можно попытаться и более точно установить место их обитания. Мы уже указывали, что, по Геродоту, скифы сразились с мидянами, миновав Большой Кавказ, т. е. на территории нынешнего Советского Азербайджана. Так как это произошло, как мы увидим, лишь в 50-х годах VII в., то очевидно, что до этого времени скифы-шкуда здесь именно и жили.

Можно предположить, что некоторые данные, связывающие уже в VII в. до н. э. с Манной якобы «киммерийцев»,[4] относятся, по приведенным выше основаниям, к скифам же. Трудно предположить, чтобы Манна могла вести ту наступательную политику, какую она в действительности вела в это время, подвергаемая вторжениям как скифов, так и киммерийцев. Если же речь идет о скифах, которые, как нам известно, были союзниками Манны,

---

[1] Речь идет об одной из так называемых «понтийских» ваз из Малой Азии. Как сообщила нам М. И. Максимова, в настоящее время высказывается предположение, что эта группа ваз изготовлялась этрусками, однако во всяком случае их изображения делались по малоазийским образцам.

[2] [L. W. King and R. C. Thompson]. The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the Rock of Behistûn in Persia. London, 1907.

[3] Там же, pl. XVI, № 5; Акад. В. В. Струве считает Скунху массагетом; как уже указывалось, массагеты были первоначально, по Геродоту, ближайшими соседями скифов-шкуда. См.: акад. В. В. Струве. 1) Датировка Бехистунской надписи. ВДИ, 1952, № 1, стр. 26 и сл.; 2) Поход Дария I на скифов-массагетов. ИАН, ОИФ, III, 1946, № 3, стр. 231 и сл.

[4] Вопрос к оракулу Kn., 24 и письмо HABL, 1257 (на вавилонском диалекте): см. также: АВИУ. № 68, б и № 69, 2, стр. 224 и 232.

то их пребывание на маннейской территории легко объяснимо. К тому же трудно представить себе, что действительные киммерийцы, воевавшие в это время в западной Малой Азии, могли одновременно действовать и в Манне, разве что предположить, что речь идет об отдельной, оторвавшейся от своих группе киммерийцев.

Но если «киммерийцы», упомянутые в тех двух документах, о которых здесь идет речь, — это скифы-«шкуда», то мы можем до известной степени судить о том, где они в это время находились: автор письма HABL, 1257 сообщает, что «киммерийцы» заявили ассирийцам: «Маннеи (остаются) у вас, мы удержали наши стопы», но высказывает сомнение в правдивости этого заявления и предлагает начать нападение на маннейскую территорию, повидимому, как союзную «киммерийцам». Очевидно, что «киммерийцы» пока находятся за пределами Манны. Где же? Не к югу, ибо там еще были ассирийские владения, и не к западу, где были владения Урарту, и где кочевников, судя по запросу к оракулу Kn., 35, еще не было. Можно выбирать между восточными границами Манны и северными ее границами. Но на востоке Манна в это время, как мы уже знаем (см. стр. 218, 225 и сл.), простиралась, вероятно, до самых прикаспийских гор, где вряд ли могли найти прибежище степняки-скифы или «киммерийцы»; таким образом, мы вновь приходим к заключению, что кочевники в начале VII в. находились к северу от Манны — в долине Аракса, а быть может, и еще далее к северу. Во всяком случае, в середине VII в. «Скифское царство» нигде не граничило с Ассирией.[1]

Есть еще одно указание на то, где нам следует искать Скифское царство. Страбон (XI, 8, 4) сообщает, что «саки. . . завладели в Армении[2] наилучшей землей, которой оставили от своего имени и название Сакасены». Эта область, Сакасена, упоминается Страбоном еще неоднократно (II, 1, 14; XI, 14, 4; 7, 2); известна она и другим авторам, в частности, армянским (под названием Шакашен) и локализуется достаточно точно. Она была расположена к югу от среднего течения Куры, приблизительно в районе нынешнего Кировабада (Гандэки), т. е. близко от тех мест, где, по Геродоту, произошла война между скифами и мидянами.

По Страбону выходит, что эта область была занята не скифами, а саками, на что, казалось бы, указывает и самый термин «Сакасена». На этом основании некоторые исследователи, следуя за акад. В. В. Струве,[3] постулируют, кроме нашествия киммерийцев в VIII в. и скифов в VII в. до н. э., еще и нашествие саков на Закавказье в VI в. до н. э. Акад.

---

[1] Из письма HABL, 434 (см. ниже, стр. 274) видно, что на рубеже 70-х и 60-х годов VII в. Ассирия граничила на севере и северо-востоке только с Урарту, Хубушкией, Манной и Мидией.

[2] Во времена Страбона Армения охватывала временно некоторые части современного Азербайджана.

[3] Акад. В. В. Струве. Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью. Изв. АН Арм. ССР, № 8, 1946, стр. 31 и сл.

В. В. Струве даже хотел видеть в воинах, оказавших ожесточенное сопротивление попыткам Дария I завоевать Армению в 522—521 гг., не природных жителей страны — армян, урартов, хурритов, а пришельцев-саков, которые отстаивали свое временное местопребывание с бо́льшей решительностью, чем местное население свою исконную родину.

Однако признать нашествие саков с востока, через мидийскую территорию, в начале VI в. — значит отрицать существование могущественной Мидийской державы в это время, что полностью противоречит всем историческим данным; еще менее вероятно, чтобы такое нашествие могло иметь место в годы великих завоеваний Кира. К тому же исключительно маловероятно, чтобы из всех областей Передней Азии новые племена кочевников осели бы именно в восточном Закавказье, уже раз занимавшемся пришедшими другим путем скифами-«шкуда». Остается предположить, что саки пришли в Закавказье тем же путем, что и скифы, именно — через Дербентский проход. Но при этом предположении они вряд ли могли опередить массагетов, которые, по данным С. Т. Еремяна,[1] еще в начале нашей эры жили севернее Апшерона до реки Самур, и очутиться южнее их, около Кировабада.

Поэтому наиболее вероятным кажется нам предположить, что Страбон в данном случае допустил ошибку, тем более естественную, что персы (а равно, вероятно, и мидяне) так же точно называли всех кочевников «саками», как греки называли их «скифами», а вавилоняне — «гимирри». Ведь и «тиграхауда», что источник Геродота передал как «ортокорибантии», есть эпитет с а к о в. Правомерность такого обозначения скифов-шкуда будет тем больше, если признать, что они, — как, повидимому, следует из сообщения Геродота, — действительно пришли из-за Волги, т. е. были племенем среднеазиатского происхождения. Можно поэтому предположить, что Сакасена (иранск. *Saka-šayana- — «обитаемая территория саков») было официальным мидийским наименованием ядра бывшей территории Скифского царства. Нам следует, таким образом, искать эту территорию между Курой в районе севернее Кировабада и маннейской территорией вокруг озера Урмии, южнее Аракса.

Правильность такой локализации Скифского царства может быть проверена только археологическим путем. К сожалению, именно указанный район Азербайджана пока еще археологически обследован недостаточно. Наиболее широко исследованное могильное поле в Мингечауре находится, однако, на самом краю упомянутой территории. Как и во многих других пунктах западного, центрального и восточного Закавказья, здесь имеется слой, характеризуемый рядом «скифских» материалов — в данном случае захоронениями с вытянутыми костяками, датируемыми

---

[1] Устное сообщение; см. также карту: «Армения во II—I вв. до н. э.», «Армения в I—IV вв. н. э.» в «Атласе к книге „История армянского народа", часть первая (изд. 1951)» С. Т. Еремяна (Ереван, 1952).

VI—V вв.[1] со множеством вещей «скифского» типа (наконечники стрел, зеркала и др.), хотя в целом комплексы отличаются от «скифских» комплексов Северного Причерноморья. Характерны костяки исключительно высокого роста.[2] Керамика мингечаурских погребений этой группы отличается

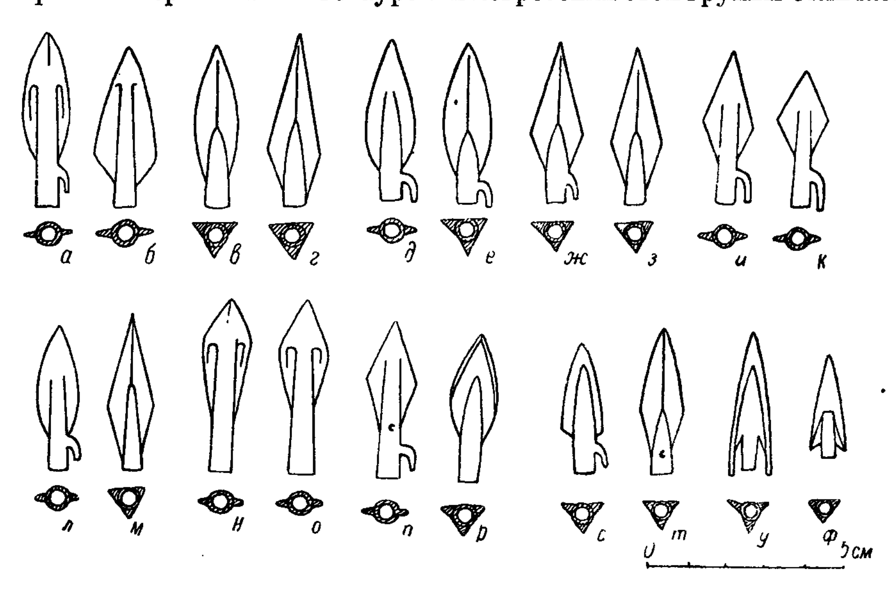

Рис. 44. Скифо-мидийские наконечники стрел.

а—в — из Хайкаберда, центральная часть Урарту; *г* — из Топрах-кале (Русахинили, предместье столицы Урарту — Тушпы); *д, е* — из Ашшура, центральная часть Ассирии (взят мидянами в 614 г. до н. э.); *ж, з* — со стен городских укреплений Вавилона (взят персами с помощью мидийских контингентов в 538 г. до н. э.); *и, к* — из Тарса в Киликии (юго-восток Малой Азии); *л, м* — из Герара (Палестина); *н* — из Самтавро (Грузия), конец VII в. до н. э.; *о* — *р* — из Мусиери, VII—VI в. до н. э.; *с, т* — из Махмуджуга (Армения), VI в. до н. э.; *у, ф* — из Акпера (Ворнака, Армения), V—IV вв. до н. э.; аналогичные наконечники стрел найдены также в Кедабеке (Азербайджан).

от скифской керамики того же времени на Украине и Северном Кавказе, она, очевидно, как и следовало ожидать, чисто местного происхождения. Описанные захоронения в Мингечауре — это, быть может, захоронения

---

[1] Сами раскопщики датировали вначале этот слой VIII—VI вв. до н. э. [С. М. Казиев. 1) Об археологических раскопках в Мингечауре, ДАН Аз.ССР, 1946, т. II, № 10, стр. 447; 2) Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, I. Баку, 1949, стр. 20—30; Г. И. Ионе. Археологические раскопки в Мингечауре. Некоторые данные к вопросу о датировке грунтовых погребений. Сообщение II. ДАН Аз.ССР, 1946, т. II, № 9, стр. 406]; однако вещей, которые необходимо было бы датировать VIII в., пока не опубликовано. Все определенно датируемые вещи из данного слоя (бусы, наконечники стрел, зеркала), относятся, самое раннее к VII, а скорее к VI—V вв. до н. э. Так датирует эти захоронения и Б. Б. Пиотровский (Археология Закавказья, стр. 115 и 120) и сам С. М. Казиев в своей более поздней работе «Археологические работы в Мингечауре» (стр. 27: VII—V вв.). Некоторые относимые к этому слою предметы (например перстни) могут быть и более поздними по времени (IV в.?).

[2] Г. И. Ионе, ук. соч., стр. 399 и сл.

смешанного — «скифского» («шкуда») и местного — населения «Скифского царства». Аналогичные комплексы, свидетельствующие о «скифском» проникновении, имеются и в других частях Закавказья.

То обстоятельство, что археологические комплексы Мингечаура времен «Скифского царства» и другие подобные комплексы Закавказья не слишком похожи на археологические комплексы «классических» скифов Причерноморья, не должно нас особенно смущать. Во-первых, скифы-шкуда, как равно и киммерийцы, были, конечно, только тонким слоем среди местных жителей, остававшихся основной массой населения этой территории; так называемые «скифы», двигавшиеся отсюда далее вглубь Передней Азии, несомненно включали уже и контингент местного населения Закавказья, в то время в значительной мере состоявшего из полукочевых и даже кочевых скотоводов;[1] во-вторых, мы уже указывали на то, что племена, пришедшие сюда в VII в., были в археологическом смысле предскифскими, и полного схождения со «скифским» материалом уже и поэтому не следует ожидать. Развитие у скифов Передней Азии могло во многом идти самостоятельно. И если тем не менее очень многие черты культуры скифов Передней Азии (включая сюда, по всей вероятности, и поздних киммерийцев)[2] тесно сближают их со скифами Северного Причерноморья, то для меня неясно, принесли ли эти черты скифы и киммерийцы с собой со своей старой родины в VIII и начале VII в., или, напротив, они создались частично и на новой, уже переднеазиатской территории, и попали обратно в Северное Причерноморье благодаря непрекращавшимся связям между кочевниками по обе стороны Кавказа; или, наконец, эти черты создавались еще где-то, например в Средней Азии, и оттуда попали и в Причерноморье и на Бли-

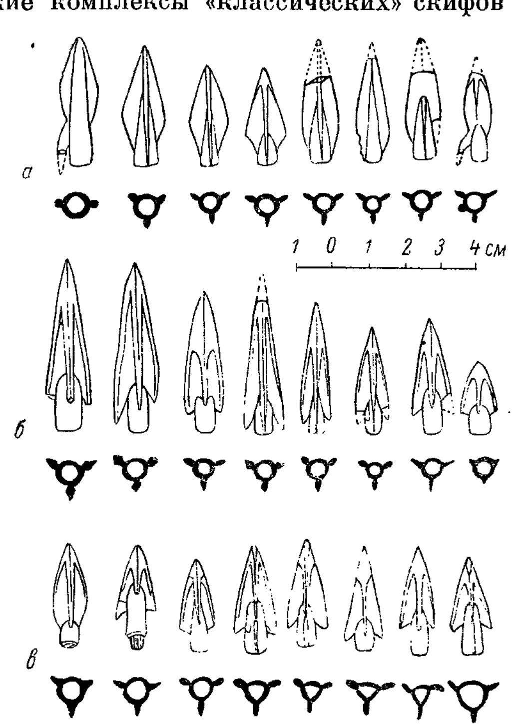

Рис. 45. Скифо-мидийские наконечники стрел из захоронений VII—IV вв. до н. э. в Мингечауре (Азербайджанская ССР).
а — конец VII—VI в. до н. э.; *б*, *в* — V—IV вв. до н. э.

[1] См.: Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 114.

[2] См., например, «скифские» предметы центрального и западного Закавказья и Малой Азии.

жний Восток. Это касается, в частности, места происхождения знаменитых «скифских» наконечников стрел; все эти вопросы должны быть разрешены археологами, и мы по ним высказываться не беремся.[1]

Подводя итоги, мы можем сказать, что в начале VII в. до н. э. во внешней истории Мидии появляются новые, весьма существенные факторы: это, во-первых, киммерийцы, проникшие из-за Кавказа в западное и, возможно, в центральное Закавказье еще в VIII в., вступившие вначале в конфликт с Урарту, а затем, в 70-х годах VII в., в союзе с урартским царем Русой II разгромившие ведущее государство Малой Азии — Фригию—и в течение некоторого времени господствовавшие в Малой Азии. Поскольку термин «киммерийцы», особенно в текстах, писанных на вавилонском диалекте аккадского, может, повидимому, относиться и к другим кочевникам, неясно, осталась ли одна из групп киммерийцев в Закавказье, проникнув затем на территорию Манны и даже Мидии, или в соответствующих случаях речь идет о скифах.

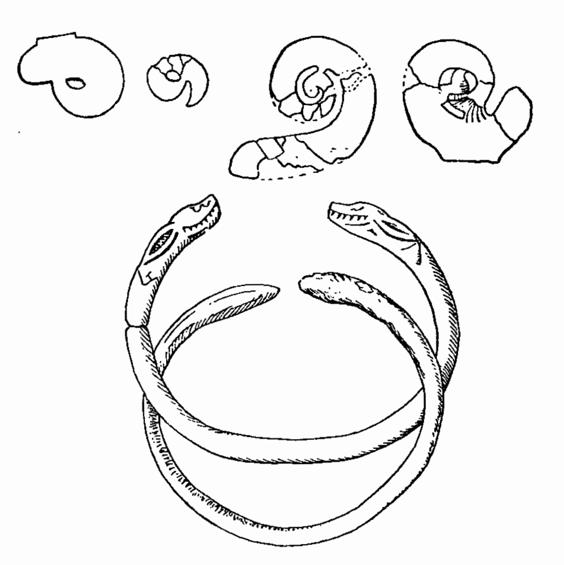

Рис. 46. Украшения скифского типа из захоронений VII—IV вв. до н. э. в г. Мингечауре (Азербайджанская ССР).

Во-вторых, новым фактором явились скифы-шкуда. Одно из иранских племен, быть может, среднеазиатского происхождения, скифы-шкуда проникли в восточное Закавказье через Дербентский проход и возглавили, — возможно, в низменности между районом Кировабада и Араксом и во всяком случае в более южных районах вплоть до Урмии, — мощное политическое объединение («царство»), сыгравшее большую роль в истории VII в. до н. э. В частности, важным обстоятельством явился союз между скифами-шкуда и Манной.

---

[1] Отметим, однако, что наконечники стрел «скифского» типа изготовлялись в в VI в. на месте в Средней Азии (в Бактрии, см.: М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. Сов. археолог., XIX, 1953, стр. 121) и, как сказано, обнаруживаются на местах осады городов, где исторически скифы не засвидетельствованы, но засвидетельствованы мидяне и персы (например, в Вавилоне, см.: R. Koldewey. Das wieder erstehende Babylon. Leipzig. 1913, стр. 256—257). Не исключена поэтому возможность среднеазиатско-мидийского происхождения этого типа наконечников стрел, которые могли быть восприняты, например, скифами у мидян, а не наоборот. Однако нам в данном случае лишь хочется поставить данную проблему, положительное или отрицательное решение которой зависит от археологов.

3. Политическое положение в Манне и Мидии после 700 г. до н. э.

Как уже упоминалось в предыдущей главе, Манна в конце VIII в., используя ассиро-урартскую борьбу, значительно укрепилась, охватив под своей властью всю территорию Урмийского бассейна вплоть до гор, III и отчасти IV районы по нашей классификации (возможно, за исключением западного[1] и частично северного берега Урмии, остававшихся за Урарту); на севере Манна граничила, вероятно, также со Скифским царством.

Мы не знаем с уверенностью имени царя, правившего в это время в Манне. Быть может, это был тот манней с ассирийским именем — Белхабу́, который упоминается в одном из писем ассирийского царского архива.[2] Во всяком случае, это был могущественный правитель.

Значительно хуже обстояли дела на территории мидийского племенного союза. Бо́льшая часть центральной Мидии (верхняя часть долины Кызыл-узена, район Хамадана—Казвина и, тем более, расположенные западнее районы) была ассирийцами включена в состав их державы и разделена на несколько областей: З а м у а (севернее Сулеймание), П а р с у а (район верховьев Диялы с центром в крепости Никур), К и ш е с с у (с центром в одноименной крепости[3] — район верховьев Кызыл-узена), М а д а й, или Мидия в наиболее узком смысле (вероятно, ниже Кишессу по Кызыл-узену),[4] С а п а р д а (ранее часть области Хархар, вероятно, южнее линии Зенджан—Казвин),[5] Х а р х а р (с центром в одноименной крепости,[6] западнее Хамадана), Б и т - К а р и (район Хамадана),[7] А р р а п х а (с центром в г. Аррапхе, ныне Керкук; охватывала, повидимому, частично бывшую область Намар и даже районы юго-восточнее долины Диялы) и Б и т - Х а м б а н (западнее совр. Керманшаха).

Однако, за исключением прочно освоенных Ассирией (и частично лежавших даже за пределами исторической территории Мидии) областей Замуа, Парсуа и Аррапха, заселенных к началу VIII в. в значительной мере чужеземным населением, мидийские районы довольно слабо удержи-

---

[1] Впрочем, имея в виду, что с территории Манны можно было непосредственно угрожать Хубушкии (южнее озера Ван; ср.: Kn., 35), не исключена возможность, что и западное побережье, по крайней мере частично, перешло в это время к Манне.

[2] HABL, 1257.

[3] Официально называвшейся также Кар-Уригалли.

[4] Мы предполагаем, что Мидией была официально названа часть территории, ранее входившая в область Дейока.

[5] Текст Kn., 11b(=Kl., 7) говорит о «перевале Сапарды», из чего видно, что Сапарда находилась в горной местности, и, — судя по месту в приводившихся выше (стр. 214, прим. 2) перечислениях областей, — севернее Хамадана.

[6] Официально называлась также Кар-Шаррукин.

[7] См. ниже, стр. 276 и сл.

вались ассирийцами. Все держалось на нескольких крепостях с поселенцами из Сирии, Палестины, Вавилонии (Элензаш, Хархар, Кишессу и т. д.), а кругом них фактическая власть принадлежала мидийским вождям и «владыкам поселений»,[1] в значительной мере из прежних родов вождей, и собирать дань с местного населения можно было только путем организации вооруженных экспедиций.

---

[1] Характерную картину в этом отношении рисуют письма Маннуки-Нинуа, областеначальника Хархара, и Набубелукина, областеначальника Кишессу (?), адресованные еще в 714—706 гг. Саргону II. Приводим ниже важнейшие отрывки из них, дающие представление о деятельности областеначальников в Мидии: а) письмо HABL, 126, написанное, повидимому, вскоре после хархарского восстания 715 г.: «О том, что царь, господин мой, писал мне: „ты должен пойти в страну мидян с вельможами" — с ними вельможи царя заключили мир, (и) мы вернулись благополучно. Я же здесь в Кар-Шаррукине (=Хархаре) сооружаю крепкие дома, (восстанавливая столько сырцовых) кирпичей, сколько они снесли; а также мы засеваем поля (и) исполняем службу, — пусть сердце царя, моего господина, будет довольно. . .». б) Письмо HABL, 127: «Пусть телохранители, подчиненные писцу и сборщикам налогов, доставят своих людей и отдадут (им их). Царь, господин мой, знает, что лошади у меня пали, пусть царь поскорее пришлет лошадей под моих всадников; воспитанников, которые прибыли со мной, я подчинил сборщикам податей; если царь, господин мой, утвердит их, то они находятся в Кальху при сборщиках податей». в) Письмо HABL, 128: «Страна царя, моего господина, благополучна. Мидяне вокруг нас спокойны и выполняют свою службу (повинности). По поводу того, что писал мне царь, господин мой: „пойди навстречу Шарруэмуранни (повидимому, ассирийскому шпиону, возвращающемуся из Мидии, — *И. Д.*); я поручил тебя сыну Луду́, пусть ни одна душа не увидит его, пока ты не доставишь его в Кар-Шаррукин": я ходил навстречу ему до перевала, сын Луду́ провожал (?) меня; никто не видал его, пока я не доставил его в Кар-Шаррукин. А что царь, господин мой, писал: „о сыне Луду́ [. . . . .] из дворца к [. . . . .] отомстили (??)" — в поселении [. . . . .] все они спокойны и несут [свою] службу. Относительно жителей [. . . . .], о которых писал мне царь, господин мой, — я послал к Иртуккапу; если он прислал (этих) людей, то я перешлю их к царю, моему господину, — или я должен написать что-нибудь царю, моему господину? Относительно хлеба (нынешнего) урожая, о котором писал царь, господин мой, — „что́ это, почему ты не прислал хлеба?": урожай погиб, окру́га очень побита (градом?). . . а дожди, честное слово, льют непрерывно». г) Письмо HABL, 129: «[По поводу забга]гцев, о которых писал царь, господин мой, я спрошу; я видел, что они входили и выходили. Напиши (туда). Теперь, после того, как Тальта́ вернулся, они вошли со своими родичами в Кулуман и там находятся. А когда я пришел и заключил клятвенное соглашение с кулуманцами, они примирились, и их наместник (??) помирился (??) с (нашим?) наместником. Они просили меня о поселении Забгага. . . . О том, что писал мне царь, господин мой: „[. . . . .]",—мидяне схватили его. . .». Далее непонятный текст, в котором упоминается также автор письма HABL, 713, Набубелукин. Дата письма — очевидно, вскоре после 713 г. д) Письмо HABL, 645: «. . . Окрестные владыки поселений спокойны. . . спрашивали относительно вестей о Луту́ — он и Ашпабара устроили встречу между собой в Харипе, людей друг у друга они перебили. Относительно Арпите (или Уппите, — *И. Д.*) владыки поселения Урьяку, которое он открыл (врагам??), я расскажу царю, моему господину. Когда я отправился к царю, моему господину, он бежал в Шапарду. Набутаккинанни, раб царя, слыхал, что он и Уаксатар списались и объединились. С ним четверо его сыновей. В тот самый день, как я прибыл (обратно) в Кар-Шаррукин (=Хархар), я написал Рамате́и: «пришли (своих) людей. . .». е) Письмо HABL, 713 — от Набубелукина: «Страна царя благо-

К югу от покоренных Ассирией областей находилось полузависимое маленькое царство Эллипи (возможно, Элимаида античных авторов, с центром около Керманшаха), а еще дальше к югу — Эламская держава.

Восточнее покоренных Ассирией областей находилась территория незавоеванных мидийских племен со своими вождями и «владыками поселений». Эти области были в значительной мере заняты кочевниками-коневодами («ариби востока») и вообще экономически стояли значительно ниже западных областей, среди которых по уровню своего развития на первом месте безусловно стояла Манна.

Рис. 47. Царь Асархаддон. С ассирийского рельефа. VII в. до н. э.

К сожалению, хронология времени правления Асархаддона в Ассирии не вполне ясна, так как от него не дошло анналов, а лишь надписи, в которых походы изложены в основном по географическому признаку. Некоторой опорой является, однако, так называемая «Вавилонская хроника» — ведшаяся в Вавилоне летопись, отмечающая наиболее важные события истории Вавилонии и окрестных стран в хронологическом порядке. Однако, к сожалению, в текстах нет непосредственной датировки событий, развернувшихся в Мидии в правление Асархаддона, хотя ясно, что они должны были произойти до 673 г. до н. э.[1] Поскольку мидийские события вообще обернулись не в пользу Ассирии, официальные надписи о них умалчивают или обходят их, и мы знаем о них в основном из серии фрагментированных текстов запросов Асархаддона к оракулу бога Шамаша. Эти запросы, датированные днем и месяцем, не содержат указания на год.

Однако, несмотря на все эти трудности, можно попытаться установить порядок событий, происходивших в правление Асархаддона на севере и востоке.

получна, окрестные мидяне спокойны. По поводу того, о чем писал мне царь, господин мой: „схватите сына Каракку урьякского (=Арпите? — *И. Д.*) и сместите его, назначьте на его место Рамети́“, как царь, господин мой, писал мне, я написал, и сына Каракку схватили, доставили его . . . (а) Рамети́ мы послали на его место. Ашшуртэм[. . .] послал его, (но) урьякцы не со[гласились принять его. . .]. . . . .». Ср. также письмо HABL, 1045.

[1] Текст «Призм A, B, и S» не включает описания похода на Шубрию, который, как мы знаем из Вавилонской хроники, произошел в 673 г. до н. э., но уже включает сообщения о событиях в Манне и Мидии.

В январе 680 г. ассирийский царь Синаххериб был убит во время богослужения одним из своих сыновей. На территории Северной Месопотамии разыгралась гражданская война, которая закончилась бегством двух сыновей Синаххериба в полунезависимую горную область Шубрию в юго-западной части Армянского нагорья и вступлением к концу того же года на престол третьего брата, сторонника жреческой и торговой партии, — Асархаддона.

Первые годы нового ассирийского царя были заняты главным образом сложными политическими и военными мероприятиями в Вавилонии, но в 679 г. , как уже указывалось выше, на ассирийские пределы совершили набег киммерийцы.[1] Об этом сохранилось три сообщения. Надписи Асархаддона сообщают: «. . . А Теушпу-киммерийца — умман-манду,[2] чье место отдаленно — я поразил оружием вместе с его войсками в земле Хубушна», после чего рассказывают о походе ассирийцев в различные области юго-восточной Малой Азии. Так называемая «Вавилонская хроника В» сообщает: «Во 2-й год. . . [кимм]ерийцы пошли на Ассирию (и были) в Ассирии перебиты».[3] Другая вавилонская хроника, так называемая «Хроника Асархаддона», говорит несколько подробнее: «Год 2-й. . . Про[изошло] побоище в (стране) Буд[а]уа и (стране) киммерийцев в Кушехну».[4] К сожалению, мы не знаем, где находилась Будауа[5] и Кушехну. Что касается Хубушны, то, как мы уже говорили, есть два предположения относительно ее локализации.[6] Наиболее вероятно, что это — Хубишна, населенный пункт с западной стороны гор Тавра, в юго-восточной Малой Азии.

В результате ассирийцам удалось отразить киммерийцев от своих границ. В том же 679 г. мы встречаем наемные киммерийские войска в Ассирии,[7] так что, повидимому, дело закончилось миром с киммерийцами или с частью их. Тем же временем или несколько позже следует датировать и ассирийский поход против различных малоазийских правителей, упоминаемый надписями после похода на Теушпу-киммерийца.

Существование в это время мирных отношений с киммерийцами подтверждается тем, что Руса II, царь Урарту, как показал Г. А. Мелики-

[1] Восстановление [gi-mir-r]i в тексте «Вавилонской хроники В» оспаривали Кнудтцон и весьма энергично Клаубер. Однако оно блестяще подтвердилось после опубликования «Хроники Асархаддона». S. Smith. Babylonian Historical Texts. London, 1924.

[2] О термине «Умман-манда» см. подробно: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 35.

[3] KB, II, стр. 275 и сл.; AL_5, стр. 135 и сл.

[4] S. Smith. Babylonian Historical Texts, стр. 12, строка 9.

[5] Это могла бы быть страна мидянского племени будиев, т. е. западная часть центральной Мидии; однако все данные говорят скорее о том, что столкновение ассирийцев с киммерийцами произошло в Малой Азии.

[6] См. выше, стр. 236, прим. 5.

[7] ADD, I, № 364. — АВИУ, № 66.

швили,[1] в 676 или 675 г. выступил против Фригии в союзе с киммерийцами, а в 673—672 гг. мы находим Асархаддона в самых дружественных отношениях с Русой.[2] Но вскоре после этого союз Русы II и киммерийцев показался ассирийцам опасным, и до нас дошел запрос о том, не грозит ли этот союз новоприобретенным Ассирией владениям в Шубрии, на границе Урарту.

Поэтому, как кажется, отношения Ассирии с киммерийцами были мирными с 679 по 672 г. Тем более вероятно, что под «киммерийцами» запросов к оракулам, выступающими как враги Ассирии на востоке, следует понимать скифов-шкуда (запросы написаны на вавилонском диалекте, для которого, как уже указывалось, подобное употребление термина «киммерийцы» засвидетельствовано).

Вся серия фрагментов запросов к оракулу относится к периоду с 675 по 650 г. до н. э.,[3] причем число фрагментов, дошедших от правления Ашшурбанапала (после 669 г.), значительно меньше. Большинство фрагментов относится к 674—669 гг. При этом наиболее интересные для нас фрагменты, касающиеся Манны и Мидии, могут быть с уверенностью датированы 674—673 гг., так как события в Манне уже отражены в надписях Асархаддона, средактированных не позже 673 г.[4]

На этот период падают четыре основные серии событий, отраженные в запросах: события в Манне, события в центральной Мидии, события в Малой Азии [5] и события в Египте. Нас, конечно, должны интересовать прежде всего первые две серии.

---

[1] Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту, стр. 39.

[2] А именно, он выдал Русе в 673/72 г. до н. э. урартских беглецов, захваченных им при завоевании Шубрии.

[3] Среди запросов к оракулу нет ни одного упоминания событий, несомненно относящихся ко времени раньше 675 г. (например, война против Сидона, война в Халдее, строительство в Вавилоне, поход на Базу в центральной Аравии и т. п.). Нет, повидимому, указаний и на первый поход Асархаддона в Египет (в 674 г. до н. э.), но это трудно с уверенностью утверждать. Что касается времени правления Ашшурбанапала, то от него дошли лишь немногочисленные запросы по поводу вступления на вавилонский престол Шамашшумукина (669 г.), похода на Манну (659 г.) и похода на Гамбулу (654 г.) и некоторые другие. Примыкающая к группе запросов к оракулу серия фрагментов записей гаданий по печени, датированных годами правления Ашшурбанапала, доходит до 650 г. до н. э. Основная масса фрагментов запросов падает, очевидно, на 674—669 гг. до н. э., и лишь отдельные фрагменты сохранились от других лет. См.: E. G. Klauber. Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit. Leipzig, 1913, стр. LVII и сл. События в Малой Азии (Kn., 51, 55, 56a, 56, 57, 59, 60, 61 и др.), связанные с деятельностью Ишкаллу, царя Табала, и Мугаллу, царя Мелида (Мелитены), не могут относиться к тому походу в Малую Азию, который непосредственно последовал за киммерийским походом 679 г., так как тогда Мелид, повидимому, не был затронут ассирийцами.

[4] Т. е. в надписях, составленных до окончания первого похода Асархаддона на Египет, в которых поэтому названный поход не отражен.

[5] В малоазийской серии упоминается Миттá, которого Кнудтцон отождествляет с Мидасом (Kn., 51, стр. 153 и сл.). Это в таком случае был бы наиболее ранний из фраг-

При этом с необходимостью возникает вопрос: существует ли связь между событиями в Манне и событиями в центральной Мидии? Более ранние исследователи разъединяли эти две серии, отождествляя первую с упомянутым в надписях Асархаддона походом против Манны и скифа Ишпакая, а вторую, исходя из упоминания в ней «киммерийцев», — с походом против Теушпы-киммерийца. При этом упоминаемая в этой же серии Сапарда отождествлялась с кочевниками, вторгшимися в Лидию, которую впоследствии персы называли (по ее столице Сфарт, греч. Сарды) Спардой.[1] Однако несомненно, что в запросах имеется в виду неоднократно [2] упоминающаяся в ассирийских источниках мидийская область Сапарда, или Шапарда. Поскольку в настоящее время можно считать установленным, что поход против Теушпы состоялся в 679 г., постольку трудно связывать его с серией событий в центральной Мидии, упоминаемой в запросах к оракулу, так как эти события, как мы видели, относятся к 674—673 гг. Кроме того, упоминаемый в этой серии скифский царь Партатуа — несомненно Прототий Геродота, отец Мадия, действовавшего в середине VII в.; поэтому наиболее вероятно, что он являлся и предшественником Мадия и что, таким образом, его следует поместить не до, а после Ишпакая, упомянутого надписями Асархаддона в связи с маннейским походом и, как можно заключить из текстов, погибшего во время него.

Исходя из всего вышеизложенного, нам кажется наиболее естественным считать, что события в центральной Мидии были связаны с событиями в Манне, являясь их продолжением или отголоском. Принимая это положение, попытаемся расположить известия, которые можно извлечь из фрагментов запросов к оракулу, в хронологическом порядке и разобраться в вероятном ходе событий.[3]

ментов, так как его нельзя было бы датировать позже 676/75 г. Однако отождествление это не бесспорно. Предложенное Кнудтцоном восстановление его звания как ^{m}Mi-it-ta-a bêl [âli] во всяком случае не может быть принято, если речь идет действительно о Мидасе: «владыка поселения» — недостаточно значительное звание для столь могущественного царя. Скорее всего в этом случае нужно было бы восстановить bêl [adê], bêl [ṭābti], bêl [ḫîṭi] или что-либо в этом роде (т. е. «принесший присягу», «друг», «виновный» — обычные семитские языковые обороты, дословно «владыка [присяги]», «владыка [добра]» или «владыка [греха]»). Остальные фрагменты малоазийской серии относятся, вероятно, к концу правления Асархаддона и связаны отчасти уже с событиями правления Ашшурбанапала (мирное посольство Мугаллу, теперь уже «царя Табала»).

[1] Ср. также др.-евр. Səphārād: Obad., 20. В этой книге Сефарад (=Сапарда или Спарда?) назван местом пленения жителей Иерусалима (ошибка: вместо «Израиля»?).

[2] Например: KS, Анналы, строки 73, 84 и мн. др. (в надписях и письмах).

[3] Относящиеся к ним фрагменты запросов к оракулу бога Шамаша переведены нами в «АВИУ» (№ 68, стр. 223 и сл.). Однако при переводе мне не были доступны дополнения Клаубера к первоначальному изданию Кнудтцона (J. A. Knudtzon. Assyrische Gebete an den Sonnengott. Leipzig, 1893). Книга Клаубера (E. G. Klauber, ук. соч.) отсутствует в библиотеках Москвы и Ленинграда и стала мне доступной лишь позже выхода в свет переводов «АВИУ».

Наиболее ранними документами в мидийской серии представляются мне запросы, касающиеся сбора дани с мидийских провинций Ассирии: Kl., 22; Kn., 32, 33; Kl., 19, 20; Kn., 30, 31; Kl., 14. Чрезвычайно характерно, что только в мидийских провинциях положение было таково, что сбор дани в них представлялся рискованной экспедицией, о благополучии исхода которой необходимо было запрашивать оракулов.[1]

Началом мидийских событий было, вероятно, обращение к ассирийским властям трех восточномидийских правителей, изгнанных из своих областей восставшим населением. Это — последнее из событий, перечисленных ранними вариантами надписей Асархаддона,[2] причем описание его по своему месту в надписи выпадает из общей географической схемы, которой эти надписи подчинены, поэтому, надо полагать, оно относится к последним по времени событиям и добавлено к готовой уже схеме надписей позже. Так как данные надписи составлены не позже 674 г. до н. э., то к этому именно году и следует отнести начало мидийских событий. О них надписи Асархаддона [3] говорят следующее: ассирийские войска совершили поход на «страну далеких мидян», на краю Соляной пустыни (Дешт-и Кевир) у горы Бикни (Демавенда),[4] в область Патуш'арра (ср.-перс. Падашхвар,[5] др.-перс. *Pātiš(h)uvar-, более позднее Хоарена). При этом были захвачены два «владыки поселения» (bêl âli), один — с иранским именем Šiṭirparna (=*Čiϑrafarna — «слава потомства»), второй, Epardu, — может быть, с эламо-каспийским именем,[6] вместе с их людьми и скотом.[7]

Этому походу или последовавшему за ним сбору дани с той же территории посвящен, повидимому, также сильно фрагментированный запрос

---

[1] Действительно, взысканная дань не всегда прибывала на место: так, наместник Ашшурбелусур, которого царь Асархаддон запрашивает относительно отправки в Вавилон воинских частей с данью, сообщает царю, между прочим, о том, что собранные из Бит-Кари мулы не прибыли к месту назначения. Дань должна была быть доставлена в Вавилон,—потому, вероятно, что тогда там находился Асархаддон (HABL, 242).

[2] «Призмами А, В, S».

[3] Наиболее полно — Призма А, IV, 8 и сл. (I R, 45 и сл.).

[4] Гора эта названа «горой лазурита», так как ассирийцы получали этот полудрагоценный минерал от мидян, живших в этом районе. На самом деле, как уже указывалось, лазурит в Мидии не добывался, и мидяне сами получали его из более восточных областей (из Бактрии).

[5] Бундахишн, XII; сочетание hv- вполне могло быть по-ассирийски передано «хамзой», на произношение которой указывает написание с «разрывом слогов»: Pa-tu-uš-ar-ra; выпавшее v обусловило огласовку на -u- предыдущего слога. Чередование hv=χv вполне обычно в иранских языках. «Патишхвар» означает, собственно, как указывает Штрек (S t r e c k, ZA, XV, стр. 363), «(го́ры), лежащие перед Хваром» (Хоареной, XI районом нашей классификации, см. выше, стр. 91; ныне район г. Семнана). См. также: E. S a c h a u. Glossen zu den historischen Inschriften Assyrischer Könige. ZA, XII, стр. 51.

[6] Эламск. Eparti? Старое чтение этого имени — Eparna — не подтвердилось.

[7] Перечисляются лошади (sîsê rukkubi — колесничные или верховые кони? Или кони и повозки?). Кроме того, крупный и мелкий рогатый скот, ослы и двугорбые верблюды.

к оракулу Kl., 21 (=Kn., 33), который перечисляет в числе различных вероятных объектов ассирийского нападения также крепость Андарпати[ану], упоминавшуюся ранее в надписях Саргона II в связи с походами 713 и 714 гг.[1] Из этих трех упоминаний видно, что Андарпатиану (Андирпаттиану) следует искать где-то восточнее Сапарды, недалеко от района нынешнего Казвина. Одно уже это обстоятельство должно удержать нас от распространенного сопоставления названия «Андарпатиану» с термином «Азербайджан», если бы для этого сопоставления даже не было бы серьезнейших лингвистических препятствий.[2]

Во время этого успешного для ассирийцев набега на восточную Мидию к ассирийскому полководцу обратились за помощью три вождя («владыки поселений») «далеких мидян» — Уппис, правитель Партакки, Занасана, правитель Партукки, и Раматея, правитель Ураказабарны.[3] Хотя во всех трех случаях в тексте стоит детерминатив поселения, однако это, повидимому, нередкая в ассирийских текстах небрежность; большинство исследователей согласно с тем, что имеются в виду области. Партакка — это, вероятно, Партакану текстов Саргона, т. е. Паретакена, район современного Исфахана. По мнению Штрекка, Партукка — это то же название, Spielform предыдущего. Следует указать на то, что в ассирийских текстах действительно излюбленный прием — помещать рядом в списках

---

[1] См. выше, стр. 214, прим. 2 и стр. 221, прим. 2.

[2] Отождествление этого названия с термином «Азербайджан» восходит к Кнудтцону (J. A. Knudtzon, ук. соч., II, стр. 127), который полагает, не приводя никаких обоснований своему мнению, что «Атропат» было первоначально именем города, лишь позже перенесенным на людей (?!). Однако он читает в данном документе «Антарпати» вместо «Андарпати[ану]», не заметив, что это название встречается и в других ассирийских текстах. Историю термина «Азербайджан» и его различные формы мы можем проследить довольно далеко вглубь времен: через средневековые формы Aδarbaijān, Aδurbaigān, Āturbaδgān этот термин восходит с полнейшей закономерностью к мидопарфянской форме *Āturpātkān, засвидетельствованной в древнеармянском (Atrpatakan) и являющейся обычнейшим случаем прилагательного на -kān, которое применялось для обозначения местностей и образовывалось от имен собственных (как, например, Anahtakān от Anāhit, Friyapatikān от Friyapati и множество других). В данном случае это образование от имени собственного Āturpāt, Atarēpāt; греки от того же имени образовывали название страны с суффиксом названий местностей -ēnē: Atropatēnē. Имя Āturpāt, Atropatēs имеет безупречную иранскую этимологию («хранимый священным огнем»), как и большинство собственных имен этого времени (что, в условиях распространения учений, связанных с именем Заратуштры, за пределы иранских народностей, не говорит само по себе ничего об этнической принадлежности их носителей). Возвести элемент Atro-, Atur- к andar-, andir-, andarz- и т. п. лингвистически не представляется возможным, и аналогий для такого звукового перехода у нас не имеется. На это указывали уже Нельдеке и Штрек против Роста, Клаубера и Кнудтцона.

[3] Имена второго и третьего правителей — хорошие иранские: Zanaχšāna- (ассир. s = «ш») — «обладающий племенем», «родовитый», Rāmatav(y)a- (ср. вариант ассир. Ramatûa) — «радостно-мощный». Но первое имя — Уппис — не имеет иранской

рифмующиеся или сходно звучащие названия, иногда варианты одного и того же. Но здесь, где названий всего три, следует все же полагать, что речь идет о трех разных областях. Можно предположить, что Partukka — форма имени (уменьшительного?) с характерным для мидийского языка суффиксом -ka, избранная ради ее сходства с Partakka, но являющаяся все же вариантом не этого названия, а ассир. *Partua, *Partuma, т. е. иранск. Parϑava — «Парфия». Имеется в виду, конечно, лишь какая-то часть будущей Парфии. То обстоятельство, что область отнесена к числу мидийских, не должно нас смущать: ведь и Хоарена-Патуш'арра впоследствии причислялась к Парфии. Как мы уже указывали, самый термин «Парфия» (Parϑava) означает «окраину».

Третья область — Ураказабарна (или Ураказапарна) — пока не поддается локализации.[1]

Правители этих трех областей обратились, как сказано, к ассирийцам за помощью против «начальников поселений», которые пытались изгнать их из их областей, и послали дары в виде жеребцов и лазурита. На помощь им были посланы окраинные ассирийские областеначальники, которые привели, по данным надписей Асархаддона, к покорности восставшие поселения и обложили трех правителей ежегодной данью. Дань эта имела для ассирийцев большое значение: она собиралась лошадьми и должна была служить для пополнения конского поголовья ассирийской армии в связи с вынужденным, как мы увидим, прекращением поступления коней из Манны, откуда ассирийцы их обычно получали.

Однако тут-то и возникли трудности. Собрать дань со всей обширной и фактически совершенно не покоренной мидийской территории оказалось невозможным. Судя по упомянутому выше запросу к оракулу (Kl., 21), во время похода на Патуш'арру (?) ассирийцы опасались нападения с тыла со стороны Сапарды[2] и других «покоренных» мидийских областей.[3]

С большой опасностью для ассирийцев был сопряжен сбор дани областеначальниками и в других мидийских областях: в Бит-Кари (Kl., 19 — в улуле, т. е. в августе—сентябре, по всей вероятности, 674 г.), в Кар-Кашши (что, вероятно, то же самое, что Бит-Кари; Kl., 14),[4] в Мадай (Kn., 31) и т. д. Положение осложнилось еще более к концу года, когда к сопротивлению местного населения сбору дани прибавились нападения скифов на ассирийские отряды (в областях Бит-Кари и Мадай, Kl., 20; в областях Бит-Кари и Сапарда, Kn., 30; последний запрос да-

---

[1] Название само — иранское (Varakasa-farna, ср. Яшт XIII, 113, или Varkazana-farna?).

[2] В тексте [. . .]x-da-a-a; неясный знак Кнудтцон читал id, Клаубер колебался между id и ud (=par); как кажется, только [^{amêl}Sa-p]ar-da-a-a может дать смысл контексту.

[3] Имелось упоминание также и других племен, но названия их не сохранились.

[4] См. ниже, стр. 276 и сл.

тирован месяцем аддаром, т. е. февралем—мартом, вероятно, 673 г. до н. э.).

Скифы могли здесь появиться, конечно, только через маннейскую территорию, и поэтому нам необходимо выяснить, что́ около этого времени (быть может, немного раньше) происходило в Манне. О походе на Манну ассирийские надписи говорят чрезвычайно бегло, скороговоркой — верный признак отсутствия настоящего успеха: «Я рассеял людей Страны Маннеев, неусмиренных кутиев, побил оружием войска Ишпакая, скифа, союзника, не спасшего их». Запросы к оракулу бога Шамаша,[1] к сожалению, лишенные в данном случае каких бы то ни было датировок, показывают, что инициатива принадлежала маннеям. Ассирийский царь запрашивает бога, удастся ли маннеям захватить в свои руки ассирийские крепости Шарруикби и Дур-Эллиль (а также другие, названия которых не сохранились). Некоторые крепости, и в том числе Шарруикби, маннеям действительно удалось захватить, и Ассирия вернула их себе лишь через много лет.

В большинстве запросов маннеи фигурируют одни, без союзников; но затем выясняется, что к ним присоединились «киммерийцы». Впервые речь о них идет в письме некоего Белушезиба, предсказателя-вавилонянина на ассирийской службе, к царю Асархаддону.[2] Из этого письма выясняется, что были какие-то переговоры с «киммерийцами», и они обещали не вмешиваться в ассиро-маннейские отношения; однако автор письма высказывает мнение, что не следует доверять этому обещанию,[3] и дает царю советы относительно наилучшего способа перехода перевала, ведущего на маннейскую территорию, и разведки против маннеев и против киммерийцев как их вероятных союзников. Упоминается «Белхабу́ маннейский»; как указывалось, это, возможно, имя тогдашнего маннейского царя (хотя имя это — аккадское). К этой же ситуации, по всей вероятности, относится запрос об исходе похода на маннеев (Kn., 42), далее маленький фрагмент запроса к оракулу (Kn., 24), где киммерийцы упомянуты в неясном контексте в связи с именем маннейского царя Ахсери [4] (как враги — неясно, ассирийцев или маннеев?), а также фрагмент письма [5] царевича Ашшурбанапала к царю Асархаддону относительно разведки против киммерийцев.

Однако затем на территории Манны оказываются уже не киммерийцы, а скифы-шкуда. Запрос к оракулу (Kn., 48), датированный месяцем

[1] Kn., 16, 19, 20, 41; Kl., 10; Kn., 42 и 24.

[2] HABL, 1257. — АВИУ, № 69, 2 стр. 231 и сл.

[3] При этом он называет «киммерийцев» «племенем беглых». Если имеются в виду действительные киммерийцы, то, возможно, что это намек на переданную впоследствии Геродотом легенду об их бегстве от скифов.

[4] В ассирийском диалекте — Aḫšêri, с тем же чтением Aḫsêri, что и здесь, в запросе, написанном по-вавилонски. Ахсери умер в 659/58 г.; он был, возможно, преемником Белхабу, если последний действительно был маннейским царем.

[5] HABL, 1026. — АВИУ, № 69, 3.

симаном (маем—июнем, вероятно, 674 г.), касается того, выйдет ли в течение месяца «войско скифов, которые живут (или: пребывают) в области Страны маннеев (и) которые пришли на границу Страны маннеев» «из перевала Хубушкии на поселения Харраниа и Анису,[1] разграбят ли, полонят ли многочисленную добычу, тяжкий полон с границ Ассирии?». Таким образом, скифы с территории Манны угрожают напасть через перевалы Хубушкии (область в долине реки Бохтан, к югу от Ванского озера) на пограничные ассирийские территории. Что в этом скифском предприятии принимали участие и маннеи и что скифы были союзниками маннеев, видно из запроса к оракулу Kn. 38, касающегося посылки ассирийского гонца в Хубушкию, причем высказывается опасение о возможном нападении на него маннеев и, повидимому, скифов.[2] Из этого видно, что Манна в это время граничила с Хубушкией, что предполагает занятие маннеями западного побережья Урмии и даже верховьев Большого Заба (Мусасира). Это было, конечно, результатом поражения Ассирии в ассиро-маннейской войне, упоминаемой в запросах к оракулу Kn., 16, 19, 20, 41, 42, и Kl., 10, еще до выступления скифов.

Наиболее интересно то обстоятельство, что скифы выступают здесь в той же роли — союзников, находящихся на территории Манны, — в какой выступают и «киммерийцы». Этому может быть два объяснения: 1) во время общего движения киммерийцев из центрального Закавказья в Малую Азию часть их откололась от общей массы и соединилась со скифами, вместе с ними вступила на территорию Манны и сделалась ее союзником; 2) под «киммерийцами» вавилоноязычные источники (к которым относятся и запросы к оракулу), а иногда и ассироязычные в ряде случаев имеют в виду также и скифов-ишкуда. Последнее нам кажется более вероятным.

Таким образом, Манна как данник и союзник была в 674 г. для Ассирии потеряна. Как полагает Камерон, в связи с этим ассирийцам, между прочим, пришлось перестроить свою систему снабжения армии конским поголовьем, что, как мы видели, привело к усилению грабежа в Мидии.

Все эти события должны были разыграться до того, как скифы проникли на территорию ассирийских провинций в Мидии, расположенных к югу от Манны. Если уже война на рубежах Манны должна была помешать ассирийцам бросить большие силы на завоевание восточной Мидии, то вторжение скифов в центральную Мидию поставило под вопрос само ассирийское господство в уже ранее завоеванных провинциях.

---

[1] Так читает Клаубер (ук. соч., стр. LIX). Кнудтцон читает Анисус[киа]. Анису — поселение в области Хабху, на юго-восточной границе Урарту (HABL, 173); Анисускиа нам из других источников не известна. Харраниа — возможно, то же, что Харруна, или Харрана, крепость в западной части «Внутренней Замуа», упоминаемая ассирийскими источниками IX в.

[2] А также еще одного народа, имя которого (как и имя скифов, лишь предположительно восстанавливаемое, исходя из общей ситуации) не сохранилось.

Скифы появились в центральной Мидии, повидимому, не позже конца 674 г., потому что к февралю 673 г., как мы видели, относится запрос относительно судьбы ассирийской экспедиции для сбора дани в мидийских провинциях Бит-Кари и Сапарда. (Неясно, были ли скифы там уже раньше, например, летом 674 г., так как датированный, повидимому, этим временем фрагмент Kl., 19 настолько разрушен, что из него ничего извлечь невозможно).

Скифы были естественным союзником для мидян, готовившихся к открытому сопротивлению Ассирии, тем более что в союзе со скифами были еще и маннеи.[1] Есть данные о том, что и Элам готов был поддержать повстанцев;[2] таким образом, все народы от Куры до Персидского залива единым фронтом могли выступить против ненавистного ассирийского ига.

4. Ход восстания Каштарити в Мидии

Восстание мидян вспыхнуло, по всей вероятности, около ассирийского нового года — в марте—апреле (нисане) 673 г.[3] Душой его был Каштарити, «владыка поселения» Кар-кашши́. Ему удалось привлечь на свою сторону Мамитиаршу, бывшего «владыкой поселения» в провинции Мадай,[4] и Дусанни, бывшего «владыкой поселения» в провинции Сапарда. Под «владыкой поселения» здесь надо, разумеется, понимать не vīspati, а dahyupati: каждый из трех вождей был вождем местного населения в одной из трех ассирийских провинций (Бит-Кари, Мадай, Сапарда), областеначальники которых и раньше имели столько трудностей при осуществлении ассирийской власти. По всей вероятности, для удобства сношений с местным населением и чтобы иметь человека, который обладал бы авто-

---

[1] И однако в большинстве запросов, связанных с восстанием (кроме Kn., 25 и 36), скифы вовсе не упоминаются, хотя, как указано, они уже находились в самой Мидии, а упоминаются киммерийцы. Это опять-таки заставляет нас думать, что под киммерийцами в этих вавилоноязычных запросах имеются в виду «шкуда».

[2] Ср. упоминание Элама во фрагментах запроса к оракулу относительно Каштарити (Kn., 4).

[3] Самые ранние из датированных запросов, относящихся к ходу этого восстания (Kl., 4 и Kn. 1), — от 3 айара (конца апреля 673 г.), но в них Дусанни и Мамитиаршу уже выступают как союзники Каштарити; следовательно, запросы, касающиеся первых переговоров Каштарити с Дусанни и Мамитиаршу (Kn., 2 и Kl., 13), должны быть отнесены к еще более раннему времени; судя по выражению «послушает ли его Мамитиаршу. . . в э т о м г о д у будет ли враждовать с Асархаддоном. . .», запрос сделан в самом начале года, т. е. в месяце нисане (марте—апреле).

[4] Именно так нужно понимать звание Мамитиаршу в запросах; не следует думать, что он был е д и н с т в е н н ы м мидянином в союзе, как иногда полагают. Все три вождя восстания были мидянами, причем три центра восстания: Кар-кашши (Колония касситов), Мадай («Мидия», т. е. официальная ассирийская провинция этого названия) и Сапарда — соответствуют упоминавшимся в запросах о сборе дани ассирийским провинциям в Мидии — Бит-Кари («дом колонии»), Мадай и Сапарда.

ритетом среди него и в то же время головой отвечал бы в случае невзноса дани, ассирийцы признавали для каждой провинции одного определенного местного вождя, который уже тем самым делался dahyupati из vīs-pati. Реально его власть, основанная на его авторитете, как родо-племенного вождя, была в провинции, вероятно, не меньшей, если не большей, чем власть ассирийского областеначальника.

Таким образом, население трех провинций выступило совместно под начальством трех равноправных вождей. Но фактически, судя по тону запросов, бесспорным было главенство Каштарити. Весьма вероятно, что он был формально избран военным вождем мидийского племенного союза, хотя это избрание не отразилось на том, как обозначают Каштарити ассирийские документы, так как ассирийцы, естественно, этого избрания не признавали.

В надписях Асархаддона война с Каштарити, по всей вероятности, отражена в виде следующей весьма неопределенной декларации: «Я растоптал страну Барнаку, коварного врага, обитателей (страны) Тилашурри, имя которой [1] зовется в устах людей Мехрану [2] „(город) Питану“». Из этого видно, что основным театром военных действий был район к югу от современного Хамадана.[3] Неопределенно-хвастливый тон сообщения не дает основания видеть здесь действительно ассирийскую победу. Как обстояло дело в действительности, показывают запросы к оракулу.

Одновременное выступление трех вождей и их союз со Скифским царством (вероятно, с Ишпакаем) и с Манной (вероятно, с Ахсери) позволило повстанцам действовать сразу на нескольких фронтах. Восстание распространялось со скоростью пожара и быстро вышло за пределы первоначальных трех провинций. Уже в самом начале месяца айар (ап-

---

[1] Или «которых» (т. е. людей страны Тилашурри).

[2] Или «Михрану» (так в «Призмах В и S»). Термин этот детерминируется как «город» или «страна» и в IX—VII вв. до н. э., кроме как здесь, не встречается; но из сопоставления с текстом Тукульти-Нинурты I (см. выше, стр. 135, прим. 1) и текстами Тиглатпаласара I (см.: АВИУ, № 13.—АКА, стр. 116) и Ададнерари II (АВИУ, №№ 20, 21.—KAH, II, №№ 83, 84) можно заключить, что «мехри», или «мехрану», было обозначением какой-то части местного населения западной Мидии.

[3] Тилашурри, как мы видели выше, находился рядом с «Крепостью вавилонян» (Сильхази) или даже совпадал с ней. Так как в I тысячелетии нередко смешивали понятия «касситов» и «вавилонян», то вполне вероятно, что «Крепость вавилонян» — это то же самое, что «Колония касситов» (Кар-кашши), правителем которой был Каштарити; а Кар-кашши была, вероятно, центром провинции Бит-Кари, которую, по соображениям, приводимым выше (стр. 266, прим. 4) и ниже (стр. 276 и сл.), следует отождествлять с районом Хамадана. «Питану» (на мехранском языке, т. е. на языке местного населения, см. выше, прим. 2) — повидимому, то же, что «Падан» II тысячелетия до н. э., т. е. район к северу от Элама, прилегающий к верховьям Диялы. Барнаку некоторые исследователи сопоставляют с Бит-Бунаки, областью, упоминаемой Синахерибом в числе североэламских. Сопоставление Б(П)арнаку с парнами-даями (сакско-парфянским племенем в современной Туркмении) вряд ли может выдержать критику.

рель—май) мы видим войска́ Каштарити в соседней провинции Кишессу, осаждающими ее главную крепость того же названия (в тексте «Кишассу»);[1] в качестве его союзников названы «киммерийцы» (т. е. скифы-шкуда?), «мидяне» (т. е. люди Мамитиаршу) и маннеи.[2] В тех же числах ассирийцы запрашивают и о судьбе других, находящихся под угрозой крепостей — Карибту,[3] осажденной теми же войсками, и крепости, имя которой не сохранилось,[4] осаждаемой Дусанни сапардским, причем предполагается помощь осаждающим также со стороны «Каштарити, [владыки поселения Кар-кашши с его] могучими [силами], к[иммер]ийцев, маннеев, [мидян]» и т. д.,; 4 айара состоялся запрос о судьбе крепости Ṣu-ba-[. . .] — может быть, Сибара или Сибура в районе совр. Зенджана, — осаждаемой войсками Каштарити и тех же его союзников; 6 айара ассирийский царь запрашивает — уже со сроком всего только на 7 дней, так как на более длительный срок осады, видимо, не рассчитывает — о судьбе осажденной крепости Ушиши (?). К сожалению, нам неясно местоположение всех этих крепостей, однако несомненно, что они были расположены на довольно широкой территории. Весьма важным обстоятельством является факт осады мидянами ассирийских крепостей, что свидетельствует не только об их переходе к совершенно новой тактике, но и о полном перевороте в области стратегии и военно-технических достижений. Войско, которое решалось на осаду ассирийского административного центра, каким была, например, крепость Кишессу, —это уже не то войско, которое

---

[1] Kn., 1 — запрос на 100 дней, начиная с 3 айара, о том, «будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, будь то войско мидян, будь то войско маннеев, будь то какой бы то ни было враг — задумывают ли они, замышляют ли они? Будь то осадой, будь то силой, будь то боевыми действиями, битвой и сражением, будь то [прол]омом (?), будь то подкопом (осадными орудиями), будь то насыпью, будь то [таран]ом, будь то голодом, будь то клятвой именем бога или богини, будь то доброй речью и мирным договором, будь то какой-либо хитростью для взятия городов — возьмут ли они город Кишассу, войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен к их владению?».

[2] Вероятно, к описываемой ситуации относится интересное письмо из Куюнджикского архива, адресат и отправитель которого не известны, написанное на вавилонском диалекте (HABL, 459). Начало его не сохранилось; далее следует: «„Отправляйтесь в На[мар]!“, но он не послушался и они не вышли; а Кинеай (?) и Синшаррусуранни, которые отправились, увели с собой 300 человек, в том числе старых и малых. Люди (здесь) против даров (царю?), — видно, никто не выполнит царского приказа. Быть может, царь, господин мой, скажет: „А где же вы?“—С тех пор как свободные (??) выведены (?), мы в Кишессу стоим гарнизоном в цитадели (ina ^{al}Ki-ši-si ina ^{al}bir-ti šu-la-ni); в Лахиру мы не ушли. Быть может, царь господин, мой, скажет: „[. . . . . .], что может, пусть с[делает]!». Повидимому, в письме речь идет об эвакуации ассирийцев из угрожаемой провинции Кишессу в Намар и соседний с ним город Лахиру (резиденцию матери Асархаддона, чрезвычайно влиятельной царицы Накии).

[3] Аккадск. karibtu — «благословенная»; настоящее имя этой крепости и ее местоположение не известны. См.: Kl., 1=Kn., 12. Запрос датирован самыми первыми числами айара.

[4] Kl., 4=Kn., 8. Запрос на срок от 3 айара до 2 симана.

покидало свои поселения и укрывалось в горы при приближении армии ассирийских захватчиков. Несомненно, что здесь сказался многолетний опыт, приобретенный мидянами в войнах с ассирийцами. Кроме того, возможно, Каштарити полагался и на своих кочевых союзников с их специфической конно-стрелковой тактикой, которой можно было рассеивать ассирийские колонны на дальних подходах к осаждаемым крепостям, что освобождало бы мидянское ополчение от необходимости сражаться

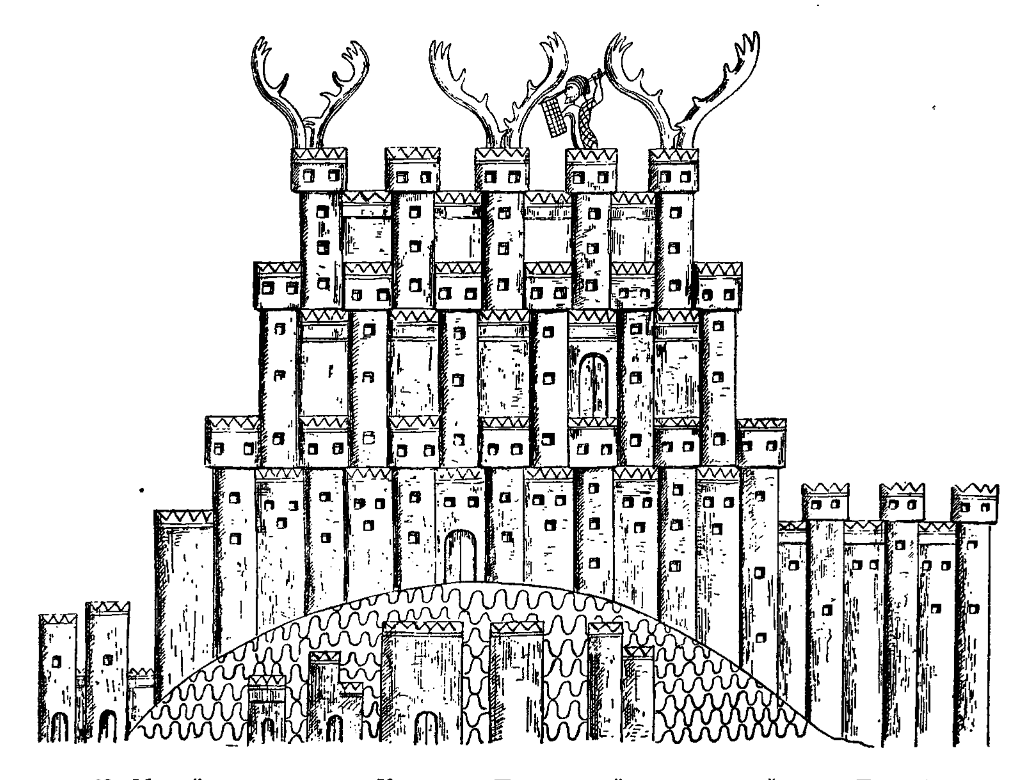

Рис. 48. Мидийская крепость Кишессу. По ассирийскому рельефу из Дур-Шаррукина. Конец VIII в. до н. э.

в сомкнутом строю с пока еще лучшей в мире ассирийской тяжеловооруженной пехотой и давало им возможность сосредоточить все силы на осаде. Однако это, конечно, пока может быть не более как догадкой. Так или иначе, в начале айара (середине апреля?) 673 г. восстание охватило значительную территорию — всю центральную Мидию, причем повстанцы действовали наступательно и угрожали осадой и взятием сразу многим ассирийским крепостям.

К 10 айара относится запрос ассирийского царя к оракулу относительно предполагаемого ассирийского контрнаступления. Ассирийцы предполагают пройти через «перевал Сапарды» [1] и занять — вероятно, как

[1] Читать, вероятно, все же: ni-ri-bi šá ^{al}Sa-par(!)-du вместо ^{al}Sa-an-du текста Kl., 7=Kn., 11b.

плацдарм для дальнейшего наступления — крепость Кильман. Штрекк [1] отождествляет ее с поселением Кулуман, упомянутым в письмах из ассирийского царского архива [2] и находившимся, повидимому, в южной части провинции Хархар, в которую, как указывалось выше, первоначально входила и Сапарда. Видимо, речь идет о походе на восставшую Мидию с юга, о котором упоминается и в надписях Асархаддона.[3] Однако ассирийский поход, повидимому, не имел успеха: в месяце симане (мае—июне) повстанцы вновь угрожают какой-то крепости,[4] а в середине июня (25 симана) составляется запрос (от которого, к сожалению, почти ничего не сохранилось, кроме имени скифов-«ишкуза» — в данном случае не «киммерийцев»),[5] относящийся уже к провинции Бит-Хамбан далеко на юго-западе. К этому же времени нужно отнести и запрос об угрозе не названного по имени противника (вероятно, все того же Каштарити), нависшей над Сиссирту,[6] «крепостью хархарцев, что расположена на границе Элама». Крепость эта нам известна: она была отнята у Эллипи и присоединена к провинции Хархар Синаххерибом; расположена она была в области Бит-Барруа, подвергавшейся в свое время завоеванию урартами, а затем Тиглатпаласаром III. Таким образом, повстанцы уже находились, видимо, в долине Диялы. Вся «ассирийская» Мидия, кроме Замуа и Парсуа, была для Ассирии потеряна, и Каштарити угрожал последним перевалам, ведшим в Месопотамскую низменность. Уже и в Парсуа было неспокойно: может быть, к этому времени надо отнести письмо областеначальника Парсуа, Набуриманни, к царю Ассирии. [7] Автор письма [8] доносит о том, что люди племени залипцев были перехвачены

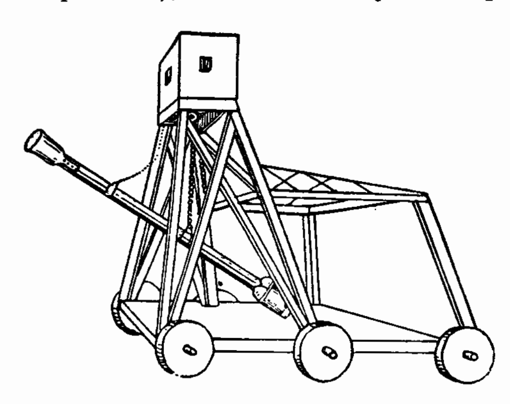

Рис. 49. Остов ассирийского тарана. Реконструкция на основе ассирийских изображений.

---

[1] S t r e c k, ZA, XV, стр. 366.

[2] Это поселение упомянуто в письмах ассирийского архива дважды (HABL, 129 и 1046), в связи с Эллипи и Уриаку в провинции Хархар.

[3] Ср. упоминание «Области Речки» в запросе к оракулу Kn., 85.

[4] Kn., 11a.

[5] Kn., 36.

[6] Ṣiṣṣirtu (Kn., 72).

[7] HABL, 165.

[8] По мнению Форрера, он занимал важнейшую в это время должность «начальника глав», см.: E. F o r r e r. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, Leipzig, 1921. стр. 89 и 94; Форрер делает вывод о том, что провинция Парсуа была прикреплена в качестве кормления к должности «начальника глав». Однако мы знаем

маннейскими войсками во время доставки ими дани лошадьми в столицу Парсуа, Никур; четверо из них бежали и прибыли в Никур, где и доложили о происшедшем областеначальнику; последний просит царя прислать воина из его личной охраны для допроса беглецов. Поскольку залипцы доставляли дань в столицу Парсуа, очевидно, что их племенная территория входила в состав этой провинции; однако маннеи могли совершать сюда успешные рейды.[1]

Положение складывалось чрезвычайно неблагоприятно для Ассирии, тем более что в ее тылу, в Финикии, назревали серьезные события и еще не была закончена война с Египтом. Помимо того, повидимому, в связи с мидийскими событиями, участились случаи социального протеста угнетенных масс трудящегося населения в самой Ассирии, судя по тому, что еще до окончания мидийской войны Асархаддон был вынужден совершить поход в лесную область Армянского нагорья — Шубрию — специально для поимки многочисленных беглых рабов и земледельцев, сбегавшихся сюда с ассирийской территории.[2] Несомненно, что они бежали и в Мидию, так как здесь они были недоступны ассирийским карателям. Дальнейшего развития событий в Мидии в течение второй половины 673 г. мы не знаем,[3] но, повидимому, решительного улучшения в положении ассирийцев не наступило, и в начале нового, 672 года ассирийцы пытаются завязать с Каштарити переговоры.

К вождю повстанцев посылался не один гонец, что видно из многочисленности запросов к оракулу, относящихся к отправке гонца к Каш-

---

лишь, что некий Набуриманни занимал эту должность после 648 г., будучи эпонимом неотождествленного года в конце правления Ашшурбанапала; в начале же правления Ашшурбанапала и в конце правления Асархаддона должность «начальника глав» занимал Ша-Набу-шу, командовавший в походе 669 г. на Египет. Поэтому если принять предположение Форрера, то письмо HABL, 165 надо датировать не этим временем, а второй половиной правления Ашшурбанапала.

[1] Конечно, возможно также, что это событие следует датировать предыдущим, 674 г. Однако из текстов запросов к оракулу видно, что маннеи продолжали и в 673 г. находиться в состоянии войны с Ассирией, и по общей ситуации более вероятно, что письмо Набуриманни относится именно ко времени общего наступления на восточные границы Ассирии. Военные операции 674 г., как кажется, проходили севернее. С другой стороны, как указывалось, — быть может, данное письмо следует отнести вовсе не к правлению Асархаддона, а к 659 или 653—652 гг.

[2] См.: АВИУ, № 67, стр. 218 и сл.; № 63, стр. 215 (дата «октябрь—ноябрь 672 г. в прим. 8 на той же странице ошибочна: надо читать «ноябрь—декабрь 673 г.»).

[3] Как указал уже Клаубер, совершенно ни на чем не основано утверждение Прашека о переговорах ассирийского полководца Ша-Набу-шу с Каштарити под стенами города Амуля (J. v. Prášek. Geschichte der Meder und Perser, I. Gotha, 1906, стр. 118). Два запроса, касающиеся похода на Амуль (Kn., 17 и 18=Kl., 9), не могут быть точно датированы и локализованы, и мы не имеем оснований помещать наш Амуль в Мидии. Он не имеет никакого отношения к современному городу Амоль на иранском побережье Каспийского моря, так как название Amōl закономерно восходит к *Amarda- (древнему названию реки Кызыл-узен и обитавшего здесь племени). Каштарити в связи с Амулем не упоминается.

тарити.[1] Наиболее ранний из запросов сделан накануне ассирийского нового года, т. е., вероятно, в начале марта 672 г.[2].

При этом ассирийцы стремятся поссорить между собой союзников и с этой целью ведут переговоры с каждым из них в отдельности; так, сохранился запрос к оракулу относительно посылки гонца к Мамитиаршу.[3] Таким же порядком, по всей вероятности, были завязаны переговоры и со скифами.

Как мы уже указывали, в течение почти всего восстания запросы к оракулу упоминают только «киммерийцев»; «скифы» («ишкуза») начинают снова упоминаться лишь под конец, в маленьком фрагменте запроса (Kn., 36), относящемся к военным действиям в провинции Бит-Хамбан, а также в запросе об отправке гонца к Мамитиаршу (Kn., 25), где они упомянуты наряду с «киммерийцами». Это может быть случайностью (небрежностью или неточностью писца), а может и отражать процесс выделения скифов-шкуда в качестве особой группы среди массы кочевников и вообще северных племен, участвовавших в войне; из них не все должны были непременно подчиняться непосредственно «царю скифов» (а отсюда, возможно, и более общее, неопределенное обозначение их как «киммерийцев»).

Положение со скифами осложнилось в связи с тем обстоятельством, что первый вождь скифов-шкуда, Ишпакай, видимо, был убит в ходе войны. Когда это произошло — неясно; по дословному смыслу контекста асархаддоновой надписи выходило бы, что это произошло еще в ассиро-маннейскую войну 674 г., но в этой надписи на хронологическую точность обращено мало внимания: нам кажется, что Ишпакай погиб в конце 673 г., и это было тем успехом ассирийцев, который несколько ослабил последствия восстания.

Нового скифского царя Партатуа (Прототия) ассирийский источник называет вполне определенно «царем страны Ишкуза», т. е. Скифского царства в Азербайджане, и не просто скифским вождем, «скифом», как его предшественника Ишпакая. Партатуа пошел на переговоры, предложенные ему ассирийцами, и попросил руки дочери Асархаддона в качестве цены своей дружбы и союза с Ассирией. Сохранился полностью

---

[1] Kl., 6 (относится к предполагаемой посылке гонца), 5 (Kn., 9), 3 (?Kn., 3) и 12 по поводу уже отправленных гонцов).

[2] Запрос Kl., 6 датирован аддаром (февралем—мартом) и относится к отрезку времени до середины (?) нисана следующего года (начинавшегося с этого месяца). Невозможно предполагать, что переговоры относятся к февралю—марту 673 г., т. е. к периоду до восстания, так как в запросах относительно отправки гонцов уже упоминаются союзники Каштарити, с которыми он вступил в соглашение, по всей вероятности, лишь в нисане (марте—апреле 673 г.).

[3] Kn., 25. Мамитиаршу в сохранившейся части запроса не упомянут, но надо полагать, что он имеется в виду, поскольку в качестве места, куда отправляется гонец, названа не Кар-кашши, а «Страна Мадай».

запрос к оракулу по этому поводу. Повидимому, ассирийское жречество через оракула одобрило мысль о закреплении союза со скифами дипломатическим браком, потому что с этого момента Скифское царство делается верным союзником Ассирии.[1] Уже сам Партатуа сыграл, повидимому, значительную роль в ассирийской истории; [2] еще бо́льшую роль в ней сыграл его сын Мадий.

По всей видимости, с Партатуа произошло то же, что в свое время произошло с кутийской родовой знатью и что вообще нередко происходило с верхушкой знати племен, стоявших на высшей ступени первобытнообщинного строя: пленившись легкой наживой, он солидаризировался не с интересами народных масс, а с интересами рабовладельцев, представленных в данном случае в первую голову Ассирийским государством. Вразрез с истинными интересами своего и союзных народов он предал дело повстанцев и перешел на сторону ассирийских захватчиков.

5. Образование независимого Мидийского царства

В результате отпадения Партатуа успех восстания не был полным. Ассирийцам удалось удержать в своих руках провинции Кишессу, Хархар [3] и Бит-Хамбан. Некоторые исследователи утверждают, что восстание окончилось поражением мидян и гибелью Каштарити. Однако этому нет никаких подтверждений в источниках. Причина такого утверждения заключается в слепом и некритическом следовании ассирийским официальным источникам (не ведающим никаких других событий, кроме ассирийских «побед», которые весьма нередко были на самом деле поражениями) и в убеждении буржуазных ученых в том, что ассирийская армия была «непобедима», как и подобает армии «империалистов»,

---

[1] Kl., 16=Kn., 29 (в АВИУ текст приведен без дополнений, обнаруженных Клаубером).

[2] Геродот, вводя в свое повествование имя Мадия, называет его «сыном Прототия» (Партатуа). Следует заметить, что если греков Геродот обычно называет их полным официальным именем, т. е. собственно именем и отчеством, а иногда и указывает название их рода, то в отношении не-греков он дает отчество лишь в редких случаях: 1) в отношении военачальников похода Ксеркса на Грецию, имена которых, повидимому, извлечены из какого-то официального источника; 2) в отношении лиц, отцы которых упоминались уже им или отчество которых почему-либо вообще важно в данном контексте. Исключений очень мало и почти все они, возможно, восходят к одному и тому же источнику (Гекатею?). Это, в частности, Гиг, царь Лидии, основатель династии Мермнадов, Дейок, отчество которого указано, как кажется, ошибочно, и Мадий. Из этого можно заключить, что отец Мадия отдельно упоминался либо источником Геродота, либо самим Геродотом: в последнем случае он упоминал его скорее всего в не дошедших до нас «Ассирийских повествованиях». Во всяком случае, вряд ли имело смысл для греческого читателя упоминать имя отца скифского царя, если этот отец не отличился сам по себе чем-либо достопамятным.

[3] Эти провинции (иначе называемые Кар-Уригалли и Кар-Шаррукин) упоминаются в списках ассирийских провинций при Ашшурбанапале; см.: Е. Forrer, ук. соч., стр. 53—54.

в среде «малоразвитых» народов.[1] На самом же деле, напротив, можно с уверенностью утверждать, что на территории первоначального очага мидийского восстания — провинций Бит-Кари, Мадай и Сапарда — восстание имело полный успех. Ассирийская власть здесь была ликвидирована[2] и на месте этих трех провинций в источниках теперь упоминается независимое царство Мидия, к созданию которого восстание 673 г., таким образом, и привело.

Царство Мидия упоминается в качестве независимого наряду с Урарту, Хубушкией и Манной в одном из писем ассирийского царского архива, которое датируется между 672 и 669 гг.,[3] а затем в перечне царств, которые ассирийцы считали самостоятельными, но формально зависимыми от Ассирии, относящемся к периоду между 669 и 652 гг.[4]

---

[1] Такова же откровенно апологетическая по отношению к империалистическим колониальным войнам точка зрения и американского историка Олмстеда (A. T. E. Olmstead. History of Assyria, New York—London, 1923), хотя он и не считает, что Каштарити потерпел поражение. Тот, кто отрицает единство антиассирийской коалиции 673 г. до н. э. и ее победу, приведшую к созданию Мидийского царства, должен допустить, что Мидия родилась в 620—610 гг. до н. э. сразу великой державой, как Паллада родилась вооруженной из головы Зевса, что, конечно, явная невозможность.

[2] Эти провинции исчезают в дальнейшем из ассирийских источников.

[3] HABL, 434. Речь в нем идет о создании пограничной охраны против этих стран, об их собственных пограничных крепостях и о необходимости немедленно доставлять перебежчиков оттуда к царевичу Ашшурбанапалу, повидимому (ср. также: HABL, 1026) ведавшему ассирийской разведкой. (См.: АВИУ, № 69, 1, стр. 230 и сл.; обоснование датировки см.: АВИУ, № 69, стр. 231, прим. 3—5).

[4] Это перечень провинций, зависимых и фактически независимых царств, относящийся к правлению Ашшурбанапала, но, повидимому, ко времени до отложения Вавилонии в 652 г. Интересующая нас часть перечня гласит (АВИУ, № 71, стр. 234):

«. . . Хилакку	— (Киликия, была независимой при падении ассирийского царства)
Йа[ма]на	— («Греция», здесь, очевидно, о. Кипр)
Мелид	— (Мелитена на Верхнем Евфрате, независимая при Асархаддоне и позже)
[. . . . .]	— (?)
Шибарту	— (?)
Искалуна	— (Аскалон в Палестине. Не был присоединен к Ассирии)
Удуму	— (Эдом, Идумея в Трансиордании) } Трансиордания не была покорена Ассирией, и ее цари выступали в союзе с ней в вавилонской войне 50-х годов VII в.
Ма'аба	— (Моав в Трансиордании)
Амма[на]	— (Аммон в Трансиордании)
Эфиопия	— (никогда не бывала под ассирийской властью)
[. . . . . . .]	— (?)
Мидия (Мадай)	— (Мидийское царство, — независимое, судя по месту в перечне)
Страна [Маннеев (?)]	— (была независимой в течение всего VII в.).
Приморье . . .»	— (независимые халдейские племена у Персидского залива)

(Далее текст разрушен).

Кто же правил этим новым царством? Какова была судьба трех союзников — Каштарити, Мамитиаршу и Дусанни? И кто они были по своей этнической и социальной принадлежности, на кого опирались? От разрешения этих вопросов зависит оценка самого характера восстания и определение его исторической роли и его результатов.

Прашек [1] считает, что руководящая роль в восстании принадлежала Мамитиаршу, на том единственном основании, что только он назван в текстах «мидянином». Поэтому он отождествляет его с геродотовым Дейоком. Однако мы уже указывали на то, что «мадай» в контекстах этого рода означает принадлежность не к мидийскому племенному союзу, а к ассирийской провинции Мадай, далеко не включавшей всей Мидии. Точка зрения о ведущей роли Мамитиаршу резко противоречит фактам, так как в подлинных запросах к оракулу на первом месте, в качестве противника ассирийцев «номер один», почти без исключений всегда стоит Каштарити, а остальные силы выступают лишь как его союзники. [2]

Высказывалось также мнение (восходящее к Сэйсу) о тождестве Каштарити с Киаксаром I Диодора (у последнего он занимает место Дейока); но, по всей видимости, появление у Диодора этого царя основано на ошибке: в данном месте он излагает Геродота, о чем прямо и говорит,[3] и, кроме Геродота и Ктесия, другими источниками не пользуется, между тем, ни Геродот, ни Ктесий никакого Киаксара I не упоминают. К тому же и филологически никак невозможно связать имя «Киаксар» с именем «Каштарити».

Наиболее правильно отождествление имени «Каштарити» с мидийским именем «Хшатрита» (Xšaϑrita), переданным нам Бехистунской надписью Дария I. Эта надпись сообщает: «Один человек, по имени Фравартиш

---

[1] J. v. Prášek, ук. соч., стр. 121—124.

[2] Совершенно ошибочно утверждение Клаубера, будто Каштарити не был главой коалиции, на том основании, что в запросах между перечисленными именами возможных врагов стоит союз «или». Ведь осаждается-то один город, и тут не может быть речи о р а з н ы х врагах, а только о разных частях о б щ и х вражеских сил. А раз так, то должен был быть и общий руководитель их, и это был, конечно, всегда упоминаемый первым Каштарити.

[3] D i o d., II, 32, 2. Некоторые полагают, впрочем, что Киаксаром звали мидийского царя, который помещен был Геродотом между Дейоком и Фраортом и упоминания о котором не дошло в нашем традиционном тексте Геродота вследствие искажения переписчиком. Однако у нас нет оснований считать текст Геродота в соответствующем месте столь сильно искаженным. Если Эсхил (Persai, 765 и сл.) считает Киаксара основателем владычества над Азией, а Лже-Хшатрита называет себя потомком «рода Киаксара», то это не является отражением факта основания мидийской династии якобы неким первым Киаксаром, а есть лишь выражение того несомненного факта, что великодержавную роль доставил Мидии исторический Киаксар, предпоследний мидийский царь. Впрочем, в конце VIII века известен некий Киаксар (асс. Укситар, Уаксатар) в числе правителей Области Речки (см. стр. 214, прим. 2 и ср. HABL, 645, — выше, стр. 254, прим. 1).

(=Фраорт),[1] возмутил народ-войско Мидии; так он говорил: „Я — Хшатрита по имени, из рода Киаксара“ (Huvaχštra-)». Таким образом, некто, носивший имя Фраорта, для того чтобы привлечь на свою сторону мидян, объявил себя потомком рода Киаксара (т. е. Дейокидов) и для большей убедительности вместо своего действительного имени принял другое – очевидно, потому, что в роде Дейокидов его настоящее имя не было распространено, а было распространено ложно принятое им имя.[2] Но отсюда следует, что в роде Дейокидов не было Фраортов, но был некто Хшатрита. У Геродота сделана здесь вполне понятная ошибка: его информатор, рассказывая по семейным преданиям, запамятовал и спутал настоящее имя самозванца с принятым им царским именем, назвав эти два имени в обратном порядке; или же, быть может, ошибку совершил и сам Геродот, записывая рассказ со слов человека, недостаточно хорошо говорившего по-гречески, или через некоторое время после устной передачи. Таким образом, на место имени «Фраорт» в списке мидийских царей мы должны поставить имя «Хшатрита». А это имя вполне закономерно по-вавилонски должно быть передано как «Каштарити»,[3] «Кашатриту» или подобным образом.[4]

Итак, Каштарити — или, точнее, Хшатрита — должен занять место Фраорта в ряду мидийских царей; если верить Геродоту, он был сыном (или, возможно, внуком)[5] Дейока.

Мы уже высказывали мнение, что его область Бит-Кари с центром в крепости Кар-Кашши («Колония касситов»)[6] находилась в районе Хамадана. Где-то здесь, в юго-западной части Мидии, следует искать «Крепость вавилонян» — Сильхази, с которой, по всей вероятности, тождественна

[1] Греческий язык регулярно передает f как ph, -va- как -o-; поэтому Fravartiš в точности соответствует греч. Phraortēs. В вавилонской и эламской версиях, где f передается как p, а v — как m, это имя передано как Par'umartiš, Pirrumartiš. Не нужно говорить, что имя Fravarti-š не имеет ничего общего с именем «Фархад» (древнеиранск. Frahata-, греч. Phraates).

[2] Так, в Вавилонии самозванец Араха принял известное царское имя Навуходоносора, в Эламе самозванец Мартия — старое эламское царское имя Хумпаникаша (? — др.-перс. Иманиш). Совершенно бессмысленно было бы менять прославленное царское имя Фраорта на нецарское имя Хшатриты. Очевидно, царским было именно второе, а не первое имя. Таким образом, и отец Дейока, в противоположность утверждению Геродота, не мог зваться Фраортом.

[3] Сочетание -χš- по-вавилонски вполне обычно передается как -kš-, реже -ḫš-; в начале слога — два согласных, а в середине слова — три согласных подряд не произносятся. Конечный гласный в нововавилонском диалекте не произносился, а писался произвольно (-u, -a или -i).

[4] В вавилонской версии Бехистунской надписи — Ḫašatrîti. На тождество этого имени с именем Каштарити указал Дорм (P. Dhorme. Conférences de St. Etienne. Paris, 1911, стр. 91).

[5] Если верно, что у Геродота пропущено одно имя между Дейоком и Фраортом.

[6] Это объяснение термина впервые дано еще Тиле в 1888 г., но на него обращали

«Колония касситов»,[1] и здесь же находилась в дальнейшем столица Мидийского царства с названием «Место собрания» (Haⁿgmatāna, по-гречески Agbatana или Ekbatana). Как уже говорилось ранее, хотя и можно предполагать, что власть Дейока, пусть временно, простиралась так далеко на юг, но доказательств этому нет, и в период 717—715 гг. до н. э. территория Дейока во всяком случае не простиралась до сюда, так как между районом Хамадана и теми районами, где мог сидеть Дейок в качестве маннейского наместника, находились занятые ассирийцами пространства. Поэтому территорию Дейока, во всяком случае ко времени его пленения, следует искать где-то в долине Кызыл-узена, ближе к Миано, чем к Хамадану. Это и была впоследствии, как нам кажется, ассирийская провинция «Мадай». Почему Хшатрита-Каштарити сидел не здесь, а южнее, в области же Мадай сидел некто Мамитиаршу — неясно; быть может, ассирийцы сами посадили Хшатриту в Бит-Кари — нарочно не в том месте, где он имел, так сказать, местные корни. Следует учесть то обстоятельство, что Хшатрита-Каштарити, если он был сыном или внуком Дейока, по всей вероятности, воспитывался в Ассирии, поскольку Дейок был сослан вглубь нее вместе с семьей (этим, возможно, объясняется несомненное знакомство Каштарити с ассирийской осадной техникой, в которой ранее ассирийцы были едва ли не монополистами). Ассирийцы могли рассчитывать на то, что воспитанный в их государстве молодой мидянин будет проводником проассирийской политики, как многие воспитанники ассирийского двора, сажавшиеся ассирийскими царями в качестве мелких царьков и вождей в окрестных царствах и племенах. Или же, быть может, не один лишь Каштарити, но оба — и Каштарити, и Мамитиаршу — были потомками Дейока и сидели в разных частях его былых владений.

Кто были Хшатрита-Каштарити и его союзники по своей этнической принадлежности? Хшатрита — имя безусловно иранское; [2] возможно, что таковым же является и имя Мамитиаршу; [3] для Дусанни хорошей индоевропейской этимологии не предложено. Однако это еще не дает нам полной уверенности в соответствующей этнической принадлежности данных лиц. Как уже указывалось, иранский мидийский язык был, видимо, языком межплеменного общения в Мидии; появление скифов должно было значительно укрепить позиции этого языка, так как он

[1] Это, как уже неоднократно упоминалось, видно из маршрута Тиглатпаласара, см. выше, стр. 201 и др. Уже указывалось, что в конце II—начале I тысячелетия термин «касситы» часто воспринимался как равнозначный с термином «вавилоняне». Связь Кар-Кашши с Бит-Кари видна из параллелизма между областями трех вождей восстания (крепость Кар-Кашши, Мадай, Сапарда) и исчезающими после 673 г. ассирийскими провинциями (Бит-Кари, Мадай, Сапарда).

[2] «Властный», от χšaϑra-. См. об этом термине ниже, стр. 373.

[3] По Э. Херцфельду — иранск. Vahmyatarši.

был, почти несомненно, без особого труда понятен скифам [1] и мог, таким образом, служить также и средством общения между скифами и мидянами. Кроме того, уже к этому времени, вероятно, относится широкое распространение по всей территории Мидии магов и их религии, языком которой также был иранский. Поэтому нельзя исключить возможность того, что имена в Мидии давались в это время преимущественно иранские, как на Руси после распространения христианства большинство имен было греческими, а в странах ислама после исламизации — арабскими. Существование неираноязычного языкового элемента, быть может, значительно более мощного, чем можно было бы предполагать по первому впечатлению от имеющегося материала, все же обнаруживается, как кажется, наличием и таких имен, которые не поддаются этимологизации из индоевропейского.[2] Поэтому мы с уверенностью можем лишь сказать, что как Хшатрита, так и его союзники — Мамитиаршу и Дусанни — были мидяне; но были ли они мидяне «иранского» или «каспийского» языка, — в этом нет абсолютной уверенности. Одно несомненно: район, где сложился центр нового государства, был чрезвычайно пестрым по этническому происхождению своего населения. Крепость Хшатриты называлась «Колонией касситов», и она же, вероятно, называлась также «Крепостью вавилонян»; здесь были распространены культы вавилонских богов; [3] этот район находился на географической грани иранских и «каспийских» (кутийско-луллубейских или «мехранских») племенных языков; близко к нему были расположены районы с касситo-эламским населением (на юге) и с арамейским («сиромидийским») населением из ассирийских переселенцев (на западе). Вполне естественно, что официальным языком Мидийского царства стал язык межплеменного общения — каковым и был тот иранский язык, который древние авторы и называют собственно «мидийским».

Блестящий успех Хшатриты-Каштарити, которому удалось то, что не удавалось мидянам в течение почти ста лет, — навсегда освободить важнейшие районы Мидии от ассирийского ига и создать собственное единое государство, объясняется, без сомнения, широкой народной поддержкой возглавленного им движения. Вся масса свободного народа Мидии поддержала его. Это вытекает из следующего рассуждения.

Как мы видели, Мидия VIII в. состояла из огромного множества мельчайших догосударственных и раннегосударственных образований. Однако к концу VII в., несмотря на тяжелые обстоятельства, которые молодому государству пришлось еще пережить в середине этого века, мы видим Мидию единым, мощным государством, лишь в периферийных

---

[1] Это видно из исключительной близости сако-скифских и мидийских собственных имен.

[2] Кроме Dusanni, см. еще, например, Harpagos.

[3] См. выше, стр. 201 и ниже, стр. 372.

своих частях, завоеванных позже, включавшим самоуправляющиеся царства. Следовательно, между 673 г. и началом ассиро-мидийской войны, падающим на период где-то между 625 и 615 гг. до н. э., не только было заложено основание Мидийскому государству, но и были ликвидированы и полностью поглощены мельчайшие «царства», определявшие до тех пор политический облик мидийской территории. Само собой разумеется, что это не могло быть осуществлено без ожесточенного противодействия со стороны всех этих мелких местных правителей и их родичей, иначе говоря, со стороны родовой аристократии.[1] А это позволяет нам с достаточной уверенностью предположить, что мидийские цари опирались на широкие массы свободных людей — не только на зарождающийся и крепнувший класс рабовладельцев, но и на свободных мелких производителей материальных благ, и даже в большей степени на последних, чем на ту прослойку класса рабовладельцев, которая составляла группу родовой аристократии.

То обстоятельство, что мидийские цари стремились к деспотической власти, на что указывает Геродот,[2] нисколько не противоречит сказанному. В начальный период в с я к о г о рабовладельческого общества неизменно происходит борьба между рядовыми свободными и родовой знатью, причем только устранение власти последней и прекращение связанного с этой властью закабаления свободных земледельцев и борьбы всех против всех (ср.: H e r, I, 96—97) может дать полный простор развитию рабовладельческого способа производства. В этой борьбе широкие массы свободных вполне обычно поддерживают тенденции к установлению единоличной власти, упраздняющей или ограничивающей совет старейшин и другие органы власти, захваченные олигархией. Так было в Шумере,[3] так было в Иудее,[4]

---

[1] На недовольство знати, выдававшейся «родом» (oikiā) и «доблестью» (andragathiā) и считавшей себя равной Дейокидам (heterois sphi dokeoi einai), довольно ясно намекает и Геродот (I, 99); вообще, его изложение истории возникновения Мидийского царства носит ясные следы критического отношения его информатора-аристократа к дейокидским порядкам.

[2] Геродот (I, 99—100), который приписывает введение новых политических порядков уже Дейоку, рассказывает следующее: «Такую (крепость, т. е. Экбатану) воздвиг себе Дейок и такие (стены) вокруг (своего) жилища, прочему же народу (dēmos) повелел жить вокруг (крепостной) стены. По сооружении же всех построек Дейок впервые ввел порядок, чтобы никто не входил к царю, все же дела чтобы совершались через вестников, чтобы царь никем не был бы видим; кроме того, чтобы было всякому неприлично в (его) присутствии смеяться и плевать», и т. д., «а писавшие судебные жалобы посылали их к нему, а он, разрешив, отсылал поданные (к нему). . . если узнавал о согрешившем, то приказывал доставить его и наказывал сообразно вине каждого; и имел он соглядатаев и подслушивателей по всей земле царства».

[3] См.: И. М. Д ь я к о н о в. Государственный строй древнейшего Шумера. ВДИ, 1952, № 2, стр. 35 и сл.

[4] Где «пророческое» движение, поддержанное народными массами, было опорой царей в их борьбе с местной родовой знатью, связанной с местными культами и их жречеством.

так было и в Греции, где так называемые тираны были выдвинуты именно широкой массой свободных в противовес засилью родовой аристократии в восходивших по своей форме еще к первобытному строю органах. Не случайно Геродот называет власть Дейока «тиранией» (turannis). Иное дело, в каком направлении дальше развивалась на Востоке создавшаяся таким образом деспотическая царская власть. В Мидии, во всяком случае, за сто с небольшим лет существования державы она, вероятно, не успела переродиться.

С другой стороны, в рассматриваемый период Мидийское царство еще не успело и принять достаточно монолитных форм. Мы не знаем, каким образом сошли со сцены Мамитиаршу и Дусанни, но некоторые мелкие автономные мидийские правители продолжали существовать еще и в 50-х годах VII в., а быть может, и позже.

Да и само Мидийское царство, какова бы ни была степень его внутренней концентрации, в том виде, в каком оно было создано Каштарити-Хшатритой, не было еще той Мидией в ее исторических границах, которую обычно имеют в виду древние источники, когда они называют эту страну. К 672 г. лишь сложились те три основные части, которые вместе и составили в дальнейшем собственно Мидию. Это — Скифское царство, Манна и Мидия в узком смысле слова.

6. Мидия, Манна и Скифское царство после восстания

Каковы же были последствия событий 674—672 гг. для каждого из этих царств, этих составных частей будущей Мидии?

Скифское царство определенно укрепилось политически. В качестве «страны Ишкуза» оно получило признание сильнейшей державы — Ассирии; его глава, Партатуа (Прототий), был признан «царем» (šarru) и, вероятно, получил просимую им в жены дочь царя Ассирии. Мы не можем пока судить, в какой мере это образование можно действительно назвать «царством», т. е. государственным образованием, но во всяком случае ясно, что входившее в его состав население (в подавляющем своем большинстве, конечно, не скифское, а состоявшее из албанов, утиев, каспиев, кадусиев и тому подобных оседлых и полукочевых, горных, скотоводческих племен) впервые втянулось в орбиту классовой цивилизации и государственной жизни ведущих стран рабовладельческого Востока. Без участия этого местного, оседлого и полуоседлого населения скифы несомненно вообще не могли бы конституироваться в «царство» и остались бы малочисленными ордами кочевников, которые прошли бы по Передней Азии бесследно для ее цивилизации. Теперь же они стали на более или менее длительное время постоянным политическим фактором и участником политической жизни древнего Востока.

Каковы были границы Скифского царства — неясно, но во всяком случае, как уже указывалось, оно не граничило с Ассирией, потому что его нет в перечислении стран, с которыми Ассирия соприкасалась на

севере и востоке, в письме HABL, 434.[1] Вероятно, согласно предположению, высказывавшемуся выше, оно простиралось по более равнинным территориям от Куры в районе Кировабада до района севернее Урмии, например до гор Кара-даг и Савалан-даг, т. е. находилась в области, населенной утиями, албанами, кадусиями и т. п., которые, очевидно. и составляли фактически основную массу населения Скифского царства.

Значительно усилилась также и Манна: ее царь Ахсери вполне имел бы право претендовать на великодержавную позицию наряду с Русой II урартским. Территория Манны расширилась на западе за счет Ассирии и, повидимому, и за счет Урарту; [2] где-то в верховьях Большого Заба она граничила с Хубушкией и Урарту; дальше ее граница шла на юг, по всей вероятности, вдоль главного хребта Загроса — там, где теперь идет турецко-иранская и иракско-иранская граница: западнее г. Урмии (Резайе), Ушнуэ и Саучбулага. По хребтам гор Кафелан-Кух (Гизильбунды) Манна граничила с Мидией: в западной части — с ассирийскими провинциями в Мидии, в восточной — с независимым Мидийским царством. Восточнее и севернее границы Манны неясны.

Труднее всего определить протяжение царства Хшатриты-Каштарити (геродотова Фраорта). Провинции Кишессу (или Кар-Уригалли) и Хархар (или Кар-Шаррукин), а также Бит-Хамбан остались в составе Ассирии, так что западная граница Мидии проходила, вероятно, лишь несколько западнее линии Мианэ—Хамадан. Еще труднее уточнить остальные границы царства. Геродот (I, 101—102) сообщает, что уже «Дейок слил мидийский народ (eth̬nos) воедино и царствовал (ēr͡kse) над ним», и перечисляет тут же все мидийские племена; о «Фраорте» же (т. е. Хшатрите-Каштарити) он сообщает, что, «приняв царство (arkh̬ē), тот не довольствовался одной властью над мидянами, но ополчился на персов. . . имея же эти два народа, и оба сильные, он стал покорять Азию, один народ за другим, пока не ополчился на ассирийцев», и т. д. Однако мы уже знаем, что первое сообщение несомненно неправильно, и мы не можем также быть убеждены, что покорение персов следует приписать Фраорту-Каштарити.[3] Однако объединение Мидии, вероятно, имело место в его время, хотя мы не можем точно определить объема этого объединения; было ли, например, включено в Мидию государство Эллипи или нет[4] и как далеко на восток простирались мидийские пределы.

---

[1] Урарту, Манна, Мидия и Хубушкиа.

[2] В районе западного побережья Урмии.

[3] Кир I, царь Персиды, и ряд других царьков к востоку от Элама сносились с Ассирией, как мы увидим, самостоятельно. Мы склонны полагать, что Персида была подчинена Мидии лишь при Киаксаре.

[4] Второе кажется нам более вероятным. До нас дошел запрос Ашшурбанапала относительно посылки в Эллипи войска под командой «начальника глав» Ша-Набу-шу. Штрек (Assurbanipal, I, стр. CLXXXII), читая, повидимому, обозначение запрашивающего в тексте как «Ашшурбанапал, сын Асархаддона, царя Ассирии», относит этот поход к концу царствования Асархаддона, т. е. ко времени после окон-

«Фраорт»—Хшатрита царствовал, по Геродоту, 22 года, т. е. по 652 г.; нередкое в сочинениях по Древнему Востоку указание на то, что Каштарити якобы погиб в ходе восстания, решительно ни на чем не основано.

Конечно, Ассирия не могла успокоиться на понесенном поражении, хотя оно было не столь тяжким, чтобы окончательно подорвать ее силы, как первоначально могло казаться. Вскоре ассирийцы вновь проявляют активность на востоке. Первой жертвой их нападения оказалась Манна, от которой Ассирия попыталась вернуть себе потерянное в предыдущую войну.[1] Когда ассирийские войска под командой полководца Набушарру-сура перевалили в 660/59 г. до н. э. через Загрос, Ахсери маннейский попытался напасть на них и уничтожить во время ночевки; это ему не удалось: маннейские войска были отброшены, и ассирийцы заняли 8 крепостей между южной границей Манны и ее столицей Изиртой.[2] Ахсери перенес свою резиденцию из угрожаемой Изирты в крепость Иштатту, однако ассирийцам, предпринявшим 15-дневную осаду как Изирты (совр. Саккыз?), так и соседних крепостей Узбиа (Зибиа, Иззибиа — совр. Зивие) и Урмейате (Армаит), не удалось взять этих крепостей, и они ограничились опустошением окрестной местности и угоном людей в рабство, а также лошадей, ослов, крупного рогатого скота.

На обратном пути ассирийцы предприняли завоевание пограничных крепостей, захваченных маннеями при Асархаддоне. Перешедшая было к Манне территория была, повидимому, расположена двумя участками: одна — около Шурдиры (=Шурды? — повидимому, в одной из долин верховий Малого Заба) и горы Харси ('Арситы урартских источников — на границе Парсуа; здесь по соседству обитало маннейское племя кумурдийцев);[3] второй участок[4] был, возможно, расположен западнее озера

чания войны с Каштарити, но вероятнее, что он относится еще ко времени мидийской войны, так как в числе врагов Ассирии названы эллипийцы, мидяне и «киммерийцы» (скифы?). Мы склонны отождествлять Эллипи с Элимаидой (Elumais) более поздних греческих авторов, обычно отличающих ее от Элама (Сузианы): Elli.pe могло в эламском языке иметь вариант *Ellu.me [огласовки -i- и -u- чередуются в новоэламском, а -me и -pe — разные окончания множественного числа, которые могут заменять друг друга; ср.: Lullu-p-(um) и Lullu-mê]. Сохранение впоследствии Элимаиды—Эллипи в качестве отдельной исторической области указывает, по всей вероятности, на длительное существование ее независимости или автономии.

[1] Наиболее подробно этот поход описан на так называемом «Цилиндре B»; см.: АВИУ, № 73, стр. 238. Ср. также надпись «Цилиндра Рассама» (АВИУ, № 72) и запрос к оракулу (Kn., 150), где прямо указывается цель похода.

[2] Ассирийский текст называет Айусиаш, Паша[. . .]су, Бусуту (=Бушту на границе Парсуа), Андиаш, Уркиямун, Упиш, Сихуа и Назипири.

[3] Здесь ассирийцы заняли крепость Арсияниш. Текст Ашшурбанапала указывает также на взятие ассирийцами крепости Эрештейана и разорение примыкающей территории, причем был убит некий «горец Райади» или «Райадишади», маннейский «начальник укреплений (?)». С названием «кумурдийцы» ср. «Хумурти» шумерского времени (поблизости от Харши, см. выше, стр. 117 и сл.).

[4] Здесь были расположены возвращенные теперь Ассирии крепости [Би]руа(?), Шарруикби, Гусуне и [. . . .]руте.

Урмии. В крепостях этого района ассирийцам удалось захватить запасы военного снаряжения, а также лошадей; повидимому, крепости эти мыслились маннеями как базы для дальнейшего наступления Манны на Ассирию и Урарту. Теперь они были заняты ассирийскими гарнизонами.

Поражение, которое потерпел Ахсери, обострило внутренние противоречия в Манне. Текст Ашшурбанапала сообщает, что в Манне началось восстание «людей страны» (nîšê mâti), — так ассирийцы называли рядовое земледельческое население: лично свободных общинников и, возможно также и рабов-земледельцев. Так как Манна представляла собой государство олигархическое, на что уже указывалось выше, то развитие в нем демократического движения, возможно, стимулированное созданием на соседней территории Мидийского царства, опиравшегося на широкие массы свободного населения, представляется вполне естественным. Повстанцы убили Ахсери, выбросили его труп на улицу и истребили также почти весь его род. Оставшийся в живых сын Ахсери, Уалли, немедленно послал своего наследника Эрисинни к ассирийскому царю за помощью против своего народа, как это раньше делал его предок Уллусуну; для умилостивления Ашшурбанапала он прислал ему в гарем свою дочь. Ашшурбанапал наложил на Манну дань, однако из текстов не видно, чтобы он оказал Уалли действенную помощь ассирийскими войсками. Тем не менее цари Манны остались до конца союзниками Ассирии, так что можно думать, что какую-то помощь они все же получили. Наиболее вероятно, что они были поддержаны, по поручению Ашшурбанапала, его зятем — царем скифов Мадием, что и позволило позже скифам столкнуться уже с расположенным южнее Манны Мидийским царством.[1]

Не вполне ясно, вторгались ли ассирийские войска, одновременно с Манной, также и в Мидийское царство. Текст «Цилиндра B» Ашшурбанапала, сообщив о восстании в Манне и воцарении Уалли, прибавляет: «В эти же дни Бирисхадри, мидийского „владыку поселения", (а также) Сарати[2] (и) Парихиа,[3] сыновей Гагу, „владыки поселения" (страны) Саху, которые сбросили ярмо моего владычества, — я покорил 75 их укрепленных поселений (и) полонил их полон, (а) их самих я захватил живьем в свои руки (и) доставил в Ниневию». После того, что, как мы знаем, уже создалось Мидийское царство, мы с некоторым удивлением встречаем упоминание «мидийского владыки поселения», который «сбросил ярмо владычества Ассирии». Но, по всей вероятности, Бирисхадри играл в одной из оставшихся в ассирийских руках мидийских провинций — в Кишессу или Хархаре — ту же роль, какую до восстания играли в Бит-

[1] Если, как можно судить по Геродоту, это столкновение и произошло в северном Азербайджане (когда скифы миновали «Кавказскую гору»), то это не меняет дела; так или иначе, Манна должна была временно выбыть из строя для того, чтобы столкновение скифов с Мидией могло иметь место.

[2] Написано ^{m}Šar-a--ti- или ^{m}Sar-a-ti, читать, вероятно, *Sar'ati, *Sarḫati.

[3] Менее вероятно чтение Pariṭia.

Кари, Мадае и Сапарде Каштарити, Мамитиаршу и Дусанни, т. е. роль вождя местного населения, через которого с последним сносилась ассирийская администрация. Вероятно, цель восстания Бирисхадри состояла в передаче области Мидийскому царству. Остается неясным, что такое «страна Саху», упомянутая в этом же контексте. Видеть здесь саков, как это предполагали некоторые исследователи,[1] решительно невозможно: иранское k никогда не передавалось по-аккадски как ḫ. Совершенно неприемлемо также сопоставление Гагу с библейским Гогом (Гуггу лидийским, Гигом античных авторов).[2] По всей вероятности, под «страной Саху» имеется в виду какая-либо часть мидийских провинций.

Большинство исследователей считает, что этим и ограничивается упоминание маннейских и мидийских областей в надписях Ашшурбанапала. Они упускают из виду упоминание «кутиев», которое встречается в них в связи с событиями 652 г. до н. э. и которое может относиться только к Мидии, Манне, Эллипи и т. п., так как «кутии», на что мы уже указывали (см. выше, стр. 104), обычно не являются в это время конкретным обозначением реального народа[3] и его территории, а являются общим обозначением в высоком стиле для народов, живших к востоку и северо-востоку от Ассирии.

Для того чтобы понять происшедшие события, мы должны вкратце рассмотреть сложившуюся в начале 50-х годов VII в. внешнеполитическую ситуацию.

На северо-западе, в Малой Азии, после разрушения Фригийского царства в середине 70-х годов хозяйничали киммерийцы, поэтому Гуггу (Гиг), царь сильнейшего малоазийского государства Лидии, а также царьки Киликии и Табала (в горах Тавра) сочли нужным около 660 г. прибегнуть к ассирийской помощи. Отбросив киммерийцев от своей территории, Гуггу прекратил сношения с Ассирией и вступил в союз с Псамметихом, отложившимся от ассирийцев египетским фараоном. Однако киммерийцы вновь усилились (возможно, вступив в союз с проникшими через Босфорский пролив фракийскими трерами). Гуггу пал в бою с ними, и его столица Сарды была разграблена (в 654 г. до н. э.).[4] Сын его Ардис был поэтому вынужден вновь просить Ассирию о помощи.

[1] Это отождествление довольно распространено в литературе и восходит к Джорджу Смиту. Юсти сопоставляет армянск. Šak'e в области Сюник (восточнее озера Севан; правильнее, как указал нам С. Т. Еремян, — в районе Нухи). Против сопоставления Саху с саками высказывались Нельдеке [Th. N ö l d e k e. E. Schrader. Keilinschriften und Geschichtsforschung (рец.). ZDMG, XXXIII, стр. 328] и Штрек (S t r e c k, ZA, XV, стр. 321).

[2] Так как переход ā в ō в древнееврейском совершился гораздо раньше; ср.: АВИУ, № 85, прим. 1 и № 86, прим. 3 стр. 251; неправильно у Делича и Штрека (F. D e l i t z s c h. Wo lag das Paradies. Leipzig, 1881, стр. 246; S t r e c k, ZA, XV, стр. 321, прим. 1).

[3] Так, Штрек помещает кутиев в горах Джуди-даг, севернее Ассирии, С. Смит — около Аррапхи (Керкука), по ср. выше, стр. 104, прим. 3.

[4] Акад. В. В. С т р у в е. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, стр. 67.

Около 654 г. действительно ассирийцы были втянуты во враждебные отношения с киммерийцами (именно их в данном случае имеют в виду тексты под названием высокого стиля — «умман-манда»). Их тогда возглавлял Тугдаммú (Лигдáмис греков) и его сын Сандакшатру.[1] С киммерийцами попрежнему находились в союзе урарты, и Ашшурбанапал рассматривал их деятельность как антиассирийскую.[2] Однако, как и в случае с Уалли, официальные надписи ничего не сообщают нам о войне ассирийцев с киммерийцами; из античных же источников можно заключить, что вождь киммерийцев Лигдамис погиб в Киликии (юго-восточной Малой Азии), т. е. на границах Ассирии, повидимому, в битве с Мадием, вождем скифов. По крайней мере Мадий около этого времени, повидимому, появляется в Малой Азии как враг и победитель треров (и киммерийцев).[3] Все

[1] К сожалению, текст гимна к богу Мардуку, который содержит приведенные сведения, плохо сохранился и по-разному восстанавливается и читается исследователями. Штрек (Assurbanipal, II, стр. 280 и сл.) читает: (20) ù ^{m}Tug-dam-me-i šar ummān-man-da tab-nit ti-amat tam-šil ^{d}[gallê] (21) a-na la e-peš an-ni la ḫa-ṭi-e mi-ṣir mâti-ja ni-i[š ilâni^{meš}] (22) i-miš la ik-kud-ma zi-ḳir-ka kab-tu šá ^{d}igigi [utaḳḳū] (23) a-na šur-bi-i be-lu-ti-ka ù da-na-an i-lu-ti-ka [. . . . .] (24) ki-i šip-ri ilu-ti-ka šá taš-pu-ra um-ma ú-sap-paḫ il-lat-[su (?) . . . .] (или il-lat [^{m}Tug-dam-me-i. . .]) (25) ^{m}Sa-an-dak-šat-ru mâru ṣi-it libbi^{bi}-šú šá ana maškani(?)^{ni}-šú iš-ku-nu a-s[a(?)-kip(?)] (26) áš-me-ma at-ta-id ^{d}Marduk ḳar-du и т. д. и переводит: «А Тугдамме, царь Умманманды, порождение Тиамат (=первобытного чудовища, — *И. Д.*), образ [демона], презрел, — не совершая преступления и не провинившись перед областью моей страны, — клятв[у богами (?)] и убоялся твоего почтенного имени, которое [. . . . .] Игиги (небесные боги, — *И. Д.*). Ради возвеличения твоего (бога Мардука, — *И. Д.*) владычества и мощи твоей божественности [. . . . .]. Согласно твоему божественному посланию (оракулу, — *И. Д.*), которое ты послал в таких выражениях: „Я рассею [его (?)] силу [. . . . .]; Сандакшатру, которого они поставили на его место (?), я [. . . . .]". Я услышал это и восхвалил Мардука, героя» и т. д. Крэг, Мессершмидт и Винклер, которым отчасти следовал и наш перевод в «АВИУ» (№ 78, стр. 243), иначе читают и переводят строку 20: ù ^{m}Tug-dam-me-i šar ummān-man-da e-liš ti-amat ut-tar-[an-ni-ma]; фраза в таком чтении не допускала надежного однозначного понимания [в «АВИУ» переведено: «А Тугдаммé, царь умман-манды, заставляет меня пойти (?) за море»]; поэтому чтение Штрека здесь предпочтительнее. Однако дальнейший текст следует, с нашей точки зрения, восстанавливать и понимать так, как приведено в «АВИУ», [стр. 243; в частности, нет оснований читать maškani(?)^{ni}-šú вместо te-ni-šú в строке 25: tênu означает «преемник», «заместитель», «наследник». В целом перевод отрывка таков: «А Тугдамми, порождение чудовища, подобие [демона], забыл клят[ву (именем) богов]: „не свершать преступления, не согрешать против границ моей страны"; он не был строг к (выполнению) твоего слова, которое [чтут] Игиги. Чтобы прославить твое владычество, [чтобы показать (?)] силу твоей божественности, согласно с посланием твоей божественности, которое ты послал, (говоря): „Я рассею силы [Тугдаммú (?)], (а) Сандакшатру, сына, порождение его утробы, которого послали ему в преемники, я н[извергну]" — вняв (ему), я послушался Мардука», и т. д. Речь идет, разумеется, об оракуле Мардука. К датировке см. АВИУ› № 78, стр. 243, прим. 1.

[2] См. текст АВИУ, № 77, стр. 242, датируемый 655 или началом 654 г. до н. э.

[3] S t r a b o, I, 3, 21. Страбон приписывает Мадию (названному здесь ошибочно «киммерийским») победу над вождем треров Кобом — вероятно, по недоразумению, так как речь несомненно должна идти о победе скифов над киммерийцами, в то время

это указывает на то, что в 50—40-х годах Мадий, сын Партатуи, и его Скифское царство продолжали быть союзниками Ассирии, в то время как Тугдамми и киммерийцы являлись союзниками Урарту. Еще ранее произведенный, якобы на свой риск и страх, урартским областеначальником Андарией пограничный налет на ассирийские владения в Шубрии потерпел неудачу.[1] А в 654 г., когда поражение киммерийцев лишило урартского царя важного союзника, вполне естественно, что Руса II поспешил возобновить хорошие отношения с Ассирией, которые существовали у него при отце Ашшурбанапала, и прислал в Ассирию послов. Они прибыли как раз к моменту завершения удачного для ассирийцев похода 655/54 г. до н. э. на Элам.[2]

Важно было бы знать, каким образом Мадий и его скифы-шкуда попали в Малую Азию — через урартскую территорию или севернее ее, через центральное Закавказье, или его пропустили через свою территорию ассирийцы? Мы этого не знаем; второе и особенно третье предположения кажутся нам более вероятными, чем первое.

Именно в это время греки Малой Азии познакомились со скифами-шкуда; именно в это время и сложилась, вероятно, легенда о преследовании киммерийцев скифами с самой их родины, появившаяся, как мы знаем, в поэме жившего около этого времени Аристея Проконнесского — поэме, которую, судя по всему, что мы знаем о ней и о самом Аристее, трудно заподозрить в излишней исторической достоверности. С этого именно времени «варвары севера», которых греки в течение VIII и начала VII в., неправильно обобщая понятие, называли «киммерийцами», стали у них, столь же или более неправильно, называться «скифами» — термином, который, как мы уже указывали, на самом деле относился к одному определенному кочевому иранскому племени или группе племен, притом, возможно, не происходившему первоначально из Причерноморья.

7. Временная гегемония скифов

Вскоре после описанных событий, а именно около 653/52 г., ассирийская держава вошла в полосу серьезнейшего политического кризиса. Внешней причиной его было восстание Шамашшумукина, брата ассирийского царя Ашшурбанапала, бывшего вассальным Ассирии царем Вавилона. К восстанию (которому предшествовал другой важный удар по асси-

---

как треры были лишь союзниками последних (так, например, Леманн-Хаупт: P a u l y — W i s s o w a, s. v. Kimmerier). Разгром киммерийцев Мадием должен был произойти после 645 г. (т. е. после второго взятия Сард), но борьба могла начаться раньше.

[1] Как указано в «АВИУ» (№ 73, прим. 13), чтение «Андариа, областеначальник Лубду» основано на ошибочном чтении Дж. Смита, который прочел знаки как ^{mât}Lu-ub-di. Вместо Lu- надо читать очень похожий знак Ur-; ub и di имеют очень часто также чтения ár и ṭi, поэтому читать ^{mât}Ur(!)-ár-ṭi; в варианте прямо указано Урарту.

[2] К этому же времени, вероятно, следует отнести союз между скифами и Лидией, подвергавшейся разграблению со стороны киммерийцев.

рийскому могуществу — отпадение Египта)[1] примкнули многочисленные союзники как внутри, так и во вне ассирийской державы. Текст Ашшурбанапала [2] говорит: «И этот Шамашшумукин, неверный брат, что не соблюл присягу мне, возмутил против меня людей Аккада, халдеев, арамеев, (людей) Приморья от Акабы до Баб-Салимети,[3] рабов, служащих мне, и Умманигаша, беглеца, обнимавшего ноги моей царственности, которого я поставил на царство Элама, а также царей Гутиума, Амурру, Мелуххи, которых я поставил своими руками по слову (богов) Ашшура и Нинлиль — всех он возбудил против меня, и они вступили с ним в соглашение». Таким образом, текст Ашшурбанапала делит сторонников Шамашшумукина на три группы: 1) подданные Ассирии — вавилоняне, халдеи, арамеи, жители вавилонского Приморья; 2) Элам как главный и наиболее активный союзник Шамашшумукина; 3) «цари Гутиума, Амурру и Мелуххи». Как понимать последние термины? Для ассирийца VII в. это обозначение больших пространств, мы бы сказали — «частей света» (как для грека — Европа, Азия и Ливия и т. п.). Мелухха — это Африка (каково бы ни было первоначальное значение термина), Амурру — это Сирия, Финикия, Палестина; Гутиум — это нагорье к северу и северо-востоку от Ассирии. Следовательно, это указание текста Ашшурбанапала является общим и требует конкретной расшифровки. Это и сделано наиболее подробно исследователем надписей Ашшурбанапала Штреком.[4] Однако он это сделал только для Амурру [5] и для Мелуххи,[6] Гутиум же оставил в стороне, сбитый своей ошибочной идеей о тождестве Гутиума с горами Джуди-даг к северу от Ассирии. Однако мы в свое время подробно анализировали значение этого термина и сейчас должны попытаться рассмотреть, что можно понимать под термином «Гутиум» (=«кутии») в тексте Ашшурбанапала.

В различное время в течение I тысячелетия до н. э. термин «кутии», «Гутиум» применялся к Урарту, Манне, народам Мидии и, возможно, к персам.[7] Однако в данном случае это не может быть Урарту, с которым только что были установлены дружественные отношения, сохранявшиеся и позже; [8] вряд ли это может быть Манна, только что потерпевшая тяже-

---

[1] См.: акад. В. В. Струве. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, стр. 65.

[2] Цилиндр Рассама, III, 96—106.

[3] Баб-Салимети находился у устья Евфрата; местоположение Акабы неизвестно (не то же, что современная Акаба на Красном море).

[4] Assurbanipal, I, стр. CCXCIII и сл.

[5] Там же, стр. CCXCIV, CCCLXI и сл.: речь идет об арабах Трансиордании и, возможно, об Иудее.

[6] Там же, стр. CCLXXIX; речь идет, разумеется, о Египте.

[7] См.: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 35.

[8] Гонцы Русы II прибыли в Ассирию с мирным посольством, как уже указывалось, в 654 г. У нас нет данных о вражде Ассирии с Урарту вплоть до нового посольства Сардури III около 639 г.; см.: АВИУ, №№ 72 (X, 40—50) и 79, стр. 237 и 243—244.

лое потрясение. Персия в это время не имела еще никакого значения. Поэтому кажется наиболее вероятным, что под «Гутиумом» здесь разумеется Мидия,[1] где в это время пошел 22-й год правления Каштарити-Хшатриты, или, по Геродоту, — Фраорта. Действительно, Геродот (I, 102) сообщает нам следующее: Фраорт «стал покорять Азию, один народ за другим, пока не ополчился на ассирийцев и (именно) на тех ассирийцев,[2] которые обитали в Нине,[3] а раньше владычествовали над всеми, и которые были оставлены одни, так как союзники отпали от них, впрочем, однако, у них (все) обстояло хорошо. В походе на них-то Фраорт погиб, процарствовав двадцать два года, и с ним бо́льшая часть его войска».

Уже Леманн-Хаупт [4] заметил, что описываемое Геродотом положение Ассирии относится к ситуации, сложившейся в связи с восстанием Шамашшумукина. Однако он не сделал необходимого вывода о том, что «Фраорт» погиб в 653/52 г., процарствовав 22 года и, следовательно, начал править в 673 г., а потому, очевидно, тождествен с «Каштарити» запросов к оракулу. Конечно, всех исследователей смущало отсутствие в надписях Ашшурбанапала какого-либо упоминания о победе ассирийского оружия над Мидией, хотя ассирийцы обычно преувеличивали и раздували каждый свой самый малый успех. Объяснение этому, однако, лежит в том, что победа над Хшатритой—«Фраортом» была осуществлена не самими ассирийцами, а их союзниками, которых они поочередно натравливали то на один, то на другой соседний народ, а именно скифами. Действительно, Геродот сообщает (I, 103 и 106), что когда сын «Фраорта», Киаксар, продолжал [5] войну с Ассирией и осаждал Ниневию, «пришло большое скифское войско, вел же его царь скифов Мадий, Прототиев сын. . . В течение двадцати восьми лет владычествовали скифы над Азией и от безудержности и небрежности все у них было опустошено».

Это вторжение скифов в Мидию и установление скифского господства относят обычно к 625 г., потому что Киаксар умер в 585 г., а правил, по словам Геродота, 40 лет. Но Геродот явно ошибается в изложении обстоятельств столкновения скифов с мидянами. У него выходит, что Киаксар впервые осаждал Ниневию и потерпел поражение от скифов уже после проведенной им реформы армии и даже после войны с Лидией, которая, по словам самого же Геродота (I, 73), имела своим поводом изгнание скифов из Мидии, происшедшее по крайней мере на 28 лет позже. Очевидно, что геродотов порядок событий надо переставить: первая война Киаксара с Ассирией имела место в самом начале, до 28-летнего господства

[1] А не Персия, как думает Олмстед (A. T. E. Olmstead. History of the Persian Empire, Chicago, 1948, стр. 31).

[2] В отличие от вавилонян, которых Геродот тоже называет «ассирийцами».

[3] Т. е. Ниневии.

[4] Pauly—Wissowa, s. v. Kimmerier. Близко к нашему пониманию Олмстеда

[5] Правда, у Геродота между неудачным походом Фраорта и первой ассирийской войной Киаксара помещен еще ряд событий, но, как мы увидим, внутренняя хронология правления Киаксара у Геродота совершенно перепутана.

скифов, и являлась продолжением войны с Ассирией, которую вел Фраорт, на что указывает косвенно и Геродот, говоря о желании Киаксара отомстить за отца. Если поэтому мы будем считать, что 28 лет господства скифов включены Геродотом в 40 лет правления Киаксара, то мы могли бы отнести первое его столкновение со скифами к периоду между 625 и 613 гг. до н. э.; но тогда, как мы увидим ниже, мы встретимся с большими трудностями при объяснении событий конца правления Киаксара и, кроме того, не будем иметь объяснения тому, почему в надписях Ашшурбанапала нет упоминания о победе над «Гутиумом», т. е. Мидией. Наконец, нам придется признать, что Киаксар воевал с Ассирией и победил

Рис. 50. Мидяне (слева) в битве со скифами (справа). Изображение с цилиндрической печати VI—V вв. до н. э.

ее в 613—605 гг., находясь одновременно под владычеством скифов! Все объясняется как нельзя лучше, если мы признаем, что основное поражение мидянам в 653/52 г. нанесли не сами ассирийцы, а Мадий и его скифы, быть может, также и маннеи, уже и раньше действовавшие как союзники Ассирии. Тогда 28 лет господства скифов совпадут с периодом между 652 и 625 гг., а 40 лет правления Киаксара будут, как обычно и предполагается, соответствовать периоду с 624 по 585 г. до н. э. Необходимо лишь признать, что Киаксар унаследовал престол еще ребенком.[1]

Потеря такого полководца, каким был Каштарити-Хшатрита-«Фраорт», могла, естественно, повести к тяжелым последствиям для ми-

[1] Это означало бы, что он был младшим сыном и что его старшие братья погибли ранее, например вместе с отцом. Примеров подобного наследования достаточно в истории почти любой династии. Так, если взять этот же период времени, иудейский царь Хизкия умер 54 лет, процарствовав 29 лет (723—695 гг. до н. э.), а после него царствовал 55 лет его сын Менашше, взошедший на престол 12 лет (694—640 гг. до н. э.). Возможно также, что Киаксар был не сыном, как у Геродота, а, скажем, внуком Хшатриты-Фраорта, так как родословная мидийских царей, данная Геродотом, возможно, является до известной степени искусственной (несмотря на правильность самой последовательности).

дянского войска. Попытка продолжать войну с Ассирией после его гибели окончилась поражением и установлением в Мидии скифского господства.

Это скифское господство не следует, однако, представлять себе так, что оно предполагало уничтожение или поглощение Мидийского государства. Как и Манна, Мидийское царство продолжало существовать, и по окончании периода скифского господства оказалось нисколько не ослабленным. Речь шла, видимо, о том только, что скифы собирали более или менее тяжелую или же более или менее номинальную дань с Мидии.[1] Вожди скифов не сумели создать действительной державы, тем менее они были способны создать государство, которое могло бы выполнить историческую задачу ликвидации ассирийского ига, так как позволили использовать себя в роли душителей освободительного движения. Зато так называемое Скифское царство было базой для набегов на соседние государства — сначала на Урарту,[2] потом и на территорию самой Ассирии, в особенности на ее владения в Сирии и Палестине, где скифы, по некоторым данным, доходили до пределов Иудеи, Филистии и Египта.[3]

Для мидян скифское господство имело некоторое значение. С одной стороны, они учились конно-стрелковой тактике скифов: еще и после падения скифского господства мидяне отдавали сыновей обучаться стрелковому делу у скифов.[4] По всей вероятности, именно в это время выработалось и общее скифо-мидийско-сакское стрелковое вооружение, знакомое нам по известным «скифским» наконечникам стрел: при этом, как уже указывалось, нет полной уверенности, что изобретателями последних первоначально были именно скифы.[5] С другой стороны, господство скифов содействовало выработке межплеменного языка не только на территории собственно Мидийского царства, но и на всей территории Мидии в целом: иранский язык мидян и иранский язык скифов были настолько близки, что было возможно взаимопонимание между обитателями Скифского царства и Мидийского царства. Естественно, что иранский язык как язык межплеменного общения распространился в это время и в расположенной

---

[1] Так говорит и Юстин (II, 3), передающий, как кажется, версию, в конечном счете восходящую к скифской традиции.

[2] Урарту, быть может, по этой именно причине в 30-х годах VII в. до н. э. вынуждено было, с целью заручиться дружбой и поддержкой Ассирии, формально признать высшее положение ассирийского царя по сравнению с урартским. См.: АВИУ, №№ 72 и 79.

[3] Об этом сообщает Геродот (I, 105) и подтверждают археологические и топонимические данные. См.: Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 302 и сл.

[4] Her., I, 73.

[5] Б. Б. Пиотровский указал нам, что стрелы со «скифскими» наконечниками (восходящими, повидимому, к костяным наконечникам стрел степняков) представляют собой гораздо более эффективное оружие, чем стрелы с обычными ранее для древневосточных стран листовидными наконечниками (восходящими к кремневым). Поэтому «скифские» стрелы очень быстро распространились среди всех народов Востока.

посередине между ними Манне и в других «каспийских» по языку районах, и чувство единства всех племен Мидии — от области севернее Аракса до границ Парфии — окрепло, так как находило опору в существовании общего межплеменного языка. Однако этот язык оставался именно языком межплеменного общения, а в быту употреблялись и различные автохтонные племенные языки, так как еще после падения скифского господства мидяне посылали к скифам учиться не только стрелковому делу, но и скифскому языку.[1] Спрашивается, зачем? Какое значение для могущественной в это время Мидийской державы мог иметь язык побежденных кочевников? Дело, однако, легко объясняется, если мы учтем, что значительная часть мидян в быту не говорила на иранском языке, а язык этот был необходимым и официально принятым в государстве языком межплеменного общения.

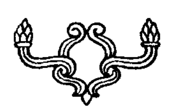
По словам Геродота (I, 106), по прошествии 28 лет «Киаксар и мидяне, пригласив в гости и напоив, перебили их (скифов или, точнее, скифских главарей) и таким образом спасли (свое) владычество и овладели тем же, чем и раньше». Таким образом, как только была сброшена эфемерная власть скифских царей, Мидийское царство вновь приобрело точно тот же самый вид, какой имело и прежде. Этому свидетельству Геродота вполне можно доверять, так как скифское господство, очевидно, не затрагивало основ мидийской государственности, а выражалось в том только, что Киаксар должен был откупаться от скифских набегов определенной данью.

О дальнейшей судьбе скифов можно судить по некоторым косвенным данным. Скифское царство продолжало существовать в Азербайджане, судя по данным «Книги Иеремии», еще в 90-х годах VI в. до н. э., и это подтверждается также и Геродотом, согласно которому из-за скифов возникла война между Мидией и Лидией в 590 г. В дальнейшем, однако, Скифское царство, как мы увидим, вошло в состав Мидии как одна из его частей. При этом, как сообщает Геродот, скифы вернулись, откуда пришли (причем в данном случае он представляет их родину не за «Араксом», т. е. за Волгой, а в Причерноморье). Он рассказывает даже (IV, 2—4) явно баснословную историю о том, что жены скифов, заждавшись их в течение более чем 30-летнего их отсутствия, взяли мужей из числа рабов; дети же этих рабов пытались противодействовать возвращающимся скифам где-то около современного Миуса (IV, 20), но, как потомки рабов, были побеждены, как только воевавшие против них скифы вместо мечей применили кнуты. Все это, разумеется, — чистая басня в рабовладельческом духе, тем более что скифы-шкуда, как представляется вероятным, в Переднюю Азию попали не из Причерноморья. Но после разгрома переднеазиатского скифского царства часть скифов-шкуда, повидимому, действительно ушла в последней четверти VII в. или в начале VI в. до н. э.

[1] H e r., I, 73.

через Кавказ обратно на север, а затем влилась в состав так называемых скифов Причерноморья; еще и раньше связь Закавказья с Причерноморьем, как показал Б. Б. Пиотровский, была довольно тесной; теперь же мы обнаруживаем в Причерноморье явные и многочисленные следы знакомства скифов с культурой Передней Азии — как материальной, так и духовной. Античные авторы, и в первую очередь Геродот, не оставляют сомнения в том, что у причерноморских скифов сохранялась живая традиция об их пребывании в Передней Азии.[1] Очевидно, какая-то часть причерноморских скифов действительно появилась из Передней Азии; от них, быть может, пошло и имя сколотов, если верно предположение, сделанное нами выше, о том, что это — более поздняя форма термина «шкуда». Однако не следует думать, что все скифы бесследно ушли из Закавказья. Археологические данные из раскопок Мингечаура, Самтавро и других дают одну и ту же полускифскую культуру для всего периода с VII по V и даже IV в. до н. э. Часть скифов-шкуда — «ортокорибантии» конца VI и начала V в. до н. э. — осталась жить в пределах Мидийской державы, в конечном счете смешавшись с остальным населением Северного Азербайджана.

К 20-м годам VII в., когда Мидийское царство освободилось от скифской дани, Ассирийское царство, благополучно вышедшее было из кризиса 50—40-х годов, снова попало в полосу тяжелого внутреннего кризиса. Мидия была втянута в развернувшиеся теперь события, и ей, в союзе с Вавилонией, выпало на долю уничтожить Ассирийскую державу и окончательно сбросить с народов Азии многовековое ассирийское иго.[2]

---

[1] См., например: Her., IV, 1—4, 118—119 и др.

[2] Важная работа Сулимирского о скифах (T. Sulimirski. Scythian antiquities in Western Asia. Artibus Asiae, XVII, 3/4, стр. 282 и сл.) сделалась мне известной слишком поздно, чтобы быть использованной. Выводы автора во многом сходятся с нашими, но появление скифов в Передней Азии он датирует слишком рано.

Глава IV

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВЕЛИКОЙ МИДИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ И ПАДЕНИЕ АССИРИИ

1. Мидия и Ассирия в конце VII в. до н. э.

Уже в 50-х годах VII в. Мидийское царство было крупным государством, стоявшим в одном ряду с Манной, Урарту и Эламом. Его дальнейшее развитие было, однако, как мы видели, несколько задержано временным поражением, которое мидийские войска потерпели от войск Скифского царства в Северном Азербайджане.

Относительно обстоятельств этого столкновения Геродот дает две расходящиеся между собой версии. В одном месте (I, 103) он говорит, что оно произошло, «когда, после победы над ассирийцами, Киаксар осаждал Нин(евию)», но несколькими строками ниже (I, 104) по тексту выходит, что скифы сразились с мидянами на территории, которой они достигли сразу по миновании Большого Кавказа (enthauta—«здесь»). Первое известие, как мы уже указывали, неправильно, так как осаждать Ниневию Киаксар мог вообще лишь после освобождения от скифов, и в 652 г. Ассирия была еще не в таком положении, чтобы неприятельское войско могло осаждать Ниневию; [1] второе же известие слишком неопределенно. Как мы уже говорили, ассирийские надписи не содержат никаких данных о столкновении мидян с собственно ассирийскими войсками, и поэтому вероятно, что действия «Фраорта»—Каштарити (Хшатриты) были направлены преимущественно против ассирийских ставленников и союзников, например в первую очередь против Уалли маннейского; скифы, по Геродоту, вступили в действие лишь после гибели «Фраорта» и, возможно, уже на североазербайджанской территории. Впрочем, все это, конечно, может быть пока не более как догадками.

Во всяком случае к 625 г. (или, чтобы избежать излишней точности, не оправданной степенью достоверности геродотовой хронологии, к середине 20-х годов VII в. до н. э.) Мидийское царство освободилось от скифов и вновь представляло значительную политическую и военную силу.

[1] Именно поэтому первая осада Ниневии и вторжение скифов относятся большинством исследователей к 625 г., т. е. ко времени, совершенно не освещенному источниками. Но принятие даты 625 г. несовместимо с указанием на 28-летнее господство скифов («восемь лет» у Юстина — явная описка).

Геродот свидетельствует, что уже к началу правления Киаксара Мидийское царство имело в подчинении многие народы и, в частности, персов. Но в 30-х годах VII в. Персида существовала еще независимо в числе мелких восточноэламских и заэламских царств,[1] и, судя по общей ситуации, если платила кому-либо дань, то скорее всего Эламу,[2] а не Мидии. Покорение Персиды (Фарса) следует, таким образом, отнести скорее на счет Киаксара. К первым годам его правления — скорее, чем к последним годам правления Каштарити — следует, по всей вероятности, отнести и завоевание различных областей центрального и восточного Ирана. Вообще, как кажется, Геродот передвигает события на одно правление: роль «Фраорта» (т. е. Каштарити) была, по всей вероятности, аналогична той роли, которую «отец истории» приписывает Дейоку, а именно, он консолидировал всю центральную и восточную Мидию в единое царство, уничтожив владения мелких царьков; внешние завоевания, очевидно, могли всерьез начаться лишь при Киаксаре, после изгнания скифов.[3] Однако к 616 г., после которого мы снова впервые получаем сведения о Мидии из клинописных текстов, Манна, например, не только не была еще

---

[1] См.: E. F. Weidner. Die älteste Nachricht über das persische Königshaus AFO, VII, 1 и сл., где Кир I, царь Персиды, присылает дары Ашшурбанапалу по случаю его победы над Эламом, вместе с царьком восточноэламской области Худимери и др. Высказывается мысль, что часть царьков из дома Ахеменидов правила в восточноэламской области Анзан или Аншан (правильнее, повидимому, «Анчан»), а часть (младшая линия) — собственно в Парсе (Персиде), см., например: Pauly — Wissowa s. v. Kyros. (статья Вейсбаха). Анчан, как конкретная страна, упоминался, повидимому, в Бехистунской надписи, см.: R. G. Kent. Old Persian..., стр. 204, s. v. Yadā-. Однако следует учитывать, что термин «Анчан» все же входил в круг географических названий «высокого стиля», подобно «уммапманде», «Гутиуму», «Хатти», «Амурру», «Магану», «Мелуххе», «Субарту» и т. д. (см. об этом выше, стр. 60, таблица). Поэтому в вавилонском тексте термин «Анчан» вызывал совершенно определенные ассоциации, независимо от того, что в пределах Элама, в эламской терминологии еще и в I тысячелетии, быть может, имелась действительная область «Анчан». Когда Кир в своем «Манифесте» называл себя «царем Анчана», он связывал себя определенным образом с историческими традициями Вавилонии, а вовсе не подчеркивал своего происхождения из темного и дальнего эламского района. Применение названия «Анчан» естественно в текстах Набонида, намеренно и усиленно архаизирующих язык, стиль и идейные установки, и не менее того — в «Манифесте» Кира, основная идея которого — подчеркивание верности Кира древним культурным и религиозным традициям Вавилона. Персида — в отличие от «Анчана» или просто в «низком стиле» — называлась Parsuaš, Parsumaš, Parsâ (см. уже в «Призме Тэйлора» Синаххериба: AL_5. — ARAB, II, § 252 и др.), т. е. так же, как известная область «Парсуа». О причинах этого совпадения см. выше, стр. 69.

[2] До момента его падения. В результате разгрома Элама царь Персиды Кир I послал дары Ассирии.

[3] Поэтому-то великий греческий трагик Эсхил считает именно Киаксара основателем государства, осуществляющего владычество над Азией. Краткое изложение истории Мидии и Персии, вложенное Эсхилом в уста тени Дария I после поражения войск Ксеркса в Греции, — свидетельство лет на полсотни старше времени написания

покорена Мидийским царством, но и была достаточно могущественна для того, чтобы выступать наряду с Ассирией (правда, уже весьма и весьма ослабленной) в качестве ее союзника.

О Киаксаре Геродот сообщает исторически исключительно важное известие (I, 103): «Он, говорят. . . первый разделил (живущие) в Азии (народы) на воинские части (elokhise kata telea) [1] и первый установил боевой распорядок (dietakse): быть отдельно каждым — копьеносцам, лучникам и конникам; [2] до того же они были все вместе беспорядочно перемешаны». Как часто бывает у Геродота, здесь самое непонимание им сущности явления является доказательством истинности его сообщения (так как он не мог изобрести его преднамеренно). Конечно, никогда не существовало такого войска, в котором легкие и тяжелые пехотинцы могли быть «беспорядочно перемешаны» с конницей: суть дела в том, что до Киаксара мидяне и подчиненные им народы выступали на войну племенным ополчением, которое и делилось по племенам, а Киаксар, следуя примеру своих соседей — ассирийцев, у которых армейская структура была тщательнейшим образом разработана, впервые создал регулярную армию, делящуюся на стратегические и тактические единицы и соединения, исходя не из племенных связей, а из военной необходимости государства в целом, и упорядочил деление войска по родам оружия (ибо при племенном ополчении воины являются в строй кто во что горазд, с подручным оружием). Это было последним шагом по пути оформления государственности в Мидии. Мы знаем, что уже Каштарити обладал осадной службой; теперь мидийская армия ни в чем организационно не уступала ассирийской, а ее боевой дух был, разумеется, много выше. Ведь это была армия, состоявшая из свободных общинников, общество которых хотя и делилось на бедных и богатых, зависимых и полноправных, но деление это не достигло еще полного развития; это было общество, где рабство

истории Геродота — представляет значительный интерес, и мы приводим его здесь дословно: «Царь Зевс даровал ту почесть, что один муж управляет кормящей стада Азией, имея правящий (подобно рулю) скипетр. Ибо мидянин был первый предводителем войска, другой же — сын его, дело доведший до конца, ибо разум направлял, (как кормчий), его желания. Третий же после него правил Кир, счастливый муж, создавший мир для всех друзей; он приобрел народ лидян и фригийцев, и силой угнал (в рабство) всю Ионию, ибо бог не спорил (с ним), так как был он благоразумен. Сын же Кира четвертым управлял войском, пятым же правил Мардис, позор отцу, престолам и царствам; его же в палатах хитростью Артафрен (? — вм. «Интафрен»? — у Гелланика, по словам схолиаста к Эсхилу, стояло «Даферн», — *И. Д.*) поразил отважный, с друзьями, которым то было необходимо» (Persai, 762—777).

[1] telē есть воинская часть определенного рода оружия.

[2] tous te aikhmophorous kai tous toksophorous kai tous hippeas. Под aikhmophoros имеется в виду тяжеловооруженный воин, оружием которого было боевое копье (пика), а не метательное копье (дротик); toksophoros — «лучник» — это, разумеется, легковооруженный пехотинец. Под hippeus следует, повидимому, понимать всадника, хотя иногда и колесничий обозначается этим термином.

было еще сравнительно мало распространено, а ростовщичество вряд ли успело уже начать играть свою разрушительную роль. Армия эта, впервые объединенная в общем государстве, должна была особенно ясно чувствовать свое единство и вместе с ним свои прибавившиеся силы. Она, правда, имела пока сравнительно мало опыта; однако надо думать, что войны со скифами и покорение окрестных племен (и в том числе племен Персиды) кое-что дали ей и в этом отношении. Эта армия несомненно была знакома и с ассирийской пехотной и осадной тактикой и со скифской конно-стрелковой тактикой.

В отношении хронологии правления Киаксара Геродот не может оказать нам помощи;[1] мы должны поэтому основываться на других данных.

К началу полностью независимого правления Киаксара после изгнания скифов (т. е. к периоду 625—615 гг. до н. э.) следует отнести большинство завоеваний, приписываемых Геродотом «Фраорту», иначе говоря, завоеваний на Иранском нагорье. К сожалению, этот период не освещен никакими источниками, однако несомненно, что к концу этого периода войско Киаксара было уже усилено и внемидийскими контингентами. Киаксар был вполне готов нанести удар Ассирии.[2]

---

[1] Хронология правления Киаксара у Геродота совершенно запутана. Прежде всего неясно, считаются ли 40 лет его правления с момента смерти Фраорта или с момента изгнания скифов (см. об этом выше, стр. 177, прим. 3 и стр. 18 и сл.). Далее, Геродот (I, 103) полагает, что Киаксар сначала воевал с Лидией, а уж потом начал первую осаду Ниневии, оборвавшуюся в связи с нашествием скифов; между тем, война с Лидией объяснена им же (I, 73) истреблением скифов Киаксаром; повидимому, чувствуя возникающее противоречие, Геродот излагает дело неясно, и поэтому остается непонятным, те же ли это скифы, о которых говорится в главе I, 103, или другие, попавшие в Мидию раньше скифского нашествия; однако последнее предположение противоречило бы известию Геродота об обстоятельствах внезапного появления скифов в Мидии (I, 103—104; IV, 11). Кроме того, по ряду обстоятельств столь раннее столкновение Лидии с Мидией (до падения Ассирии), очевидно, невозможно; дата этого столкновения со всей бесспорностью установлена: это 590 г. до н. э. Повидимому, неясность, существовавшая здесь у Геродота, связана с общей хронологической ошибкой, допущенной им и сводящейся к передвижению ряда событий на 25 лет раньше (см. об этом: акад. В. В. Струве. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота. ВДИ, 1952, № 2, стр. 60 и сл.), почему война с Лидией попала на 615—610 гг. вместо 590—585 гг., а также со смешением первой ассиро-мидийской войны (до вторжения скифов) с осадой Ниневии в 612 г. до н. э. Поэтому и сообщение Геродота о том, что Киаксар будто бы еще до «первой» осады Ниневии «соединил для себя верхнюю Азию по ту сторону Галиса» (совр. река Кызыл-Ырмак в Малой Азии), неправильно.

[2] Возможно, что описание войны с Ассирией «Киаксара, сына Астиага», войска которого находились под командованием Кира (II) персидского, в романе Ксенофонта «Киропедия» навеяно реминисценциями войны исторического Киаксара с Ассирией. Однако категорическое утверждение, что «Киропедия» посвящена описанию подвигов Кира I, деда знаменитого Кира и современника Киаксара (F. W. König. Älteste Geschichte der Perser und Meder. Der A. O., XXXIII, 3/4, стр. 37), решительно ни на чем не основано. Насколько плохо Ксенофонт знал действительную историю Мидии, видно из его совершенно искаженных сообщений о гибели ассирийских горо-

Это государство, между тем, находилось в следующем положении. Кризис 50-х годов VII в. окончился для Ассирии благополучно. Восстание Шамашшумукина в Вавилоне ассирийцам удалось подавить, а также удалось разбить большинство его союзников. К началу 30-х годов Ашшурбанапалу удалось полностью покорить Элам. Однако возмущение покоренных и находившихся под угрозой покорения народов возрастало; в то же время росла и уверенность их в своих силах, так как в течение VII в. им не раз удавалось наносить ассирийцам частичные поражения. Между тем, само Ассирийское государство внутренне ослабело.

В пределах Ассирийской державы не было недостатка в людях, желавших ее уничтожения. Библия сохранила нам сборник речей, посвященных падению Ниневии и приписываемых некоему Науму — израильтянину, как полагают, уведенному в плен в Ассирию. В этих речах очень ярко отражено, кого именно народы Передней Азии считали своими главными врагами.[1] Это — ассирийская знать, включавшая должностных лиц администрации и высшее жречество, военщина и купцы. Эта маленькая группа людей, нажившая очень большие по масштабам древней Передней Азии богатства, безрассудно эксплуатировала в своих интересах все остальное население Ближнего Востока. Весь Восток жил мечтой о гибели Ассирии, «логовища львов», и о падении Ниневии, «города крови». В этом сходились и представители окраинных, еще не покоренных племен, и переселенные государственные рабы, и эксплуатируемые «свободные» общинники, и представители рабовладельческих кругов за пределами собственно Ассирии. Заметим, что среди самих ассирийских рабовладельцев шла постоянная внутренняя борьба между торгово-жреческой и военной группировками.

дов (которые он считает мидийскими) в «Анабасисе» (X e n., Anab., III, 4, 7—12). Не имеет цены и сообщение Ксенофонта о союзниках мидян в этой войне. Чего стоит, например, сообщение, что на сторону мидян перешли гиркании, которые якобы живут близ Ассирии и поэтому подвластны ей. Как известно, Гиркания — это страна по побережью Каспийского моря, в долинах рек Сумбара, Атрека и Гургана, на границе нынешних Туркмении и Ирана, т. е. к с е в е р о - в о с т о к у от Мидии, в то время как Ассирия расположена от нее к ю г о - з а п а д у! Не больше веры следует придавать и сообщениям об участии в этой войне на стороне Киаксара также армениев, кадусиев и саков. Внемидийские контингенты Киаксара следует искать среди племен центрального и восточного Ирана.

[1] Nahum, III, 16—17; «Ты (Ассирия) умножила торгашей (rōkel) своих, (так что стало их) больше, чем звезд небесных: (эти) личинки (саранчи) расползаются и улетают; (те, что) из знатных (nōzer) твоих — подобны саранче, а чиновники твои (буквально: писцы, ṭapsar, аккадск. ṭupšarru) подобны акридам (вид саранчи), что становятся станом по оградам в холодный день: солнце взойдет — и исчезнут, и неизвестно место их — где (оно)». Ср. также: Nahum, II, 12—14; III, 1: «Где логовище львов и пастбище, что (служит) для (охоты) хищникам, где ходил лев, львица; там (и) львята, и некому было спугнуть (их)? Лев терзал для львят своих и душил ради львиц своих и наполнял добычей — логова свои, и обиталища свои — растерзанным. Вот я против тебя, — говорит Яхве Воинств (т. е. божество), — и спалю в дыму ее (Ассирии) колесницы, и львов твоих пожрет меч, и истреблю с земли добычу твою, и не будет более слышен голос гонцов твоих. . . Горе городу крови, что весь полон обмана (и) грабежа. . .».

Широкие народные массы не выступали самостоятельно в качестве непосредственных участников собственно политической борьбы. Но эти народные массы представляли собой взрывчатую силу, всегда готовую придти в действие в случае военного поражения или ослабления государственной власти.

При таких условиях вопрос надо ставить не столько о том, почему погибла Ассирия, сколько о том, что позволяло ей продолжать свое существование. Причиной этого было главным образом отсутствие необходимого единства и достаточных военных сил у ее противников.

Однако длительные успехи Ассирии вели к тому, что внешняя опасность стала преуменьшаться господствующим классом и раздоры между его отдельными группировками усилились. Что касается ассирийской армии, то она была переполнена чужеродными элементами, навербованными из среды всевозможных покоренных народов, и, в конце концов, враждебные настроения населения в целом не могли не сказаться и в армии и не отразиться на ее боеспособности.

2. Война Вавилонии и Мидии против Ассирии (до падения Ашшура)

Враги Ассирии обладали к концу VII в. всей техникой ассирийского военного дела и большим опытом борьбы с Ассирией. Уже с конца VIII в. они пытались выставлять против Ассирии большие коалиции, в которых ведущую роль обычно играли вавилонские халдеи [1] и Элам; но до сих пор эти коалиции были недостаточно сильны в военном отношении, недостаточно единодушны, а их стратегические позиции в отношении жизненных центров Ассирии были недостаточно удобны. Это были, однако, не какие-либо неустранимые факторы, а случайные и преодолимые обстоятельства. Различные составные части Ассирии имели и различные экономические интересы, а сама Ассирийская держава представляла их насильственное военно-административное объединение, существование или распад которого мог зависеть от случайности военных успехов или поражений. Ассирия была обречена, коль скоро создалась внутренне единодушная коалиция ее врагов, достаточно сильная в военном и в географически-стратегическом отношении.

В Мидийском же царстве господствовало значительное единодушие. Несмотря на временное подчинение скифам, которое, как указывалось, вероятно, свелось к тому, что мидяне откупались от их набегов, страна находилась в положении, много лучшем, чем в предшествовавшем веке: в течение полустолетия она была избавлена и от зол ассирийской агрессии,

[1] Халдеями (kaldu из *kaśdu) в это время называлась группа, повидимому, арамейских или южноарабских племен, осевших с конца II тысячелетия на периферии Вавилонии. Ее родовая знать уже в IX—VIII вв. полностью вавилонизовалась по культуре.

и от зол внутренних усобиц между царьками. Единая царская власть, возникшая в борьбе с сепаратизмом местной крупной знати, должна была наложить известную узду на эксплуататорские тенденции знатных по отношению к рядовым представителям свободных — действительных или лишь потенциальных рабовладельцев-общинников, — и экономическое положение массы свободных должно было укрепиться и улучшиться. С другой стороны, крупная знать, лишенная своего владетельного положения, могла все же поддерживать пока царскую власть в надежде на наживу при расширении государства, которому уже было положено начало, причем можно было предполагать, что оно будет продолжаться.

К тому же Мидийское царство приобрело сильного союзника в лице Вавилонии.

После поражения Шамашшумукина и взятия Вавилона в 648 г. до н. э. Ашшурбанапал посадил на вавилонский престол некоего Кандалану, ничем не известного и ничем не прославившегося.[1] Военные действия продолжались (в особенности в Эламе и в Аравии) еще до начала 30-х годов; около 633 г. Ашшурбанапал умер и на ассирийский престол взошел его сын Ашшурэтелилани, — повидимому, после периода усобицы. Ашшурэтелилани правил не менее четырех лет, скорее всего — до 626 г., и в течение того же времени в Вавилоне правил Кандалану. Затем Ашшурэтелилани был, повидимому, свергнут с престола своим полководцем и фаворитом (и, вероятно, родичем) Синшумлиширом, который завладел также и Вавилонией,[2] однако вскоре был побежден вступившим на престол последним ассирийским царем Синшаришкуном (Сараком),[3] также сыном Ашшурбанапала. Сараку удалось на некоторое время сохранить ассирийскую власть в части Вавилонии.[4] Дольше всего удерживался Ассирией издавна преданный ей Урук на юге Вавилонии. Однако уже в момент смерти Кандалану и восстания Синшумлишира в Вавилонии образовалось новое царство во главе с Набопаласаром (Набуапалусуром).[5] По сообщению вавилонского историка Беросса, он был послан Сараком для подавления врагов Ассирии в Вавилонию, и с целью низвергнуть Сарака захватил

---

[1] Предполагавшееся ранее отождествление Кандалану с самим Ашшурбанапалом оказалось в настоящее время ошибочным.

[2] Имеется датированный его правлением документ из Ниппура: A. T. Clay, BE, VIII, 1, 1908, № 141.

[3] Sarakos — описка вместо Sariskos (из Šariškun)?

[4] Имеются датированные его правлением документы: 1) 1 айара 2-го года, из Сиппара; 2) 25 симана 2-го года, из Сиппара; 3) 12 тебета 7-го года, из Урука. Так как в 616 г. ассирийцев в Вавилонии во всяком случае уже не было, то начало правления Синшарипкуна нельзя датировать позже чем 623 г., вероятнее — 625 г. Соответственно, приведенные выше даты относятся к 624 (622) и 619 (617) гг.

[5] Набопаласар умер в 605/04 г., а царствовал 20 с лишним лет: самый поздний документ его правления датирован айаром (апрелем — маем) 21 г.; в ду'узе (июне — июле) царствовал уже Навуходоносор; по канону Птолемея, Набопаласар царствовал 21 год, по Евсевию — 20 лет.

здесь власть; [1] по другим сведениям, он был первоначально назначен царем Вавилонии самим Сараком — на место Кандалану? [2]

Набопаласар, хотя находился первоначально на ассирийской службе, был халдеем, потомком давних врагов Ассирии, проведших против нее с конца VIII в. много войн. Неясно, был ли он потомком одного из халдейских княжеских родов, или происходил из свободного халдейского крестьянства; в собственных своих надписях [3] он указывает на свое незнатное происхождение. Фактически он был выразителем интересов преимущественно вавилонских торгово-ростовщических рабовладельческих кругов, тесно сросшихся с жречеством и также издавна враждовавших с ассирийской военщиной (главным образом из-за доходов от эксплуатации Передней Азии, хотя позже, начиная со времени Синаххериба, эта борьба с обеих сторон превратилась в борьбу за физическое уничтожение соперничавшей группировки).

Традиционным союзником восстававших против Ассирии вавилонян и халдеев обычно бывал Элам; но Элама более не существовало, и Набопаласар обращает свои взоры к Мидии, уже привлекавшейся к союзу еще Шамашшумукином, а теперь окрепшей и усилившейся. Согласно Бероссу, Набопаласар с самого начала, еще до своего прямого выступления против Ассирии, вошел в соглашение с Киаксаром [4] и женил своего сына Навуходоносора на его дочери Амиитиде; [5] возможно, однако, что на самом деле союз был формально заключен лишь позже, а вначале дело ограничивалось неоформленным взаимопониманием.

Сначала царство Набопаласара (как до него царство Шамашшумукина) охватывало только центральную Вавилонию, вокруг столицы. Южные и северные города были подчинены непосредственно ассирийскому царю Сараку. Первые годы Набопаласара прошли поэтому в покорении самой Вавилонии. Оно было завершено к 616 г. или немного ранее.[6] Каковы были тем временем действия мидян — остается неясным. Некоторые исследователи относят к этому времени геродотову первую осаду Ниневии

[1] Сообщение Евсевия (I, 36, 28—37, 10) по Абидену — по Александру Полигистору — по Бероссу, отраженное также у Моисея Хоренского.

[2] Сообщение Синкелла (210 B — восходящее в конечном счете также к Бероссу, быть может, не совсем правильно понятому).

[3] NBKI. стр. 66, № 4, стр. 4.

[4] Об этом сообщает армянский перевод Евсевия по Александру Полигистору и Абидену (который также пользовался Александром; известие восходит к Бероссу); но вместо Киаксара этот источник называет «Аждахака» — фигуру, взятую из зороастрийского эпоса, и бывшего для древних армян «прародителем» мидян («маров»: арм. mar из парф. *māδ из древнего māda). Характерное для древнеармянской литературы отождествление «Аждахака» с Астиагом основано на случайном созвучии и не соответствует действительности (см. выше, стр. 43 и сл.). Нельзя быть уверенным, был ли у Берosса в этом контексте упомянут Астиаг или Киаксар.

[5] Синкелл называет ее Amuitē (вариант Arōitē), армянская версия Евсевия — Amuhean. Патронимическое окончание -ean передает греческое окончание -itis; поэтому, вероятно, ее имя надо восстановить как *Amu(i)tis.

[6] Но не ранее 619 г., см. выше, стр. 299, прим. 4.

Киаксаром, после которой Мидия подпала под власть скифов; однако, как мы уже указывали, это приводит к неразрешимым хронологическим противоречиям и, в частности, к предположению, что мидяне совершили величайшее деяние своей истории — разрушение Ассирийского государства, — находясь под скифским господством. Но это предположение, уже и логически маловероятное, стоит в полнейшем противоречии со свидетельством основного нашего источника о событиях 616 г. и последующих годов — «Хроники Гэдда», а также с известиями Беросса, Ктесия и самого Геродота, которые ничего не знают об участии скифов в событиях, приведших к окончательному разрушению Ассирии.[1] Нам кажется наиболее вероятным, что известие о союзе с мидянами, заключенном Набопаласаром еще в самом начале, является результатом обычного у античных историков сгущения хода событий, особенно вероятном при лапидарном изложении, которым, как мы знаем, отличался труд Беросса; по всей вероятности, мидяне не участвовали в событиях в течение первых нескольких лет, да и сам Набопаласар еще не ставил себе задачей окончательное разрушение Ассирийского государства, а лишь пытался взять в свои руки Вавилонию. Однако в дальнейшем обстоятельства сложились благоприятно для нанесения Ассирии решающего удара.

Еще в период расцвета так называемого «Скифского царства» скифы, первоначально мыслившиеся Ассирией как послушное орудие, вышли из-под ассирийского контроля и начали грабить ее окраинные районы, причем к ним примыкали, вероятно, недовольные и угнетаемые элементы из числа ассирийских подданных. Глухие отзвуки скифских вторжений в Сирию и Палестину сохранились, быть может, в «пророческой» литературе Библии.[2] Геродот (I, 105) сообщает об их вторжениях на пале-

---

[1] Геродот говорит о вмешательстве скифов в ассиро-мидийскую войну во время п е р в о й осады Ниневии Киаксаром (I, 103): «Когда, после победы над ассирийцами, Киаксар осаждал Нин. . .», появилось скифское войско (ср. I, 104: «Мидяне сразились со скифами, но были разбиты»); затем, согласно главе I, 106, «в течение двадцати восьми лет скифы владычествовали над Азией. . .». Но само разрушение Ниневии он ясно относит ко времени после уничтожения скифского владычества (I, 106): «Киаксар и мидяне, пригласив (скифов) в гости и напоив, перебили (их) и таким образом спасли (свое) владычество и овладели тем же, чем и раньше, а также покорили Нин(евию) и сделали себе подчиненными ассирийцев, кроме доли Вавилонии». Беросс не упоминает скифов вовсе, а Ктесий говорит лишь о переходе союзников Ассирии — бактрийцев — на сторону мидян. Делать скифов из этих бактрийцев, конечно, совершенно неправомерно (и самый союз, о котором говорит Ктесий, исторически невероятен).

[2] Сюда обычно относят такие отрывки, как Zeph., I, 14—II, 7 (однако это «пророчество» может быть отнесено и к походам Навуходоносора) и, в особенности, Jer., V, 15—18 и VI, 22—25 (текст изложен от имени божества): «—Вот я привожу против вас народ издалека, дом Израиля! — говорит Яхве. — Это народ древний, это народ вечный, языка которого ты не знаешь и не поймешь, что он говорит. Колчан его — как раскрытая могила, все они — витязи! Истребит (буквально: пожрет) твою жатву и хлеб твой, истребит твоих сыновей и дочерей, истребит твой мелкий и крупный скот, истребит твою виноградную лозу и смоковницу. Разрушит мечом твои укрепленные

стинское побережье, вплоть до границ Египта. Город Бет-Шеан (ныне Бейсан) в Палестине не случайно назывался в эллинистическое время Скифополем; имеются и археологические подтверждения скифского вторжения в Сирию.

Как результат этих вторжений, сливавшихся, вероятно, с народными движениями, начиная с 30-х годов VII в. и позже значительно ослабился ассирийский контроль над западными провинциями. Фараон Псамметих предпринял длительную осаду палестинского города Ашдода,[1] ранее, подобно Иудее, платившего дань Ассирии, а Иосия, царь Иудеи (637—607 гг. до н. э.), не побоялся захватить соседние ассирийские провинции.[2] В Финикии восстановилось царство Сидона.[3] Мы не можем, правда, точно датировать эти события, но можем полагать, что они начались не позже 620 г. Междоусобицы, происходившие в Ассирии, еще более ослабили это военно-паразитическое государство. В начавшейся войне между Ассирией и Вавилонией (и Мидией) Ассирия не могла держаться одна, а вынуждена была искать союзников. В качестве одного из них мы встречаем царство Манну — очевидно, его цари были в союзе с Ассирией еще со времен Уалли. Весьма вероятно, что и царь Урарту был формально в союзе с Сараком,[4] хотя реально в военных действиях как будто участия не принимал. Что касается скифов, то они не фигурируют в имеющихся у нас для этого времени источниках; повидимому, нанесенное им Киаксаром незадолго перед тем поражение временно вывело их из строя. В качестве союзника Ассирии выступает также Египет. Все это показывает не только ослабление Ассирии, но и то, что ситуация

города, на которые ты надеешься. Но в те дни, — говорит Яхве, — я еще не покончу с вами». . . «Вот народ идет из северной страны, многочисленный люд встает от краев земли. Лук и дротик они держат, жесток он! Они не сжалятся! Голос их ревет, как море, скачут на конях, выстроены, как один человек, на войну против тебя, дочь Сиона! . . . Не выходи в поле и по дороге не ходи, ибо вражий меч (и) ужас вокруг». Очевидно, что описываемые в этих строках события происходят до взятия Иерусалима вавилонянами. Второй отрывок буквально повторен у Иеремии (L, 41), но здесь уже применительно к мидянам, которые уподобляются в этом месте скифам.

[1] Her., II, 157. По словам Геродота, осада длилась 29 лет. Это означало бы, что она началась еще при Ашшурбанапале (Псамметих умер в 610 г. до н. э.), но цифра, вероятно, преувеличена.

[2] В связи с проводившейся им, начиная с 620 г., религиозной реформой, он разрушил старинные израильские святилища в Бетеле и на остальной территории бывшей ассирийской провинции Самарии (II Reg., XXIII, 15—19). Позже (в 607 г.) он сражался с фараоном Нехо II также на территории бывшей ассирийской провинции Мегиддо (II Reg., XXIII, 29 и сл.; ср.: E. Forrer. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1920, стр. 69).

[3] См. речь Иеремии 604 г. (Jer., XXV, 22).

[4] Это можно заключить из признания Сардури III верховенства Ашшурбанапала в начале 30-х годов VII в. (Assurbanipal, II, стр. 84, Цилиндр Рассама X, строка 40 и сл.) и из дальнейшей судьбы Урарту (поход мидян на Урарту в разгаре войны против Ассирии; см.: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства. ВДИ, 1952, № 2, стр. 31).

представлялась ей чрезвычайно серьезной. Иначе ассирийцы не допустили бы на свою собственную территорию, на правах равноправных союзников, войска́ царств, еще недавно бывших их данниками.

Что же делало ситуацию столь серьезной? Само по себе восстание в Вавилонии вряд ли требовало бы столь крайних мер, — подобные восстания нередко и ранее случались в истории Ассирии, и Ассирия, легко или с трудом, всегда справлялась с ними; не мог вызвать это беспокойство ассирийцев и факт выступления Мидии, так как Киаксар к 616 г., по всей вероятности, еще не вступал в войну, ибо в противном случае невозможно было бы оттягивать маннейские войска на Евфрат, как это в действительности было сделано. По всей вероятности, тяжесть положения для ассирийской государственной власти заключалась во всенародной поддержке, которую по всей державе получило антиассирийское движение.[1]

Так обстояли дела к тому моменту, когда начинается повествование вавилонской, так называемой «Хроники Гэдда» — летописи 10—17-го годов правления Набопаласара (616—609 гг. до н. э.).[2]

Весной 616 г. Набопаласар направился вверх по Евфрату с целью покорения подчиненных Ассирии арамейских племен. От них он узнал, что ассирийцы заняли позиции у Каблина, — вероятно, несколько ниже впадения в Евфрат реки Хабур, и вместе с ними находятся и маннейские войска. 12 аба (около начала августа) произошла решительная битва,

---

[1] Ср. выражение радости по поводу гибели Ассирии в Книгах Софонии (Zeph., II, 13—15) и Наума (Nahum, II—III).

[2] См.: C. J. Gadd. The Fall of Nineveh. London, 1923; B. Landsberger und Th. Bauer, ZA, NF., № 3, стр. 80 и сл.; И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства. АВИУ, № 81, стр. 244 и сл. До находки текста летописи обстоятельства гибели Ассирии восстанавливались из случайных или малодостоверных свидетельств греческих и еврейских авторов; по этому поводу существовала значительная литература.

Наилучший обзор этих свидетельств — в книге Штрека (Assurbanipal, I, стр. CDV и сл.). Впрочем, Штрек чересчур рационализирует, в частности, явно баснословные сообщения Ктесия, и т. п. Результат исследования был весьма невелик; его можно суммировать словами Штрека относительно разумного зерна ктесиева рассказа (Assurbanipal, I, стр. CDXXXI): «Заговор против Ассирии исходит от Мидии и Вавилонии. Основной военный труд выполнили мидяне. Ассирийцы вынуждены после начальных успехов отступить в сильно укрепленную Ниневию, которая по крайней мере два года осаждается без успеха. Только стихийное бедствие приводит к падению города. Ассирийский царь избирает добровольную смерть в пламени. Ниневия полностью разрушается». Ничего большего не удавалось извлечь также ни из Иосифа Флавия и фрагментов Берoсса (к этим двум авторам, Ктесию и к Геродоту, восходят все довольно многочисленные античные сообщения по этому предмету), ни из Софонии, Наума и других еврейских пророков. Вывод Штрека, как мы увидим, совпадает с действительностью, но это делает больше чести остроумию Штрека, чем достоверности Ктесия, который по обыкновению расписывает приведенную выше канву длинными и баснословными новеллистическими подробностями, вовсе не имеющими от-

которая привела к поражению ассирийцев и пленению маннеев и ассирийских военачальников. Набопаласар послал разведывательный отряд вверх по Евфрату до устья реки Балиха, а затем снова спустился вниз по реке, уклоняясь от свежего египетско-ассирийского войска, двинувшегося навстречу ему из Сирии. Весной 615 г. (в аддаре, т. е. в феврале—марте) произошло новое сражение между вавилонянами и ассирийцами, на этот раз восточнее Тигра, в провинции Аррапха. Вавилоняне сбросили ассирийцев в реку Малый Заб и захватили их обоз.

К весне 615 г. граница между Ассирией и Вавилонией проходила приблизительно по линии от современного Керкука за Тигром, несколько южнее древней ассирийской столицы Ашшура, до современной Ана на Евфрате.[1] Разгром маннейского войска под Каблином, вдалеке от их родины, оголил маннейские границы, и Манна была, вероятно, в течение 616—615 гг. занята Киаксаром и соединена с Мидийской державой. Тем самым Киаксар включился в ассиро-вавилонскую войну на стороне Вавилонии, и скоро к нему перешла ведущая роль.

Между тем, развивая свою победу на восточном фланге, Набопаласар в апреле—мае появился перед стенами Ашшура и после короткой осады неудачно пытался взять город штурмом, но был отброшен на юг и вынужден запереться в крепости Такритайн (современный Текрит). Однако и для ассирийцев предпринятая ими осада Такритайна оказалась неудачной, и они вынуждены были снять ее.

В этот момент переменных успехов обеих борющихся сторон мидяне, пройдя перевалы Загроса, впервые появились на его западных склонах: в арахсамне (октябрь—ноябрь) они вступили в провинцию Аррапху. Это было началом конца. В абе (июле—августе) следующего, 614 года мидийские войска по приказу Киаксара[2] совершают блестящий марш-маневр: пройдя (повидимому, предгорьями от Аррапхи) к теснинам Тигра выше Ниневии, они взяли здесь штурмом город Тарбис, затем переправились через Тигр и спустились по правому берегу до Ашшура, тем самым отрезая армию Синшарришкуна и всю коренную Ассирию от помощи извне. Поход был завершен штурмом и взятием священного города ассирийцев — Ашшура, укрепления которого и теперь, в развалинах, поражают своей мощью. В городе была учинена резня ассирийской знати; храмы Ашшура были разграблены и захвачены поистине

---

[1] Провинцию Хиндану, лежавшую на Евфрате южнее устья реки Хабура, Набопаласар в 616 г. еще не решался удерживать и, не будучи уверен в благонадежности ее населения, вывел его при своем отступлении на юг. Но лежавшая несколько южнее провинция Суху с центром в Анате (совр. Ана), видимо, осталась за ним.

[2] Имя Киаксара в данном контексте не сохранилось; предложенное в статье И. М. Дьяконова «Последние годы Урартского государства» (стр. 36) восстановление не вполне надежно. Хроника называет Киаксара Umakištar (или в нововавилонском чтении — Uvakhištar), что, повидимому, передает иранское имя Huvaχštra — «обладающий добрым произрастанием» (в аккадском нет h, v регулярно передается через m, а сочетание -χšt- должно передаваться как -kašt-, -kišt-, -ḫašt-, -ḫist-).

несметные богатства, накопленные ассирийцами в результате многовекового ограбления всех народов западной Азии.

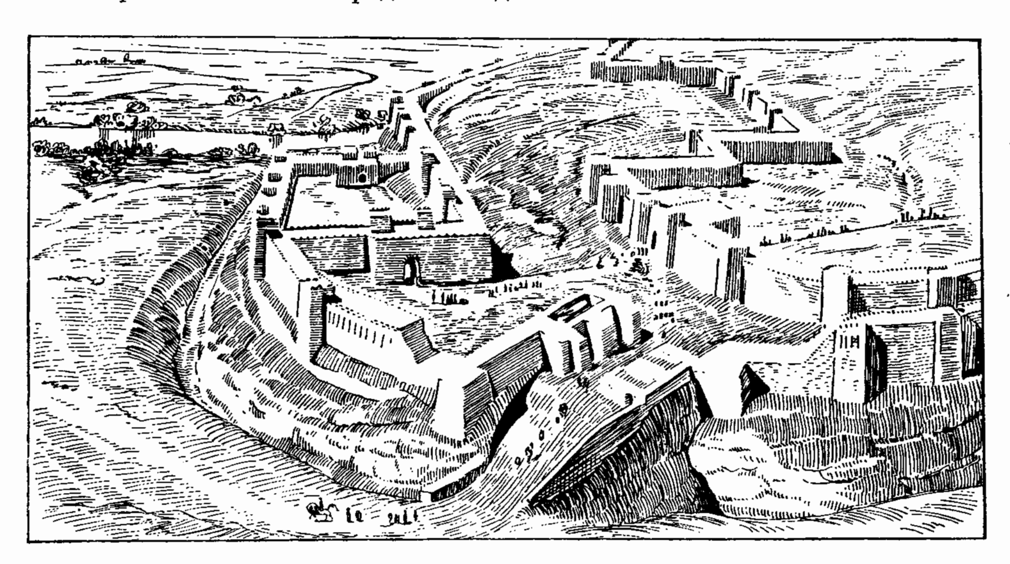

Рис. 51. Стены внешних оборонительных сооружений города Ашшура в период их достройки в IX в. до н. э. Реконструкция по данным раскопок В. Андрэ.

Что касается Набопаласара, то он, приобретя нового и неожиданного союзника, предоставил ему таскать каштаны из огня. По словам «Хроники

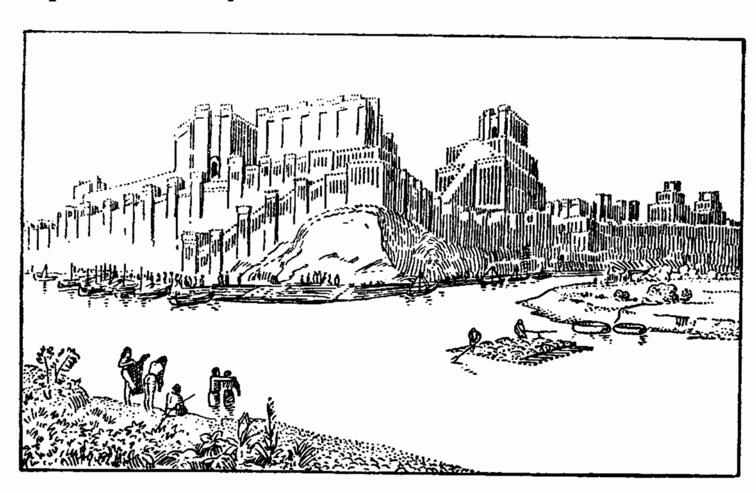

Рис. 52. Стены Ашшура со стороны реки Тигра. Реконструкция по данным раскопок В. Андрэ.

Гэдда», «[царь А]ккада (т. е. Вавилонии) и войско его, которые шли на помощь мидянину, боя не застали. А[шшур был разрушен]». Опоздание Набопаласара было несомненно преднамеренным. Ашшурская знать и жречество были связаны давними и прочными узами общих интересов

и религиозной традицией со знатью и жречеством Вавилона. Еще при Салманасаре V и позже они вместе выступали против сторонников чисто военной партии Ассирии. В своих надписях Набопаласар подчеркивает, что он не принял участия в осквернении ассирийских храмов, и даже, в знак траура по ним, спал на полу. Тем не менее, все это не помешало ему прибыть на развалины Ашшура, и здесь, в мидийском лагере, Набопаласар с Киаксаром «заключили друг с другом дружбу и союз», который именно теперь и был, вероятно, закреплен дипломатическим браком.[1]

3. Падение Ниневии и конец Ассирийской державы

Сарак, которому, таким образом, оставались из крупных городов лишь Ниневия и Кальху (не считая тех периферийных областей, которые еще сохранили верность Ассирии), не терял, однако, надежды. В 613 г. ему удалось возбудить против Набопаласара арамеев провинции Суху на Евфрате и тем временно отвлечь от Ассирии вавилонские силы.

Не совсем ясно, что в это время предпринимали мидяне. По изложению Ктесия выходит,[2] что они были в это время (еще с прошлого года) заняты осадой Ниневии, но «Хроника Гэдда» их совсем не упоминает; впрочем, автор ее мало заинтересован действиями мидян, не имеющими прямого отношения к истории Вавилона. Тот факт, что собственно ассирийские войска и сам Сарак не предпринимали никаких действий в течение 613 г., делает возможным предположение, что они действительно были заперты в Ниневии. Однако дословный текст «Хроники Гэдда» за 612 г. (в той мере, в какой он сохранился, так как он здесь очень сильно разрушен) и то, что можно извлечь из «Книги Наума»,[3] указывают скорее на кратковременность осады Ниневии и на внезапность

---

[1] Если Киаксар действительно был родным сыном погибшего в 652 г. «Фраорта» — Каштарити, то он должен был быть в 614 г. уже человеком весьма пожилым; поэтому не исключена возможность, что Набопаласар женил своего сына действительно, как вытекает из Евсевия, не на дочери Киаксара, а на дочери Астиага, т. е. на внучке Киаксара. По сообщению Беросса, сохраненному Иосифом Флавием (Ant. Jud., X, гл.11), знаменитые «висячие сады» в Вавилоне были сооружены по приказу Навуходоносора для его жены-мидянки, «так как его жена хотела иметь все, как на ее родине, будучи рождена во дворцах Мидии». Эти «висячие сады» представляли собой небольшое по площади ступенчатое сооружение на кирпичных сводах, перекрытых слоями свинца, асфальта, тростника, а также землей, в которой были посажены деревья и другие растения, орошавшиеся с помощью водоподъемного колеса. См. подробнее: R. Koldewey. Das wieder erstehende Babylon. Leipzig, 1913, стр. 90 и сл.

[2] Diod., II, 24—28.

[3] См., например: Nahum, II, 5—6 [о царе Ассирии и положении внутри Ниневии: «На улицах безумствуют колесницы, теснят друг друга на площадях; с виду они, как факелы, мечутся, как молнии; он выкликает бойцов своих — они спотыкаются на ходу; спешат на крепостную стену его (т. е. города Ниневии), а уж осадный вал построен»].

ее взятия. Поэтому вполне вероятно, что мидяне в 613 г. были заняты где-то в другом месте.[1]

Насколько можно понять весьма фрагментированный текст «Хроники Гэдда»,[2] на этот раз вавилоняне и мидяне действовали согласованно.[3] Войско Набопаласара и войско Киаксара встретились, повидимому, в долине Диялы, и, вместе переправившись через реку Радан (ныне Адем) у впадения ее в Тигр двинулись к стенам Ниневии. От симана до аба (т. е.

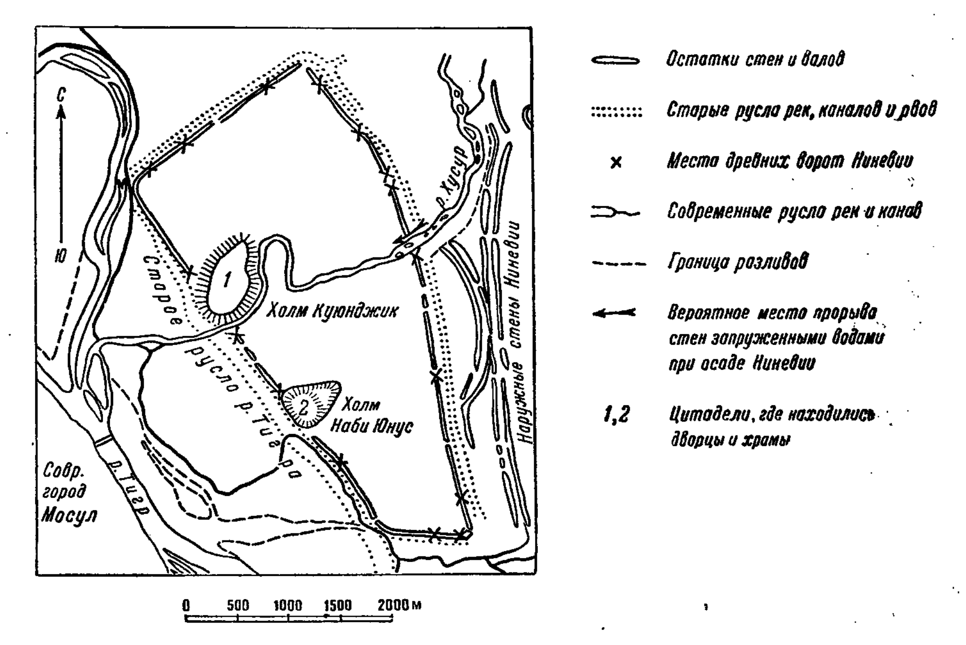

Рис. 53. План развалин Ниневии. Стрелкой указано вероятное место прорыва стен запруженными водами.

приблизительно с июня по август) произошло три сражения под стенами ассирийской столицы. Наконец, в абе (число месяца, к сожалению, не сохранилось) в результате решительного штурма, союзники ворвались в Ниневию; начались уличные бои. Все наши основные источники, кроме

---

[1] Возможно, что они были заняты, например, завоеванием Скифского царства, если придавать значение тому факту, что с 612 г. в «Хронике Гэдда» Мидийское царство, вместо «Мадай», называется термином «Умман-манда», как бы более всеобъемлющим. Но более вероятно, что «Мадай» и «Умман-манда» — это просто два обозначения одного и того же государства.

[2] Для восстановления его см.: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 36—37.

[3] Произведенная сверка подлинника показывает, что следует читать: šar Akkadi[ki] ummânâte^meš^-šu id-ke-[e-ma ^m^Ú-ma-]ki[š-t]ar šar Ummān man-da ana tar-ṣi šar Akkadi^ki^. . . — . . . «царь Аккада войска свои собрал и Киаксар, царь Умман-манды навстречу царю Аккада. . .». Таким образом, нет сомнения в том, что «царь Умман-манды» и есть Киаксар.

«Хроники Гэдда», из которой здесь ничего нельзя извлечь, согласны в том, что штурм удался благодаря созданию искусственного наводнения, вероятно, подмывшего сырцовую стену города.[1]

В тот же день, когда противник ворвался в Ниневию, ассирийский царь Синшарришкун-Сарак бросился в огонь своего дворца.[2] Яркую картину гибели города рисует «Книга Наума»;[3] она как нельзя лучше рисует и то, что произошло в Ниневии в эти решительные августовские дни 612 г. до н. э., и чувства, которые при этом испытывали ранее порабощенные Ассирией народы.

«А о тебе Яхве[4] приказал: не будет более размножаться потомство от имени твоего; из храма богов твоих я истреблю изваяния и литье, приготовлю могилу тебе, ибо ты стала презренной.

«Вот, на горах стопы доброго вестника, возвещающего мир. . .

«Щиты мужей его[5] червлены, воины его в багреце, огнем сверкают колесницы в день его смотра, и древки копий[6] колышатся. На улицах безумствуют колесницы, теснят друг друга на площадях; с виду они, как факелы, мечутся, как молнии; он выкликает бойцов своих — они спотыкаются

---

[1] Об этом говорит «Книга Наума»: «Открыты ворота каналов (nəhārōt—собственно «рек»), и дворец размыт» (II, 7); и далее: «Разливающимся потоком он (т. е. бог) покончит с местом ее» (Ниневии; впрочем, перевод здесь не надежен; см.: I, 8). Об этом говорит и «Книга Иеремии», предвещающая Вавилону судьбу его предшественницы Ниневии, например: Jer., LI, 42 «. . . поднялось на Вавилон море, множеством волн его он покрыт», и т. д. Образ взят из истории падения Ниневии: действительные обстоятельства падения Вавилона, происшедшего уже после времен Иеремии, были совсем иные. Об этом же говорит Ктесий у Диодора (D i o d., II, 26—27), и это же подтверждает, цитируя некоего Аминта (не базирующегося на Ктесии), Атеней (XII, 529 c), смешивая, однако, Киаксара с Киром; ср. также смутные реминисценции, возможно, этого же события, дошедшие от местного населения до Ксенофонта во время похода 10 000 греков и искаженно переданные им в «Анабасисе» (III, 4, 7—12). Вероятно, осаждавшие разрушили плотины на р. Хусуре, расположенные непосредственно выше стен Ниневии.

[2] Об этом нам сообщает Бероcc (у Синкелла и Евсевия), а также Ктесий (называющий ассирийского царя «Сарданапалом», т. е. Ашшурбанапалом), и об этом же, возможно, говорилось и в разрушенной строке 44 «Хроники Гэдда».

[3] Nahum, I, 14—II, 1, II, 3—9; III, 1—6, 7—8, 10, 13—15, 18—19. Нет основания, с одной стороны, следовать за гиперкритиками и датировать «Книгу Наума» эллинистическим временем, полагая, что «Ассирия» в ней — шифрованное обозначение Селевкидской монархии (как «Вавилон» в «Книге Даниила»), с другой — следовать за богословами-традиционалистами и считать, что автор «Книги Наума» предсказывает будущее падение Ассирии до фактического окончания осады. Непредвзятый подход к чтению «Книги Наума» приводит к выводу, что это — поэтическая речь торжествующего очевидца гибели Ниневии, о которой и говорится в прошедшем времени, и лишь при изображении сцен обороны и штурма, для живости — в настоящем времени.

[4] Имя божества израильтян.

[5] Имеется в виду ассирийский царь.

[6] Дословно «кипарисы».

на ходу; спешат на крепостную стену ее [1], — а уж осадный вал построен.[2] Открыты ворота каналов, и дворец размыт.[3]

«Итак, решено: [4] она будет уведена в плен, угнана в горы, а рабыни ее стонут, словно голосом горлиц, колотят себя в грудь: „Была Ниневия спокон веков, как стоячий пруд, а теперь воды бегут: постойте, постойте!". Но никто не обернется. Грабьте серебро, грабьте золото, ибо нет конца запасам, полнó всякой прекрасной утвари! . .

«Горе городу крови, что весь полон обмана и грабежа, где не прекращается хищничество! Шум бича и шум крутящихся колес, и скачущих коней, и несущихся колесниц; всадники заносят и меч пламенеющий, и копье блещущее [5] — и (уже) множество сраженных, груды трупов; нет конца телам, спотыкаются они о тела убитых!

«(Это) — из-за множества блудодеяний красивой лицом блудницы [6] — той, что продавала народы своим блудом и племена своим колдовством. Вот я — против тебя! — говорит Яхве Воинств.[7] — И задеру я подол твой на лицо твое и покажу народам наготу твою и царствам — срам твой, и забросаю тебя мерзостью, и сделаю тебя отвратительной, и выставлю тебя на позорище. . .

«. . . Откуда я найду тебе утешителя? Разве ты лучше Фив Амоновых [8]. . . ведь и они ушли в изгнание, в плен, ведь и их младенцев расшибали об углы всех улиц, а об их почтенных людях метали жребий, и все их вельможи были закованы в цепи. . . так и ты будешь (тщетно) искать силы против своих врагов! . .

«Вот, народ твой — женщины у тебя! Врагам твоим откроются настежь ворота земли твоей, огонь пожрет запоры твои. Черпай себе воду для осады, крепи свои укрепления, войди в грязь, меси ногами глину,[9] чини форму для кирпичей! Тут-то пожрет тебя огонь, истребит меч, пожрет тебя, как личинку саранчи, — будь ты так многочисленна, как личинки, так многочисленна, как саранча. . .

«Уснули пастыри твои, царь Ассирии, ложатся бойцы твои, развеян народ твой по горам, и некому собрать его. . . Все, кто слышит слух о тебе, рукоплещут, ибо кого не постигало извечное зло твое?».

Положение, в котором автор рисует образ «Ассирии» или «Ниневии», сравнение судьбы жителей ассирийской столицы с судьбой разоренных

---

[1] Ниневии.

[2] Или: «и оборона построена в боевой порядок».

[3] Дословно: «тает».

[4] Что значит huṣṣab — неясно; в связи с этим возможен также перевод: «И Хуццаб (ассирийская царица?) будет уведена в плен (или: обнажена), будет поднята в горы» и т. д.

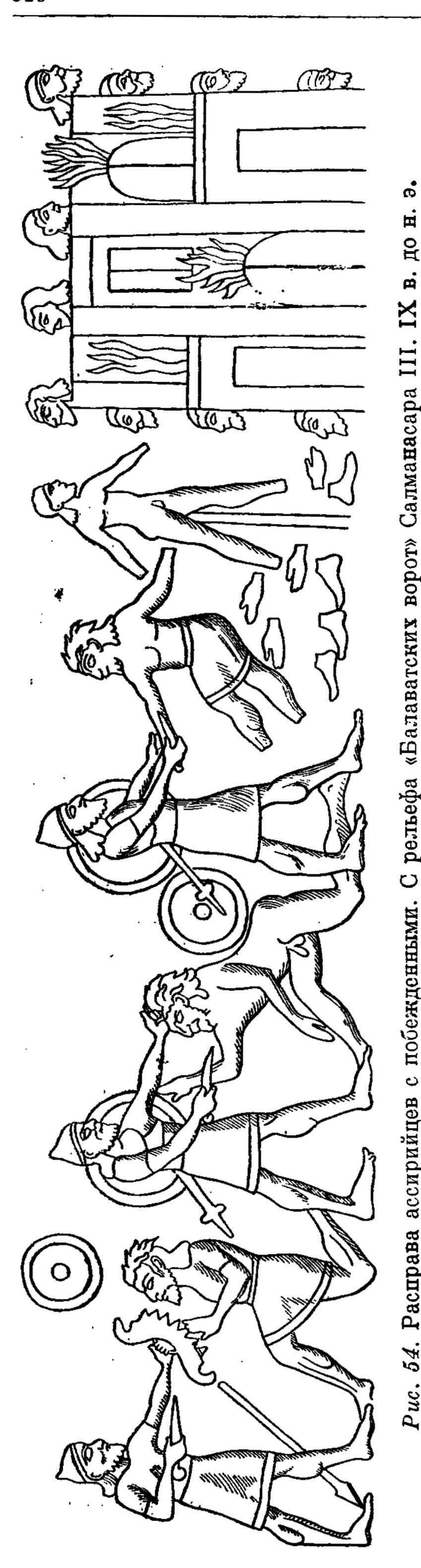
[5] ḫănīt — «длинное боевое копье».

[6] Под этим образом разумеется Ниневия.

[7] Прозвище бога Яхве (Jahwä ṣəbā'ôt).

[8] Фивы, древняя столица Египта, разоренная ассирийцами при Ашшурбанапале.

[9] Для кирпичей, чтобы усилить стены перед осадой.

Рис. 54. Расправа ассирийцев с побежденными. С рельефа «Балаватских ворот» Салманасара III. IX в. до н. э.

ассирийцами египетских Фив — все это не пустая риторика: мы не можем сомневаться, что именно так поступили победители со вполне реальным населением Ниневии: способные носить оружие были перебиты, а остальные были уведены в рабство, и о тех, которые достались на долю отдельных воинов, метали жребий; дети, неспособные перенести тягот пути, убивались на месте, а знатных женщин в знак позора заставляли идти в рабство, задрав подол. Можно ли было ожидать другого? Таков был вообще характер рабовладельческих войн, и, главное, слишком долго порабощенные народы мечтали отплатить своим поработителям тем же, что они видели от них. А разве ассирийцы не сжигали детей на массовых кострах, не складывали живых пирамид, разве не «украшали» своих дворцов и храмов рельефами с изображением нагих пленных и пленниц с задранными подолами?[1] Могли ли ассирийцы ожидать гуманного обращения от мстителей? И все же имеющиеся у нас данные показывают, что мидяне и их союзники поступили с побежденными ассирийцами значительно мягче, чем в свое время поступали те. Уже «Хроника Гэдда» указывает, что резне подвергались главным образом «великие», т. е. знать; Ктесий[2] сообщает, что победители снесли Ниневию с лица земли[3] и что ее богатства

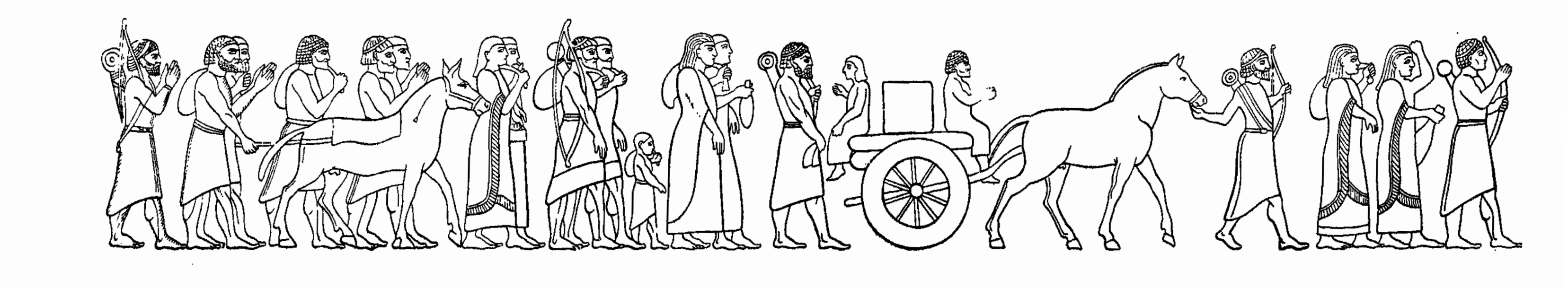
---

[1] См., например, изображение угона пленных сирийцев из Хамата войсками Салманасара III на обшивке Балаватских ворот (рис. 55).

[2] Diod., II, 28.

[3] Уничтожение самих ассирийских городов как центра агрессии установлено бесспорно и археологическими и литературными источниками. См., например,

Рис. 55. Увод пленных. С рельефа «Балаватских ворот». Салманасара III. IX в. до н. э.

были отправлены в мидийскую столицу Экбатану, но что население Ниневии было оставлено на месте и поселено в окрестных деревнях. Хотя ктесиево описание падения Ассирии носит во всех частностях фантастический характер и хотя этому автору вообще трудно доверять, однако, в данном случае он, повидимому, недалек от истины: ассирийский народ, действительно, не был истреблен. В разрушенном Ашшуре и в других городах продолжалась жизнь, еще многие столетия совершались культы ассирийских божеств; правда, вскоре ассирийский диалект аккадского был вытеснен здесь арамейским языком, уже в VIII—VII вв. бывшим, повидимому, основным языком сельского населения Ассирии. Во всяком случае все данные говорят о том, что мидяне не уничтожили, да и не намеревались уничтожать ассирийский народ, его широкие эксплуатируемые массы. Если они и захватили в войне с Ассирией большое количество рабов, то об уводе в с е г о населения в рабство, как это в свое время делали ассирийцы, не было речи. Этому было две причины. Во-первых, мидяне были в значительной мере сильны поддержкой широких народных масс, порабощенных Ассирией, а по своему социальному составу и положению народные массы собственно Ассирии ничем не отличались от таких же народных масс на покоренных территориях;[1] они и составились частично из людей, переселенных с завоеванных территорий.[2] Во-вторых, по уровню развития рабовладельческого производства в самой Мидии она не могла бы освоить слишком большого количества рабов, хотя очевидно, что захват огромного количества добычи и пленных в Ассирии должен был привести к сильнейшему и очень быстрому возрастанию имущественного расслоения и к значительному росту рабовладельческого производства в Мидии. Однако множество, быть может, большинство уведенных пленных должно было предназначаться не для производственного труда, а для обслуживания дома и домашнего хозяйства своих господ.[3]

«Книгу Софонии» (Zeph., II, 13—15), написанную, по всей видимости, в самом конце VII или начале VI в. (будущее время, в котором описываются события, вместо прошедшего относится к обычному стилю «пророческих» сочинений): «И он (т. е. бог) протянет руку свою на север и погубит Ассирию, и сделает Ниневию запустением, сухим, как пустыня; и будут в ней отдыхать стада, всякие животные. . . и выпь (?) с дикообразом (?) будут ночевать на ее капителях (?), гул (?) будет петь в окнах, разрушение — в створах ворот; ибо он обнажит ее кедровые балки (?). Это — веселившийся город, пребывавший в беспечности, говоривший в сердце своем: „Я, — и нет никого больше!". Как он стал развалинами, лежбищем скота? Всякий, проходящий по нему, будет свистеть (от изумления) и разводить руками»; см. также у Ксенофонта (X e n. Anab., III, IV, 7—12) описание грандиозных развалин «Ларисы» (Кальху?) и «Меспилы» («Низменности» — Ниневии?), виденных им в 401 г. до н. э.

[1] См.: РЗОА, стр. 103—106.

[2] См., например, выше, о переселениях жителей Замуа при Ашшурнасирапале II.

[3] О невозможности латифундиального рабовладельческого хозяйства в этот период см.: И. М. Д ь я к о н о в. О судьбе пленных в Ассирии и Урарту. ВДИ, 1952, № 1, стр. 90 и сл.

«В истории, — пишет В. И. Ленин, — неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии. . .».[1] Такой прогрессивной войной, без всякого сомнения, была до этого момента война мидян и их союзников против «самой варварской» деспотии тогдашнего мира — ассирийской, хотя она и не была направлена против самого рабовладельческого строя; черты прогрессивной войны она сохраняла в основном еще и после 612 г.

Однако прогрессивный характер войны со стороны Мидии был осложнен рядом обстоятельств. При всем относительном демократизме общества Мидии, это было все-таки рабовладельческое государство; к тому же оно было в союзе с Вавилонией, а со стороны Вавилонии война без сомнения носила характер войны не столько за освобождение, сколько за передел богатств и добычи, в которой Вавилония в той или иной мере всегда участвовала наряду с Ассирией. «Представьте себе, — пишет В. И. Ленин,[2] — что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более „справедливый" передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия „оборонительной" войны или „защиты отечества" было бы исторической фальшью. . .». При всем том прогрессивная роль Мидии в этой войне была ведущим фактором, что видно из горячего сочувствия разрушителям Ассирии со стороны всего населения западной Азии.

Действительно, весьма вероятно, что многие народы Передней Азии, в особенности занимавшие периферийное положение по отношению к Ассирии, приняли непосредственное участие в войне на стороне Мидии. Так, Б. Б. Пиотровский неоднократно указывал на интересную народную традицию, сохраненную Моисеем Хоренским. В целом описание падения Ассирии основано у этого писателя на поздних греческих авторах, варьирующих рассказ Ктесия, и поэтому мало достоверно. Но в этот мало достоверный рассказ (героем которого является «Варбак» — ктесиев Арбак — вместо Киаксара) Моисей Хоренский вплетает легенду об участии в разрушении Ассирии также и армянского вождя Паруйра, сына Скайорди (последнее имя означает «сын сака»). Имя Паруйра пытаются иногда связать с именем Партатуа и считают, что в этом сообщении Моисея Хоренского сохранилась народная армянская традиция с реминисценцией о некоей, быть может, скифской по происхождению, династии в одном из окраинных для Урарту и Ассирии, армянском по населению царств (например в Шубрии-Арме, совр. Сасуне, западнее озера Ван).

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 271.

[2] Там же, стр. 273.

Также и другие, например маннейские, скифские и т. п., контингенты могли быть в победоносном мидийском войске 612 г., и поэтому победу Мидии можно, вероятно, рассматривать как всенародную победу широких масс населения Передней Азии над ассирийскими поработителями.

Между тем, захват колоссальных, накопленных тысячелетиями богатств Ассирии сделал невозможным продолжение кампании в этом году. 20 улула (около начала сентября) 612 г. Киаксар вернулся в Мидию. На развалинах Ниневии остался Набопаласар, и его войска продолжали набеги на окружающие ассирийские поселения.

Но война далеко еще не была окончена. Части ассирийского войска во главе с Ашшурубаллитом (повидимому, младшим братом Ашшурбанапала [1] и дядей Сарака) удалось во время штурма вырваться из Ниневии. Ашшурубаллит укрылся в Харране — крупнейшем в то время городе Северной Месопотамии, получившем от ассирийских царей самоуправление [2] и поэтому, очевидно, придерживавшемся ассирийской ориентации. Ашшурубаллит еще при жизни своего брата Ашшурбанапала был жрецом широко почитавшегося в Сирии и Месопотамии бога Сина Харранского [3] и имел поэтому в этом городе прочные связи. Осенью 612 г. он был объявлен в Харране царем Ассирии. Здесь Ашшурубаллит II стягивал к себе остатки ассирийских войск и отряды таких союзников, которые по той или иной причине не ожидали себе добра от мидян и вавилонян, и намеревался продолжать борьбу и сохранить существование Ассирийского царства, хотя бы на части его былой территории. Главная надежда была на Египет и его фараона Нехо II. Урарту, ослабленное скифами и чувствовавшее угрозу со стороны Мидии, также, повидимому, сохраняло союз с ассирийцами: трудно было поверить, что поражение ассирийцев действительно окончательное и бесповоротное.

События 611 г. нам не ясны. О действиях Киаксара «Хроника Гэдда» умалчивает; возможно, что мидяне были заняты укреплением своего тыла, например подчинением Скифского царства и т. п. Что делали в это время вавилонские силы, — также неясно, так как текст «Хроники» здесь очень сильно разрушен.

В 610 г. летняя кампания Набопаласара была посвящена замирению коренных областей Ассирии; в октябре—ноябре к вавилонским войскам

[1] В таком случае, полное имя его было Ашшурэтельшамээрсетнубаллитсу. Он родился, повидимому, в 674 г. до н. э. (HABL, 228) и был, таким образом, в 612 г. уже стариком. См.: Assurbanipal, I, стр. CCXLVIII; C. J. G a d d. The Fall of Nineveh. London, 1923 («Хроника Гэдда», под 14 г.), ср. АВИУ, № 81, стр. 246.

[2] Анналы Саргона, строка 2; Торжественная надпись, строка 10—11 (KS, стр. 2, 96—98.—ARAB, II, §§ 117 и 54).

[3] Assurbanipal, II, стр. 250, строки 17—18. Высказывалось предположение (NBKI, стр. 58), что Ашшурубаллит был отцом вавилонского царя Набонида (556—538 гг. до н. э.), мать которого (а не отец, как у Лэнгдона), была жрицей Сина Харранского также еще при ассирийской власти; однако это не очень вероятно, так как подобная генеалогия нашла бы отражение в текстах самого Набонида.

присоединились мидяне,[1] и объединенное войско двинулось на Харран. Ашшурубаллит II и поддерживавшие его египетские войска [2] при приближении союзников покинули Харран и укрылись за Евфратом, повидимому, в крепости Каркемиш. Харран был взят без труда, и при этом Набопаласар, — как видно, недолго сохранявший свою религиозную щепетильность, — захватил в этом священном для Сирии и Месопотамии городе большую добычу, после чего основные силы мидян, как кажется, вернулись в Мидию.

Если мы правильно понимаем поврежденный контекст «Хроники Гэдда», то в захвате добычи из Харрана принимали участие только вавилоняне; это означало бы, что сам город Харран достался мидянам, ибо таков был обычный порядок раздела между союзниками на Древнем Востоке, еще со времен хеттов: одному союзнику доставались пленные и движимое имущество, другому — стены города и территория. В ассирийское время таково, повидимому, было соглашение между Ассирией и Манной во время войн против Урарту. Аналогично было соглашение Ассирии с Тиром при Асархаддоне: в случае захвата вражеского корабля Тир получал корабль, а Ассирия — грузы. То обстоятельство, что Харран отошел при разделе Ассирийской державы к Мидии, видно также и из надписей Набонида, царя Вавилонии, о которых речь будет ниже.

Кампания затянулась, надо полагать, непрерывно до весны 609 г., так как далее летописец сообщает о событиях месяца ду'уза (июня—июля) 609 г., не вводя при этом, как обычно, формулы: «в 17-й год (царя Набопаласара). . .», указывающей на то, что описываемой кампанией начинаются события нового года. Очевидно, уже предыдущие события затянулись за пределы 16-го года этого царя и продолжались и в следующем, 17-м (609) году.

В июне—июле Ашшурубаллит II, получив сильное подкрепление в виде войск фараона Нехо, предпринял контрнаступление против Харрана. Перебив мелкие вавилонские гарнизоны, ассирийцы и египтяне осадили Харран. К сентябрю, однако, на помощь осажденным в Харране вавилонянам подоспели главные силы Набопаласара. Ашшурубаллит, повидимому, попытался опереться на поддержку Урарту, так как бои были из-под Харрана перенесены на территорию провинции Исалла, севернее этого города; отсюда открывался путь на урартские перевалы

---

[1] В тексте «Хроники Гэдда» стоит «умман-манда», но до нас дошло письмо царевича Навуходоносора (сына Набопаласара), относящееся, без всякого сомнения, к тому же самому событию, где в качестве участников этого похода совместно с войсками Набопаласара прямо названо «войско страны Мадай». См.: F. Thureau-Dangin. La fin de l'Empire assyrienne. RA, XXII, 1925, стр. 27.—АВИУ, № 82, стр. 247—248.

[2] Восстанавливаю в «Хронике Гэдда» ^{mât}Mi(!)-[ṣir] вместо ^{mât}Gul-[. . .] (?), как у Гэдда. Знаки gul и mi похожи друг на друга. Данное восстановление подтверждается произведенной мной сверкой подлинного текста хроники в Британском музее.

через западную часть Армянского Тавра. Но в это время мидяне нанесли решительный удар по урартам, повидимому, дойдя до их столицы Тушпы у Ванского озера [1] и добившись подчинения себе Урартского государства. Дальнейшие действия ассирийцев неясны; вернее всего, что они переправились через Евфрат в Коммагене и вернулись под защиту могучих укреплений Каркемиша.

На этом сохранившаяся таблица «Хроники Гэдда» обрывается, и о дальнейшем мы имеем лишь смутные известия.

На западе от Евфрата инициатива теперь уже окончательно перешла к египтянам, претендовавшим на господство во всей Сирии и в Палестине. Ассирийские войска растаяли до незначительного числа. Каркемиш был превращен в египетский опорный пункт на Евфрате. Так как он господствовал над важнейшей переправой через эту реку и наиболее значительными караванными путями в Сирии и Месопотамии, то вавилоняне и мидяне не могли допустить, чтобы эта большая и исключительно мощная крепость оставалась в руках их противников.

Около этого времени уже был проведен или, по крайней мере, намечен раздел ассирийского наследства между Мидией и Вавилонией, и Каркемиш достался на долю вавилонян; мидяне поэтому, повидимому, не участвовали в дальнейшей войне с Египтом, по крайней мере основными своими силами. Каркемиш был осажден и взят штурмом в 605 г. вавилонскими войсками под командой царевича Навуходоносора; египтяне были опрокинуты, и вавилоняне без особого труда овладели Сирией и Палестиной.[2] На этом с остатками Ассирийской державы было покончено. В том же году умер Набопаласар. Что же касается Киаксара, то его деятельность, несмотря на его, вероятно, весьма престарелый возраст, далеко еще не была завершена.

4. Мидия после раздела Ассирийской державы

В течение 610—590-х годов Мидийское царство, помимо сокрушения власти Ассирийской державы, добилось также подчинения себе царств Манны, Скифского и Урарту. Это было его весьма крупным достижением, лишь немного уступавшим по значению уничтожению Ассирии. Как указывалось выше, мы не знаем этапов этого подчинения, его хода и обстоя-

---

[1] В тексте «Хроники» — «до округа (города) Урашту». О том, что совершили этот поход именно мидяне, и об его последствиях см.: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 31.

[2] См.: Flavius Josephus. Ant. Jud., X, гл. 6; Jer., XLVI, II Reg., XXIII, 29 и сл.; детальное внешнее описание событий дано в статье Кэмбелл-Томсона в CAH, III, стр. 206 и сл. Александр Полигистор (FHG, III, 229, fragm. 24), излагая историю иудеев, пишет, что в походе на них в качестве союзника Навуходоносора участвовали войска «Астибара, царя мидян» (вместо «Астиага» — имя взято из Ктесия). Однако вряд ли этому сообщению можно дать веру, и источник его сомнителен.

тельств. Однако можно считать несомненным, что Манна была подчинена в период между 615 и 610 гг. (до похода Киаксара на Урарту) и скорее всего еще в 615 г.; Урарту было, вероятно, подчинено мидянам в течение некоторого времени, начиная с 609 г., а Скифское царство, которому первый удар был нанесен уже выходом Киаксара из-под скифского господства (в 625 г.?) было покорено, быть может, в 613 или в 611 г., хотя возможен также и период после 609 года.

Эти три царства оставались еще самоуправляющимися, хотя и подчиненными Мидии, в 593 г., когда их в последний раз упоминает древневосточный источник.[1] Но вскоре после этого они прекратили свое полусамостоятельное существование. Нам трудно сказать, когда именно это произошло; но во всяком случае в источнике, давшем Геродоту его сведения о структуре державы Дария I (522—486 гг. до н. э.; источник этот, вероятно, — Гекатей Милетский), «ортокорибантии» (т. е. жители бывшего Скифского царства) входят в состав сатрапии Мидии, а в строительной надписи того же Дария из Суз [2] мидянами названы, повидимому, маннеи: они уже успели слиться.[3] Из этого со всей несомненностью можно заключить, что и Скифское царство и Манна были уже органическими частями той Мидии, которая досталась в 550 г. до н. э. Ахеменидам. Но можно полагать, что слияние Манны и Скифского царства в составе Мидии произошло еще значительно раньше — уже около 590 г. В самом деле, трудно представить себе, что Киаксар решился бы вести войну в Малой Азии в течение 590—585 гг., имея у себя в тылу не полностью подчиненные царства. Повидимому, на это косвенным образом указывает и Геродот.

Он сообщает (I, 73), что «толпа скифов-кочевников вследствие междуусобиц перешла в мидийскую землю; правил же в то время мидянами Киаксар, (сын) Фраорта, Дейокова (сына), который вначале принял скифов хорошо, как молящих о защите, и даже высоко ценил их, передавая им мальчиков для обучения языку и искусству стрельбы из лука». Затем Киаксар случайно оскорбил скифских вождей, и они отомстили ему тем, что подали ему вместо дичи мясо одного из обучавшихся у них юношей, а затем «поскорее отправились к Алиатту, Садиаттову (сыну), в Сарды». Цари Лидии, в том числе Алиатт (приблизительно 617— 561 гг. до н. э.), были со скифами в давних дружественных отношениях потому уже, что были врагами киммерийцев; так, Алиатт, по словам Геродота

---

[1] J e r., LI, 27. О датировке этой главы см.: И. М. Д ь я к о н о в. Последние годы Урартского государства, стр. 32—33.

[2] См.: V. S c h e i l, Mém. Dél. en Perse, XXI; R. G. K e n t. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, стр. 142 и сл.

[3] На то, что māda сузской надписи — это маннеи или во всяком случае жители Азербайджана вообще, указывает то, что они выступают в качестве златокузнецов и скульпторов наряду с египтянами, между тем, как на территории бывшего мидийского племенного союза таких технических традиций не было. Подробнее см. аргументацию: A. G o d a r d. Le Trésor de Ziwiyé (Kourdistan). Haarlem, 1950, стр. 125 и др.

(I, 16), «прогнал киммерийцев из (западной Малой) Азии». Поэтому он ответил отказом на требование Киаксара выдать ему скифов, после чего началась война между Мидией и Лидией, длившаяся более пяти лет.

Как понять это сообщение Геродота о скифах? Само собой разумеется, что дело идет о периоде после освобождения Мидии от скифского господства. Конечно, говорить с уверенностью о точном понимании этого указания Геродота трудно, но можно предположить такое толкование: после 625 г. основная часть скифов, по всей видимости, как это было сказано в предыдущей главе, ушла за Кавказ, в Причерноморье; вследствие внутренних несогласий часть скифов осталась, однако, в Закавказье и добровольно подчинилась Киаксару (вероятно, не сразу, а лишь после первоначального включения Манны в состав державы мидян, между 615 и 610 гг., например в 611 г., не занятым походом мидян в Ассирию). Затем, после 593 г., произошел конфликт между скифскими вождями и Киаксаром, приведший к полной ликвидации зависимого «Скифского царства» и к лидийско-мидийской войне 590—585 гг.

Примерно в это же время и Манна была, быть может, окончательно слита с Мидийским царством; ту же судьбу, возможно, разделило и Урарту. Если правильна датировка разрушения Тейшебаини (Кармир-блура) началом VI в. до н. э., которой придерживается сам руководитель раскопок Б. Б. Пиотровский,[1] то этот центр урартского Закавказья был разрушен скорее всего мидянами именно в период войн, разразившихся на севере Передней Азии между 593 и 590 гг. Менее вероятно, что Тейшебаини был разрушен скифами в период их последнего конфликта с Мидией, например, как город союзного с Мидией Урарту. У нас нет ни одного свидетельства, чтобы скифы когда-либо брали города, и вряд ли они обладали необходимой для этого осадной техникой.[2]

Ксенофонт в «Киропедии» изображает Армению — царство, по территории, хотя и не по имени, совпадающее с Урарту — как зависимое от

---

[1] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I. Ереван, 1950, стр. 21. Рецензенты этой книги — Барнетт и Уотсон — предлагают датировать падение Кармир-блура последней четвертью VII в. до н. э., но не аргументируют своего утверждения. См.: R. D. Barnett and W. Watson. Russian Excavations in Armenia. «Iraq», XIV, 2, 1952, стр. 132 и сл. В этом случае Кармир-блур пал во время ассиро-мидийской войны.

[2] Сарды были, правда, дважды взяты кочевниками, но во второй раз они были взяты трерами при содействии коренных жителей Малой Азии — ликийцев; нет сомнения, что и первый раз они могли быть взяты киммерийцами лишь при участии жителей Малой Азии, с которыми киммерийцы сблизились. Но собственно скифы ни тогда, ни много позже не изображаются античными писателями в качестве градорушителей. Мне приходилось уже не раз обращать внимание на то, что у нас нет никаких положительных археологических данных для суждения о том, кто были разрушители Тейшебаини, кроме того, что они пользовались «скифскими» наконечниками стрел. Однако мы уже видели, что этим типом стрел в начале VI в. пользовались самые разнообразные народы, и изготовлялись они на месте в самых разнообразных странах и

Мидии, но самоуправляющееся еще в середине VI в. государство. Хотя то, что рассказывает Ксенофонт в «Киропедии» обычно недостоверно, но в этом случае, как кажется, его сообщение поддерживается армянской эпической традицией, переданной Моисеем Хоренским, и возможно, что оно заслуживает известного доверия. Возможно, что на месте Урарту под эгидой Мидии образовалось новое, Армянское царство. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Одно ясно, что конец VII и начало VI в. были на всем протяжении от Черного до Каспийского моря периодом серьезнейших политических, а может быть, и этнических, сдвигов, перегруппировок сил, выступавших вместе с Мидией и против нее; в эти сдвиги были вовлечены маннеи, скифы, урарты, армяне, остатки хурритов и предки иберов, жители Малой Азии и т. д. Ход этих событий пока нам совсем не известен; конечным их моментом была война Мидии и Лидии 590—585 гг.

Этой войне предшествовал период натянутых отношений между Мидией и Вавилонией после завершения раздела ассирийского наследства. На конфликт между ними возлагали большие надежды покоренные Вавилонией народы, как видно из речей Иеремии 593 г.[1] Именно к этому времени относится упоминание им Мидии и подчиненных ей царств:

«Вот я [2] пробуждаю и поднимаю против Вавилона сборище великих народов из северной страны; (они) выстроятся подле него, он будет взят тогда. Своими стрелами он [3] — опытный воин, не вернется ни с чем. И станет Халдея полоном, все поработители ее насытятся.

«Вот народ идет с севера, многочисленный люд и многие цари встают от краев земли. Лук и дротик (kīdōn) они держат, жестоки они, не сжалятся; голос их ревет, как море, скачут на конях, выстроены, как один человек, на войну против тебя, дочь Вавилона! Услыхал царь Вавилона о них, и ослабели его руки, тоска одолела его, трепет, как у родильницы. . .

«Поднимите знамя на земле, трубите в рог среди народов! Освятите против него [4] народы, объявите о нем царствам Урарту, Манн̆ы и Скифов,[5] назначьте против него чиновника,[6] пригоните коней, как ощетинившуюся саранчу. Освятите против него народы, царей Мидии, ее областеначальников [7] и всех ее наместников и всю землю власти его».[8] Это были не пустые речи: в Вавилонии в это время действительно господствовало

[1] Jer., L, 9—10; 41—43; LI, 27—28.

[2] Бог Яхве.

[3] Враг Вавилона.

[4] Против Вавилона.

[5] В подлиннике 'RRṬ, MNY W'ŠKNZ, в традиционном чтении — «Арарат, Минни и Ашкеназ».

[6] Ṭipsār из аккадск. ṭupšarru — «писец».

[7] Pəḥōtāhā; в ахеменидское время этот термин применялся как перевод термина «сатрап».

[8] Вероятно — бога.

сильнейшее беспокойство по поводу планов Мидии. В это именно время Навуходоносор II спешно обносит Вавилон мощнейшими укреплениями, какие только до тех пор знал мир, и воздвигает поперек Вавилонии «Мидийскую стену».[1]

Действительно, обе великие державы с момента раздела ими ассирийских территорий вступили в соперничество, и столкновение между ними было рано или поздно неизбежно. Однако надежды на конфликт Мидии с Вавилонией были преждевременны. Руки Мидии были слишком связаны событиями на севере, а затем в Малой Азии.

Как мы помним, до 70-х годов VII в. ведущим государством Малой Азии была Фригия. На востоке полуострова существовало довольно много мелких царств, из которых важнейшим, пожалуй, был Табал в горах Тавра. Фригия была разрушена киммерийцами, а большинство восточномало-

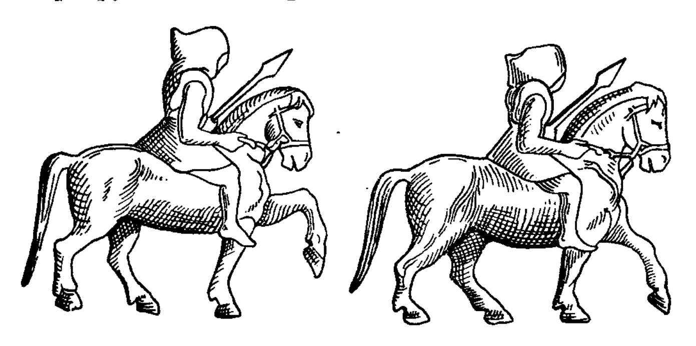

Рис. 57. Лидийские всадники. С рельефа из Бин-тепе. VI (?) в. до н. э.

азиатских областей (кроме наиболее южных из них) было, повидимому, завоевано Урарту при Русе II. Что касается юго-востока Малой Азии, то здесь в конце VII или начале VI в. образовалось довольно значительное государство Киликия (ассир. Хилакку: так первоначально называлась область в классической «Суровой Киликии» и южнее совр. Кайсери),[2] пришедшее на смену Табалу. Оно управлялось царями с титулом — или родовым именем — Сиеннесия (греч. Suennesis) и просуществовало (позже, правда, — уже как царство, подчиненное Ахеменидам) до начала IV в. до н. э.

Иезекиил, писатель начала VI в.,[3] упоминает «Тубал и Мешек» (т. е. Табал и Фригию) вместе с Египтом, Ассирией, Эдомом (на юге современных Трансиордании и Палестины) и городами Финикии в качестве государств, павших в предшествовавшие критические годы. Их наследником счита-

[1] См.: AOF, I. Reihe, Heft VI, стр. 507 и сл. и статью Вейсбаха: Pauly—Wissowa, s. v. Μηδίας τεῖχος. Ср. рассказ Берosса у Иосифа Флавия: Ant. Jud., X, гл. II.

[2] E. Forrer. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, стр. 71 и сл.

[3] Hez., XXXII, 17—30.

лась Лидия, поэтому ее царя[1] Иезекиил называет «Гог, князь-глава Тубала и Мешека». Но, претендуя на господство в Табале (горах Тавра), Лидия достигала уже урартской территории, и здесь ее интересы сталкивались с интересами Мидии. Вот почему Алиатт, царь Лидии, поддержал союзных ему скифов против Мидии и ввязался в войну с Киаксаром. Борьба шла с переменным успехом,[2] и не раз казалось, что малоазийцы вторгнутся в Переднюю Азию. Именно к этому моменту относится, вероятно, «пророчество» Иезекиила о вторжении «Гога» в Палестину,

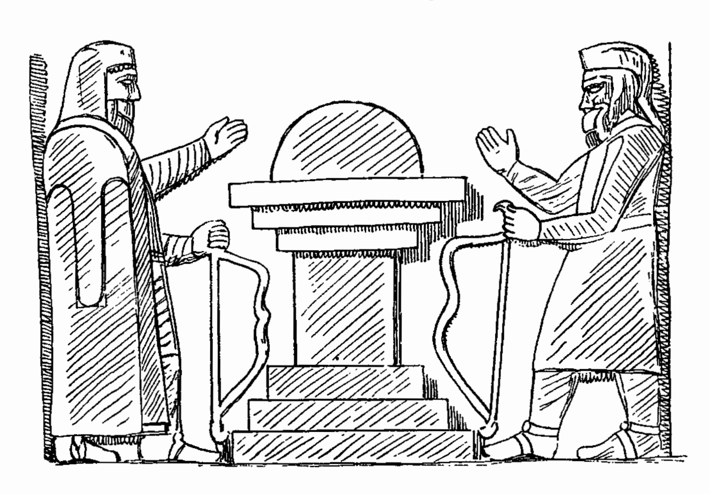

Рис. 58. Рельеф на скальной гробнице «Кызкапан», схематическая зарисовка. Правая фигура жертвователя предположительно изображает Киаксара.

рисующее картины, навеянные картинами скифских нашествий VII в., и показывающее, что владения Лидии временно доходили до Верхнего Евфрата.[3]

Однако мидянам удалось оттеснить войска Алиатта на запад. Все же решительной победы утомленные многолетними войнами мидяне достичь не смогли, и когда 28 мая 585 г., во время их битвы с лидянами, про-

---

[1] Hez., XXXVIII, 2—6, 14—16; XXXIX, 1—6, 11 и сл. См.: АВИУ, №№ 84 и 85 и примечания к ним, стр. 249—251.

[2] Her., I, 74.

[3] Hez., XXXVIII—XXXIX. В качестве союзников «Гога» Иезекиил называет «Парас, Куш и Пут» — по дословному пониманию «Персию, Нубию и Эфиопию»; но Персия не играла тогда никакой роли, и поэтому лучше вместо PRS читать PTRS — «Верхний Египет». Таким образом, речь идет, по всей вероятности, о союзе Лидии с Египтом, где около этого времени вступил на престол фараон Априй. Далее, Иезекиил называет союзниками «Гога» еще «Го́мера» (т. е. «страну киммерийцев» — здесь, вероятно, Каппадокия и Понт, «Гамирк» раннесредневековых армянских источников, или же скифы) и «Дом Тогармы» (т. е. Малую Армению, имевшую в это время, вероятно, смешанное население из армян, хурритов и «иероглифических хеттов»).

изошло солнечное затмение,[1] то обе стороны согласились признать это за знамение, указывающее на необходимость мира. При посредничестве Вавилонии и Киликии мир был заключен, и граница между Лидией и Мидийской державой была проведена по реке Галис (совр. Кызыл-Ырмак). Договор был закреплен браком между Астиагом, сыном Киаксара, и Ариенией, дочерью Алиатта, а также обрядом побратимства кровью.[2] Возможно, что мирный договор был заключен уже не самим Киаксаром, как получается по изложению Геродота, а его сыном Астиагом, как, повидимому, полагал Эсхил.[3] Киаксар, расширив Мидийскую державу до ее крайних пределов, умер в том же году.

[1] Her., I, 74, 103. Относительно датировки этого затмения существует обширная литература, однако приведенная в тексте дата принята в настоящее время единогласно. См.: акад. В. В. Струве. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, стр. 75.

[2] Этот обряд, по Геродоту, заключался в том, что «обе стороны надрезают кожу на руках и слизывают друг у друга кровь».

[3] Persai, 766—767, см. выше, стр. 294, прим. 3. По всем подсчетам, Киаксар умер не позже 585 г., и если Геродот заставляет его жить дольше, то это, возможно, результат ошибки, которая заставила его отнести события «года с затмением» — 585 г. — на время другого «года с затмением» — 610 г. до н. э.

Глава V

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО МИДИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

1. Общество

Экономическим и культурным центром Мидийской державы явилась, без всякого сомнения, бывшая Манна (Иранский Азербайджан). Именно этот район (если не считать покоренной и разоренной Северной Месопотамии и, может быть, некоторых районов Армении, не входивших, однако, в собственно Мидию) был наиболее развит в экономическом отношении: здесь был наиболее богатый район полевого хозяйства, виноградарства и ремесла.[1]

Для того чтобы понять характер и структуру Мидийского государства, необходимо понять прежде всего социальную структуру мидийского общества. К сожалению, мы не обладаем для этого почти никакими прямыми данными, и нам приходится прибегать к данным косвенного порядка, привлекая сведения несколько болеее позднего времени, а также отдельные намеки, которые можно почерпнуть из античных писателей. Однако и данные этого рода, относящиеся к более позднему времени, скудны и пока еще слабо исследованы.

Бехистунская надпись Дария I (конец VI в. до н. э.) дает нам возможность заключить о большой близости между составом общества в Мидии и составом общества в Персии. В частности, в Мидии, как и в Персии, существовало kāra, «народ-войско», вооруженная масса свободного населения, которая была важнейшим фактором общественной структуры. Нет сомнения, что не только государственная, но и общественная структура Персии находилась под сильнейшим влиянием мидийских порядков. Близость порядков мидийского периода к позднейшим персидским видна

---

[1] Говоря о том, что территория бывшей Манны была не только экономическим, но и культурным центром Мидийской державы, мы имеем в виду такие явления, как, например, несомненное художественно-техническое превосходство маннейских ремесленников над их собратьями и более восточных областях, — как о том свидетельствует прежде всего клад из Зивие. В области идеологии бывшая территория Манны в это время, как будет видно ниже, не может считаться ведущим районом Мидии.

также из однотипности хозяйственных документов из Суз VI в. до н. э.[1] (мидийского или раннеахеменидского времени) с хозяйственными документами из Персеполя первой половины V в. Поэтому некоторое представление о мидийском обществе могут, вероятно, нам дать эти последние хозяйственные документы, изданные недавно Камероном[2] и подвергшиеся первоначальному анализу в работе В. О. Тюрина.[3]

К сожалению, документы персепольской казны написаны на эламском языке, бывшем в Персиде (может быть, и в Мидии?) языком деловой переписки, а мы еще очень далеки от полного понимания эламских текстов. Тем не менее, ряд важных выводов можно сделать из этих документов уже сейчас.

В. О. Тюрин, подвергнув детальному анализу документы, изданные Камероном, пришел, говоря вкратце, к следующим результатам. Документы посвящены выдаче оплаты или содержания различным категориям работников, объединяемых под общим названием kurtaš. По большей части это строительные рабочие, обозначенные как kurtaš kapnuški.p—«работники (царского) хозяйства» и kurtaš marri.p - «квалифицированные(?)[4] работники», или же более точно характеризованные по своей профессии (каменотесы, плотники, медники и т. д.) и занятые на строительных работах в столице Ахеменидов. Они работали большими партиями (порядка 100–1000 человек) и нередко перераспределялись и перебрасывались с одного участка работы на другой. Наряду с этим упоминаются и kurtaš, работающие вне Персеполя, в той или иной определенной местности, и лишь изредка перебрасываемые для тех или иных нужд в Персеполь, и т. п.; в их числе имеются пастухи и люди различных ремесел.

Среди kurtaš различаются мужчины, женщины и подростки мужского и женского пола; отдельно выделяются puhu patimaniš — «домóвые отроки». Оплата kurtaš исчисляется в серебре, а производится по большей части натурой (вином и баранами), причем эта натуральная плата не носит характера пищевого довольствия, а является формой денежной оплаты; получаемые продукты подлежат, повидимому, дальнейшей реализации получателем. Размер оплаты — от 4 до 60 и более данак или от $^1/_2$ до 8 вавилонских сиклей[5] серебра в месяц.

Kurtaš marri.p — безусловно, а другие категории kurtaš — вероятно, работали в царском хозяйстве круглый год; во всяком случае они рабо-

---

[1] V. Scheil. Mém. Dél. en Perse, IX. Датировка этих документов не совсем ясна, но, видимо, они старше персепольских; с другой стороны, наличие в них некоторого количества иранских имен не позволяет датировать их ранее VI в. до н. э. См. ниже, стр. 371, прим. 6. Эти документы еще подлежат исследованию.

[2] G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.

[3] В. О. Тюрин. Социальное положение kur-taš по документам из «сокровищницы» Персеполя. ВДИ, 1951, № 3, стр. 21 и сл.

[4] Этот перевод В. О. Тюрина неправилен. Marri.p означает «схваченные, пленные», от эламского корня marr- — «хватать», «держать», см.: W. Hinz. The Elamite Version of the Record of Darius's Palace at Susa, JNES, IX, 1950, стр. 6.

[5] Сикль — $^1/_{60}$ мины; вавилонская мина $\approx$0.5 кг.

тали по много месяцев подряд партиями в одном и том же составе. Там, где можно определить половозрастной состав партий kurtaš, по В. О. Тюрину выходит, что число женщин приблизительно в два раза превышает число мужчин; однако некоторые, специализированные отряды kurtaš состояли, повидимому, исключительно из мужчин.

На основании своего анализа документов В. О. Тюрин приходит к общему выводу, что kurtaš — не рабы, а свободные персидские общинники, эксплуатируемые царским хозяйством. Он обосновывает этот общий вывод отчасти на цифровых данных, отчасти на этимолого-терминологических (о последних мы скажем ниже).

Исходя из положения о том, что на каждого мужчину-kurtaš приходится две женщины, В. О. Тюрин приходит к выводу, что это свидетельствует о том, что половина мужчин в Персиде отсутствовала, а отсутствовать они могли лишь как воины[1] и т. п. Следовательно, kurtaš — это члены семей свободных персидских общинников-воинов, членов kāra, что не мешает царю эксплуатировать их круглый год как наемников или рабов. Однако одно из исходных положений В. О. Тюрина о том, что в числе kurtaš женщин вдвое больше, чем мужчин, неверно, и это значительно влияет на общий вывод из произведенного анализа документов.

В. О. Тюрин,[2] округляя имеющиеся конкретные цифры, получает для мужчин, женщин и подростков обоего пола отношение 1:2:1:1. Объединяя взрослых с подростками, получаем отношение мужчин к женщинам, равное 2:3; но при этом следует отметить, что В. О. Тюрин не вполне точно округляет числа. Реальные цифры, которыми он оперирует, следующие:

100 : 183 : 85 : 77 (kurtaš kapnuški.p)
100 : 400 : 131 : 132 (kurtaš kapnuški.p)
113 : 256 : 143 : 126 (разные партии вне Персеполя)
100 : 76 : 96 : 51 (kurtaš marri.p)
127 : 91 : 76 : 76 (пастухи вне Персеполя)
12 : 14 : 18 : 11 (виноделы).[3]

Таблица 3

Категория работников	Мужчины	Подростки	Итого	Женщины	Девушки	Итого
Kapnuški·p	22.5%	19.1%	41.6%	41.1%	17.3%	58.4%
Kapnuški·p	12.3	16.1	28.4	49.2	22.4	71.6
Kapnuški·p и другие вне Персеполя	16.8	20.2	37.0	43.9	19.7	63.0
Marri·p	30.9	29.7	60.7	23.5	15.8	39.3
Пастухи	34.3	20.55	54.85	24.6	20.55	45.15
Виноделы	21.8	32.7	54.5	25.5	20.0	45.5

Примечание. Следует учесть наличие сплошь мужских отрядов, в таблицу не включенных.

[1] В. О. Тюрин, ук. соч., стр. 33, 37.
[2] В. О. Тюрин, ук. соч., стр. 31 и сл.
[3] Камерон называет их «панцырниками» — как доказал Гершевич, ошибочно.

Из табл. 3 видно, что отряды kurtaš можно разбить на три группы: 1) не включенные в таблицу отряды ремесленников и чужеземцев (сирийцев, египтян, греков и т. п.), не разбиваемые по половозрастному принципу и, как указывает сам В. О. Тюрин,[1] состоявшие, вероятно, главным образом из мужчин; они же получали в среднем наиболее низкую оплату; 2) отряды работников царского хозяйства, занятые на строительных работах, разбиваемые по половозрастному признаку: женщин 40—50% (включая девушек — 60—70%), мужчин 12—22% (включая подростков — 30—40%); 3) отряды сельскохозяйственных работников вне Персеполя, а также kurtaš marri.p: женщин 20—25% (включая девушек — 40—45%), мужчин 20—35% (включая подростков — 55—60%); эта категория оплачивалась в среднем несколько выше.

Таким образом, вывод, что женщин среди kurtaš в два раза больше, чем мужчин, не соответствует действительности. Некоторый перевес женщин во второй группе, вероятно, уравновешивается перевесом мужчин в первой группе.

Итак, kurtaš-сельскохозяйственные работники имеют в своем составе равное число мужчин и женщин; в составе же работников строительства в Персеполе, в результате выделения квалифицированных работников-мужчин в особые небольшие отряды, число женщин в остальных отрядах действительно превосходит число мужчин в 1.5—2 раза.

В условиях рабовладельческого общества эксплуатация такого охвата и глубины могла бы осуществляться только путем прямого насилия, внеэкономического принуждения; и вряд ли такая эксплуатация могла осуществляться над семьями лиц, которые сами и составляли персидскую вооруженную силу.

Кроме того, у нас есть прямые указания Геродота на то, что свободные персы были освобождены от податей и повинностей на царя;[2] полагать же, что kurtaš (в числе более 3000) работали на царя по свободному найму, невозможно, имея в виду слабую развитость персидского общества и недавнее его вступление на путь классового развития, а также общие условия рабовладельческого общества. Это значило бы намного преувеличивать возможную для этого времени степень разложения общины. Ничего подобного по масштабам мы не знаем и в Вавилонии, с ее тысячелетним классовым развитием. Заметим еще, что широкое использование труда свободных женщин в царском хозяйстве как будто не имеет прецедента

---

[1] В. О. Тюрин, ук. соч., стр. 29—31.

[2] Her., I, 126; III, 97. Если Геродот и указывает, что воины персидской армии шли в бой, подгоняемые бичами, то это касается только покоренных народов; напротив, сами персы хорошо и охотно сражались, и именно они заставляли воевать и покоренные народы. Ср.: Her., IX, 71 и др. Могло ли это быть, если бы их жен и детей в это самое время подвергали бы в Персеполе, по существу, рабской эксплуатации?

в древней Передней Азии. Беспрецедентна также продолжительность работ, если их рассматривать как повинностные.

Далее, В. О. Тюрин основывается на взаимозаменимости терминов kurtaš и taššu.p (=др.-перс. kāra), kurtaš и ^{I}ruh^{idg} (=др.-перс. martiyā — «человек»), kurtaš и др.-перс. māniya-.[1] Разберем эти отождествления.

В документе № 27, как указывает В. О. Тюрин,[2] группа ремесленников названа taššu.p, но не названа kurtaš. Но разве нельзя из этого сделать вывод, что данная группа ремесленников, в виде исключения, состояла из свободных?[3] В том, что в Персии, помимо ремесленников-рабов, были и свободные ремесленники, вряд ли можно сомневаться.[4] Во всяком случае это не доказывает, что kurtaš — как бы синоним taššu.p, что между этими терминами можно ставить знак равенства.

Тот факт, что kurtaš в ряде случаев названы «людьми» (^{I}ruh^{idg}, martiyā), ничего не говорит об их социальном положении. Далеко не всегда термину «человек» придавалось социальное содержание, а если придавалось, то не всегда одинаковое: в старовавилонском обществе «человек» означало «свободного», но в нововавилонское время, наоборот, «человеком» назывался раб. Из того, что персепольский писец изредка вместо «итого столько-то kurtaš» мог написать «итого столько-то человек», или из того, что Дарий в своей надписи говорит, что над его дворцом работали «мастеровые люди», отнюдь еще не следует, что эти «люди» не могли быть в ряде случаев рабами, или что рабов, вообще говоря, нельзя было иногда обозначить как человеческие существа. Вряд ли писцы Дария и Ксеркса терминологически строго выдерживали положение позднейших идеологов рабовладельческого строя о рабе как instrumentum vocale и не могли иной раз назвать его человеком.

Отождествление kurtaš с māniya- засвидетельствовано непосредственно Бехистунской надписью;[5] но, как уже говорилось, māniya-, что дословно

---

[1] Кроме того, В. О. Тюрин так же (ук. соч., стр. 35 и сл.) указывает на то, что др.-перс. kāra по-аккадски передается, как и martiyā, терминами ummânâte — «войска» и nišê — «люди», наряду с более обычным ûķu — «народ-войско». Однако следует заметить, что ummânâte и nišê употреблены только в «Цилиндре Кира», написанном на хорошем аккадском литературном языке, а не на «варварском» языке аккадских переводов ахеменидских надписей; в последних ummânâte употреблено вместо ûķu лишь когда речь идет о войсках самой Вавилонии, где не существовало «народа-войска»; к вавилонской или ассирийской армии термин ûķu (=kāra) не должен был применяться. Если же аккадск. ^{lú}um[mânâte (?)] передает в Сузианской надписи др.-перс. martiyā karnuvakā — «люди мастеровые» (или, лучше, «люди-каменотесы») и эламск. ^{I}ruh^{idg} marri.p, то здесь перед нами, возможно, другое слово, а именно аккадск. ummânu — «ремесленник», может быть, в неправильно употребленной форме множественного числа.

[2] В. О. Тюрин, ук. соч., стр. 36.

[3] В лучшем случае, это могло бы означать, что kurtaš были не только рабами, но отсюда нельзя заключить, что kurtaš вообще не были рабами.

[4] Это видно и из документов архива из Суз.

[5] Beh., I, § 14 (эламский текст — I, § 13).

означает «домашний» (как греч. oiketēs—«домашний раб», при oikos, oikia—«дом», ta oikeia -- «домашнее имущество», «домашние дела» и т. п.), по всей вероятности, означает «раба», famulus.[1] Отметим также,[2] что marri.p, как обозначается известная категория kurtaš, видимо, значит «пленные», «заключенные».

Против такого понимания термина kurtaš В. О. Тюрин выдвигает то возражение, что у нас нет данных об отождествлении термина kurtaš с др.-перс. ba^{n}daka или marīka, или с эламск. lipa.me, или с аккадск. ^{lú}gal-la^{meš}, каковые термины, собственно, и означают рабов.

Однако ba^{n}daka и lipa.me имеют более общее значение, свойственное также греч. doulos,[3] и означают «лицо, зависимое от другого», — так, в частности, обозначает Дарий в Бехистунской надписи своих сатрапов; сам В. О. Тюрин справедливо указывает на то, что можно (с той же долей убедительности, как в случае отождествления kurtaš с martiyā — «человек») установить отождествление ba^{n}daka с martiyā. Это, очевидно, не бытовой, не деловой термин для «раба». Термин же ^{lú}gal-la^{meš} — шумерского происхождения и означает собственно «слуг».[4] Термин marīka также имеет специфическое значение.[5]

Заметим, далее, что к числу kurtaš несомненно относятся и puhu patimaniš (термин одного корня с māniya-!), в которых и В. О. Тюрин видит рабов. Значит, в числе kurtaš во всяком случае могли быть и рабы; если taššu.p могли быть kurtaš (что само по себе сомнительно), то этот аргумент имеет во всяком случае не больше силы, чем факт отнесения к kurtaš заведомых рабов.

Вряд ли можно отрицать также рабское состояние kurtaš — сирийцев, египтян и греков, которые, очевидно, могут быть только пленными, приведенными из походов.

Наконец, необходимо отметить, что, как следует из работы Гершевича,[6] эламск. kurtaš передает иранское слово gr̥da-. Как показывают изданные позже документы архивов хозяйств сатрапа Аршама в Вавилонии и Египте, именно gr̥da- (арамейск. GRD) составляли в хозяйстве вельмож основную рабочую силу. По составу персонал gr̥da- был раз-

---

[1] Kurtaš может рассматриваться и как «домашний» в смысле «принадлежащий к (царскому) дому».

[2] См. выше, стр. 324, прим. 4.

[3] Ср.: Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. ВДИ, 1951, № 2, стр. 46 и сл.

[4] Шумерские идеограммы передки в этих текстах, как в аккадской, так и в эламской версии. Отметим, что В. О. Тюрин (ук. соч., стр. 25, прим. 11), повидимому, не учитывает, что идеограмма sì.sì означает «давать».

[5] «Подданный», «подчиненный» (=акк. ^{lú}gal-la^{meš}); Dar. NRb, 50, 55.

[6] I. Gershevitch, рец. на G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. «Asia Major», N. S., II, стр. 129 и. сл.

соплеменным (visраzana-) и подвергался клеймению.[1] Имеются упоминания и «царских gṛda-». Нет сомнения, что это — та же категория, которая известна из персепольского архива на эламском языке как kurtaš, и очевидно, что они представляли собой рабов.

Таким образом, — хотя не исключена возможность, что в числе kurtaš м о г л о быть некоторое количество членов семей свободных общинников (taššu.p, kāra), привлекаемых в порядке повинности, — с нашей точки зрения, вряд ли можно сомневаться в том, что основная масса kurtaš состояла из рабов.[2]

Заметим, что картина царского хозяйства Ахеменидов V в. до н. э. в значительной мере совпадает с той гипотетической картиной, которая была нами нарисована в свое время для царских хозяйств Урарту.[3] Масса покоренного населения частью включалась в войско победителей,[4] частью уводилась и селилась на землю в качестве самостоятельно хозяйствующих государственных рабов,[5] частью вовлекалась в царское хозяйство (а также, вероятно, в хозяйство храмов и вельмож). Но царские хозяйства, как правило, не были посвящены полеводству; часть людей занималась садоводством и скотоводством, часть (при этом, вероятно, наибольшая) занималась ремеслом и строительством. Однако в числе ремесленников были, несомненно, и свободные.

---

[1] G. R. D r i v e r. Aramaic Documents of the Fifth Century B. C. Oxford, 1954, №№ VII, IX и XII.

[2] Этому не противоречит то, что они получают содержание в деньгах (правда, в значительной мере в столь примитивных «деньгах», как овцы и вино). Подобно своим вавилонским и ассирийским собратьям в I тысячелетии до н. э., персидские рабы, вероятно, могли иметь семью и кое-какое хозяйство на правах пекулия; наличие семей у kurtaš ясно видно из характера половозрастной статистики. Даже поселение пленных-рабов на землю для самостоятельного ведения хозяйства, введенное по всей Передней Азии в широкую практику ассирийцами (см.: РЗОА, стр. 102—109), не было чуждо и персам: так, Дарий I поселил в Эламе на таком положении греческих рабов из Эретрии (Н е r., VI, 119; ср. VI, 101), а пленных милетян — у устья реки Тигра (Н е r., VI, 20).

[3] И. М. Д ь я к о н о в. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, ВДИ. 1952, № 1, стр. 99.

[4] В отличие от ассирийцев и, повидимому, урартов, персы редко практиковали включение в свое войско неприятелей, непосредственно плененных в бою, см., однако: Н е r., IV, 93 и 97 и др.; вообще же персы, как известно, составили свое войско преимущественно из покоренных народов.

[5] Н е r., V, 14 и сл.; VI, 20, 115—119. В Мидии (как и в Ассирии, см:. РЗОА, стр. 110) такие государственные рабы, если верить Геродоту, жили в общих со свободными поселениях: так, (мнимый) сын раба Митрадата играет вместе со своим односельчанином, сыном знатного мидянина Артембара, вхожего к самому царю Мидии, далеко не допускавшего к себе первого встречного (I, 114; ср.: I, 99). Артембар был, возможно, родичем Гарпага, так как оба имени (Arppaku и Arttumpara) встречаются — единственные из числа мидийских — в надписях из Ликии, куда они были, вероятно, занесены осевшими там гарпагидами. Ср. стр. 17, прим. 3 и стр. 424, прим. 3.

Но если эта картина верна как для Урарту VIII — VII вв., так и для Персии V в., то нет сомнений, что она верна и для Мидии VII — VI вв.[1] Царское хозяйство Киаксара и Астиага следует представить лишь несколько меньшим по размаху, чем хозяйство Дария I и Ксеркса I. Кроме того, товарное производство было, вероятно, в то время слабее развито, так что можно сомневаться в том, получило ли довольствие работников уже характер платы, хотя бы и натуральной. Что же касается великолепного дворца и цитадели Экбатаны, известия о которых дошли до нас через Полибия, то, вне всякого сомнения, они так же были построены руками māniya-/kurtaš, как и дворцы Персеполя, только в первом случае «мастеровые люди» были из числа бывших подданных Ассирии и Манны. На это указывает, между прочим, явная связь скульптурного убранства ахеменидских дворцов с ассирийским искусством, минуя нововавилонское посредство; очевидно, посредствующим звеном послужили мидийские дворцы, построенные руками мастеров, ранее работавших на Ассирию и Манну.

Нет сомнения в том, что в хозяйствах знати и святилищ[2] также имелись рабы, но конкретными данными об этих хозяйствах мы не располагаем; все же есть основания думать, что они носили характер рабовладельческий по преимуществу, хотя в них привлекался также и труд бедняков, подвергавшихся патриархальным формам эксплуатации.[3] Во всяком случае несмотря на то, что в результате разгрома Ассирии несомненно колоссально возросло богатство мидийской знати и размах ее рабовладельческих хозяйств, все же основным источником сельскохозяйственного производства должны были оставаться хозяйства свободных мелких производителей материальных благ; отсюда в виде натуральных налогов черпал свои зерновые запасы и царь, не имевший своего полевого хозяйства.

---

[1] Наличие царских рабов-скотоводов в Мидии предполагает Геродот (I, 110). О царском садоводстве и создании парков у Ахеменидов сообщает, кроме документов персепольского архива, и Ксенофонт в «Домострое»: «Во всех местах, где он (персидский царь) бывает или посещает, он заботится, чтобы были сады, так называемые парадизы» (paradeisoi; IV, 13). Но обычай создания этих «парадизов» восходит к Мидии, как показывает самый термин, заимствованный греками из иранского, но не из персидского языка (греч. paradeisos из *paradaiza-; по-древнеперсидски сад назывался paradayda-; см.: E. Herzfeld, Altpersische Inschriften, Berlin, 1938, стр. 124; R. G. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, стр. 153, 195).

[2] Намек на хозяйства святилищ в Мидии содержится в рассказе Полиэна о Дейоке (по Динону или Харону из Лампсака? — см.: Polyaen., VII, 1).

[3] Ктесий, рассказывая в истории Кира о закованном в цепи рабе знатного мидянина — конюхе и носильщике навоза (см. ниже, стр. 418), предполагает, конечно, существование в Мидии достаточно крупных рабовладельческих хозяйств знати, чтобы внутри их, на основе разделения труда, существовала значительная специализация. Хотя Ктесий мог допустить и анахронизм, но исключительное богатство мидийской знати отмечают все античные авторы, а это богатство предполагает и наличие крупных рабовладельческих хозяйств для его воспроизводства. С другой стороны, знать использовала и труд бедняков, прибегавших под их «покровительство» и приравнивавшихся по положению к рабам (Николай Дамасский по Ктесию: FGH, II, A, 90, fragm. 66, 2 и сл.).

При этом следует учитывать одно важное для понимания условий собственности обстоятельство. Земли Сиромидии, с которых ассирийцами было выселено коренное население, превратились в земли ассирийского царя; при переходе данной территории в руки Мидийского государства все земли на данной территории должны были превратиться в собственность мидийского царя. В таком же положении, несомненно, оказались в ходе завоевания их Мидией и многие земли на других террито-

Рис. 59. Знатные мидяне. С рельефа из Персеполя. V в. до н. э.

риях; поэтому значительная часть населения оказалась сидящей на царской земле — в виде ли государственных рабов, в виде ли «царских земледельцев», лично свободных.

Мы уже видели, что (вопреки мнению В. О. Тюрина, которому мы, однако, обязаны подробным анализом документов, изданных Камероном, и первой попыткой их осмысления) персепольские документы о kurtaš дают представление лишь о царском рабовладельческом хозяйстве Ахеменидов, но не могут быть использованы непосредственно как источник для изучения положения массы свободных-воинов, членов kāra, «народа-войска».

В отношении этой группы населения нам приходится базироваться на Бехистунской надписи и отчасти на греческих авторах. Первая относится ко второй половине VI в. до н. э., вторые — к V в., но рисуемые ими усло-

вия вряд ли могли очень сильно отличаться от условий первой половины VI в., о которых идет речь в настоящей главе.

В Мидии, как и в Персии VI в., как сказано выше, было еще живо понятие «народа-войска», т. е. войска, непосредственно совпадающего с ополчением всего свободного населения. Наряду с этим и в Персии и в Мидии существовало также постоянное войско, находившееся как при особе царя (например «10 000 бессмертных» в Персии), так и в гарнизонах; но теоретически всякий свободный противостоял рабу как воин. Каждый воин был теоретически и крестьянином-общинником — прежде всего земледельцем. Еще в ахеменидской Персии личный земледельческий труд в идее ставился в один ряд с военным делом как деятельность, достойная свободного человека, хотя к V в. это превратилось не более, чем в идеологический пережиток.[1] Но в старой Мидии принадлежность к общине земледельцев была, очевидно, как и всюду в раннем рабовладельческом обществе, непременным условием существования полноправного гражданина.[2]

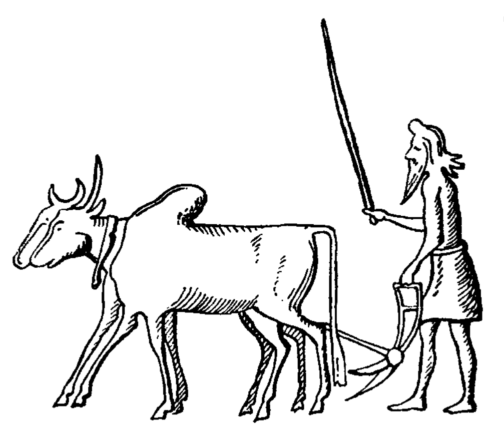

Рис. 60. Иранский пахарь. Изображение с цилиндрической печати V (?) в. до н. э.

Но и каждый знатный был воином, поэтому, вероятно, и знать формально входила в состав kāra, хотя социально занимала в обществе совершенно особое положение. Сюда следует отнести знать родовую — потомков царьков и вождей — и знать военно-служилую: ее верхушка совпадала, вероятно, с родовой знатью (так, главарем партии знати был царский полководец Гарпаг), но к этой верхушке должны были примыкать и несколько более широкие круги профессиональных воинов.

Дарий I в Бехистунской надписи различает среди мидян «народ-войско, который находился при мне» (kāra. . . hya upa māṃ āha)[3] и «мидийский народ-войско, который был в общинах» (kāra Māda hya viϑāpatiy āha).[4]

---

[1] Xen. Oecon. IV, 24. Судя по сообщению Ксенофонта, отдельные представители персидской знати, как, например, Кир Младший, демонстрировавшие свою приверженность старинным добродетелям, еще в конце V в. лично трудились по садоводству.

[2] Непосредственных данных о существовании соседской общины в Мидии этого времени нет, но мы знаем, что она существовала в западной Мидии еще несколько столетий спустя; см.: H. Nyberg. The Pahlavi Documents from Avroman. MO, XVIII, 1923; А. Г. Периханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. ВДИ, 1952, № 4, стр. 20 и сл.

[3] Например: Beh., II, 25; III, 41.

[4] Например: Beh., II, 24; ср. III, 40.

Для понимания сущности вопроса чрезвычайно важно разобраться в значении этих терминов.

Суть дела в термине viϑāpatiy, который образован от слова viϑ- (=vīs); о последнем нам уже приходилось говорить выше. В зависимости от понимания слова viϑ- определяется и все понимание не только данных контекстов, но, по существу, и всей социальной структуры Мидии и ранней Персии.[1]

Вейсбах исходит из перевода «дом» для viϑ-,[2] а потому viϑāpatiy переводит «которые во дворце» (!).[3] Еще дальше идет Тольман,[4] который передает и самое слово viϑ как «царская резиденция». У Кента[5] viϑ — «дом», «царский дом», «царский род, двор».

Другие переводчики[6] исходят из значения «род», «клан» для viϑ, причем ряд буржуазных ученых видит в этом подтверждение своей концепции древнеперсидского общества как феодального: роды и родовое имущество возможны будто бы лишь у феодалов.[7] Но в данном случае то, что требуется доказать, берется за доказательство: если только признать, что перед нами феодальное общество, мы были бы вправе считать «родовое имущество» непременно за феодальное. Но на самом деле этого нет.

По нашему мнению, как уже указывалось, viϑ- (vīs-) — это община, сначала родовая (отсюда также род, может быть, и родовое жилище), а затем сельская. Если не искать в древних Мидии и Персии феодальных поместий, то кажется естественным признать, что «kāra, находя-

---

[1] Материалы, приводимые ниже, частично заимствованы из работы М. М. Дьяконова «Очерки по истории древнего Ирана».

[2] F. H. W e i ß b a c h und W. B a n g. Die altpersischen Keilinschriften in Umschrift und Übersetzung, Leipzig, 1908, стр. XV и 15.

[3] Там же, стр. 17. Заметим, что арамейская версия употребляет слово, соответствующее viϑ-, во множественном числе (ZY BBTY' B'LWK), что делает невозможным перевод «во дворце»; см. текст: A. U n g n a d. Aramäische Papyrus aus Elephantine. Kleine Ausgabe, Leipzig, 1911, стр. 87, fragm. 66, 8. Вавилонская версия в одном случае переводит viϑāpatiy как mala ina bîti — «которые в доме» (т. е. «дóма» — Beh., строка 43), а в другом — mala ina allûkâ ša âli — «которые в allûkâ общины» (Beh., строка 72). Слово allûkâ из других текстов не известно; повидимому, как многие другие слова вавилонской версии Бехистунской надписи, это арамеизм, проникший из разговорного аккадского языка этого времени. Это аккадско-арамейское слово образовано, как кажется, от аккадского корня alâku — «ходить», «выступать в поход», «нести повинность». Поэтому, mala ina allûkâ ša âli можно, вероятно, перевести: «которые (подлежат) повинности (?) общины». Во всяком случае перевод «во дворце» здесь, очевидно, исключается.

[4] H. C. T o l m a n. Ancient Persian Lexicon and the Texts of the Achaemenian Inscriptions. New York, 1908.

[5] R. G. K e n t, ук. соч., стр. 208.

[6] Не все: встречаются самые странные переводы. Например, Грей (L. H. G r a y, American Journal of Philology, № 21, стр. 16) переводит viϑ (правда, под вопросом), как «частная собственность» (!).

[7] Отсюда, например, Херцфельд переводит kāra, как «высшее дворянство» (!!), а Кёниг — как «господский двор». Кёниг заходит так далеко, что предполагает даже ассирийские цифры пленных, захваченных в Мидии, включающими. . . только феодалов, не считая их вассалов!

щееся в viϑ'ах», — это прежде всего (хотя не исключительно) рядовые свободные общинники, а «kāra, находящееся при царе», — это профессиональные воины, примыкающие к военно-служилой знати. В самом деле, какие же мидяне скорее всего должны были находиться при дворе персидского царя и принимать участие в подавлении восстаний в Мидии: те, кто предал Мидию и перешел на сторону ее завоевателя — Кира, или те, кто отстаивал мидийскую независимость? Кажется очевидным, что это могли быть скорее всего первые. Между тем, мы увидим ниже из Геродота и Набонидовой хроники, что предателями оказались знать и войско. Это — еще одна причина, почему мы полагаем, что kāra Māda hya viϑāpatiy āha состояло преимущественно из рядовых общинников (отчасти из местной родовой знати), а kāra hya upā mām āha — из профессиональных воинов, из военной и крупной родовой знати.[1]

В целом нам кажется вероятным, что в Мидии VI в. в формальном, сословно-юридическом отношении все свободное население охватывалось общим понятием «народа-войска» (др.-перс. kāra). Среди «народа-войска» основную массу составляли еще, вероятно, свободные общинники-земледельцы, непосредственные производители материальных благ. Их руками в основном была низвергнута Ассирия и создано могущество Мидийской державы. Мы не знаем, несли ли они какие-либо повинности на царя, помимо военной. Из того, что рассказывает Геродот (I, 126), похоже, что подобные повинности были уделом только покоренных племен и народностей, но полной уверенности здесь нет. Что касается военной повинности, то и к ней масса общинников привлекалась, очевидно, лишь по мере необходимости, почему эта категория и называется у Дария «народ-войско, которое находилось в общинах (т. е. по домам)».

Но во всяком случае ясно, что под kāra подразумевается не только постоянное войско (и тем более не только знать, «дворянство», как переводят Херцфельд и др.), но и весь свободный народ в целом.[2]

Несмотря на терминологическое единство «народа-войска» в Мидии и Персии, имущественное расслоение среди него было значительным.

Следует обратить внимание на одно чрезвычайно интересное сообщение Ктесия, сохраненное нам Николаем Дамасским. В данном случае, даже если Ктесий переносит на древнюю Мидию обстановку своего времени, то от этого его известие нисколько не теряет в своем значении, так как дело идет об исключительно архаичных отношениях; поэтому, чем позже они

[1] См. в этой связи также ниже, стр. 432 и сл. Следует заметить, что на социальное содержание термина kāra hya viϑāpatiy āha в данном контексте в советской науке существуют различные точки зрения; подробнее об этом см. в главе VII.

[2] Когда kāra упоминается в Бехистунской надписи в связи с битвами, это, конечно, войско; но когда говорится «не было человека, ни перса, ни мидянина, ни из нашего рода никого, кто бы у того мага Гауматы царство отнял: kāra боялась его насилия» (Beh., I, § 13), или когда сказано, что пленный «у ворот моих в оковах был держан, вся kāra его видела» (§ 32), то здесь подойдет только перевод «народ», но отнюдь не «войско» или тем более «дворянство».

засвидетельствованы, тем более необходимо должны были существовать и в раннее время.

По сообщению, о котором идет речь,[1] в Мидии существовал закон или обычай (nomos), согласно которому бедняк (penēs) может отдать себя зажиточному человеку, который возьмется его кормить; такой бедняк переходит в положение, подобное рабскому (isa. . . doulon nomizdestai), с той, однако, разницей, что он может в любое время уйти от своего хозяина-патрона, если неудовлетворен своим пропитанием.

«Бедняк» в данном случае — несомненно свободный, потерявший средства существования в общине, конкретно говоря, — землю. С потерей земли обычно теряется и членство в общине, и такой бедняк становится бесправным изгоем. Ему ничего не остается, как «прибегать под покровительство» какого-либо рабовладельца, вследствие чего возникает форма полупатриархальной, полурабовладельческой эксплуатации. Эта форма, на которую в советской науке пока не обращалось достаточного внимания, тем не менее хорошо известна, так как была широко распространена во всех ранних рабовладельческих обществах.[2] Позже, когда грань между рабом и свободным становится более резкой, когда на смену патриархальному приходят рабовладельческие хозяйства, работающие на рынок, эта полупатриархальная форма эксплуатации заменяется чисто рабовладельческой. Таким образом, ясно, что в Мидийском царстве имущественное расслоение среди свободных зашло уже далеко, однако черты патриархальности в обществе еще сохранялись.

Но вероятно, что в состав «народа-войска» формально входила и знать, о которой говорилось выше, — потомки вождей и царьков былых «стран» Мидии, а также военная верхушка и профессиональная часть воинов. Эта группа свободного населения в социально-экономическом, в классовом отношении в корне отличалась от первой. В своей массе она составляла класс рабовладельцев, среди которых должны были быть и весьма крупные. Богатство мидийской знати буквально вошло в пословицу у народов древности.

Это и вполне понятно. Еще в условиях конца первобытно-общинного строя, по меткому наблюдению одного римского историка, добыча и почести распределяются среди воинов «по достоинству» (secundum dignationem), т. е. по знатности. Тем более этот порядок должен был действовать в таком обществе, как мидийское, где родовая демократия быстро превращалась в пережиток. Разгром Ассирии обогатил не страну в целом, а только мидийскую военную и родоплеменную верхушку, причем, чем выше по лестнице родовитости и чиновности стояло данное лицо,

---

[1] FGH, II A, 90, fragm. 66, 2 и сл.

[2] См., например: И. М. Дьяконов (ред.). Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. ВДИ, 1952, № 4, стр. 287.

тем больше оно могло приобрести богатств, и, в частности, рабов. Поэтому время правления Киаксара мы должны рассматривать, как время стремительного обогащения мидийской знати, резкого имущественного расслоения общества и быстрого нагнетания противоречий. Это были противоречия, обусловленные основным антагонизмом между классом рабов и классом рабовладельцев, но проявлявшиеся, как это обычно бывало в рабовладельческом обществе на таком этапе развития, прежде всего в виде противоречия между разорением и постепенным закабалением свободных мелких земледельцев и обогащением знати, высасывающей соки из своих беднеющих соседей. Но в данных условиях должно было сказаться также и противоречие между обогащающейся военно-родовой знатью и царской властью, проводившей в тот момент прогрессивную политику объединения страны и поэтому вынужденной урезывать права и привилегии потомков бывших независимых царьков, стремясь опираться на возможно более широкие слои рабовладельцев и даже свободных вообще.

Все эти быстро нараставшие противоречия в следующее царствование привели Мидийскую державу к гибели.

2. Государство и административное деление

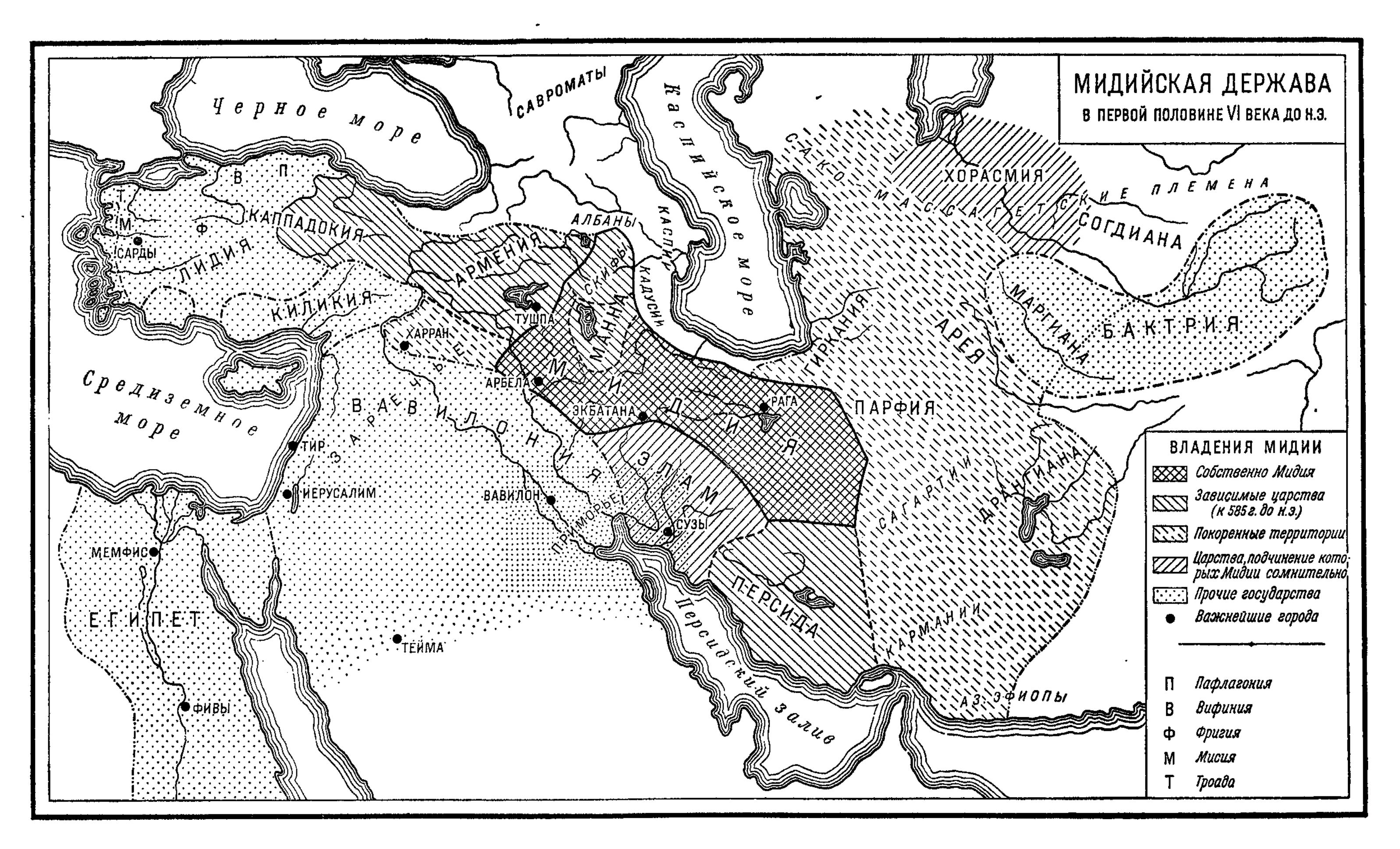
В связи с нечеткой еще выработанностью общественных форм и государственная структура Мидийской державы, сравнительно со структурой, скажем, Ассирии VII в. до н. э., была довольно рыхлой. Мидийская держава с еще большим основанием, чем Ассирия, должна считаться одной из тех держав древности, о которых можно сказать, что это были непрочные военно-административные объединения, существование которых в значительной мере зависело от случайности военных успехов или поражений.

Геродот так характеризует структуру Мидийской державы: «Во время мидийского владычества один народ властвовал над другим, мидяне же над всеми и (прежде всего) над теми, которые были к ним ближе всего, те — над своими соседями, а те — над пограничными с ними» (I,134). Это подтверждают и древнееврейские источники, говорящие не о «царе», а о «царях» Мидии,[1] а также вавилонская надпись Набонида, упоминающая царя Мидии и «царей — помощников его».[2]

Ядром державы была Мидия в собственном смысле слова, которая совпадала, вероятно, с позднейшей сатрапией Мидией при Ахеменидах. Это была территория, управлявшаяся непосредственно из Экбатаны, с населением, пользовавшимся всеми обязанностями и преимуществами

[1] Jer., XXV, 25; LI, 11 и 28.

[2] Šarrâni âlik idêšu, Надпись Набонида № 1, I, 27; NBKI, стр. 220.

МИДИЙСКАЯ ДЕРЖАВА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI ВЕКА ДО Н.Э.
ВЛАДЕНИЯ МИДИИ
Собственно Мидия
Зависимые царства (к 585 г. до н.э.)
Покоренные территории
Царства, подчинение которых Мидии сомнительно
Прочие государства
Важнейшие города
П Пафлагония
В Вифиния
Ф Фригия
М Мисия
Т Троада
Черное море
Каспийское море
Средиземное море
Персидский залив
САВРОМАТЫ
САКО-МАССАГЕТСКИЕ ПЛЕМЕНА
ХОРАСМИЯ
СОГДИАНА
БАКТРИЯ
МАРГИАНА
АРЕЯ
ПАРФИЯ
ГИРКАНИЯ
САГАРТИИ
ДРАНГИАНА
КАРМАНИИ
АЗ. ЭФИОПЫ
ПЕРСИДА
МИДИЯ
ЭЛАМ
МАННА
СКИФЫ
КАДУСИИ
КАСПИИ
АЛБАНЫ
АРМЕНИЯ
ВАВИЛОНИЯ
ЗАЕВФРАТЬЕ
ПРИМОРЬЕ
КАППАДОКИЯ
КИЛИКИЯ
ЛИДИЯ
ЕГИПЕТ
РАГА
ЭКБАТАНА
СУЗЫ
ТУШПА
АРБЕЛА
ВАВИЛОН
ХАРРАН
ТЕЙМА
ТИР
ИЕРУСАЛИМ
САРДЫ
МЕМФИС
ФИВЫ

граждан Мидии и подданных мидийского царя. Хотя племенное деление и продолжало существовать,[1] однако для внешнего мира все население собственно Мидии было «мидянами», и вероятно, что они сами называли и сознавали себя таковыми. Не случайно армянские источники, как указал автору С. Т. Еремян, знают целый ряд местностей восточной Армении и западной Атропатены как населенные «мидянами» (mar-k'), в то время как исторически это могли быть лишь хурриты-матиены.[2] Но они влились отныне в состав мидян.

Мидия, собственно Мидийское царство, состояла из старых царств — Мидийского (центральной и восточной Мидии), Маннейского и Скифского; соответственно этому источник Геродота, кроме «Мидии», включает в Мидийскую сатрапию «париканиев» и «ортокорибантиев».[3] Ортокорибантии — это, как мы уже указывали, жители Скифского царства; под париканиями, повидимому, имелись в виду те жители Маннейского царства, которые еще не полностью влились в состав мидян.[4] В дальнейшем мы более не встречаем этих обозначений, и все жители Мидии обозначаются просто как мидяне.

---

[1] Оно было известно еще Геродоту. Но «мидянами» в приведенном выше смысле были не только шесть племен мидийского племенного союза.

[2] Крайний запад Атропатены (западнее озера Урмии) и ряд районов Армении занимали, как видно из ряда мест у Геродота, матиены, по которым озеро Урмия называлось иногда Ма(н)тианским (S t r a b o, XI, 14, 8). Судя по Геродоту (хотя для него самого вопрос этот, повидимому, был не вполне ясен), матиены жили отчасти у верховий Галиса (справа от него) и Аракса (I, 72, 202; VII, 72), отчасти в верховьях Тигра и в западном Загросе (I, 189, 202; III, 94; V, 49, 52); но именно в этих местах клинописными источниками засвидетельствована хурритская ономастика и топонимика. Четыре народа Армянского нагорья и прилегающих областей, называемые Геродотом: армении, саспейры (у Ксенофонта геспериты), алародии и матиены, как указывалось, соответствуют армянам, иберо-грузинам, урартам и хурритам (см. выше, стр. 98 и 226).

[3] H e r., III, 92 (и, может быть, VII, 86?).

[4] Парикании связываются, вероятно, с загадочными parika- Авесты (Видевдат, I, 10; XX, 10; Яшт XIX, 80 и мн. др.), откуда — новоперс. «пери». Так в Младшей Авесте называются колдуньи-незороастрийки, в образе которых сохранилось воспоминание о прежнем, неиранском населении Ирана, на что правильно указал еще В. Гейгер (W. G e i g e r. Ostīrānische Kultur im Altertum, Erlangen, 1882, стр. 81—82, 112—113). Источник Геродота знает париканиев в X сатрапии (в Мидии) и в XVII сатрапии (в Белуджистане, где и сейчас живут неиндоевропейские племена). Гекатей называет также город Парикану в «Персии» (FGH, I, fragm. 282); о значении термина «Персия» у Гекатея см.: L. P e a r s o n. Early Ionian Historians, Oxford, 1939, стр. 78. К аналогичному термину восходит, возможно, и топонимическое название «Фергана» в Средней Азии. Но предположение Юнге, связывающего термин «парикании» т о л ь к о с Ферганой и отрывающего париканиев, вместе с ортокорибантиями (по Юнге — саками) от Мидии на том основании, что у Геродота якобы в списке сатрапий беспорядочно перемешаны названия народов племен самых разнообразных областей, не выдерживает критики. Источники не упоминают «ортокорибантиев» в Средней Азии, хотя здесь известен синонимичный термин «тиграхауда».

Но территория собственно Мидии была шире, чем территория упомянутых трех царств предшествующего века. Из Бехистунской надписи мы знаем, что в состав Мидии, повидимому, входил ассирийский город Арбела;[1] из Ксенофонта (Anab., III, 4, 7—10) можно заключить, что вообще коренные ассирийские земли вошли в состав Мидии и позже в народной памяти воспринимались как мидийские. Разумеется, что и «Сиромидия»—бывшие ассирийские провинции Киррури, Замуа, Парсуа, Бит-Хамбан, Кишессу и Хархар — явились бесспорно составной частью Мидии.

Мидия распространилась также довольно далеко на северо-запад, охватив некоторые из населенных хурритско-урартскими «матиенскими» племенами территорий, — по всей вероятности, к западу от Урмийского озера и в долине Аракса. По крайней мере, Геродот дважды указывает[2] на то, что Мидия (Мидийское царство в собственном смысле?) граничила с землями саспейров, т. е. иберо-грузинских племен, и что ее граница проходила недалеко от долины Фасиса, под которой разумеется скорее всего Колхида, т. е. долина современной реки Риона (менее вероятно — долина реки Чороха).

Крайняя северная граница Мидии, поскольку она включала, как мы полагаем, территории бывшего Скифского царства, проходила, очевидно, севернее реки Аракса. Горный район к юго-востоку от нижнего течения Аракса (наш II район) и далее, в сторону устья реки Амарда (Кызыл-узена), населенный племенами кадусиев и каспиев,[3] не был, однако, покорен Мидией и не входил в нее. Низовья Аракса и

---

[1] Здесь был казнен мидийский (сагартийский) вождь повстанцев Читрантахма (Beh., II, § 33). Дарий I имел обыкновение казнить повстанцев в стране, где они восставали: так, мидянин Фравартиш был казнен в Экбатане, вавилонянин Нидинту-Бел и восставший в Вавилонии урарт Араха — в Вавилоне, перс Вахьяздата — в Увадайчии, в Персии. На этом основании можно заключить, что сагартии (=Зикерту?) заняли к этому времени часть бывшей Ассирии с Арбелой. Что данные сагартии были мидийским или полумидийским племенем, видно из того, что Читрантахма объявил себя потомком Киаксара, и из самого его имени. Впрочем, племя сагартиев известно и далее к востоку (ср. стр. 340).

[2] Н е г., I, 104: «Из Колхиды недалеко перейти в мидийскую (землю), лишь один народ находится между ними — саспейры»; VI, 84: скифы предлагали спартанцам «вторгнуться в Мидию вдоль реки Фасиса».

[3] Что кадусии не были покорены Мидией — на это прямо указывает Ктесий у Диодора (D i o d., II, XXXIII; ср. Николай Дамасский: FGH, IIA,90, fragm., 66, 11). Кадусиям других авторов в списке сатрапий Геродота (III, 92), повидимому, соответствует XI сатрапия (каспии, павсики, пантиматы и дарейты), которая, как мы увидим ниже, принадлежала к числу покоренных впервые Киром. Также и в походе Ксеркса каспии выступают отдельно от мидян. В битве Дария III с Александром Македонским при Гаугамеле кадусии, албаны и сакесины выступают формально как союзники, но не как подчиненные мидийского сатрапа Атропата (A r r., Anab., III, 8, 4; 11, 4).

Куры также, как будет видно ниже, кажется, не входили непосредственно в состав Мидии.[1]

Труднее определить восточные границы Мидии. Нам кажется вероятным, что они охватывали по крайней мере часть будущей Парфии.[2] В собственно Мидию входила земля племени сагартиев, но мы не знаем, о каких сагартиях идет речь в Бехистунской надписи, на которой мы в данном случае основываемся.[3] Кроме вероятно существовавших западных сагартиев (Зикерту?), были еще сагартии восточные, которых источник сведений Геродота о сатрапиях Ахеменидской державы относил к сатрапии Дрангиане (охватывавшей современный юго-западный Афганистан и юго-восточные части современного государства Иран), а в другом месте (со слов Зопира?) Геродот их относит к Персиде. Племя сагартиев, имя которого означает «камнеройцы», жило, повидимому, в горах и пустынях в центре Иранского нагорья (современный восточный Иран). Позже этот район входит в состав Парфии.

На периферии собственно Мидии были расположены территории, обладавшие большей или меньшей долей самоуправления: зависимые царства, племена и наместничества, управлявшиеся, возможно, мидийскими администраторами, но не включенные в состав собственно Мидии.

Территориальное распространение власти Мидийской державы как целого представляется обычно неясным. Однако, как кажется, у нас имеются опорные данные для определения его.

Такими опорными данными представляется нам список округов персидской Ахеменидской державы Дария I, приводимый Геродотом (III, 89—97) и, по мнению подавляющего большинства исследователей, восходящий к современнику Дария — греческому логографу Гекатею, хотя и содержащий, повидимому, некоторые добавления самого Геродота.

---

[1] Ряд североазербайджанских племен, хотя и сохранили самостоятельность, тем не менее платили, как кажется, дань Киру, судя по месту XI сатрапии в числе подчинившихся Киру; ср. соображения о структуре позднейших ахеменидских сатрапий, о чем см. ниже стр. 343 и сл., а также ср. прим. 3 на стр. 339.

[2] Мы уже видели, что Хоарена, впоследствии входившая в Парфию, в VII в. до н. э. была мидийской областью. Также и лежавшая к востоку от Хоарены Комисена была первоначально мидийской. Возможно, однако, что и далее к востоку распространялись тогда мидийские земли. Тесная связь Парфии и Гиркании с Мидией видна из того, что антиперсидское восстание Фравартиша, выдававшего себя за потомка Киаксара, сразу распространилось не только в Мидии, но и в Парфии и Гиркании (Beh., II, §§ 24—28, 31—32; II, § 35 — III, § 37).

[3] См. выше, стр. 339, прим. 1. Восточнее Загросского хребта знает сагартиев Птолемей (VI, 2, 6), но, повидимому, речь идет о крайних отрогах Загроса у пределов Паретакены, так как птолемеевых сагартиев отделяет от Парфии одна только область Хоромитрена. Что касается того, что территория сагартиев была мидийской, то следует отметить, что вряд ли вождь племени не мидийского, а только покоренного мидянами, стал бы выдавать себя за потомка покорителя. Иное дело, если сагартии входили в состав мидийских племен (в широком смысле).

Список этот содержит перечень племен и народов, входящих в данный округ, размер дани в серебряных талантах и номер округа.

В отношении степени достоверности списка существует две основные точки зрения. Согласно наиболее распространенной из них, он представляет извлечение из официального персидского списка податных округов. При этом допускается, что в результате перевода, сокращения, добавления и т. п., в него вкрались отдельные ошибки, величина которых различно оценивается исследователями. Несомненно, что это единственно правильная точка зрения. Другая точка зрения, наиболее решительным сторонником которой являлся Ю. Юнге, сводится к предположению, что список округов у Геродота представляет произвольный набор известных ему (или Гекатею) этнонимических названий, произвольно же сгруппированных.[1] Эта точка зрения явно не может выдержать критики. В самом деле, невольно напрашивается вопрос: зачем, с какой целью нужно было составлять такой произвольный набор названий и выдавать его за официальный список Персидской державы?[2] Зачем было Геродоту к тому же каждый раз специально оговаривать номер округа? Или и номер был сочинен нарочно? Но видеть здесь преднамеренную фальсификацию мы не можем; все теории о «злокозненности» Геродота столько раз уже разбивались о подтверждение его данных находимыми подлинными памятниками, что мы, как уже указывалось, не имеем никакого права не доверять его добросовестности. В пользу достоверности данных Геродота говорит также общее правдоподобие относительных цифр величины дани от различных областей, в том числе от таких, про которые Геродот (и Гекатей) ничего не могли знать конкретного. Учтем к тому же, что как Гекатей, так и Геродот были подданными Персидской державы, жили в одном из ее округов, платили ей налоги — по крайней мере в течение части своей жизни — и что раздобыть официальные сведения о податных округах державы для них вряд ли представляло особо значительную трудность.

Итак, у нас есть все основания полагать, что геродотов список податных округов (nomoi) Дария I базируется на подлинном официальном источнике. Но что́ это был за источник, по этому поводу также имеется две точки зрения. Одни исследователи полагают, что это был список основных административных единиц державы — сатрапий, другие же полагают, что это был список податных округов, не совпадавших с сатрапиями. Последняя группа исследователей основывается главным об-

---

[1] См. также: E. Herzfeld. Der geschichtliche Vištaspa (Zarathustra, I). AMI, I, 2, стр. 77 и сл.

[2] Предполагается, что список был опубликован Гекатеем с целью показать могущество Персидской державы и безнадежность восстаний ионян против нее; отсюда и некоторая детализация отдельных данных (например по Киликии), имевших значение для оценки военных и материальных возможностей непосредственных противников ионян (см.: Her., V, 36).

разом на расхождениях между списком Геродота и списками «стран», приводимых в наскальных надписях самих ахеменидских царей, в том числе и самого Дария I.

Однако трудно предполагать, что финансовые округа Персидской державы не совпадали с ее общеадминистративным делением. Это создавало бы исключительные — и, главное, совершенно бесцельные — трудности при организации налогового сбора; к тому же нам известно, что сатрапы обладали и финансовыми полномочиями (в частности, чеканили серебряную монету и делали сборы на нужды управления сатрапий),[1] поэтому нет серьезного основания сомневаться в том, что именно сатрапы же были ответственны и за сбор царских налогов.

В действительности расхождения между списком Геродота и списками наскальных надписей сильно преувеличены. Принимая во внимание возможность деления отдельных сатрапий и слияние других, что засвидетельствовано и независимыми источниками,[2] следует признать, что эти списки совпадают во всем существенном, кроме порядка перечисления.[3]

Этот-то порядок перечисления и является наиболее загадочным моментом в списке Геродота. Если списки в наскальных надписях более или менее придерживаются географического порядка, то в списке Геродота, особенно в части восточных сатрапий, господствует, казалось бы, почти полный произвол.

Подозрительно также то обстоятельство, что во главе списка у Геродота стоит его родная Иония, которая в надписях никогда не стоит первой. Последнее обстоятельство, впрочем, не должно нас особенно смущать. Ему можно найти не одно объяснение. Вполне вероятно, например, что официальные списки, рассылавшиеся по сатрапиям, составлялись в каждом случае так, чтобы начинаться с данной сатрапии, или что от-

---

[1] Her., IV, 166; ср. Pauly — Wissowa, s. v. Satrap. стр. 135—136. Известны монеты многих сатрапов. Чеканка монеты началась в Ахеменидской державе. Она была, как полагают, заимствована из Лидии. В Мидии, как и в Ассирии, чеканной монеты не было.

[2] Слияние сатрапий и их деление засвидетельствовано теми же надписями Ахеменидов (ср. ниже), а также и данными греческих авторов. Так, Лидия и Иония часто имели одного общего сатрапа; Кир Младший был сатрапом сразу трех сатрапий (Ионии, Лидии и Каппадокии), из которых была выделена только Кария для Тиссаферна; впоследствии Тиссаферн также правил всеми тремя сатрапиями Кира.

[3] Списки в наскальных надписях делят сатрапии («страны») на две группы: восточные и западные. Порядок их в пределах группы несколько колеблется, хотя Персида и Мидия или группа сатрапий, в которых персидские цари, повидимому, одновременно считались и местными царями (Вавилония, Элам и т. д.), возглавляют списки.

Исключение составляет Бехистунская надпись, где Мидия названа в конце списка западных сатрапий (вспомним, что надпись составлялась вскоре после троекратного восстания в Мидии).

дельные группы сатрапий были расположены лишь внутри каждой группы по географическому признаку, порядок же групп мог быть изменен.[1]

Более важным вопросом является общий принцип перечисления сатрапий. Здесь, однако, как кажется, можно внести ясность, если учесть, кто покорил каждую из перечисленных стран.

Ниже мы даем список сатрапий Персидской державы Ахеменидов с указанием завоевателя каждой страны там, где он известен и принимая (согласно официальной ахеменидской традиции) Персидскую державу за «продолжение» Мидийской (табл. 4).[2]

Несмотря на некоторые неясности в конкретных случаях, общая структура списка совершенно ясна: вначале идут 12 сатрапий на территориях, завоеванных персами (Киром и Камбисом) до Дария, затем сатрапии, завоеванные еще при мидянах, и наконец, в заключение добавлены области, приобретенные Дарием I до 500 г.

Таким образом, начиная с XIII сатрапии, мы имеем перед собой состав Мидийской державы к моменту ее покорения Киром. Но чтобы в этом ее составе разобраться, мы должны подвергнуть список несколько более подробному анализу.

По содержанию, а вероятно, и по времени написания, геродотов (гекатеев) список, датируемый, очевидно, 500 г. до н. э.,[3] повидимому, ближе всего к списку Бехистунской надписи.[4] Более поздние списки уже дают новые, дополнительные сатрапии, частью завоеванные Дарием, частью выделенные из прежних. При сравнении же геродотова списка с бехистунским получаем следующие расхождения: 1) Киликия (IV сатрапия) в Бехистунской, как и в других надписях, не упоминается, очевидно, ввиду ее автономного положения под властью собственного царя из рода Сиеннесиев; 2) в Бехистунской (и других надписях) отсутствует XI сатрапия (Каспиана) и XIX сатрапия (причерноморская); 3) в ней еще отсутствует также Индия; 4) в ней нет двух армянских сатрапий (XIII и XVIII), а есть только одна; 5) VII сатрапии в ней, повидимому, соответствуют две сатрапии: Саттагидия (Гандара, или Паропанисады) и Арахосия. В более поздних надписях VII сатрапии соответствуют уже три страны; 6) I сатрапии в ней соответствуют две: Иония и «те, которые

---

[1] Наиболее вероятно, что группа сатрапий I—XII перенесена вперед для того, чтобы выделить Ионию; настоящее место этой группы — после группы сатрапий XIII—XVII (или XVIII).

[2] Приводим номер сатрапии по Геродоту и название по данным надписей и другим источникам. Размер дани указан, по Геродоту, в вавилонских талантах серебра (талант — около 30 кг).

[3] Н е р., V, 36.

[4] Относится к 522—521 гг. до н. э.; фактически высечен на скале, быть может, к 519 году. Херцфельд (AMI, I, 2, стр. 79) считает, что список Геродота ближе всего к списку надписи «е» из Персеполя, который он датирует 516 г. При этом он так «исправляет» список Геродота, что фактически составляет совершенно новый, и затем удивляется его сходству с персепольским (там же, стр. 105).

Таблица 4

№ сатрапии	Название	Что включала; величина дани в талантах серебра	Кто завоевал	Примечания
I	Иония (и островные ионяне).	а) Эолида, Иония; б) Кария, Ликия, Памфилия; 400.	Кир II.	
II	Сарды.	Мисия и Лидия; 500.	Кир II.	
III	Каппадокия (Даскилея).	Троада, Фригия, Вифиния, Пафлагония, Каппадокия; 360.	Кир II.	Собственно Каппадокия по восточную сторону реки Галиса была завоевана Киаксаром.
IV	Киликия (автономное царство). [1]	Киликия, включая земли у залива Искендерун и горы Тавра; 360.	Кир II.	Кроме дани серебром, еще 360 белых лошадей и 140 талантов серебра на содержание расквартированной в Киликии конницы.
V	Заречье (Ассирия, Сирия).	Палестина, Финикия, Сирия, Кипр, Сев. Месопотамия; 350.	Кир II.	
VI	Египет.	Египет, Ливия, Кирена, Барка; 700.	Камбис.	Кроме дани серебром, еще 120000 медимнов хлеба на содержание гарнизонов и доходы от рыболовства на Меридовом озере.
VII	Саттагидия, Гандара и Арахосия (?).[2]	Совр. северо-восточный (и восточный?) Афганистан (саттагидии, гандарии и апариты); 170.	?	Иначе — «Горная» или «Белая Индия».
VIII	Элам (Сузиана, Киссия).	Элам; 300.	Кир II?	До середины VI века Сузы принадлежали вавилонянам.

[1] В наскальных надписях не упоминается.
[2] В наскальных надписях — две или три сатрапии.

Таблица 4 (*продолжение*)

№ сатрапии	Название	Что включала; величина дани в талантах серебра	Кто завоевал	Примечания
IX	Вавилония (у Геродота — «Ассирия» со столицей Вавилоном).	Южное Двуречье; 1000.	Кир II.	Кроме дани серебром, еще 500 евнухов.
X	Мидия.	Мидия, с парикапиями и ортокорибантиями; 450.	Кир II.	
XI	[Каспиана?].	Южная часть территории современной Азербайджанской ССР и южный Прикаспий? (каспии, павсики, пантиматы и дарейты); 200.	Кир II?[1]	По крайней мере часть населения этой территории (кадусии) покорилась, по Ктесию, впервые только Киру.
XII	Бактрия.	«От бактриев до эглов»; 360.	Кир II.	
XIII	Армения.	«От Пактиики, земли армениев», до Черного моря (включая, повидимому, часть Каппадокии восточнее реки Галис); 400.	Киаксар.	Завоевание этой области Киаксаром вытекает из прохождения мидийско-лидийской границы по реке Галису и из других данных.
XIV	Дрангиана (и часть Кармании).	Сагартии, саранги, таманаи, утии, мики, жители островов Персидского залива; 600.	Киаксар?	Сагартии во всяком случае имели традиции, связывавшие их с династией Киаксара; см.: Beh., I, 33. Утии, может быть = др.-перс. Ятутия, часть Персиды. Последняя, по Геродоту, включала и область карманиев.
XV	[Саки?].	Саки и каспии; 250.	?	Неясно, имеется ли в виду закавказская или среднеазиатская область.

[1] Геррманн (Pauly—Wissowa, s. v. Kaspioi) считает, что эта сатрапия была завоевана Дарием I в 515 г., но основания этого мнения неясны.

Таблица 4 (*продолжение*)

№ сатрапии	Название	Что включала; величина дани в талантах серебра	Кто завоевал	Примечания
XVI	1) Парфия (и Гиркания); 2) Арея (и Маргиана? Или последняя была в составе Бактрии?); 3) Хорасмия; 4) Согдиана.	Парфяне (и гиркании?) хорасмии, согды и ареи (haraiva, не смешивать с ариями, arya); 300.	Киаксар?	По надписям составляла не одну, а четыре сатрапии: 1) Парфию (с Гирканией), 2) Хорезм, 3) Согд и 4) Арею. По крайней мере Парфия и Арея должны были быть завоеваны до Кира II, так как иначе он не мог бы приступить к завоеванию Бактрии.
XVII	[Гедросия - Мака].	Совр. Мекран и Белуджистан (парикании и азиатские эфиопы); 400.	?	
XVIII	Матиена (Армения северо-восточная).[1]	Матиены, саспейры и алародии (т. е. хурриты, иберы и урарты); 200.	Киаксар.	Сатрапия выделена из XIII при Дарии I.
XIX	[Понт].	Черноморское побережье восточнее XIII сатрапии (до границ Колхиды)[2] — мосхи, тибарены, макроны, мосинойки и мары; 300.	?	
XX	Индия.	Долина реки Инда и Пенджаб; 360 талантов золотого песку.	Дарий I.	
—	Аравия.	Дани не платила.	Северные арабы были в договорных отношениях с персами.	

[1] Ср. у Гектатея (FGH, I, 1, fragm. 288): «мосхи, колхский народ, соседний с матиенами».

[2] Колхидяне приносили только добровольные дары (Her., III, 97). Мары были соединены в походе Ксеркса на Грецию с колхидянами (Her., VII, 78—79). Они упоминались также у Гекатея. Не смешивать со средневековым армянским термином mar- < парф. māδ- — «мидяне».

за морем»[1]; 7) XVI сатрапии в ней соответствуют четыре сатрапии: Парфия, Арея, Хорезм и Согд; 8) в ней присутствует Аравия, не включенная у Геродота в список сатрапий, так как она не платила налогов.

Сравним данные Геродота и Бехистунской надписи:

У Геродота	В Бехистунской надписи
Иония (I)	Иония (9); «те, которые за морем» (7)
Сарды (II)	Сарды (8)
[Даскилея] (III)	Каппадокия (12)
Киликия (IV)	—
«Сирия» (V), или Ассирия	Ассирия (4)
Египет (VI)	Египет (6)
Саттагидия (VII)	Саттагидия (21)[2]
—	Арахосия (22)
[Элам] (VIII)	Элам (2)
«Ассирия» (IX), или Вавилония	Вавилония (3)
Мидия (X)	Мидия (10)
[Каспиана] (XI)	—
Бактрия (XII)	Бактрия (17)
Западная Армения (XIII)	Армения (11)
[Матиена] (XVIII)	—
[Дрангиана] (XIV)	Дрангиана (14)
[Саки] (XV)	Сака (20)
Парфия, }	Парфия (13)
Арея, } (XVI)	Арея (15)
Хорасмия, }	Хорезм (16)
Согдиана }	Согдиана (18)
Азиатские эфиопы (XVII)	Мака (23)
Южное Причерноморье (XIX)	—
Индия (XX)	Индия[3]
—	Аравия (5)

Иначе говоря, в Бехистунской надписи 521—519 гг. до н. э. нет самоуправлявшихся Киликии и закавказских племен (XI и XIX сатрапий) и присоединенной позже Индии (XX). Возможно, что южнопричерноморская сатрапия (XIX) также была присоединена позже.[4] Сатрапии XIII и XVIII соединены в одну область — Армению.

---

[1] Положение сатрапий «tyay drayahyā» среди западных сатрапий исключает ее отождествление с островами Персидского залива.

[2] В надписи «е» из Персеполя Гандара (Паропанисады) выделена в отдельную сатрапию.

[3] Появляется в более поздних надписях.

[4] Ср.: Pauly — Wissowa, s. v. Satrap, стр. 105. Вероятно, что причерноморские племена самоуправлялись; это верно в отношении колхов и «их соседей» (Her., III, 97), которые, правда, не включены Геродотом в XIX сатрапию, но, может быть, по недосмотру, так как они были объединены с мосхами и другими народами этой сатрапии у Гекатея (? — ср.: FGH, I, 1, fragm. 288) и, частично, в списке войск Ксеркса у самого Геродота (VII, 78—80). Самоуправляющимися были, вероятно, и племена XI сатрапии (Каспианы), см. выше, стр. 339, прим. 3. Возможно, впрочем, что в Бехистунской надписи XI сатрапия включается в Мидию.

Напротив, сатрапия Саттагидия и Арахосия [1], сатрапии Иония и заморская и сатрапии Парфия, Арея, Хорасмия и Согдиана Бехистунской надписи соединены воедино в списке податных округов, относящемся к 500 г., в виде сатрапий I, VII и XVI. Быть может, по каким-нибудь соображениям эти сатрапии в тот момент были объединены, каждая группа в руках какого-либо одного значительного лица.[2] Могли быть и другие, случайные причины объединения этих сатрапий.

По всей вероятности, сатрапиями, прибавленными к первоначальному списку Дария (но еще, конечно, при нем же), являлись XVIII, XIX и XX, причем XIX и XX были созданы на впервые завоеванной территории, а XVIII была выделена из общей сатрапии «Армения». Это выделение, засвидетельствованное также и Ксенофонтом сто лет спустя,[3] не отмечалось в надписях, поскольку они не строго следовали структуре административного деления, указывая нередко не действительные сатрапии, а традиционные «страны»: Армения (или, в вавилонских версиях персидских надписей, «Урашту») оставалась одной «страной», даже и разделенная на две административные области.

Нельзя, конечно, полагать, что границы соответствующих сатрапий Персидской державы в точности совпадали с областями времен Мидийской державы и с ее внешними границами. В некоторых случаях Кир и Дарий успели изменить размежевание. Это достоверно видно на примере Каппадокии. В эту сатрапию (так называемую «Даскилейскую»), в основном созданную при Кире, вошел также кусок территории к востоку от Галиса, принадлежавший еще Мидии, и сатрапия в целом была названа по имени этой территории (ранее, возможно, бывшей одной из областей в составе Армении) — Каппадокией (др.-перс. Katpatuka). То же верно в отношении IV сатрапии: часть ее, именно Северная Месопотамия, принадлежала еще Мидии, и именно по этой части новая кирова сатрапия получила официальное название «Ассирии» (др.-перс. Aϑurā; отсюда греч. Suria — «Сирия»: «Ассирией» греки обычно называли Вавилонию; в Передней Азии IV сатрапию называли «Заречьем», аккадск. Ebēr-nâri, арамейск. 'Ăbar-nahărā).

---

[1] Однако Саттагидия и Арахосия только числились, повидимому, двумя разными «странами» (подобно тому как две сатрапии Армении числились одной страной), а в действительности составляли одну сатрапию. См. ниже, стр. 436, прим. 2.

[2] Например, страны XVI сатрапии — в руках Гистаспа, отца Дария I; см. ниже, стр. 438, прим. 1. Впрочем, в среднеазиатскую часть списка явно вкрались какие-то описки (в частности, и в цифрах?). Позже Парфия, Арея, Хорасмия и Согдиана являлись раздельными административно-политическими единицами. Хорасмия (Хорезм) обычно была при этом, повидимому, самостоятельной. Однако само соединение в руках одного лица именно этих сатрапий могло иметь традиционные основания. Возможно, например, что XVI сатрапия совпадала с древним Хорезмийским государством и зависимыми от него территориями.

[3] См. ниже, стр. 351 и сл.

Так или иначе, в целом можно сказать с некоторой долей уверенности, что Мидийская держава при Астиаге, кроме собственно Мидии (X сатрапии) и Персиды, по единодушному показанию источников бывшей ранее в подчинении у Мидии,[1] но не включенной в геродотов список, поскольку она при Ахеменидах не платила дани, включала сатрапии: XIII вместе с XVIII (Армения), XIV (Дрангиана и, вероятно, уже тогда побережье Кермана и острова Персидского залива), XV (область саков), вероятно, XVII (область «парикаииев и азиатских эфиопов», ныне Мекран и Белуджистан, в то время с темнокожим дравидоязычным населением) и, по крайней мере частично, XVI сатрапию (Парфию и Гирканию — несомненно, Арею — вероятно, Согдиану — возможно, хотя вряд ли целиком, и Хорасмию — едва ли). Сюда надо добавить часть III сатрапии к востоку от реки Галиса и часть IV сатрапии (Северную Месопотамию).

Что нам известно об этих отдельных зависимых от Мидии странах?

1. Персида. По сообщению Бехистунской надписи,[2] подтверждаемому Геродотом,[3] Персидой с VII в. до н. э. (видимо, после занятия этой, бывшей эламской,[4] территории иранскими племенами будущих персов) правил род Ахеменидов, причем после основателя рода, Ахемена (Haχāmaniš), и его сына Теиспа (Čišpiš) — двумя линиями. К первой принадлежали: Кир I (Kūruš), царь Парсумаша, приславший около 639 г. своего сына Арукку [5] в качестве заложника к Ашшурбанапалу,[6] и Камбис I (Ka^{n}būjiya), отец Кира II, основателя Персидской державы. По словам Геродота,[7] Камбис I был женат на Мандане, дочери мидийского царя Астиага. Ко второй линии принадлежали другой сын Теиспа — Ариарамн (Ariyārāmna), его сын — Арсам (Aršāma) и внук — Гистасп (Vištāspa). При восшествии на престол Дария I в 522 г. Арсам и Гистасп были еще живы,[8]

---

[1] Надпись Набонида, № 1, I, 28; NBKI, стр. 20, см. также: Her., I. 102, 124 и сл.

[2] Beh., I, § 1—4.

[3] V, 11. Геродот здесь неудачно соединил воедино два родословия: Дария—Ксеркса и Кира, поэтому Теисп (Чишпиш) упомянут дважды.

[4] Имеется ряд староэламских надписей с территории Фарса; еще и во времена Дария I эламиты имели известную опору в Персиде, что видно из того, что Мартия, выдававший себя за эламского царя (Beh., I, § 22), жил в Персиде. См. также ниже (стр. 436) о Вахьяздате. Однако эламский язык персепольской канцелярии объясняется, как указывает Камерон, не тем, что это был язык местного населения (таковым в Персеполе он уже не был), а отсутствием грамотности у персидских чиновников.

[5] Аккадск. Arukku из др.-перс. *Ar(ya)uka; иранское уменьшительное от какого-то имени типа Aryā-rāmna, с суффиксом -uka, как в случае Dâjaukku<*Dahyauka. Случай употребления суффикса -ukku<*-uka у персов подтверждает, что данный суффикс — иранский и не имеет отношения к хурритскому языку.

[6] E. F. Weidner. Die älteste Nachricht über das persische Königshaus, AfO, VII, 1/2, стр. 1 и сл.

[7] I, 107. Однако Геродот не считает Камбиса I царем. В надписях Кира II он назван царем Аншана, как и Кир I.

[8] E. Herzfeld. Altpersische Inschriften, № 15, строка 16 и сл. (Dar. Sus. f, § 36).

причем Гистасп был при Кире[1] и Камбисе[2] сатрапом Парфии. Правили ли они когда-либо Персидой, и всей или только частью — неизвестно.[3] Часто высказывается предположение о том, что существовало два царства — Анчан[4] и Парса — и что в одном из них царствовала старшая, а в другом младшая линия Ахеменидов. Но следует иметь в виду, что «Анчан» входил в I тысячелетии до н. э. в круг архаических наименований, под которыми могли скрываться новые политико-географические наименования; поэтому в одном и том же тексте «Анчан» и «Парса» могут встретиться также и в одинаковом смысле, как встречаются, например, «Умман-манда» и «Мадай».

Как уже упоминалось, Персида была покорена Мидией, вероятно, при Киаксаре, но сохранила своего царя или царей; они принадлежали к числу «мидийских (т. е. зависимых от Мидии) царей» или «царей-помощников Мидии», которых упоминают древневосточные источники. Страна эта была бедная и отсталая в общественном и экономическом отношениях; в политике Мидии она, повидимому, не играла большой роли, хотя ее царек, если верить Геродоту, и был женат на мидийской царевне.

Царство Парса было меньше по протяжению, чем современная персидская область Фарс: в него входили только три из десяти персидских племен (некоторые из них, впрочем, занимали не Фарс, а Керман и часть центральной области Иранского нагорья и входили, вероятно, в XIV сатрапию).

2. А р м е н и я. Мы уже говорили, что Армянское нагорье было завоевано мидянами, повидимому, еще в последние годы VII в. до н. э., в ходе ассиро-мидийской войны; однако некое царство «Урарту», или «Арарат», упоминается как зависимый от Мидии союзник еще в 593 г. до н. э. С другой стороны, Ксенофонт в «Киропедии» сообщает, что Армения при мидянах была самостоятельным, хотя и зависимым царством. Армения была одной из областей Ахеменидской державы, которую Ксенофонт знал сравнительно хорошо, где в течение некоторого времени его воины проходили мирно, на основе соглашения с местным сатрапом, квартировали у местных жителей, выспрашивали у них разные сведения и где впоследствии было взято некоторое количество пленных и т. п.

---

[1] В качестве сатрапа Парфии и Гиркании Гистасп, вероятно, участвовал в походе Кира на Среднюю Азию (Н е r., I, 209).

[2] Beh., § 35, Н е r., II, 93—94.

[3] Во всяком случае Гистасп никогда не имел царского титула. Однако Дарий I явно причисляет Ариарамна и Арсама к числу восьми своих предшественников — царей-Ахеменидов, правивших в двух линиях. Ср. надписи, изготовленные при одном из поздних Ахеменидов к изображениям (?) Ариарамна и Арсама и составленные от их имен (R. G. K e n t. Old Persian..., стр. 116). В этих надписях Ариарамн и Арсам названы «царями» Парсы.

[4] Эламское z(ṣ), повидимому, читалось, как «ч». В текстах: Anzan, Anšan. Кроме Анчана и Парсы, в Персиде VII в. до н. э. были и другие маленькие царства, например, Худимери. Вероятно, как и в Мидии, правители их потеряли самостоятельность в течение VII—VI вв. и влились в состав персидской родовой знати.

(Anab., IV, 4, 6—22; 5, 28—35). Поэтому он мог здесь получить кое-какие сведения об истории страны из первых рук. Ксенофонт называет в «Киропедии» армянского царевича Тиграном.

По рассказу Ксенофонта в «Киропедии» (II, 4, 12; III, 3, 5), армянский царь, которого он не называет по имени, отказался платить дань и поставлять воинские контингенты царю Мидии (которого Ксенофонт называет Киаксаром, хотя речь может идти, конечно, лишь об Астиаге). Заставить армянского царя подчиниться взялся Кир, бывший одним из военачальников царя Мидии. Проникнув на армянскую территорию под предлогом охоты, он послал к армянскому царю гонца с требованием покорности. Тот пытался укрыться в горах, но при этом его семья и имущество попали в руки воинов Кира; очутившись, в конце концов, в безвыходном положении, армянский царь сдался. Допрошенный Киром, он признался, что когда был побежден отцом нынешнего мидийского царя, он поклялся доставлять мидянам дань и воинские контингенты и что теперь заслуживает наказания. Но благодаря заступничеству Тиграна, сына армянского царя и друга Кира, дело закончилось примирением, и Кир ограничился лишь занятием некоторых опорных крепостей в Армении. Затем Кир помог армянам в их войне с халдайцами,[1] добился прочного мира между ними и благодаря этому смог забрать от обоих народов более крупные воинские контингенты для нужд Мидийского царства, чем предполагалось. Впоследствии царевич Тигран и его армянские воины неизменно участвовали в военных походах, ведшихся Киром на благо Мидийского царства, пока, наконец, бездетный мидийский царь не передал из благодарности своего царства Киру.

Весь этот рассказ, полный «благородных» чувств и дидактических вымыслов, не имеет большой цены для историка, и вряд ли мы обратили бы на него особенное внимание, если бы не неожиданное подтверждение, которое известные черты этого рассказа получают в повествовании раннесредневекового армянского историка Моисея Хоренского.

Моисей Хоренский (по Мар Абас Катине) рассказывает древнейшую историю Армении, стараясь согласовать библейские легенды, известия ранневизантийских историков и армянские, а отчасти и зороастрийско-сасанидские предания. При этом канву его повествования дают, по преимуществу, ранневизантийские историки.

Существование Урарту осталось неизвестным Моисею Хоренскому. Вкратце в его изложении древнейшая история Армении имеет такой вид: во времена правления Бела [2] в Вавилоне от него отложился Хайк (эпоним армянского или хайского народа), якобы сын библейского Торгома (Тогармы) и потомок библейского Яфета. Хайк со своими людьми удалился в «Араратскую землю». Далее перечисляется ряд потомков Хайка — эпо-

[1] Халдайцы или халибы (не смешивать с халдеями!) — небольшой народ в восточной Малой Азии, вероятно, картвельской языковой принадлежности.

[2] Превращение вавилонского бога Бела в царя восходит к Ктесию.

нимов отдельных местностей и родов древней Армении. Много места уделено подвигам мифического Арама, якобы победившего некоего Ниукара Мадеса (?)[1] и покорившего Ассирию. Сын Арама Арай погиб в войне с Семирамидой (Шамирам), которой Моисей Хоренский приписывает все сохранившиеся до его времени урартские сооружения. Сама Семирамида была будто бы изгнана из своего царства мидянином [2] «магом Зрадаштом» (повидимому, отголосок сообщения Ктесия о войне Нина и Семирамиды с бактрийским царем Оксиартом, Заортом или «Зороастром»).[3] После этого Моисей Хоренский параллельно перечисляет родословия библейских патриархов от Авраама, «халдейских» (ассирийских) царей от сына Нина и Семирамиды (по Евсевию, сообщение которого восходит здесь к Ктесию) и армянских патриархов от Ары Прекрасного, сына Арая. Последние два списка — ассирийских царей и армянских патриархов — оканчиваются соответственно Сарданапалом и Скайорди («сыном Сака»). О сыне Скайорди, Паруйре, Моисей Хоренский сообщает, что он «получил немалую помощь от мидянина Варбака и отнял у Сарданапала его царство» (I, 21). О «Варбаке» (Арбаке) Моисей Хоренский рассказывает ктесиевскую версию, прибавляя лишь, что он привлек на свою сторону Паруйра, обещав ему царское звание, которое его предки — армянские патриархи, начиная с Хайка — не носили. Мы уже упоминали, что Г. А. Капанцян, Б. Б. Пиотровский и ряд других исследователей склонны отождествлять Паруйра с Партатуа (Прототием), царем скифов, и полагают, что где-то на территории Армянского нагорья образовалось небольшое армяно-скифское царство.

Далее Моисей опять дает два параллельных списка — мидийских и армянских царей. Первый список представляет восходящее к Евсевию смешение двух традиций: ктесиевой и геродотовой. Он гласит:

Варбакис (ср. у Ктесия — Arbakēs)
Модакис (ср. у Ктесия — Mandaukēs)
Артикис (ср. у Ктесия — Artukas)
Деовкис (ср. у Геродота — Dēiokēs)
П'равортис (ср. у Геродота — Phraortēs)
Квакс (ср. у Геродота — Kuēksarēs)
Аждахак (ср. у Геродота — Astuagēs).

Геродотовы Дейок, Фраорт, Киаксар и Астиаг вытеснили здесь ктесиевых царей после Артика в результате попытки согласовать рассказы обоих столь расходящихся между собой источников.

Список армянских царей гласит:

Рачяй (Hračeaj)	П'авос
П'арпуас	Хайкак II
Пачуйч	Еруанд Кратковечный
Корнак	Тигран (I).

[1] Ср. греч. mēdos — «мидянин»(??).
[2] Здесь и ниже — армянская форма слова «мидянин» — mar-.
[3] См.: D i o d., II, 6, 2.

Некоторые из этих имен бесспорно иранские, например, П'арнуас (Farnavāza), Еруанд (Arvant- или Harvanta-) и Тигран (от tiγra-).[1] С них начинается проникновение иранского репертуара имен в армяноязычную среду.[2]

Армянский историк уделяет много места рассказу о Тигране, сыне Еруанда, ссылаясь при этом отчасти и на древнеармянские эпические песнопения. По его сообщению, Тигран был союзником «Аждахака», царя мидян, но в то же время был в дружбе с Киром персидским. Желая привязать Тиграна к себе, «Аждахак» взял за себя сестру Тиграна, Тигрануи. Затем он вызвал к себе Тиграна, якобы для переговоров, с намерением погубить его. Но Тигран во главе армян, иберов и албанов двинулся войной на «Аждахака» и после пятимесячной войны собственноручно убил своего противника в бою, после чего увез Тигрануи к себе, а другую жену Аждахака, Ануйш, вместе с мидийскими пленными числом более 10 000, выселил и поселил «за восточным хребтом великой горы» (Арарата) до крепости Нахчавана (Нахичевани).[3] Воспоминания о «марах» (мидянах) в этом районе сохранились, по словам Моисея Хоренского, в местных эпических песнях, что он считает подтверждением своего рассказа.

Указав на то, что Тигран действовал в союзе с Киром и с его согласия, Моисей Хоренский перечисляет затем потомков Тиграна до времен македонского завоевания, а именно, называет следующие имена: Баб, Тиран, Вахагн,[4] Араван, Нерсе(х), Заре(х), Армог, Багам, Ван, Вахе. По крайней мере, часть из этих имен — иранская, при этом столь позднего облика, что они не могут быть старше первых веков нашей эры.

Несмотря на явную легендарность рассказа, где самое имя «Аждахак», т. е. «дракон», взято из зороастрийской мифологии, трудно свести этот рассказ к заимствованию из каких-либо западных источников; с повествованием Ксенофонта в «Киропедии» рассказ Моисея Хоренского связывается только именем Тиграна и сообщением о его дружбе с Киром, что армянский историк легко мог почерпнуть у кого-либо из византийских авторов.

Делая скидку на долю прямых домыслов, которые, вероятно, содержатся в этом рассказе Моисея Хоренского или его источников, все же, кажется, следует признать, что совпадение с данными «Киропедии» является не случайным. Можно допустить, что в эпических сказаниях армян еще во времена Моисея Хоренского сохранялись воспоминания,

---

[1] Это имя встречается в роде Ахеменидов, например: Her., VII, 62 и др.

[2] Впрочем, и самый иранский язык имел в древней Армении некоторое, хотя, конечно, очень ограниченное, распространение.

[3] Моисей Хоренский. История Армении, I, 30. Эти «мары» долины Аракса, возможно, тождественны, как думает С. Т. Еремян, с матиенами Геродота.

[4] Это иранское божество Веретрагна, Varhraγn при парфянах; Моисей Хоренский приводит отрывок из культовой песни в его честь.

во-первых, о союзе армянских царей (во времена организации первого Армянского царства) с какими-то иноземцами, более или менее правильно отождествленными Моисеем Хоренским или его источником с мидянами;[1] во-вторых, о войне Тиграна с «Аждахаком»;[2] в-третьих, о древних мидийских поселениях в долине Аракса.

Поэтому кажется возможным, что в Армении в мидийское время действительно существовала не сатрапия, а свое, зависимое от Мидии царство; создание Армянского царства на месте[3] Урартского можно поставить в связь с деятельностью Киаксара и мидян, в союзе с которыми против Ассирии и Урарту, быть может, выступал и армянский или армяно-скифский вождь, именуемый Моисеем Хоренским «Паруйром, сыном Скайорди». В этой связи можно поставить вопрос о том, имеет ли в виду Иеремия собственно Урартское или же Армянское царство, когда он под 593 г. упоминает вместе с царствами Манны и Скифским также царство «Арарат»? Вспомним, что армянские сатрапии продолжали и у вавилонян называться «Урарту» (точнее Urašṭu—читай *Oralṭ), хотя сами персы их называли Armina. Конечно, воевать с Лидией, имея в тылу самостоятельное царство, должно было быть опасным для мидян; но если это было царство их союзников, чье самое существование было обязано совместным усилиям обоих народов в ассиро-мидийской войне, тогда на дело, пожалуй, можно было смотреть и иначе.

Какова могла быть дальнейшая судьба этого гипотетического древнейшего Армянского царства? Хотя Тигран I, как выходит по Ксенофонту, подобно мидийской знати, выступил на стороне Кира, однако, непохоже, чтобы его царство, если оно не принадлежит легенде, продолжало существовать при Кире. В той же «Киропедии» Ксенофонт говорит, что Кир назначил сатрапом в Армению, Мидию и страну кадусиев своего сына Танаоксара (=Бардию: X e n. Cyrop., VIII, 7, 11). По Геродоту (III, 93—94; VII, 73), в Армении при Дарии было уже две сатрапии;[4] во время похода Ксеркса на Грецию армениями (западными?) вместе с фригийцами

---

[1] О том, чтобы армянская традиция прямо сохранила здесь от древности имя мидян, не может быть и речи, так как термин mar-, употребляемый здесь, как уже не раз указывалось, парфянского происхождения.

[2] Это — легенда, в которой отчасти отразился общий для многих народов миф о борьбе народного героя с захватчиком-драконом, — так, у иранцев в этой роли победителя «Аждахака» выступает Феридун, — а отчасти, быть может, и реальное участие царя армян Тиграна в союзе с Киром, — если только последний момент не почерпнут Моисеем Хоренским у греческих историков, зависимых от Ксенофонта.

[3] Возможно, что оно создалось не на месте Урарту, а наряду с ним. Впоследствии, при Ахеменидах, как мы видели, Армянское нагорье делилось на две сатрапии — западную и восточную, что, повидимому, примерно соответствовало расселению армян, с одной стороны, и урартов-алародиев и отчасти матиенов, с другой.

[4] Однако обе сатрапии считались частями о д н о й страны, что видно из упоминания только одной страны «Армина (Урашту)» во всех надписях Ахеменидов, а также у Арриана (Anab., III, 8, 5) и многих других греческих авторов.

командовал муж сестры Ксеркса, Артохм. На грани V и IV в. в Армении продолжало существовать две сатрапии, которыми правили Тирибаз (западной) и зять царя персов, Оронт (восточной Арменией);[1] точно такое же положение вещей существовало при последнем ахеменидском царе, Дарии III, когда сатрапами двух Армений были Митрауст и Оронт.[2]

Таким образом, начиная со времени Кира, царства в Армении уже не было, хотя не исключена возможность, что род сатрапов восточной Армении был связан с родом, правившим Арменией при мидянах, на что может указывать распространение в этом роде имени Оронта-Еруанда, перекликающегося с именем Еруанда, отца Тиграна, у Моисея Хоренского. Многие из сатрапов Армении были в родстве или свойстве с царями-Ахеменидами. По данным Страбона, последний Оронт был потомком Видарны, одного из семи персов-соратников Дария I, — может быть, в действительности, потомком по женской линии?

Таким образом, если при мидянах в результате совместного уничтожения Урартского царства мидянами и армянами, возможно, возникло самостоятельное Армянское царство, то персы во всяком случае уничтожили его; однако возможно и то, что Арменией продолжали и при Ахеменидах, в качестве сатрапов последних, править представители персизованного армянского знатного рода, быть может, состоявшие в родстве с бывшими правителями Армении при мидянах, равно как и со знатными персидскими домами.

Сатрапская династия Оронтов сидела при Ахеменидах в восточной Армении (в XVIII сатрапии, земле матиенов-хурритов, саспейров-иберов и алародиев-урартов; однако, как показывает само название, здесь жили уже и армении); в западной же Армении, где обитали «армении и их соседи» (Her., III, 93), среди которых мы знаем халибов-халдайцев, таохов, гесперитов-саспейров и фасианов (Xen. Anab., IV, 4, 18; VII, 8, 25 и др.; почти все эти «соседи армениев» — повидимому, картвельские племена) правили сатрапы из другого рода. Но Армянское царство, как оно описано у Ксенофонта в «Киропедии», должно было охватывать всю или почти всю Армению, а не одну лишь ее половину, так как граничило на востоке с Мидией, а на западе с халдайцами, жившими в Понтийских горах.[3] Это подтверждается и тем, что XVIII сатрапия, как впервые лишь при Дарии выделенная из Армении, в геродотовом списке объединена по своему месту с дариевыми же XIX (понтийской) и XX (индийской) сатрапиями и оторвана от XIII сатрапии, составлявшей, очевидно,

[1] Имя Оронт — то же, что Еруанд: Xen. Anab., II, 4, 8; III, 5, 17; IV, 3, 4; 4,4 и сл.; VII, 8, 25 и др.

[2] Оронт II правил в Армении еще и в 316 г., см.: Diod., XIX, 23, 3; Strabo. XII, 14, 15. Сам Дарий III был при предыдущем царе Артаксерксе III сатрапом Армении, — вероятно, западной, как предшественник Митрауста (Just., X, 3).

[3] Халибы-халдайцы, возможно, не были покорены Мидией, если верить Геродоту или, скорее, его интерполятору, относящему халибов к царству Креза, царя Лидии (Her., I, 28).

ядро старой единой Армении мидийского времени. По всей вероятности, и Каппадокией до реки Галиса мидийские цари управляли не непосредственно, а через армянских правителей, чем и объясняется, что Каппадокия (III сатрапия), выделенная из армянских зависимых областей и соединенная с другими областями центральной Малой Азии, попала по месту в число сатрапий Кира, а не Киаксара-Астиага.

3. Ассирия. Часть ассирийской территории, как указывалось, была включена непосредственно в Мидию. К 556 г. (времени вступления Набонида на престол Вавилонии) в руках мидян был Харран в Северной Месопотамии, и некоторые исследователи (в том числе Б. А. Тураев и И. Алиев) предполагают, что они захватили его по смерти Навуходоносора II. Действительно, у нас есть смутное указание на кратковременный вавилоно-мидийский конфликт при царе Нериглиссаре (Нергалшаррусуре, 561—556 гг. до н. э.);[1] но вероятнее, что мидяне получили Харран и вообще Северную Месопотамию при дележе ассирийского наследства; есть указание[2] на то, что они владели им 54 года (т. е. с 607/06 по 553/52 или с 610/09 по 556/55 г.). Поэтому после покорения Лидии Кир II смог совершить поход в Малую Азию через равнины Месопотамии, минуя вавилонскую территорию, даже после того, как Вавилония вернула себе Харран: но это означает, что Северная Месопотамия вообще была мидийской.[3] Иначе получалось бы, что раздел был произведен очень неровно, в ущерб Мидии, которая получала бы при этом предположении из территорий Ассирийской державы только горные провинции западной Мидии и разоренную коренную ассирийскую территорию, что явно не было бы сообразно с сыгранной мидянами ролью и реальным соотношением сил. Самый факт разграбления Харрана одними вавилонянами, но не мидянами[4] (о чем уже говорилось выше, стр. 315), указывает на то, что город и территория достались другому союзнику, так как таков был обычай союзных отношений на Древнем Востоке при дележе добычи.

4. Элам. Положение его после разгрома Ассирии неясно. Область Аншан, как уже указывалось, управлялась, возможно, персидскими царьками. Вавилонские цари, предшественники Набонида, владели Сузами и вели там строительство. Элам был превращен в сатрапию, вероятно, впервые при Кире II.[5]

---

[1] Надпись Набонида, № 8, IV, 14—33 (NBKI). Речь идет о возвращении Нериглиссаром статуи, похищенной в свое время «кутиями», из Аррапхи. Однако возможно, что речь идет о кутиях III тысячелетия до н. э.

[2] NBKI, стр. 220 и сл., I, 37—II, 25; стр. 284 и сл., X, 12.

[3] Хроника Набонида: S. Smith. Babylonian Historical Texts. London, 1924, стр. 112, II, 15—16.

[4] Так по Хронике, несмотря на противоположное утверждение позднейшей надписи Набонида.

[5] На независимость «царей» Элама при мидянах указывает, повидимому, довольно темный текст «Книги Иеремии» (Jer., XXV, 25). Может быть, имеются ввиду Аншан,

5. Д р а н г и а н а и т. п. Согласно Геродоту, в эту (XIV) сатрапию входили: полуперсидское, полумидийское племя сагартиев в центральном Иране; саранги (правильнее, заранги или дранги, др.-мид. zraⁿka-), жившие на территории современного Сеистана, на границе Ирана и Афганистана, у озера Хамун; таманаи — примыкавшие, как свидетельствует Геродот (III, 117,) к территории парфян и сарангов; утии (может быть, жители восточноперсидской или, точнее, карманской области Yautiyā-?) и мики (mukoi, может быть, maka древнеперсидских надписей, в современном Мекране?). Таким образом, эта сатрапия занимала территорию современного юго-восточного Ирана (области Сеистан, Керман, частично Мекран) и западного Афганистана (до линии Герат-Кандахар).

Области эти принадлежали к наиболее бедным, с наиболее отсталым населением, несомненно не достигшим еще уровня классового общества. Как можно себе представить, отдельные мидийские, а позже — персидские гарнизоны лишь с трудом собирали здесь дань с первобытно-общинных скотоводческих племен, фактически независимых — отчасти вроде того, как это происходило в центральной Мидии конца VIII—начала VII в. По всей вероятности, такое непрочное покорение этих племен следует отнести не позже, чем к началу царствования Киаксара.

6. П а р ф и я и Г и р к а н и я. Парфия, как уже указывалось, была первоначально не более как «окраиной» Мидии; ряд областей, впоследствии парфянских (например, Хоарена, Комисена), были чисто мидийскими. Еще ассирийские цари пытались распространить свою власть на Парфию, и нет сомнения, что мидийские цари очень рано — вероятно, еще при Хшатрите — овладели этой территорией. Что касается Гиркании, т. е. юго-восточного каспийского побережья и долин рек Гургена и Атрека, то при первых Ахеменидах она входила в Парфию; Ксенофонт в «Киропедии» уверяет, что при мидянах она была самостоятельной (делая при этом грубейшую ошибку в описании ее местоположения), но, по Ктесию, это было не так (у Ктесия именно эта страна, видимо, называется «Барканией», из др.-перс. Varkāna; ср. авест. Vəhrkāna — «волчья страна»). В данном случае, надо думать, прав Ктесий. По Николаю Дамасскому (сообщение которого, очевидно, также восходит ко Ктесию), сатрапом Гиркании при Астиаге был некто Атрасир,[1] впоследствии приближенный Камбиса II (Ктесий у Фотия). По Геродоту (III, 117), гиркании вместе с таманаями, парфянами, ареями и хорасмиями участвовали до персидского владычества на договорных началах в использовании вод реки Ак, под которым, повидимому, следует понимать Теджен-Герируд. В этом они могли участвовать, только составляя единое

Худимери и т. п.? Дата текста — 604 г. Независимой в это время считал «Сузиану» и Ксенофонт в «Киропедии», хотя полагаться на это последнее свидетельство, конечно, нельзя.]

[1] FGH, II A, № 90, fragm. 66. Обобщение это недостоверно, так как имя «Артасир» взято Ктесием от одного из его современников.

целое с парфянами, так как вовсе не граничили с долиной Теджена (в отличие от остальных четырех племенных групп); вероятно, они с парфянами входили в один племенной союз.[1]

7. Арея, Хорезм, Согдиана. То, что Арея (Haraiva, долина Теджена-Герируда) была подчинена Мидии, видно из того, что, не будь этого, Кир II не мог бы вести свою войну с Бактрией, которую специально упоминают и Геродот (I, 153), и Ктесий.[2] Повидимому, мидяне приобрели гегемонию над всем союзом, пользовавшимся водами Теджена, — скорее всего не ранее, чем при Киаксаре. В этом могло заключаться и «верховенство» Мидии над Хорезмом,[3] по всей вероятности, чисто номинальное, потому что и при наиболее могущественных из Ахеменидов Хорезм был практически самостоятелен. Завоевание Согдианы Киром не упоминается источниками, и поэтому вполне вероятно, что в эту область действительно начали проникновение еще мидяне. Происходило ли это проникновение через Хорезм или через Маргиану (Мервский оазис, относившийся обычно уже к Бактрии) — сказать трудно. По Ктесию, Бактрия состояла со времени ассиро-мидийской войны в союзе с Мидией, в то время как ранее ее царь Оксиарт (или Заорт — Зороастр?) был подчинен якобы еще ассирийской царице Семирамиде.

Проводимые в настоящее время обширные советские раскопочные работы в Парфии, Маргиане, Бактрии, Согдиане и Хорезме несомненно прольют свет на поднятые здесь вопросы.

Некоторые из этих областей (в особенности Бактрия, т. е. нынешний южный Таджикистан и северный Афганистан) по своему развитию мало или совсем не уступали Мидии.[4]

---

[1] По мнению Маркварта, которому следуют С. П. Толстов, В. Б. Хеннинг и другие, совместное использование вод Акеса восходит к периоду хорезмийского владычества в западной Средней Азии. Это, скорее всего, период VII—начала VI в. до н. э.

[2] Photius, cod. LXXII, л. 106, 2.

[3] Предположение о наличии такого верховенства основано исключительно на включении Хорезма в XVI сатрапию, явно мидийскую по времени происхождения. Но следует учесть, что XVI сатрапия Геродота — результат временного слияния нескольких сатрапий; «мидийский» номер она могла получить по Парфии и Арее, но это не значит, что также и Хорезм и Согдиана, влитые позже в эту же сатрапию, были областями, подчинившимися Мидии. В отношении Хорезма самое большее, что можно предположить, это — что хорезмийцы уплачивали что-либо Мидии за пользование водами Ака; однако Теджен лежал настолько в отдалении от собственно хорезмийской территории, что не мог иметь для Хорезма в целом большого значения; поэтому такая уплата, если она существовала, могла быть лишь самой ничтожной и не могла повлечь за собой действительного подчинения Хорезма Мидии.

[4] Не исключена возможность, что в Бактрию проникали уже ассирийские агенты. До нас дошел из ассирийского царского архива обрывок письма следующего содержания: автор письма, вавилонянин и агент ассирийского царя, сообщает, что он добыл лазурит, но его не выпускают из страны с этим грузом. Он пишет, что ассирийский царь сможет получить требуемый ему лазурит, если пришлет за ним вооруженные силы, но предупреждает, что сам он, из боязни перед местными жителями (или вла-

8. Саки и каспии. Местоположение геродотовой XV сатрапии толкуется различно. Можно было бы искать ее в Закавказье, связывая саков с Сакасеной, где, по Страбону (XI, 8, 4), осели именно сакские кочевые племена и которая находилась, повидимому, в долине Куры, близ Кировабада. На это, казалось бы, указывает и имя каспиев, обычно локализуемых на побережье Каспийского моря, южнее Апшеронского полуострова. Как известно, акад. В. В. Струве отождествляет с саками Сакасены противников Дария I, восставших, согласно Бехистунской надписи, в Армении.[1] Акад. В. В. Струве указывает на неорганизованность повстанцев, поскольку Дарий не упоминает у них определенного вождя, на их подвижность, выразившуюся в том, что они сражались с персами не только в Армении, но и в Месопотамии, на то, что они нигде не названы армянами, и на враждебное отношение к ним местного населения, отразившееся в большом количестве взятых персами пленных. Все это и заставляет его видеть в этих повстанцах не местных жителей — урартов и армян, — а саков.

Однако против этой гипотезы акад. В. В. Струве можно выставить ряд контрдоводов. Отсутствие упоминания единого вождя повстанцев[2] не обязательно рассматривать как свидетельство их неорганизованности: это предположение опровергается уже самой длительностью их сопротивления и имевшимися у них успехами; наступление повстанцев в Месопотамию следует, по нашему мнению, рассматривать именно как результат крупных успехов повстанцев, а не как свидетельство об их особой подвижности, тем более что расстояние от Армении до Исаллы в Месопотамии, где произошло сражение, невелико. То, что они не названы армянами — понятно, так как из Геродота мы знаем, что в Армении того времени жили по крайней мере четыре разные этнические группы; наконец, число пленных — недостаточное свидетельство враждебного якобы отношения местных жителей к повстанцам. И a priori вероятнее, что отстаивать столь энергично страну от иноземных завоевателей должны были местные жители, а не пришлые кочевники. Но даже если бы это были кочевники, нет необходимости видеть в них саков; это могли быть и скифы-шкуда, ортокорибантии северного Азербайджана. Другое дело, что для персов и шкуда, или ортокорибантии, конечно, были «саками».

Но скифы Закавказья, повидимому, уже упомянуты в списке Геродота — в X сатрапии, под названием ортокорибантиев. Поэтому нам ка-

---

стями?), не будет признаваться в связях с людьми ассирийского царя. Так как древневосточный лазурит добывался только в Бактрии (в Бадахшане), то напрашивается вывод, что автор письма находится в Бактрии, причем эта страна оказывается довольно могущественной. Отрывок издан: HABL, 1240; АВИУ, № 50, 41ж, стр. 355 и сл.; Олмстед (A. T. E. Olmstead. History of Assyria, New York—London, 1923, стр. 364) почему-то считает, что это письмо царя Шубрии на Армянском нагорье.

[1] Beh., I, § 26—30.

[2] Быть может, как полагает, например, Кент, они подчинялись мидийскому повстанцу Фравартишу.

жется более вероятным видеть в саках XV сатрапии среднеазиатских саков — сатрапию Sakā Бехистунской надписи, положение которой в списке между Гандарой и Саттагидией явно указывает на ее среднеазиатское местонахождение.

Кочевых племен, именуемых «саками», в Средней Азии было очень много; для того чтобы выяснить, что имеется в виду под «саками» в данном случае, необходимо выяснить, что здесь имеется в виду под «каспиями».

Античные источники [1] знают страну Каспию между Бактрией и Серикой (Китаем); этих восточных каспиев отождествляют с предками современных жителей Кафиристана и Читраля, к югу от хребта Гиндукуш, на границе Афганистана и Индии, где до сих пор сохранился неиндоевропейский язык.[2] Однако трудно представить себе, чтобы эти горцы были бы покорены уже мидянами, да и персам они должны были подчиняться так же мало, как почти всем позднейшим завоевателям. Непонятно также, почему они объединены в одну провинцию именно с кочевниками-саками, поскольку маловероятно, чтобы из всех саков лишь самые восточные, примыкавшие территориально к Памиру и Гиндукушу, подчинялись Ахеменидам. Между тем, у нас имеется ряд данных о зависимости от персов прикаспийских саков. Не могли ли называться «каспиями» также и жители восточного побережья Каспийского моря? На это, как будто, есть указания.[3]

Впрочем, учитывая то обстоятельство, что многие из подчиненных Мидии народов, возможно, добровольно примкнули к мидянам с целью участвовать в разгроме Ассирии, нет ничего абсолютно невероятного в том, что к ним могли примкнуть и племена, довольно отдаленные по месту своего обитания.

Так или иначе, вопрос о XV сатрапии пока приходится считать открытым.

9. Азиатские эфиопы и парикании. Речь идет о неиранском, преимущественно дравидическом населении частью лесистой, частью степной полосы тропического побережья Индийского океана — современных Мекрана (в Иране) и Белуджистана (в Пакистане). Новейшие раскопки в этих районах показывают, что прибрежное население обладало древней культурой, связанной, вероятно, с культурой создателей Мохенджо-Даро, Хараппы и других центров протоиндийской цивилизации. Ни о покорении этой страны мидянами, ни о возможном характере их владычества мы ничего сказать не можем.

В целом мы видим, что за пределами собственно Мидийского царства (в том его объеме, как оно сложилось к концу правления Киаксара, т. е.

---

[1] Ptol. Tetrab. Synt. 2.

[2] Геррманн (Pauly—Wissowa, s. v. Kaspioi) относит к этим каспиям и описание одежды, данное у Геродота (VII, 67).

[3] Ср. стр. 447, прим. 5.

с включением Маннны и Скифского царства, Сиромидии и т. п.) были в основном расположены самоуправляющиеся царства и полусамостоятельные племена. Таким же в общих чертах оставался характер администрации, по всей вероятности, и сразу после падения Мидийской державы — при Кире, и лишь Дарий, как указывает Геродот (III, 89), ввел более четкий и строгий порядок администрации с определенной системой сатрапий.

Однако сама должность сатрапа существовала уже в Мидии. На это указывает самый термин, заимствованный во все древние языки, кроме эламского, не в персидской форме (как эламск. šakšapamana из др.-перс. χšaçapāvan-), а в мидийской (греч. satrapēs, арамейск. 'ăḫašdarpānā, ликийск. kssadrapa из мид. *χšaϑrapān-).[1] По всей вероятности, сатрапы управляли некоторыми областями, непосредственно подчиненными мидийскому царю, а в некоторых случаях, быть может, и областями, сохранявшими местных правителей, как это имело место в Ассирии IX в. и, по-видимому, в Урарту.

Административное устройство Мидийской державы было, вероятно, как позже устройство Персидской, дальнейшим развитием ассиро-урартской системы. Полномочия персидских сатрапов, возглавлявших собственно администрацию, суд, финансы, производивших сборы в ополчение и на повинности в своей области,[2] были аналогичны полномочиям ассирийских областеначальников (bêl peḫâte, peḫâtu), и по-арамейски, например, они и обозначались тем же термином (pəḥāṭā). Разница состояла лишь в том, что сатрапии были значительно больше ассирийских областей, а сатрапы, соответственно этому, могли стать более могущественными и независимыми. Промежуточным звеном между ассирийскими областеначальниками и персидскими сатрапами и являлись мидийские сатрапы.

[1] Также в парфянских текстах из Нисы HŠTRP.

[2] См.: Pauly—Wissowa, s. v. Satrap.

Глава VI

ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА МИДИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Подобно тому как в истории Мидийского государства следует отличать два периода — до образования великой Мидийской державы и после него, — так и в истории мидийской культуры можно различать два периода

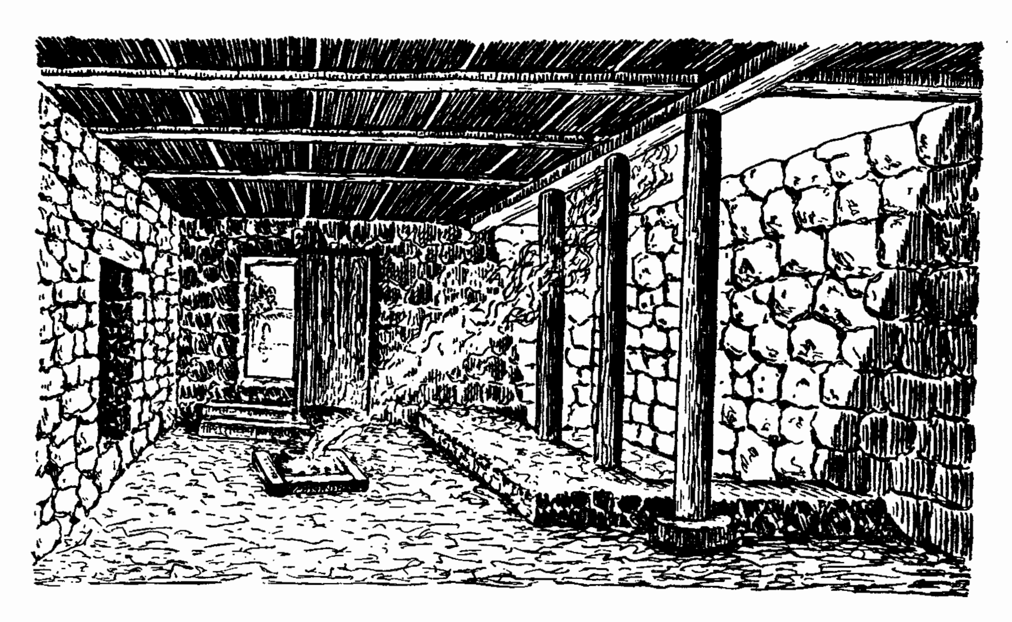

Рис. 61. Одна из предположительных реконструкций внутреннего вида двора дома в урартском городе Теишебаини (помещение № 1—48). Реконструкция В. С. Сорокина. По другой реконструкции, крытой являлась правая часть двора.

То немногое, что мы знаем о культуре Мидии, делится на две группы фактов — одну, относящуюся к ранней Мидии, до установления господства религии магов, и вторую, относящуюся к Мидии времен магов. Грань между ними проходит, видимо, в конце VII в. до н. э.

История культуры населения территории Мидии (в широком смысле) в начале I тысячелетия была прямым продолжением предшествующего

периода, который был рассмотрен нами также и с точки зрения культуры в главе I. Сведения о материальной культуре VII — VI вв. у нас далеко не полны.

1. Некоторые данные о материальной культуре Мидии

Выше (стр. 185 и сл.) уже описывались характерные типы поселений начала I тысячелетия — родовые и соседские поселения — крепости. Мидийское жилище, сооружавшееся из сырцового кирпича, полностью не было еще ни разу раскопано, но вероятно, что оно уже тогда имело характерную и для позднейшего времени структуру, воспроизводимую древнейшими скальными гробницами, а именно, это было одноэтажное прямоугольное здание, по большей части с плоской крышей, с навесом по фасаду, покоившимся на деревянных столбах (или колоннах). Подобный тип жилища был широко распространен в горных районах Передней Азии.[1]

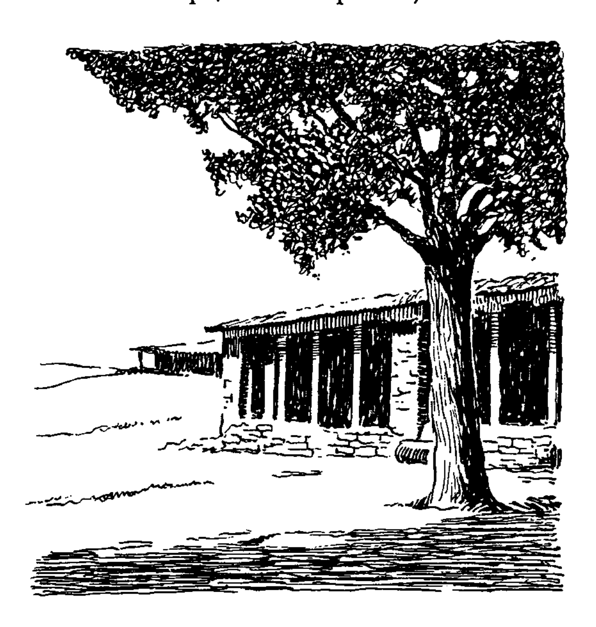

Рис. 62. Современная сельская постройка в Иранском Азербайджане.

В быту население западных окраин (гор Загроса) было, повидимому, в значительной мере вавилонизовано. Это касается, например, одежды.[2] По восточную сторону гор была распространена одежда, известная нам еще по луллубеям III тысячелетия. Поверх туники (рубашки с короткими рукавами, доходившей до колен) прикреплялась на левом плече и иногда

[1] Мидийские скальные гробницы, воспроизводящие этот тип дома — Дукан-и Дауд около Сарипуля, и Сехнэ в западной Мидии, а также некоторые другие. См.: E. Herzfeld. 1) Archaeological History of Iran. London, 1935, стр. 30 и сл.; 2) Iran in the Ancien East. London, 1941, стр. 201 и сл. Ср. также жилые дома в Тейшебаини (Кармир-блуре): В. С. Сорокин. Раскопки древнего поселения (в кн.: Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, II. Результаты раскопок 1949—1950. Ереван, 1952, стр. 79 и сл.) и ср. наш рис. 61.

[2] По крайней мере на ассирийских рельефах IX в. до н. э., в числе которых несомненно есть и изображающие походы на Замуа, характерной луллубейско-мидийской одежды мне не известно. В Гильзане, на западном берегу озера Урмии, и отчасти в Манне одежда была сходна с сирийской (судя по изображениям на «Черном обелиске» Салманасара III, а также на вещах из Зивие). Ср. вавилонскую одежду на маннейских ситулах.

пропускалась под пояс шкура: у людей зажиточных это была шкура барса, у бедняков — овчина. В этой одежде ходили как маннеи и другие племена вне мидийского союза, так и собственно мидяне. Обычай носить на одном плече овчину сохранился у горных пастухов Азербайджана по сей день. Волосы подвязывались красной лентой, борода подстригалась.[1] Ассирийские изображения не дают нам воспроизведения характерной для жителей Мидии высокой войлочной шапки — «тиары», но поскольку она засвидетельствована и для III тысячелетия [2], и для времен

Рис. 63. Часть бронзовой обшивки чана с изображением маннеев или гильзанцев. Клад из Зивие (Манна). VIII (?) в. до н. э.

Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), нет сомнения, что она продолжала бытовать и в рассматриваемое время. Характерной обувью были мягкие башмаки с загнутыми носками.

Греки уже совершенно не знают этой одежды у мидян и приписывают ее только каспиям, а называют «мидийской одеждой» иную, отличную от засвидетельствованной ассирийскими изображениями. Это широкая рубаха («сарапис») с длинными рукавами и широкие складчатые шаровары — по существу, подоткнутый между ногами подол длинной одежды,[3] а также короткий, пестротканный или вышитый разноцветный халат

---

[1] См. многочисленные изображения маннеев и мидян (в том числе — при осаде Хархара, Кишессу и т. д.) во дворце Саргона II в Дур-Шаррукине (Хорсабаде): E. Botta et E. Flandin. Monument de Ninive, I—II. Paris, 1849. Употребителен был также колпак со свисающим на бок верхом — там же, во многих местах, а также см. на металлическом чане из Зивие (рис. 63). Ср.: A. Godard. Le Trésor de Ziwiyé. Haarlem, 1950, рис. 5.

[2] См. выше, стр. 103—104.

[3] См. изображение мидийских и персидских воинов на рельефах персепольского дворца. E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. pl. LXXV (передние фигуры) и LXXVI (четные фигуры).

из шерстяной материи.[1] К этому типу одежды носили также капюшон на голове.[2] Это, повидимому, была одежда конников-аризантов (не случайно в ней много общего с одеждой скифов), и у коренного населения западной и центральной Мидии первой половины I тысячелетия до н. э. она не употреблялась. Однако она рано вошла в употребление на востоке страны, что видно по одной раннемидийской печати из некрополя «В» на Тепе-Сиялке, где изображен всадник, сидящий в «мидийских»

Рис. 64. Одежды жителей Мидии. Слева направо: голова пленного с рельефа Анубанини (III тысячелетие до н. э.); знатный мидянин с рельефа в Персеполе (VI—V в. до н. э.); луллубей со стелы Нарам-Суэна (III тысячелетие до н. э.): мидянин с рельефа в Дур-Шаррукине (VIII в. до н. э.).

шароварах на лошади (рис. 26).[3] Это одежда, повидимому, распространилась по всей Мидии в VII в. вместе с религией восточномидийских племен и официальным иранским языком.[4] В VI в. ее восприняли и персы.

---

[1] См. изображение персидских телохранителей на изразцовом рельефе из Суз в Лувре. Персидская одежда, по указанию ряда античных авторов (см. особенно: Н е r., VII, 61—62), была заимствована у мидян.

[2] См. рис. 50: изображение битвы мидян (как полагает Масперо) со скифами на печати конца VII—начала VI (?) в. до н. э.; G. M a s p e r o. Histoire ancienne des peuples d'Orient classique, III. Les Empires. Paris, 1908, стр. 475.

[3] R. G h i r s h m a n. Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937, II. Musée du Louvre, Série archéologique, Paris, 1938, pl. XXX, 5. Стилизованное изображение лошади не позволяет датировать эту печать позже IX, в лучшем случае — начала VIII в. до н. э.

[4] Близкая к этой одежда распространилась позже даже в северном Азербайджане: на перстнях-печатях из Мингечаура IV (?) в. до н. э. (С. М. К а з и е в. Археологические раскопки в Мингечауре. Сб. «Материальная культура Азербайджана», I,

К обычному вооружению мидян в начале I тысячелетия принадлежало копье и плетеный прямоугольный щит. Позднее мидийское вооружение было довольно разнообразным, и включало, между прочим, характерный «скифский» короткий меч — «акинак».[1]

Как мы знаем, кони составляли богатство мидийских племен этого времени. Стремян и седел в то время еще не знали, и всадник сидел на чепраке. Касситско-мидийская упряжь отличалась рядом своеобразных черт.[2]

Плуг с воловьей упряжкой был известен, как мы упоминали в своем месте, еще во II или даже в конце III тысячелетия до н. э.

В области ремесла на значительной высоте стояли металлургия бронзы и железа (особенно замечательны художественные бронзовые изделия из Зивие), обработка камня, керамическое и, вероятно, ткацкое производство; по крайней мере позже высоко ценились мидийские ткани; разнообразный орнамент на керамике позволяет судить о вероятном богатстве его также и на тканях того времени, т. е. начала I тысячелетия до н. э.

2. Проблема мидийской письменности

Что касается духовной культуры, то для периода VII в. нам известно о ней еще меньше, чем о материальной. Письменность бесспорно существовала в Мидии I тысячелетия. Известна дарственная и льготная грамота одному ассирийцу, дарованная ему в IX—VIII вв. царьком Абдаданы и составленная на аккадском языке.[3] Но, как можно заключить по некоторым косвенным данным, у маннеев имелась и своя письменность, по всей вероятности, восходившая к урартской.[4]

Надо полагать, что это была разновидность клинописи; в то же время в приурмийской области были распространены и иероглифы — видимо, подобные урартским. Они вырезаны, например, на серебряном блюде (?) из Зивие.

Баку, 1949, стр. 28, рис. 19) шаровары и в одном случае «тиара» (изображение первое слева во втором ряду) входят в состав одежды изображенных людей; для этой одежды характерен также короткий плащ и обычно плоская или остроконечная шапка; оружие — копье и прямоугольный щит (?). Вероятно, это албаны или «ортокорибантии». См. рис. 86.

[1] См. упомянутые выше изображения мидийских воинов ахеменидского времени, а также: Her., VII, 61.

[2] См.: R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan. . ., II, Paris, 1938, стр. 109 и сл. В Мидии (и в Персии) была распространена и скифская упряжь (с характерной клювовидной пластинкой на месте скрещения ремней узды); см.: R. D. Barnett and W. Watson, «Iraq», XIV, 2, 1952, стр. 132 и сл. (со ссылкой на таблицу: E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, pl. LXXVII, правильнее — LXXIX).

[3] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 195. Документ этот утерян.

[4] Так, Саргон II сообщает в своей реляции 714 г., что маннейский царь Уллусуну посвятил ему свою стелу (ipḳidda narâšu — 8 CS, строка 54). Стелы бывали чаще всего с надписями. Кроме того, в письме HABL, 343 (АВИУ, № 69, 1, стр. 231), по-видимому, говорилось о «писце-маннее».

Сложнее обстоит дело с жителями центральной и восточной Мидии; до сих пор нет никаких прямых данных о том, что им была известна письменность. Однако нам кажется несомненным, что во всяком случае с VII в. до н. э. и они имели письменность, и что этой письменностью была та самая клинопись, которая известна нам сейчас под названием «древне-персидской» или «ахеменидской письменности первой категории», но которая, в действительности, является по происхождению мидийской.

В пользу этого мнения можно представить следующие аргументы.

В настоящее время известно, что «древнеперсидская» клинопись была уже довольно широко распространена при Кире II, в середине VI столетия до н. э.[1] Уже a priori невероятно, чтобы персы имели свою письменность, в то время как великая Мидийская держава своей письменности не имела бы. К тому же «древнеперсидская» клинопись очень сильно отличается и от вавилонской, и от эламской; и хотя вероятно, что она имеет в конечном счете общее происхождение со всеми другими видами переднеазиатской клинописи, но непосредственно она не может быть возведена ни к одному из них. Это значит, что неизвестно несколько посредствующих звеньев. Наиболее вероятными звеньями следует считать мидийскую и маннейскую клинопись.

Рис. 65. Иероглифические знаки-тамги с серебряного блюда (?) из Зивие. VIII в. (?) до н. э.

Далее. Структура и стиль древнеперсидских надписей (в частности, разбивка текста на разделы, каждый из которых начинается словами: «Говорит такой-то царь») восходит не к Вавилонии или Эламу, а к Урарту,[2] а это означает, что и здесь были посредствующие звенья; и такими посредствующими звеньями могли быть опять-таки только надписи маннейских и мидийских царей. Все указывает, таким образом, на заимствование персами клинописи у мидян.

Но этого мало. Язык надписей ахеменидских царей, как уже давно доказано,[3] содержит множество «мидизмов».[4] Однако число мидийских

[1] Имеющиеся надписи Ариарамна и Арсама, по всей вероятности, лишь отнесены к их имени и составлены, в действительности, в конце V или начале IV в. до н. э.: R. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, стр. 12 и 116.

[2] На это указал акад. В. В. Струве.

[3] A. Meillet et E. Benveniste. Grammaire du vieux-perse. Paris, 1931, стр. 7 и сл. — E. Herzfeld. Die Magna Charta von Susa. AMI, III, 3, стр. 93 и сл. Сводку см.: R. Kent, ук. соч., стр. 8.

[4] О них уже говорилось выше, стр. 68 и сл.

слов должно быть гораздо больше, чем обычно предполагают. Обыкновенно как «мидизмы» или как «северо-западные диалектизмы» фиксируются только те слова, сам фонетический облик которых выдает их принадлежность к «северо-западной», а не к «юго-западной» группе иранских языков. Но можно предположить, что в словаре ахеменидских надписей имеются и другие слова, тоже чисто мидийские, не бывшие в употреблении в древнеперсидском, но которые не могут пока быть выявлены, имея в виду, что не во всех словах встречаются такие комбинации звуков, которые дают разное фонетическое отражение в «северо-западных» и «юго-западных» иранских племенных языках и которые, таким образом, дают возможность сразу же зафиксировать соответствующие слова как неперсидские. Здесь в некоторых случаях к нам на помощь приходит новоэламский язык. Он содержит множество иранских заимствований, причем это заимствования по большей части именно из персидского языка, что ясно видно по их фонетическому облику.[1] И вот, оказывается, что в ряде случаев эламская версия ахеменидских надписей применяет для передачи того или иного понятия персидское слово, но. . . это слово не совпадает со словом, употребленным в этом же случае в «древнеперсидском» тексте.[2] Конечно, лишь в ничтожном меньшинстве случаев отдельные «проскочившие» персидские формы, заимствованные в эламский, раскрывают нам разницу в словарном составе между разговорным древнеперсидским языком и литературным языком «древнеперсидской» версии ахеменидских надписей; однако эти случаи показательны, и они подтверждаются и другим материалом. Так, шведский иранист Стиг Викандер

Рис.66. Образец надписи ахеменидского царя (Дария I) на трех языках: древнеперсидском, эламском и вавилонском. С каменной гири, хранящейся в Государственном Эрмитаже.

[1] См. сводку у Камерона (G. G. Cameron. The Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948, pl. 3). Особенно следует обратить внимание на такие слова, как šaššam < др.-перс. χšaça(m), мид. *χšaϑra- — «власть», «царство», šakšapamana < др.-перс. χšaçapāvan, мид. *χšaϑrapā(n) — «сатрап», ṣišša < др.-перс. čiça, мид. *čiϑra — «потомок». Напротив, в вавилонских версиях всюду мидийские формы.

[2] Так, эламск. sunki·k ta(y)auš.pe.na irše.kki.pe.na tanaš.pe.na (Xerx. Pers. c), где tanaš передает персидскую форму *dana-, передано по-«древнеперсидски» как χšāyaϑiya dahyūnām paruvzanānām с мидийской формой соответствующей основы zana-; в надписи Beh., I, строка 13 и др. эламск. Pakšiš из перс. *Bāχçī- при «древне-

показал,[1] что в быту ахеменидов бог Митра обозначался нормальной персидской формой Miça (передаваемой и по-эламски как Miššа), в то время как в надписях мы встречаем только мидийскую (и вообще неперсидскую) форму «Митра».

Имелись, несомненно, также многочисленные слова, общие словарному составу языка иранских мидян и древнеперсидскому. Вместе с ними процент лексики ахеменидских надписей, которая была бы возможна и в мидийском тексте, значительно возрастет.

Орфография и грамматика ахеменидских надписей «первой категории» («древнеперсидских») указывают на создание литературного' языка задолго до написания дошедших до нас надписей Кира II и Дария I.[2] Так, сочетания звуков -ai-, -au-, и, вероятно, -aḥu- уже в конце VI в. до н. э. произносились как -ē-, -ō- [3]: таким образом, орфография передает состояние языка более древнее и, следовательно, сложилась раньше. Надписи конца V — начала IV в. свидетельствуют об интенсивном отмирании флексии,[4] но и в более ранних надписях конечное -a во многих случаях, может быть, не произносилось.[5]

персидском» Bāχtrī- — «Бактрия»; в надписи Dar., NRa, строка 8 характерна передача «древнеперсидского» vispazana- с типичным мидийским -sp- как miššatanaš из персидского *visadana. Ср. также словарные варианты: знаменитое kurtaš из перс. gr̥da- или kr̥ta- при «древнеперсидском» māniya-; в надписи Dar., NRa, строка 46 эламск. tenum из перс. *daina(m) — «закон» передает «древнеперсидское» framānā — «повеление»; в той же надписи в строке 6 эламск. tenu(m)tatti.ra из перс. *dainadāta — «законодатель» передает «древнеперсидское» framāta(ra) — «повелитель»; правда, почти все приведенные слова в других текстах передаются по-эламски формами, совпадающими с «первой категорией»: parruṣananam, Pakturriš, mišpazanaš, pirramataram. Относительно основ gr̥da- и (n)māna- — «дом» следует заметить, что первая из них отмерла, так как у зороастрийцев применялась только к злым духам и неверным.

[1] Stig W i k a n d e r. Mithra en vieux-perse. Orientalia Suecana, I, 1/2, стр. 66 и сл. — по поводу слова Mesoromasdēs=Miça-Ahuramazdā у Плутарха.

[2] Как уже указывалось, надписи, составленные от имени царей начала VI в. — Ариарамна и Арсама, вероятно, изготовлены в конце V в. Нет данных о наличии самостоятельной персидской монументальной письменности до Кира.

[3] См.: др.-перс. Xšayārša — «Ксеркс» — эламск. Ikšerša, греч. Kserksēs, др.-евр. 'Ăḥašərēš, 'Ăḥašwērōš < *'Ăḥašyērōš; др.-перс. aχšaina — «темносерый» — эламск. ak[šena] (греч. Akseinos — из скифского!); др.-перс. daina(m) — «закон» — эламск. tenum; др.-перс. Gaub(a)ruva — вавил. Gûbaru, греч. Gōbrūēs. Ср. также обратные передачи: вавил. Nidint(u)-Bêl — др.-перс. Nadi^{n}tabaira. Менее ясны примеры на -ahu->-ō-; др.-перс. Dārayava(h)uš — «Дарий» — эламск. Tarejamauš, вавил. Dârejamuš, греч. Dareios<*Dareiwos (из сокращенной формы *Dārayav?), др.-евр. Dārəjāwäš; др.-перс. A(h)uramazdā — «Ахурамазда» — эламск. Uramašta, греч. Ōromazdēs; др.-перс. Va(h)umisa, Va(h)uka — эламск. еще Maumišša, Maukka, но в греч. Ōmisos, Ōkhos<*Wōmisos, *Wōkhos, и т. д.

[4] Известны формы родительного падежа — Dārayavašaḥya вместо Dārāyavaḥauš, вин. падежа — bumām вместо bumim и т. д. в надписях Артаксеркса II и Артаксеркса III. Эти формы указывают на то, что в живом языке соответствующей флексии уже не было.

[5] На это указывает ряд обстоятельств. Уже в ассирийских передачах VIII в. конечное -a обычно опускается (Bagdattu<Baga-dāta и т. п., -u здесь аккадск. падежное

Также и стиль надписей Дария I свидетельствует о наличии определенного предшествующего литературного развития.[1]

В целом получается впечатление, что литературный язык ахеменидских надписей создавался (может быть, арамейскими или воспитанными в арамейских канцеляриях редакторами)[2] под сильнейшим влиянием мидийского языка, раньше сложившегося как язык литературный. Известную аналогию представляют здесь надписи ассирийских царей, язык которых в своей основе — в а в и л о н с к и й литературный язык, хотя и насквозь пронизанный ассиризмами в области фонетики, лексики и грамматики. Даже чисто ассирийские по языку царские надписи подражают вавилонскому литературному языку, заимствуя терминологию и отдельные словарные и грамматические формы. Понятно, что такое явление могло сложиться только в условиях наличия в обоих языках большого пласта общей лексики. Но в результате язык ахеменидских надписей был, повидимому, значительно ближе по своему словарю к мидийскому, чем реальный разговорный язык древних персов, и это делает понятным, почему, например, Бехистунская надпись Дария I, высеченная на границе Мидии и Элимаиды, не имеет особой мидийской версии текста: мидяне безусловно понимали «первую категорию», т. е. «древнеперсидскую» версию, а частью, вероятно, и «вторую категорию» этого текста, т. е. эламскую версию.

Вряд ли, впрочем, этой письменностью успели быть записаны в Мидии сколько-нибудь значительные сочинения, помимо, быть может, царских надписей, на находку которых в будущем можно надеяться. Обстановка была мало благоприятна для развития литературы, а единого типа кан-

окончание); также в древнееврейских и арамейских ('Aḥašwērōš < Xšayārša; 'Artaḥšaśta, но, в традиционном чтении, также 'Artaḥšaśt < Artaχšaça; Mitrədat < < Miϑradāta). В греческом ряд имен получает окончание на -os, что указывает на согласную основу [конечное -a дает окончание -ēs: у Геродота большей частью еще так: Ariaramnēs, Arsamēs, Artokserksēs, Kserksēs, Mitradatēs, Gōbrūēs, однако же Megabuz(d)os (так у Геродота всюду; -z(d)- вместо похожей буквы -ks-, надо *Megabuksos — др.-перс. Bagabuχša, но ср. в вавилонской версии — Magabudišu), Mardonios — др.-перс. Marduniya и т. д.]; см. выше Ōmisos, Ōkhos из Vahumisa, Vahuka и т. п. Этой же тенденции к отпадению конечного -a следует приписать появление в древнеперсидских текстах этимологически неоправданного написания -ā в конце слов — обычный также и в нововавилонских текстах прием для передачи сохраняющегося на конце гласного (в литературном произношении или в определенных комбинациях) в условиях общего правила редукции конечных гласных (в позднеаккадском — не только -a).

[1] Заметим еще, что в Персии данный вид письменности в деловом употреблении не был. При Дарии I была введена новая иранская письменность — на основе арамейского алфавита, но и она, повидимому, не привилась в канцеляриях, пользовавшихся эламским и арамейским языками. Однако трудно представить себе письменность, изобретенную специально для наскальных надписей. Остается предположить, что она, быть может, шире применялась в Мидии (см.: акад. В. В. С т р у в е. Реформа письменности при Дарии I. ВДИ, 1951, № 3, стр. 186 и сл.; И. М. Д ь я к о н о в, М. М. Д ь я к о н о в, В. А. Л и в ш и ц. Документы из древней Нисы. Дешифровка и анализ. Материалы ЮТАКЭ, II, М.—Л., 1951, стр. 53 и сл.).

[2] См. наличие вероятных арамеизмов в синтаксисе ахеменидских надписей.

целярии, по всей вероятности, еще не выработалось, и на местах в деловой жизни господствовали местные языки и письменности.[1]

3. Религии Мидии. Маги

Для идеологии Древнего Востока характернейшим фактором всегда являлась религиозная система. Здесь также мы можем ясно различить два периода в истории Мидии — до VII в. и начиная с VII в.

О религии первых столетий I тысячелетия до н. э. мы можем судить по сообщениям ассирийских текстов, по изображениям и по собственным именам.

Ассирийские тексты очень немногословны в этих вопросах. Они несколько раз упоминают маннейских и других богов,[2] в частности, сообщают о похищении этих «богов» — т. е. их идолов.[3] Об облике этих идолов мы можем судить отчасти по «луристанским» бронзам, отчасти по изображениям на металлических изделиях из Зивие в Манне. Хотя «луристанская» мифология и имеет, может быть, какие-то связи с Авестой, однако в целом имеющийся материал указывает на однотипность религии западных территорий исторической Мидии скорее с религией хурритов и отчасти ассирийцев. Особенно характерны образы чудовищ-демонов — полузверей, полулюдей, крылатых сфинксов и грифонов и т. п., столь распространенные в хурритской мифологии. Впоследствии мы увидим этих же чудовищ символизирующими «дэвов» на рельефах ахеменидских царей.

Если некоторые мифологические образы Луристана и могут быть истолкованы как близкие к авестским, то следует отметить, что религия Авесты вообще складывалась не без влияния старых религиозных верований неиранского и доиранского населения. Так, почитание собаки, характерное для Авесты, было распространено у каспиев[4] и албанов.[5] Выбрасы-

---

[1] Если, согласно одному из предположений их издателя Шейля, датировать временем мидийского владычества документы отчетности царских мастерских в Сузах, изданные в Mém., Dél. en Perse, IX, то в Эламе, по крайней мере, канцелярия продолжала пользоваться местным языком. Хотя сам факт подчинения Элама Мидии не установлен, но упоминание в этих документах Персии (Paršin), жителей Раги (Raka.pe), мидян (?? — makla.p), мидийских колпаков (kurbal[lat]), луллубея (Lullu — как собственное имя), вавилонян (papilu.ppe), а также наличие некоторого числа иранских имен делают невероятным отнесение этих документов ко времени независимости Элама; при этом документы явно старше персепольских, относящихся к V в. до н. э. Я бы отнес их ко времени Кира или Камбиса, когда в администрации еще держались мидийские порядки. Эти документы заслуживают специального изучения.

[2] Надпись Шамши-Адада V, KB, I, стр. 178, II, 28; слово [ilâni] — «боги» восстанавливается также в анналах Тиглатпаласара III (KTP, стр. 8, строки 39—41).

[3] Надпись Шамши-Адада V: там же.

[4] V a l. F l a c c u s, VI, 107.

[5] Таким образом можно понять указание Страбона (XI, 6, 7).

вание тела на съедение птицам — впоследствии ортодоксальный зороастрийский обычай, лишь медленно внедрявшийся у иранских народов — было также издревле распространено у каспиев.[1] Но нет сомнения в том, что религиозные образы, зафиксированные маннейскими и «луристанскими» изображениями, в целом не имеют прямого отношения к религии Ахуры Мазды и к учению Заратуштры. Старые религии кутиев, луллубеев и касситов, о которых мы получили некоторое представление в главе I, продолжали существовать без особого изменения среди неиранской части населения Мидии в IX—VIII вв. до н. э.

Довольно далеко вглубь Мидии проникали касситские и даже чисто вавилонские культы. Вспомним, что одна из «стран» западной или центральной Мидии называлась «Бит-Иштар» — «дом (вавилонской богини плодородия и любви) Иштар», впоследствии отождествленной с авестской Анахитой, насколько можно судить по известию Геродота.[2] В самом центре Мидии, около будущей Экбатаны, ассирийцы наткнулись не только на «Крепость вавилонян», или «Колонию касситов», но и на культ вавилонского бога Мардука (может быть, в форме касситского Шиху?). В западной Мидии правители в ряде случаев носили аккадские имена, в том числе теофорные (содержащие имя божества).

В отношении религии иранских мидян, живших на крайнем востоке страны, мы не имеем иного материала, кроме сохраненных ассирийскими источниками собственных имен.[3] Так как, в отличие от имен неиранских, имена иранские нам понятны по своему значению (по крайней мере частично), а всякое древнее имя было связано с определенными религиозными воззрениями, то анализ этих имен может дать нам кое-что для изучения религии их носителей. Такой анализ был произведен Э. Мейером,[4] который пришел к заключению, что среди носителей этих имен был распространен маздеизм или зороастризм. Однако с этим выводом полностью нельзя согласиться.

Ясно различимыми элементами рассматриваемых имен являются слова ahura- — «(благой) владыка», позже — «(благой) дух» (в ассирийской передаче auar-, aur-) и mazdā- — «премудрый» (в ассирийской передаче mašda-), при этом употребляемые раздельно, как в Авесте, а не слитно (Ahuramazdā), как в надписях Ахеменидов; также baga- (в ассирийской передаче bag-) — «бог».[5] Совершенно отсутствует авестское обозначение

---

[1] S t r a b o, XI, 11, 8. Трудно сказать, на какой почве, где и когда эти обычаи попали к зороастрийцам.

[2] Геродот (I, 62) называет «Митру», но давно уже установлено, что он смешал этого бога с богиней Анахитой.

[3] Ср. еще обряд погребения в раннемидийском некрополе Тепе-Сиялка, кстати, не имеющий ничего общего с авестским.

[4] E. M e y e r. Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache. Kuhn's Z. f. vgl. Spr., 42, 1908, стр. 14 и сл.

[5] Считается, что термин baga- применяется преимущественно к богу Митре; однако в надписях Ахеменидов это — единственное обозначение всякого бога вообще.

божества — yazata, а также конкретные имена как воспринятых Младшей Авестой, так и не воспринятых ею индоевропейских божеств, а равно и абстрактных божеств-добродетелей зороастризма (Митры, Анахиты, Тиштрии, Веретрагны; Воху-Мано, Спента-Арматн и т. п.). Нет также и имен, составленных с названием священного огня (Атур-, Атр-) и с именами героев Авесты.

Встречаются в качестве элементов имен слова, выражающие три важнейших религиозно-этических качества: «праведность, магическая сила веры» (arta, r̥ta, в ассирийской передаче arta-, irta-), «власть, могущество» (χšaϑra-, в ассирийской и вавилонской передаче satar-, -kištar-, -kaštar-) и «слава, преуспеяние» (или собственно «божественное сияние», авест. χᵛarənah-, мид. *farna(h), в ассирийской передаче parnu-, parna-, -barna-).

Сравнительно с типами авестских имен[1] меньше места занимают имена, сложенные с названиями домашних животных, и вообще большого сходства с репертуаром авестских имен не наблюдается; не слишком велико сходство и с именами ахеменидского времени.

Разница между репертуаром иранских мидийских имен IX—VII вв. до н. э. и репертуаром имен позднемидийского и ахеменидского времени (VI—IV вв.), а также более поздними может быть определена следующим образом: во втором периоде значительно возрастает число имен с элементами arta, farna и χšaϑra (перс. χšaça), появляются многочисленные имена с элементом Miϑra- и т. п. Лишь в поздне- и особенно в послеахеменидское время получают распространение имена типа Vohu-Manō, с элементом ātur- и особенно с элементом yazata, а также со включением имени того или иного героя Авесты — иначе говоря, собственно «зороастрийские» имена. Однако имена типа Fravartiš, Sphendadatēs, Spitamas, засвидетельствованные для VI в. и связанные с образами и верованиями Авесты,[2] показывают, что эти верования уже существовали и в то время.

Таким образом, иранские мидийские имена IX—VII вв. свидетельствуют о вере в Мазду—Ахуру и о наличии некоторых широко распространенных среди иранских народов религиозных понятий.[3] В них нет явных связей с авестскими верованиями,[4] но нет и явно противоречащих им элементов. Лишь в VI в. до н. э. появляются имена, которые можно увязать непосредственно с учением Заратуштры.

Следует обратить внимание на интересный факт, показывающий, что именно Мидия в VII—VI вв. до н. э. была очагом, откуда распростра-

[1] См., например, Яшт XIII, а также различные места Гат.

[2] Fravarti- по Авесте — дух праведного умершего, оказывающий помощь живущим; ср. авест. fravarətar- — «верующий», «исповедующий». Другие два имени связаны с героями авестских легенд (см. ниже).

[3] Понятие arta, r̥ta, впрочем, известно еще со II тысячелетия до н. э. и распространено было также и у индийцев.

[4] Если не считать, что Ахура Мазда был впервые изобретен Заратуштрой, что маловероятно.

нялись определенные религиозно-философские представления. Речь идет о термине farna.

Это слово (от одного корня с иранским hvar- — «солнце») теоретически должно было бы испытать в различных иранских языках те же изменения, какие вообще испытывают слова со звукосочетанием hv, χ^v. Так, в персидском это сочетание дает χw- и χu-, в парфянском — vχ-, в скифском и осетинском χw-, χo-. Только в диалекте сивенди, пережиточно сохраняющем мидийские черты, имеется переход hv- > f-. Но любопытно, что во всех иранских языках понятие «сияние славы» передается не закономерными формами, восходящими к общеиранск. *hvarna- или авест. χ^varәna(h), а исключительно формами, восходящими к несомненно мидийскому (засвидетельствованному ассирийской передачей -parnu, -parna еще для VIII в. до н. э.) слову farna.[1] Это наблюдается не только в древнеперсидском, где вообще очень распространены были мидийские формы имен, но, что особенно интересно, даже в языке скифов Причерноморья, где имена с элементом farna были чрезвычайно распространены.[2] Таким образом, кажется необходимым признать, что понятие farna, как равно и понятия arta, χšaϑra и другие, попало к скифам от мидян во время их пребывания в Мидии; по свидетельству В. И. Абаева,[3] понятия farn, ard, æχsar (χsart) в значении «мир», «преуспеяние»; «клятва», «магическая сила»; «сила», «отвага», «победа» и до сих пор бытуют как скифское наследие у современных осетин. О мощном культурном импульсе, полученном скифами от мидян, как мы увидим, свидетельствуют, возможно, и данные скифского искусства.

Таким образом, Мидия VII—VI вв. до н. э. была центром определенной распространительной деятельности в культурной и религиозной области. Однако отсюда нельзя заключить, что Мидия была центром создания учения Авесты. Характерно, что слова для упомянутых выше понятий распространяются в форме специфически мидийской, отличной от авестской. Если Мидия даже распространяла учение именно Авесты, то не в его первоначальном виде, а претворенным в местных условиях и с помощью местного, хотя также иранского языка. Большинство вопросов истории культуры Мидии упирается, таким образом, в спорную и не раз обсуждавшуюся проблему религии мидян времени великой Мидийской державы и о соотношении этой религии с Авестой.

Геродот не дает особого описания религии мидян, но лишь вскользь упоминает **магов** в качестве мидийских предсказателей и жрецов. Повидимому, в его время в Греции было широко известно, что жрецами

---

[1] Иногда такие формы могут восходить к мидийскому через персидское посредство, но такое объяснение не всегда возможно.

[2] Например, Pharnoksarthos=Farnәχšarϑ < *Farnaχšaϑra, Aripharnēs=Aryafarna, Maipharnos=Māhifarn(a), Khopharnos=Xofarn < *Hufarna, Pharnakēs=Farnaka и мн. др. См.: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 164.

[3] В. И. Абаев, ук. соч., стр. 71.

у мидян являются маги, и этот факт не требовал особого разъяснения для читателей Геродота. О магах, их верованиях и обрядах Геродот специально рассказывает в другом месте, в связи с персами, но подчеркивает, что обряды и обычаи магов отличаются от персидских.

С другой стороны, как мы знаем, Геродот называет магов не кастой, не сословием, не профессией, а одним из п л е м е н мидян.

Насколько мне известно, до сих пор не было обращено достаточного внимания на то обстоятельство, что и в Бехистунской надписи Дария I «маг» — не профессиональное или сословное, а этническое обозначение.[1]

Впоследствии, при Александре Македонском и позже, античные народы называли магами вообще жрецов ираноязычных народов, а также народов, имевших культы иранского происхождения (например в Каппадокии); в позднепарфянское и в сасанидское время магами греки и римляне называли священнослужителей зороастрийской религии, бывшей в то время в Иране государственной, а также служителей зерванистской и других сект,[2] генетически тесно связанных с зороастризмом и, подобно официальному зороастризму, возводившихся их последователями к учению легендарного Заратуштры. При этом маги связываются с именем Зороастра по крайней мере начиная с IV в. до н. э. Геродот не упоминает этого имени; первые упоминания «мага» Зороастра в античной письменности принадлежат Ксанфу Лидянину, время жизни которого неясно (одни исследователи помещают его в середине V, другие в IV в. до н. э.),[3] а также Аристотелю [4] и другим ученикам Платона, который, повидимому, первый

---

[1] Это доказывается параллелизмом таких выражений, как «1 martiya Maguš āha Gaumāta nāma hauv udapatatā hačā Pišiyāuvādāyā. . .» (Beh., I, § 11) и «1 martiya Bābiruviya Nadi^{n}tabaira nāma. . . hauv udapatatā Bābirauv» — «был 1 человек, маг, именем Гаумата, он восстал из Пишияувады. . .» (Beh., I, § 11) и «1 человек, вавилонянин, именем Нидинту-Бел. . . он восстал в Вавилоне» (Beh, I, § 16); и затем: «1 Gaumāta nāma Maguš āha [hauv ad]urujiya. . .» и ср. далее: «[1 Aç]ina nāma (H)ūvjiya hauv durujiya. . . [1 Na]di^{n}tabaira nāma Bābiruviya hauv adurujiya. . . 1 Martiya nāma Pārsa hauv [ad]u[ruj]iya. . . 1 Fravar[tiš] nāma Māda hauv adurujiya. . .» — «один был Гаумата именем, маг, [он л]гал. . .; [один, Аши]на именем, эламит, он лгал. . .; [один, Ни]динту-Бел именем, вавилонянин, он лгал. . .; один, Мартия именем, перс, он [лга]л. . .; один, Фравар[тиш] именем, мидянин, он лгал. . .», и т. д. (Beh., IV, § 52).

[2] Этому вопросу специально посвящена интересная работа известного французского ираниста Бенвениста (E. B e n v e n i s t e. The Persian Religion according to the Chief Greek Texts. Paris, 1929). Античные тексты о Заратуштре собраны в книге: A. V. W. J a c k s o n, Zoroaster the Prophet of Ancient Iran. New York, 4-th ed., 1928, Appendix V, стр. 226 и сл; если в дальнейшем нет иной ссылки, то имеется в виду это издание.

[3] Ссылки на Ксанфа сохранились через посредство Николая Дамасского (FGH, III, 409, fragm. 19) и Диогена Лаэртского (Prooem., 2). Однако возможно, что Зороастр упоминался не у Ксанфа, а в поддельной цитате якобы из Ксанфа у Дионисия Скитобрахиона, см.: L. P e a r s o n. Early Ionian Historians. Oxford. 1939, стр. 118.

[4] На Аристотеля и других учеников Платона ссылаются Плиний (Nat. Hist. XXX, 2, 1) и Диоген Лаэртский.

в Греции серьезно интересовался учением магов. Возможно также, что Зороастр упоминался у Ктесия.[1] К учению «Зороастра» античная традиция отчасти возводила учение Пифагора, однако, несомненно ошибочно.

В период позднего эллинизма под именем «учений магов», «учений магов и халдеев», «учения Зороастра» ходили различные религиозно-философские и мистические сочинения, связанные с учениями гностиков, неоплатоников и т. п. и обычно имевшие к действительному зороастризму лишь самое косвенное отношение или совсем никакого.

Авеста (в дошедшем до нас виде — лишь остаток священных книг зороастризма), по зороастрийской традиции написанная якобы целиком, по божественному вдохновению, самим пророком Заратуштрой (Зороастром греков, Зардуштом средневековых мусульманских авторов), не знает термина «маг»;[2] жрецы называются в ней āϑravan-.[3]

Со времен ислама термин «маг» (mōγ, mūγ) известен средневековой восточной литературе в смысле «огнепоклонник», «приверженец религии зороастризма»; слово mūγān — «огнепоклонники» легло в основу многих восточных топонимических терминов.[4]

Повидимому, наиболее близко к первоначальному значение этого слова у Геродота (I, 101, 107, 132 и др.): это племя, выделяющееся особыми религиозными обрядами и верованиями, из которых берутся жрецы у мидян и персов.

Вероятно, что территорией племени магов была область Раи (средневекового Рея) — одного из главных городов Мидии;[5] Авеста[6] указывает,

---

[1] К Ктесию (и Динону)? несомненно восходят довольно многочисленные западные и армянские сообщения, делающие «Зороастра» бактрийским царем и современником Нина и Семирамиды. Однако в дошедшей до нас выдержке из Ктесия у Диодора (Diod., II, 6, 1) вместо имени Зороастра рукописи дают Eksaortes, ho Ksaortes, ho Zdaortes, может быть, из *Oksaortes.

[2] За исключением одного сомнительного места (Ясна LXV, 7), где, быть может, имеется в виду нечто совершенно иное (moγuδbiš — «враждебный магам»; или от maga- — «содружество», «товарищество»?).

[3] Этот термин некоторые исследователи передают как «огневик», «жрец огня» (что в точности соответствовало бы греческому puraithos, как Страбон называет магов Каппадокии, культ которых, впрочем, судя по ряду данных, не был чисто-зороастрийским). Но эта этимология оспаривается Бенвенистом (ук. соч., стр. 60) и рядом других иранистов. Ср.: AIrWB, стр. 66.

[4] Известна «Муганская степь» в Азербайджане; ср. также, например, «Кала-и Муг» в Таджикистане, «Мугистан» в юго-восточном Иране на берегу Персидского залива, к востоку от Бендер-Аббаса, и мн. др.

[5] Пехлевийская глосса к тексту Видевдат, I, 16 объясняет Рагу, как Атропатену или как Рей, однако, несомненно, первое ошибочно, так как территория Раги, как видно из I фаргарда Видевдата, примыкает к восточноиранским областям. Следовательно, это — известная Рага (Рей) в восточной Мидии. Пехлевийский комментарий добавляет: «некоторые говорят, что Заратуштра был отсюда (родом)».

[6] Ясна XIX, 50.

что в Рагах сам «Заратуштра» являлся начальником области (а пехлевийский перевод правильно переводит «Заратуштра» как Zaratuštūm — «наиболее подобный Заратуштре», т. е. «верховный жрец зороастрийцев»).[1] Верховный жрец являлся здесь, таким образом, как духовной властью, т. е. главой магов-жрецов,[2] так и светской властью, т. е. главой племени магов. Вероятно, потому еще и много позже его преемник по светской власти над этим районом назывался прямо «главой магов», *mas-i mōγān, арабск. masmuγān, kabīru'l-majūs. Этот титул при Сасанидах и еще даже при арабах носили светские феодальные владетели района Демавенда к северу от Тегерана, возможно, ранее владевшие более широкой территорией. Они происходили из парфянского знатного рода Карен.[3]

Именно в Рагах, повидимому, надо искать первоначальную территорию магов, как племени; но позже, в связи с созданием зороастрийских храмовых владений и храмовых территорий, большие поселения магов, очевидно, появились и в других местах, в том числе в древнем Азербайджане.[4]

Мы не имеем никаких оснований, в свете вышеизложенного, предполагать наличие в древнем Иране двух жреческих корпораций, представляющих две сходные, но соперничающие религии, из которых члены одной корпорации назывались «магами», а другой — «атраванами». В наиболее резкой форме эта теория выражена у немецкого ираниста Хертеля. Согласно Хертелю, маги — это жрецы отвергаемой Заратуштрой старой религии божеств природы — дэвов; маги лишь позднее, видя успех

---

[1] В сасанидское время этот титул реально не употреблялся и считался обозначением божества-покровителя зороастрийского духовенства.

[2] В качестве такого он был Zaraϑuštra или Zaraϑuštrōtəma, Zaratuštum — «наиболее подобным Заратуштре»; впоследствии он обозначался иначе, а именно mōβeδān mōβeδ — «мобед мобедов», т. е. главный над начальниками магов.

[3] Сводку упоминаний «масмугана» см.: F. J u s t i. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, s. v. Он упоминается у Табари, Ибн ал-Асира, ал-Бируни, Я'кута и у других арабоязычных историков и географов. Титул этот, впрочем, — во всяком случае, в этой форме — поздний; см.: J. M a r q u a r t. Ērānšahr nach der Geographie des Moses Xorenac'i. Berlin, 1901, стр. 128.

[4] Большинство мусульманских историков считает местом рождения «Зардушта» Урмию или другие районы Азербайджана, — вероятно, потому, что Азербайджан был в позднее время оплотом зороастрийского жречества. В Авесте нет никаких данных, кроме приведенных выше, для локализации места жительства Заратуштры, кроме того еще, что дом отца Заратуштры стоял у реки Дареджа (Видевдат, XIX, 4 и 11) и что перед своим приходом в царство кави Виштаспы Заратуштра приносил жертву на берегу большой реки Датья (Яшт, V, 104; IX, 25; XVII, 45), которая отделяла, согласно поздней средневековой книге Зардушт-намэ, его родину Эран-ведж от царства кави Виштаспы. Отождествление этих рек неясно и было неясно уже очень рано: к традиции о местонахождении родины Заратуштры где-то за «мировой рекой», что для греков было «морем» или «Океаном», несомненно восходит странное сообщение схолиаста к «Первому Алкивиаду» (псевдо-)Платона: «Говорят, что Зороастр на 6000 лет старше Платона. . . сообщают, будто он эллин или (во всяком случае) будто он переправился на материк через большое море».

зороастризма, для вида приняли его, чтобы разложить изнутри и фактически подменить своим вероучением. Как реально, исторически могла произойти такая подмена, Хертель не пишет. При этом он относит за счет «магов» все то в зороастрийской религии, что ему кажется отрицательным, и таким образом «воссоздает» якобы «чистую» и «моральную» религиозно-философскую систему Заратуштры. Все это нужно Хертелю ради того, чтобы доказать превосходство учений «чистой арийской расы», представителем которой у него в данном случае выступает Заратуштра, над библейскими и евангельскими учениями семитского происхождения.

Сомнительные хертелевские теории оказали влияние на некоторых западных ученых; влияние их замечается, например, у Херцфельда и других.[1]

Нам представляется, что маги были племенем, в котором впервые возобладали приверженцы учения Заратуштры (независимо от того, где возникло само учение); оно получило затем теократическую организацию. Официальное название жрецов у племени магов, принятое ими самими, было āϑravan-; окружающий мир не был или почти не был знаком с этим маленьким племенем; из них он сталкивался только со жрецами, поскольку жрец, следовавший учению Заратуштры, всегда был магом (хотя не всякий маг был жрецом). Отсюда «маг» стало синонимом зороастрийского жреца.

Что касается Авесты, то в ней термин «маги» не упоминается по двум причинам. В древнейшей ее части, в Гатах, — по той же причине, почему в них не названа страна, в которой действовал Заратуштра. Эта страна, как и само племя, была слушателям известна, а характер устной проповеди религиозно-философского и пропагандистского содержания не давал повода к их упоминанию.[2]

В период же Младшей Авесты «маги» не упоминаются, во-первых, потому, что это не было их официальным названием; во-вторых, вероятно, и потому, что в обстановке острой социальной, религиозной, межгосударственной и племенной борьбы, которой характеризовалось время сложения книг, вошедших позже в Авесту (предположительно IV—I вв. до н. э.), слово «маги» часто являлось враждебным, быть может, презрительным.[3] Лишь когда зороастризм окончательно победил, т. е. при Сасанидах, когда канон Авесты был уже почти или совершенно установлен, обиходное народное обозначение жрецов как «магов» и «начальников магов» (*magupati->mōβēδ) могло получить официальное признание.

---

[1] J. Hertel. 1) Die Achaemeniden und Kayaniden. Indo-Iranische Quellen und Forschungen, V, Leipzig, 1924; 2) Die Zeit Zoroasters. Там же, I, Leipzig, 1924 и др.

[2] Не менее вероятно и то, что Гаты могли быть сложены до проникновения данного учения к магам.

[3] Ср. сообщение Геродота (III, 79) о ежегодном обряде «магоубийства», повторяемое и другими авторами.

Мы полагаем, таким образом, что термин «маги» изначально связывался с последователями учения Заратуштры и с зороастрийским жречеством.

Неоднократно указывалось, правда, на расхождение между зороастрийской обрядовостью и обрядовостью, приписываемой магам Геродотом (I, 132). Указывают на то, что Геродот не упоминает возлияний священного напитка «хаумы»,[1] не подчеркивает ведущего значения священного огня,[2] говорит, что персы приносят жертву, увенчавшись миртом, в то время как зороастрийский жрец должен приносить жертву в особом башлыке (патидане) и завязав нижнюю часть лица, чтобы не осквернить огня дыханием; наконец, Геродот не указывает на первоначальный зороастрийский запрет жертвоприношения скота. Однако, во-первых, ни из чего не видно, что вся эта обрядовость зороастризма сасанидского времени была изначальной и имела с самого начала всеобщее распространение; во-вторых, у нас есть основание думать, что Геродот недостаточно полно описал порядок жертвоприношения у магов и упустил как раз некоторые характерные моменты (головной убор жреца, изготовление «хаумы»).[3] Некоторое расхождение между описанием обряда у Геродота и известным нам правоверным зороастрийским обрядом вполне объясняется различиями в месте и времени. Даже в самой Авесте есть указания на неполную однородность обрядов в различных частях Ирана еще в парфянское время.[4]

---

[1] Это неверно: он упоминает возлияние в другом месте.

[2] У Геродота сказано: «Они (персы, — *И. Д.*) не делают ни (алтарных) возвышений, ни возжигают огня, намереваясь жертвовать; не пользуются ни возлиянием, ни флейтой, ни венками (надеваемыми греческими жертвователями, — *И. Д.*), ни ячменем (которым греки посыпают жертву, — *И. Д.*)». Однако, говоря, что они «не возжигают огня», Геродот имеет в виду «для сожжения жертвы», что совершенно правильно, так как сожжение трупа в огне запрещалось зороастризмом; к тому же священный огонь горел непрерывно, и его не надо было зажигать; так же и под bōmos Геродот разумеет не вообще алтарь, а возвышение для заклания жертвы, между тем как у зороастрийцев на алтаре горел огонь. Точно так же «не пользуются возлиянием» означает «для орошения им жертвы» (как это делали греки); действительно, зороастрийская «хаума» имела иное применение; ср. у Геродота; VII, 43.

[3] У Геродота сказано, что перс при жертвоприношении надевает миртовую тиару, но как при этом одевается жрец-маг, не указано. Однако требуемое зороастрийским обрядом одеяние жреца засвидетельствовано, независимо от Геродота, изображениями ахеменидского времени (на лестнице персепольского дворца, на золотых пластинках из так называемого «Амударьинского клада») и даже мидийского времени (рельефы гробниц «Кызкапан» и «Дукан-и Дауд»; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 201 и сл.). Документы из персепольского архива, повидимому, упоминают и мага (эламск. makuš из др.-перс. maguš), и возлияние хаумы — др.-перс. *dauça, авест. zaoϑra-, эламск. tauša(m), в написании da-u-šá-um. См.: G. G. Cameron, ук. соч., табл. 3 и стр. 7, 42, 99.

[4] См. I фаргард Видевдата, как уже указывалось, относящийся к парфянскому

Итак, мы видим в мидийском племени магов первых приверженцев учения Заратуштры. Остается, правда, неясным, как согласовать это с сильной и старой традицией, связывавшей Заратуштру не с Мидией, а с Бактрией.[1] Согласно этой традиции, резиденцией царя Кави Виштаспы, покровителя и первого адепта Заратуштры, был Балх (Бактра),[2] куда Заратуштра пришел со своей родины, мифической Арьянем-Вайджи, через великую реку Датик (упоминаемую и в Авесте под названием «Датья»).[3]

[1] Анализ средневековой традиции по этому поводу см.: A. V. W. Jackson, ук. соч., Appendix IV. Как видно из собранного им материала, большинство мусульманских авторов считало родиной Заратуштры районы древнего Азербайджана, иногда также Рей (Рагу); иной раз у них Рей — родина матери Заратуштры; местом его проповеди они обычно считали Балх (Бактрию). К Бактрии относит проповедь Заратуштры, в частности, «Зардушт-намэ», — книга, восходящая, возможно, к утерянному (кроме Яштов XXIII и XXIV?) наску Авесты — «Виштасп-саст», а потому, может быть, передающая официальную точку зрения времен сложения канона Младшей Авесты. Из самой сохранившейся части Авесты очень трудно установить что-либо относительно местоположения резиденции Виштаспы, покровителя Заратуштры, и его «рода Наутара» (впрочем, традиция считала этот род жившим вдалеке от Раги как родины Заратуштры; ср. сложившуюся в связи с этим поговорку у Джэксона: A. V. W. Jackson, ук. соч., стр. 192 и сл.); упоминаемые в Авесте водные пространства Чайчиста и Фраздана отождествляются, еще со Средних веков и вплоть до нашего времени, то с озером Урмия, то с озером Хамун в Сеистане (Афганистан; аргументацию см.: E. Herzfeld. Awestische Topographie, AMI, II, стр. 91), то — в случае с Фразданом — даже с рекой Разданом (Зангу) в Армянской ССР (де Лагард, Шпигель). Можно было бы назвать еще восточно-мидийское озеро Дарья-и Немек и мн. др. В Яштах XXIII и XXIV среди благословений, призываемых на Виштаспу, имеется пожелание ему «достигнуть Ранги». Это — большая река, которая в поздней традиции, повидимому, отождествлялась с Сыр-Дарьей и с Тигром (W. Geiger. Ostīrānische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 38); филологически возможно даже сопоставление с Волгой (греч. Rhā из скифск. *Rahā, что закономерно равно авест. Raŋhā-; см. уже. J. Markwart. Wehrot und Arang. Leiden, 1938, стр. 136; ср. у Геродота «Аракс» как обозначение Волги, Сыр-Дарьи и Аракса). Неоднократно упоминаются горы Harā bərəzatī (что этимологически соответствует Эльбурсу, но может, по существу, означать любые высокие горы) и озеро Voru-karta; под последним можно понимать и Каспийское и Аральское моря — это было неопределенное обозначение ограничивающих землю водных пространств, вроде «Океана» греков (ср.: W. Geiger, ук. соч., стр. 46 и 109).

[2] Наряду с этим имеется очень старая, передаваемая Атенеем из Хареса Митиленского традиция о том, что Виштаспа (Hustaspēs) был царем Мидии, см.: FGH, II A, 125, fragm. 5 (17), стр. 660: «У Гистаспа был младший брат Зариадр, о них же туземцы говорят, что они родились от Афродиты и Адониса; Гистасп правил Мидией и нижней страной, Зариадр же — выше Каспийских ворот до Танаиса». Речь идет о Виштаспе, брате Заривари, а не об отце Дария I. Мэри Бойс (M. Boyce. Zariadres and Zarēr. BSOAS, XVII, 3, 1955, стр. 463 и сл.) считает эту легенду мидийской и отличает этого Гистаспа и от авестского Виштаспы, и от отца Дария I.

[3] Широко распространено отождествление Арьянем-Вайджи с Хорезмом (см., например: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 108 и сл.) или специально с долиной Узбоя и Сарыкамышской впадиной. По В. Б. Хеннингу (W. B. Henning. Zoroaster, Politician or Witch-doctor? London, 1951, стр. 43), Арьянем-Вайджа — это хорезмийское государство в широком смысле, включая и долины рек Теджена и Мургаба, т. е. Арею и Маргиану.

Мне кажется, что уже в период создания Младшей Авесты точного представления о месте деятельности Заратуштры не было. Основывались на смутных преданиях и на Гатах, но они, как уже указывалось, не дают никаких определенных данных. История великих Мидийской и Ахеменидской держав стерла в памяти людей воспоминания о мелких древних догосударственных и государственных образованиях. И подобно тому как 7 городов спорили за право быть местом рождения Гомера, так

Рис. 67. Маг с сосудом для хаумы (?). Рельеф из Персеполя, V в. до н. э.

Рис. 68. Маг. Серебряная статуэтка из так называемого Амударьинского «клада». IV (?) в. до н. э.

и основные центры учения, существовавшие в IV—I вв. до н. э., старались приурочить деятельность учителя у себя. Такими основными центрами были прежде всего два: Бактрия и Атропатена. Отсюда и две традиции.

Следует заметить, что иранский язык Авесты, в том числе и особый диалект Гат, — это, как мы уже упоминали, не мидийский язык, по крайней мере, не тот иранский мидийский язык, памятником которого являются собственные имена мидян VI и следующих веков до н. э. и заимствования в персидском и других языках, и остатки которого прослеживаются в языках и говорах татов, талышей,[1] гилянцев, мазандеранцев, семнан-

[1] Б. В. Миллер (Талышский язык. М., 1953, стр. 53 и сл., 65 и 227) показал, что талышский язык сохраняет те же основные особенности фонетики, которые были свойственны еще мидийскому языку. Ср. сводку у Б. В. Миллера (ук. соч., стр. 53 и сл.) и в настоящей работе выше, стр. 66 и сл. См., однако, стр. 92 и ниже, стр. 447,

цев и других. Либо племенной язык магов отличался от племенных языков других иранских мидян, либо язык Авесты — не язык племени магов, а один из языков Средней Азии. Если язык Гат — это родной язык самого Заратуштры, то необходимо отметить, что он, возможно, не был уроженцем той страны, где протекала его деятельность, о чем нам и сообщает традиция, и это может иметь известное значение для локализации языка Авесты и диалекта Гат.

4. Проблема Авесты и Мидия

Для того чтобы разобраться в вопросе о том, имело ли значение учение Заратуштры, как оно изложено в Гатах и развито в Младшей Авесте, для культуры Мидии, и если имело, то какое именно, необходимо еще раз обратиться к проблеме Авесты и излагаемого ею учения.

Обычно полагают, что язык Авесты относится к «восточноиранской» (скифской) группе; правда, например, А. А. Фрейман [1] указывает на то, что чем дальше вглубь веков, тем меньше «восточноиранские» (скифские) и «западноиранские» языки отличаются друг от друга. «Восточноиранские» признаки в Авесте, повидимому, не очень ясны. Но, с другой стороны, следует отметить, что кругозор Младшей Авесты — во всяком случае явно среднеазиатский и восточноиранский; на это указывает не только содержание I фаргарда Видевдата, не знающего ни Фарса, ни Атропатены, но и целый ряд других данных; например, упоминаемые Авестой кочевые народы, — видимо, среднеазиатские и восточноиранские.[2] Это значит, что во всяком случае Младшая Авеста складывалась на Востоке — в Бактрии или, как еще предполагают, в Сеистане. Однако текст Авесты, в том числе и текст Гат, подвергся столь сильному искажению, как в результате переписки новым огласованным алфавитом,[3] так, вероятно, и в силу вольной или невольной унификации языка, что сейчас, повидимому, уже довольно трудно с уверенностью основываться на пере-

прим. 5, где указано, что каспии, древние предки талышей, очевидно, не говорили по-мидийски; этот язык, вероятно, проник сюда позже.

[1] А. А. Фрейман. Согдо-хорезмийские диалектологические отношения. СВ, IV, 2, 1947, стр. 157.

[2] Таковы dāha (Яшт XIII, 144) — вероятно, «даи» греков на территории современной Туркмении. Ср. также, быть может (как полагал еще Гейгер), marəδa- (в пехлевийском переводе āmāl из *āmard-) — «марды» (?) в Маргиане и driwikā — «дербики (??)» в Арейе (Видевдат, I, 6 и 9), хотя этим терминам чаще дается иное, не этническое объяснение; sarima- (Яшт XIII, 143) вряд ли могут быть кем-либо иным, кроме сарматов (см.: J. Marquart, Ērānšahr, стр. 155). Другие названия (tūra-, sāni-?, hyauna-?) с уверенностью не отождествляются, но даже такой сторонник мидийского происхождения Авесты, как Херцфельд, помещает tūra- в Хорезме, а hyauna- считает среднеазиатскими хионитами (E. Herzfeld. Zoroaster and his World. Princeton, 1947, II, стр. 907 и др.). Он же отождествляет Эран-ведж с долиной Узбоя и Сарыкамышской впадиной (там же, стр. 699).

[3] См. выше, стр. 51.

данных нам традицией фонетических и морфологических особенностях для того, чтобы связать их с говором какой-то определенной местности или языком какого-либо определенного иранского племени. Следует еще учесть то обстоятельство, что в ранний рабовладельческий период существуют еще особые «жанровые» диалекты: литературные произведения определенного жанра пишутся на определенном диалекте — диалекте той местности, где этот жанр вначале создался. Так, в древней Греции лирические произведения писались преимущественно на эолийском наречии, эпос — на ионическом с элементом эолийского и т. д. Все это первоначально были племенные языки, но в процессе литературной обработки и будучи использованы носителями других наречий, они видоизменялись и становились оторванными от территории «жанровыми языками». Таков же «гимновый» и «эпический» диалекты аккадского языка [1] — первоначально наречия староаккадского и старовавилонского, употреблявшиеся впоследствии вавилонянами и ассирийцами в их литературных произведениях и существенно отличавшиеся от разговорного языка как вавилонян, так и ассирийцев. Надо полагать, что примерно таково же было положение с авестским языком; на нем могли писать в период распространения учения в различных районах, где были понятны иранские племенные языки, и при этом он испытывал изменения, видоизменяясь по сравнению с тем племенным языком, который лежал в его основе. Но обязательных условий для того, чтобы такое положение стало возможным, было два: во-первых, литературный язык должен был, так или иначе, быть понятным; во-вторых, что особенно важно, он должен был базироваться на какой-то литературной традиции. Пока на данном племенном языке или диалекте не создалось литературы, он не может, очевидно, стать известным другим племенам настолько, чтобы служить им в качестве литературного языка.

Это позволяет нам хотя бы приблизительно датировать появление авестской литературы и сам авестский язык. Та письменность, при помощи которой была записана Авеста в ее древней форме (арамейская письменность в применении к иранским языкам), была создана при Дарии I, т. е. в конце VI в. до н. э.[2] Как уже мы упоминали, крайне маловероятно, что Авеста когда-либо была записана клинописью; но и клинопись появилась в древнем Иране (если не считать Элама) во всяком случае не раньше IX или, скорее, даже VIII—VII вв. до н. э. Хотя весьма вероятно, что древнейшие части Авесты в начале сохранялись устно (у нас есть прямые данные о том, что еще во времена создания книги

[1] Мы полагаем, что имеется не один «гимно-эпический диалект» аккадского языка (термин, введенный Зоденом), а два, так как язык официальных гимнов и молитв, а также культовых эпосов (как «Энума элиш»), довольно резко отличается от языка народных эпосов (каковы «Гильгамеш», «Этана» и др.).

[2] См. выше, стр. 370, прим. 1.

Видевдат правоверные зороастрийцы выучивали Гаты наизусть),[1] но этого было бы недостаточно для создания литературной традиции на авестском языке: во-первых, запас слов в Гатах недостаточен для создания с его помощью всей позднейшей авестской литературы и, во-вторых, диалект Гат хотя и близок, но не идентичен языку Младшей Авесты, отличаясь от последнего не одним только бо́льшим архаизмом. С другой стороны, кажется неизбежным признать, что если на авестском языке создавалась или хотя бы перередактировалась литература в парфянский период (а это вряд ли подлежит сомнению),[2] необходимо, чтобы литература на этом языке существовала уже значительно раньше. В парфянское время во всяком случае «западноиранские» языки (персидский, парфянский), а, вероятно, и «восточноиранские» (скифско-среднеазиатские) языки, уже в основном утеряли свою богатую флективную структуру и из «древнеиранского» перешли в «среднеиранское» состояние. В это время без наличия готовой литературной традиции ни один человек не мог бы восстановить вымершие уже формы падежных и глагольных окончаний, систему дифтонгов и тому подобные элементы, характерные для авестского языка; для этого требовались бы глубокие познания в области сравнительной и исторической грамматики индоевропейских языков — познания, достигнутые наукой лишь в прошлом веке.

Из всего этого вытекает (что и соответствует данным зороастрийской традиции), что письменная фиксация авестской литературы должна была начаться в период доэллинистический — между концом VI и концом IV в. (так как уже в надписях ахеменидских царей этого века наблюдается начало отмирания флексии). Создавшаяся традиция религиозной литературы и литературного языка развивается затем в парфянское и, отчасти, возможно, в более позднее время.

Но чтобы разрешить вопрос о возникновении наиболее древних частей Авесты и самого учения вообще, мы должны прежде всего обратиться к свидетельству самого внутреннего содержания Гат и к тесно связанному с этим вопросу о реальности исторического существования Заратуштры.

В общем и целом у нас нет веских оснований для того, чтобы сомневаться в последнем. Если в Младшей Авесте Заратуштра является нам как личность мифическая, вступающая в беседы с различными чудесными персонажами, то в Гатах дело обстоит совсем иначе. Гаты — это молитвы-

---

[1] Так можно заключить, например, из XII фаргарда Видевдата, Ясны, LX, и др.

[2] К парфянскому времени, в виду употребления ложно реконструированных на основании позднего звукового состава форм Bāχδī- — «Бактрия», и, может быть, Bawri- — «Вавилон», должны быть отнесены Видевдат, I (где датировка поддерживается и внутренним анализом текста) и Яшт V. Если в Гатах отсутствие упоминаний большого единого государства объясняется ранней датой этого памятника, то в Младшей Авесте то же явление, может быть, объясняется, как полагал еще Дармстетер (J. Darmesteter. The Sacred Books of the East, ed. by F. Max Müller, v. IV$_2$. Oxford, 1895, стр. XLIX), тем, что она была написана в период раздробления государств Иранского нагорья.

проповеди, вложенные в уста Заратуштры, выступающего здесь как вполне реальный человек. Это впечатление реальности его личности поддерживается такими местами из Гат, как молитва в «Гате Ахунавати» (Ясна, XXVIII, 8—9) о даровании исполнения желания «Виштаспе и мне» или о даровании этого блага «для Фрашауштры и для меня», и даже таким местом, где говорящий просит духовной помощи «Заратуштре и (всем) нам». Упоминание самого молящегося в третьем лице вполне уместно в молитве, где магически чрезвычайно важно назвать имя того, на кого призывается то или иное благо от божества. Такое же впечатление создает и «Гата Вахишто-иштиш» (Ясна, LIII), где речь идет о бракосочетании дочери Заратуштры, причем это отнюдь не мыслится как какая-то аллегория: речь идет об обыкновенном браке, не более того. То же впечатление создается и от «Гаты Уштавати» (Ясна, XLVI, 1—2), где Заратуштра жалуется на притеснения правителей и говорит о том, что у него мало скота и людей. Наконец, следует отметить, что имя Заратуштры — отнюдь не такое, которое могли бы дать личности мифической. Считается установленным, что основатель христианской религии — лицо легендарное, но и имя его — соответствующее («Иисус», др.-евр. Jēšūăʿ от корня jšʿ — «спасать»). Такого рода толкования нельзя дать имени Заратуштры. Несмотря на все попытки иного объяснения этого имени, сохраняет полную силу наиболее естественный перевод Zaraϑuštra как «(обладающий) золотистыми (или смелыми) верблюдами». Как ни странно звучит такое имя для современного слуха, — это имя обычного типа, бытовавшего среди иранских народов древности. Сравни, например, имена ближайших последователей Заратуштры: Vištāspa — «обладающий боевыми (или: дикими) лошадьми», Frašauštra — «(обладающий) умелыми верблюдами», а также ряда исторических лиц: таковы Aspačana (Aspathinēs у Геродота), приближенный Дария I — «любитель лошадей», и его сын Prēksaspēs, *Pr̥ksaspa(?) — «(обладающий) молодыми лошадьми»; Gaumāta, маг, восставший против персов — «знающий толк в коровах»; Hugāu в Авесте (Яшт XIII, 118) — «(обладающий) хорошими коровами» и мн. др.[1]

Таким образом, самое имя Заратуштры — обычное для того времени, бытовое иранское имя, что, конечно, говорит определенно в пользу его исторической реальности. Вымышленной личности было бы скорее всего придано культовое или символическое имя.

Что же касается внутреннего содержания Гат, то о нем очень трудно говорить определенно, потому что понимание текста Гат еще до сих пор очень далеко от совершенства. Каждый толкователь, начиная с сасанидских богословов и кончая современными филологами и историками, вкладывает в перевод Гат желаемое ему содержание, однако вполне ясного

---

[1] В «Iranisches Namenbuch» Ф. Юсти приведено более 80 имен, составных со словом aspa — «лошадь», 7 имен, составных со словом uštra — «верблюд» и свыше 30 имен, составных со словом gav- — «корова».

понимания ни одному из них не удалось достичь. Один из крупнейших западных знатоков иранской филологии, Христиан Бартоломэ, пишет: «Можно сказать, не опасаясь впасть в преувеличение, что они (т. е. Гаты, — *И. Д.*) представляют труднейшую часть всей индоевропейской филологии».[1] Собственный его перевод Гат, сделанный им на склоне лет, страдает тенденцией представить эти древнейшие молитвы-проповеди в виде произведений немецкой темной идеалистической философии.[2] Можно определенно сказать, что у нас имеется столько разных Гат, сколько есть переводов. Один из новейших исследователей считает достаточно понятными лишь около 20% строф в Гатах.

Мы постараемся поэтому охарактеризовать Гаты самым осторожным образом, приводя только факты, представляющиеся нам бесспорными.

Гаты — это двадцать две «главы» или, лучше, двадцать два отрывка, входящие в состав книги «Ясна» в дошедшей до нас Авесте, а в старой, сасанидской полной Авесте составлявшие, вероятно, часть наска «Стот Яшт». Все они изложены в метрической форме и сгруппированы по признаку метра в пять групп, или собственно Гат: Гата Ахунавати (Ясна, XXVIII—XXXIV), Гата Уштавати (Ясна, XLIII—XLVI), Гата Спента-Манью (Ясна, XLVII—L), Гата Воху-Хшатра (Ясна, LI) и Гата Вахишто-иштиш (Ясна, LIII). Как уже указывалось, они отличаются от остальной Авесты (кроме «Ясны семи глав», Ясна, XXXV—XLII, и отдельных мест в Яштах) архаичным, особенным диалектом, на котором они написаны.

Большинство песен в Гатах — это нечто среднее между молитвой и проповедью; по форме они обращены к верховному божеству, называемому то Ahura — «владыка», «дух», то Mazdā — «премудрый», «памятливый», то Ahura Mazdā, то Mazdā Ahura. Несколько особняком стоят некоторые песни, носящие характер диалогов или бесед, в которых может выступать с репликами и божество; такова, например, важная глава XXIX в «Гате Ахунавати» и глава LIII («Гата Вахишто-иштиш»), посвященная бракосочетанию дочери Заратуштры. Более или менее связное изложение взглядов вероучителя мы встречаем, пожалуй, только в главе XXX — «Гата Ахунавати». В остальных случаях автор то заклинает верующих, то проклинает неверующих, то молит божество, причем все это в малообразных, абстрактных выражениях. Вообще, абстрактность языка Гат, даже если сделать скидку на неточность переводов, весьма поразительна для столь раннего текста. Это даже заставило Дармстетера (стремившегося, впрочем, доказать приоритет иудаизма как «этической» религии перед зороастризмом) искать в Гатах влияний иудео-эллини-

---

[1] Chr. B a r t h o l o m a e. Altiranisches Verbum, стр. 3. Цит. по: L. H. M i l l s. The Zend-Avesta, v. III. The Sacred Books of the East, ed. by F. Max-Müller, v. XXXI, Oxford, 1887, стр. X).

[2] Chr. B a r t h o l o m a e. Die Gāthās, Zarathustras Verspredigten. Strassburg, 1905. Новейший перевод (J. D u c h e s n e - G u i l l e m i n. The Hymns of Zarathustra. London, 1952) мне еще не был доступен.

стической философии Филона Александрийского и неоплатонизма. Однако если здесь и имеется связь, то только обратная: влияние зороастризма на позднюю эллинистическую идеалистическую философию.

Центральный образ Гат, особенно в главе XXIX, — это «Душа коровы» (gə̄uš-urvan-), подвергающаяся насилиям со стороны врагов праведности и символизирующая, видимо, материальные блага общины и общинников. Насколько можно понять из темных выражений и намеков Гат, в роли этих врагов выступают не только кочевники, но — и даже главным образом — своя же местная родовая знать.[1] Быть может, речь идет и о неправильных переделах общинной земли в пользу родовой олигархии, а главным образом — о захвате ею общинного скота, в частности, для грандиозных жертвоприношений богам; поэтому в качестве врагов верующих и «Души коровы» выступают также различные категории жрецов — кави, усиджи и карапаны.[2] Естественно поэтому, что Заратуштра, выступая от имени общины верующих, отвергает и самую религию этих жрецов. Обычный термин индоевропейских языков, означающий «бога» — daiva- — становится у него обозначением ложных богов, демонов — «дэвов».[3] Все молитвы Заратуштры обращены к одному только Ахуре Мазде и к его Арте — «Праведности», олицетворению силы истинной веры. Особо упоминаются также другие абстрактные качества божества — Благомыслие (Vohu manah), Доброявластие (Xšaϑra varya), Святая набожность (Spəntā Āramati), Благоденствие (Harvatāt), Бессмертие (Amərətāt). В некоторых местах Гат (особенно в главе XXX) замечается известная тенденция к персонификации этих качеств. Никаких других божеств Гаты не упоминают, кроме Сраоши — «Послушания», выступающего в качестве некоего подобия служебного духа Ахуры Мазды. Несомненно, что в числе безымянно проклинаемых Гатами «дэвов» имелись и некоторые из божеств, впоследствии вошедших в пантеон зороастризма. Мало того, Гаты проклинают даже поименно некоторых почитаемых героев индоиранской мифологии, например Йиму, впоследствии пользовавшихся у зороастрийцев большим почитанием.[4]

Позитивное религиозное учение Заратуштры изложено в Гатах преимущественно в главе XXX. Оно заключается в том, что мир представляет борьбу двух равноправных начал — доброго, созданного и возглав-

[1] «Родня» (? — hvaitu, Ясна, XXXIII, 4), правители областей — «састары» (Ясна, XLVI, 1—5 — тождество sāstar- и daŋhupati- видно из Яшта XIII, 18).

[2] См. в особенности Ясна, XLIV, 20, где речь, может быть, идет также о захвате в частное владение оросительных каналов. О союзе жрецов со знатью см. также: Ясна, XLVI, 11.

[3] Но, конечно, не следует думать, что противники Заратуштры действительно поклонялись «злому духу Ангхро Маньо», как это изображает зороастрийская традиция. Вероятно, они поклонялись тому же Мазде—Ахуре, но не так, как это представлялось правильным сторонникам Заратуштры, а также, вероятно, и другим, отрицавшимся им старинным божествам.

[4] Ясна, XXXII, 8,; ср.: Ясна, IX, 4 и сл.: Видевдат, II.

ляемого Ахурой Маздой («владыка — или дух — премудрый»), и злого, созданного и возглавляемого злым духом Ангхро Маньюю («злой помысел»). Последний имеет ряд полуперсонифицированных качеств, противостоящих качествам доброго духа, например Ложь (Druǰ), Гнев (Aišma-) и т. д. Долг человека — помогать доброму началу в его борьбе против злого; тогда человек благополучно минует мост Чинвад, ведущий в загробный мир, и упокоится в раю Гаро-дмана. В противоположном случае его ждет наказание.[1] Однако учение о загробном воздаянии людям по их делам еще слабо развито в Гатах.[2] Упоминается грядущий приход спасителя или спасителей («саутьянтов»). Огонь как объект культа в Гатах не играет еще особой роли.

Большинство молитв-проповедей в Гатах произнесено было, вероятно, по конкретным поводам. Это еще заметно в отдельных случаях, упоминавшихся выше.[3]

Но хотя Заратуштра выступает в виде защитника интересов общинников, отсюда нельзя еще делать вывода, что учение Гат есть «религия бедняков» или «религия труда». Если Заратуштре противостоит родовая знать, то и на стороне Заратуштры немало представителей знати, начиная с самого кави Виштаспы, который, как видно из его титула, даже совмещал с должностью «владыки области» также и должность жреца.[4] Подобно всякому религиозному учению, и учение Заратуштры, хотя и отражало в какой-то мере чаяния масс (в чем и заключалась его сила и залог его успеха), было в своем существе реакционным. Только правоверного «маздаяснийца», зороастрийца это учение считает подлинным человеком; к чужим народам зороастризм внушает ненависть; они

---

[1] Ясна, XLVI, 10—11.

[2] Это не случайно, так как учение о загробном воздаянии «по делам» возникает обычно в период кризиса рабовладельческого общества, когда стали необходимыми новые способы идеологического воздействия на тяготившиеся своим положением эксплуатируемые массы. Лишь кажущимся исключением является религия Осириса в Египте, так как декларация о воздаянии в загробном мире «по делам» фактически подменяется в ней воздаянием, соизмеренным со знанием обеспечивающих загробное блаженство магических формул.

[3] Например из «Гаты Вахишто-иштиш» (Ясна, LIII), посвященной бракосочетанию дочери Заратуштры; из благословений и молитв в пользу покровителей вероучителя — кави Виштаспы из рода Наутара, Фрашауштры и Д(ед)жамаспы из рода Хвогвы, и в пользу сторонников Заратуштры из его собственного рода Спитама — «Заратуштриных Спитамидов», в частности, его дяди Мадйомангхи; затем из чрезвычайно личной по содержанию главы XLVI в «Гате Уштавати» (см. перевод Е. Э. Бертельса в журн. «Восток», IV, стр. 9), где Заратуштра жалуется на свою судьбу и на бедность, из главы XLIV, 18, где «пророк» молится о том, чтобы получить обещанных ему 10 кобыл и 1 верблюда, и т. д.

[4] Титул «кави» придается и ряду других, более или менее легендарных фигур, упоминаемых в Авесте, из которых позднейшая традиция создала целую династию Кавианидов, или Кайанидов. Характерно, однако, что потомки Виштаспы уже

для него «неарийцы», «двуногие», «люди-насекомые» (χrafstra-martya-, Ясна, XXXIV, 5). К ним не применимы обычные слова, относящиеся к людям; они не родятся, а «вываливаются» (uspat-), не умирают, а «околевают», не ходят, а «валятся» (pat-) или «несутся» (dvar-),[1] и их истребление угодно Ахуре Мазде. Эта тенденция намечена в Гатах;[2] в Младшей же Авесте эта человеконенавистническая сторона учения расцветает пышным цветом.[3]

Но главная причина реакционности этого учения даже не столько в этом, сколько в том, что оно подменяет действительную борьбу за улучшение положения народа призывом к обрядово-этической праведности, что в конечном счете сводилось к упрочению существующих порядков и притуплению общественной активности масс.

Тем не менее, в первое время своего существования учение Заратуштры до известной степени могло отражать устремления народных масс в условиях слабости классового самосознания угнетенной части народа, в соответствии с недостаточным развитием общественных отношений и общественных противоречий.

Могло ли сочинение, подобное Гатам, создаться при ахеменидском владычестве? Вряд ли. Как ни опасно основываться на том, чего тот или иной памятник не упоминает, все же государство Кави Виштаспы рисуется здесь как независимое, свободно воюющее с соседями; совершенно не известен государственный аппарат большой державы, а имеющаяся государственно-правовая терминология вся полностью отлична от древнеперсидской. И словарный запас не дает никаких следов влияний древнеперсидского и переднеазиатских языков — влияний, надо думать, бывших бы неизбежными в такой державе, как Ахеменидская. Но мы уже видели (см. выше, стр. 52 и сл.), что для составления Гат дата позже конца IV в. до н. э. исключается. Остается признать, что Гаты сочинены в доахеменидское время, а если они сложились в восточной Мидии, то очевидно, что это должно было произойти также и в период до создания Мидийской державы в VII в. до н. э. Мы говорим «сочинены», а не «написаны», потому что вряд ли тогда уже имелась такая письменность, с помощью которой можно было записать подобные тексты. Но это не должно нас смущать. Гаты сложены в стихотворной форме, которая всегда легко запоминается; еще и много позже, когда язык Гат стал очень

---

[1] См., например: H. Güntert. Über die ahurischen und daevischen Ausdrücke im Awesta. Sitzungsb. der Heidelberger Akademie der Wiss., Ph.-hist. Klasse, 1914, № 13.

[2] См., например: Ясна, XXXI, 18, где неверных предлагается рубить оружием, или Ясна, XXXIII, 2: «Кто сделает зло неверному словом или мыслью или руками, . . . те поступают по желанию Ахуры Мазды и по его благоволению»; Ясна, XXX, 6 (термин dvar-) и т. д.

[3] Видевдат, V, 35 и сл.: труп инаковерующего не является осквернением; осквернением он был при жизни. К истреблению «неарийских стран» призывает Яшт XVIII, 2 и т. д.

мало понятен, выучивать Гаты наизусть являлось обязанностью верующих и особенно жрецов. Поэтому надо полагать, что Гаты вначале сохранялись изустно, и, таким образом, их дата может быть отнесена ко времени до введения соответствующего алфавита. Нижний рубеж во времени, к которому можно отнести Гаты, это, если их относить к Средней Азии, — первая половина VI в. до н. э., если их относить к Мидии, — VIII или самое начало VII в. до н. э. С другой стороны, общество Гат — это уже общество, охваченное достаточно острыми классовыми противоречиями, типа тех, намек на которые мы находим при анализе ассирийских данных о Мидии начала VII в. до н. э. Общество было к тому же уже достаточно развитым, чтобы воспринимать довольно сложные абстрактные идеи Гат. Так как в X—IX вв. иранские мидяне, вероятно, находились еще в движении и поэтому не могли еще достичь соответствующего состояния общества, то приходится признать конец IX — начало VIII в. до н. э. крайним верхним рубежом для датировки Гат, если относить их к восточной Мидии. При отнесении их создания к Средней Азии этот рубеж, возможно, придется несколько изменить. Итак, Гаты были созданы либо в восточной Мидии, между концом IX и началом VII в. до н. э., либо (что, пожалуй, все же более вероятно) в Средней Азии — в хорезмийских владениях, в Бактрии? — не позже начала VI в. до н. э. Наиболее вероятной датой нам кажется ± 700 г. до н. э.

Имеется другой путь для определения даты создания учения Заратуштры — путем анализа зороастрийского календаря и зороастрийской хронологической традиции. В этом направлении сделан ряд работ многочисленными исследователями.[1] Одной из трудностей, возникающих при использовании зороастрийской хронологической традиции, является то обстоятельство, что, как показал Хеннинг,[2] сасанидские зороастрийцы отождествляли начало «мировой эры», наступившей с пришествием Заратуштры, с началом селевкидского летосчисления (312 г. до н. э.), действительное происхождение которого им было неизвестно, и в то же время относили Заратуштру к периоду, отстоящему на 258 лет до Александра Македонского. В результате произошло полное искажение (в сторону сокращения) всей хронологии эллинистического и парфянского времени. Сам Хеннинг склонен считать, что традиция о том, что Заратуштра жил за 258 лет до Александра, сама по себе правильна, и поэтому, следуя тем из средневековых авторов, которые, подобно аль-Бируни, знали об эллинистическом происхождении селевкидского летосчисления, относит время жизни Заратуштры к концу VII — началу VI в. до н. э.[3] (Хеннинг дает три альтернативные даты жизни Заратуштры — 630—553, 628—551, 618—541, в зависимости от того, начинается ли период в 258 лет с момента

---

[1] См. подробно: Акад. В. В. Струве. Родина зороастризма. СВ, V, 1948, стр. 16 и сл.

[2] W. B. Henning, ук. соч., стр. 37 и сл.

[3] Там же, стр. 41.

первого выступления, или первого успеха Заратуштры, или же с момента обращения им авестского Виштаспы). С нашей точки зрения (см. ниже), следует полагать, что уже и Киаксар, а может быть, и его предшественник, был приверженцем учения Заратуштры, в такой форме, которая уже свидетельствует о известной длительности периода его развития; поэтому даты Хеннинга являются слишком поздними. Кроме того, нет никакого доказательства того, что традиционная дата времени жизни Заратуштры (за 258 лет до Александра) является достоверной. Она основана, вероятно, как все подобные даты, на округленном счете: за 258 лет до Александра произошло якобы обращение Виштаспы Заратуштрой; если, по традиции, Заратуштре в это время было 42 года, то это означает, что он родился за 300 лет до Александра. Это — округленная дата, и она-то, вероятно, и послужила основанием для остальных расчетов. Другими словами, не потому для рождения Заратуштры принимается дата 300 лет до Александра, что известен промежуток в 258 лет между обращением Виштаспы и Александром, а наоборот, промежуток в 258 лет между обращением Виштаспы и Александром выведен из представления о том, что Заратуштра родился за 300 лет до Александра. Дальнейшие расчеты верны только в том случае, если эта исходная дата является точной. Но она, очевидно, округленная, и поэтому мы не вправе принимать остальных расчетов на веру. Единственное, что мы можем сказать, это то, что Заратуштра, согласно традиции, жил приблизительно лет за триста до Александра, т. е. во второй половине VII в. до н. э., что более или менее соответствует выводам, к которым мы пришли по независимым соображениям, — если считать, что Заратуштра жил в Средней Азии.

Во всяком случае надо положить известный отрезок времени на распространение учения Заратуштры через магов и проникновение его ко двору мидийских царей.

В начале VI в.[1] мы видим уже магов как представителей культа при дворе мидийских царей.[2]

Но можем ли мы допустить, чтобы учение такого характера, как то, что изложено в Гатах, могло бы получить официальное признание в та-

[1] Это должно нас заставить отбросить VI в. в качестве даты для создания Гат, если мы признаём, что маги были носителями именно данного учения.

[2] Если только у Геродота (I, 107 и далее) нет анахронизма. Полагаем, однако, что его рассказ, подтверждаемый в ряде деталей, здесь достоверен. Если бы имя «Фраорт», вероятно, связанное с учением Заратуштры, можно было, по Геродоту, отнести к VII в., то дату появления этого учения в Мидии следовало бы отнести не позже чем к концу VIII в. Но в VIII в. мы, как уже упоминалось, встречаем чисто «языческие» культы, во всяком случае в западной и центральной Мидии, и само это имя относится в действительности, очевидно, к VI в. до н. э. С другой стороны, следует обратить внимание на то, что уже рельефы на гробницах мидийских царей (Киаксара и Астиага?), — во всяком случае, на гробницах первой половины VI в., — как увидим ниже, изображают «маздаяснийский» обряд, связанный исключительно с приверженцами учения Заратуштры в его различных формах.

ком государстве, как Мидийское? Могли ли маги — официальные жрецы Мидийского царства — быть носителями такого учения? Вполне. Даже более того, нечто подобное этому учению было этому государству совершенно необходимо.

Ситуация была во многом аналогичной той, которая создалась в Иудейском царстве в X—VIII вв. до н. э: разрушение общинных порядков, разорение общинников родовой знатью, опиравшейся, в частности, на местные традиции и местные культы, которые находились в их руках, привело там к движению «пророков», направленному против родовой знати и местных культов, которым противопоставлялся единый культ верховного бога Яхве. С другой стороны, царская власть, опираясь на широкие круги рядовых рабовладельцев и свободных производителей материальных благ, видела своего врага в той же родовой знати с ее сепаратистскими тенденциями. Поэтому те из царей, которые не были непосредственными ставленниками крупной знати, блокировались с пророческим движением; этот блок нашел завершение в ликвидации местных культов и культовых центров, в установлении единственного в пределах государства культа бога Яхве и монополии иерусалимского жречества, организованного в корпорацию, оформленную в виде «племени» левитов (реформа Иосии в 622 г. до н. э., довершенная уже после возвращения иудеев из вавилонского пленения при Ахеменидах). Правда, развитие производственных отношений в Палестине было относительно более высоким, чем в Мидии того же времени, ибо хотя иудейско-израильские племена осели на землю лишь не многим раньше, чем иранские мидийские племена (в последней четверти II тысячелетия до н. э.), но их появлению предшествовало классовое уже общество у автохтонного населения, чего в Мидии не было. Но, с другой стороны, объединение всей Передней Азии Ассирией содействовало нивелировке уровней развития не только охваченных ассирийской державой, но и сопредельных стран, а равно и усилению и обострению всех противоречий. Именно поэтому уже на заре классового общества, в VIII—VII вв. до н. э., и в Мидии должна была создаться ситуация, аналогичная той, которую мы в это же время встречаем в Палестине.

Другой аналогией можно считать введение унифицированного религиозно-этического учения буддизма как официальной религии великой державы Маурья в Индии при царе Ашоке (III в. до н. э.) в результате борьбы с сепаратистской местной знатью, блокировавшейся со старым «языческим» жречеством — брахманами.

Учтем то обстоятельство, что в начальный период классового общества ведущее положение в среде господствующего класса всегда занимает родовая знать — вожди, жрецы и т. п., — выделившаяся еще в недрах первобытно-общинного строя. Но объединенное государство может создаться, лишь преодолев родовые традиции и господство родовой олигархии, сильной своими местными, общинными корнями и потому всегда сепаратистской. В южном Двуречье создание единой централизованной

державы длилось столетиями и стоило тяжелой и кровопролитной борьбы с местной родовой знатью. В Египте местная родовая знать была ликвидирована впервые при Среднем Царстве — через тысячу лет после начала классового общества. В Палестине дело обошлось отрезком времени в 200—300 лет, но речь шла об объединении сравнительно небольшого пространства. В Мидии же, если она хотела сохраниться в качестве крупной державы, единство должно было быть создано в кратчайший срок. То, что было возможно в период существования мелких «городов-государств», окруженных со всех сторон территориями, населенными людьми, жившими еще первобытно-общинным строем (как это было с ранним Двуречьем или Египтом), то не было возможно в VII—VI вв. до. н. э. В это время государство должно было либо быть великой державой, либо погибнуть в неравной борьбе с более сильными противниками. Ассирийская держава окончательно создалась как военно-административное объединение разных племен и народов лишь в IX в. до н. э., после более чем тысячелетней истории Ассирии как классового общества. Столь же древнюю историю имело и Вавилонское государство. Но Мидия, для того чтобы существовать на равных правах с такими государствами, должна была стать единой державой, крупной военной монархией, едва лишь вступив на путь классового развития. Подавление местной, сепаратистской знати должно было быть проведено здесь быстро и решительно. Задача эта была исключительно трудной и, по существу, неисполнимой без соответствующих идеологических лозунгов. Проповедь единого божества, отрицание местных божеств, борьба против знати — все то, что содержалось в Гатах, было как нельзя лучше приспособлено для того, чтобы служить такими идеологическими лозунгами создающейся единой царской власти. И если мы встречаем магов при дворе мидийских царей, то это безусловно означает, что они были носителями подобной или, вернее, этой самой идеологии. Если учение Гат отражало интересы массы свободных общинников, то следует помнить, что это была такая общественная группа, с которой царская власть вполне могла блокироваться: не нужно забывать, что свободные общинники рабовладельческого общества — это не то же, что эксплуатируемые крестьяне феодального; вместе с рабовладельцами они, по крайней мере в начальный период рабовладельческого общества, составляют одно сословие свободных.

Итак, можно предполагать, что «маги», точнее, жрецы āϑravan- из племени магов, принесли учение Гат к мидийскому двору, где оно было принято как официальное.

Впрочем, это было уже не совсем то учение, с которым мы знакомимся в Гатах. Как пошло дальше развитие этого учения, об этом мы узнаем из прозаических молитв «Ясны семи глав» («Хаптангати»), несколько более поздних, чем Гаты, но составленных еще на том же диалекте, что и они.

Изменение пошло главным образом по линии бóльшей конкретизации абстрактных понятий Гат (в соответствии с тогдашним средним уровнем

понимания) и по линии бо́льшего приближения к привычным народным религиозным воззрениям и обрядам. Персонификация качеств божества, едва намеченная в Гатах, например в XXX главе «Гаты Ахунавати», здесь является уже почти полной; Праведность (Arta), Благомыслие, Добровластие, Святая набожность, Здравие и Бессмертие являются здесь уже в виде божеств или ангелов, носящих общее название «Бессмертных святых» (Amərta Spənta-). Кроме того, важное место занимает поклонение благодетельным для человека стихиям: Земле, Водам и Огню; жертвы приносятся даже древним мифическим существам — например, священному ослу, стоящему посреди озера Ворукарта. Поклонение оказывается также духам умерших праведников — fravarti-, которым приписывалось благодетельное влияние на жизнь и действия живущих.[1] Наконец, здесь имеется особое наименование данного религиозного учения в противоположность другим культам — «Вера поклонников Мазды» (Dainā Māzdayasniš).[2]

Культы божеств, отдельных от Ахуры Мазды и его «Святых Бессмертных», в частности, характерные для позднейшего зороастризма культы Митры и Анахит, здесь еще не появляются.

Судя по сообщениям Геродота, маги его времени (и, вероятно, уже несколько более раннего) пошли еще дальше по пути дальнейшего развития учения «маздаяснизма».

О персах, руководимых в религиозном отношении магами, Геродот (I, 131) рассказывает следующее: «Ставить кумиры, сооружать храмы и алтари у них не дозволяется. . . мне кажется, что они не представляют богов человекоподобными, как делают это эллины. У них в обычае приносить Зевсу (т. е. верховному божеству, — *И. Д.*) жертвы на высочайших горах, причем Зевсом они называют весь небесный свод. Приносят жертвы они также солнцу, луне, земле, огню, воде и ветрам. Этим одним божествам приносят они жертвы искони».[3] Затем следует описание жертвоприношений, совершаемых при обязательном участии магов (к этому мы еще вернемся). Несколько ниже Геродот (I, 140) сообщает: «Нижеследующая подробность сообщается как тайна, явно о ней не говорят, именно, что труп умершего перса погребается не ранее, как его

---

[1] Культ предков, конечно, гораздо старше Гат; но, к сожалению, хотя это очень важно для истории Мидии, имея в виду распространение в ней имени Fravartiš как собственного, мы не можем сказать, было ли самое понимание духов предков именно как fravarti- (буквально «исповедующих») введено впервые в этом учении, или также существовало уже и раньше. Первое кажется вероятнее.

[2] Термин этот известен и в ахеменидское время из элефантинских папирусов. По существу он означает только «закон поклонников Мазды», а поклонниками Мазды могли себя считать не только сторонники учения Гат и Заратуштры. Но здесь важно само понятие «закона» как религиозной нормы, чего нет в старых «естественных» религиях.

[3] Далее Геродот говорит о позднейших, заимствованных персами культах, которые нас здесь не интересуют.

разорвет птица или собака. Что так поступают маги, я знаю доподлинно, потому что они делают это открыто. (Обычно же) персы покрывают труп воском [1] и затем хоронят в земле. Маги. . . собственноручно умерщвляют всякое животное, кроме собаки и человека, а также вменяют себе в заслугу умерщвление возможно большего числа муравьев, змей и других пресмыкающихся и летающих животных». Засвидетельствовано Геродотом у персов и почитание духов предков: упоминаемые им (III, 67) «царские боги» — это несомненно фраварти «Ясны семи глав».

Это описание Геродота совпадает во многом, если не считать отдельных неточностей, с данными «Ясны семи глав», а кое в чем ближе стоит уже к более поздним частям Авесты. Сообщение Геродота — древнейшее свидетельство о своеобразном обычае, столь важном для позднейшего зороастризма: выставлять трупы на съедение птицам и собакам и погребать только кости. Возникновение этого обычая является логическим следствием почитания стихий, которые запрещается осквернять чем-либо,[2] и в особенности трупом. Однако, если во времена составления авестской книги Видевдат [3] захоронение трупа в земле или сожжение его считалось величайшим преступлением, то в ахеменидское время обычай зороастрийского погребения не мог еще внедриться столь глубоко: ему следовали только маги, а из персов — лишь некоторые, но и то тайно; остальные довольствовались тем, что покрывали труп воском, чтобы предотвратить его непосредственное соприкосновение с землей, или, как показывают археологические данные, хоронили его в металлическом гробу.[4]

Убивать вредных животных (χrafstra) значило, согласно Младшей Авесте, участвовать в борьбе со злом и вменялось в обязанность верующим.[5] Это — также логическое развитие идей дуализма, заложенных в Гатах.

Имеются в описании Геродота и другие новые черты по сравнению с «Ясной семи глав». Таково почитание Солнца, Луны и Ветров (точнее Воздуха, Vayu), неизвестное последней, но засвидетельствованное Младшей Авестой. Самостоятельное почитание Солнца как такового и ей, правда, не известно (почитается лишь божество, первоначально солнечное, — Митра), но мы узнаём, что солнце — это глаз Ахуры Мазды (чем,

[1] Чтобы прикосновением трупа не осквернить землю.

[2] Ср. у Геродота о персах: «В реку они не мочатся, не плюют, не моют в ней рук», и т. д. (I, 138) и об осквернении огня (III, 16).

[3] Видевдат, VI, 44 и сл.; ср.: I, 13 — «Грех, для которого нет искупления: хоронить мертвых».

[4] Mém., Dél. en Perse, VIII. Paris, 1905, стр. 29 и сл. (работа Ж. де Моргана) и pl. II.

[5] К вредным животным, несмотря на удивление некоторых западноевропейских исследователей, относятся, конечно, и муравьи, как ясно всякому южанину. Интересно, что Хертель считает этот весьма полезный обычай магов — истреблять вредных животных — доказательством их «неарийской» безнравственности!

между прочим, подтверждается показание Геродота об отождествлении верховного божества с небесным сводом). Кроме того, Солнце и Месяц (последний считался особенно связанным с рогатым скотом и потому назывался gaučiϑra — «прообраз коровы») рассматривались как сильные сторонники Ахуры Мазды в его борьбе с силами зла. Культ ветра, Вайу, занимает важное место в Младшей Авесте.

Таким образом, новые черты верований и обрядов, которые дает описание обычаев магов и руководимых магами персов у Геродота, — это частью развитие элементов, заложенных уже в Гатах и в «Ясне семи глав», частью же чуждые им элементы. Однако и эти элементы не являются враждебными идеям «Ясны семи глав»: Солнце, Луна, Ветер — это лишь дальнейшая конкретизация тех стихий, поклонение которым проповедуется в ней. Мы видели, что даже почитание священного осла не воспринималось уже во времена «Ясны семи глав» как несовместное с учением Заратуштры. Поэтому мы не можем, как делают некоторые исследователи, видеть в изменении верований в более поздних частях Авесты сознательную фальсификацию учения Заратуштры «коварными» магами; дело идет просто о постепенном проникновении в официальное вероучение старых, традиционных верований и культов, лишь бы их так или иначе можно было примирить с учением о борьбе доброго и злого начал.

Рис. 69. Маг, несущий жертвенного козленка. Рельеф из Персеполя, V в. до н. э.

То же касается и обрядов, приписываемых религии магов Геродотом (см. выше). По его словам, жертвоприношение у персов обязательно совершалось в присутствии мага, который пел при этом священные песни о происхождении богов.[1] В жертву приносился скот (Her., I, 132).

Кроме того, Геродот говорит и в других случаях о жертвоприношении скота: Ксеркс «принес в жертву Троянской Афине тысячу быков» (VII, 43), а маги принесли в жертву реке Стримону во Фракии белых лошадей (VII, 113). Изображение мага, несущего жертвенного козленка, имеется среди рельефов Персеполя (рис. 69 и ср. рис. 67).[2]

Имелись и случаи принесения человеческих жертв (причем подземным богам, т. е., с точки зрения зороастризма, «дэвам»): «Я слышал, — пишет Геродот, не ручаясь в этом случае за правдивость сообщения, — что и

[1] Это не Гаты, как полагают некоторые исследователи, так как Гаты не носят космогонического характера. Впрочем, это могла бы быть Ясна, XXX.

[2] SPA, IV, pl. 97; ср. pl. 98 — маг с закрытым сосудом для хаумы?

жена Ксеркса, Амestрида, велела закопать дважды семь персидских юношей знатного происхождения в честь божества, которое помещают под землей, в благодарность за достижение глубокой старости». Во всяком случае, по словам Геродота, во Фракии персы принесли в жертву, закопав в земле, 9 юношей и 9 девушек (VII, 114). В человеческих жертвоприношениях Геродот обвиняет не магов, а только самих персов; мы уже видели, что персы времени Ахеменидов не полностью еще подчинились учению маздаяснизма, и в дальнейшем мы увидим этому и другие примеры.

Жертвоприношения скота вполне типичны для позднейшего, классического зороастризма. Несмотря на осуждение гекатомб в Гатах, жертвы скотом не чужды и учению самих Гат. Так, скот, требуемый Заратуштрой в XLIV главе Ясны, вероятно, предназначается для жертвы. В более поздних частях Авесты жертвоприношения скота упоминаются часто, в том числе и жертвы 100 лошадей, 1000 быков и 100 000 овец (например: Яшт V, 21). Это также не столько подмена первоначального «нравственного» учения «злонамеренными» магами, как это толкуют Хертель и другие, сколько уступка господствовавшим в обществе понятиям в области обрядности.

К сожалению, подлинные восточные тексты ахеменидского времени дают нам мало положительных сведений относительно религии тогдашнего Ирана. Можно спорить, в какой мере религиозно-этическая терминология ахеменидских надписей является зороастрийской или близкой к зороастризму; однако бесспорно то, что верховным божеством в них является Ахурамазда, наряду с которым упоминаются и другие боги (у Дария I лишь в общем виде, а не поименно, при Артаксерксе II — специально Митра и Анахита), что Ксеркс осуждал поклонение «дэвам» и почитал вместе с Ахурамаздой «священную Арту» («Праведность»; ср. также элемент Arta- во многих собственных именах), причем ее эпитет brazmaniya- связывается с священным пучком ветвей Авесты — barəsma- (?). Не вполне ясные указания эламских хозяйственных текстов из Персеполя свидетельствуют, по мнению издателя их Камерона,[1] о том, что маги в Персиде совершали священные возлияния (о чем сообщает и Геродот, VII, 43) — zauϑra-, применяя для этого священный напиток hauma-, общий иранцам с индийцами (у индийцев — sōma) и пользующийся огромным почитанием в Младшей Авесте: одна из черт, проникших в зороастризм из народных верований и обрядности.[2]

Можно с уверенностью дать такое определение: персы времени Ахеменидов были под сильным влиянием учения магов, хотя еще не усвоили его полностью; учение же магов этого времени находится на промежуточ-

---

[1] G. G. Cameron, ук. соч., стр. 7, 42, 99. — R. T. Hallock. New Light from Persepolis. JNES, IX, 4,1950, стр. 239.

[2] Некоторые исследователи полагают, что Гаты иносказательно осуждают употребление хаумы (Ясна, XLVIII, 10).

ной ступени между учением Гат, а особенно «Ясны семи глав», и учением Младшей Авесты.

При всем том, хотя мы даже и признаем вероятность реального исторического существования Заратуштры,[1] мы не можем назвать учение магов, распространенное в Мидии времен Дейокидов и в ахеменидской Персии, собственно зороастризмом. Под этим названием мы понимаем религию догматическую, «пропагандистскую», фиксированную с помощью писаного канона священных книг, знающую понятие ереси и т. п., — т. е. религию сасанидского Ирана. Более ранние религиозные движения и учения, хотя бы они и легли в основу сасанидского зороастризма и были связаны с именем вероучителя Заратуштры и даже с теми или иными религиозными сочинениям (вроде Гат), которые вошли в зороастрийский канон, — несмотря на все это, мы не называем и не должны называть зороастризмом. Так точно о иудаизме мы можем говорить только с того времени, когда его догмы и учение были оформлены в конце VI в. до н. э. Иезекиилом и его соратниками и возникла резкая черта, разделявшая иудея от не-иудея, или даже, пожалуй, с еще более позднего времени, когда учение это начало проводиться на практике. До этого времени, хотя мы и находим, например, у пророков VIII—VII вв. до н. э. многие элементы позднейших иудаистических верований и, в особенности, ритуала, однако мы не называем все это иудаизмом. В Индии мы также не назовем «индуизмом» вероучения ведического периода, хотя они и легли в основу индуизма феодальной эпохи.

Если учение магов VIII—IV вв. до н. э. и было вполне определенным религиозным течением, то все же резкой грани между верующим и неверующим или инаковерующим еще не было. Лучшее тому доказательство — персы, которые хотя и принимали религиозное руководство магов («совершать жертвы без мага у персов не в обычае»), однако, как мы видели, позволяли себе существенные отступления от их учения и обрядности. Не случайно «Ден-Маздаясниш» — «Маздаяснийская вера», — занесенная в Каппадокию несомненно при Ахеменидах (прекрасное свидетельство распространения при них именно учения Заратуштры) и здесь персонифицированная и являвшаяся объектом поклонения (в точности, как и в Младшей Авесте), вступает, согласно надписи из Арабиссона, найденной Я. И. Смирновым, в. . . законный брак с вавилонским богом Белом![2]

---

[1] Против этого обычно выставляют и тот довод, что Геродот не упоминает Заратуштры. Но он, конечно, необходимо должен был упомянуть его лишь в том случае, если бы Заратуштра жил при ахеменидских царях, как это думают Хертель, Херцфельд и акад. В. В. Струве (см. об этом выше, стр. 48 и сл.). В ином же случае ему не было причин упоминать его: ведь верованиям и учениям магов у него уделено меньше страницы текста и речь о них идет лишь мимоходом.

[2] См.: M. Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik, I. Giessen, 1909, стр. 73 и сл. Именно эта синкретическая религия магов отражена также в надписи Антиоха Коммагенского и в описании культа магов у Страбона (XV, 3, 15).

Ф. Энгельс пишет: «Старые, естественно возникшие племенные и национальные[1] религии не имели пропагандистского характера и лишались всякой силы сопротивления, едва только погибала независимость тех племен и народов, которым они принадлежали».[2] «Все религии древности, — пишет он в другом месте, — были первобытными племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и тесно срослись с ними. Раз была разрушена эта их основа, сломаны унаследованные общественные формы, стародавнее политическое устройство и национальная независимость, то, разумеется, рушилась и связанная с ними религия. Национальные боги могли терпеть других национальных богов рядом с собой у других народов, и в древности это было общим правилом, — но отнюдь не над собой».[3]

Учение Заратуштры и магов занимает промежуточное положение между «старыми, естественно возникшими религиями» племен и народностей и догматическими религиями позднейшего времени. Общество Мидии, Бактрии, Персии в это время еще только вступало на путь классового развития; племена еще только находились в процессе складывания в народности. Поэтому религия Заратуштры не могла еще быть такой религией, какие возникают обычно в период кризиса рабовладельческого общества. Но в то же время это не «естественно возникшая религия», а определенное учение, созданное определенными вероучителями.

Для того чтобы такое учение могло стать официальным, необходимо было, чтобы государство приложило известную силу. Маг Гаумата и Ксеркс, разрушавшие при Ахеменидах местные святилища племенных божеств — «дэвов», без сомнения имели предшественников в Мидийском царстве.[4]

Однако, как бы теоретически нетерпимы ни были, быть может, маги, какие бы ни делались попытки ограничения культов, практически «маздаяснийская вера» того времени не была и не могла быть действительно вполне нетерпимой. Она не получила в то время почти никакого распространения за пределами Иранского нагорья (включая Азербайджан) и, может быть, довольно близких к нему по развитию Армении и горной Каппадокии, где она распространилась при Ахеменидах. Если было пре-

---

[1] Сейчас, после марксистской разработки национального вопроса, мы бы сказали «религии народностей», — *И. Д.*

[2] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 656.

[3] Ф. Энгельс. О происхождении христианства (некролог Бруно Бауэра). В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 607.

[4] Отголоском возможной конфискации Дейокидами хозяйств старых святилищ, быть может, является сообщение Полиэна (VII, 1 — по Динону?) о том, что мидяне вынесли постановление, чтобы Дейок жил в цитадели Экбатаны и имел телохранителей-копьеносцев, а также, что они «устроили (ему) снабжение (khorēgia) продовольствием из средств святилищ».

следование не-«маздаяснийских» культов, то только в пределах своей же страны, так как оно было направлено против соперников в борьбе за политическое и идеологическое господство; поэтому такое преследование могло уживаться с допущением совершенно чуждых культов у подчиненных народов (даже с покровительством этим культам) и со взаимным обменом идеями и представлениями. К тому же и самые преследуемые «поклонники дэвов» во многих случаях, вероятно, поклонялись (подобно персам) тому же Ахурамазде, и вообще не было четкой грани между привычными старыми верованиями и теми, которые были разрешены правоверному «маздаяснийцу». Во всех громадных пределах Ахеменидской державы свободно и без ограничений осуществлялись разнообразнейшие культы различных входивших в ее состав народностей. Поэтому мы должны строго различать учение магов этого времени, которое несомненно могло иметь различные, чисто местные или даже индивидуальные оттенки и переходные формы, незаметно переходившие в старые, естественно возникшие религии иранских племен, — от строго канонической, жестко отделявшей верных от неверных, письменно фиксированной религии сасанидского времени. Только вторую мы можем назвать зороастризмом. Первую, как мы уже указывали, мы так не можем и не должны называть, хотя бы уже потому, что очень трудно провести реальную грань и показать, где кончается учение Заратуштры и развившиеся из него религиозные формы и где начинается «естественная» племенная религия.

Именно этой неопределенностью догм, соответствующей уровню развития общества, а вовсе не объясняющейся какой-то намеренной фальсификацией нравственного учения Заратуштры, можно и должно объяснить постепенно все большее проникновение в зороастризм элементов «естественных» племенных, дозаратуштринских культов.

Все сказанное выше в полной мере относится к религии Мидии, с той лишь разницей, что в VII—VI вв. учение магов должно было еще стоять ближе к «Ясне семи глав», чем в VI—IV вв. и, с другой стороны, проникновение этого учения в широкие народные массы, с вытеснением старых верований и культов, должно было быть еще относительно более слабым и поверхностным. В особенности это верно в отношении населения нынешнего Азербайджана, с его очень старыми, неиранскими традициями; проникновение учения, приспособленного к условиям мидийского племенного союза и излагаемого на иранском языке, в то время еще, вероятно, плохо понятном или совсем непонятном в Манне, должно было первое время идти туго. Однако, вероятно, уже в то время в этой области, как наиболее плодородной в государстве, были выделены земли для создававшихся святилищ магов;[1] таким образом, здесь создавался оплот нового учения на будущее время.

---

[1] Иначе трудно объяснить происхождение храмовых земель магов преимущественно именно в этой, не коренной иранской стране, где население долгое время должно было с трудом понимать иранский язык. В Мидийской державе, если не считать

Чтобы покончить с вопросом об Авесте, скажем еще несколько слов о том, как нам представляется ее дальнейшая история.

Развитие маздаяснийского учения[1] шло в ахеменидский период по двум линиям. С одной стороны, по мере его распространения на все более широкие массы населения шла ассимиляция им старых народных верований и культов, часто значительно более старых, чем Гаты. После завоевания Ахеменидской державы Александром, в условиях победоносного внедрения эллинистических культов и раздробления бывшей ахеменидской территории на множество мелких государств, этот процесс впитывания «языческих» элементов в учение Заратуштры интенсивно продолжается.[2] Памятником этого процесса являются мифологические гимны Младшей Авесты — Яшты, часто содержащие исключительно древний материал.

С другой стороны, в ахеменидское время шла философская разработка учения Заратуштры, в частности, его учения о борьбе доброго и злого начала. Оно вылилось теперь в учение так называемого «зерванизма». Согласно этому учению, добрый дух Ахура Мазда (Охрмазд, Ормузд) и злой дух Ангхро Манью (Ахраман, Ариман) — сыновья-близнецы[3] «Бесконечного времени», Zrvān akarana. Оба они обладают равной силой; каждый из них правит миром по три тысячи лет,[4] и три тысячи лет они должны бороться между собой. Всякий праведный человек должен стремиться помогать доброму началу, но и злому необходимо приносить умилостивительные жертвы.[5] Как показал Бенвенист,[6] именно это учение и излагает Плутарх в качестве «учения магов»,[7] следуя за писателем IV в. до н. э. Теопомпом.

Это религиозно-философское учение зерванизма было отброшено как еретическое, когда в конце парфянского и в начале сасанидского периода

подверженной военной опасности, пограничной Северной Месопотамии, не было более богатой и плодородной области; но было бы трудно объяснить, почему именно эта территория была выделена под храмовые земли, например в Ахеменидском государстве. Атропат в конце IV в. застал, вероятно, данное положение уже создавшимся.

[1] Повидимому, в Персидской державе маздаяснийское учение стало официально покровительствуемым — после неудачной попытки Гауматы — впервые при Ксерксе.

[2] Постепенно выделился целый ряд новых, прямо или косвенно связанных с маздаяснизмом религиозных учений самостоятельного характера, как например, популярный в Риме митраизм.

[3] Близнецами они названы уже в Гатах (Ясна, XXX, 3).

[4] Это и есть те «6000 лет», которые якобы протекли, согласно греческим авторам, между явлением Заратуштры и их собственным временем.

[5] Ср. уже: Her., VII, 114!

[6] E. Benveniste. The Persian Religion according to the Chief Greek Texts. Paris, 1929, стр. 69 и сл. Ср. также: К. В. Тревер. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма. ТОВЭ, I, стр. 240 и сл.; R. C. Zaehner. Postscript to Zurvān. BSOAS, XVII, 2, 1955, стр. 233.

[7] Plut. De Iside, 46—47.

начал складываться канон Авесты[1] и догма зороастрийской религии. Оформляющийся зоаростризм был поставлен на службу слагающейся сословной системы; четко разработанная, строго обязательная обрядность резко отграничила мир ритуально-«чистых» верующих зороастрийцев от «нечистого» внешнего мира. Это прекрасно отражено в обрядовых предписаниях книги Видевдат («Закона против дэвов»). Идеи зерванизма сохранились лишь в манихеизме и в других признаваемых еретическими учениях.

Мы были вынуждены сделать длинное отступление в область истории Авесты и ее учения, но это было необходимо, поскольку нужно было выяснить характер официальной культуры Мидийского царства, — тем более, что проблема имеет спорный характер. Подводя итог, можно сделать следующее заключение. Примерно одновременно с созданием Мидийского царства как крупной державы в Мидии распространилось учение «маздаяснизма», восходящее к учению Гат, приписываемому Заратуштре. Это учение распространялось через жрецов-проповедников из восточномидийского иранского племени магов, на иранском языке. Учение это имело примерно такое содержание, какое отражено в Ясне, XXX (см. выше, стр. 387 и сл.) и «Ясне семи глав» (см. выше, стр. 393 и сл.), и привлекало массы проповедью, направленной против знати и местного жречества, как в Ясне, XLVI, однако некоторые элементы (например, почитание Митры), отраженные лишь в Младшей Авесте (в Яштах и даже в Видевдате), были уже налицо. Учение магов было энергично поддержано мидийскими царями в их борьбе с сепаратизмом местной знати и, вероятно, частично насаждалось даже насильственно. Во всяком случае, в начале VI в. до н. э. оно было в Мидии официальным, хотя, конечно, не все его придерживались и не все предписываемые им обряды и установления соблюдались даже его приверженцами.

В частности, в Мидии VII—VI вв. до н. э. безусловно не существовало еще обычая выставлять трупы на башнях для съедения птицам и собакам. До нас дошел целый ряд скальных гробниц, в том числе с изображением мага, которые показывают, что мидийские цари и вельможи нашли другой способ избегать осквернения земли трупом.[2] Выставление

[1] Собирание канона Авесты началось при парфянах (зороастрийская книга «Денкарт» называет одного из Вологезов); канон был «очищен», по традиции, верховным жрецом Картиром при основателе династии Сасанидов, Арташире I, и заключен азербайджанским магом Адарбадом (Атропатом), сыном Мехраспанда, при Шапуре II (309—379 гг. н. э.).

[2] Часто указывается на факт сооружения Ахеменидами и их предшественниками скальных гробниц как на доказательство того, что они не были последователями Заратуштры. Не высказываясь по существу вопроса о религии царей ахеменидской династии, следует, однако, обратить внимание на то, что из этого факта отнюдь нельзя сделать такого вывода: во-первых, Гаты не содержат предписаний об обряде захоронения, а во-вторых, от осквернения оберегалась главным образом плодородная земля, а камень не «боится» осквернения: см., например: Видевдат, VI, 45—46: труп прикрепляется к погребальной башне камнями; его можно выставлять на вершинах гор.

трупов практиковали только сами маги, принесшие этот обычай со своей родины под Демавендом, где они могли воспринять его от своих соседей каспиев или от некоторых племен Средней Азии.

5. Искусство Мидии

К сожалению, о литературе, науке Мидии и т. п. мы совершенно ничего не знаем. Кое-что нам известно лишь об искусстве, да и то преимущественно о раннем, до VII в. до н. э.

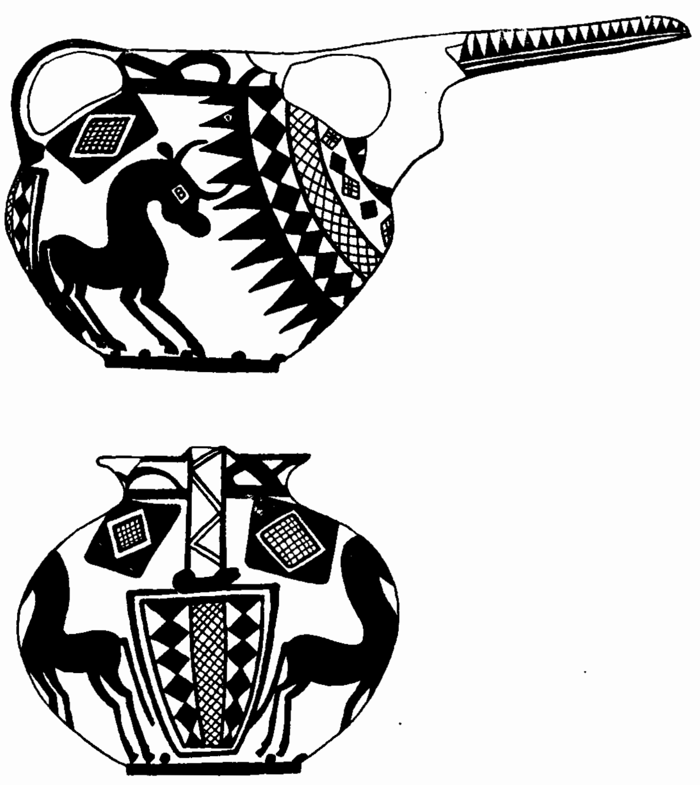

Рис. 70. Расписной сосуд из Тепе-Сиялка. Начало I тысячелетия до н. э.

«Луристанская бронза» не относится, строго говоря, к мидийскому искусству,[1] поэтому наиболее интересные памятники, позволяющие судить об этом искусстве в собственном смысле слова, дают Тепе-Гиян и некрополь «В» из Тепе-Сиялка, а также клад из Зивие, представляющий главным образом маннейское искусство (впрочем, последнее представлено

[1] Мидийскими представляются нам, однако, некоторые предметы, ходившие в антикварной продаже, как «луристанские», например, бронзовый пояс (SPA, IV, pl. 56A).

и другими памятниками, например, великолепными бронзовыми ситулами с чеканкой).[1]

Памятники, о которых идет речь, могут быть разбиты на две категории. Для одной из них, примыкающей к искусству Луристана, характерна несколько вычурная стилизация, главным образом изображений животных, изгибающихся и даже переплетающихся, часто фантастических, в причудливом сочетании с геометрическим орнаментом. Сюда относится, например, расписная керамика из некрополя «В» Тепе-Сиялка.[2] Вторая категория, представленная кладом из Зивие около Саккыза[3] и маннейскими ситулами, примыкает к искусству Ассирии и Урарту; это несколько более поздние памятники (IX—VIII вв. до н. э.). Орнамент, культовые символы (дерево жизни), сюжеты, одежда изображенных людей имеют очень много

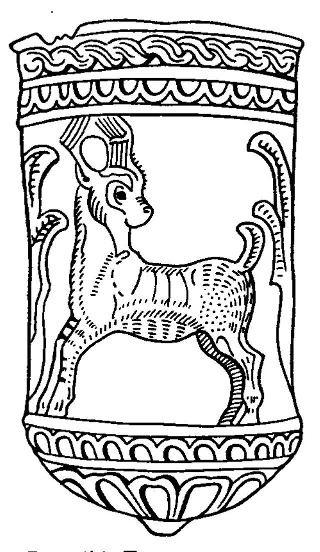

Рис. 71. Бронзовая маннейская ситула. VIII (?) в. до н. э.

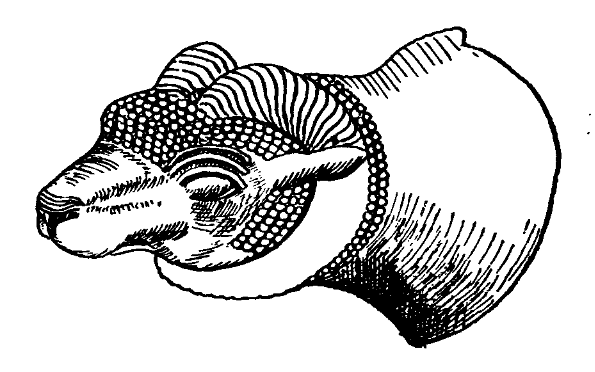

Рис. 72. Глиняный ритон (рог для вина). Зивие (Манна). VIII (?) в. до н. э.

общего с ассирийским и урартским искусством того же времени. Это не удивительно: и ассирийцы, и урарты, и, вероятно, маннеи захватывали мастеров наравне с прочей добычей; в политических центрах создавались смешанные по составу художественные мастерские, и художественные традиции поневоле становились однородными во всех трех державах. При этом господствующий класс во всех трех странах ориентировался главным образом на вкусы самого могущественного двора — ассирийского. Но маннейские изделия все же отличаются — большей стилизацией фигур, пристрастием к изображениям главным образом животных и наличием отдельных элементов стиля первой категории — так называемого «звериного стиля».

---

[1] SPA, IV, pl. 69—72 (вряд ли правильно названы здесь «луристанскими»).
[2] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk... Хорошие образцы см: SPA, I, стр. 193.
[3] A. Godard. Le Trésor de Ziwiyé. Haarlem, 1950.

Издатель клада из Зивие, А. Годар, как уже говорилось, считает Мидию родиной «звериного стиля», распространяющегося начиная с VI в. по скифским степям. И действительно, на отдельных вещах из Зивие (например, на золотой пекторали) можно обнаружить фигуры реальных и фан-

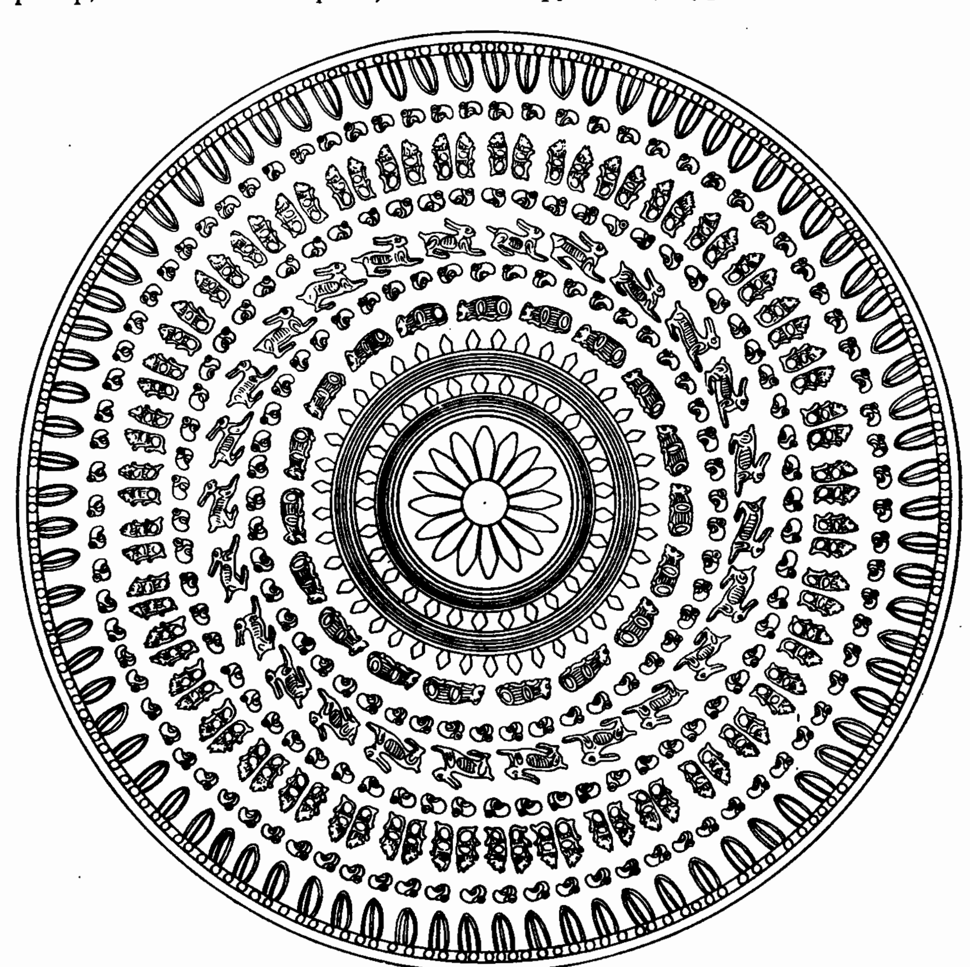

Рис. 73. Серебряное блюдо (?). Зивие (Манна). VIII (?) в. до н. э.

тастических животных, по своей трактовке в точности совпадающих с подобными же фигурами на скифских изделиях VI в. из Прикубанья и Северного Причерноморья. В то же время эти изображения животных находят аналогии и в более старых изображениях на «луристанской бронзе». Между тем, большинство вещей клада из Зивие вряд ли может быть датировано позже середины VIII в. до н. э., судя по стилистическим особенностям элементов ассиро-урартского типа; другими словами, они были сделаны еще до появления скифов и даже киммерийцев в Передней Азии. Лишь немногие вещи, возможно, относятся к началу VII века.

Рис. 74. Золотой нагрудник (пектораль) из Зивие. Маннейско-мидянское искусство. VIII в. (?) до н. э.

Каково было влияние установления идеологического господства магов на искусство Мидии? Это сказать трудно, так как до нас совершенно не дошли вещи, которые мы могли бы с уверенностью датировать VII — началом VI в. до н. э. Некоторое представление об искусстве и, в частности, об архитектуре дают нам скальные гробницы, повидимому, именно этого времени. Наиболее полный их перечень дает Херцфельд.[1] Он насчитывает их шесть, кроме гробниц на территории Персиды. Наиболее старой представляется нам та, которую Херцфельд считает самой поздней,[2] — ниша для выставления трупа около Сакавенда, к югу от Керманшаха. Над ней изображена одна большая и две маленькие человеческие фигуры вокруг

Рис. 75. Золотое навершие. Клад из Зивие. VIII (?) в. до н. э.

[1] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 201 и сл.

[2] Херцфельд приписывает ее магу Гаумате (ум. в 522 г. до н. э.) на том единственном основании, что ему представляется возможным сопоставление (с нашей точки

алтарей огня. Фигуры сделаны неуклюже и непропорционально; трактовка их и техника изготовления рельефов еще мало отличаются от луллубейских и эламских рельефов.

Остальные скальные гробницы являются имитацией жилого дома. По большей части они состоят из одного или нескольких внутренних помещений и фасада-портика на столбах или очень упрощенных колоннах. Наиболее северная из гробниц — Фахрика в древней Манне, недалеко от Миандуаба — не имеет фасада, а просто представляет собой каменный навес на столбах — очевидно, помещение для выставления трупов. Эту гробницу трудно датировать, но обряд погребения, в корне расходящийся с существовавшим ранее в приурмийском районе (ср. с погребениями на Гёй-тепе),[1] не позволяет принять более раннюю дату, чем VII в.

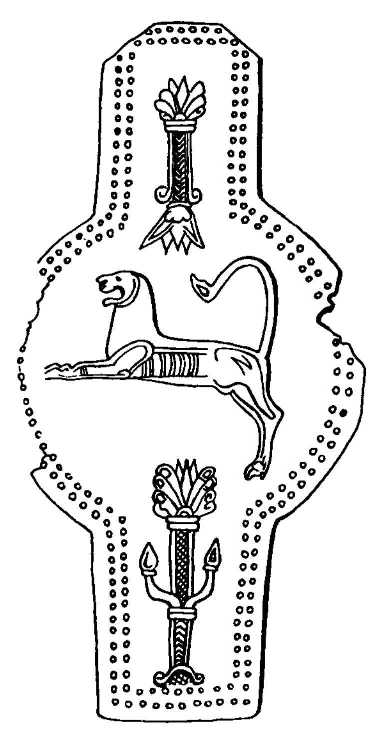

Рис. 76. Серебряная часть колесничной упряжи. Клад из Зивие. VIII (?) в. до н. э.

По внешнему виду очень сходна сложная по внутреннему устройству скальная гробница у Сехнэ, между Керманшахом и Хамаданом. В отличие от гробницы у Фахрики, она является имитацией замкнутого в четырех стенах жилища. Над дверью изображен крылатый солнечный диск — широко распространенный на Древнем Востоке символ светового божества. В подобный же диск персы вписывали человеческую фигуру, символизировавшую Ахурамазду.

Наиболее поздними из скальных гробниц являются, вероятно, «Дукан-и Дауд» на дороге из Хамадана в Вавилонию, и две гробницы — «Кызкапан» и «Курх-у-Кич» в долине Шехризора у деревни Сурдаш, недалеко от Сулеймание. Две первые могилы — несомненно царские; но обе расположены на былой ассирийской территории, следовательно, не могли быть воздвигнуты до 612 г. Предположительно «Кызкапан» — могила Киаксара, а «Дукан-и Дауд» — Астиага.

зрения, более чем спорное) названия «Сакавенд» с названием крепости, где был убит Гаумата, которое Херцфельд читает как Sikayahvant- (а также с ассирийским «Сангибути»!). Но, разумеется, Гаумата, убитый восторжествовавшим Дарием I, не мог быть после этого почтен гробницей.

[1] А равно с погребениями в восточной Мидии начала I тысячелетия до н. э.; см. погребения некрополя Тепе-Сиялка.

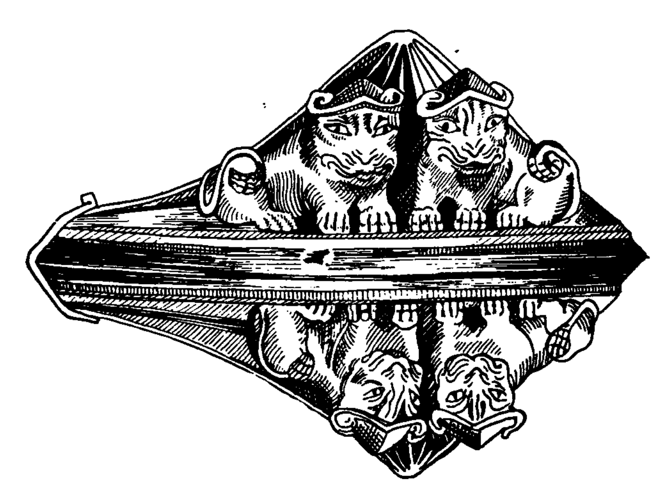

Рис. 77. Золотой браслет маннейско-мидянской работы. Клад из Зивие. VIII (?) в. до н. э.

Подобно гробнице в Сехнэ, «Кызкапан» представляет имитацию дома с большим навесом; колонны превратились в пилястры. Потолок имитирует бревенчатое перекрытие. Между колоннами рельефом изображены символы божеств: диск с четырехкрылой фигурой, диск со вписанным в него человеком и с полумесяцем под ним и диск со вписанной в него звездой; последний символ обычен на Древнем Востоке для Иштар (и планеты Венеры); здесь это, возможно, символ Анахиты. Два других означают солнце и луну, или, как думает Херцфельд, — Ахурамазду и Митру.

Над дверью — рельефное изображение сцены молитвы перед алтарем огня. Слева стоит жрец в характерной одежде мага: поверх обычной восточномидийской одежды накинут длинный халат со свисающими пустыми рукавами; на голове — башлык, «патидана», с повязкой на лице. Одежда царя, стоящего справа, менее ясна; лицо завязано также и у него. Оба держат в руке луки — символ победы (?).

Аналогичное устройство имела и гробница «Дукан-и Дауд». На рельефе у входа изображен один только маг: он одет в эламскую длинную, до пят, рубаху и башлык с повязкой на лице, в руке держит пучок священных ветвей. Изображение, если исключить эламскую одежду, весьма сходно с изображениями магов, вычеканенных на золотых пластинках и изготовленных в виде статуэток из так называемого Амударьинского «клада» — вероятно, ахеменидского времени.

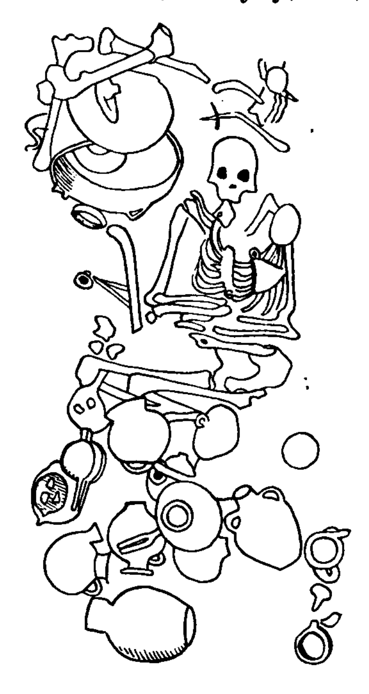

Рис. 78. Доавестское погребение из Паретакены (Тепе-Сиялк).

Фигуры людей на этих двух рельефах мало отличаются по совершенству трактовки, пропорциям и технике от прославленных ахеменидских

рельефов, которые, вероятно, делали ученики тех же самых мастеров, наряду с мастерами, приведенными ахеменидскими царями из завоеванных ими стран.[1]

Не случайно композиция рельефа Бехистунской скалы повторяет хорошо знакомый мидийским мастерам сюжет рельефа луллубейского царя

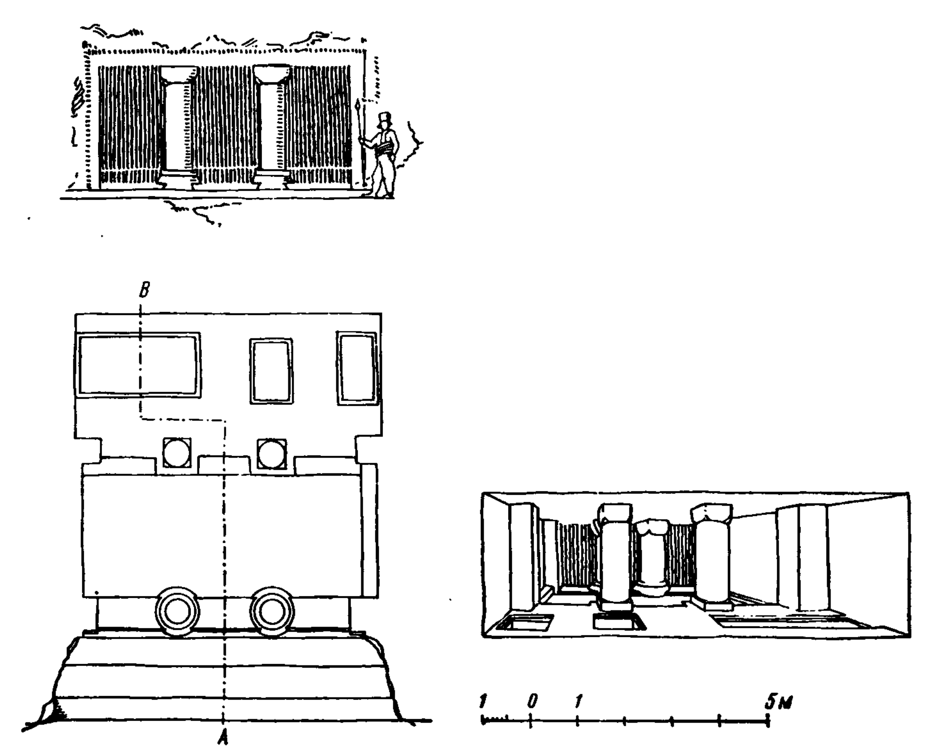

Рис. 79. Скальная гробница Фахрика около Миандуаба.

Анубанини. Некоторая приземистость фигур на рельефах Персеполя также имеет прототип в мидийских рельефах.[2]

В целом в искусстве мидийского скального рельефа чувствуется несомненное знакомство с аналогичным искусством Ассирии и Элама, может быть, и привлечение мастеров из этих стран; но подобно тому, как сама архитектура скальных гробниц — это архитектура народного жилища

[1] «Люди, украшавшие стены (didām) — то были мидяне и египтяне», — Строительная надпись Дария I из Суз: R. Kent, ук. соч., стр. 143, строки 54—55.

[2] На персепольских рельефах ощущается также явное влияние искусства эламского рельефа (например, в бесконечных орнаментальных рядах воинов и данников — ср. рельефы Маль-Амира и Курангуна). Эламское искусство несомненно оказало значительное влияние и на Мидию.

Мидии и окружающих областей,[1] так и искусство рельефа несомненно коренится в старых, еще луллубейско-кутийских традициях.

Рис. 80. Скальная гробница у Сехне.

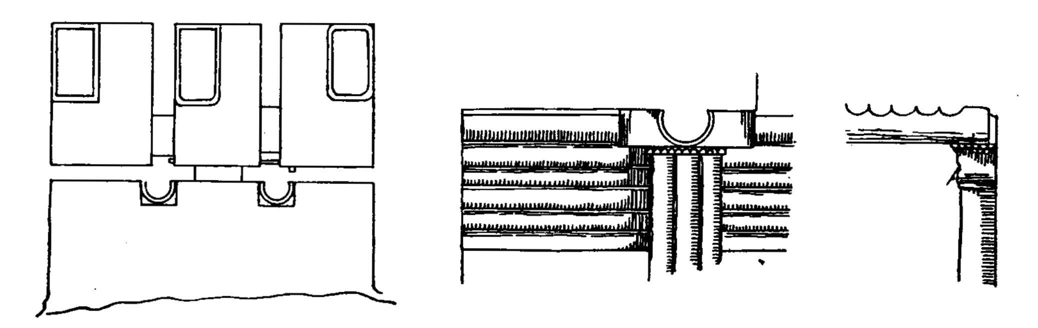

Рис. 81. Скальная гробница «Кызкапан» — предположительно гробница Киаксара (см. также рис. 58).

При этом следует учесть, что наскальные рельефы повсюду и всегда грубее и примитивнее скульптуры по камню, которая украшала дворцы

[1] Это наглядно показано Херцфельдом (Iran in the Ancient East, стр. 209 и сл.).

и храмы и обрабатывалась в мастерских. Несомненно, если бы мы могли раскопать дворцы Экбатаны, мы получили бы более яркое представление об изобразительном искусстве в Мидийском царстве.

Пока мы вынуждены ограничиваться описаниями греческих писателей. Они дают очень мало. Геродот (I, 98) говорит, что цитадель Экбатаны была окружена семью концентрическими стенами, каждая выше предшествующей, окрашенными в разные цвета (белая, черная, красная, голубая, желто-коричневая, с посеребренными и с позолоченными зубцами). Население размещалось снаружи этих стен. Высказывалось мнение, что мидийский осведомитель Геродота рассказывал ему легенду о построении древнего города, широко распространенную в иранской мифологии, и лишь сам Геродот отождествил этот город с Экбатаной.[1] Но крепости, обнесенные несколькими концентрическими кольцами стен, мы знаем в Мидии и по ассирийским изображениям (ср. рис. 48), а примерно аналогичная последовательность цветов известна для уменьшающихся последовательно этажей ассиро-вавилонских храмовых башен — зиккуратов.

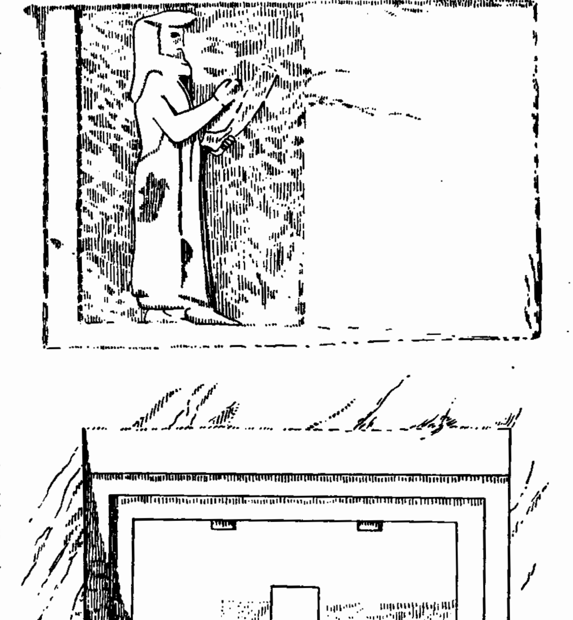

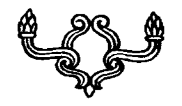
Рис. 82. Скальная гробница «Дукан-и Дауд» и рельеф при ней. Судя по тому, что изображение жертвователя, которое должно было быть помещено справа (ср. рис. 58), не нанесено или стесано, вероятно, что это — гробница Астиага.

Не противоречат, в сущности, рассказу Геродота и известия об Экбатане у писателя II в. до н. э. Полибия, пользовавшегося восторженной записью кого-то из своих современников или современников Александра. По его словам, Экбатана по своему великолепию не поддается описанию. Сам город лежит за стенами, но цитадель прекрасно укреплена. Внутри нее находится дворец семи стадий (свыше километра) в окружности. «Все деревянные части здания из кедра и кипариса. . . балки, потолки и колонны в портиках и перистилях обшиты серебряными или золотыми пластин-

[1] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 200.

ками, а черепица — из чистого серебра».[1] Как мы видим, и это здание имело портик — на деревянных, обшитых золотом и серебром столбах. Аналогичное устройство имел и храм Анахиты,[2] в котором, несмотря на бесчисленных расхитителей, начиная со времен Александра, еще и в конце III в. до н. э. лежало довольно много серебряных и даже золотых плиток.

Конечно, и ахеменидские цари строили в Экбатане,[3] которая была одной из их резиденций, но они, разумеется, лишь расширяли и поддерживали то, что было создано при Киаксаре и Астиаге, и поэтому Полибий прав, говоря, что великолепие дворца в Экбатане «свидетельствует о больших богатствах его первоначальных строителей» — мидийских царей. Действительно, приток богатств в Мидийское царство был и внезапен, и обилен. В этом была причина быстрого и резкого обострения всех внутренних общественных противоречий мидийского рабовладельческого общества, ускорившего его падение.

[1] Polyb., X, 27.
[2] У Полибия — Ainē s.
[3] В частности, кедр, росший тогда, как кажется, исключительно в горах Амана и Ливана в Сиро-Финикии, вряд ли мог быть доставлен в Экбатану Дейокидами.

Глава VII

МИДИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ. ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА МИДИИ АТРОПАТЕНЫ

1. Захват Мидийского царства Киром II персидским

События времени правления Астиага (585/84—550/49 гг. до н. э.) нам мало известны. Наиболее надежный источник, Геродот, подчиняет в соответствующем месте свое повествование основной сюжетной линии — истории рождения и детства Кира и возникновения его войны с Астиагом. Он совершенно отбрасывает все иные, второстепенные, с его точки зрения, события, которые могли бы отвлечь внимание читателя от главного для него вопроса происхождения громадной Персидской державы, единоборству греков с которой и посвящена геродотова «История». При этом рассказ Геродота в значительной мере построен здесь на фольклорных мотивах, и сквозь них едва просвечивает историческая действительность, да и то искаженная враждебной Астиагу гарпагидской традицией, через призму которой до «отца истории» дошли известия о событиях середины VI в. до н. э. в Мидии.

Рассказ Ктесия, дошедший до нас в сокращенных пересказах Диодора, Николая Дамасского и Фотия,[1] по обыкновению выдержан в новеллистическом духе, и события правления Астиага интересуют автора лишь постольку, поскольку они дают материал для новеллы; в рассказе Ктесия очень трудно отделить вымысел от действительности. По мнению большинства исследователей,[2] Ктесий дает иную, чем у Геродота, враждебную Киру, но тоже мидийскую версию, примешивая к ней фольклорные мотивы в еще большей мере, чем Геродот. Несомненно, что в изложении событий у Ктесия имеется изрядная доля вымысла, хотя следует предположить, что доля эта уменьшается по мере приближения ко временам, близким времени жизни самого писателя. Поэтому история V в. у Кте-

---

[1] Photius, cod. LXXII, л. 106, 1—5; C. Müller. Ctesiae Cnidii. . . fragmenta. Paris, 1844 (в Диндорфовом издании Геродота); FGH, II A, Berlin, 1926, стр. 361 и сл.; Diod., IX, 21 и сл.

[2] О возвышении Кира существует большая литература, главным образом конца XIX в.; см. работы Эверса, Бюдингера, А. Бауэра, К. Шубарта, Босанкэ, Прашека, в России — Клингера и т. д.

сия достовернее истории VI в., а эта последняя достовернее излагаемых им древнейших событий. Однако во всех случаях ценность известий Ктесия много ниже ценности известий Геродота. Некоторые данные Ктесия решительно опровергаются фактическим материалом подлинных восточных источников, например, известие о том, будто бы Кир был вовсе не царевичем, а человеком низкого звания; невероятно также сообщение, будто главным подстрекателем Кира был беглый мидийский раб. Однако отдельные детали ктесиева рассказа, собственные имена и т. п. находят подтверждение в восточных источниках; так как, с одной стороны, еще и во времена Ктесия обстоятельства возвышения Кира и создания империи Ахеменидов вызывали особый интерес и широко обсуждались,[1] а с другой стороны, так как Геродот не излагает конкретного хода мидо-персидской войны, и Ктесию в этом отношении не было необходимости с ним полемизировать, то можно полагать, что при всей своей недостоверности Ктесий дает в этом случае и некоторый материал, не преднамеренно фальсифицированный, а лишь приукрашенный и дополненный от себя, там, где ему изменяла память; поэтому в данной части повествования Ктесия на него можно с известной осторожностью опираться ввиду отсутствия лучших источников.

Почти ничего не дает нам «Киропедия» Ксенофонта; действительные события царствования Астиага, если даже они были автору известны (помимо того, что он мог почерпнуть у Ктесия и Геродота), настолько искажены подчинением их литературно-дидактическим задачам, что основываться на «Киропедии» нельзя. Исключение, как уже говорилось, составляют, возможно, данные об армяно-мидийских отношениях.[2]

Сообщения вавилонских источников дают достоверную, но очень скупую канву событий конца царствования Астиага.[3]

---

[1] Акад. В. В. Струве (Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I. ВДИ, № 3, 1948) привел ряд аргументов в пользу того, что в правление Дария в Персии действительно обсуждался, как об этом говорит Геродот (III, 80—82), вопрос о наилучшей форме правления, и в связи с этим неизбежно должен был также встать вопрос о событиях, приведших к возникновению Персидской державы. Проявлявшийся греками интерес к фигуре Кира, отразившийся в рассказах Геродота, Ктесия и Ксенофонта, относящихся к V и началу IV в., безусловно отражает общий интерес к этому деятелю в древнем мире этого времени. Не случайно Дарий II назвал одного из своих сыновей редким именем Кира (родился в конце 20-х годов V в.). Несомненно, о Кире в течение всего V в. много рассказывалось, и Ктесий должен был слышать о нем немало известий, как фантастических, так и некоторых верных. Поэтому не все ему приходилось придумывать самому. О широком интересе к истории Кира можно судить по существованию ряда вариантов повести о нем, известных Геродоту (III. 2; I, 122).

[2] Попытка С. Смита доказать историчность «Киропедии» (S. Smith. Babylonian Historical Texts. London, 1924, стр. 34, 101 и сл.) не кажется нам убедительной.

[3] Сиппарский цилиндр Набонида, NBKI, стр. 218—220: «В начале моего вечного царствования. . . (бог) Мардук говорил со мной: „Набонид, царь Вавилона, на упряжных лошадях твоих вози кирпичи, строй (храм) Эхульхуль (в Харране) и со-

Надо сказать, что если о конкретных событиях этого царствования, во всяком случае до начала войны с персами, судить очень трудно, то источники косвенно дают в наиболее общих чертах опору для определения в целом социально-политической ситуации середины VI в. до н. э. в Мидии и не имеют в этом особых разногласий.

Геродот (I, 123) сообщает, что «Астиаг был жесток с мидянами», но тут же выясняется, что имеется в виду, собственно, мидийская знать, «первые из мидян» — потомки царьков и dahyupati. Мы уже указывали на то, что сильная, единая царская власть могла в этот период существовать в Мидии только в борьбе со знатью и опираясь на широкие массы свободных — как рабовладельцев, так и не рабовладельцев. В своей политике Астиаг использовал учение магов,[1] которое в этот период, как мы предполагаем,[2] еще не сильно отличалось от первоначального учения, связанного с именем Заратуштры, и пользовалось широкой популярностью в массах народа. Ктесий (в отличие от Геродота) прямо не говорит о связи Астиага с магами, но приводит одну любопытную черту, которая подтверждает ее. Согласно Ктесию, предполагаемым преемником Астиага был некто Спитам (Spitamas), муж его дочери Амитиды (Amutis).[3] Но имя «Спитама» — это родовое имя Заратуштры! В изложении Ктесия впоследствии еще раз всплывает имя, связанное с Заратуштрой и его окружением: а именно, он называет мага, захватившего власть в 522 г. до н. э., Сфендадатом (Sphendadatēs). Но это — имя Спентадаты (Исфендиара), сына кави Виштаспы, покровителя Заратуштры;[4] по сказанию, Спентадата был убит в молодом возрасте

оруди в нем жилище (бога) Сина, великого владыки". Почтительно говорил я владыке богов Мардуку: „Этот храм, который ты приказал строить, — его окружило (saḫir-šummā — глагольная форма «пермансив» означает результат законченного действия: «раз окружило и продолжает окружать») войско Манда (ummān-manda), и громадны силы его". Мардук же говорил мне: „Во́йска Манда, о котором ты говоришь, не будет — ни его, ни страны его, ни царей, его помощников". При наступлении третьего года Кир, царь Анзана, его малый раб, поднялся на него и своим малочисленным войском рассеял обширное войско Манда; Ištumegu, царя войска Манды, он захватил и забрал его пленным в свою страну». Так называемая «Хроника Набонида» (S. S m i t h, ук. соч., стр. 98 и сл.; это, вероятно, продолжение «Хроники Гэдда»?), I, 22—II, 4: «[. . . Ištumegu (читай: «Иштувег»), царь умман-манды,] войска собрал и пошел против Кира (Kuraš), царя Аншана, чтобы з[ахватить его . . . . .а] (что касается) Ištumegu — (то) войско его восстало против него; он был захвачен и Киру [они его] отд[али]. Кир в Экбатане (mātAgamtanu), царском городе, — серебро, золото, богатство, имущество [и (живой) полон (?) из] Экбатаны они (!) полонили, — и он забрал в Аншан; богатство, имущество (следовало слово в родительном падеже) [. . . . .]». См. также ниже, стр. 420, прим. 3.

[1] По крайней мере, по Геродоту, маги занимали при его дворе видное положение, и Астиаг с ними совещался.

[2] См. выше, стр. 391 и сл.

[3] Photius, cod. LXXII, л. 106, 2: C. M ü l l e r, ук. соч., стр. 45 и сл.

[4] Это совпадение позволяет отнестись с известной долей доверия к правильности приводимого Ктесием имени «Спитам», хотя имена «Спитам», «Спитамен» встречались во времена Ктесия, и можно было бы подозревать, что Ктесий и в данном случае

врагами учения Заратуштры. Мы знаем, однако, из Бехистунской надписи и из Юстина, что имя восставшего мага было Гаумата, а выдавал он себя за сына Кира, Бардию; но ведь Бардия мог быть сыном Амитиды, дочери Астиага, на которой, по Ктесию, Кир женился, казнив ее мужа Спитама, так что мидянам можно было выдавать Бардию за сына Спитама и Амитиды, а не Кира (или, если Кира, то по крайней мере за внука Астиага по матери).[1] Поэтому в мидийской версии (а версия Ктесия — мидийская) восставшего называли именем Спентадаты, которое, как и «Спитама», принадлежало к кругу Заратуштры; заметим, что в зороастрийских верованиях Спентадата выступает как рано трагически погибший боец за дело Заратуштры и в то же время как предтеча грядущего спасителя — «саушьянта», и с его именем связывались мечты о торжестве справедливости.[2] В свете всего этого нам кажется весьма вероятным, что Астиаг связался родством с домом Заратуштры, вокруг которого и группировались тогдашние маги;[3] а маги в это время были непримиримыми врагами местной крупной знати и жречества с их местными культами, не унифицированными и противостоявшими учению, приписывавшемуся Заратуштре. Если опираться на данные древнейших частей Авесты, которые рисуют условия, если не мидийские, то во всяком случае очень близкие к ним, то можно вспомнить, что царьки до Заратуштры сами же одновременно были и жрецами; их могущество, авторитет и влияние базировались, следовательно, и на факте возглавления ими культа; пока культ был в руках их потомков, царская власть не могла считать старую родовую знать сломленной. Поэтому унифицированный культ, который несомненно представляли маги, каков бы он ни был, имел для царей Мидии исключительную ценность. Избрание Спитама наследником престола должно было обострить до предела напряжение в борьбе между партией рядовых рабовладельцев и общинников, поддерживавших Астиага, и оппозицией крупной знати (во главе с Гарпагом в Мидии и Киром в Персии). Тот факт, что правление Астиага не ознаменовалось какими-либо крупными завоевательными войнами, служившими к наживе военно-служилой знати, должен был усилить охлаждение между царем и этой группой рабовладельцев. Так по крайней мере бывало обычно в таких случаях в Ассирии, общественную структуру которой Мидийское царство во многом унаследовало.

заимствовал имя из знакомого и современного ему репертуара имен ахеменидского времени для лица, действительное имя которого ему было не известно.

[1] На самом деле он был, как подчеркивает Дарий в Бехистунской надписи, единокровным и единоутробным братом Камбиса — следовательно, не сыном Амитиды, как рисует дело Ктесий. Но уже то обстоятельство, что понадобилось особо подчеркивать это в надписи, показывает, что было распространено о нем другое представление, — именно то, которое отражено у Ктесия.

[2] Учение о «саушьянте» см.: Яшт XIII, 129, 145; XIX, 89—92, и Ясна, XXVI, 33.

[3] Мы знаем уже по Гатам, что родичи Заратуштры и Виштаспы играли большую роль в религиозной общине первоначальных приверженцев «пророка».

Сообщение о жестокости, совершенной будто бы Астиагом по отношению к Гарпагу,[1] аналогичной той, которой, по словам Геродота, скифы в свое время отмстили Киаксару, — конечно, чистый миф, элемент сказочного сюжета, как и вся история о том, как Астиаг под влиянием вещего сна приказал умертвить ребенка своей дочери Манданы и как этот ребенок был выброшен зверям, чудесным образом спасен рабом-пастухом и возвращен в свое законное положение царевича (I, 107 и сл.). Подобного рода истории часто рассказывали о знаменитых мифических и исторических завоевателях и основателях царств — о Саргоне Древнем, Моисее, Феридуне и мн. др. Сам Геродот противоречит своему рассказу, говоря, что Астиаг назначил Гарпага командующим мидийскими войсками; это — черта исторической действительности; но Астиаг назначил его на эту должность, конечно, не потому, что «божество помрачило ему рассудок» (I, 127), а потому, что никакого жестокого обращения царя с Гарпагом и не было и что Гарпаг по своей (может быть, наследственной) должности и положению крупнейшего представителя мидийской знати и родича царя[2] должен был занимать этот пост. Точно так же нет ничего удивительного в том, что Гарпаг, стоя во главе заговора мидийской знати, выдвинул в качестве претендента на престол перса Кира: как сын второй дочери Астиага, Манданы, и родной внук Астиага Кир имел не меньшие права на престол, чем Спитам, нежелательный для знати в силу его политической ориентации. Конечно, сообщение Ктесия об якобы нецарском происхождении Кира[3] полностью опровергается сохранившимися официальными генеалогиями Ахеменидов и другими памятниками, которые подтверждают, что первые Ахемениды — в том числе и отец Кира, Камбис I, и дед, Кир I, — были царями.

По сообщению Ктесия,[4] Кир, будучи послом Астиага к вождю кадусиев,[5] встретил конюха Ойбара, бывшего рабом одного мидянина, ко-

---

[1] А именно, что он накормил Гарпага мясом его сына в отместку за то, что он оставил в живых ребенка — Кира.

[2] Н е r., I, 109.

[3] Ктесий уверяет, что Кир был сыном пастушки и марда Атрадата, затем слугой во дворце Астиага, наконец, воином его личной охраны (здесь — полная аналогия с легендарной биографией Саргона Древнего). См. у Николая Дамаскина: FGH, II A, стр. 361 и сл., fragm. 66. Марды были горным полукочевым племенем со славой разбойников; само их название, как полагает Гейгер, подобно слову «курд», было сначала бранным прозвищем, ср. иранск. marəδa- — «убийца» (W. G e i g e r. Ostīrānische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 203). Марды жили в различных местах Иранского нагорья и Средней Азии, в том числе, повидимому, в Маргиане (W. G e i g e r. Ostīrānische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 66), в низовьях Кызыл-узена, в горах древней Гизильбунды (здесь они назывались также амардами — название, неоднократно упоминаемое Страбоном) и в северной пустынной части Персиды (H e r., I, 125). Ктесий имеет в виду, очевидно, последних мардов.

[4] FGH, II A, стр. 361 и сл.; fragm. 66; см. также: J u s t, I, 6.

[5] Кадусии, — по сообщению С. Т. Еремяна, упоминающиеся также раннесредневековыми армянскими источниками под названием катишей, — были значительным неза-

торый подверг его жестокому телесному наказанию за какой-то проступок. Побуждаемый Ойбаром, Кир создал заговор с целью вырвать власть из рук мидян и отдать ее персам.

Легендарная фигура Ойбара, с которой связывались всякого рода вымыслы,[1] повидимому, имеет исторический прототип. Это, очевидно, Угбар(у) вавилонской хроники Набонида, полководец Кира, занявший по его поручению Вавилон в 538 г. и вскоре после этого умерший.[2] Этот неожиданный случай подтверждения сообщений Ктесия независимым источником позволяет нам в данном случае отнестись с несколько бóльшим доверием, чем обычно, к его данным. Конечно, легенда, делающая Ойбара конюхом, носильщиком навоза и беглым рабом, не соответствует действительности. Эти детали — черты общей мидянской, антиперсидской тенденции, которая сквозит во всем рассказе Ктесия о Кире.

Дальнейшее, по Ктесию, происходило следующим образом. Кир вернулся в Экбатану от кадусиев[3] и затем отпросился у Астиага якобы к отцу (об этом сообщает и Геродот),[4] но на самом деле с тем, чтобы возглавить мятежников, поднятых уже вождем мардов Атрадатом (по Ктесию — отцом Кира; так как это — лицо мифическое, то, если мятеж действительно начался уже в это время, вождем его должен был быть кто-либо другой — может быть, Ойбар, роль которого в заговоре неясна). Между тем, заговор был раскрыт случайно одной женщиной, и об этом Астиаг был извещен на пиру.[5] Астиаг немедленно принял меры и двинулся лично в поход против мятежников.

Несколько иначе рассказывает Геродот (как уже указывалось, видимо, со слов потомков Гарпага). По его сообщению, восстанию персов предшествовал заговор мидянской знати, организованный Гарпагом, который был смертельно обижен Астиагом. Затем Гарпаг тайно послал Киру, находившемуся в Персии, письмо;[6] в этом письме он побуждал Кира поднять на восстание персов и обещал, что мидийские вельможи, которые будут поставлены во главе астиагова войска, перейдут на его сторону. Услышав о военных

висимым племенем, жившим в горах южнее реки Аракса, во II районе нашей классификации. Сообщение Ктесия, что они могли выставить 200 000 воинов против мидян, столь же легендарно, как сообщение его же о том, что мидяне могли выставить против кадусиев 800 000 воинов.

[1] По Геродоту (III, 85 и сл.), он — конюх Дария I, с помощью хитрой выдумки помогший ему занять престол.

[2] Его не следует смешивать с персидским сатрапом Вавилона Gûbaru=Gaubruva Бехистунской надписи, Gōbrues Геродота.

[3] Ктесий сообщает, что кадусии находились в давней вражде с мидянами и впервые подчинились только Киру.

[4] По его словам, Астиаг отпустил Кира в Персию по совету магов, за что они и были впоследствии наказаны (I, 120—121, 128).

[5] См. у Динона: FHG, II, стр. 90, fragm. 7.

[6] По сообщению Геродота (I, 123), письмо было зашито во внутренности зайца, а гонец должен был выдавать себя за охотника.

приготовлениях Кира, Астиаг вызвал его к себе; Кир ответил объявлением войны. Во главе мидийского войска был поставлен Гарпаг, который вместе с другими вельможами перешел в решающем сражении на сторону Кира.

Из обоих рассказов можно извлечь, что Кир одно время находился при дворе Астиага, но к моменту восстания был в Персии. По обоим рассказам выходит, что к этому моменту Кир еще не был персидским царем; однако это неверно: так как мидо-персидская война длилась, по независимым данным современных событиям источников,[1] с 553 по 550 г. до н. э., а умер Кир в 529 г., после 28-летнего (по Геродоту) или 30-летнего царствования (по Ктесию и Динону),[2] то, очевидно, что он к началу войны уже несколько лет как сменил своего отца, Камбиса I, на престоле Персиды (или Анчана). Весьма вероятно, однако, что до болезни и смерти своего отца он мог действительно жить при мидийском дворе и участвовать в походах мидийского войска.

Из вавилонских источников мы узнаем, как сказано, что война между Киром и Астиагом длилась три года. Поэтому Геродот явно сжимает ход событий, рассказывая только о двух последних роковых для мидян сражениях (одно — в котором мидянами командовал Гарпаг, другое — в котором командовал сам Астиаг). Сами по себе сведения Геродота правильны, так как известие его о переходе мидийского войска, возглавляемого вельможами, на сторону Кира находит подтверждение в сообщении вавилонской хроники о том же событии; она относит его к 550 г., т. е. к концу войны. Но к геродотовскому сообщению надо прибавить известия Ктесия, касающиеся начального этапа войны.[3]

Согласно этим известиям, впервые скрестив оружие с войсками Кира,[4]

---

[1] «Сиппарский цилиндр» Набонида помещает начало войны в 3-й год правления Набонида (553 г. до н. э.), а «Хроника Набонида» помещает ее конец в 6-й год Набонида (550 г. до н. э.). С. Смит дает в своем издании «Хроники» даты на один год позже, но соотношение их не меняется.

[2] Her., I, 214; Photius, cod. LXXII, л. 106, 8; Динон по: Cic. De div., I, 23, 46; ср.: Just., I, 8, 14. В одном случае ему дан 31 год (Sulpic. Severus, II, 9).

[3] Относительно конечного ее этапа сведения Ктесия, повидимому, совпадали со сведениями Геродота. Именно поэтому он, вероятно, и опустил их в своем изложении. Поэтому переход от момента, когда персы, теснимые мидянами, отразили их натиск под Пасаргадами, к тому, когда Астиаг, покинутый контингентами подчиненных народов, прятался в Экбатане, у Ктесия не мотивирован: Ктесий стремился выпустить из своего повествования все, в чем он сходился бы с Геродотом, для того, чтобы тем резче показать свое расхождение с ним. Юстин (или, вернее, Трог Помпей), который пытается — может быть, по Динону — согласовать известия Геродота и Ктесия, отождествляет Ктесиевы победы Астиага с геродотовым выступлением Астиага после предательства Гарпага; он сообщает, что Астиаг победил измену, поставив в тылу своих войск заградительные отряды; но в свете вавилонских данных такое толкование событий не представляется возможным.

[4] Место сражения Ктесий (у Николая Дамаскина: FGH, II A, стр. 361 и сл., fragm. 66, 28) называет Гирбой (Hurba); из других источников оно не известно. Его следует, повидимому, искать где-нибудь в Паретакене, около совр. Исфахана.

Астиаг нанес им поражение; в битве был убит вождь мардов Атрадат. Преследуя персов, Астиаг нанес им затем новое поражение на территории самой Персиды, перед дефиле, ведущим к резиденции царей Персиды — Пасаргадам. Положение персов было настолько отчаянным и отступление столь беспорядочным, что из-за стен крепости вышли женщины, убеждавшие воинов сражаться.[1] Сражение у стен Пасаргад было переломным, и после этого на сторону персов начали переходить подчиненные мидянам народы, в том числе гиркании, затем парфяне.[2] Дальнейшее, по дошедшим до нас эксцерптам Ктесия, неясно; война, как сказано, была длительной и велась с переменным успехом. По тому ее ходу, который рисует Ктесий, окончательная победа Кира остается необъяснимой. Действительным объяснением является измена мидийской знати во главе с Гарпагом, о которой говорит Геродот, но о которой умалчивает версия Ктесия. С этой изменой, быть может, следует поставить в связь и отпадение от Мидии окраинных народов.

Хотя необходимо учитывать тенденциозность и обилие вымыслов в повествовании Ктесия, однако, как мы видели, можно полагать, что здесь в нем имеется некоторое исторически достоверное ядро. Сообщения вавилонской хроники Набонида, Ктесия и Геродота могут быть соединены в достаточно стройную картину.

Ход событий можно, по всем этим данным, разделить на четыре периода. П е р в ы й период — подготовительный: создание внутреннего заговора мидийской знати Гарпагом и, с другой стороны, побуждение к мятежу различных племен, по всей вероятности, — Ойбаром. В т о р о й период — выступление Кира и персидских войск: поражения персов и наступление мидян вплоть до Пасаргад. Этот период соответствует, повидимому, 553 г.; при этом война была настолько серьезной, что мидянам пришлось оттянуть войска с границ, что позволило вавилонскому царю Набониду еще в том же, 553 году занять принадлежавший мидянам в Северной Месопотамии город Харран.[3] Т р е т и й период, длившийся

---

[1] J u s t., I, 6. — P o l y a e n., VII, 45, 2. Юстин сообщает далее: «Пока мужи колебались, какой путь им избрать, женщины тут же явили им свою наготу, спрашивая, собираются ли они бежать обратно в утробы своих матерей и жен?». Далее идет восходящее к Геродоту сообщение о том, что Астиаг был взят в плен в наступившем затем сражении. Этот же эпизод Полиэн рассказывает и второй раз (VII, 6, 1) в несколько ином варианте и, повидимому, по другому источнику (Динону?). При этом он насчитывает три неудачных для персов сражения до битвы при Пасаргадах. Ср.: P o l y a e n., VII, 6, 9.

[2] Николай Дамасский (fragm. 66, 45), пользовавшийся главным образом Ктесием, прибавляет еще саков и бактрийцев; но это — результат сжатия изложения, так как из эксцерпта Фотия (cod. LXXII, л. 106, 2—3) видно, что бактрийцы и саки, по Ктесию, вступили в сношения с Киром лишь после пленения Астиага, что более похоже на историческую действительность.

[3] NBKI, стр. 220 и сл., I, 37—II, 25; стр. 284 и сл., X, 12; «Харран и (храм) Эхульхуль, которые 54 года лежали в разрушении, (ибо) умман-манда опустошили (их)

года два, был занят войной, шедшей с переменным успехом, при том, однако, что персы не могли добиться существенных побед. Наконец, четвертый период начинается в 550 г. изменой Гарпага в решительной битве, переходом к персам гирканиев и парфян и завершается попыткой Астиага задержать персидское наступление, бегством его в Экбатану и захватом мидийской столицы персами.

Из всего этого ясно, что сопротивление мидийского войска было долгим и весьма решительным, а власть не могла бы перейти к персам, если бы не внутренняя измена знати, о причинах которой мы уже раньше говорили.

О последних мероприятиях Астиага рассказывает Геродот (I, 128). Астиаг казнил магов, с которыми до сих пор находился в самых лучших отношениях, за то, что они посоветовали ему отпустить от себя Кира; можно думать, что часть жрецов-магов установила связь с мятежниками и персами: действительно, мы видим впоследствии магов в почете при дворе Кира и его сына Камбиса II. Природа религиозной идеологии и социальное положение жречества не позволяли ему быть длительное время выразителем интересов широких народных масс.

Затем Астиаг вооружил поголовно остававшееся в Экбатане население и вышел на последнее сражение, но был разбит и захвачен персами в плен.[1] Экбатана была взята персами и, и по данным Набонидовой хроники,[2] разграблена; часть населения была обращена в рабство.[3]

святилища — был о нем приказан богами примирительный срок (в) 54 года, когда (бог) Син сможет вернуться на свое место. . .». Таким образом, Харран был разрушен мидянами, по исчислению набонидовых писцов, в 607/06 г., если считать от момента начала строительства в 3-м году Набонида, или в 610/09 г., если считать от того момента, когда Набониду в начале его царствования якобы явились во сне боги с приказанием отстроить Эхульхуль в Харране. Судя по «Хронике Гэдда», разорение Харрана относится к 609 г. Глагольная форма saḫir в «Сиппарском цилиндре» Набонида (см. выше, стр. 414, прим. 3) также указывает на то, что Харран все время был в оккупации мидян с момента его занятия в ассиро-мидийскую войну. Поэтому предположение Б. А. Тураева и ряда других исследователей о нападении Астиага на Месопотамию в начале царствования Набонида неосновательно. Напротив, Набонид, воспользовавшись мидо-персидской войной, напал на принадлежавший Мидии Харран. Ненадежно также высказываемое иногда мнение о столкновении Астиага с одним из предшественников Набонида — Нериглиссаром, на основе сообщения о возвращении последним статуи Анунит, богини города Сиппара, из «Гутиума».

[1] Диалог Гарпага с Астиагом после его пленения (Her., I, 129) безусловно не принадлежит источнику Геродота (гарпагидам), а принадлежит самому Геродоту, являясь философско-этическим осмыслением истории Астиага. В смысле оценки личности Гарпага Геродот идет здесь в разрез с самой гарпагидской традицией, передаваемой им выше: если последняя всячески стремится обелить Гарпага, то здесь Геродот явно вкладывает свое личное мнение в уста Астиага, который называет Гарпага «глупейшим и бессовестнейшим человеком».

[2] Хроника Набонида, II, 3—4: S. Smith. Babylonian Historical Texts. London, 1924, стр. 110 и сл.

[3] Глагол šalâlu — «брать в полон», употребленный здесь, относится обычно к «живой» добыче в виде рабов.

По данным Ктесия,[1] Астиаг был захвачен в плен не сразу, а вначале бежал в Экбатану и укрылся там. Кир, вступив в Экбатану, приказал предать пытке дочь Астиага Амитиду и ее мужа Спитама, а также их сыновей — Спитака и Мегаберна, после чего Астиаг сам сдался Киру, чтобы избавить своих близких от мучений.

По самому характеру победы Кира над Астиагом, которая была одержана благодаря помощи мидийской знати, требовалось, чтобы новый порядок управления, который предстояло теперь ввести Киру, имел бы внешний вид компромисса. Поэтому, хотя Экбатана была разграблена, часть мидян обращена в рабство и на Мидию наложена дань как на покоренную страну,[2] тем не менее, в виде уступки мидийской знати, был проведен и ряд компромиссных мероприятий. Так, Кир не упразднил царства Мидии, а объявил себя самого царем Мидии, наряду с прежним своим титулом царя Персии. Персия и Мидия вместе противопоставляются «другим (покоренным) странам» еще во многих надписях времен правления Дария I; в повествованиях греческих авторов мы в течение некоторого времени часто встречаем представителей мидийской знати в числе видных сановников Ахеменидской державы. Царь Ахеменидской державы и у греков, и у восточных народов продолжал в обиходе называться «царем мидян».[3] Однако, как и в других подобных, более поздних случаях (например, в Вавилонии), Кир, хотя и сохранил формально за Мидией статус «царства», все же назначил в нее сатрапа. Первым сатрапом Мидии был назначен Ойбар.[4]

---

[1] Photius, cod. LXXII, 106, 2.

[2] См. «Хронику Набонида», II, 3—4. Обложение Мидии данью известно нам достоверно лишь со времен Дария I; однако, если верить Ксенофонту (Xen. Cyrop., VIII, 7, 11), Мидия входила при Кире в одно наместничество с Арменией и землей кадусиев и, очевидно, платила дань на равных с ними основаниях; впрочем и a priori можно не сомневаться в том, что на Мидию Киром была наложена дань; это же имеется в виду и в речи Астиага к Гарпагу у Геродота (I, 129), когда Астиаг говорит, что Гарпаг «предал мидян в рабство» (katedoulōse); см. о термине doulos: Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. ВДИ, 1951, № 2, стр. 57—62. «Рабство» мидян — это, по терминологии Свида, «douleia в отношении государственного устройства», политическая зависимость, предполагавшая уплату дани. Между прочим, Я. А. Ленцман неправ, считая, что douleia или doulosunē могло означать даже только формальное признание главенства, и ссылаясь при этом на Геродота (IV, 126—128); в этом контексте говорится, что персидский царь требовал от скифов «земли и воды», что, как известно, означает требование признания полной власти персидского царя над их территорией, включая дань, и это-то скифы и оценили как «рабство» (doulosunē).

[3] Например: Her., VII, 136, где послы Спарты называют Ксеркса «царь мидян», и огромное множество других примеров; известно, что греки называли греко-персидские войны «мидийскими».

[4] Так следует понимать выражение ^{m}Ug-ba-ru ^{amêl}peḫât ^{mât}Gu-ti-um в «Хронике Набонида» (III, 15). Он был командующий войсками Кира при взятии Вавилона; С. Смит отождествляет его с Гобрием «Киропедии»; если это и возможно, то во всяком случае его следует отличать от сатрапа Вавилонии Gûbaru=Gaubruva, т. е. от Гобрия Геродота, ср. выше, стр. 417—418, и ниже, и ср. стр. 424, прим. 1 со стр. 434 и прим. 2. В совершенно неисторическом повествовании о падении Вавилона в «Книге Даниила»,

Для того чтобы укрепить свои притязания на «законную» власть над державой Астиага, Кир женился, по словам Ктесия, на его дочери Амитиде,[1] казнив предварительно ее первого мужа, своего соперника по притязанию на наследование Астиагу — Спитама. Дело в том, что у мидян и персов, повидимому, существовал обычай, сходный с обычаем египтян,[2] согласно которому законным царем считался либо сын дочери, либо муж дочери предыдущего царя;[3] поэтому цари часто женились на своих сестрах и т. п. — обычай, распространенный и за пределами царских семей в древности в Иране и в Средней Азии и связанный, повидимому, со стремлением сохранить имущественную долю женщины внутри патриархальной семьи.

Постоянной политикой Кира были попытки привлечь на свою сторону симпатии известных кругов покоряемой страны, главным образом знати. Поэтому он обычно не предавал казни полоненных им царей.[4] Избежал казни и Астиаг.[5] По Ктесию, он был послан в «почетную» ссылку в качестве наместника Гиркании (?).[6] Вскоре, однако, он был, под предлогом

написанной много позже событий, ему соответствует «Дарий Мидянин». Предвосхищая события, Полиэн, по Ктесию (VII, 45, 2), также называет Ойбара «сатрапом Кира».

[1] Photius, cod. LXXII, л. 106, 2, стр. 45—46. Это известие не лишено вероятия. В самом деле, имя Амитиды, засвидетельствованное и Бероссом как распространенное в мидийском царском доме, потом употреблялось и для женщин ахеменидского дома — очевидно, как имя прародительницы.

[2] М. Э. Матье. 1) Пережитки матриархата в древнем Египте. Сб. «Пятьдесят лет книги Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“», М.—Л., 1936, стр. 363 и сл; 2) Термины родства в древнем Египте. УЗЛГУ, сер. историч. наук, вып. 9, 1941, стр. 22 и сл; 3) Из истории семьи и рода в древнем Египте. ВДИ, 1954, № 1. Этот обычай являлся не пережитком группового брака матриархальной поры, а наоборот, — результатом развития патриархата и стремлением избежать перехода имущественных и других наследственных прав дочери в другой род.

[3] Так, Кир II был, повидимому, сыном и мужем двух дочерей Астиага; Камбис II был женат на своей сестре, дочери Кира, Атоссе, и на ней же женились последовательно Лже-Бардия и, после его низвержения, Дарий I, который был также женат на Пармиде, дочери Бардии; сын Дария, Ксеркс, сделался царем потому, что был сыном Атоссы, хотя у Дария были сыновья и старше его. Дарий II был женат на своей сестре Парисатиде; их сын, Артаксеркс II, после смерти своей первой жены женился на двух своих дочерях — Атоссе и Аместриде: Александр женился на Барсине, дочери Дария III Кодоманна, и на Парисатиде, дочери Артаксеркса III, а Селевк I — на Апаме, дочери согдийского героя Спитамена, по женской линии происходившей, как предполагается, из рода Ахеменидов, и т. д.

[4] Так было поступлено с Крезом (Her., II, 86 и сл. и др.), с Набонидом (Flav. Josephus. Contra Apionem, I, 20—21; Eusebius. Praep. Evang., IX, 41 — оба известия восходят к Бероссу через Александра Полигистора) и, возможно, с Арсамом, дедом Дария I. Вероятно, так же поступали Хшатрита и Киаксар с мелкими мидийскими царьками.

[5] Это утверждают и Геродот, и Ктесий; вавилонская хроника также не утверждает противного.

[6] У Ктесия «барканиев», но, возможно, barkanioi и hurkanioi — только две разные передачи названия обитателей области Varkāna — «Гиркания». У Юстина сказано «гирканиев». Впрочем, Кв. Курций Руф в своей истории Александра Македонского различает барканиев и гирканиев.

поездки к дочери, заведен в пустыню евнухом Петесаком по подговору Ойбара и там брошен на голодную смерть.[1] Это было безусловно выгодно Киру, и, если сообщение Ктесия соответствует истине, то, вероятно, с Астиагом было покончено не без ведома персидского царя.

Ряд знатных мидян поступили на службу к Киру. Так, Гарпаг был у него одним из виднейших полководцев;[2] он был третьим из наместников Лидии (после смерти мидянина же Мазара); Гарпаг же покорил Ионию для Кира. В Мидию он, повидимому, не захотел или не решился возвращаться, а остался в Малой Азии, где получил крупные земельные владения; в Ликии сохранилась надпись одного из его потомков (?) на ликийском и греческом языках.[3] Ктесий сообщает, что и сыновья Амитиды от Спитама — Спитак и Мегаберн — были сатрапами Кира,[4] а ее брат Пармис (незаконный сын Астиага или сын матери Амитиды от другого отца?) был персидским военачальником. Имея в виду общую промидийскую и враждебную Киру направленность версии Ктесия, эти известия нельзя напросто отбросить. Бехистунская надпись Дария I также называет персидских полководцев из мидян. Вплоть до времени Ксеркса[5] (очень редко позже) встречаются отдельные мидийские вельможи на видных постах в ахеменидской администрации. Но в целом и мидийская знать очень мало выиграла от завоевания Мидии персами: уже со времени Дария I все важнейшие посты в подавляющем большинстве случаев были заняты персидской знатью, главным образом представителями родов семи соратников Дария в совершенном им государственном перевороте. Небольшое число знатных мидийских родов слилось с персидской знатью, большинство же было оттеснено на задний план или уничтожено в бурные времена начала правления Дария I (522—521 гг. до н. э.), а может быть, и Ксеркса (486—484 гг. до н. э.). Даже официальная фикция личной унии между Мидийским и Персидским царствами продержалась, повидимому, не дольше правления Дария I (522—486 гг.).

2. Переворот Гауматы

Положение мидийского народа, kāra Māda hya viϑāpatiy āha Бехистунской надписи (см. выше, стр. 332 и сл.), при Ахеменидах резко ухудшилось, и он проявлял сильное недовольство. На этой основе могли развер-

---

[1] Ктесий говорит, что после этого Петесак был предан Амитидой мучительной казни, а Ойбар покончил жизнь самоубийством, хотя Кир не выразил намерения наказать его. Исторический Угбару умер в 538 г. в Вавилоне («Хроника Набонида», III, 22).

[2] Her., I, 80.

[3] J. Friedrich. Kleinasiatische Sprachdenkmäler. Berlin, 1932, стр. 62 и сл. (историческая надпись № 44). Имена рода Гарпагидов (?) — Гарпаг (Arppaku) и Артембар (Arttum̃para) — были распространены среди ликийской знати V—IV вв. до н. э., см.: там же, тексты №№ 44a, 1, 30; 11, 3; 29, 7; 77, 2b; 104, b; и монету №180

[4] Photius, cod., LXXII, л. 106, 8. Один был сатрапом Гиркании, другой, — «дербиков» (саков). Херцфельд отождествляет Спитака с Заратуштрой!

[5] Her., VI, 94 и сл.; VII, 88.

нуться события, разыгравшиеся уже после завоевания Персидской державой Малой Азии, Вавилонии и Египта — в конце царствования Камбиса II, сына Кира (527—522 гг. до н. э.), и в начале царствования Дария I.

Дело началось с дворцового переворота мага Гауматы в марте 522 г.[1] О нем мы имеем четыре известия: в Бехистунской надписи, у Геродота, у Юстина (по Трогу Помпею — по Динону?) и у Ктесия.[2]

Все источники сходятся в том, что Камбис, направляясь в поход против Египта, тайно убил своего брата Бардию,[3] опасаясь, что он захватит престол. По Геродоту, Бардия сопровождал Камбиса в Египет, но был отослан оттуда в Персию и убит по приказанию царя неким Прексаспом.[4]

Так как убийство было совершено тайно, то самозванцу оказалось возможным выдать себя за Бардию. По Геродоту, дело было организовано двумя братьями-магами: один из них, похожий на Бардию и носивший то же имя,[5] выдавал себя за этого персидского царевича, другой же, названный Геродотом Patizdeithēs,[6] был собственно душой заговора. Бехистунская надпись знает только одного мага — Гаумату, известного также источнику Трога Помпея (Динону?) под именем Гомета.[7] По словам Бехистунской надписи, Лже-Бардия появился «в крепости Пишияувада

---

[1] О датах см.: A. Poebel. 1) The Names and the Order of the Old Persian and Elamite Months. AJSL, LV, 1953, стр. 130 и сл.; 2) Chronology of Darius' First Year of Reign. Там же, стр. 142 и сл.; W. Hinz. Das erste Jahr des Grosskönigs Dareios. ZDMG, XCII, 1938, стр. 136 и сл.; А. А. Фрейман. Древнеперсидский календарь в свете новейших открытий. ВДИ, № 3, 1946, стр. 15 и сл.; R. G. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, стр. 160 и сл.

[2] И неясное пятое — у Эсхила.

[3] Это же имя дано у Геродота в искаженной форме Smerdis, у Эсхила — Mardis. Ктесий называет его Таниоксарком, Ксенофонт в «Киропедии» — Танаоксаром (Tanuoksarkēs, повидимому, передача прозвища Бардии *Tanuvazṛka — «большетелый»). Геродот говорит о большой физической силе Бардии (III, 30).

[4] По Ктесию, на Бардию-Сфендадата донес Камбису маг, носивший то же имя Сфендадат, и подвергнутый Бардией телесному наказанию за какой-то проступок. Камбис неоднократно вызывал к себе Бардию, но тот не являлся и явился лишь по третьему зову. По совету мага Сфендадата Камбис, опасавшийся Амитиды (у Ктесия она — мать Бардии), объявил, что им за клеветническое обвинение против Бардии убит доносчик-маг (похожий лицом и ростом на Бардию); на самом же деле был убит Бардия, а маг Сфендадат был переодет в его одежды и разыгрывал его роль. Дело было раскрыто Камбисом только сатрапу Артасиру (имя, повидимому, не историческое, а заимствованное Ктесием от одного из его современников) и евнухам Иксабату и Багапату. Все это произошло якобы за пять лет до смерти Камбиса. Сказочный характер ктесиева сообщения очевиден.

[5] Это сообщение Геродота маловероятно и не подтверждается другими источниками. Вероятно, самого самозванца звали Гауматой, а позже традиция отождествила его с легендарным Спентадатой.

[6] Это, по всей видимости, персидский титул, а не имя.

[7] У Юстина — Comētēs, но старолатинское «С» может передавать и греческую «гамму».

на горе Аракадриш»; ни гора, ни крепость по другим источникам не известны, однако, возможно, что они находились в Мидии, где пребывал Гаумата также и в конце своего правления и где, если верить Ксенофонту, был при жизни сатрапом сам Бардия.[1] Впрочем, Бехистунская надпись говорит о Гаумате, что он возмутил не Мидию, а Парсу (Персиду).

Лже-Бардии удалось без особого труда добиться того, что все области обширной империи признали его царем и подчинились ему; к июлю 522 г. он уже господствовал безраздельно. По словам Геродота (III, 61), он рассылал во все области гонцов с объявлением о своем воцарении (и, повидимому, с провозглашением различных реформ, о которых см. ниже). В том числе гонец был послан и в Египет, где в это время находился Камбис. Камбис поспешил в Персиду, но по дороге умер.[2]

Чем объясняется, что Гаумате так легко удалось убедить все покоренные народы, а также и самих персов, примкнуть к нему и отпасть от Камбиса? Несомненно, непопулярность деспотичного и взбалмошного сына Кира и его военные неудачи в Эфиопии могли здесь сыграть известную роль; дело было также облегчено тем, что основные силы войска, двор и центральная администрация в значительной своей части, как это обычно бывало у персов, последовали в поход за царем; существенной, однако, причиной должна была быть другая. Гаумата должен был предложить населению державы нечто такое, чего они не могли иметь при Кире и Камбисе, и что сразу привлекло людей на сторону новой власти. Бехистунская надпись подчеркивает, что Гаумате подчинились в с е свободные: «весь народ-войско сделался мятежным, от Камбиса к нему перешел — и Персия, и Мидия и другие страны» (kāra haruva hamiçiya abava, hačā Ka^{n}bujiyā abiy avam [a]šiyava, — utā Pārsa, utā Māda, utā aniyā dahyāva).[3] В противоположность этому, других, позднейших повстанцев поддерживали иной раз не все свободные; например, Фравартиша, как мы увидим, поддерживала только определенная категория мидийского народа-войска, kāra Māda hya viϑāpatiy āha. Чем же объяснялась столь единодушная поддержка Гауматы? Заметим, что среди более или менее добровольно подчинившихся ему провинций[4] были страны, самые разнообразные по своему экономическому и культурному развитию и экономически не связанные между собой. Их единодушие объясняется, стало быть, общей

---

[1] «Киропедия» (VIII, 7, 11) сообщает, что «Танаоксар» был назначен править мидянами, кадусиями и армениями. По Ктесию, он был сатрапом Бактрии.

[2] По Геродоту и Ктесию (P h o t i u s, cod. LXXII, л. 106, 12), он нечаянно сам себя поранил; в Бехистунской надписи употреблено неясное для нас выражение: говорится, что он умер «своей смертью» или «смертью от себя» — ^{h}uvamr̥šiyuš amariyatā, в вавилонском варианте: mîtût(u) ramâ(n)nišu mît(i) — дословно «умер собственным умиранием».

[3] Beh., I, § 11.

[4] Ни один наш источник не говорит о военных действиях ни при вступлении на престол Гауматы, ни при его низложении и убийстве. Войско в том и в другом случае, повидимому, пассивно подчинилось результату дворцового переворота.

заинтересованностью в предложенных Гауматой очень широких реформах.

О социальном характере переворота Гауматы наши источники дают, казалось бы, диаметрально противоположные известия. Геродот (III, 67) сообщает: «Маг. . . спокойно царствовал в течение семи месяцев, недостававших Камбису до полных восьми лет его царствования. За это время он сделал много доброго всем своим подданным, так что, когда он погиб, все в Азии жалели о нем, за исключением самих персов. Действительно, маг разослал по всем народам своего царства распоряжение о свободе от военной службы (ateleiē stratēiēs) и налога (phoros) на три года. Распоряжение это он сделал тотчас по вступлении на царство, а на восьмом месяце его узнали».

Рис. 83. Гаумата. Схематическая прорисовка-реконструкция по рельефу Бехистунской скалы.

У Ктесия и Юстина ничего нельзя извлечь по интересующему нас вопросу. Бехистунская же надпись говорит следующее: «Когда Камбис отправился в Египет, тогда народ-войско сделался враждебным, тогда ложь умножилась в странах — и в Персии, и в Мидии и в других странах... Тогда был один человек, маг, по имени Гаумата; он восстал из Пишияувады на горе Аракадриш, оттуда. Месяца вияхны был 14-й день, когда он восстал, народу-войску он так лгал: „Я — Бардия, который сын Кира, брат Камбиса“. Тогда весь народ-войско сделался мятежным, от Камбиса к нему перешел — и Персия, и Мидия и другие страны. Власть он захватил. Месяца гармапады был 9-й день, когда он захватил власть; тогда Камбис умер сам от себя. . .

«Та власть, которую отнял у Камбиса маг Гаумата, — эта власть издревле принадлежала нашему роду; тогда маг Гаумата отнял у Камбиса и Персию, и Мидию, и другие страны; он поступал по своему желанию, он стал царем. . .

«Не было ни одного человека, ни перса, ни мидянина, ни из нашего рода (a^{h}māχam tau^{h}māyā), кто бы отнял власть у этого мага Гауматы. Народ-войско весьма страшился его — он мог погубить много народа, знавшего прежнего Бардию; того ради мог он погубить народ, „чтобы они меня не узнали, что я не Бардия, сын Кира“. . . (Следует описание убийства Гауматы Дарием и его семью сторонниками).

«Власть, которая была захвачена у нашего рода, я снова вернул, я поставил ее на место; я сделал, как прежде, храмы, которые разрушил маг Гаумата. Я восстановил народу-войску пастбища (?), (движимое) имущество и домашнюю (челядь), и (именно) по общинным (родовым) поселениям,[1] что отнял маг Гаумата; народ-войско я поставил на место —

[1] Или: «. . . и (вместе) с родовыми дворами. . .».

Персию, Мидию и другие страны.[1] Как прежде (было), я снова вернул, что было взято. По воле Ахурамазды я сделал это: я потрудился, пока поставил на место наш род (viϑam hyam a^{h}māχam). Я потрудился по воле Ахурамазды, чтобы как прежде (было), пока маг Гаумата не захватил (власти у) нашего рода».[2]

Таким образом, по Геродоту выходит, что маг вел политику, облегчавшую положение народных масс, а по Бехистунской надписи он отнял у народа ряд имущественных и других прав, и народ боялся его. Но на самом деле оба известия нельзя считать совершенно противоречащими друг другу. Бехистунская надпись составлена по приказу человека, который собственноручно убил Гаумату; естественно, что она преувеличивает вражду между Гауматой и народом, преднамеренно не отделяя пострадавшую от его реформ социальную категорию от народа в целом — избитый прием реакции. Однако Бехистунская надпись важна потому, что она раскрывает нам негативную, так сказать, разрушительную, программу Гауматы; Геродот, вообще рассказывающий историю мага гораздо более объективно, дает нам его положительную программу. Но и Геродот недооценивает реформ Гауматы: он говорит, например, что персы были им недовольны. Однако после смерти Гауматы выдвинулся новый Лже-Бардия, очевидно, пытавшийся продолжать линию Гауматы, и он выдвинулся на этот раз в самой Персиде,[3] причем за ним пошла и часть восточных областей державы. Следовательно, и в Персии были сторонники продолжения политики Лже-Бардии.[4] Справедливость замечания Геродота о том, что все в Азии жалели о Гаумате, видна из того, что если Гаумата без труда добился перехода всего населения державы на

---

[1] . . . yaϑā paruvamčiy avaϑā adam akunavam āyadanā, tyā Gaumāta hya maguš viyaka. Adam niyaçārayam kārahyā abičariš gaiϑāmčā māniyamčā viϑbiščā, tyādiš Gaumāta h[ya] maguš adīna; adam kāram gāϑavā avāstāyam Pārsamčā Mādam[č]ā utā aniyā dahyāva. Эламский текст дает (в нормализованной транскрипции): u şiyan nap.pa·nna hutta, appa [Kammatta] akka makuš [sa]ri.š·ta; ak u [taš]šu·p·na lutaš ak aš ak kurtaš ak ulam(?)mannu·p·ma appi liya, appa Kammatta akka makuš e.ma aptu·š·ta; ak u taššu·[p kate·ma şik]ki·ta, kutta Parsin, kutta Mata·pe, kutta tayauš — «я храмы богов сделал, которые маг [Гаумата ра]зрушил и я [на]рода lutaš(?) и áš и kurtaš, и в общинах (ulam(?)mannu соответствует viϑ, ср. II, 11) то я восстановил (?), что маг Гаумата в них забрал; и я народ [на место пос]тавил, и Персию, и Мидию, и страны». Синтаксически эламский текст копирует персидский. Вавилонский текст сохранился не полностью.

[2] Beh., I, §§ 11—14.

[3] Правда, Дарий как будто намекает на то, что Лже-Бардию II поддержало в основном неиранское население Персиды эламского (анчанского) происхождения (см. ниже, стр. 436, прим. 1). Однако он имел в Персиде вообще довольно прочную опору, а известная нам ономастика Персиды ахеменидского времени не дает эламских имен, так что эламская прослойка должна была быть там численно ничтожной.

[4] Ср. также: Beh., IV, § 51: «Один (из мятежников) был маг по имени Гаумата: он лгал, так он говорил: „Я Бардия, сын Кира“; он сделал мятежной П е р с и д у». Здесь имеется в виду не держава в целом, что видно из дальнейшего контекста.

свою сторону, то Дарий, как только сверг Гаумату, встретился с ожесточенным сопротивлением своей власти почти во всех провинциях царства.

В советской науке[1] акад. В. В. Струве и В. О. Тюрин[2] считают, что маг Гаумата опирался на знать, а Дарий — на широкие массы свободных персов, и лишь позже стал проводить политику знати. Акад. В. В. Струве аргументирует свое мнение таким образом: Гаумата, будучи магом, т. е. жрецом, должен был быть на стороне знати; меры, предпринятые им для облегчения положения народных масс, носили демагогический характер. В. О. Тюрин, стоящий примерно на той же точке зрения и понимающий термин māniya- в § 14 Бехистунской надписи (см. выше, стр. 180 и сл. и 327 и сл.) как «домашние», т. е. «близкие», «родные», заходит еще дальше: он полагает, что Гаумата отнимал у свободных их жен и детей с целью вовлечения их в свое царское хозяйство! Нечего и говорить, что такое предположение находится в кричащем противоречии с известием, переданным Геродотом (а косвенным образом — и Бехистунской надписью) относительно широкой популярности власти Гауматы.

Мы уже высказывали мысль (см. выше, стр. 334 и сл.) о том, что под термином kāra, «народ-войско», могут, повидимому, скрываться любые социальные слои свободных. Поэтому нужно произвести более детальный анализ сообщения § 14 Бехистунской надписи, чтобы разобраться в том, что́ и у кого Гаумата отнял.[3]

1) «Маг Гаумата разрушил храмы». В древнеперсидском тексте — āyadana-, значение которого не может быть уточнено ввиду отсутствия других данных; в эламском — ṣiyan nap·pa·na — «храм богов», в аккадском — bîtâte ša ilâni (дословно «дома́ богов»). Оба последние термина являются обычными обозначениями для храма, хотя эламский ṣiyan мог быть и святилищем под открытым небом.

[1] В зарубежной науке вопрос о социальном облике переворота Гауматы по-настоящему не ставился; однако Херцфельд и Кёниг считают Дария представителем персидской «феодальной» знати. Кёниг, например (F. W. König. Die älteste Geschichte der Meder und Perser. Der A. O., XXXIII, 3/4, стр. 28), полагает, что все конфликты в ранней истории Ирана носили характер расово-этнический и происходили между доиндоевропейским «феодальным дворянством» и индоевропейским. Однако в древности тогда еще не было четкого сознания не только национальной, но и народной принадлежности, а только племенной или общинной. Поэтому не было и этнической борьбы. Анекдотичен перевод, который Кёниг дает § 14 Бехистунской надписи: «Я построил храмы, которые уничтожил налоговый орган (!) Гомата. Я дал дружинам снова господскую (!) власть и господские (!) земли, господский (!) доход и господские (!) дворы, что отнял у них налоговый орган Гомата». Ср.: F. W. König. 1) Der falsche Bardija, Wien, 1938; 2) Relief und Inschrift des Königs Dareios I am Felsen von Bagistan. Leiden, 1938, стр. 38.

[2] Акад. В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. ВДИ, 1949, № 2, стр. 20. Он же ссылается на неизданную диссертацию В. О. Тюрина. См. также: В. О. Тюрин. Социальное положение kur-taš по документам из «сокровищницы» Персеполя. ВДИ, 1951, № 3, стр. 37—38.

[3] Для настоящего раздела широко использован анализ текста Beh., I, § 14 в работе М. М. Дьяконова «Очерки по истории древнего Ирана».

Замечание акад. В. В. Струве о том, что жречество обычно связано со знатью, в полной мере верно и в отношении жречества тех храмов, которые разрушил Гаумата. Мало того, если полагать, что речь идет о храмах местных культов, то даже очевидно, что они должны были быть связаны с местной родовой знатью. Между тем, с нашей точки зрения, не подлежит сомнению, что маг Гаумата разрушал храмы именно старых, местных божеств.[1]

Это наше утверждение, конечно, несовместимо с распространенной точкой зрения (идущей от Хертеля и Херцфельда)[2] на магов как на представителей старого жречества «естественных религий», враждебных учению Заратуштры. Однако, как мы указывали выше (стр. 377 и сл.), нет достаточных оснований для противопоставления магов учению Заратуштры. Судя по Геродоту, у персов в его время культ, организуемый магами, все более входил в обиход; и хотя собственно персидские религиозные верования во многом отличались от учений магов, которым персы в некоторых случаях следовали лишь тайно, однако из двух групп обрядов и религиозных обычаев, приписываемых Геродотом магам и персам, первая группа, а именно, связанная с магами, гораздо ближе к позднейшему догматическому зороастризму. Было бы натяжкой объяснять это сходство позднейшей фальсификацией учения Заратуштры магами, как это делает Хертель; гораздо естественнее предположить, как и считали все античные писатели, что именно маги и проповедовали учение Заратуштры.

Известно, что несколько позже, в начале V в., новый персидский царь Ксеркс, судя по его собственной надписи,[3] вновь провел разрушение храмов (daivadana-) старых местных божеств — «дэвов» (daivā).[4] При этом

[1] Правда, Геродот (I, 131) говорит, что персы не сооружали храмов, но он писал после реформы Ксеркса, снова разрушившего храмы «дэвов».

[2] J. Hertel. 1) Achaemeniden und Kayaniden. Leipzig, 1924; 2) Die Zeit Zoroasters. Leipzig, 1924. — E. Herzfeld. Zoroaster and his World. Princeton, 1947. Мнение Хертеля о том, что маги были жрецами культа «дэвов» — старых божеств, превращенных учением Заратуштры в демонов, как справедливо указывает акад. В. В. Струве (Родина зороастризма. СВ, V, стр. 19), полностью опровергается найденной позже «надписью Ксеркса о дэвах», так как Ксеркс, как известно, был явным приверженцем магов и в то же время врагом «дэвов».

[3] E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938, стр. 34 — А. А. Фрейман. Новые работы по древнеперсидским надписям. ВДИ, 1940, № 2, стр. 127. — Акад. В. В. Струве. Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов. ИАН, сер. ист. и филос., 1944, № 3, стр. 132. — В. И. Абаев. Антидэвовская надпись Ксеркса. Сб. «Иранские языки», I, М.—Л., 1945, стр. 136 и сл. — R. G. Kent, ук. соч., стр. 150 и сл.

[4] Мы не входим в данном случае в обсуждение сложного вопроса — имеет ли Ксеркс в виду один храм или несколько, притом в Иране или за его пределами; важно то, что в его надписи проявляется столь мало характерная для древности (и несвойственная первым Ахеменидам, покровительствовавшим местным культам в покоренных странах) нетерпимость к чужой религии, которая роднит мероприятие Ксеркса с мероприятием Гауматы.

из его надписей явствует, что политика Ксеркса расходилась с политикой его отца, Дария I; акад. В. В. Струве[1] указал на вероятность того, что Ксеркс объявил себя или позволял себя считать «саушьянтом» — грядущим спасителем учения Заратуштры: но мы уже видели, что как предтеча «саушьянта» рассматривался, видимо, и Гаумата. Возможно, что такая политика Ксеркса свидетельствует об углублении влияния магов и их учения в его правление; действительно, маги были приближены к Ксерксу и участвовали в его походе на Грецию в качестве официальных жрецов и прорицателей.[2] При всем том, вся терминология надписей ахеменидских царей, их погребальные обряды (по данным археологии), свидетельства Геродота о персидских верованиях и обычаях, ритуальный праздник «магоубийства», существовавший у персов[3] — все это свидетельствует о том, что хотя религия персидских царей была близка к зороастризму, однако с религией Заратуштры не совпадала. Но она не совпадала и с учением магов, столь близким позднейшему зороастризму, несмотря на их большое влияние при дворе и в народе; все это позволяет считать именно магов представителями учения Заратуштры.[4]

---

[1] Акад. В. В. Струве. Родина зороастризма. СВ, V, 1948, стр. 14.

[2] Her., VII, 19, 37, 43, 113, 191. Впоследствии, как считает акад. В. В. Струве (Родина зороастризма, стр. 19 и сл.), Ксеркс был признан царем еретическим, с точки зрения учений Заратуштры, как полагает автор, потому что пытался сам лично возглавить культ. Вообще причины, почему ахеменидские цари до Артаксеркса I были изгнаны из зороастрийской традиции, можно легко найти, не прибегая к гипотезе «фальсификации» зороастрийской религии магами; в самом деле: Кир убил Спитама, как можно полагать — потомка и преемника Заратуштры; Камбис, как указывает Геродот, нарушал религиозные обычаи своего народа; Дарий I убил Гаумату — «Спентадату». Хотя все эти цари допускали культ магов и покровительствовали ему, однако, между магами и их культом VI—IV вв., допускавшим даже совместное богослужение с «языческими» жрецами (Arr., Anab., VII, 11, 8), и нетерпимым зороастризмом последующих веков — большая разница; то, что было допустимо для одного времени, заслуживало анафемы по мнению людей другого времени.

[3] Her., III, 79; Ктесий у Фотия: Photius, cod. LXXII, л. 106, 15.

[4] Здесь следует сказать еще раз несколько слов о теории Хертеля, нашедшей поддержку у ряда других ученых, о том, что Заратуштра был якобы современником и соратником Дария. Это основано на трех отождествлениях: 1) покровителя Заратуштры, кави Виштаспы, — с Виштаспой, отцом Дария; 2) названия рода Виштаспы, «Наутара», что толкуется Хертелем как «младший», хотя это толкование спорно, — с младшей линией дома Ахеменидов; 3) имени жены (?) Виштаспы, Хутаусы, — с Атоссой, дочерью Кира и женой, последовательно, Камбиса II, Лже-Бардии и Дария I. Той же точки зрения, с небольшой модификацией, придерживается и акад. В. В. Струве (Восстание в Маргиане при Дарии I, стр. 21 и сл.; Родина зороастризма, стр. 19); акад. В. В. Струве ссылается при этом на отождествление Гистаспа, отца Дария, с Виштаспой, покровителем Заратуштры, у поздних писателей — Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.), Агафия (VI в. н. э.) и аль-Бируни (X в. н. э.), — а также на редкость имени «Гистасп» — Виштаспа. Однако мы уже указывали: 1) что Гаты написаны не на персидском языке; 2) что Авеста вообще не знает Персии; 3) что имена всех родичей кави Виштаспы, включая его отца и сыновей, не сходятся с именами родичей Виштаспы, отца Дария, и что более старый античный автор — Харес Митиленский (IV в.

Конечно, мы не можем рассматривать учение Заратуштры как «религию труда» даже в его первоначальном виде, тем более в том виде, какой это учение приняло при дворах мидийских и персидских царей; но в какой-то степени (и с этим согласны, как кажется, все исследователи) оно отражало чаяния широких масс свободного населения. Естественно поэтому, что маг Гаумата разрушал храмы старых местных божеств как оплот местной родовой знати.

При этом акад. В. В. Струве вполне прав, приписывая этой мере демагогический характер; мы не должны идеализировать Гаумату: он, конечно, искал союзников в народных массах, но суть дела заключалась в это время, вероятно, уже только в конкуренции между различными корпорациями жречества и в их борьбе за власть, за политическое и экономическое могущество.

Не следует идеализировать Гаумату еще и в другом отношении и считать Гаумату революционным борцом за освобождение Мидии. Переворот Гауматы был не народным движением, а дворцовым переворотом, при этом сам Гаумата выдавал себя за перса, за Ахеменида, поэтому речи не было о том, чтобы вернуть Мидии прежнюю независимость, хотя слухи о мидийском происхождении нового царя (как можно заключить из Ктесия) возбуждали к нему симпатии в Мидии, и, вероятно, он и сам искал в Мидии опоры. Впоследствии сторонники Дария стремились убедить персидские народные массы в том, что свергнутый Гаумата якобы хотел отобрать власть у персов и, будучи сам мидянином, вернуть эту власть Мидии; эта версия сквозит в надписях Дария I[1] и у Геродота (III, 65 и 126), однако в действительности, хотя Гаумата и пытался базироваться на широких массах свободных вообще и мидян в частности, он не был ни «демократом», ни сторонником восстановления Мидийской державы.

2) «Гаумата отнял у народа-войска abičariš gaiϑāmčā māniyamčā viϑbiščā». Эти термины уже разбирались нами. Мы видели, что их скорее всего нужно переводить «пастбища (?), (движимое) имущество и домашнюю (челядь), и (именно) по общинным поселениям». Сообщение об отнятии всего этого у «народа-войска и (именно) по общинным (родовым)

до н. э.) — знает «Гистаспа» авестской традиции (?) и не отождествляет его с Гистаспом, отцом Дария; 4) что отождествлению имени Атосса с именем Хутауса нет фонетических параллелей (авестск. hu- не дает a-); 5) что условия, рисуемые Гатами, нисколько не похожи на условия сатрапского или царского двора и вообще на условия большой державы, и мн. др. Следует заметить, что последние построения Хертеля (см.: Ar. Or., XIX, 1—2, стр. 207 и сл., — например, отождествление скифов Партатуа и Мадия с индийцами-ариями ведической традиции) находятся вообще за пределами науки. См., также: W. B. Henning. Zoroaster, Politician or Witch-doctor? London, 1951.

[1] Ср. подчеркивание роли именно персов в надписях Dar. Pers, c, § 3, Dar. NRa, §§ 2, 4.

поселениям»[1] следует толковать в свете изложенного выше. Конечно, нет сомнения, что автор Бехистунской надписи имеет здесь в виду «народ-войско, которое находилось по общинам» (kāra hya viϑāpatiy); мы видели, что под этим обозначением Бехистунская надпись разумеет ту часть свободных, которые не были вовлечены в постоянное войско, в придворные круги и в администрацию. Таким образом, kāra hya viϑāpatiy — это практически в основном рядовые свободные. Но наиболее отсталая местная родовая знать также не была привлечена ко двору — ни в войско, ни в администрацию; это позволяло составителям Бехистунской надписи в целях дискредитации действий Гауматы относить и ее к kāra hya viϑāpatiy; ведь это был не термин, не определенное социально-политическое обозначение, а просто оборот речи, хотя и выражавший в данных случаях довольно определенное политическое содержание.

Само собой разумеется, что — если не стоять на почве евангельского изречения «у неимущего да отнимется», — то что-либо может быть отнято лишь у того, кто имеет. В качестве такой имущей стороны, у которой Гаумата что-то отнял, могут выступать либо община в целом, либо отдельные зажиточные люди. Община в целом, конечно, может обладать скотом и пастбищами, а также недвижимым имуществом; но может ли община в целом обладать «домашними», «домашним имуществом» или «домашними рабами» (māniya-)? Мы должны безусловно отказаться от мнения, будто бы Гаумата отнимал у свободных воинов жен и детей с целью включить их на рабском основании в царское хозяйство, как толкует В. О. Тюрин; на совершенной невероятности такого толкования мы уже останавливались. Коллективные рабы сельских или родовых общин не вовсе неизвестны этнографии, но в обществе уже классовом они встречаются крайне редко; можно предполагать, что греческие авторы донесли бы до нас сведения о существовании таковых рабов в Персии, если бы они существовали. Но если бы даже такие коллективные рабы общин и существовали, все же является маловероятным, чтобы они носили обозначение «домашних» (māniya-).

Все это заставляет нас полагать, что речь идет о пастбищах, скоте и домашних рабах **м е с т н о й р о д о в о й з н а т и**, так же как несколько выше речь идет о храмах местной родовой знати. Сообщение Бехистунской надписи о том, что изъятие всего перечисленного происходило «по общинным (родовым) поселениям» (якобы у «народа-войска»), нужно скорее рассматривать как косвенное указание на то, кому досталось конфискованное: возможно, в каждой общине, где было расположено данное имущество, оно досталось данной общине, что и выражено в словах «по общинам». Этот скот и эти пастбища, вероятно, вначале принад-

[1] Такой перевод предпочтительнее, чем «. . . и с родовыми дворами», имея в виду эламскую версию, где после слова, соответствующего др.-перс. viϑbiš, стоит послелог «в» (-ma).

лежали, собственно, общинам и были у них захвачены представителями знати: вспомним о существующих в Гатах намеках на такое же положение.[1]

Таким образом, пострадала от реформ Гауматы местная родовая знать, а выиграла масса рядовых свободных общинников. Такой вывод совершенно согласуется с известием Геродота о том, что Гаумата ввел освобождение на 3 года от налогов и воинской повинности — мера, выгодная прежде всего для массы рядовых свободных.

Все мероприятия Гауматы касались «народа-войска», находившегося «до́ма», в общинах: к этой категории относились и пострадавшие и выигравшие от реформ Гауматы. Крупную придворную и военно-служилую знать Гаумата, надо полагать, не тронул, во-первых, потому, что она являлась опорой централизации, которая Гаумате была нужна не менее, чем Киаксару или Киру, во-вторых, она была слишком сильна, и в его положении Гаумате опасно было раздражать ее.

Однако, то обстоятельство, что главным врагом Гауматы была именно определенная часть знати (а именно — родовая), подтверждается и тем, что к знати принадлежали важнейшие сторонники Дария.[2]

Гаумата, пришедший к власти путем дворцового переворота, и погиб вследствие дворцового переворота. Одна из жен его гарема, унаследованного им от Камбиса, открыла, по Геродоту, его тайну своему отцу, знатному персу Отану; Дарий, царевич из другой линии рода Ахеменидов, в сопровождении шести заговорщиков из числа персидской знати,[3] тайно

---

[1] См. выше, стр. 387.

[2] Например, Отан и Гобрий (ср.: J. v. Prášek. Geschichte der Meder und Perser, I, Gotha, 1906, стр. 203 и сл.). Гобрий был, повидимому, вождем упоминаемого Страбоном персидского рода (или фратрии?) патейсхорийцев (одноименного с мидийским Патишхваром); так, повидимому, надо понимать его родовое обозначение в надписи Dar.NRc (Gaubruva pātišhuvariš). Он был представителем той части родовой знати, которая влилась в состав знати служилой и полностью перешла на службу деспотической монархии. При Кире и Камбисе он был сатрапом Вавилонии и Сирии-Ассирии (=Аккада и Заречья). Соображения Шейля и С. Смита (S. Smith. Babylonian Historical Texts. London, 1924, стр. 34—35, 104—105 и 121—122; V. Scheil, RA XI, стр. 165 и сл.) относительно тождества исторического Гобрия (Gûbaru = Gaubruva) с Гобрием «Киропедии» основаны на неправильном толковании термина «Гутиум» и на недоказанном предположении о существовании особого персидского источника «Киропедии», известного якобы также Александру Полигистору. Согласно Смиту, этот источник, в целях возвеличения Кира, умалчивал будто бы о его войне с Мидией; но трудно поверить, что можно написать сколько-нибудь основанную на действительности историю Кира, опустив самое важное событие его царствования. Между тем, данный момент является центральным в аргументации Смита. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в том, что Гобрий принадлежал к родовой и в то же время к военно-служилой знати. Что касается Отана, то на его принадлежность к богатейшей родовой знати указывает Геродот (III, 68).

[3] Это были основатели ведущих знатных родов последариевой Ахеменидской державы: Виндафарна (Интафрен, впоследствии казненный Дарием I), Утана (Отан), Гаубрува (Гобрий), Видарна (Гидарн), Багабухша (Мегабиз) и Ардуманиш, о котором впоследствии ничего не было известно: уже для Геродота его место было занято именем другого сторонника Дария — Аспачаны (Аспатина).

проник в его жилище в крепости Сикаяуватиш в области Нисайа (ассир. Нишай, Нишша) в Мидии и убил его 10-го числа месяца багаядиш — 29 сентября 522 г. до н. э.

По известию Геродота, после убиения Гауматы некоторые сторонники Дария предлагали учредить вместо монархического олигархическое или даже демократическое правление. При этом Геродот не просто вкладывает в уста соответствующих действующих лиц своего рассказа речи, посвященные восхвалению определенного государственного строя: это можно было бы объяснить как обычный в античной историографии литературный прием — вложения в уста исторических деятелей речей, излагающих взгляды авторов; но дело в том, что Геродот и в другом месте своей истории, по другому поводу, настаивает на правдивости данного своего сообщения и с сожалением отмечает, что греки ему не верят. В действительности ничего невероятного в этом сообщении нет.[1] Любые коллегиальные органы управления типа пережиточных органов родового строя — не только совет старейшин, но и первобытное народное собрание[2] — в условиях раннего классового общества оказались бы органами, находящимися под руководством родовой знати; понятно, что ее представители пытались создать такие органы управления, стремясь ограничить царскую власть, исторически имевшую в то время тенденцию опираться на более широкие слои рабовладельцев. Однако восторжествовала монархия.

3. Восстание Фравартиша и другие восстания против Ахеменидов

Убив Гаумату и захватив власть в Персии и Мидии, Дарий I получил известие об отпадении Элама (где восстал некто Ашина) и Вавилонии (где восстал Нидинту-Бел, выдававший себя за сына последнего вавилонского царя Набонида). Это не было еще началом всеобщего восстания; это был лишь обычный для истории Ахеменидской державы случай отпадения высокоразвитых и экономически не связанных с Персией областей. Всеобщее восстание началось несколько позже, в конце ноября — начале декабря 522 г., когда Дарий был занят войной в Вавилонии.

Это было, собственно, не одно восстание, а четыре или пять одновременных восстаний с различными центрами.

Во главе одного из восстаний стоял мидянин Фравартиш (Фраорт), выдававший себя за Хшатриту II из рода Киаксара. К нему примкнуло

[1] Правдивость данного известия Геродота доказывается в статье акад. В. В. Струве «Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I» (ВДИ, 1948, № 3).

[2] Мы не имеем в виду в данном случае народного собрания типа афинского, где народ выступал как активная политическая сила; первобытное народное собрание типа ирокезского, которое только и может здесь иметься в виду, ограничивалось возгласами одобрения и неодобрения по поводу предложений вождей и старейшин из знати; да и практически в Персии на такое собрание могла бы собраться лишь незначительная часть свободного населения — в основном, привилегированные воины царской «гвардии» и т. п.

население Мидии, а также Парфии с Гирканией. Его же, повидимому, поддержало население Армении, возможно, восставшее еще раньше.

Во главе второго восстания стоял перс Вахьяздата, выдававший себя, подобно Гаумате, за Бардию, сына Кира. Помимо значительной (главным образом восточной?)[1] части Персиды, к нему примкнули восточные провинции — Саттагидия с Арахосией (VII сатрапия Геродота; она не входила в царство Киаксара, а была завоевана Киром; не имея киаксаровских традиций, она присоединилась к Вахьяздате, а не к Фравартишу).[2]

Трудно сомневаться в том, что оба эти восстания ставили себе задачей восстановление порядков, вводившихся первым Лже-Бардией и отмененных Дарием. Но возможно, что повстанцы шли и дальше Гауматы, так как эти восстания носили характер народных движений. Бехистунская надпись Дария I подчеркивает, что за Фравартишем шел «народ-войско Мидии, находившийся в общинах»; как мы видели, это была та часть населения, которая была непосредственно затронута реформами Гауматы; под это обозначение можно было подвести в какой-то мере и местную родовую знать, однако в основном это вся масса членов общин; вряд ли подлежит сомнению, что с Фравартишем восстали рядовые свободные мидяне. Вообще, народный характер восстаний против Дария I кажется несомненным.[3]

Бесспорно общенародный характер носило третье восстание — в Маргиане (части провинции Бактрии), возглавляемое неким Фрадой.[4] Иной характер, возможно, носило второе восстание Элама и издавна связанной с ним западной Персиды, которое возглавил Мартия, выдававший себя за эламского царя Хумпанникаша IV (Умманиша); оно было, впрочем, быстро подавлено местными силами.

---

[1] Он восстал в Ютии — вероятно, области утиев Геродота. Если верить поправкам Камерона к чтению Бехистунской надписи (см.: R. G. K e n t, ук. соч., стр. 126 и 204), опорой Вахьяздаты, по Дарию, был kāra Pārsa hya viϑāpatiy hačā Yadāyā fratarạm — «персидский народ-войско, находившееся по домам (общинам), ранее из Яды». В эламской версии вместо «из Яды» стоит, как кажется, Anşan.mar — «из Аншана», причем термин «Аншан» надо здесь, конечно, во всяком случае понимать в его эламском, т. е. первоначальном значении названия восточноэламской(?) области.

[2] В § 6 Дарий отдельно называет Саттагидию и Арахосию, а в § 21, перечисляя отпавшие от него провинции, называет только Саттагидию; однако из дальнейшего видно, что восстание происходило в Арахосии (§§ 44—46). Очевидно, Саттагидия и Арахосия составляли фактически, как и в списке Геродота, одну сатрапию.

[3] Вавилонская версия вместо «первейших соратников» каждого из повстанцев употребляет каждый раз слово «знатные» (mâr-banûti), но, имея в виду скверный аккадский язык этой версии, этому не следует придавать слишком большого значения. Не исключено, конечно, что отдельные представители знати, например родичи бывшего царского дома, могли действительно участвовать в этом и подобных восстаниях. Не следует предполагать в этих случаях четкого классового самосознания восставших и их четкой диференциации.

[4] Возможно, что это восстание началось уже раньше. См. о нем подробно: акад. В. В. С т р у в е. Восстание в Маргиане при Дарии I. ВДИ, № 2, 1949. С рядом общих выводов акад. В. В. Струве, связывающего это восстание с борьбой магов и зороастрийцев в духе теории Хертеля и Херцфельда, мы не можем согласиться.

Повидимому, еще до вступления Дария I на престол в состоянии восстания находилась Армения. Бехистунская надпись перечисляет в числе восставших в конце 522 г. еще Сирию-Ассирию, Египет и саков.

Восстание Сирии стояло, повидимому, в связи с восстанием Армении. Восстания же Египта и саков были отпадением окраинных, экономически самобытных областей, и их мы в данной связи можем не касаться. Если оставить также в стороне спорный вопрос о характере и ходе восстания в Армении, то в центре нашего внимания должны быть три серьезных движения, с которыми пришлось иметь дело Дарию, начиная с декабря 522 г. до н. э., — возглавленные Фравартишем, Вахьяздатой и Фрадой.

Войну с Фрадой вел самостоятельно сатрап Бактрии перс Дадршиш. Он разбил маргианцев еще в начале декабря 522 г. и устроил им кровавую резню.[1] Однако сам Фрада еще долгое время не мог быть схвачен персами.

Рис. 84. Фравартиш. Схематическая прорисовка с рельефа Бехистунской скалы.

Самостоятельно же выступил против сторонников Вахьяздаты (Лже-Бардии II) в Арахосии сатрап VII провинции Вивана. Здесь война длилась с декабря по февраль; 21 февраля 521 г. Виване удалось захватить посланного Вахьяздатой полководца. Но сам Вахьяздата держался в Персиде до июля.

Дарий, как сказано, находился в декабре 522 г. в Вавилонии. Отсюда он послал две армии: одну против Армении, во главе с армянином Дадршишем, с задачей облегчить положение армии Вахумисы, уже раньше сражавшейся в Северной Месопотамии против войск из Армении; другую — против Фравартиша, во главе со своим ближайшим соратником Видарной. Несмотря на ряд сражений, Вахумиса и Дадршиш не смогли справиться с армянами, пока еще не была покорена Мидия: возможно, что армяне находились в контакте с действовавшим у них на фланге Фравартишем.

Что касается Видарны, то он дал 12 января 521 г. бой[2] одному из полководцев Фравартиша на юго-западной окраине Мидии, но не имел успеха и остался дожидаться Дария с главными силами в Кампанде (приблизительно соответствует более ранним областям Бит-Хамбан — Эллипи).[3]

Фравартишу приходилось сражаться на два фронта: в то время как с запада ему приходилось обороняться от Видарны, а позже — от главных

[1] По данным Бехистунской надписи (вавилонская версия), было убито свыше 55 000 человек.

[2] Бой был у поселения (vardana) Маруш — может быть, Мар'убишту в Эллипи (??).

[3] В вавилонской версии (строка 43) — Ḫamban.

сил Дария, с востока против него действовал отец Дария, Гистасп (Виштаспа), сатрап Парфии.[1] Хотя, по словам Бехистунской надписи, бо́льшая часть «народа-войска» в Парфии и Гиркании поддержала Фравартиша, однако Виштаспа с частью войска дал в марте 521 г. сражение повстанцам и продолжал успешно держаться в Парфии.

К апрелю Дарий закончил замирение Вавилонии и двинулся в Мидию, одновременно послав под начальством Артавардии часть войска, состоявшего из оставшихся на стороне Дария персов и мидян, против Вахьяздаты. Главные же силы Дария встретились 7 мая (26-го числа месяца адуканиш) с главными силами Фравартиша в Кундуру в Мидии. Фравартиш был разбит и с немногими всадниками бежал в область Раги, на крайний восток своей страны, надеясь, очевидно, на поддержку парфян и гирканцев. К июню 521 г. Дарию еще не удалось замирить Мидию, так как к 12—21 июня, когда Вахумиса и армянин Дадршиш дали очередные битвы армянам, Мидия еще не была в руках Дария или, во всяком случае, он не мог еще послать отсюда подкреплений своим полководцам. Однако в конце июня отряду, посланному Дарием в Рагу, удалось захватить Фравартиша. Из Раги Дарий приказал послать подкрепление Виштаспе, и в сражении при Патиграбане в Парфии 12 июля 521 г. последние сторонники Фравартиша были разбиты.[2] Около того же времени Артавардия подавил и восстание Вахьяздаты в Персиде. Таким образом, Фравартиш продержался более семи месяцев — дольше, чем Гаумата, — долгое время успешно обороняя свое царство от войск Дария, и был побежден только в результате подавляющего превосходства сил противников.

О судьбе Фравартиша Дарий рассказывает в Бехистунской надписи так: «Фравартиш был схвачен и приведен ко мне. Я ему отрезал нос и уши и язык и выколол ему глаз. Его держали закованным при моем дворе, весь народ-войско видел его; тогда я велел посадить его на кол в Экбатане, и мужей, что были его первейшими сторонниками, я в Экбатане повесил (на кольях) внутри крепости». Такова была принятая у Ахеменидов расправа с теми, кто пытался объявить себя независимыми правителями.[3]

Однако восстание в Мидии на этом не закончилось. Осталось непокоренным племя сагартиев,[4] где некто Читрантахма объявил себя царем и родичем киаксарова дома. Для подавления этого восстания Дарий на-

---

[1] Возможно, что он был сатрапом всей XVI провинции Геродота; как уже говорилось, самая непомерная величина этой провинции, представлявшей соединение четырех сатрапий, объясняется, быть может, тем, что ею управлял отец царя.

[2] Вавилонская версия Бехистунской надписи указывает количество убитых, но цифра читается неясно: 6570 или 15 570?. В плен было взято 4192 человека.

[3] Обычай собственноручного изувечивания вождей «бунтовщиков» победившим царем был введен ассирийцами. Сажание на кол было специальной казнью для претендентов на царскую власть.

[4] Были ли это сагартии центрального Ирана или, может быть, жители Зикерту в Азербайджане — неясно; см. об этом выше, стр. 339 и 340.

шел в самой Мидии достаточно преданные ему элементы, — очевидно, из числа знати; его персидско-мидийское войско во главе с мидянином Тахмаспадой быстро подавило эту последнюю вспышку движения Фравартиша, и Читрантахма был посажен на кол в Арбеле, на бывшей ассирийской территории.

Волнения в державе не прекратились и на этом; то тут, то там вспыхивали еще отдельные восстания. Но после разгрома основных восстаний, прежде всего восстаний Фравартиша и Вахьяздаты, Дарий I мог считать Ахеменидскую державу спасенной.

Какова же была причина поражения этих восстаний? Основной их причиной представляется нам отсутствие внутреннего и внешнего единства. Вахьяздата и Фравартиш, а также и другие повстанцы, действовали, повидимому, не как союзники в общем деле, а как соперники, разобщенно. Причиной тому была, конечно, экономическая разобщенность отдельных областей того времени, живших еще в основном натуральным хозяйством. С другой стороны, Дарий I нашел себе достаточное количество сторонников и в Персии, и в Мидии. Это была, во-первых, родовая знать; во-вторых, Дария поддержала верхушка служилой знати — соратников Кира, вроде Гобрия. Но этого мало; бесспорно, что Дарию удалось привлечь на свою сторону и известную часть рядовой массы свободных, особенно в Персии. Ведь не только знать, но и вся масса персов участвовала, прямо или косвенно, в доходах, возникавших в результате господства Ахеменидской державы.[1]

Рис. 85. Читрантахма. Схематическая прорисовка с рельефа Бехистунской скалы.

Для того чтобы яснее понять характер и причину поражения народных движений при Дарии I, нужно дать себе отчет в том, чтó являлось прогрессивным в историческом развитии того времени.

Прогрессивным для того времени несомненно было всемерное развитие ведущего рабовладельческого способа производства, как экстенсивное, так и интенсивное, иначе говоря, как увеличение числа рабовладельческих хозяйств, так и углубление охвата производственных процессов рабовладельческим способом производства, а также увеличение масштаба рабовладельческих хозяйств с усилением разделения труда и усложнением внутренней хозяйственной кооперации. Рабовладельческий способ производства был в то время на подъеме и соответствовал уровню развития производительных сил; в обиход в это время входили железные орудия труда, рабская сила была легко доступна в больших количествах.

[1] Персы служили во всех многочисленных гарнизонах, от Египта до Индии, занимали все ведущие административные посты и т. д. Имея в виду их сравнительную малочисленность, это означает, что почти все свободные персы были связаны с ахеменидским войском и ахеменидской администрацией; кроме того, все персы были освобождены от налогов (Н е г., III, 97).

Господство местной родовой знати, — очевидно, как и во всех странах Древнего Востока, эксплуатировавшей и угнетавшей своих соплеменников путем долговой кабалы и благодаря наличию различных полупатриархальных форм зависимости,[1] — тормозило развитие рабовладельческого способа производства, в особенности его широкое, экстенсивное развитие. Но и победа широких масс свободных мелких производителей, еще не вовлеченных в собственно рабовладельческое хозяйство, не могла бы в условиях Персидской державы привести к созданию рабовладельческой демократии греческого типа и не содействовала бы немедленному развертыванию рабовладельческого способа производства. Наиболее развитое рабовладельческое производство было возможно в хозяйствах, не имевших параллелей в хозяйственной жизни Греции: в царских и храмовых хозяйствах и в хозяйствах вельмож из войска и администрации; этого рода знать не имела патриархальных связей на местах, позволявших ей держать своих соплеменников в патриархальной зависимости; зато у нее не было недостатка в рабах, и она могла вести рабовладельческое, крупное хозяйство. Она была наиболее сильна экономически и она выиграла более всего и политически от развернувшихся событий. Это был период роста классовых отношений, и народные движения подобного рода были тогда еще обречены на неудачу.

Мидия потеряла в результате восстания Фравартиша свое формальное положение первой (наряду с Персией) области державы: в Бехистунской надписи она названа в перечислении на одном из последних мест среди западных сатрапий. Позже, правда, мы вновь встречаем Мидию на почетном месте в списках областей; но в действительности она все более и более превращалась теперь в одну из рядовых сатрапий Ахеменидов. Недовольство населения Мидии иной раз и после Дария выражалось в восстаниях; так, например, Мидия восставала в 408 г. до н. э.[2]

В одном отношении Мидия, повидимому, оставалась в державе на особом положении: ее сатрапами, по крайней мере иногда, бывали не персы, а коренные жители страны — мидяне.[3] Так, мидянином несомненно был Арбак — сатрап Мидии при Артаксерксе II.[4] Мидянином же, как

---

[1] К таким полупатриархальным формам эксплуатации относится обычно, судя по историческим и этнографически аналогиям, использование труда младших родичей и чужих в общине людей, прибегающих под покровительство (клиентела) и т. п. Ср. выше, стр. 334 и сл.

[2] Xen. Hell. I, 2, 19.

[3] При Ксерксе, однако, мидийским ополчением командовал член рода Ахеменидов Тигран (Her., VII, 62).

[4] Xen. Anab., VII, 8, 25 (и I, 7, 11); Plut. Artax., 14. Это тот самый Арбак, имя которого было использовано Ктесием для героя его новеллы о падении Ассирии. Что имя это — подлинное мидийское, видно, между прочим, из того, что оно встречается в Мидии еще VIII в. до н. э. (Arbaku: ARAB, II, № 192) и не встречается в Персии.

кажется, был и последний сатрап Мидии при Ахеменидах — Атропат.[1]

Мидийские контингенты участвовали, как правило, во всех походах Ахеменидов. Одним из персидских полководцев в битве с афинянами при Марафоне в 490 г. был мидянин Датис. Его сыновья, Гармамитра и Титей, командовали конницей Ксеркса в его большом походе на Грецию; мидяне вместе с персами и саками, как надежнейшие воины, составляли вооруженную силу на кораблях ксерксова флота; мидяне вместе с эламитами (киссиями) и персами вели основные бои с отрядом Леонида в Фермопильском ущелье. В составе отборных войск, оставленных Ксерксом после Саламинского поражения в Греции с Мардонием, были, кроме некоторых лучших персидских частей, также и мидяне вместе с саками, бактрийцами и индийцами. Таким образом, при Ксерксе мидяне считались в числе лучших воинов Ахеменидской державы. Возможно, что Ахемениды пытались давать массе свободных мидян подачку в виде их участия в военной добыче. В то же время мидийская знать вполне уживалась с персидской знатью.

Мидяне занимали, повидимому, видное место и в войске Артаксеркса II. Сатрап Мидии Арбак — один из главных военачальников Артаксеркса — вел себя двусмысленно в битве при Кунаксе в войне между Артаксерксом и его братом Киром Младшим: перешел было на сторону Кира, затем снова перешел к царю и был, по словам Плутарха, вынужден понести смешное и позорное наказание за свое поведение.

Знатные мидяне гораздо реже упоминаются на видных постах в Ахеменидской державе в конце V и в IV в. до н. э. Повидимому, мидийская знать частью слилась с персидской, частью была ею вытеснена. Что касается мидийских народных масс, то для них существование Персидской державы Ахеменидов было только бременем; даже та возможная подачка мидянам со стороны Ахеменидов, какой могла быть военная добыча мидийских отрядов их армии, перестала поступать, в связи с прекращением расширения державы и уменьшением числа военных походов вообще и победоносных в частности.

4. Крушение державы Ахеменидов и образование государства Мидии Атропатены

В последней трети IV в. до н. э. возникшая между персидским царем Дарием III и македонским царем Александром война переросла в быстрое крушение Ахеменидской державы. Причины ее падения имелись как внешние, так и внутренние. Внешней причиной явился тот факт, что Персидская держава в своих войнах с греческим миром столкнулась с развитым рабовладельческим обществом: Греция в течение VII—IV вв. переросла

[1] Любопытно, что имя «Атропат», во-первых, зороастрийское, а во-вторых — встречающееся в роде Виштаспы, покровителя Заратуштры (Ātarepāta: Яшт XIII, 102 — сын Виштаспы).

уровень развития рабовладельческого производства, господствовавший на Древнем Востоке, и являлась теперь передовой по экономическому развитию страной. Кроме того, политический строй греческих государств, вытекавший из экономического строя общества — рабовладельческая демократия или в крайнем случае олигархия, — делал их граждан сознательными, активными участниками общественной жизни, а потому лучшими и более сознательными воинами, чем воины Персидской державы, которых Ахеменидам нередко насильно приходилось гнать в бой.[1]

С другой стороны, экономически наиболее развитые области самой Персидской державы подошли в это время также к более высокому этапу развития рабовладельческого общества. В качестве одной из потребностей, назревших для этих областей, можно отметить потребность в создании политических организаций рабовладельцев, которые, находясь под защитой верховной царской власти, обладали бы самоуправлением в такой мере, чтобы оно обеспечивало ее членам-рабовладельцам наиболее благоприятное развитие их хозяйственной деятельности, в особенности в области создания товарных, развитых рабовладельческих хозяйств, — без помех и без произвольного вмешательства со стороны деспотической царской власти; такая организация обеспечила бы уничтожение монополии царя и его приближенных на обладание высокоразвитыми рабовладельческими хозяйствами, а также улучшение положения хотя бы части рядовых свободных и создание возможности для них заводить свои рабовладельческие хозяйства.

Такой организацией, обеспечивавшей эти нужды рабовладельческого общества, был самоуправляющийся рабовладельческий город. Города этого типа[2] существовали кое-где уже в пределах Персидской державы (города Ионии, Тир, Иерусалим, Сиппар, Вавилон, Урук и др.); однако число их было невелико, и развитие их происходило не без больших препятствий со стороны царской администрации.[3]

Положение свободного населения Персидской державы в результате тягот военной и других повинностей, царских налогов и ростовщичества, расцветавшего пышным цветом особенно в старых земледельческих областях царства, резко ухудшилось в период от VI до IV в. до н. э., и это сказалось, в частности, на изменении состава армии[4] и на резком сниже-

---

[1] Даже делая скидку на неприятельский по отношению к персам характер источника, следует обратить внимание на такие сообщения, как, например: Н е г., VII, 223.

[2] См.: Г. Х. Саркисян. 1) Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1, стр. 68 и сл.; 2) О городской земле в селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1953, № 1, стр. 59 и сл.; И. М. Дьяконов. 1) Развитие земельных отношений в Ассирии. Л. 1949, стр. 136 и сл.; 2) Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э. ВДИ, 1946, № 4, стр. 14 и сл.

[3] См. яркую картину этого в «Книге Эзры» в Библии.

[4] Значительно уменьшился удельный вес пехоты, что стоит в связи, вероятно,

нии ее боеспособности. Уже на рубеже V и IV вв. наиболее боеспособными частями персидской армии были греческие наемники.

Все это и обусловило крушение Ахеменидской державы — по своей быстроте неожиданное, как кажется, даже и для самого Александра — и легкость перехода значительных слоев свободного и рабовладельческого населения Персидской державы на сторону новой власти. Лишь некоторые, особенно окраинные районы, где рабовладение еще не было так сильно развито, ожесточенно сопротивлялись иноземному завоеванию. В целом же к новому этапу рабовладельческого общества, для которого было характерно бурное развитие системы самоуправляющихся рабовладельческих городов, носившее здесь специфические черты «эллинизма», вся западная Азия перешла через посредство вхождения в состав государства Александра, а затем — в состав других греко-македонских или эллинистических государств, возникших на его развалинах.

Лишь очень немногие страны сумели перейти к дальнейшему этапу развития рабовладельческого общества, минуя подчинение иноземцам. Одной из таких стран была западная Мидия, во главе которой в этот критический момент стоял выдающийся исторический деятель — Атропат.[1]

Атропат был сатрапом Мидии при последнем ахеменидском царе Дарии III Кодоманне. В источниках он впервые упоминается под 331 г. до н. э. Когда Александр, заняв Малую Азию и разбив войска Дария при Иссе,[2] оккупировал затем Сирию, Финикию, Палестину и Египет, Дарий III вновь собрал большое войско, с помощью которого он надеялся удержать Александра от вторжения в более восточные области. Однако, прежде чем Дарий успел дойти до Тигра, Александр успел переправиться и через Евфрат, и через Тигр; сражение состоялось 1 октября 331 г. до н. э. к востоку от Тигра, поблизости от бывшего ассирийского города Арбелы, у селения Гаугамела. В этом сражении Атропат командовал мидянами, в союзе с которыми выступали полунезависимые кадусии, албаны и

с разорением рядовых свободных. Так, по Курцию (III, 2; IV, 12), у Дария III было при Иссе 250 000 пехоты и свыше 50 000 конницы, при Гаугамеле 200 000 пехоты и 45 000 конницы, что составляет отношение 5 : 1 и 4 : 1, между тем, как за 150 лет до этого в войске у Ксеркса Геродот полагает соотношение пехоты и конницы как 10 : 1.

[1] Широко распространено мнение, которого, в частности, в советской науке придерживается З. И. Ямпольский, что «Атропат» — не имя, а титул жреца-правителя Мидии.

Этимология этого имени («хранимый огнем» или «владыка огня») допускает такое толкование; однако если бы это было титулом, то этот титул повторялся бы и у других правителей Мидии — предшественников и преемников Атропата; но на самом деле это не имеет места. Сопоставление имени Атропат с названием страны «Андарпатиану», как мы уже упоминали, в лингвистическом отношении очень натянуто: в первом случае мы имеем слово ātr- — «огонь», во втором — вероятно, предлог antara-.

[2] В битве под Иссом участвовал и крупный (второй по величине после персидского) контингент мидян; командовал ли им уже тогда Атропат — неясно.

сакесины (жители Сакасены).[1] Перед этим Атропат командовал конной разведкой, высланной Дарием.[2]

Сражение при Гаугамеле окончилось, как известно, полным поражением Дария; персидский царь бежал в Экбатану, где пытался сколотить новое войско. Здесь уже обнаружилось, что ряд сатрапий и областей фактически вышли из повиновения ему. Между тем, Александр двинулся на юг и, заняв Вавилонию, Элам и Персиду, оттуда начал наступление на Мидию через Паретакену.[3] Дарий, убедившись в отсутствии ожидавшейся поддержки кадусиев и «скифов», бежал из Экбатаны на восток, но по дороге был низложен сатрапом Бактрии Бессом и вскоре погиб (330 г. до н. э.). По приказу Александра его полководец Парменион свез в Экбатану захваченную персидскую казну, после чего направил новоприбывшие контингенты в Гирканию через землю кадусиев (т. е. южным берегом Каспийского моря),[4] в то время как сам Александр гнался за Дарием по дороге на Парфию. В Рагах, повидимому, он назначил новым сатрапом Мидии некоего Оксодата, заключенного Дарием в темницу и потому казавшегося Александру надежным человеком.[5] Но в Нижней Мидии, на путях коммуникаций армии Александра, связывавших ее с Вавилонией и Средиземным морем, действительным хозяином положения оставался Парменион — второй после Александра полководец македонян, которому было поручено обеспечение тылов. Когда же через некоторое время, после заговора на жизнь македонского царя, в котором принял участие сын Пармениона Филот, Александр, казнив Филота, почел себя вынужденным приказать убить Пармениона, его роль в Мидии перешла к военачальникам Клеандру, Мениду и Ситалку. Об утверждении Атропата сатрапом Мидии в это время не было и речи.

Действительно, Атропат, видимо, не явился к Александру, хотя, очевидно, не поддерживал и Дария: это видно из того, что Экбатана не оборонялась, а союзные с Атропатом кадусии не поддержали Дария. Но Оксодат не оправдал расчетов Александра, и несколько позже, во время

[1] A r r., Anab., III, 8, 4. Из контекста очевидно, что кадусии, албаны и сакесины были союзниками именно мидян, а не Персидской державы в целом, хотя и в отношении ее иной раз применялся греками термин «мидяне». Интересно, что гордии (кардухи, жители гор к северу от Ассирии), касситы и другие горцы современного Курдистана и Луристана не входили в мидийский контингент Атропата (C u r t., IV, 12). В битве кадусии находились на левом фланге, мидяне — на правом.

[2] C u r t., IV, 9. Атропат назван здесь Satropates, что, повидимому, является опиской (диттография s).

[3] При этом он отделил Паретакену от мидийской сатрапии (A r r., Anab., III, 19,2).

[4] Здесь «земля кадусиев» однозначна с землей каспиев у Плиния (Nat. Hist., VI, 18).

[5] Арриан (Anab., III, 20, 3) называет Оксодата персом; однако историки Александра обычно называют персами всех говоривших по-ирански вельмож Ахеменидского царства; судя по его имени (Oksodatēs, Oksudatēs<иранск. * Vaxšudāta — «данный Аму-Дарьей»?) он был, скорее, уроженцем Средней Азии.

среднеазиатского похода, Александр сместил его и восстановил Атропата в должности сатрапа Мидии [1] (328 г. до н. э.), узаконив тем самым, как кажется, реально существовавшее положение. По всей вероятности, Атропат дал Александру заверение в своей большей верности ему, нежели Оксодат. Действительно, вступать в борьбу с Александром, как он, быть может, первоначально и намеревался, Атропат в тот момент не мог: для этого у него не было сил и возможностей.

Мало того, Атропат на деле доказал желание сотрудничать с Александром, выдав ему некоего Бариакса, принявшего звание царя Персии и Мидии.[2] Это произошло уже в 324 г., по возвращении Александра из индийского похода в Персиду, во время его расправы над своевольничавшими сатрапами, военачальниками и т. д., когда в числе прочих были казнены хозяйничавшие в Нижней Мидии Клеандр, Менид и Ситалк. Атропатом же Александр остался доволен и некоторое время держал его при себе.[3] Атропат был одним из тех сановников бывшей Ахеменидской державы, которые по желанию Александра во время торжеств в Сузах породнились с первейшими македонянами.[4] Атропат оказался весьма дальновидным в выборе родства: он выдал свою дочь замуж за Пердикку, человека умного и дельного, пользовавшегося большим авторитетом и, быть может, менее своекорыстного, чем другие полководцы Александра.

Позже Александр посетил Мидию; он осмотрел знаменитые Нисейские поля, где паслось 50 000 коней для царского войска. Оказалось, что бóльшая часть поголовья была разграблена македонской военщиной.

В этот период различные политические мероприятия Александра сопровождались устройством торжеств. Атропат присутствовал на некоторых из них и для развлечения Александра доставил ему отряд из 100 всадниц. Арриан — наиболее достоверный из сохранившихся историков войн Александра — пишет в этой связи:

«Здесь, говорят, Атропат, сатрап Мидии, дал ему сто женщин, которых полагают амазонками и которые были наряжены в одежду мужчин-всадников, за исключением того, что носили секиры вместо копий и легкие щиты вместо тяжелых» (anti aspidōn peltas).[5] Сам Арриан заявляет,

[1] Arr., Anab., IV, 18,3. Курций (VIII, 3) говорит, что на место Оксодата был вначале назначен Арсак.

[2] Arr., Anab., VI, 29, 3. Не берусь судить, какие социальные слои представлял Бариакс и какие цели себе ставил.

[3] Там же, VII, 4, 1.

[4] Arr., Anab., VII, 4, 5.

[5] Arr., Anab., VII, 13,2. Арриан прибавляет дальше: «Некоторые говорят, что правая грудь, которая бывает открыта в сражениях, у них была меньше. Александр устранил их из войска, чтобы они не потерпели какого-либо оскорбления от македонян или варваров. Он велел им сообщить своей царице, что он прибудет, чтобы создать с ней потомство. Но об этом не пишет ни Аристобул, ни Птолемей, ни кто-либо иной, кто может дать об этих вещах достаточное свидетельство. И не кажется мне, что племя амазонок могло сохраниться до того времени. . . (далее Арриан приводит доказательства этому своему мнению). . . Вообще мне кажется невероятным, что существо-

что не считает этих женщин амазонками, — конечно, совершенно справедливо, — но не дает никакого ключа к вопросу о том, кто же они были; между тем, вопрос этот, как мы увидим, не лишен интереса. Вряд ли речь идет, как думает Арриан, о специально обученных и наряженных женщинах, которых Атропат выдал за амазонок; вряд ли ему был и знаком греческий миф о них.

Нам известен один народ, который мог в это время дать подобных всадниц: это — «женоуправляемые» савроматы, у которых женщины были воительницами и жрицами; погребения этих савроматских женщин-воительниц, которых Геродот (IV, 110 и сл.) считал потомками амазонок, теперь хорошо известны нам из Нижнего Поволжья и Приуралья;[1] культура, к которой они принадлежат, охватывала на юго-западе, повидимому, всю современную Астраханскую область[2] и простиралась, как можно предполагать, до Маныча и Кумы. Правда, у савроматов Поволжья и Приуралья основным оружием, помимо лука и стрел, был меч, а не секира (pelekus), как можно заключить из рассказа Арриана,[3] но копье в IV в. у них действительно было малоупотребительным; что касается щита (peltē) то, поскольку щиты делались, очевидно, из дерева и кожи, они не сохранились.

Мысль о том, что Атропату удалось захватить в плен некоторое количество савроматок, кажется более вероятной, чем предположение о специальном обучении им ста женщин для того, чтобы затем выдавать их за амазонок (такая затея особенно маловероятна, имея в виду обычное на Древнем Востоке патриархальное отношение к женщине). Правда, если признать этих женщин за савроматок, то это означало бы, что Атропат в какой-то мере контролировал восточное Закавказье (нынешний Советский Азербайджан), так как в противном случае он не мог бы столкнуться с савроматами, жившими по ту сторону Кавказа; но это и без того не лишено вероятия, имея в виду прямое указание Арриана на то, что жители этой

вало такое племя женщин. . . Если же Атропат показал каких-либо женщин-всадниц Александру, то полагаю, что это были какие-то другие варварские женщины, обученные верховой езде, которых он показал наряженными в одежду, приписываемую амазонкам». Как известно, легенды о встрече Александра с амазонками очень рано начали вплетаться в историю об его походах; Арриан здесь показывает, что эти легенды (в частности, легенды о выжигании амазонками правой груди ради удобства стрельбы из лука, и о сожительстве Александра с царицей амазонок) были ему известны, но он справедливо отвергает их, ссылаясь на то, что подобные рассказы отсутствуют в известиях спутника Александра — Птолемея Лага и одного из лучших ранних историков Александра — Аристобула; однако из этой ссылки Арриана видно, что самый факт присылки всадниц Александру Атропатом все же не подвергался сомнению и этими достовернейшими источниками.

[1] Б. Граков. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов). ВДИ, 1947, № 3, стр. 100 и сл.

[2] Там же, стр. 103.

[3] Впрочем, секиры (sagaris) употреблялись, по Геродоту, соседними и родственными савроматам племенами массагетов (I, 215), хотя археологически эти секиры и здесь не засвидетельствованы.

области — кадусии, албаны и сакесины — участвовали в Гаугамельской битве в качестве союзников мидян. Этот союз был, конечно, формой зависимости, как все подобные «союзы» в древности: иначе какие соображения могли бы заставить эти племена принять участие в войне, не представлявшей для них никакого интереса? И что могли бы они получить взамен от сатрапа Мидии? Разве что оборону от кочевых племен севера? Но и это означало бы фактический военный контроль над восточнозакавказскими племенами со стороны правителя Мидии.

Рис. 86. Одежда албанско-сакесинских племен V—III вв. до н. э. Изображения с бронзовых перстней-печатей из Мингечаура.

Сакесины (сакасенцы) — это, вероятно, то же, что ортокорибантии Геродота; они издавна входили в состав сатрапии Мидии, однако, по всей вероятности, как окраинные жители, нередко и отпадали от нее, тем более, что сообщение между Сакасеной и собственно Мидией было затруднено лежавшими на пути лесистыми горами Кара-дага, где, повидимому, обитало непокоренное горное племя кадусиев.

Кадусии, жившие еще первобытнообщинным строем, вероятно, бывшие охотниками-скотоводами[1] и, возможно, садоводами[2] и управлявшиеся двумя племенными вождями,[3] как мы помним, не были покорены Мидийским царством и подчинились впервые Киру (может быть, когда он еще был полководцем Астиага). Список сатрапий Геродота не упоминает кадусиев, но они, очевидно, входили в XI сатрапию; быть может, названные здесь павсики, пантиматы и дарейты[4] были отдельными племенами кадусиев и других «анариаков», населявших территорию Прикаспия между землей утиев и албанов на севере и гирканиев — на востоке.[5]

---

[1] Если кадусии были частью каспиев, — что вероятно, — то и к ним относится указание Валерия Флакка (VI, 107) о существовании у каспиев культа собаки, разделявшегося ими с их соседями гирканцами (A e l i a n., De Anim., VII, 38) и, может быть, также албанами (S t r a b o, XI, 6, 7). Такой культ мог естественно возникнуть лишь у охотников и скотоводов.

[2] Там же, XXIV.

[3] P l u t. Artax., XXIV.

[4] Земля дарейтов (hē Dareitis khōra) составляла, по Птолемею (VI, 2, 6), особую и пространную часть Мидии (ср. туманные сведения у Плиния: Nat. Hist., VI, 95).

[5] Страбон (XI, 8, 8; ср.: P l i n. Nat. Hist., VI, 15), основываясь на Эратосфене, перечисляет с востока на запад по побережью Каспийского моря гирканиев, амардов (у устья реки Сефид-руд — Кызыл-узен), анариаков (т. е. не-ариев), кадусиев, алба-

Однако не случайно ни одна из официальных надписей персидских царей не включает землю кадусиев и каспиев в число покорных им областей: эти племена, видимо, рано отложились от Персидской державы. Во времена пребывания Ктесия при персидском дворе состоялся малоудачный поход Артаксеркса II против кадусиев;[1] именно этим объясняется, вероятно, почему этому в общем небольшому племени Ктесий уделяет столь явно преувеличенное внимание в своей истории. По сообщению Трога Помпея,[2] поход на кадусиев был возобновлен при Артаксерксе III Охе (358—338 гг. до н. э.), причем в единоборстве с кадусийским богатырем отличился Кодоманн, будущий Дарий III. Однако полного подчинения кадусиев Персидской державе и этот поход не принес; вот почему в битве при Гаугамеле мы встречаем кадусиев не подданными и даже не союзниками персидского царя, а лишь «союзниками» мидян и их сатрапа Атропата.

В этом нет ничего удивительного. Уже в V в. до н. э., а тем более в IV в., отдельные сатрапы были весьма независимы, в устах подданных иной раз назывались «царями»[3] и вели войны на свой риск и страх.[4] Атропату тем легче было заняться подчинением кадусиев, албанов и сакесинов, что восточное Закавказье издревле считалось, вероятно, достоянием Мидии.[5] Он разумно не пытался прямо присоединить землю этих племен, а добился лишь их признания себя «союзниками» мидян; вероятно, ему удалось опереться на какие-то слои внутри общества самих этих закавказских племен.

Если полагать, что между 328—324 гг. Атропат мог вести войну еще дальше на севере — с савроматами, то это означает, что контроль его над

нов, каспиев и утиев. По Плинию (VI, 18 сл), «каспиями» (в широком смысле) назывались, видимо, все племена южного Прикаспия; с востока к ним примыкали: область Парфии Апавортена и населявшие Гирканию племена тапиров, анариаков, ставров и гирканов (ср. известие о том, что Фрадат, сатрап Гиркании при Дарии III, командовал тапирами и каспиями: Curt., IV, 12; VI, 4). Анариаки фигурируют в обоих списках по недоразумению: это не название определенного племени, а общее обозначение племен, не говоривших на иранских языках. Что касается каспиев, то хотя еще средневековый армянский историк Фавст Бузанд знает их в Пайтакаране (нижнем Карабахе), но уже Страбон (XI, 5, 8) пишет, что в его время реального племени каспиев не было: повидимому, это было общим обозначением неиндоевропейских племен всей прикаспийской полосы, куда могли входить и кадусии, а вероятно, и албаны. О парсиях в стране каспиев см. также выше, стр. 69.

[1] В 404 г., см. Xen. Hell., II, 1, 13; Плутарх, видимо, ошибочно относит его к более позднему времени (после войны с Киром Младшим).

[2] Just., X, 3.

[3] См.: A. Gutschmid. Geschichte Irans. Tübingen, 1888, стр. 6, прим. 2.

[4] Так, например, Кир Младший, сатрап Малой Азии, готовясь к походу против своего брата, царя Артаксеркса II, объяснял свои военные приготовления намерением воевать то против племени писидийцев, то против соседнего сатрапа, Тиссаферна (Xen. Anab., I, 2, 1—4), чем царь нисколько не был смущен. Тот же Кир произвольно присоединил к своей сатрапии ионийские города, относившиеся к сатрапии Тиссаферна (Xen. Anab., I, 1, 6—8).

[5] См. выше, стр. 339, и др.

восточным Закавказьем продолжал быть достаточно прочным. Это, очевидно, и сослужило ему службу в дальнейшем.

Рис. 87. Воин в мидийской одежде (ахеменидский царь?) поражает греческого воина. По оттиску цилиндрической печати V—IV вв. до н. э.

Атропат не участвовал в совещании сатрапов и полководцев, состоявшемся в Вавилоне в 323 г., после смерти Александра. На этом совещании

Рис. 88. Легковооруженный мидянин в битве с греком. По оттиску цилиндрической печати V (?) в. до н. э.

сатрапия Мидия была отдана македонянину Питону, которому Пердикка, ныне ставший регентом государства, поручил при этом подавление восстания греческих колонистов в восточном Иране и Средней Азии. Богатая и

имевшая большое стратегическое значение Мидийская сатрапия, повидимому, мыслилась как вознаграждение за выполнение Питоном этого важного поручения; кроме того, вероятно, что Питон и раньше, после казни Клеандра и других, осуществлял военную оккупацию Нижней Мидии. Действительно, удержать в своих руках Мидию было для македонян очень важно, ибо утерять ее — значило бы потерять всякую связь с восточными сатрапиями. Характерно, что никто из сатрапов восточных областей не был в это время смещен со своей должности: очевидно, не хотели осложнять и без того сложное положение на востоке государства.

Предполагалось ли сделать исключение и изгнать Атропата из Мидии? Это кажется маловероятным. Он был тестем Пердикки и одним из могущественнейших правителей того времени (характерно, что только он, и еще Оксиарт, тесть Александра, оставались к 323 г. сатрапами из числа негреко-македонцев). Западная Мидия осталась фактически за ним. Наиболее вероятно, что Питон получил в Вавилоне не всю Мидию, а только так называемую Большую (или Нижнюю) Мидию, и что этой частью Мидии Атропат и раньше фактически не правил. В самом деле: в течение 328—325 гг., когда Александр отсутствовал на востоке, в Экбатане безраздельно господствовал казначей Гарпал (впоследствии похитивший казну и бежавший в Грецию) и довольно многочисленное македонское войско,[1] учинявшее величайшие бесчинства. По возвращении из Индии Александр беспощадно снимал и казнил сатрапов, проявивших своеволие и своекорыстие; если бы Атропат в какой-либо мере был ответственен за то, что происходило в Мидии, Александр не преминул бы принять против него меры; раз он этого не сделал, значит фактическая власть в Экбатане не принадлежала Атропату. В Нижней Мидии полностью господствовали македонские военные отряды; здесь были созданы Александром греко-македонские города — военные колонии для защиты коммуникаций от «варваров».[2] Проходившая здесь важная стратегическая линия, вне сомнения, удерживалась не столько Атропатом, сколько македонскими военачальниками. И повидимому, как позже Атропат ни разу не вмешался в бурные события, развернувшиеся в Нижней Мидии, где происходили длительные и бесплодные войны между войсками Питона, Антигона, Эвмена, Никанора, Селевка и т. д., так и ранее он предоставлял Нижнюю Мидию самой себе и македонянам. В дни Александра он изображал собой верного сатрапа, но не вмешивался в действия македонян; после его смерти его невмешательство в войны за раздел наследства Александра было равносильно объявлению независимости.

После гибели Пердикки полководцы Александра в 321 г. произвели в Трипарадейсе новый раздел сатрапий; Малая Мидия — сатрапия Атропата — в раздел не поступила. К этому времени ее можно считать не-

[1] Arr., Anab., III, 19, 5—7.
[2] Polyb., X, 27, 3.

зависимым государством. Первой из стран Востока Западная Мидия добилась независимости и от персидских, и от греко-македонских завоевателей.

Что же позволило Атропату в самом начале бурного периода войн диадохов и эпигонов добиться создания нового, вполне независимого Мидийского государства? Нет сомнения, что Атропат был талантливым и выдающимся человеком. Но никакие его личные таланты не помогли бы созданию независимой Мидии, если бы оно не было делом закономерностей исторического развития, выдвинувших в действие определенные социальные силы внутри народов и племен Мидии.

Мы уже не раз подчеркивали, что северо-западная (так называемая Малая) Мидия и Нижняя, или Большая Мидия имели между собой очень мало общего в экономическом и даже в чисто географическом отношении. Экономика Малой Мидии с ее довольно высоко развитым сельским хозяйством и ремеслом была самодостаточной; общество Малой Мидии имело свою собственную экономическую базу, и в то время, в условиях господства преимущественно натурального хозяйства, не нуждалась в объединении с каким-либо другим районом. Если такое объединение, — а именно с Нижней Мидией, — существовало раньше, то тому были особые причины, в том числе общая борьба против Ассирии, затем общие выгоды, которые имелись в принадлежности к господствующей Мидийской державе; впоследствии таких выгод уже не существовало, и выход Малой Мидии из охватывавшей и ее «мировой державы» Ахеменидов зависел теперь уже лишь от благоприятных обстоятельств.

В отличие, например, от Вавилона, Малая Мидия почти не нуждалась в завозе ремесленного сырья и уже поэтому для нее не требовалось какого-либо объединения с районами источников этого сырья; в отличие, например, от Нижней Мидии, Малая Мидия не лежала на основном торговом и стратегическом пути между важнейшими областями Передней и Средней Азии и поэтому могла избегнуть объединения с другими областями.

Помимо этого, наличие в ее составе племен с первобытно-общинным строем, которые Атропат сумел поставить себе на службу, создавало в Малой Мидии значительные военные силы с более высоким боевым духом (хотя и не со столь высокой техникой), чем могли обладать войска Персидской державы или даже войска диадохов — преемников Александра: те состояли либо из подневольных ополченцев, либо из корыстных наемников, которым ничего не было нужно в войне, кроме добычи и наживы. Дарий III, когда почти все его войска были уничтожены или покинули его, возлагал последнюю надежду на кадусиев; правда, кадусии не поддержали разваливавшуюся ахеменидскую деспотию, но расчет на кадусиев как на сильное войско, на которое можно положиться, характерен. Мы полагаем, что опора на кадусиев и другие племена северного Азербайджана и составляла силу Атропата — то, что позволило ему пережить всех других сатрапов, сохраняя свою власть при диадохах и при Александре

(несмотря на назначение в Мидию сатрапами то Оксодата, то какого-то Арсака, то Питона и так далее) как он сохранял ее при Дарии III и, вероятно, еще при Артаксерксе III. Не будь этих северноазербайджанских племен, служивших Атропату в его походах и потому заинтересованных в его победах, он оказался бы, как оказались все другие сатрапы Дария III, безоружным и слабым перед лицом греко-македонского воинства, включившего в себя постепенно и все местные контингенты; и вряд ли ему удалось бы не только создать независимое государство, но и уберечь собственную голову в эти бурные времена.

Новое государство, официально называвшееся Мидией, по праву получило народное наименование Мидии Атропатены или Атурпатакана.[1] Население его было этнически весьма пестрым. Мы не знаем, в какой мере за два-три столетия иранского владычества в нем возобладал иранский языковый элемент. Без всякого сомнения, он был весьма сильным.

Но несомненно, что в IV в. до н. э. кадусии, матиены, а вероятно, и другие потомки маннеев, луллубеев и тому подобных «каспийских» племен как не входивших, так, быть может, и входивших в прошлом в Мидийский племенной союз, сохраняли свои особенности в общей массе людей, называвших себя «мидянами». Иранский язык религии и магов (игравших в новом государстве, видимо, ведущую роль), отражаясь в дошедших до нас именах собственных и т. п., скрывает от нас существовавшую, вероятно, еще и в то время языковую пестроту Мидии. Но новое государство имело теперь экономическое и политическое единство, и почва для создания в будущем атропатенской народности была тем самым создана.

Это новое государство продолжало политическую и культурную традицию дейокидской Мидии и предшествующих ей государств; оно положило основу для развития древней государственности в Азербайджане; но анализ его социального и государственного строя и его судеб выходит за пределы задач настоящей книги.

[1] Такова древнейшая реконструируемая форма этого названия; ср. стр. 262, прим. 2 и стр. 443, и там же по поводу теории, производящей название Атропатены от «Андарпаттиану» ассирийского времени. Большинство более поздних источников называет государство просто «Мидией», что и было, повидимому, его официальным наименованием.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

В указатель не вошли имена большинства мифических и литературных персонажей, а также имена, приведенные в тексте в виде списков на стр. 26, 27, 31, 107, 119, 167, 214, 221, 222.

Кроме того, в указатель не включены имена собственные, которые в тексте даны в латинской транскрипции, а также входящие в состав библиографических ссылок.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В указатель не вошли термины общего характера, как «Азия», «Восток», «Древний Восток», а также слова «Мидия» и «мидяне» и прилагательные от географических терминов.

Кроме того, в указатель не включены названия, приведенные в тексте в виде списков и таблиц на стр. 54, 60, 167, 214, 219, 221, 222, 274, 344—346 и 347.

Названия, данные только в латинской транскрипции, в указатель не включены.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Карты

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИУ — И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. Вестник древней истории, 1951, № 2 (тексты №№ 1—50), № 3 (тексты № 51 и сл.), № 4 (указатель).

ВДИ — Вестник древней истории.

ВНШП — В. К. Шилейко. Вотивные надписи шумерийских правителей. Пгр., 1916.

ДАН Аз. ССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЗВО — Записки Восточного отделения Российского Археологического общества.

Изв. АН Аз. ССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР.

ИАН, ОИФ — Известия Академии Наук СССР, отделение истории и философии.

Изв. АН Арм. ССР — Известия Академии наук Армянской ССР.

Изв. АН БССР — Известия Академии наук Белорусской ССР.

Изв. Средазкомстариса — Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.

Г. А. Меликишвили, УКН — Г. А Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. Вестник древней истории, 1953, № 1; 1954, № 1.

РЗОА — И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.

СВ — Советское востоковедение.

СМОМПК — Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.

ТОВЭ — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа.

УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского Государственного университета.

УКН — См. Г. А. Меликишвили, УКН.

ЭВ — Эпиграфика Востока.

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

ADD — C. H. W. Johns. Assyrian Deeds and Documents. Cambridge, 1898—1922.

AfO — Archiv für Orientforschung.

AIrWB — Chr. Bartholomae. Alt-Iranisches Wörterbuch, Strassburg, 1902.

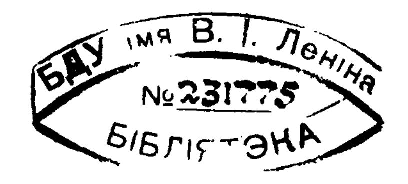
AJSL — American Journal of Semitic Languages.

AKA — E. A. W. Budge and L. W. King. Annals of the Kings of Assyria, v. I, London, 1902.

AL_5	— F. Delitzch. Assyrische Lesestücke. 5. Ausg., Leipzig, 1913.
AMI	— E. Herzfeld. Archaelogische Mitteilungen aus Iran. Berlin, 1929 и сл.
Der A. O. —	— Der Alte Orient. Leipzig.
AOF	— H. Winckler. Altorientalische Forschungen, I—III. Leipzig, 1893—1906.
ARAB	— D. D. Luckenbill. Ancient Records of Assyria and Babylonia, Chicago, 1926—1927.
Ar. Or.	— Archiv Orientální.
ARU	— J. Kohler und A. Ungnad. Assyrische Rechtsurkunden. Leipzig, 1913.
Assurbanipal	— M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige, I—III. Leipzig, 1916.
BASOR	— Bulletin of the American Schools of Oriental Research.
BASPR	— Bulletin of the American School of Prehistoric Research.
BE	— Babylonian Expedition of the Museum of the University of Pennsylvania.
Beh.	Бехистунская надпись Дария I.
BoTU	— Boghazköi-Texte in Umschrift.
BSOAS	— Bulletin of the Schools of Oriental and African Studies.
CAH	— Cambridge Ancient History. Cambridge, 1924 и сл.
CRAI	— Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres.
8 CS	— F. Thureau-Dangin. La relation de l'huitième campagne de Sargon II. Paris, 1912.
CT	— Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum.
Dar. NRa Dar. NRb Dar. NRc	— Накши-рустемская надпись «a», «b», «c» Дария I.
Das Pers. c Dar. Pers. f Dar. Pers. e Dar. Pers. g	— Персепольская надпись «c», «e», «f», «g» Дария I.
Dar. Sus. f	— Сузская надпись «f» Дария I.
FGH	— F. Jacoby. Fragmente Griechischer Historiker.
FHG	— Fragmenta historicorum graecarum. 1848—1884.
HABL	— R. E. Harper. Assyrian and Babylonian Letters. London, 1892 = L. Waterman. Royal Correspondence of the Assyrian Empire. Ann Arbor, 1930.
JAOS	— Journal of the American Oriental Society.
JCS	— Journal of Cuneiform Studies.
JNES	— Journal of Near Eastern Studies.
KAH, I	— L. Messerschmidt. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. I. Leipzig, 1911.
KAH, II	— O. Schroeder. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. II. Leipzig, 1921.
KB	— Keilinschriftliche Bibliothek, herausgegeben von E. Schrader.
Kl.	— E. Klauber. Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit. Leipzig, 1913.

Kn.	— J. A. Knudtzon. Die Gebete an den Sonnengott für Staat und königliches Haus aus der Zeit Asarhaddons und Assurbanipals. Leipzig, 1893.
KS	— H. Winckler. Die Keilschrifttexte Sargons II. Leipzig, 1889.
KTP	— P. Rost. Die Keilschrifttexte Tiglatpilesers III. Leipzig, 1893.
KUB	— Keilschrifturkunden aus Boghazköi.
Kuhn's Z. f. vgl. Spr.	— Zeitschrift für vergleichende Sprachenkunde, gegründet von Kuhn.
LAAA	— Annals of Archaeology and Anthropology, Liverpool.
Layard, Inscriptions	— A. H. Layard. Inscriptions in the Cuneiform Characters from Assyrian Monuments. London, 1851.
Mém., Dél. en Perse	— Mémoires, Délégation en Perse. Paris, 1900—1929.
MO	— Le Monde Oriental.
MVAG	— Mitteilungen der Vorderasiatischen (und Ägyptischen) Gesellschaft.
NBKI	— S. Langdon. Neubabylonische Königsinschriften. Vorderasiatische Bibliothek, 4, Leipzig, 1912.
N. F.	— Neue Folge.
N. S.	— Nouvelle Série.
OBI	— H. V. Hilprecht. Old Babylonian Inscriptions chiefly from Nippur. Philadelphia, 1893—1896.
OECT	— Oxford Editions of Cuneiform Texts.
OLZ	— Orientalistische Literaturzeitung.
Pauly—Wissowa	— Reallexikon der klassischen Wissenschaft, herausg. von Pauly—Wissowa—Kroll.
PSBA	— Proceedings of the Society of Biblical Archaeology.
I R, II R, V R	— Cuneiform Inscriptions of Western Asia, ed. by H. Rawlinson, vv. I, II, V. London, 1861, 1866, 1884.
RA	— Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale.
RLA	— Reallexikon der Assyriologie, herausg. von E. Ebeling und B. Meissner. Berlin—Leipzig, 1932—1938.
Sammlung	— H. Winckler. Sammlung von Keilschrifttexten.
SBAW	— Sitzungsberichte der Bayrischen Akademie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse.
SPA	— A Survey of Persian Art. London—New York, 1938—1939.
SAKI	— F. Thureau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Vorderasiatische Bibliothek, 1. Leipzig, 1907.
SKL	— Th. Jacobsen. The Sumerian King List. Chicago, 1939.
Streck, ZA, XV	— M. Streck. Die heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien. Zeitschrift für Assyriologie, XV.
VB	— Vorderasiatische Bibliothek.
WVDOG	— Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft.
Xerx. Pers. c	— Персепольская надпись «с» Ксеркса.
ZA	— Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete.
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утверждено к печати
Институтом истории и философии
Академии Наук Азербайджанской ССР

*

Редактор Издательства *Г. И. Зикеев*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Э. А. Кацман*
и *Н. И. Тарноградская*

*

РИСО АН СССР № 1-120 В. М. 43227.
Подписано к печати 17/XI 1956 г.
Бумага 70×108 1/16. Бум. л. 15 1/4. Печ.
л. 41.78. Уч.-изд. л. 37.59+2 вкл.
(0.27 уч.-изд. л.). Тираж 3000.
Зак. № 566. Цена 24 р. 70 к.

1-я тип. Изд-ва АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, дом 12

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
16	17 сверху	в' Малой Азии.	в Малой Азии.[3]
16	После последней строки		[3] О творчестве Геродота см.: С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947.
18	16 снизу	лидийского	мидийского
47	Подпись к рисунку	— письмом, на котором	— письмом, которым
90	19 снизу	ее	верховья Керхи
127	16 „	титута	титула
147	22 сверху	персов,	персов,[6]
164	5—6 „	Шулусуну,	с Шулусуну,
177	18 снизу	Набунаид (555—518 гг.	Набуна'ид (Набонид, 556—538 гг.
181	2 „	*ĝardapati- — «начальник ĝarda-»,	*gr̥̥dapati- — «начальник *gr̥da-»,
184	11 „	BR-BYT"	BR-BYT'
198	5 „	Afo,	AfO,
208	5 „	не иранские.	не иранские. Имя Тальтá, возможно, хурритское, см. RA, XXIII, 11,2 и др.
213	2 „	716 г.	715 г.
222	3 „	вначале	в начале
230	1 „	pontĭ);	po^{n}tĭ) ;
268	21 „	подкопом (осадными орудиями),	подкопом, будь то (осадными орудиями),
297	18 „	Гургана,	Гургена,
299	6 „	Синшаринкуна	Синшарришкуна
302	1 „	ВДИ, 1952, № 2,	ВДИ, 1951, № 2,
306	7—8 „	B. Koldewey.	R. Koldewey.
307	1 „	Киаксар.	Киаксар. Однако Уайзман здесь читает иначе.
333	3 „	а Кёниг — как	а Кёниг viϑ — как
358	20 „	Акеса	Ака
361	2 „	HŠTRP.	ḤŠTRP.
376	22 сверху	Раи	Раги
377	1 и 12 сверху	Рагах	Раге

(См. на обороте)

ДОПОЛНЕНИЯ

В 1956 г. опубликованы новые отрывки вавилонских хроник за 626—623, 608—595 и 556 гг. до н. э. (D. J. Wiseman. Chronicles of Chaldaean Kings. London, 1956). Они позволяют уточнить ход событий этого времени. Приводим важнейшие уточнения.

К стр. 299. Синшарришкун начал править, повидимому, с 629 г. Против него восстал Кандалану, умерший в 627 г. Восстание затем возглавил Набопаласар, принявший царское звание лишь осенью 626 г. Набопаласару удалось овладеть всей Вавилонией в 622 г. или несколько позже. Элам был, повидимому, в союзе с ним. Синшумлишир восстал против Синшарришкуна, возможно, лишь в 626—622 гг.

К стр. 316. В 608 г. вавилоняне совершили набег на урартский округ Бит-Хануния. С 607 г. военными действиями руководил Навуходоносор, разбивший египтян в 605 г. под Каркемишем и под Хаматом. Мидяне в это время в хронике больше не упоминаются. Набопаласар умер в августе 605 г.

К стр. 356. В 596–595 гг. произошла война Навуходоносора II с независимым царем Элама (?); возможно, Вавилония не овладела Сузами. Предположение о войне Нериглиссара с Мидией не подтверждается, зато имеется описание его похода на Киликию до границ Лидии (557–556 гг.). Ср. стр. 420, прим. 2.

И. М. Дьяконов. История Мидии.